

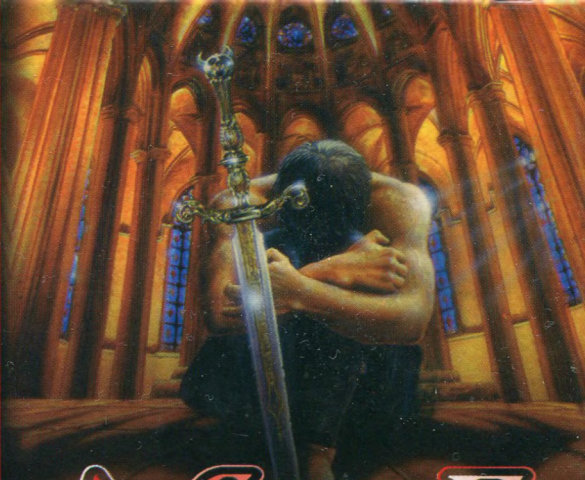
Кольцо тритонов
Стрелы Геркулеса
Отвергнутая принцесса

А. СПЕДГ
DE
КЯМН

Кольцо тритонов
Стрелы Геркулеса
Отвергнутая принцесса

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

А. СПЕДГ
DE
КЯМН

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

L. SPRAGUE
de **CAMP**

The Tritonian Ring

The Arrows of Hercules

The Undesired Princess

Л. СПРЭГ

де КАМПИ

Кольцо тритонов

Стрелы Геркулеса

Отвергнутая принцесса

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

С74

Серия основана в 1999 году

L. Sprague de Camp
THE TRITONIAN RING
1953
THE ARROWS OF HERCULES
1965
THE UNDESIREД PRINCESS
1951

Перевод с английского
Г Корчагина («Кольцо тритонов»),
Е. Выгодской («Стрелы Геркулеса»),
З. Павловой («Отвергнутая принцесса»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинин

Подписано в печать 23.03.04 г. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 34,44. Тираж 3000 экз. Заказ № 894.

Спрэг де Камп Л.

С74 Кольцо тритонов. Стрелы Геркулеса. Отвергнутая принцесса:
Сб.: Пер. с англ. / Л. Спрэг де Камп. — М.: ООО «Издательство АСТ»:
ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 653, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-019198-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-0708-2 (ЗАО НПП «Ермак»)

Роджер Желязны, Роберт Силверберг, Клиффорд Саймак... мастера классической англоязычной фантастики вообще отличались умением «играть» жанрами и создавать из них поистине «гремучие» смеси.

Однако многогранность таланта Л. Спрэга де Кампа, «выпущенного» в большую литературу Д. Кэмпбеллом и ставшего популярным уже в конце 1940-х, потрясает даже в контексте подобных сопоставлений. Традиционная научная фантастика и альтернативная история, путешествия во времени и продолжения «конан-варварского» цикла, фэнтези, иронические фэнтези и произведения, в которых традиции научной фантастики и фэнтези переплетены причудливо и тесно, — литературному дару Спрэга де Кампа, в 1978 году удостоенного звания Великого мастера, подвластно было ВСЕ...

В эту книгу вошли: «Кольцо тритонов», «Стрелы Геркулеса», «Отвергнутая принцесса» и рассказы.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Статья. А. Лидин, 2004
© Перевод. Г. Корчагин, 2004
© Перевод. Е. Выгодская, 2004
© Перевод. З. Павлова, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Кольцо тритонов

Глава 1

БОЖЕСТВО КОРОЛЕВСТВА ГОРГОНИЯ

Когда боги Запада собрались в зале заседаний, Дракс — тритонский бог войны, прошипел по-змеиному:

— Если мы не вмещаемся в ход событий, в следующем веке нам несдобровать.

Боги задрожали, и эта дрожь передалась Вселенной. А потом заклокотал горлом Энтигта, морской бог Горгонии, королевства столь древнего, что окуталось покровом легенд еще в те времена, когда Имхотеп строил первую пирамиду для царя Цосера. Из рта, что прятался в бахроме щупалец, донеслись слова:

— А ты нам не скажешь, в чем истинная суть этой угрозы?

— Нет,— ответил Дракс.— Моя наука указывает лишь на то, что угроза исходит с континента Посейдонис, из королевства Лорск. Она как-то связана с одним из членов правящей семьи. Подозреваю, что здесь замешан и мой народ, но с уверенностью сказать не могу. С тех пор как это проклятое кольцо попало к царю Ксименону, он для меня недоступен.

Энтигта повернулся к Окме, богу мудрости Посейдониса, или Пусادا, как его называли в древности.

— А это, коллега, уже по твоей части. Кто правит сейчас Лорском?

— Царь Забутир, его сыновья, Курос и Вакар, и их маленькие дети. Я подозреваю принца Вакара, но он находится на столь низкой ступени развития, что я не могу говорить непосредственно с ним.

Энтигта свернул щупальца.

— Если мы не способны разговаривать с этим смертным, как же заставим его свернуть с выбранного пути?

— Надо помолиться нашим богам, чтобы подсказали способ,— произнесло маленькое существо с ушами летучей мыши — бог коранийцев. Эта фраза вызвала смешки и скептические ухмылки.

— Есть еще один способ,— прошипел Дракс.— Натравить на него других смертных.

— Я возражаю,— объявил Окма.— При всех своих недостатках Вакар, принц Лорска — мой преданный почитатель, он сжег на моих алтарях много жирных волов. Кроме того, нельзя исключать, что этот порядок вещей — не что иное, как неизбежный рок, а его не под силу изменить даже богам.

— Лично я никогда не подпишусь под этой рабской философией.— Дракс высунул из пасти гибкий раздвоенный язык и повернул к Энтигте клиновидную голову.— Коллега, тебе достались самые воинственные приверженцы. Прикажи им уничтожить семью правителей Лорска, да и весь Лорск, если понадобится.

— Погоди! — встревожился Окма.— Остальные боги Посейдониса... — Он огляделся и заметил Тандилу, закрывшего все три глаза, и Лира, почесывающего свои «очки». — Необходимо посоветоваться, прежде чем обрушивать эту гибельную силу на наших...

Остальные боги, по крайней мере те, что были родом не из Посейдониса, завопили, вынуждая Окму замолчать. Последнее слово досталось Драксу:

— Кальмароголовый, не отнимай у нас время, ибо гроза близка.

* * *

В Седерадо, столице Огуджии, что в Гесперидах, королева Порфия не пожелала покинуть своих покоев. Блеск смарагдов в прическе подчеркивал ночную мглу ее волос, а глаза были зеленее изумрудов. В этот час она держала совет со своим министром Гаралем. Невысокий, плотный и лысый, он, казалось, излучал добродушие и уверенность в себе. Но это впечатление было обманчивым.

Гараль развернул папирусный свиток и сказал:

— Так-так, государыня. Твой отказ выйти замуж за короля Зиска не подлежал обсуждению. Зачем же уделять внимание таким пустякам, как его нынешние три супруги и четырнадцать наложниц?..

— Пустякам! — воскликнула королева Порфия, выглядевшая для вдовы слишком молодо.— Пока Ванчо не стал богом... по

крайней мере, пока этот толстый неряха позорил наш двор, он принадлежал мне. Я не желаю выйти замуж за одну семнадцатую мужчины, будь он хоть царем всех царей.

— За одну восемнадцатую,— поправил Гараль.— Но...

— И к тому же кто возьмется править Огуджией, пока я буду томиться в Амфере, в золотой клетке?

— Но, государыня, разве бы ты не могла проводить большую часть времени здесь, в приятном обществе молодого Тьегоса?

— В самом деле? И сколько времени королю Шво понадобится, чтобы узнать об этом и зарезать нас обоих? Более того, вопреки всем его клятвенным обещаниям уважать нашу независимость скоро он пришлет какого-нибудь хваткого зиского наместника, и тот выжмет нас как лимон.

Гараль слегка вздрогнул, но затем спокойно произнес:

— Рано или поздно тебе придется выйти замуж. Даже самые верные твои сторонники ропщут, ведь во главе государства стоит женщина. Они согласны даже на Тьегоса...

— Я не вижу причин для недовольства. Остров процветает, а Тьегос... хоть он и неплохой любовник, король из него никогда не получится.

— С этим я согласен. Но поскольку тебе все равно необходим консорт, лучшую кандидатуру, чем Шво, король Зиска, вряд ли удастся найти. Или у тебя есть виды на другого мужчину?..

— Нет. Разве что...

— Кто? — Гараль подался вперед, его глаза заблестели от любопытства.

— Да так, просто нелепая идея. Когда еще девчонкой, лет десять назад, я отправилась в Амфере, на свадьбу дочери Шво, мне приглянулся молодой принц, Вакар из Лорска. Не скажу, что он писанный красавец или могучий атлет, но что-то в нем было... Непочтительное остроумие, полет воображения, недюжинная проницательность. Все это выгодно отличало его от большинства туповатых соотечественников. Конечно, я нисколько не сомневаюсь, что с тех пор у него были десятки женщин и он забыл неуклюжую Порфию... Ну а теперь, что касается подъема воды в бухте...

Целууд, король островов Горгоны, предавался послеобеденному сну на кушетке с ножками из слоновой кости. Живот его равномерно вздымался, а шелковый носовой платок, прикрывавший лицо, подпрыгивал всякий раз, когда королевское горло исторгало могучий храп.

Чернокожий карлик, много лет назад похищенный с Тартара пиратами Целууда, на цыпочках вошел в покои. В руках он держал мухобойку из тростника и истрепанную пальмовую ветвь; в его обязанности входило оберегать покой короля от надоедливых насекомых.

Королю Целууду снилось, что он стоит перед черным базальтовым тронном Энтигты, кальмароглавого морского бога горгон. По темной окраске Энтигты король определил, что бог пребывает не в самом любезном расположении духа, а мелькание цветных узоров на пестрой шкуре Энтигты привело Целууда к выводу, что бог охвачен яростью, несвойственной высшим существам.

Энтигта наклонился вперед на саблевидном троне, оплел скользкими щупальцами резные подлокотники в форме морских драконов и пронзил короля Целууда холодным взглядом глаз. Его рот, очень похожий на клюв попугая, раскрылся, и зазвучал булькающий голос — с такими звуками лопаются пузыри газа в мрачных топях Черной Земли. Головой Энтигте служил бесформенный вырост; от него во все стороны отходило восемь щупалец.

— Король, ты повинешься мне? — пробубльнул Энтигта.

— Как всегда, мой бог.— Целууда затрясло, он был уверен, что Энтигта сейчас потребует невыполнимого.

— Ну так вот, с севера на нас надвигается беда, и тебе поручается ее предотвратить. Опасность угрожает не только Горгадам, но и всей расе богов.

— Что за беда, владыка?

— Мы не знаем, что конкретно она собой представляет. Могу лишь сказать, что она гнездится на Посейдонисе и источник ее — один из членов королевской семьи Лорска.

— Мой бог, но что я могу поделать? — спросил король — Лорск отсюда далеко, его столица в глубине материка, надежно защищена от лихих набегов моих корсаров.

Энтигта в раздражении изгибал щупальца.

— Есть два способа. Во-первых, можешь отправить моего жреца Квазигана, чтобы он занялся этими принцами. Он хорошо обучен, благоразумен, надежен, у него крепкие нервы и богатый опыт путешественника. Кроме того, ему служат две способные твари.

— А второй способ?

— Ты подготовишься к завоеванию Посейдониса.

Потрясенный, Целууд отступил на шаг.

— Боже! Горгады — всего-навсего три маленьких островка, а Посейдонис — огромная страна, людей там в пятьдесят раз боль-

ше, чем у нас, и вдобавок этот народ знаменит своими атлетами. Кроме того, бронза там в столь широком обиходе, что из нее делают даже наконечники для стрел. Клянусь семью преисподними, ты не вправе требовать от нас...

Шкура Энтигты зловеще почернела, и Целууд умолк.

— Неужели твоя вера столь слаба? — пробулкал бог-кальмар. — Скажи-ка, кто до сих пор помогал тебе безнаказанно грабить побережья Посейдониса и главного материка, кто дарил тебе суда богатых гесперийских купцов?

— Ну, коли так... Что я должен сделать?

— Захвати Лорск, и тогда остальные падут, ибо Лорск — сильнейшее из пусадских государств, среди коих нет единства, а есть лишь взаимная ненависть и подозрительность. У тебя самые могучие воины в мире, а если это и не так, то у моих жрецов самое смертоносное оружие — поработанные медузы. С твоим воинственным народом и металлами Лорска можно покорить мир. И ты это сделаешь! А я, — прошептал Энтигта, — стану морским богом не только Горгад...

— И все-таки... — с сомнением начал Целууд, но Энтигта перебил:

— Есть у Лорска одно уязвимое место. У короля Забутира два сына-близнеца, Вакар и Курос. Вакар на четверть часа моложе, но по праву младшего сына он наследует отцовский трон, ибо в Посейдонисе устаревшие законы. Курос смертельно ненавидит брата, поэтому может стать твоим слугой, если взамен ты пообещаешь ему трон, пусть даже соломенный. А как только захватишь власть, убей всех троих.

— Но как я договорюсь с этим Куросом? Он слишком далеко, послам до него не добраться, а бог Пусадского моря не позволит тебе обратиться к его приверженцу.

— Лира я беру на себя. На западном побережье Посейдониса, в заливе Корт, живет горгонский рыбак. Согласно договору между мной и Лиром, я имею право побывать в снах этого рыбака, как если бы он находился у себя на родине, в Горгонии. Следовательно, ты можешь обратиться к Куросу устами этого человека.

— Воистину, ты самый могущественный среди богов, но даже боги не ведают всего, иначе бы ты гораздо больше знал об угрозе, что нависла над тобой. Что, если нас постигнет неудача?

— Тогда рухнет владычество богов... либо Посейдонис погрузится в морскую пучину.

— Что?!

— Известно ли тебе, островитянин, что за последний век уровень моря у берегов континента поднялся на три фута? Мы способны ускорить этот процесс, и тогда через несколько веков над волнами не останется ничего, кроме высочайших горных вершин.— Бог смотрел в пустоту, словно не замечая короля.— Лик земной изменится на всей протяженности от болот Черной Земли до снегов Туле. Но с гибелью Посейдониса беды людские не закончатся. Лишившись меди из материковых копей, люди, возможно, забудут литейное и кузнечное ремесла и вернуться в каменный век. Но и это предпочтительнее для нас, чем иной роковой исход, ибо как вы выживете без божественных поводырей, бедные, немощные смертные? Ну а теперь вернись в мир бодрствующих и исполни мою волю.

Энтигта растворился в клубах ила. Король проснулся, сбросил носовой платок с потного смуглого лица, уселся на ложе с золотыми шишечками на спинках и закричал:

— Хашель! Ступай в храм Энтигты и вели жрецу Квазигану немедленно явиться ко мне.

Глава 2

ТОНУЩАЯ ЗЕМЛЯ

Пошло несколько месяцев.

Ранним весенним утром в тысяче трехстах милях к северу от Горгад, на континенте Посейдонис, в королевстве Лорск, в стольном граде Мнесете заседал Королевский совет. На улицах завывал холодный ветер, гонял тучи, то и дело пряча за ними изъязвленное лицо луны, гремел черепицей на крышах домов и врвался в окна. В замке короля Забутира колыхались гардины, дрожали огни факелов и ламп. Во дворе мерзли и жались друг к другу свиньи.

В очаге посреди зала совещаний королевского замка горел огонь. Отблески пламени играли на стенах, сложенных из огромных камней, и на грубо отесанных дубовых балках потолка. За столом сидели четверо. Они кутались в мантии, чтобы не просквозило, и внимательно слушали шпиона Сола, простоватого на вид молодого человека плотного телосложения, с бегающими глазами.

Взгляд его скользнул влево, к волшебнику Рину, чьи водянистые глаза тускло мерцали над грязной бородой. Обликом Рин напоминал выжившего из ума козла, да и горб его не красил. Рядом с ним восседал старший сын короля Курос, обладатель квадратной челю-

сти и широких плеч, и грыз продолговатый ломоть сыра. За ним, во главе стола, расположился сам король Забутир. Со своим ястребиным носом и длинной, волнистой седой бородой он казался воплощением мудрости и справедливости — прозвище «Нерешительный» явно не вязалось с его обликом. Его золотая корона отливала багрянцем в свете очага, и отблески неограниченных драгоценных камней, полированных чернокожими искусниками Таргара, носились наперегонки по стенам, стоило Забутиру шевельнуть головой. Большой косматый волкодав растянулся у его ног.

Слева от короля сидел его младший сын Вакар, брат Куроса, хоть и не очень похожий на брата. Пожалуй, он казался несколько фатоватым и легкомысленным, поскольку возраст и жизненный опыт еще не наложили отпечаток на его характер. Вакар нервно хрустел суставами пальцев, отчего драгоценности на его руках сверкали. Лицо его было узким, с резкими чертами; далеко вперед выдавался длинный заостренный нос, который был совершенно прям до тех пор, пока юноша не упал с коня. Вместо обычного пусадского килта он, точно варвар, носил клетчатые штаны и отдавал дань моде, брея, по дикарскому обычаю, все лицо, кроме верхней губы. Для лорска он выглядел низкорослым, всего лишь пять футов и десять дюймов, кожа казалась чересчур смуглой, а волосы — более густыми и черными, чем у большинства пусадцев. Глубоко посаженные темные глаза глядели из-под тяжелых надбровных дуг на Сола, пока тот говорил:

— Сам-то я не могу отправиться в Горгады, там в общественных трапезных проверяют всех взрослых мужчин и любой маскарад будет вмиг разоблачен. Поскольку эта страна живет разбоем, иностранные корабли приходят туда тоже отнюдь не с мирными целями. Однако в Керне, где я провел месяц, удалось разузнать, что горгоны готовятся к большому походу.

— Фи,— отозвался Курос.— Это завистливые соседи раздувают слухи о свирепости горгон. А если приглядеться, то намерения у них такие же мирные, как и у остальных.

Взгляд Вакара перескочил с дымящихся в очаге поленьев на прыщавое лицо шпиона. Младший принц сжал губы, выдавая тем самым внутреннее напряжение, а затем произнес:

— Разумеется, намерения у них столь же мирные, как у льва по отношению к ягненку. Лев желает только одного: чтобы ему позволили мирно сожрать агнца. Но скажи, любезный Сол, как эти слухи просочились в Керне, если у горгон нет дружеских связей с другими народами?

— Не стоит верить утверждениям горгон об их полной самоизоляции. Они тайно торгуют кое с кем из кернейских купцов, выменивают товары за изделия, которые никто из горгон не в силах сделать или украсть. Тех, кого кернейцы ловят за этим занятием, либо вешают, либо обезглавливают, однако торговля столь выгодна, что всегда находятся желающие попытаться счастья. Кернеец все семь преисподних пройдет ради выгоды.

Колдун Рин высунул нос из-под капюшона и произнес:

— Нет ли у тебя, любезный Сол, предположений о том, на какую страну нацелились горгоны?

Клуб дыма, подхваченный сквозняком, угодил прямо в лицо Солу, словно пытался удержать от ответа. Шпион закашлялся, протирая глаза, а потом сказал:

— Я пытался выяснить, но не узнал ничего определенного. Лишь туманный намек на Лорск.

— И все?

— Да, господин. Мне поведала об этом городская шлюха, а той, по ее словам, рассказал моряк, служивший у купца, который слышал краем уха... И так далее.

Курос проглотил остатки сыра, сдул крошки с пальцев и сказал:

— Ну что ж, Сол, ты свободен.

Вакару хотелось узнать побольше, но прежде, чем он успел возразить, Сол выскользнул из зала.

— Все это очень интересно, но давайте не будем ломать голову над «туманным намеком»...— объявил Курос.

— Ах вот как? — перебил Вакар.— При всем моем уважении к брату, я должен сказать, что он уподобляется герою притчи, который собирался провести ночь на рифе, полагая, что сумеет удержать прилив заклинанием. Иль позабыл?

К берегу мчались и мчались белые гребни;
Ярились, дыбились темные волны...

— Во имя Лира, не начинай заново! — воскликнул Курос.

Вакар метнул в брата острый, как дротик, взгляд и проговорил:

— Всему свету известно, что дыма без огня не бывает. Нельзя пренебрегать словами такого надежного шпиона, как господин Сол. Горгоны...

— У тебя одни горгоны на уме,— сказал Курос.— Ну, допустим, они вздумали захватить Лорск и снарядили войско. Но это войско, чтобы сразиться с нами, должно будет обогнуть Тартар и Дзен, потом плыть на запад через Геспериды, высадиться на

побережье Зиска и пешим ходом одолеть сушу. Нас десятки раз успеют предупредить, к тому же один лорск стоит трех горгон...

— Я как раз об этом и говорил, перед тем как ты прервал меня своей дурацкой болтовней,— отмахнулся Вакар.— Горгоны никогда не дерутся честно. Я читал...

— Как будто настоящий мужчина может что-то узнать из закорючек на папирусе! — перебил Курос.

— Уж не тому судить, кто не умеет читать...

— Мальчики! — вмешался король Забутир.— Мальчики! А ну-ка, прекратите грязную склоку! Продолжай, Вакар.

— Ты знаешь, как мы сражаемся: разрозненными отрядами под предводительством воевод или богатырей, за которыми следуют родичи, вассалы и друзья. Почти каждый бой начинается с того, что богатыри вызывают врага на поединок. Иногда на такие дуэли уходит целый день. Кроме того, наши воины вооружены чем попало: мечами, пиками, топорами, алебардами, бердышами, палицами и тому подобным.

— А как же еще драться? — спросил Курос.

— Горгоны одинаково экипируют всех воинов. Шлемы, щиты и оружие у них одного образца. Солдаты в бою наступают плотным строем, большими группами, независимо от ранга или родства. Они не теряют времени на вызовы поединщиков, а сразу атакуют по общему сигналу, и каждый воин знает свое место в строю. Такая армия пройдет через наше войско, как плуг по песку.

— Ерунда.— Курос скривился.— Настоящие воины ни за что не позволят стричь себя под одну гребенку.

Спор как обычно переходил на новый виток, причем роль Вакара заключалась в том, чтобы подвергать резкой критике любые доводы Куроса. Двое других участников совещания тем временем хранили молчание, Курос призвал на помощь короля.

— Отец, ведь ты со мной согласен?

Забутир Нерешительный улыбнулся краем рта.

— Не знаю... Не могу решить. А что думает господин Рин?

— Мой государь,— отозвался волшебник,— перед нами бездна домыслов. Давайте наведем прочный мост из фактов и лишь после этого попробуем преодолеть преграду. С вашего позволения, я приглашу на совет ведьму Гру.

— Эту старую лживую каргу? — проворчал Курос.— Давным-давно надо было ее повесить.

Рин начал приготовления: достал из сумы маленький бронзовый треножник с кадиллом, установил над гаснущим в очаге огнем.

От пламени к волшебнику потянулась струйка дыма, словно отгоняя его, но Рин что-то пробормотал, и дым исчез. При первых же звуках заклинания волкодав вскочил с тихим рычанием, поджал хвост и затрусил из зала, стуча когтями по каменным плитам.

Рин поворошил угли и подбросил дров, после чего огонь запылал с прежней силой. Начертив угольком кольцо вокруг очага, маг написал несколько незнакомых Вакару иероглифов, а затем обошел зал, гася масляные лампадки. Его сгорбленная тень напомнила Вакару семенящего паука. Принц не удержался от этого сравнения, хоть и глубоко уважал Рина, который был его наставником с самого детства. Вернувшись к очагу, колдун насыпал порошков в крошечный котелок, подвешенный к треножнику. От их едких запахов все закашлялись.

Маг опустил в кресло возле очага и заговорил на языке столь древнем, что даже образованный Вакар, знавший более тысячи пиктографических письмен, не понял ни слова. Произнося заклинания, волшебник непрестанно жестикулировал, его руки чертили в воздухе геометрические фигуры.

В зале как будто потемнело, но Вакар убедил себя, что это всего-навсего иллюзия. По-прежнему ветер шуршал гардинами — сквозняк чувствовался повсюду, только в кругу воздух казался абсолютно неподвижным. Дым, выющийся над кадилом, не рассеивался, а, напротив, сгущался. Его жгуты переплетались друг с другом и извивались наверху, подобно змеям. У Вакара перехватило дыхание, сердце стучало, как копыта несущегося галопом коня. Он бы и сам охотно занялся магией, если бы природа наделила его хоть крупицей чародейского таланта.

Дым все уплотнялся, постепенно приобретая очертания высокой дородной женщины. Одеждой ей служила волчья шкура, подхваченная шнурком на необъятной талии. Полуобернувшись к четырем мужчинам, женщина уселась, словно не замечая их, и принялась обглаживать кость, которую держала в руке. Вакар понял, что это не настоящая женщина, потому что в полутьме ее туловище было дымчато-серым, а сквозь толстые икры и большие ступни виднелся треножник и огонь под ним.

— Гра! — окликнул ее Рин.

Женщина оставила кость в покое и посмотрела на мужчин. Потом отшвырнула объедки, при этом ее левая рука на миг исчезла. Обтерев пальцы о волчью шкуру, Гра почесала под обнаженной грудью.

— Что угодно от меня властелинам Лорска? — Казалось, голос ее доносится издалека.

— До нас дошли вести об угрозе со стороны горгон,— ответил Рин.— Мы не можем прийти к единому решению. Посоветуй, как нам быть.

Ведьма уставилась себе под ноги и молчала так долго, что Курос заерзал, а Рин цыкнул на него. Наконец Гра вновь заговорила:

— Отправь принца Вакара на поиски вещи, которую больше всего боятся боги.

— И все?

— Все.

Рин снова забубнил на древнем языке, и вскоре фантом ведьмы превратился в обыкновенный дым. Сквозняк подхватил его и бросил в лица зрителям, те зачихали. Рин достал из очага головешку и вновь зажег лампы.

Слова Гры привели Вакара в смятение. Мыслимое ли дело — чтобы смертный искал вещь, о которой говорила ведьма? Ведь ее же боятся сами боги! С другой стороны, он еще ни разу не был на материке и давно мечтал попутешествовать. Конечно, Лорск — богатая и красивая страна, но истинные средоточия культуры и мудрости лежат все-таки на Востоке. Это Седерадо с его философами, Торрутсейш с его колдунами... и кто знает, какие еще древние города.

Курос произнес с кислой миной:

— Если мы настолько глупы, чтобы верить этой старой карге...

— Брат,— перебил Вакар,— ты всегда спешишь заступиться за горгон. Скажи, дело тут лишь в твоем недоверии или есть еще какая-то причина?

— Ты что имеешь в виду, брат?

— Ну, например... скромный презент короля Целууда.

Курос вскочил и схватился за кинжал.

— Ты назвал меня предателем! — прорычал он.— Я вырежу это слово на твоей печенке!

Волшебник бросился к Куросу и схватил его за руки, а Забутир положил ладонь на плечо Вакара, который тоже начал подниматься. Когда королю и магу удалось слегка успокоить Куроса, тот снова сел и проворчал:

— Этот женоподобный ублюдок только и умеет, что сеять крамолу и вражду в родном доме. Он меня ненавидит, потому что знает: однажды боги дали маху, иначе наследником был бы я, а не он. Эх, вот бы нам перенять разумный обычай народов материка, где трон всегда достается старшему сыну...

Прежде чем Вакар придумал достойный ответ, Рин проговорил:

— Господа, давайте оставим наши нынешние разногласия до тех пор, пока не миновала угроза вторжения. Что бы вы ни думали о Гре и Соле, я не вижу оснований подвергать сомнению их слова.

— Что ты имеешь в виду? — спросил король.

— Вчера ночью мне снилось, будто я стою перед богами Посейдониса — Лиром, Танდიлой, Окмой и остальными. Как обычно, я спросил у них совета насчет Лорска.

— И что они сказали? — поинтересовался Курос.

— Ничего. Но важнее всего то, как они себя при этом вели. Божества отводили глаза в сторону, точно стыдились своего молчания. И тут я вспомнил, где я видел точно такие же выражения лиц. Много десятилетий назад, когда я, еще будучи юным, изучал магию в великом Торрутсейше...

— О боги, опять заладил! — пробормотал Курос.

— Один из моих друзей, молодой огудж по имени Джоатио, пришел в сильное возбуждение во время боя быков и допустил нелестные замечания в адрес городского префекта. И хотя высказывания эти не содержали никаких угроз, на следующий день он исчез. Я справлялся о нем в штаб-квартире муниципальной гвардии, и brave солдаты точно так же прятали глаза. Впоследствии я увидел голову Джоатио на пике над главными воротами. Малоприятное зрелище для отрока с незаскоружлой душой... Ха-ха... И я заключил, что на богов надвигается беда, а это и нам не сулит ничего хорошего. Но существует какая-то причина, по которой боги не смеют нас предупредить. Если верить новости Сола, то можно ожидать вторжения горгон. Поэтому давайте отправим принца Вакара на поиски. Если он потерпит неудачу...

— А он непременно оплошает, — вставил Курос.

— Большой беды не будет. А в случае успеха он, возможно, спасет нас от неведомого рока.

— Но... разве можно противостоять богам? — удивился король Забутир.

— Только трус сдастся без боя в страхе перед неведомым, — ответил Вакар. — Если боги чего-то боятся — значит, они не всемогущие.

— Богохульник, — зло ухмыльнулся Курос. — Ну и когда же ты нас покинешь? Не возьму в толк, почему Гра выбрала для этих мистических поисков Вакара Зу, а не меня.

— Я отправляюсь завтра.

— Так скоро? И пропустишь игры весеннего равноденствия? Впрочем, невелика потеря, ведь ты еще не выиграл ни одного приза.

— Я готов на все,— сказал Вакар.— Лишь бы отдохнуть от твоей бравады и зазнайства.

Курос всегда кичился своим физическим превосходством. Он побеждал брата и в беге, и в прыжках, и в борьбе. К тому же он наградил Вакара прозвищем Зу, что означало не «дурак» или «тупица», а, скорее, «человек, лишенный сверхспособностей». Незавидное отличие Вакара состояло еще и в том, что у него полностью отсутствовали способности к таким колдовским наукам, как телепатия, предвидение, и он не умел общаться с духами. Даже боги не посещали его по ночам.

— Когда вернешься, небось набрешешь с три короба о своих приключениях и запросто сбросишь меня с пьедестала почета...— язвительно заметил Курос.— Ведь мои победы у всех на виду.

— Не называй меня брехуном, я тебе не собака! — с жаром накинулся на брата Вакар, но тут вмешался отец.

— Успокойтесь, мальчики,— как всегда рассеянно промолвил Забутир, а после обратился к Рину: — Ты уверен, что Гра имела в виду Вакара? Это похоже на дерзкий вызов богам — отправить наследника престола искать «то, не знаю что».

— Никаких сомнений, государь. Попрошайся с нами, принц, и наточи свой бронзовый меч нынче же ночью.

— И куда же мне идти? — спросил Вакар.— Ваша мудрая советчица очень уж уклончива насчет направления и предмета поисков, совсем как мой брат, когда его спрашивают, от него ли дети у его жен.

— Ах ты...— вскипел Курос, но Рин пресек его выпад.

— Я не знаю в Посейдонисе вещи, которая бы подходила под описание Гры. Советую двигаться в направлении Торрутсейша, где обитают величайшие чародеи мира.

— А ты знаком с кем-нибудь из этих волшебников? — спросил Вакар.

— Я не был там десятки лет, но помню, что больше всех славились Сарра, Ничок, Врайлия и Кертеван.

— Сколько людей мне взять с собою? Сотню воинов и, пожалуй, дюжину слуг?

В уголках рта старого Рина заиграла улыбка.

— Возьми одного или двух. Телохраниителя и, скажем, переводчика.

— У меня есть для него переводчик.— Курос хохотнул.— Его зовут Срет. Исключительно одаренный по части языков.

— Как? — вскричал Вакар с искренним изумлением. — Ни телохранителей, ни женщин! Клянусь третьим глазом Тандилы...

— Никого лишнего. Путь тебе предстоит неблизкий, двигаться надо быстро. В таких делах армия — не помощник.

— Но как же люди узнают о моем высоком положении?

— Никак, если ты сам не скажешь. А ты старайся не проболтаться. Всем ведомо, что за принцев дают неплохой выкуп.

Курос запрокинул голову и громко расхохотался, король же выглядел крайне обеспокоенным. Вакар переводил взгляд с одного на другого. Кулаки чесались, до того хотелось ему дать брату по зубам. Но он взял себя в руки и вежливо улыбнулся.

— Герой Врир из эпической баллады весь мир обошел в одиночку, а значит, это по силам и мне. Одеянием мне послужит рубище, кишашее паразитами. И не поминайте лихом!

— Я всегда в твое отсутствие думаю о тебе только хорошее, — заявил Курос. — Обещаю и впредь это делать, лишь бы ты не возвращался.

— Пора спать. — Король Забутир поднялся на ноги.

Присутствующие выразили почтение королю и разошлись. Вакар отправился в свои покои, где его ждала наложница Били. Он решил не рассказывать ей об отъезде, опасаясь, как бы она не устроила сцену. Кстати сказать, предстоящее расставание с Били не слишком огорчало принца, потому что она уже десять лет была его первой одалиской и успела изрядно наскучить, а также потому, что предыдущий муж дал ей прозвище Били, то есть «птичь мозги». Кроме того, в один прекрасный день Вакару придется выбрать себе одну или двух жен из дочерей самых богатых и влиятельных пусадских аристократов. В таком деле, как помолвка, существование наложницы лишь помеха.

— А ну, пшла! — он пнул козу, случайно забредшую в замок.

— Принц Вакар, — раздался тихий голос из темноты.

Вакар резко обернулся и хлопнул ладонью по бедру, где находилась рукоять меча, когда он бывал вооружен. К нему обратился шпион Сол.

— Что тебе? — спросил Вакар.

— Я... не мог об этом говорить на совете, но тебе должен рассказать.

— Что рассказать?

— Ты обещаешь мне защиту?

— Ничего с тобой не случится, даже если назовешь меня сыном свиньи и морского демона.

— Твой брат вступил в союз с Горгонами.

— Ты спятил?!

— Никоим образом. Есть доказательства, спроси... Урк! — Сол дернулся как громом пораженный, а затем полуобернулся, и Вакар увидел, что у него из спины что-то торчит. Сол прохрипел:

— Они... Он... Я умираю... Расскажи...

Сол медленно повалился на каменный пол. Вакар не успел и до десяти сосчитать, а шпион испустил дух у его ног.

Вакар нагнулся и вытащил кинжал из спины Сола. Беглый осмотр показал, что шпион мертв, а кинжал был брошен изда- лека. Острие вонзилось неглубоко, в мышцу над правой лопаткой. Подняв кинжал, Вакар бросился по коридору в ту сторону, откуда метнули клинок; его мокасины скрадывали звуки шагов. Он никого не увидел, все было тихо. В конце концов Вакар повернул назад, проклиная себя за то, что не погнался за убийцей в тот же самый миг, как упал Сол.

Он вернулся к жертве, в чьих невидящих глазах, устремленных вверх, сияли крошечные отблески ближайшей лампы. Вакар поднес кинжал к свету и разглядел на бронзовой рукояти черное клейкое вещество. Оно покрывало и клинок. Поверх него запекалась кровь.

Вакар похолодел, размышляя над страшной загадкой. Неужели его родной брат Курос ведет смертельно опасную двойную игру? Кто-то навсегда заткнул Солу рот как раз в тот момент, когда шпион был готов открыть тайну. А что делать Вакару, если Сол не обманул? Публично обвинить Куроса? Но тогда туповатый отец поднимет его на смех, а брат скажет, что Вакар сам убил Сола, а затем сочинил эту небылицу себе в оправдание. Какими бы доказательствами ни располагал Сол, Вакару он больше ничем не поможет.

Наконец Вакар вытер кинжал о край килта Сола — осторожно, чтобы не снять клейкую массу. А потом он на цыпочках пошел дальше. Уже на пороге своих покоев он услышал голос Били:

— Это ты, мой повелитель и возлюбленный?

— Да, не вставай.

Он поднял со стола горящую лампу и осветил стену, увешанную кинжалами, топорами и мечами. Взяв один из кинжалов, он попытался всунуть оружие убийства в его ножны. Они оказались тесны; чтобы найти подходящие, Вакар перепробовал чуть ли не всю свою коллекцию.

— Что ты делаешь? — раздался голос Били, привлеченной бряцанием оружия.

— Ничего. Сейчас закончу.

— Ну так иди в постель, я устала ждать.

Вакар тяжело вздохнул — сколь часто он слышал эти слова! Как ни ценил он ласки искусницы Били, иногда ему хотелось, чтобы она умела думать о чем-нибудь другом. Он спрятал в сундуке освободившийся кинжал, а в его ножны вложил клинок, отведавший крови Сола, и, повесив его на стену, отправился в спальню.

Глава 3

МОРЕ СИРЕН

На рассвете Вакара разбудил стук в дверь.

— Принц Вакар, совершено убийство!

Это был капитан дворцовой стражи. Били, потревоженная шумом, завозилась под одеялом и протянула руку к Вакару. Тот повернулся от ее объятий, слез с постели и торопливо оделся.

Вокруг мертвого шпиона собралась целая толпа. Тут был рыбак, которому позволялось находиться в замке, поскольку Курос называл его своим другом (это при том, что Курос гораздо серьезнее относился к титулам и рангам, нежели Вакар).

— Ужасно. Вакар, ты... что-нибудь знаешь об этом? — спросил сына король Забутир.

— Ничего, — ответил Вакар, в упор глядя на Куроса. — А ты, брат?

— И я — ничего, — хладнокровно ответил Курос.

Вакар смотрел брату в глаза, словно надеялся прочесть, что у него на уме, но Курос хранил бесстрастное выражение лица.

— Может, Рин что-нибудь разужнает. Мне пора собираться в дорогу.

Он отправился в свои покои, но вместо того, чтобы укладывать вещи, снял со стены кинжал убийцы, спрятал за пазухой и пошел во внутренний двор замка. На востоке еле брезжил рассвет. Ветер трепал одежду Вакара. В грязной луже сгрудились, чтобы согреться, свиньи, их головы покоились на щетинистых телах друг дружки. Старый кабан хрюкал и скалился. Вакар прогнал его пинком и схватил подсвинка, а тот, вырываясь изо всех сил, разорился истошным визгом.

Быстро оглядевшись, принц достал из-за пазухи кинжал убийцы, взял ножны зубами, обнажил острие и на четверть дюйма погрузил в ляжку животного. Когда Вакар отпустил поросенка, тот бросился по двору наутек, но на полпути к замку у него

подкосились ноги. Поросянок повалился на бок, несколько раз конвульсивно дернулся и издох.

Вакар задумчиво посмотрел на кинжал, потом сунул его обратно в ножны и спрятал за пазухой. Если отравы так быстро подействовала на животное, известное своей невосприимчивостью к ядам, что же тогда говорить о человеке? Принц направился было обратно в свои покои, но спохватился: нельзя допустить, чтобы отравленного поросенка скормили собакам или того хуже — зажарили и, по недомыслию, подали на завтрак королевской семье. Вакар взвалил на плечо труп подвинка и понес к внешним воротам, где как всегда маячили двое стражников.

— Кто из вас младший? — Получив ответ, он отдал свою ношу озадаченному молодцу со словами: — Возьми в клетки заступ, отнеси эту свинью за город и закопай, да поглубже, чтобы не нашли ни собаки, ни гиены. И не вздумай притащить ее домой, к жене, коли тебе жизнь дорога.

В этот момент в воротах появился Дроза, казначей короля Забутира,— он спешил на службу. Вакар отправился вместе с ним, чтобы запастись в дорогу торговыми металлами. Дроза дал принцу золотых колец, серебряных брусочков, медных топоришков, затем добавил бронзовый полукруг и сказал:

— Если по пути в Керне ты поиздержишься, отправляйся с этой половинкой медальона к сенатору Амостану. Вторая — у него, с ее помощью он тебя узнает.

Вакар вернулся в свои покои.

— Вакар, ты не хочешь обратно в постель? — крикнула Били из спальни.— Еще так рано...

— Нет,— коротко бросил Вакар и стал рыться в своих пожитках.

Он взял кинжал с двумя длинными тонкими ремешками на ножнах — чтобы привязывать к телу. Эти ремешки он снял и приладил к ножнам отравленного кинжала. Стянув через голову красивую льняную рубашку, он привязал ядовитый клинок к своему торсу и вновь оделся.

После чего он занялся выбором одежды и доспехов. Надел крылатый шлем из чистого золота с фиолетовой матерчатой подкладкой, роскошные нагрудные доспехи из позолоченных бронзовых пластинок и мантию превосходного белого сукна с собольим воротником. Затем оглядел свою коллекцию бронзовых клинков: тонкие рапиры, тяжелые длинные мечи, которыми можно и рубить со всего маху, и колоть; короткие и широкие, как листья, мечи варваров и изогнутые зигзагом сапары из далекой Тамузей-

ры, где на алтарях Милюка вопят в муках мужчины и женщины. Он выбрал лучшую рапиру с позолоченным лезвием, с акульей кожей и серебром на эфесе, рубиновой головкой и окованными золотом ножами из тисненой кожи. И тут до Вакара дошло, что со всей этой роскошью он окажется слишком заметным и уж тем паче не сможет убедить кого-нибудь, что он — всего-навсего простой путешественник. Ему понадобятся телохранители, чтобы отпугнуть первых встречных разбойников, которые польстятся на его сокровища.

Одну за другой он вернул вещи на прежние места и выбрал совершенно иную экипировку. Вместо рапиры, слишком легкой и бесполезной против доспехов, он взял простой, но надежный длинный меч и незатейливый бронзовый шлем с подбивкой из губки. Надел скромную куртку из дубленой бычьей кожи с бронзовыми накладками и бронзовой же пряжкой, на которой черные кузнецы Тартара отчеканили рельефные полумесяцы. Ни один лорский умелец не взялся бы повторить этот узор.

Когда он натягивал сапоги из мохнатой пегой шкуры, вошел Фуал, его личный раб, аремориец из Кереса; его захватили фоворские работорговцы и продали в Гадайру. Фуал был строен, даже стройней Вакара, и обладал светлой кожей северянина; рыжеватый цвет волос выдавал в нем кровь варваров Галаты. Он посмотрел на хозяина большими грустными глазами и запричитал:

— Господин, что же ты меня не позвал? Разве гоже, чтобы человек твоего положения сам себя обслуживал?

— Как властелин Наз в поэме,— ухмыльнулся Вакар.— «В рабстве погрязший, оборванный и изнуренный...»

Они напихали запасной одежды в мешок из козьей шкуры, и тут в дверях появилась Били, едва прикрытая одеялом из оленьей шерсти. Глядя на Вакара наивными карими глазами, она требовательно объявила:

— Мой господин, когда в последний раз ты обещал...

— Не мешай, я занят! — рявкнул принц.

Принц завязал мешок и велел Фуалу тоже собираться в дорогу.

— Господин, ты и меня возьмешь с собой?

— Почему бы и нет? Поедешь со мной, но помни: без моего приказа не воровать.

Фуал, который до того, как попал в рабство, промышлял воровством, удалился с задумчивым видом. Вакару пришлось в голову, что Фуал способен улизнуть, как только они доберутся до материка. Надо бы разобраться, что на уме у этого суетливого

ареморийца. От того, как Фуал станет относиться к своим обязанностям, возможно, зависит жизнь его хозяина.

Тонкий слух Вакара уловил всхлипывание в спальне. Били хныкала, свернувшись калачиком под одеялами.

— Ну-ну... — неуклюже погладил ее Вакар. — Ты найдешь себе другого любовника.

— Но я не хочу...

— Лучше захоти, потому что я и сам не знаю, когда вернусь.

— Но ты, по крайней мере, можешь... — Она перевернулась на спину, откинув одеяло, и пухлые ладошки заскользили по его рукам.

— Опять! — устало вздохнул принц Вакар.

* * *

Они поднялись на вершину холма, чтобы взглянуть сверху на искусственно орошаемую равнину, где раскинулся солнечный Амфере. На берегу моря Сирен блистали в полуденном солнце городские шпили. Столицу Зиска иногда даже называли уменьшенной копией великого Торрутсейша: были и крепостная стена, и судоходный канал, и концентрические круги воды и суши в центре гавани.

Вакар повернулся в седле, чтобы оглянуться на сопровождающие его колесницы. В одной ехали Фуал и переводчик Срет, другая везла багаж. И повозки, и седоки, и кладь были забрызганы грязью — путникам пришлось вброд одолевать реки, разбухшие при таянии высокогорных снегов. Вакар путешествовал в седле — верховая езда, считавшаяся в Лорске опасным новшеством (отчасти потому, что обычный пусадец, то есть ростом от шести до шести с половиной футов, был слишком тяжел для приземистых лошадок, водившихся в тех краях, стала одним из его излюбленных физических упражнений. Ноги Вакара, низковатого для лорска, всего каких-то два фута не доставали до земли.

— До заката доберемся? — спросил он ближайшего возницу.

— Как пожелает мой господин.

Вакар медленно двинулся вниз по склону, ведь даже опытный ездок, скача без стремян галопом с холма, рискует перелететь через голову коня. Бронзовые ободья колесниц громыхали по щелбню и скользили в грязи.

На закате они подъехали к стенам Амфере. Постояв в очереди за повозкой селянина, едущего на базар, они проникли в город

за миг до того, как затворились ворота. У местных жителей кожа оказалась светлее, чем у лорсков, и это как будто подтверждало легенду, что несколько веков назад Зиск обжили выходцы из Атлантиды.

Вакар представился, показав стражнику свой перстень с печаткой, и тот взмахом руки дозволил проехать, поскольку в то время между Зиском и Лорском царил мир. Намереваясь погостить у короля Зиска, принц направился к цитадели в центре города. Королевская крепость являла собой укрепленный остров за широким поясом воды. На острове высились дворец и другие общественные постройки, а внешняя граница водяного пояса служила берегом бухты. Будь этот остров разделен на три концентрических кольца, он бы отличался от Торрутсейша только размерами.

Над широченным рвом высился мост, во все времена изумлявший жителей Посейдониса, поскольку на континенте нигде больше не строили мостов длиннее обычного бревна. Въехав на него, Вакар обнаружил, что стражники на ночь перегородили дорогу цепью.

— Короля Шво во дворце нет, он отправился со свитой на все лето в Азарет,— объявил принцу один из стражей на широко распространенном зиском диалекте.— А кто его спрашивает?

— Принц Вакар из Лорска.

На стражника, похоже, это не произвело впечатления. Вакару показалось, что юноша ему не поверил. Принц задумчиво потер ус, а потом спросил:

— А министр Пешас здесь?

— Да неужто ты не знаешь? Пешас — заговорщик, два месяца назад ему голову снесли. Эх, видел бы ты, как она сидела на колу, гнила день за днем! Жалко, пришлось ее снять — для другой местечко понадобилось.

— А кто теперь министр?

— Король выбрал нового, господина Мара, но он отправился домой ночевать.

При таких обстоятельствах было, пожалуй, слишком хлопотно убеждать стражника, чтобы пропустил Вакара и его слуг.

— Тогда скажи, где тут лучший постоялый двор? — поинтересовался Вакар.

— У Ниерона. Проедешь три квартала к северу, затем поверни направо и езжай, пока не увидишь тесный переулок, но в него не сворачивай, а бери левее...

Поплутав немного, Вакар нашел постоялый двор Ниерона. С резким гесперийским акцентом Ниерон пообещал, что примет

Вакара и его спутников, если они заплатят шесть унций меди за ночь.

— Годится.— Вакар полез в суму за медью. Ему показалось странным удивление, проскользнувшее на лице Ниерона.

После обычной процедуры взвешивания и проверки чистоты металла принц нашел брусочек меди весом чуть больше шести унций.

— Возьми, а сдачи не надо.— И Вакар повернулся к одному из своих возниц: — Купи еды на всех, отнеси на кухню к Ниерону и раздобудь корма для коней. Фуал, помоги с лошадьми. Срет...

Он замолчал, обнаружив, что Срет говорит Ниерону по-гесперийски, а тот бегло отвечает на меропском диалекте. Было похоже, что Срет, коротышка с длинной, как у обезьяны, верхней губой, когда-то жил в Меропии и в те годы свел близкое знакомство с Ниероном. Вакар никогда не бывал на Гесперидах, но неплохо знал тамошний язык благодаря своей огуджийской няньке. Но он устал за день езды, а потому раздраженно фыркнул на своем родном языке:

— Срет! Внеси багаж и позаботься, чтобы его никто не спер, пока мы не отужинаем. Да и потом тоже.

Срет отправился выполнять поручение, а Ниерон велел дочери приготовить воду и полотенца. Красивая молодка принесла в спальню деревянный ковшик и кувшин. Вакар проводил ее одобрительным взглядом.

— Правда, недурное мяско? — бросил ей вслед Ниерон.— Если господин желает полакомиться...

— Я десять суток в седле, еле на ногах стою,— проворчал Вакар.— Может, когда отдохну...

Он отправился в спальню, чтобы первым принять ванну. Там к нему подошел слуга.

— Ну и как наши дела, Фуал? — Вакар тер грязные руки облезлой щеткой из свиной щетины.

— Очень хорошо, мой господин. Кроме разве что...

— Кроме чего?

— Видишь ли, такой важной персоне, как ты, негоже ночевать на постоялом дворе.

— Я знаю, но нужда заставит. Что еще?

— Надеюсь, мой господин простит меня, если я скажу, что у него недостаточно опыта насчет постоянных дворов?

— Да, ты прав. А что я делаю не так?

— Если бы ты как следует поторговался, то заплатил бы три унции за ночь, самое большее — четыре.

— Ах ты вор, свинское отродье! Я что тебе, собака, чтобы торговаться? Зубы выбью!

— Мой господин! Торговаться — ниже твоего достоинства, принцу не к лицу, не говоря уже о том, что магистрат этого не одобрит. В следующий раз позволь поторговаться мне, ведь у меня достоинства вовсе нет.

— Ладно. Судя по твоему прошлому, из тебя выйдет отличный торговец.

Вакар отдал щетку рабу. К тому времени, когда последний из его отряда помылся, вода и полотенце стали черными, как безлунная ночь. Путники торопливо и молча поели из деревянных мисок, как едят проголодавшиеся и усталые люди. Умяв огромные порции жареной свинины и ячменного хлеба, они отдали должное зискому вину, не обращая внимания на шумных торговцев, сгрудившихся на другом конце длинного стола.

Однако после ужина Вакар заметил, что болтовня купцов не дает ему уснуть. Похоже, торговые люди вознамерились гулять всю ночь под сладостные трели флейты, бульканье вина и стук кубков. Когда юная флейтистка умолкала, мужчины возвращались к азартной игре. При этом они громко бахвалились и сыпали упреками и угрозами.

Часа через два этой пытки неглубокая чаша терпения Вакара переполнилась. Он выбрался из-под одеяла и раздвинул занавеси, отделявшие спальное помещение от трапезной.

— А ну, прекратите болтовню, пока я вам головы не поотшибал!

Шум прекратился, четыре пары глаз уставились на принца.

— И кто ж ты будешь, добрый человек? — спросил самый крепкий из торговцев.

— Принц Вакар из Лорска, и когда я велью заткнуться...

— А я королева Огуджии... А если тебе, чужак, тут не нравится, то возвращайся, откуда пришел.

— Ах ты, свинья! — взревел Вакар, ища чем бы запустить в нахала. Но тут вмешался Ниерон с дубиной в руке.

— А ну, никаких драк в моем заведении! Если хотите поскандальить — ступайте на улицу.

— С радостью.— Вакар свирепо ухмыльнулся.— Погоди, я только меч прихватчу...

— Ну, коль в дело пошли мечи, тебе придется подождать, я пошлю за своим,— заявил крепыш.— Он уже отведал крови горгонских пиратов, а уж лорский хлыщ...

— Что? — удивился Вакар. — Да кто ты такой? — Его ярость немного поулеглась, он был заинтригован и уже догадался, что выставил себя на посмешище.

— Я — Матенг из По, владелец трех судов, и ты бы это непременно знал, не будь таким невеждой...

— Погоди, — сказал Вакар. — В ближайшее время хоть одно из твоих судов пойдет к материку?

— Да, «Дайра» отправляется завтра в Гадайру, если продержится попутный ветер.

— А Гадайра — это случаем не самый ближайший порт к Торрутсейшу на материке?

— Да.

— Сколько... — Вакар осекся и сунул голову в спальное помещение: — Фуал, ну-ка проснись! Выходи, поторгуйся за меня.

* * *

На следующее утро Вакар собрал свой отряд, чтобы ехать к причалам. Срет не откликнулся на зов, пока принц не нашел его во дворе, — переводчик болтал с Ниероном.

— Пошли, — позвал Вакар.

— Иду, господин. — Срет оглянулся на ходу и бросил на гесперийском: — Скоро опять увидимся, и раньше, чем ты думаешь.

Колесницы загромыхали, съезжая к бухте. Там Вакар остановился у храма Лира, чтобы принести ягненка в жертву морскому божеству. Хоть он и не принимал всерьез богов, поскольку они никогда не являлись ему ни в снах, ни в видениях, но подумал, что, принеси он жертву, хуже не будет. Затем он отправился дальше и, расспрашивая каждого встречного, обнаружил «Дайру». Матенг распорядился погрузкой слитков меди, бизоньих шкур и мамонтовой кости.

— Возвращайтесь домой, не теряйте времени, — сказал принц возникшим, и те развернули колесницы. К одной из них Вакар успел привязать своего коня.

Стараясь не выдать волнения, он неторопливо подошел к краю пристани и ступил на борт корабля. Фуал и Срет ковыляли следом, сгибаясь под тяжестью снаряжения и продуктов.

— Руаз, вот твой пассажир! — крикнул Матенг. — Он хорошо заплатил, так что заботься о нем получше.

— Принц, вона как? — капитан Руаз хохотнул в бороду. — Ну так не стой на дороге, драгоценное высочество, ежели не хочешь, чтобы

тебе на ножку уронили слиток.— Он суетился, громко раздавая указания грузчикам, и вот наконец после долгой возни все товары размещены на борту. Матросы задраили люки и отвязали швартовочные тросы. От пристани отходили на четырех длинных веслах. «Дайра» двинулась по кольцевой бухте к главному каналу. Вакар вертел головой, внимательно рассматривая окрестности Амфере.

На канале судно набрало скорость, поскольку к усилиям гребцов там присоединилось течение. Вскоре они миновали наружную городскую стену, пройдя через огромные бронзовые ворота, готовые в любой момент наглухо затвориться и защитить город от вторжения вражеских кораблей. Затем около полумили судно шло по каналу к морю.

Когда «Дайра» качнулась на первой океанской волне, Срет со стоном опустился на корточки у шпигата.

— Что это с ним? — спросил Вакар.

— Морская болезнь, господин,— ответил Фуал.— Если ты от нее не страдаешь, то считай, что тебе повезло.

— Это вроде того, что случилось с Цорме в поэме?

Жженье в очах и кружение буйной главы
Ниц повергают героя, и вот, у шпигата согбенный,
Цорме молит о погибели, алчет от мук избавленья...

Но пока я неплохо себя чувствую.

Фуал отвернулся с многозначительной усмешечкой на лице. Через несколько минут Вакар ощутил легкую головную боль и тяжесть в желудке, но, не желая терять лицо, как ни в чем не бывало стоял у борта и глядел, как матросы сушат весла, опускают на воду кормило и ставят единственный прямой парус в красно-белую полоску. Западный ветер наполнил его и погнал «Дайру» к Гесперидам. Теперь Вакар понял, для чего судну такая высокая корма — волны набрасывались сзади, но не могли перехлестнуть через борт, а лишь толкали «Дайру» вперед.

Шатаясь, он поднялся на полуют. У кормила стоял сам Руаз — ворочал длинную жердь, соединенную с двумя рулевыми плоскостями.

— А как вы возвращаетесь с материка в Амфере при встречном ветре? — спросил Вакар.— На веслах?

— Нет. Мы смиренно ждем и молимся любимому морскому божеству. В этом море ветер дует с запада четыре дня из пяти, поэтому надо ждать пятого. Я как-то целый месяц просидел в порту Седерадо, ожидая попутного ветра.

— По-моему, это скучно. А вдруг еще кто-нибудь из капитанов помолится, чтобы ветер дул в противоположную сторону?

Руаз пожал плечами и сдвинул брови. Вакар глянул за корму на Амфере, который быстро исчезал из виду за гладью океана. В горле рос ком; принц стер со щеки слезинку и устался на воду. Вскоре он осознал, что ему нравится смотреть на волны, сменяющие друг дружку бесконечной чередой. Немудреное это занятие успокаивало, хотя по натуре он был энергичен и не выносил бездействия.

Но что-то грызло Вакара изнутри, рождая в глубине души смутные опасения. Ближе к вечеру «Дайра» пошла вдоль гористого побережья.

— Меропия,— сообщил капитан Руаз.

С наступлением сумерек Срет малость пришел в себя и даже поел. У Вакара слипались глаза от усталости, но лунный свет и плеск воды под днищем не давали ему спать всю ночь. В полдень они миновали Меропию, поставили парус и взяли курс на восток. Море было пустынно.

— Других кораблей не видать, потому что мы первыми вышли из Амфере после зимовки,— объявил Руаз.— Если не попадем в запоздалую бурю, то в Гадайре продадим товар подороже, пока не началась конкуренция.

Вакар ломал голову над причиной своего неумного беспокойства, и наконец при виде Срета, болтающего с Руазом, его осенило. Он вспомнил, как Срет говорил Ниерону, что вернется раньше, чем его ожидают. Откуда такая уверенность? Может быть, он считает, что Вакар струсит и повернет назад или его убьют в какой-нибудь переделке? Или...

Вакару хотелось дать самому себе пинка — как же это он сразу не догадался?! Возможно, Курос действительно в сговоре с Горгонами. Он велел Срету убить своего хозяина, а затем вернуться домой с рассказом о чудовище, проглотившем Вакара в море. Срет говорил с Ниероном по-гесперийски, не ведая о том, что Вакар знает этот язык. Принц нащупал рукоять меча. Ничего не подозревающий переводчик кутался в плащ, накинув на голову капюшон, и перебрасывался шутками с капитаном. Хотелось подойти и снести мерзавцу голову, но не исключалась ошибка. Даже если его подозрения имеют под собой почву, не так-то просто будет объяснить очевидцам причину расправы.

«А не поделиться ли мне тревогами с Фуалом?» — подумал Вакар.

— Фуал, что ты знаешь о Срете? До этого путешествия я ни разу не общался с ним.

Фуал пожал плечами.

— По-моему, он из Лотри, но я раньше его никогда не видел.

Если это правда, то вряд ли Срет и Фуал — сообщники. После ужина Вакар сказал Фуалу, что подозревает измену, а потому они будут спать по очереди. Фуал с озадаченным видом вытащил красивый кинжал с рукоятью, инкрустированной серебром.

— Ха! — засмеялся Вакар. — Где ты его взял? Стащил у Нирона? Надо бы тебя поколотить... Но на сей раз, пожалуй, ты поступил правильно. Иди спать, я буду сторожить первым.

Незадолго до полуночи Вакар проснулся — Фуал тряс его за плечо.

— Господин, ты был прав: они собрались на юте, шепчутся, — тихо произнес слуга.

Вакар перевернулся на живот и бросил взгляд на корму. В свете взошедшей ущербной луны принц увидел группу шепчущихся моряков.

Он осторожно вытащил меч и тихо велел Фуалу:

— Приготовь нож и держись поближе ко мне, прикрывай со спины.

Щит принца остался в походном бауле, но для боя на шаткой палубе он и не требовался — одна рука должна быть свободна, чтобы держаться.

— Ты... хочешь напасть на шестерых? — с дрожью в голосе спросил Фуал.

— Очки Лира! Прикажешь дожидаться, когда мне перережут плотку?!

— Но ведь их шестеро...

— Наше спасение в том, чтобы напасть первыми. Если тебя это немножко успокоит, то знай, что я тоже боюсь, но собираюсь использовать даже самый ничтожный шанс.

У Фуала стучали зубы. Вакар по-крабьи полз к корме, надеясь подобраться к морякам и подслушать их разговор прежде, чем его обнаружат. Приблизившись к мачте, он различил отдельные силуэты. Срет шепотом разговаривал с Руазом, а тот вертел в руках листовидный меч, мерцавший в лунном сиянии.

— ...Неопытный боец, хоть и повоевал с разбойниками в горах, — объяснял Срет. — Он молод и не слишком силен. Нужно быстро напасть, пока он спит...

— Вперед, — прошептал Вакар, поднимаясь во весь рост.

Глава 4

КОРОЛЕВА ПОРФИЯ

Вакар поднырнул под нок нижнего рея и бросился на заговорщиков. Моряки с воплями кинулись врассыпную, на ходу выхватывая ножи. Вакар напал на ближайшего и с первого же выпада пронзил его насквозь. Дикий предсмертный крик заглушил нарастающий гвалт. Отступая назад, чтобы выдернуть клинок из тела, Вакар оглянулся через плечо. Фуал только что вылез из-под паруса.

— Проклятый трус! — Вакар стиснул зубы. Когда его жертва упала, он увидел Руаза, Срета, еще двух моряков и рулевого на полуяоте.

— Вперед, в атаку, убейте его! — одновременно закричали Срет и Руаз.

Вакар перепрыгнул через покойника, рубя направо и налево. Его меч лязгнул о клинок Руаза, врезался в плоть и разрубил кость. Вакар резко повернулся спиной к кормилу, а лицом к врагам. Когда к нему присоединился верный Фуал, один из матросов предпочел сцепиться с ним, нежели противостоять мечу принца. И теперь эта парочка кружилась в смертельном танце; враги держали друг друга за запястья.

На Вакара надвигались трое, посередине был Руаз. Принц размахнулся и шагнул вперед, сделав выпад, капитан парировал удар, а Срет и другой матрос атаковали с флангов. Вакар жалел, что в руках у него длинный увесистый меч, а не легкая рапира — против увертливых врагов без доспехов она была бы в самый раз. Он попятился, споткнулся о высокий уступ полуяота и едва не упал.

Враги наседали. Вакар неистово размахивал мечом. До сих пор принца спасала лишь превосходящая длина клинка, но добраться до злодеев он не мог: стоило ему приблизиться к одному из негодеев, как остальные набрасывались на него сзади. Палуба ходила ходуном, но моряки передвигались с кошачьей ловкостью, в отличие от Вакара, который шатался и спотыкался. Вот чей-то клинок дотянулся до принца, но острое лишь скользнуло по кожаной куртке.

Сзади раздался крик: рулевой подбадривал своих товарищей. У Вакара мелькнула мысль: «А как повел бы себя корабль, не будь человека у кормила?» Он прыгнул назад на полуяот, поворачиваясь на лету, и нанес могучий удар. Острая бронза рассекла шею, голова глухо стукнулась о палубу и покатилась к мачте, оставляя

за собой алый след, а тело, из которого бил кровавый фонтан, распласталось возле кормила.

Вакар повернулся лицом к своим противникам, но в этот момент «Дайра» круто взяла вправо и так сильно легла на левый борт, что вода хлынула в шпигаты.

Вакар обнаружил, что скользит вниз по наклонной плоскости, к черной воде. Он судорожно замахал свободной рукой и, к своему бесконечному облегчению, поймал мачту. Крен все увеличивался, вскоре ноги Вакара уже болтались над водой, но он вцепился в мачту мертвой хваткой.

Вакар поднял взгляд, и как раз вовремя, чтобы заметить летящего за борт, в морскую пучину, человека, похожего на Срета. Остальные распластались на палубе, держась за канаты и друг за друга.

Ветер наполнил парус, и «Дайра» чуть выправилась. Подобрал под себя ноги и упираясь ступнями в косую палубу, Вакар пополз вперед. Капитан Руаз тоже встал на четвереньки и схватился за меч. Вакар вскочил на ноги, подбежал к капитану и обрушил свой клинок на его голову.

Матрос цеплялся за фальшборт, с трудом удерживая голову над водой. Вакар ударил его по руке, промахнулся и снова ударил. На сей раз клинок угодил в цель, и матрос скрылся в пучине. Впереди, на палубе, лежал Фуал, обнимая мачту обеими руками, а его противник — последний уцелевший матрос — держался за ноги Фуала, чтобы не улететь за борт при очередном крене. Считанные удары сердца прошли после того, как палуба выровнялась и начала клониться в противоположную сторону. Вакар бросился вперед и нанес удар в тот самый миг, когда моряк выкрикнул нечто похожее на мольбу о пощаде. Бронза разрубила кость, матрос вскинул руку и закричал, а мгновением позже упал с расколотым черепом. Фуал привстал, не отпуская мачту. Когда корабль снова накренился, Вакар потерял равновесие и навалился на левый фальшборт с криком:

— Как выровнять эту адскую лохань?

— Рулевое весло, — отозвался Фуал. — Господин... Держи его... вот так...

Более точных указаний Вакар и не ожидал. Едва палуба выровнялась в очередной раз, Вакар бросился на полуют и ухватился за кормило. Он висел на нем до тех пор, пока ветер не наполнил парус и «Дайра» не легла на прежний курс. Когда судно вновь ровно и легко заскользило по волнам, Вакар занялся изучением рулевого механизма. Пока он экспериментировал, корабль изрядно сбился с курса, но вскоре Вакар приспособился.

— О, мой господин, я в жизни не видел ничего подобного! — заискивающе обратился к принцу Фуал.— Ты в одиночку убил шестерых! Надо же — один, два, три, четыре... Подумать только!

— Повезло,— прорычал Вакар.— Ну что, теперь все время держать курс по ветру?

— Нет, по-моему, надо идти под небольшим углом к ветру, иначе бы моряки никогда не возвращались домой.

— Хотел бы я знать, куда мы направляемся, какую страну Руаз ожидал увидеть в ближайшее время.

— Не ведаю, господин. Полагаю, где-то впереди лежат Эрутея, Огуджия и Элюзион.

— В каком порядке?

— Увы, не знаю.

— Я однажды встречал королеву Огуджии. Тогда она была неуклюжим ребенком, а ныне она уже взрослая женщина.

— Господин, а в Огуджии есть король?

— Был. Порфия вышла замуж за сиятельного Ванчо. Он прослыл добродушным ничтожеством и умер, кажется, от оспы. Когда гесперийский трон опустел, наследников по мужской линии не нашлось.

— Что это за страна, мой господин?

— Огуджия? Ничего о ней не знаю, за исключением того, что ее прозвали Островом Философов. Я всегда мечтал задать тамошним мудрецам несколько простеньких вопросов, например, насчет происхождения жизни, бессмертия души и тому подобного. Вот что, Фуал, побросай-ка трупы за борт.

— В том числе и безголового, господин? — на лице Фуала было написано такое отвращение, что Вакар разглядел его даже в лунном свете.

— Его в первую очередь. Надо это сделать, Фуал, они угрожают палубу.

Фуал взялся за дело. Перед тем как отправить за борт, он раздевал каждого покойника. Закончив, он вернулся на корму с широким мечом Руаза, найденным в шпигате.

— Господин, позволь мне его носить, а то мы плохо вооружены для подобных испытаний.

— Да, конечно.— Вакар уступил кормило слуге, а сам достал из кармана оселок и принялся точить свой зазубренный меч.

Под утро Вакар заметил впереди землю.

— Будем идти вправо, вдоль берега, пока не увидим порт,— решил он.

— А как быть с кораблем, господин?

— Я еще не придумал.— Вакар огляделся.— Если кто-нибудь заметит кровь, это привлечет внимание. Найди ветошь и хорошенько вымой палубу.

— А что потом?

— Ты умеешь продавать корабли?

— Нужно найти покупателя. Только бы никто не признал в «Дайре» имущество Матенга из По...

— Надо замаскировать корабль. Когда счистишь кровь, попробуй убрать с кормы изображение Лира.

Во второй половине дня «Дайра» подошла к бухте, набитой неуклюжими судами купцов и быстроходными пятидесятивесельными военными галерами. Вдалеке раскинулся торговый город.

— Как же нам завести корабль в бухту, если ветер дует не в корму? — спросил Вакар.

— Мне кажется, надо убрать парус и взяться за весла.

— А как... Понял! Один отвязывает эту веревку, которая идет с того верхнего, вот этого длинного шеста, и спускает, пока он не ляжет на нижний шест.

Он имел в виду верхний и нижний реи. Паутина талей и вант с двух сторон мачты не давала парусу расстелиться по палубе, когда его убирали. Вакар положил руль влево, насколько удалось, а Фуал отвязал трос. Парус вместе с верхним реем ринулись вниз. Рывок намотанного на руки троса был настолько силен, что маленький аремориец с воплями умчался вверх. Это зрелище настолько развеселило Вакара, что он не сразу пришел на подмогу к обезумевшему от страха слуге.

Вскоре они взялись за весла и направили корабль к берегу. Для двух неопытных гребцов подобный заплыв оказался делом нелегким, и, хотя руки Вакара окрепли от долгих упражнений с оружием, он натер мозоли, прежде чем судно достигло суши.

В порту оказалось людно. Разгружались суда, запряженные волами телеги и волокуши увозили с причалов товары. Когда «Дайра» приблизилась к молу, на нем собралась кучка зевак с кожей посмуглей, чем у обитателей Посейдониса.

— Как только приткнемся, сигай с веревкой на берег и наматывай вон на ту деревяшку.— Конечно, это означало, что Фуал должен перебраться с кормы на мол и пришвартовать «Дайру» к одному из столбиков-кнехтов, рядом торчащих из каменной кладки.

Когда они причалили, Вакар спрыгнул на пристань с носа «Дайры» и привязал трос к другому кнехту. Пока Фуал возился

со швартовочным тросом у кормы, Вакар подозвал на гесперийском ближайшего бродягу.

— Что это за город?

— Седерадо, столица Огуджии.

Вакар подошел к Фуалу.

— Надеюсь, Порфия меня не забыла... Идея! Поскольку весь груз нам все равно не утащить, мы поделимся с королевой, и это наверняка освежит ее память. Может, она согласится нам помочь.

Он повернулся к толпе.

— Эй вы, мне нужны четверо крепких носильщиков, чтобы отнести груз во дворец. Фуал, выбери четверых и договорись насчет оплаты. Вот ты, носатый, скажи-ка, в Огуджии медь добывают?

— Да,— ответил тот, к кому он обратился.

— А мамонты или бизоны у вас водятся?

— Мамонтов нет, но есть несколько бизонов в королевском парке.

Вакар снова повернулся к Фуалу.

— Слоновая кость ей понравится. А ну, помоги снять вон те чехлы.

Через несколько минут Вакар построил носильщиков; каждый из них держал на плече огромный бивень мамонта. Принц готов был скомандовать им «за мной», но тут вдруг заметил, что зеваки дружно повернулись к морю.

К соседнему, пока еще свободному, причалу подходила низкая черная галера о тридцати веслах. Она была гораздо больше «Дайры», с десятками гребцов и тремя пассажирами на борту. Бушпритом служил длинный бронзовый клюв, на скулах были нарисованы глаза — дань древнему поверью моряков, якобы позволяющая кораблю видеть свой путь. Прямой коричневый парус не украшали никакие эмблемы или символы, вроде огуджийской русалки или осьминога горгон. Не было ни флага, ни вымпела, способных выдать происхождение галеры.

Один из пассажиров таинственного корабля был среднего роста, с острой седой бородкой; гладко выбритый череп увенчан круглой шапочкой, а просторное платье достает до лодыжек. Остальные двое не носили одежды и лишь отдаленно напоминали людей. Первый — карлик, примерно четырех футов ростом, с огромными лопухами ушей, как у слоненка. Тело его сплошь заросло коротким золотисто-коричневым мехом. Другой вымахал аж на восемь футов и «щеголял» скошенным обезьяньим лбом и грубой черной шерстью. На широченном плече покоилась обитая медью

дубина, а вторая рука прижимала к боку вместительный деревянный ларь с бронзовой оковкой.

— Во имя всех богов, кто они? — спросил Вакар. — Сатиры, что ли? Вон тот, с дубиной, смахивает на великана из «Подвигов Цорме».

Грозно нависла чудовища черная туша,
Зубы оскалены над беззащитною девой...

— Про большого ничего не скажу, а маленький — кораниец.

— Кто?

— Уроженец самого северного из островов Корании. Говорят, эти существа слышат любое слово, произнесенное в нескольких милях от них.

Галера пришвартовалась точно так же, как и «Дайра», пассажиры сошли на берег, толпа начала разбредаться.

— Мы не можем ждать тут целый день, — объявил Вакар. — Я пойду во дворец, а ты оставайся, присматривай за грузом...

В этот миг, растолкав зевак, к Вакару приблизился бритоголовый. За ним следовали гигантский обезьяночеловек и кораниец.

— Господин, ты направляешься во дворец? — осведомился бритоголовый на гесперийском с резким акцентом. — Разрешите составить компанию, ибо я выполняю поручение, и нам как раз по пути, а я в Седерадо впервые. Мы с тобой раньше никогда не встречались, поэтому, я думаю, нам следует познакомиться. Позволь представиться: Квазиган.

* * *

— А с кем я имею честь беседовать? — Квазиган, дружелюбно улыбаясь, шагнул рядом с принцем. Его сухая кожа была еще смуглей, чем у Вакара, а лицо — на редкость невыразительное. Он слегка сутулился и громко шаркал.

— Меня зовут Вакар.

Произнося эти слова, Вакар глянул в лицо спутника и заметил, что дружелюбная улыбка на миг исчезла. Но лишь на миг.

— Не принц ли Вакар из Лорска? — спросил человек.

Вакар не был склонен доверять странным, незнакомым и навязчивым попутчикам, особенно тем, кто путешествует на собственных военных галерах со слугами-нелюдями и проявляет исключительный интерес к его скромной персоне. Он отрицательно покачал головой.

— Всего лишь его дальний родственник. Как я понимаю, сударь, ты слышал о Лорске?

— Ну, кто же не слышал о ваших богатейших медных рудниках?

— Да, пожалуй... А откуда держишь путь?

— Из Тегразена. Это небольшой городок на материке к югу от Керне.

— У тебя необычные слуги. Один из них, насколько я понимаю, кораниец.

— Верно. Его зовут Йок.

— А второй? — спросил Вакар.

— Это Нжи из Черных Земель. Негры поймали его совсем маленьким, воспитали и продали в рабство. Он говорит несколько слов, ибо происходит не от гигантских черноземельских обезьян, то бишь горилл, а от другого, более редкого вида, промежуточного звена между обезьянами и людьми.

Вакар погрузился в настороженное молчание. Подойдя ко дворцу, он в изумлении уставился на ряды блестящих мраморных колонн и позолоченную крышу: доселе он еще не видел двухэтажного здания.

Он отослал во дворец четыре мамонтовых бивня, велел передать на словах, что Вакар из Лорска просит аудиенции. Пришлось ждать полчаса, наконец ворота отворились, и принц вошел во дворец, а Квазиган проводил его задумчивым взглядом.

— Принц Вакар! — С этим счастливым возгласом королева Порфия сорвалась с трона и пылко поцеловала гостя. — Благодаря за великолепный подарок, но и без него тебя бы здесь ждала теплая встреча. Неужели я могла забыть, как десять лет назад в Амфере мы с тобой победили на конкурсе танцев? Что заставило тебя покинуть кишашие бизонами равнины ветреного Лорска и отправиться в такую даль?

«А ведь она и впрямь выросла настоящей красоткой, — подумал Вакар. — Пусть ростом она невелика, но благодаря гордой осанке кажется значительно выше. Счастливчик был ее Ванчо, царствие ему небесное».

— Госпожа, держа путь в великий Торрутсейш, я не мог обойти Огуджию, не возобновив столь приятного знакомства.

На него пристально смотрели изумрудно-зеленые глаза.

— Объясни мне, как случилось, что ты с одним-единственным слугой привел в бухту Седерадо торговое судно? Или ты сбежал из Лорска, чтобы податься в пираты? Неужели ты теперь бороздишь моря под осьминогом проклятых горгон?

— Похоже, ты многому научилась за столь короткий срок.

— О да. Я пекусь о благополучии моего королевства, и, как только ты высадились на мол, мне донесли о твоём прибытии. И все-таки, что приключилось? Неужели всю команду смыло за борт? Или ее утащил на дно кракен?

Вакар помедлил с ответом, а затем поддался возникшей вдруг симпатии к Порфии и рассказал о предательстве Срета.

— А посему,— заключил он,— не будучи, как тебе теперь известно, опытными моряками, мы решили продать судно и на первом же попутном купце пойти дальше на восток.

— У тебя много товара?

— Не знаю, клянусь третьим глазом Тандилы.

— Ну что ж... Эльбиен!

Вошел сановник, и Порфия распорядилась:

— Ступай на берег, поднимись на борт корабля принца Вакара и оцени стоимость груза.

Как только Эльбиен повернулся и вышел, она снова обратилась к Вакару:

— За судно я тебе хорошо заплачу торговым металлом. А если Матенг поднимет шум, мы ему напомним, что он, как судовладелец, в ответе за покушение на твою жизнь. Что тебе известно о странном человеке, который пришел вместе с тобой? Я имею в виду бритоголового, у которого собственная галера.

— Назвался Квазиганом из Тегразена, а помимо этого, королева, я о нем знаю не больше твоего. Он — настоящее диво, под стать крылатой свинье, но при этом весьма обходителен.

— В самом деле? По твоему описанию он смахивает на горгона, но тут легко ошибиться, ведь Тегразен лежит на материке близ Горгад, и тамошние народы основательно перемешались. Расскажи, как обстоят дела в Лорске, царстве воинов-героев, атлетов с бронзовыми сердцами и головами из слоновой кости?

Вакар рассмеялся и пустился в светскую беседу. В пути он страдал от недостатка общения и теперь был рад случаю поговорить на родном языке. Они поболтали о том о сем, затем Порфия объявила:

— Вакар, клянусь восемью грудями Геры, я отдала тебе целое утро, а ведь меня ждут и другие посетители. Оставайся во дворце, вечером устроим пирушку. Познакомлю тебя с министром Гаралем и моим любовником Тьегосом.

— Твоим...— Вакар осекся, его самого удивил укол ревности. Да какое ему дело, пусть у огуджийской королевы будет хоть десяток любовников! Но ревность не проходила.

А Порфия, казалось, ничего не заметила.

— Если Квазиган мне глянется, я и его приглашу на пир — сдается мне, он богат, знатен и влиятелен. На худой конец, послушаем занятные легенды о далекой стране.

— Королева, я назвался Квазигану настоящим именем, но отрицал свою принадлежность к царствующей семье Лорска. Поэтому я бы предпочел, чтобы при этом любителе длинных балахонов меня называли просто Ва-каром, обычным дворянином.

— Быть посему. Двэрос! Отведи прин... господина Вакара во вторую комнату для гостей в правом крыле и обеспечь всеми удобствами.

* * *

До самого вечера Вакар не видел Порфию. Весь день посвятил блаженной праздности — выпался, принял ванну и надушился. Пока стирали и сушили его грязную одежду, он прочитал в библиотеке гесперийский перевод «Фрагментов Лонтанга». Поскольку в те времена мир еще не успел далеко уйти от пиктографии, огуджийская и лорская письменность различались гораздо слабее, чем устная речь. Однако иероглифы для передачи абстракций различались основательно.

— Уважаемый, ты бы не взялся объяснить мне, что означают эти череп и полумесяц? — осведомился Вакар у почтенного старца, копировавшего в углу папирусный свиток.

— Бренность, и ничто иное. Череп — символ смерти — купно с опрокинутым полумесяцем, то бишь абстрактным изображением луны, означает лишь одно: ничто не вечно. А значит, этот отрывок надобно истолковать так: «Сменят друг друга тысячи и тысячи поколений смертных, а тем временем в священной обители у бога вырастут зубы мудрости. Но время приберет всех, и даже самым славным богам суждено пройти по пыльной и смутной дороге в вечное забвение».

— Значит, Лонтанг утверждает, что даже боги смертны?

— Да. Его теория состоит в том, что боги — плод людской веры, и сколь бы ни были они могущественны, со временем люди бросят их ради других богов. Их забытые образы поблекнут и исчезнут.

— Кажется, ты весьма сведущ в таких вопросах. Дозволишь ли поинтересоваться, как тебя зовут?

— Я Ретилио, бедный философ из Седерадо. А ты?

— Вакар из Лорска.

— Любопытно,— задумчиво произнес философ.— Где-то я уже слышал это имя... Ах да, я же прошлой ночью во сне побывал на Ассамблее богов. Там было много наших, Астерио например, были и чужие боги, в том числе твой Окма. Они все время двигались, как будто исполняли погребальный танец, и часто повторяли: «Вакар из Лорска».

Вакар содрогнулся.

— Поскольку мне никогда не снятся боги, я не возьмусь истолковать твой сон.

— И долго ты здесь пробудешь?

— В этот раз всего лишь несколько дней, но я мечтаю когда-нибудь погостить тут подольше и изучить знаменитую огуджийскую философию.

Вакар слишком поздно спохватился, что ему следовало назваться вымышленным именем. Теперь же проникательный Ретилио лишь утвердился в своей догадке относительно его личности.

— Многие мои коллеги считают,— изрек он,— что если бы короли изучали философию или если бы люди выбирали философов своими королями, мир выглядел бы лучше. Однако на деле королям, похоже, недостает либо времени, либо желания заниматься пустяками.

— Надеюсь, у меня будет и то и другое.

— Достойная цель, хотя достичь ее непросто. Боги тебе в помощь.

— Не вижу никаких препон. У меня много целей, и уж я постараюсь добиться их всех.

— Принц, а нельзя ли мне поинтересоваться, что же это за цели?

— Ну...— Вакар нахмурился.— Я хочу стать хорошим королем, когда придет мой срок, а еще — постичь философию, увидеть дальние страны и необычных людей, обзавестись верными и интересными друзьями, вволю насладиться вином, женщинами и песнями...— Он умолк, как только Ретилио всплеснул руками в притворном ужасе.

— Принц, тебе необходим брат-близнец, чтобы все это успеть.

— У меня есть брат — Курос. А что ты хочешь этим сказать?

— Ни один смертный не способен совершить все это за одну жизнь. Сейчас тебе кажется, что жизнь бесконечна и ты можешь испробовать все на свете и добиться успеха на любом поприще, какое тебе приглянется. Но со временем ты заметишь, что все чаще приходится выбирать, при этом каждый раз отказываясь от

тех или иных заманчивых возможностей. Есть, правда, гипотеза философской школы Курно, что де душа не только долговечнее тела, но и способна переселяться в другое тело. Таким образом человек проживает не одну жизнь.

— Не вижу, какой в этом смысл, если человек не помнит свои предыдущие жизни,— фыркнул Вакар.— Но если это правда, то как обстоят дела с богами? Их души тоже бессмертны?

Они успели сломать над этой темой немало копий, прежде чем в библиотеке появился Двэрос и сообщил, что одежда Вакара готова.

— Надеюсь еще раз повидаться с тобой до отъезда,— сказал принц философу.

— Можно встретиться здесь завтра в это же время. Всего доброго, принц.

Глава 5

ЗМЕИНЫЙ ТРОН

Пиршественный зал во дворце огуджийской королевы в размерах уступал своему собрату в замке Мнесет, зато был куда роскошнее убран; фрески на деревянных стенных панелях изображали мифологические сцены. Особенно Вакару бросилась в глаза сцена, где быкоглавый мужчина с невероятно развитой мускулатурой обольщал восьмигрудую женщину.

Вакар познакомился с толстым министром Гаралем и его женой, дамой средних лет с приятной, но невыразительной внешностью. Тьегосом оказался высокий, чисто выбритый молодой человек, щеголявший дорогими жемчужными серьгами. Не отрывая взгляда от кончика своего длинного носа, он произнес:

— Так ты, значит, из Лорска? Не понимаю, как вы терпите эти ужасные ветры и туманы. Что до меня, так я бы до конца своих дней не сумел к ним привыкнуть.

Вакар был не в восторге от этих сентенций, но несколькими минутами позже в зал вошел Квазиган, и Вакара позабавило, когда Тьегос сказал ему:

— Так ты с юга? Не понимаю, как вы терпите жару и мух. Вот уж с чем, с чем, а с ними я бы никогда не ужился.

Вошел еще один молодой человек, которого Тьегос назвал своим другом Абеггу из Токалета. Абеггу прибыл в Седерадо из далекой Гамфазантии, чтобы изучать философию у Ретилио. Вновь

прибывший был высок, строен, очень смугл и немногословен. Он говорил с едва уловимым акцентом. Вакар спросил его для поддержания разговора:

— Ну и как тебе нравятся северные земли?

— Очень любопытные края, сударь, и весьма непохожие на мою родину. У нас нет таких высоких каменных зданий и металл применяется не так широко.

— Завидую тебе.— Вакар грустно вздохнул.— Я тоже познакомился с Ретилио, и теперь жалею, что у меня нет времени поучиться у философов Огуджии. И что ты успел узнать?

— Он рассуждал о происхождении мирового яйца от совокупления вечного времени и бесконечного пространства...

Вакар был бы рад услышать об этом побольше — его всегда влекла философия, хоть она и не прижилась в палестрах Посейдониса. Но королева Порфия уже расположилась на троне и знаком велела подать сухое вино — для пробуждения аппетита. Однако, прежде чем сделать первый глоток, она плеснула на пол вина, вознесла молитву богам, а затем опустошила золотой кубок.

Вакар последовал ее примеру, и тут вдруг испуганный возглас жены Гарала привлек его внимание. На месте золотого блюда Квазигана стояла черепаха величиной с тарелку и глядела по сторонам глазками-бусинками. Квазиган засмеялся.

— Это совершенно безобидно,— объяснил гость.— Моя подопечная всего лишь иллюзия. Она никого не укусит и ничего здесь не испортит Правда, черепаха?

Черепаха кивнула, и зрители захлопали в ладоши. Вакар надолго прильнул к кубку. Когда он вновь поднял глаза, то увидел вместо черепахи лишь курносого волшебника, делающего пассы над блюдом. Однако возбужденная болтовня зрителей не оставляла сомнений, что остальные по-прежнему видят рептилию. Вакара подмывало похвастать своей невосприимчивостью к магическим иллюзиям благодаря хмельным напиткам (об этом он давно подозревал), но он передумал. Он все еще не доверял Квазигану, а посему решил, что поступит неблагоразумно, открыв ему свой маленький секрет.

Он посмотрел на Порфию, восседавшую на своем кресле. Это был очень необычный трон в форме огромной змеи из камня оливкового цвета. Голова и шея змеи образовывали один подлокотник, а туловище — другой. Хвост обвивался вокруг спинки, сиденья и ножек до самого пола.

— Это удивительное кресло,— произнесла Порфия, чья бледная кожа просвечивала сквозь платье цвета морской волны.—

Оно с берегов озера Тритон, где такие змеи считаются священными. Говорят, в царствование моей бабушки кресло перевезли через пустыню Гведулию, подвесив к седлам двух необыкновенных животных, которые в тех краях служат для верховой езды. Они выше коней и вдобавок наделены огромными горбами. Если верить легенде, это настоящая змея, парализованная заклинанием и...

— Мы, культурные люди,— вмешался Тьегос,— конечно, не верим в глупые сказки.— Он царапнул по подлокотнику ногтем большого пальца.— Убедись сам, господин Вакар, это мифическое чудовище — не что иное, как камень.

Вакар дотронулся до подлокотника трона, на ощупь тот действительно напоминал твердый кремнистый известняк.

— И все же, дорогая моя,— обратился Тьегос к королеве,— тебе бы следовало утопить его в бухте Седерадо и обзавестись другим. Но не из-за предрассудков, а чисто по эстетическим соображениям. Ну, что у нас сегодня на обед?

По огуджианскому обычаю гости сели по кругу, напротив каждого стоял столик. Слуги подносили яства на золотых блюдах. Вакар счел фаршированную куропатку великолепной, но вкус хлеба показался ему непривычным.

— Что это за злак? — поинтересовался он.

— Конечно, вам, пусадцам, такой хлеб в диковинку,— ответил Тьегос.— Он испечен из недавно окультуренного злака под названием «пшеница». Во времена правления отца королевы его завезли с материка.— Он повернулся к Порфии.— Дорогая, продай твоего повара в рабство, иначе мы все превратимся в свиней, поедая эти помои.

Вино было крепким, лучше, чем в Зиске. Вакар сделал большой глоток и лишь потом высказал свое мнение:

— Сударь, я не согласен с тобою. Я нахожу кухню Огуджи восхитительной, вино крепчайшим, а овощи великолепными...

— Твои дифирамбы никого не проведут.— Тьегос тоже успел основательно захмелеть.— Не тешь себя понапрасну мечтой о благосклонности Порфии. Пока речь идет о торговом металле, кораблях или рабах, мое дело — сторона, но если ты добиваешься от королевы услуг более интимных, то тебе придется иметь дело со мной, ведь я...

— Тьегос! — вскричала Порфия.— Ты ведешь себя как животное, следи за манерами!

— По крайней мере,— ответил Тьегос,— я ем и пью культурно, а не раздираю мясо, подобно изголодавшемуся льву, и не

лакаю вино с жадностью горбатого зверя из Гведулийской пустыни.— Он смерил Вакара уничижительным взглядом.

Вакар покраснел, поняв, что, по огуджийским меркам, его провинциальные манеры поведения за столом оставляют желать лучшего.

— Я всего лишь предупредил этого усатого варвара...

— Замолчи! — воскликнула Порфия, приподнимаясь над змеиным тронem. Ее зеленые глаза сверкали, а овальное лицо покраснело от гнева.

За мнимым спокойствием Вакара таилась смертельная угроза.

— Он всего-навсего хочет стать придворным шутом. Правда, Съегос? — принц по-лорски искажил имя фаворита, чтобы еще больше унижить.

— Ах ты, кабанье отродье! — вскричал Тъегос.— Я вырежу твое...

— А ну, вы оба! Успокойтесь! — неожиданно громко воскликнул Гараль.— Или позову стражу, и вас выгонят на улицу бичом со свинцовыми шипами... Рабы, уберите объедки!

Слуги убрали блюдо и принесли еще вина. С лица Абеггу из Токалета не сходило изумление — видать, он не привык к простоте нравов огуджийского двора. Вакар понял, что слишком приналег на вино. Он совладал с норовом и, показав на сцену совокупления на стене, спросил:

— Кто-нибудь возьмется это объяснить?

— Это иллюстрация к третьей книге «Золотого Века». Лесной бог Астерио седлает богиню земли Геру, чтобы сотворить первую человеческую пару,— объяснил Гараль. В оригинале это звучит так:

Похотью лик обагрн;
Мед расточая устами,
Неумолимый сатир
Геру поверг на траву...

— Нельзя оценить эти стихи по достоинству, если их не спеть,— перебил Тъегос и грянул отменным тенором:

Платье богини зари —
Струи шелков розоватых —
Нетерпеливо и яро
Он совлекает с нее...

— Проклятье! Даже мне эта задачка не по плечу без хорошей музыки. А не позвать ли нам свирельщицу?

— Не надо,— подал голос Квазиган.— Я не расстаюсь с музыкальным инструментом, он мне помогает коротать досуг.

Он достал из-за пазухи свирель и взял на ней несколько аккордов.

— Ну а теперь, сударь, напой мотив. Да, я справлюсь, начинай.

Под сладостные трели флейты Тьегос встал и допел «историю творения» до конца. Когда он умолк, Вакар произнес:

— Сударь, может, ты и шут, и не скажу, кто еще, дабы не оскорблять слух наших гостей, но за всю жизнь я не слышал лучшего голоса, чем твой. Чего бы только я не отдал, чтобы петь, как ты!

— Это пустяки.— Тьегос, пошатываясь, отступил к своему стулу.— У этой песенки довольно грубый варварский привкус, но в моем исполнении он не так заметен. По крайней мере я не воспринимаю всерьез всю эту глупую мифологию... Ик!

Приступ икоты завершил его речь. Порфия обратилась к Вакару:

— Ну а теперь, сударь, покажи-ка и ты, на что способен.

— Я могу лишь сказать, на что я не способен.— Вакар начал перечислять, загибая пальцы: — Я считал, что умею петь, но, услышав Тьегоса, понял, что всего лишь каркаю, как ворона, питающаяся падалью. Будучи трезв, я могу плясать,— надеюсь, королева помнит,— но сейчас я как назло нетрезв. Я знаю несколько историй, но благородному человеку недопустимо рассказывать их в таком обществе...

— Старина, забудь, что ты благородный,— захихикал Гараль.— Из уст самой королевы я слышал такие соленые истории, что тебе и не снилось.

— Отлично. А вы знаете анекдот о горбуне и жене рыбака? Нет? Ну так вот...

Когда он умолк, все захохотали. Жена Горалья разразилась истерическим смехом — пришлось ее хлопать по спине. Вакар еще рассказал анекдотец-другой, а потом королева Порфия заявила:

— Ты сказал, что умеешь петь,— так пусть «ворона» продемонстрирует свой голос.

— Да нет, что ты, твое величество...

— Я настаиваю. Господин Квазиган тебе подыграет.

— Но не говори потом, что я не предупреждал. Квазиган, мотив такой: да-де-де да-де-де...

Свирельщик подхватил мелодию, и Вакар запел «Песнь Врира»:

Вот к реке поскакал Врир, великий герой.
Зайскрилось в лучах серебро его лат...

Когда он закончил, Порфия захлопала в ладоши и воскликнула:

— Превосходно! Хотя я и не понимаю лорского языка, готова поклясться: ты поешь лучше Тьегоса.

— Я не слышал никакого пения,— прорычал Тьегос, совладав с икотой.— Но кажется, где-то поблизости квакала жаба.

— А ты как думаешь? — спросила Порфия Гараля.— Кто лучше поет, Вакар или Тьегос?

— Оба поют великолепно,— уклончиво ответил третий придворный калач и повернулся к Квазигану: — Ну-ка, давай еще! Сыграй нам какую-нибудь мелодию твоей родины.

Квазиган затянул заунывный мотив.

— Клянусь задницей Астерио,— сказал Тьегос,— это похоже на наш танец в честь богини Луны.

— Откуда ты знаешь, как он выглядит? — удивилась Порфия.— Ведь во время этого танца мужчинам строго-настрого запрещено приближаться к девам.

— Подумаешь, запрещено... Порфия, ты лучшая плясунья в Огуджии, вот и покажи его нам, а Квазиган сыграет.

— Это неприлично,— возразила королева, но ее голос потонул в криках остальных.

Наконец Порфия встала и плавно задвигалась в такт мелодии Квазигана. Она нетвердо держалась на ногах и то и дело наступала на шлейф своего просвечивающего платья, пока не вспыхнула:

— Проклятая тряпка! Мешает...

Она развязала пояс, выскользнула из платья и швырнула его на змеиный трон.

— А ну-ка, раздвиньте эти проклятые столы! — распорядилась совершенно нагая, если не считать расшитых драгоценными камнями сандалий, царственная танцовщица.

Перед глазами Вакара, словно в колдовском тумане, поплыла комната. Казалось, огни лампад на стенах закачались в ритме неземной музыки, а фрески ожили: еще чуть-чуть, и быкоглавый бог добьется своего.

Вакару хотелось вскочить и, подражая Астерио, схватить в объятия гибкое белое тело Порфии. Королева ростом была невеличка, но ее формы будили звериные инстинкты в любом мужчине, который оказывался рядом.

В этот миг Порфия споткнулась и упала на колени Гараля. Министр поднял руку, чтобы отвесить шлепок королевскому задку, но вовремя опомнился. Это зрелище вызвало у Вакара такой приступ смеха, что он чуть не упал со стула.

— Ладно, хватит.— Шатаясь, Порфия вернулась к трону, попыталась натянуть на себя платье и восхитительно в нем запуталась. Тъегос кинулся к ней на выручку.— Кто еще что-нибудь умеет?

— У нас в Тегразене есть игра,— вызвался Квазиган,— под названием «ступай в Керне». По кругу расставляются стулья, на один меньше числа игроков. Пока звучит музыка, все ходят вокруг стульев, а когда она вдруг умолкает,— садятся, и тот, кому это не удается, выходит из игры. Тут убирают еще один стул, и снова все ходят по кругу... До тех пор, пока не останутся два игрока и один стул. Выигрывает тот, кто занимает последний стул. Пожалуй, я сыграю, пока вы будете ходить,— староват я для такой атлетики.

— Детская игра.— Тъегос поморщился.— Боюсь, нам скоро надоест.

— Все бы тебе брюзжать! — воскликнула Порфия.— Вакар, Гараль, поставьте этот стул к стене! Господин Квазиган, сиди тут в центре и играй на дудочке. Великие боги! Вы только посмотрите на него! Она показала на Абеггу из Токалета, который потихоньку свернулся в углу калачиком и уснул.— Ну-ка, разбудите.

— Да как может мужчина, у которого в жилах — кровь, а не вода, уснуть во время такого зрелища! — поразился Вакар.

— Ему это неинтересно,— сказал Тъегос.— Он мне признался, что у них в Гамфазантии общепринято ходить нагишом. Эй, соня, вставай.— Он толкнул спящего ногой.

Разбуженному Абеггу объяснили правила, а потом игроки уверенно двинулись по кругу. Музыка смолкла, и стулья достались всем, кроме толстой и неповоротливой жены Гаралья. Она беззлбно рассмеялась и отошла к стене. Вакар убрал из круга один стул.

— Начали,— скомандовал Квазиган. Мелодия усложнялась, пальцы музыканта все быстрее порхали над свирелью. Вакару казалось, что комната кружится под музыку. Он не понимал, в чем тут дело, так как после ссоры с Тъегосом старался пить меньше.

Свирель умолкла, и на этот раз на ногах остался Тъегос.

— Вот и прекрасно,— сказал любовник королевы.— Меня совершенно не забавляет эта древняя игра.— И он присоединился к жене Гаралья. Из круга выбыл еще один стул.

Затем из игры вышел Абеггу из Токалета.

В этот раз мелодия пронизывала принца Вакара до мозга костей, от нее ныли зубы, жгло глаза. Свет лампад померк, а может, Вакару только почудилось. Как бы то ни было, у него все плыло перед глазами. Музыка сотрясала его, как собака — пойманную крысу...

Когда музыка стихла, Вакар быстро огляделся и побежал к темному силуэту, в котором он не без труда опознал змеиный трон королевы Порфии — последнее свободное сиденье.

Он в полуобороте упал в его каменные объятия за миг до самой Порфии, которая плюхнулась на его колени с игривым визгом, тотчас перешедшим в истошный вопль.

Вакар вторил ей звериным ревом, он вдруг с ужасом понял, что сидит среди колец гигантской живой рептилии. Голова на длинной шее с шипением взмыла и сразу же опустились. Глаза змеи уставились на пленников, а из пасти выскользнул раздвоенный язык. В то же самое мгновение хвост толщиной с торс Вакара захлестнул их обоих, сковав движения.

Словно издалека до Вакара доносились крики и топот ног. Чудовищная петля сжалась, у Вакара затрещали ребра, — казалось, ожившее дерево душит его в смертельных объятиях. Меча при нем не было; его левую руку зажал между Порфией и змеей, но правая оставалась свободной.

Вакар изо всех сил рванул ворот рубашки и вытащил из-за пазухи отравленный кинжал, от которого погиб Сол, и вонзил его в покрытую чешуей плоть, и еще раз, и еще...

Змея громко зашипела, но сразу же ослабила хватку. С невероятным трудом Вакар высвободил вторую руку. Вокруг него корчилась в конвульсиях гигантская тварь. Принц уперся ногами в ее туловище и с силой надавил. Петля поддалась, и Вакар с Порфией высвободились из хватки чудовища. Принц, часто оглядываясь на змею, потащил королеву через зал, подальше от опасности.

В зале они были одни.

Спрятав клинок, Вакар прижимал к себе королеву до тех пор, пока она не перестала дрожать. Наконец она подняла к нему лицо для поцелуя, но оттолкнула его, как только принц вознамерился совершить полный любовный ритуал.

— Не сейчас, — сказала она. — Чудовище сдохло?

Вакар подошел взглянуть и отпрыгнул назад, когда чешуйчатое тело дернулось.

— Еще шевелится! Что все это значит? У нас в Посейдонисе таких тварей нет.

— Они умирают очень медленно, как червь, которого глотает лягушка, — дюйм за дюймом. Но скорее всего опасность уже миновала. Видимо, легенда, над которой смеялся Тьегос, — не пустая выдумка. Кстати, о Тьегосе: что за жалких трусов я держу при дворе? Никто не пришел мне на выручку, кроме тебя.

— Не обольщайся, госпожа. Просто я оказался вместе с тобой в чешуйчатых объятиях и не сбежал вовсе не потому, что я такой храбрец. Напротив, никогда в жизни мне не было так страшно. Но почему наш холоднокровный приятель ожил как раз в тот момент, когда мы на него сели? Как ты думаешь, может быть, мы вдвоем показались слишком тяжелы для змея и он выразил свое неудовольствие тем, что очнулся от векового сна?

— Нет. Я ведь частенько сживала на этом троне с малодушным Тьегосом. Здесь не обошлось без магии. Вакар, мы должны решить эту головоломку, пока ветер времени не заметет следы. Но где же все? Эльбиен! Двэрос!

Ответа не последовало. Она повела Вакара по дворцу, который оказался совершенно пуст — если не считать горстки дрожащих стражников во дворе, ошетилившейся копьями, когда приблизились Порфия с Вакаром.

— Это еще что такое?! — возмутилась Порфия. — Вы что, собственную королеву не узнаете?

— Стойте, призраки! — заявил шагнувший вперед воин в броне из позолоченных пластинок.

— Ты спятил, ГуантоКакой я тебе призрак.

— А можно, я до тебя дотронусь, чтобы убедиться?

— Что за возмутительная чушь?! Ну ладно, дотронься. — Она величаво протянула ему руку.

Гуанто пощупал ее ладонь, затем поцеловал и сказал гвардейцам:

— Ребята, она настоящая! Прощения просим, ваше величество, но по дворцу пролетели такие слухи... Мои люди очень испугались. Если бы не я, они бы удрали вслед за остальными.

— Им бы тогда не поздоровилось. Если я вдруг снова окажусь в беде, попытайтесь мне помочь, прежде чем спасти собственную шкуру. А ну, живо на свои посты!

Когда стражники разошлись, Порфия сказала Вакару:

— Это Гуанто, помощник командира городского гарнизона. Неужели храбрецы остались только в эпосах и легендах? Труссы, наверное, весь дворец переполошили, когда убежали... И что ты обо всем этом думаешь?

— Я подозреваю нашего приятеля Квазигана, — задумчиво проговорил Вакар. — С другой стороны, он здесь чужак, как и Абеггу из Токалета. Зато Гараль и Тьегос — твои приближенные. Именно они могли питать тайные надежды на трон.

— Ну, в этом я сомневаюсь. Они оба не королевской крови, а потому не могут претендовать на корону.

Вакар улыбнулся.

— Едва ли это препятствие можно назвать неодолимым. Как ты думаешь, откуда берет начало большинство династий?

— Но я ведь с ними не ссорилась, не считая того, что отвергла совет Гарала выйти замуж за Шво из Зиска.

— Так это он тебе присоветовал? Повесь гиену! Я отлично знаю Шво — я его племянник. Он хваткий, как кернеец, и вероломный, как аремориец.

— Я и не намеревалась следовать этому совету. Но все-таки, мы ведь не уверены, что змея ожила по воле человека. А вдруг заклинание, которое ее сковывало, просто само по себе перестало действовать... Сходи за мечом и доспехами, а я тем временем тоже переоденусь для прогулки.

— Куда мы пойдём?

— Все так запутано, что мне необходимо посоветоваться с одной местной вещуньей. Поторопись, я тебя подожду.

Вакар ушел, а когда вернулся в плаще с капюшоном, наброшенным на шлем, то обнаружил совсем другую Порфию. Красивые сапожки из бычьей кожи выглядывали из-под короткого походного плаща. Капюшон был надет на голову, как и у него, а шарф скрывал лицо до самых глаз.

Порфия проводила Вакара до ворот, где он вынул факел из железной петли на стене. Королева повела принца на запад от дворцовой площади по лабиринту вонючих переулков, куда не проникал даже свет звезд.

Наконец она остановилась у одной из дверей и постучала условным стуком. Они подождали. Вскоре дверь на старых несмазанных петлях отворилась.

Маленькая согбенная старушка предложила им войти. В темноте был виден только ее огромный клювовидный нос, торчащий из под капюшона. Единственная свеча едва освещала захламленную и пропахшую плесенью комнатушку. На трехногом столике — одна ножка была сломана и кое-как починена — лежал папирус с иероглифами.

Вещунья что-то пробубнила под нос и свернула папирус.

— Господин Вакар, это моя старая подруга Чарсела, — произнесла Порфия. — Ей не надо представлять тебя, она сама узнает всю твою подноготную с помощью оккультного мастерства.

Вещунья подняла голову, и Вакар увидел огромные блестящие темные глаза и крючковатый нос.

— Ты знаешь, — дрожащим голосом произнесла старая карга, — а ведь я не могу тебе ничего сказать об этом молодом

человеке. словно какая-то стена с самого рождения охраняет его от магии. Я лишь вижу, что он пусадец, возможно очень знатный, и что он по натуре спокоен и склонен к наукам. Однако среда, в которой он вырос, превратила его в грубого хищника и искателя приключений. Впрочем, не надо быть магом, чтобы это понять, — достаточно приглядеться к нему хорошенько. Ну подойди, дитя, признайся, что понадобилось тебе на этот раз. Опять приворотное зелье, чтобы удержать твоего ветреного зубоскала?

— Нет, нет, — поспешила отмахнуться Порфия и рассказала о необыкновенном происшествии со змеиным тронem.

— Ха! — Чарсела вытащила из кучи скарба медный ковшик, наполнила водой и поставила на стол, после чего зажгла вторую свечу и воткнула в маленький металлический подсвечник. Порывшись среди хлама, колдунья нашла небольшой кувшин с чем-то жидким и капнула в ковшик. словно искры, брызнули во все стороны отблески пламени. Чарсела убрала кувшин и села у противоположного края стола, напротив свечи, чтобы видеть отражение огня в воде.

долго просидела так вещунья. Вакар, стоя спиной к двери, слегка изменил позу и при этом ненароком лязгнул мечом. Порфия укоризненно посмотрела на него. Где-то среди хлама зашуршала мышь, во всяком случае Вакар надеялся, что это мышь. Взгляд его с неподвижной знахарки переместился на огромного паука, плетущего на потолке тенета. Наконец раздался писклявый голос вещуньи:

— Очень странно. Я вижу лишь смутные силуэты, все как в тумане, ничего не разобрать. Поверьте моему опыту, здесь замешана могучая магия. Попытаюсь еще раз...

Она снова капнула из кувшина и снова умолкла. В сиянии свечи Вакар видел отрешенность на ее лице. И тут за его спиной с треском распахнулась дверь.

Вакар увидел, как ведьма и Порфия вскинули головы и испуганно воззрились на того, кто стоял за его спиной. Когда же он оглянулся сам, на его шлем обрушился удар чудовищной силы. Вакар упал на стол, тот с грохотом опрокинулся. Ковш и свеча полетели на пол, Чарсела и Порфия завизжали.

Вакар оказался на четвереньках. Голова кружилась, в глазах было темно. Он вскочил на ноги и схватился за рукоять меча. Клинок выскользнул из ножен как раз вовремя, чтобы парировать очередной удар плеча, нацеленный в голову принца. В свете второй свечи он увидел троих мужчин, ворвавшихся в комнату. Все они были в масках.

Глава 6

ЧЕРНАЯ ГАЛЕРА

Вакар атаковал ближайшего — того, чей удар он только что парировал. Человек в маске отскочил, но при этом поскользнулся в луже воды из опрокинутого ковшика. Прежде чем он успел восстановить равновесие, меч Вакара опередил неудачную попытку противника защититься и погрузился глубоко в складки его одежды. Принц почувствовал, как острие вонзилось в плоть.

— Чарсела, уведи ее отсюда! — закричал Вакар, не поворачивая головы.

Раненый схватился за бок свободной рукой и упал. Сквозь его хрип Вакар смутно различил увещевания колдуньи и протесты Порфии, услышал, как отворилась дверь черного хода, а затем хлопнула. Тем временем остальные убийцы вовлекли Вакара в схватку. Спотыкаясь о всякий хлам и лязгая мечами, они нападали с двух сторон на принца и стали теснить его в угол.

Вакар отчаянно защищался. Будь у него щит, он бы справился с ними, отбиваясь левой рукой, но он не решался нагнуться за стулом ведьмы, чтобы воспользоваться им вместо щита.

Вместо этого он сунул руку за пазуху и вытащил отравленный кинжал, который уже спас ему жизнь этой ночью. «Может быть, яд и потерял свою силу, — подумал он, — но хоть отвлечет ненадолго». Он метнул кинжал в того, кто был пониже ростом.

Человек в маске увернулся, но нож все-таки задел его рукоятью и, не причинив никакого вреда, полетел на пол. Тем не менее внимание убийцы было отвлечено, и даже его напарник на миг перевел взгляд на летящий клинок.

Не теряя времени даром Вакар бросился вперед, и его яростный натиск увенчался успехом — острие меча вонзилось в горло высокого убийцы. И тут Вакар почувствовал сильный толчок, а затем жгучую боль — на его правой руке появился порез. Коротышка, который присел, увертываясь от кинжала, вновь воспрял духом и замахнулся на лорска мечом.

Вакар, выдергивая клинок из горла долговязого, заметил краем глаза, что последний враг обратился в бегство, не дожидаясь, пока принц нанесет ему удар. Долговязый выронил меч и схватился за шею; в горле у него заклокотало, и он повалился на пол. Человек, которого Вакар ранил первым, ковылял к выходу. Убий-

ца, оставшийся невредимым, ударом ноги отшвырнул его в сторону и метнулся за дверь.

Вакар перепрыгнул через труп и кинулся к раненому, намереваясь покончить с ним одним точным ударом.

— Пощады! — закричал убийца, поднимаясь с пола.

В драке с его лица слетела маска. Меч Вакара, занесенный над головой врага, замер в воздухе: лицо показалось Вакару знакомым. Приглядевшись, он убедился, что перед ним Абеггу из Токалета, чужеземный приятель Тьегоса, На злополучном ужине во дворце Абеггу был одним из гостей.

— Очки Лира! — вскричал Вакар. — Что ты здесь делаешь? Клянусь, тебе будет непросто вымолить пощаду.

Абеггу заговорил с запинками и сильным акцентом:

— Т-т-тьегос сказал, что мы д-должны с-сорвать заговор против королевы. Он н-не... не упомянул, что это к-касается тебя, а когда я узнал, было слишком п-поздно требовать объяснений.

— Тьегос? — Вакар наклонился, чтобы сорвать с мертвеца маску.

Действительно, он заколол Тьегоса, бывшего любовника королевы Порфии.

Принц Вакар присвистнул: либо Тьегос участвовал в заговоре со змеиным тронем, либо распалился от ревности и подговорил двух дружков, чтобы покончить с чужаком. К счастью, они не знали, что у Вакара шлем под капюшоном, — иначе бы душа лорска сейчас скиталась в поисках новой инкарнации.

Он посмотрел на раненую руку. Кровь все еще текла, пальцы слушались плохо. Хижина была пуста: Чарсела увела Порфию через черный ход.

— Ну что ж, — сказал Вакар, — впервые в жизни меня пытались убить за пение. Что еще ты знаешь обо всем этом?

— Ничего, господин. Стыдно признаться, но, когда змея ожила, я сбежал вместе с остальными. Мы с Тьегосом отправились ко мне домой, в хижину неподалеку от дворца, чтобы распить мех вина, успокоить нервы и собраться с мыслями. Потом Тьегос опять пошел во дворец, а чуть позже, когда я ложился спать, вернулся с каким-то незнакомцем. Велел мне скорее взять меч и идти с ним. — Абеггу судорожно сглотнул.

— Продолжай...

— Я... Я не умею пользоваться этой штукой — мы, гамфазанты, народ мирный. Я ношу меч только как украшение. Когда мы сюда вошли, они толкнули меня вперед, чтобы я первым нанес

удар. Хорош друг, не правда ли? Как некрасиво получилось... Хотя бы в Токалете никогда об этом не узнали. А что, это действительно заговор против королевы?

— Нет, если только Тьегос сам его не устроил. Возможно, я поступаю глупо, отпуская тебя, но не могу же я хладнокровно зарубить того, кто пришел с края света, чтобы изучать философию. Ступай, но если снова попадешься мне на пути...— Вакар приподнял меч, и Абеггу, сгибаясь от боли, поспешил прочь.

Вакар направился вслед за ним и выглянул за дверь, но, кроме раненого гамфазанта, никого не увидел. Если соседи и слышали лязганье оружия, то благоразумно приберегли свое любопытство до лучших времен.

Что теперь делать — возвращаться во дворец? Принцу очень нравилась Порфия, но он не был уверен, что она совладает со своими чувствами, узнав, что он убил ее любовника. Может, королева прикажет его казнить, а потом раскается, но это не вернет ему головы, которая будет к тому времени гнить на пике над дворцовой стеной.

Нет, лучше всего поскорее уехать отсюда. Он в последний раз глянул на труп, спрятал кинжал и поспешил прочь.

У берега Седерадо он обнаружил «Дайру». Фуал спал с мечом в руке, прислонившись к мачте спиной. Когда Вакар подошел, слуга проснулся и вскочил на ноги.

— Господин, днем на борт поднялись какие-то люди. Они сказали, что посланы королевой, и перерыли весь груз. Мне с ними было не справиться — уж больно силы неравны. Но вряд ли они украли много.

— Не беспокойся,— криво улыбнулся Вакар.— Мы сейчас же выходим в море. Помоги-ка перевязать руку и отчалить.

— Господин, ты ранен? — Причитая, Фуал поспешил найти сравнительно чистую тряпку. Рана была примерно три дюйма длиной, но неглубока.

Вакар велел слуге замолчать. Вскоре они изо всех сил работали веслами, уводя «Дайру» от мола. Ставя парус, они перепутали тросы, и корабль зачерпнул воды. Они пошли на восток; Вакар кое-как рулил одной рукой, а Фуал вычерпывал ведром из трюма воду.

— Я не вижу у причала черной галеры Квазигана. Она что, ушла? — спросил Вакар.

— Да, господин, недавно. В сумерках я видел, как несколько человек в спешке перебрались с пристани на борт. Громадную обезьяну я узнал по фигуре даже в темноте. Они немного задержались — капитан отправил людей на берег, чтобы вытащить сво-

их гребцов из кабака,— а потом отчалили и исчезли в бухте. А что случилось во дворце?

Вакар рассказал Фуалу о происшедшем.

— Если я правильно запомнил уроки старого Рина, которые он втемяшил мне в голову, когда я был мальчишкой, то по пути нам встретятся еще один-два острова, а потом мы доберемся до материка Евскерии. На каком языке там говорят?

— На евскерийском, господин. Это сложный язык, но я знаю несколько слов. В свое время мне довелось пожить в Гадайре,— я ждал, когда меня продадут.

— Эх, вот был бы закон, чтобы всем людям говорить на одном языке! Как в старину, если верить мифам. Очень жаль, что нельзя было отрезать Срету голову и сохранить ее живой — она бы переводила, как голова легендарного Бранга. Выкладывай все, что знаешь о евскерийцах.

Остаток ночи Вакару не давала спать рана на руке.

На следующий день справа по борту исчезло из виду огуджийское побережье, а позднее впереди показался второй большой остров. «Дайра» до вечера шла вдоль его берега, пока Вакар не заметил в небе зловещую дымку. Тучи неумолимо надвигались.

— Будь мы возле Лорска, я бы предположил, что скоро налетит ураган.

— Господин, может, нам забраться в какой-нибудь грот и переждать, пока минует гроза?

— Да ты спятил! Мы же зеленые новички в навигации, обязательно разобьем о скалы наше жалкое суденышко.

Эта ночь, как и предыдущая, обошлась без приключений, не считая того, что у Вакара из-за непрерывной качки разыгралась морская болезнь. Рука болела еще сильнее, хотя он сменил повязку и промыл рану. Попутный ветер дул на юг, так что от них требовалось лишь удерживать «Дайру» на курсе, чтобы она не врезалась в темный берег.

В серый рассветный час Фуал глянул за корму и закричал:

— Господин, смотри! Это же черная галера!

Вакар похолодел. Галера ползла по их следу, как огромное насекомое. На мачте вздувался маленький квадратный парус, а весла равномерно поднимались и опускались. У Вакара еще оставалась надежда, что это не корабль Квазигана, но через несколько минут галера приблизилась, и он убедился в правоте Фуала, даже различил силуэт Нжи — обезьяночеловека — на баке. Вакар вполне обоснованно заподозрил, что намерения у людей на галере

враждебные, и вскоре обезьяночеловек подтвердил его опасения, достав гигантских размеров лук. Огромная стрела просвистела и упала в воду в нескольких футах от кормы. Квазиган и маленький Йок стояли на баке рядом с Нжи.

— Это знак остановиться, господин.

— Я знаю, дурак! — вспыхнул Вакар, глядя на галеру, неуклонно настигающую их судно.

Он недоумевал, как удалось Квазигану их выследить. Должно быть, здесь замешана та самая могущественная магия, о которой говорила Чарсела. Уж не Квазиган ли проделал диковинный фокус со змеиным тронem?

Но зачем этому странному чужеземцу гоняться за Вакаром Зу? Кто выиграет от смерти лорска? Возможно, его брат, но кто еще? Вакар ищет вещь, которую больше всего на свете боятся боги, и пытается тем самым предотвратить подлое вторжение горгон в Лорск. Следовательно, желать ему зла могут либо боги, либо горгоны, либо те и другие вместе.

— Господин, — сказал Фуал, — а вдруг нас преследует великий волшебник? Может, лучше сразу сдаться? А то мы лишь разозлим его, если будем удирать.

— Ах ты, трусливый кролик! Погоня ведь только началась. Я точно знаю, что смертоносные чары на таком расстоянии не действуют. К тому же ветер сейчас штормовой, палуба качается, а волшебство требует тишины и покоя.

— А я все-таки боюсь, господин, — пробормотал Фуал. — Спаси меня, умоляю!

Вакар отпустил крепкое словечко насчет малодушия своего слуги и попытался вспомнить хоть что-то о горгонах. Вроде бы говорили, что их колдуны способны заморозить человека на расстоянии, парализовать его неким способом под названием «медуза». Что такое «медуза», Вакар не знал, но был уверен: имея дело с горгонами, надо в первую очередь от них отворачиваться. А что касается богов...

Вакар устремил взор к низким небесам и потряс кулаками. «Коли вам нужна война, — мысленно произнес он, — вы ее получите!» В тот же миг на севере загрохотал гром. Ветер сменился на западный и значительно окреп. По палубе забарабанил дождь.

Над волнами пронесся еле слышный голос Квазигана:

— Принц Вакар! Ложись в дрейф...

— Иди сюда, спрячься! — крикнул Вакар Фуалу.

Сам Вакар скорчился под прикрытием уступа полуюта, удерживая руль поднятой рукой. От стрел Нжи его защищала высокая корма.

Второй оперенный посланец Квазигана пролетел так близко от принца, что свист был слышен сквозь вой ветра, и впился костяным наконечником в палубу. Вакар произнес:

— Пока не высовываемся. Им нас не достать...

— Господин, прошу извинить,— Фуал рискнул на миг поднять голову над полуютом,— но они уже совсем рядом.

— Проклятье.

Если они догонят «Дайру», надеяться будет не на что. Квазиган либо застрелит их, либо утопит, протаранив «Дайру». Он назвал Вакара принцем, а значит, Вакару не удалось провести этого хитреца.

Вакар приподнялся, ладонью заслонил глаза от дождя. Действительно, темный нос преследующего корабля подкрадывался к левому борту «Дайры».

Вакар нащупал меч. Он не испытывал романтического порыва перепрыгнуть на борт галеры и расправиться с врагами с помощью Фуала. Даже если он одолеет одного или двух матросов, это ничего не решит: он не сможет сражаться одновременно с несколькими воинами с мечами, отбивать удары дубины обезьяночеловека и избегать магических заклятий горгона Квазигана.

Форштевень галеры приближался, бронзовый таран выступал из воды всякий раз, когда корабль встречал волну. Вакар потянул кормило вправо, направляя «Дайру» к югу от берега. Судно опасно накренилось, но, несмотря на риск, галера в точности повторила его маневр.

Ветер все крепчал, а дождь уже казался сплошной молочно-белой стеной из струй, которые низвергались с небес, и поднятых ими брызг. У «Дайры» окунулся в воду левый планшир и нок нижнего рея. Вакар не сомневался, что судно вот-вот опрокинется.

— Помоги мне! — крикнул Вакар Фуалу, они вместе налегали на кормило, пока судно не привелось к ветру. Мачта трещала, тонкие реи яростно хлестали по вантам и таям, но, по крайней мере, «Дайра» теперь не кренилась.

— Можешь отпустить кормило,— сказал Вакар.— Посмотри-ка на галеру.

Фуал повернулся лицом к корме и тут же доложил:

— Не получается, господин.

— Что не получается?

— Посмотреть на галеру. Ничего не вижу, будто фонтан бьет в лицо.

Вакар, держась за руль, разглядел ненамного больше. Они держались намеченного курса, и у Вакара замирало сердце — он

ждал, что вот-вот таран врежется в их незащитное днище. Когда шквал ослаб, Вакар повернулся и еще раз глянул за корму.

И не увидел галеры.

Душа его вмиг воспрянула — он подумал, что преследователи опрокинулись и затонули. Но, приглядевшись повнимательнее, он увидел вдалеке большой черный корабль. Галера явно шла к берегу, волны перехлестывали через ее борт. Вакар удивился, но вскоре понял, что матросы борются за спасение своего корабля.

— Почему они нас больше не преследуют? — спросил Фуал.

— Не выдержали шквала. Галера с низкими бортами еще меньше приспособлена к штормам, чем наше суденышко. Видно, шкипер решил взяться за ум и переждать грозу под защитой берега.

— Хвала богам! Совсем как в той поэме, когда твой любимый герой Врир победил всех и... как там, господин?

Вакар продекламировал:

В отблесках молний поднялся над водами грозный
Лир — в чешуе, весь испачканный тиной морскою;
С силой ударил трезубцем, и там, где засел он,
Рыжее пламя вокруг, защищая героя, взметнулось...

Галера скрылась из виду за нависающим берегом и пеленой дождя. Вакар держал прежний курс. Боль в раненой руке волнами прокатывалась по всему телу. Борьба с кормилом вновь вызвала кровотечение. Промокший и измученный, он гадал: «Неужели слабая надежда спасти Лорск от горгон стоит хотя бы тысячной доли моих мучений?»

Весь день лил дождь. Но шквалы, едва не потопившие «Дайру» и ее преследователей, прекратились. Ветер немного унялся; теперь он дул с севера, и Вакару пришлось вести корабль неудобным галсом, чтобы его не сносило к югу, в открытое море. Ночью он спал урывками и видел кошмары, а рассвет встретил с лихорадочным жаром в теле, но с ясной головой. Рука невыносимо болела, и при малейшем движении ею принцу приходилось сжимать зубы, чтобы не закричать.

Дождь поутих, а ветер посвежел. Тучи истончались, и наконец проглянуло солнце. Вакар окинул взором горизонт и замер в ужасе, с отвисшей челюстью: милях в двух ветер надувал маленький парус галеры.

Вакара охватило отчаяние. Если Квазиган выслеживает его с помощью магии, то от погони ни за что не отделаться. Принц еле

на ногах стоит — где ему драться с численно превосходящим противником?

Он из последних сил попытался рассуждать здраво. Где-то впереди, за океаном, лежит материк, и, по рассказам Рина, от материка на юго-восток протянулся полуостров Дзен. Следовательно, если взять правее, как раз по ветру, то можно добраться до материка. Шансы, конечно, ничтожные — не видя земли, заблудиться проще простого. На звезды и солнце надежды мало — небо сплошь затянуто тучами. Если ветер задует на восток, то «Дайру» унесет в открытое море, и Вакар этого даже не заметит. А так — корабль пойдет быстрее, и прекратится эта мучительная качка...

Вакар потянул кормило влево. «Дайра» дала крен на правый борт. То же самое сделала и галера.

Проходили часы. Остров исчез из виду, а галера приближалась, хотя при такой высокой волне толку от весел почти не было.

— Ах мы, несчастные! — причитал Фуал. — Никогда не вернемся домой, не увидим друзей. На этот раз нам точно конец.

— Заткнись! — рявкнул Вакар.

Фуал тихонько заскулил, обливаясь слезами.

Вечером прямо по курсу показалась земля. Подведя «Дайру» ближе к берегу, Вакар увидел лесистые склоны холмов, а в туманной дали проглядывали голубые кряжи. «Уж не атлантическая ли это гряда, о которой ходят зловещие слухи?» — подумал он.

Галера приблизилась к Дайре почти на полет стрелы.

— Как теперь собираешься поступить? — спросил Фуал.

Вакар пожал плечами:

— Не знаю. Что-то я совсем ничего не соображаю...

— Дай-ка я потрогаю твой лоб, — предложил Фуал, а затем воскликнул: — Еще бы, господин! Ты же совсем больной. Я обязан переправить тебя на берег, приложить к ране распаренный навоз, чтобы вытянуть яд...

— Если доберусь до берега, сам позабочусь о ране.

Берег все приближался, но и галера не отставала.

— Буруны! Мы сейчас разобьемся о рифы! — закричал Фуал.

— Я знаю. Собери вещи, чтобы были под рукой, и будь готов прыгнуть с носа, когда врежемся в берег.

— Будет слишком поздно, галера протаранит нас прежде, чем мы доберемся до берега.

— Делай, что я сказал! — рявкнул Вакар, вглядываясь вперед.

Обернувшись, он понял, что галера действительно может настичь их раньше, чем они подойдут к бурунам. Вакар вцепился

в кормило, будто это могло добавить необходимый узел и спасти их от преследователей.

Галера была уже совсем рядом. Вакар слышал, как кормчий понукает гребцов. Впереди, всего в двух десятках локтей от берега, показалась линия скал. Огромные волны разбивались о них, поднимая фонтаны брызг, а затем, присмирив, накатывались на берег. Если удастся провести маленький корабль между рифами, то появится надежда убежать. Если же «Дайра» наскочит хоть на один риф, Вакар с Фуалом утонут, как мыши.

Раздался треск. Заостренный форштевень галеры ударил в корму «Дайры», и Вакар едва устоял на ногах. Фуал с истощным визгом свалился на палубу, сделал кувырок и сел. За свистом ветра, грохотом волн и криками людей на галере Вакар пытался услышать шум воды, рвущейся в пробоину «Дайры».

Утвердившись на ногах, он поглядел вперед. Их несло напрямиком на каменную глыбу. Вакар налег на кормило. Заскрипела мачта, раздался треск обшивки — «Дайра» задела препятствие. Вакар понял, что судно оседает на корму. Тем временем галера освободила таран, и гребцы изо всех сил заработали веслами, уводя ее от рифов.

— Приготовься! — крикнул Вакар слуге, который в ужасе лепетал что-то нечленораздельное.

Затем палуба дернулась под ногами принца и корабль врезался в берег. Вакара швырнуло вперед, но он удержался, схватившись за мачту. Поднырнув под нижний рей, Вакар обнаружил, что Фуал сорвался с бака и теперь, по колено в воде, с плеском выбирается на берег, напрочь забыв про мешок с пожитками.

С проклятьем, способным поразить ареморийца на месте, Вакар швырнул мешок на берег и сам прыгнул в воду. Боль, как от раскаленной докрасна бронзы, пронзила его руку. Подхватив мешок здоровой рукой, он настиг Фуала, вручил ему свою ношу, а затем ударил по лицу тыльной стороной ладони.

— Я тебе покажу, как бросать хозяина! — прокричал он. — А ну, пошел!

Пошатываясь, Вакар поднимался по травянистому склону прибрежного холма. На вершине он оглянулся — галера все еще держалась в отдалении от рифов, а «Дайра» лежала кверху килем на песчаной отмели. Парус ее намок, вода свободно вливалась и выливалась в огромные пробоины. Не похоже было, что на галере собираются спустить шлюпку. Вакар немного успокоился — пройдет некоторое время, прежде чем Квазиган отыщет не столь опасное место для высадки десанта.

Вакар повел заплаканного Фуала вверх, а потом вниз по склону холма. Когда море скрылось из виду, они повернули влево и двинулись вдоль берега.

Они брели около часа и вдруг замерли: из-за холма донесся яростный лай и рычание. Уж не врата ли преисподней охраняет эта злющая псина? Путники взялись за мечи и двинулись вперед, и за перевалом обнаружили диковатого на вид пастуха в овечьих шкурах, как попало обмотанных вокруг тела. Одной рукой он сжимал деревянную дубину с толстым концом, усаженным каменными шипами, а другой — поводок огромной собаки. Зверюга рвалась с поводка, мечтая растерзать пришельцев в клочья. На заднем плане сбились в кучу блеющие овцы.

Вакар поднял руки, а пастух закричал.

— Что он говорит? — спросил Вакар.

— Чтобы мы убились, иначе он спустит собаку.

— Спроси у нашего гостеприимного друга, нет ли тут поблизости селения.

Фуал заговорил на ломаном евскерийском. Повторив вопрос несколько раз, добился, что пастух махнул дубиной и буркнул:

— Сэндью.

— Это деревня, — пояснил Фуал.

— Скажи ему, что там, откуда мы пришли, лежит на берегу разбитый корабль, и он может делать с ним все, что хочет.

Когда чужеземцы скрылись из виду, пастух собрал овец и погнал на юг вдоль берега.

В руке Вакара полыхала боль, какой он еще в жизни не испытывал. Он пробормотал:

— Клянусь, Фуал, я больше никогда не буду смеяться над чужими хворями.

Тут все закружилось перед его глазами, и он потерял сознание.

Глава 7

САТИР ДЕРЕВНИ СЭНДЬЮ

Вакара Зу разбудил шум за окном. Принц лежал на грубой кровати в углу бревенчатой хижины, — казалось, она битком набита детьми и собаками.

Дверной проем в одной из стен хижины был закрыт кожаным пологом. Окна отсутствовали. На стене висел хозяйственный инвентарь: рыбацкий гарпун с акульими зубами, мотыги из раковин

огромного моллюска, деревянные серпы, усаженные тонкими осколками кремня, и тому подобное. За стеной напротив входа подавала голоса домашняя скотина. Это навело Вакара на мысль, что стена — всего лишь перегородка между жилищем людей и хлевом. В комнате коренастая селянка работала за ткацким станком, который мерно постукивал под собачий лай и детские крики. В доме стоял густой — хоть топор вешай — запах пота.

Фуал сидел рядом на грязном полу. Вакар поднял голову и понял, что слаб, как пожухлая трава.

— Где я? — спросил он.

— Мой господин, ты пришел в себя? Хвала богам. Ты в хижине Джутена, селянина. Это деревня Сэндю.

— Как я сюда попал?

— Господин, в пути у тебя помрачился рассудок. Мы остановились у первой приличной на вид хижины, и ты представился Джутену императором мира, а еще велел ему возглавить твои колесницы и атаковать горгон. Он, конечно, ничего не понял, но я, как смог, втолковал ему, что ты больной путешественник и тебе нужно полежать несколько деньков. Джутен не больно-то радушен, но я поделился с ним нашими запасами, и он скрепя сердце уступил.

Фуал брезгливо приподнял верхнюю губу и обвел взглядом комнату.

— Конечно, господин, эти люди нам не ровня, но от добра добра не ищут.

— И давно это было?

— Позавчера.— Фуал потрогал лоб Вакара.— Лихорадка тебя отпускает. Не желаешь ли супа?

— Еще бы! Я голоден, как медведь по весне.— Вакар шевельнул правой рукой и поморщился. Но все-таки он чувствовал себя лучше, чем раньше. Фуал принес бульон в чаше из тыквы.

На закате Вакар познакомился с женой Джутена — толстухой на сносях. Прибираясь в доме, она втянула его в разговор. Ее нисколько не смущало, что они располагали всего лишь десятком слов для общения, так что весь вечер Вакар болтал без умолку. Ему казалось, что они понимают друг друга.

Местные жители, атлантйцы, были рослыми и светловолосыми, с круглыми как арбуз головами. Судя по их виду и запаху, они никогда не мылись. Девушка, работавшая за станком, оказалась старшей дочерью Джутена. Вакар так и не сумел запомнить всех детей по именам — усвоил только, что маленькую шестилетнюю девочку зовут Атсе. Ему нравилось показывать ей на вещи и

спрашивать, как они называются. Она отвечала, считая это занятие игрой, а его ошибки — очень забавными шутками. К ночи он основательно пополнил свой словарь домашнего обихода.

Пришел Джутен — крепко сбитый и сутулый, с морщинами на лице, скопившими уйму грязи. Без особой симпатии взглянул на Вакара и спросил на ломаном гесперийском:

— Господин, вам лучше?

— Да, спасибо.

На ужин подали большой каравай ячменного хлеба, молоко и незнакомый золотистый фрукт под названием «апельсин». Джутен с виноватым видом показал на кувшин в углу.

— Пиво еще не созрело.

На другой день Вакар уже настолько пришел в себя, что смог ходить, и опять занялся с Атсе. Он показывал ей на все подряд, то и дело перебивал и требовал разъяснений. Потом девочка заскучала и ушла, но зарядил дождь и загнал ее в дом.

— Что ты делаешь, когда скучно? — спросил Вакар, сбывая трехдневную щетину бронзовым лезвием.

— Иду с ребятами играть или в гости к хвостатой даме.

— К кому?

— К даме с хвостом. Она живет на холмах, вон там.— Атсе показала на восток.— Я ее вот этим вызываю.

Девочка взяла крошечный свисток на бечевке из травяных волокон, висевший у нее на шее, и дунула. Вакар ничего не услышал.

— Как же она узнает, что ты ее зовешь? Ведь нет никакого звука.

— Нет, звук есть. Волшебный звук, только она его слышит.

Вакар дунул и сам, но тоже без результата, не считая того, что две собаки в хижине дружно завыли. Позже, когда Атсе опять ушла, Вакар спросил у жены Джутена про хвостатую женщину.

— Это тебе Атсе рассказала? — вскричала женщина.— Да я с нее шукуру спущу!

— За что? У многих детей есть воображаемые друзья по играм...

— Кто воображаемый? Хвостатая стерва? Она — сатир из Атлантиды. Поселилась эта тварь тут неподалеку и заставляет наших детей красть для нее еду. Мужчины искали ее с собаками, но те не берут след из-за колдовства.

Вакар, понявший лишь половину из сказанного женщиной, почувствовал усталость и решил отложить разговор о сатире до утра. В тот вечер, после ужина, Джутен пробормотал, что ему

надо на сходку односельчан, и на закате ушел из дому. Вакар спал, пока его не растормошил Фуал.

— Мой господин! — Слуга дрожал от волнения и страха.— Надо бежать, или нас убьют.

— Что? Ты спятил?

— Я был на сходке, подслушал, о чем они говорили. Решали, что с нами делать. Эгон, староста, доказывал, что нас надо убить.

— Очки Лира! За что?

— Если судить по тому, что мне удалось разобрать, они считают всех чужеземцев злодеями и полагают, что наше имущество очень пригодилось бы деревне. Хуже того, шаман уверял, что обеспечит деревне целый год спокойной и сытой жизни, если принесет нас в жертву богам,— а жертвоприношения у них сопровождаются пытками. Шаман сказал, что боги являлись ему во сне и требовали нашей крови. Джутен и еще двое-трое селян заступались за нас, но остались в меньшинстве.

— Что затеяли эти мерзавцы?

— Они подождут, пока мы уснем, и ворвутся сюда. Открыто напасть не рискнут — мечей боятся.

Вакар глянул через дверной проем на жену Джутена — толстуха как ни в чем не бывало молола ячмень на ручной мельнице. Принц задумчиво покрутил ус, решил, что она не понимает лорскую речь, и спросил:

— Все наши вещи в мешке?

— Почти, господин. Остальное я сейчас уложу.

Вакар встал, потянулся и надел плащ. Затем он склонился над кроватками детей, высматривая Атсе. Ее единственное платьице было скомкано и лежало под головой вместо подушки. Вакар осторожно вытянул его и нашел крошечный свисток. Некрасиво обворовывать ребенка, но что поделаешь? Он положил свисток в суму и сказал жене Джутена:

— Прошу прощения, госпожа, мы пойдем прогуляемся.

— А ты достаточно окреп для этого, господин? — спросила она, поднимаясь, чтобы уступить им дорогу.

— Думаю, да. Спасибо.

Вакар пошел впереди, Фуал семенил следом с мешком за спиной. Перед тем как свернуть за угол хижины, они услышали оклик женщины:

— Господин, а зачем ты взял вещи, ты что, уходишь?

Сделав вид, что не слышит, Вакар нырнул в проход между домом Джутена и соседским и направился на восток. Они мино-

вали два сарая, обогнули свинарник и загон для коней и пошли напрямик через вспаханное поле. Под сапогами чавкала топкая земля. Вакар был очень слаб, рука болела, но в остальном он чувствовал себя вполне сносно.

— Я здесь ничего не знаю, — пробормотал Вакар. — Ты успел разведать путь?

— Нет, господин. Я тоже почти не выходил из дому, лишь раза два прошелся по главной улице. А куда мы идем?

Вакар рассказал о женщине-сатире и добавил:

— Не знаю, существует ли она в действительности или только в суевериях селян, но я на всякий случай прихватил свисток малышки. Может быть, хвостатая дама согласится нам помочь, как друг третьего типа.

— Третьего типа? Господин, я и не подозревал, что друзья бывают нескольких типов.

— Есть друзья, есть друзья друзей, а есть враги врагов. Похоже, она относится к последним. — Вакар дунул на пробу, и тотчас деревня откликнулась взрывом лая.

— Мой господин, больше не делай так, ради богов! — взмолился Фуал. — Должно быть, эта штукавина издает какой-то звук, хотя простой смертный его не слышит. Ты добьешься лишь того, что эти демоны погонятся за нами по пятам. — Он оглянулся на деревню и крепко обругал туземцев по-ареморийски.

Поля остались позади. Двое беглецов молча брели по некошеним лугам, пробирались среди низкого кустарника. Сияли звезды, но ущербная луна так и не появилась. Где-то на холмах ревел лев. Когда путники свернули в балку меж невысоких склонов атлантйского предгорья, Фуал неожиданно спросил:

— Господин, ты слышишь?

Вакар остановился. Позади раздавались далекие голоса и лай. Обернувшись, он заметил тусклое мерцание многочисленных факелов. Должно быть, селяне все-таки решили поохотиться на беглецов с собаками.

— Надо спешить! — У Фуала стучали зубы. Вакар внял совету. С одним-двумя селянами он бы легко справился, но сейчас за ним гналось все мужское население Сэндью — крепкие селяне, вооруженные каменными топорами, рогатинами и вилами и осмелевшие благодаря своему численному превосходству. Если дойдет до схватки, даже верный меч не спасет Вакара.

Он снова дунул в свисток, но ничего не произошло. Они брели, изредка останавливаясь перевести дух. Шум погони все

приближался. Когда взошла луна, Вакар повернул на восток, надеясь, что на сильно пересеченной местности легче скрыться от преследователей.

— Господин,— плаксиво произнес Фуал,— зачем ты меня взял в этот ужасный поход? Мы только и знаем, что спасаемся бегством, нас все время бросает из огня да в полымя. Лучше бы оставил меня прислуживать твоему брату.

— Заткнись! — Тяжело дыша, Вакар оглянулся на долину, которая наконец-то осталась позади, и отчетливо разглядел вдали цепочку огней. Он поднес к губам свисток, но Фуал вскричал:

— Молю тебя, не свисти! Это только привлечет собак.

— Они и так нас чувят, и это наш последний...

Фуал с рыданиями упал на колени и поцеловал руку Вакара, но добился лишь увесистого пинка.

— Буду свистеть! А если это не поможет, нам останется надеяться только на наши мечи. Убежать мы не сумеем, но, по крайней мере, прихватим на тот свет несколько убудков.

Не обращая внимания на мольбы Фуала, Вакар подул в свисток. Факелы приближались, лай звучал все громче. Вакар почувствовал отчаяние. Вдруг кто-то произнес на евскерийском:

— Кто вы и что вам нужно?

Вакар никого не увидел, но все-таки ответил:

— Мирные путешественники. Нас хотят убить жители деревни Сэндью. Мы предположили, что ты можешь нас спрятать.

— Вы не похожи на селян — ни обличьем, ни речью. А вы мне окажете взамен одну услугу?

— Какую? — Вакар живо вспомнил легенды, где люди обещали мнимым помощникам все, о чем те просили, а потом горько жалели о своей сговорчивости.

— Помогите вернуться на мою родину.

— Мы сделаем все, что от нас зависит.

— Тогда идите за мной. Но если это ловушка, клянусь, вы пожалеете.

В кустарнике на склоне холма зашевелились ветки и появилось белое пятно. Вакар двинулся вслед за ним. Краткая передышка дала ему сил, чтобы подняться на холм. Все трое: Вакар, Фуал и почти невидимый в темноте проводник — перевалили через гребень. У подножия холмов копошились люди с факелами и собаки. На том месте, где беглецы повернули, собаки остановились и сбились в кучу.

— Они что, не чувят нашего запаха? — шепотом спросил Вакар.

— Нет. Я наложила чары. Но мы еще не оторвались от погони — такая магия действует недолго.

* * *

Через час Вакар вслед за сатиром проник в пещеру на склоне холма. Вход в нее был хитроумно замаскирован растениями. Хвостатое создание растворилось во тьме, беглецов ослепил сноп искр от ударов кремня о пирит. Загорелся факел.

— Сама я огнем не пользуюсь, — произнесла их спасительница, — но заметила, что моим любовникам, которые приходят из деревни, нравится видеть то, что они делают. Для них я и держу здесь эти вещи.

Вакар присмотрелся к ней. Сатир была неотличима от человека, если не считать конского хвоста. Она была молода, курноса, с раскосыми глазами и заостренными кверху ушами. К тому же она оказалась совершенно нага.

— У тебя есть имя? — спросил Вакар

— Да, Тираафа.

— А я Вакар. А это Фуал, мой слуга. Так что ты там говорила насчет любовников? — Вакар находил занятными повадки существ, близких к людям.

— С нами, сатирами, — сказала Тираафа, — заниматься любовью гораздо приятнее, чем с холодными и равнодушными людьми. Но, поскольку тут поблизости нет никого из нашего племени, приходится зазывать похотливых юношей из деревни. Конечно, по сравнению с сатиром любовник из человека никудышный, но на безрыбье и рак рыба.

— А где же твое племя? — спросил Фуал. — Я всегда считал, что сатиры обитают в Атлантиде.

— Обитают, но это не мой народ. Я родилась на Сатуридах, далеко к северу отсюда. Меня захватили фоворийские работорговцы и продали в Гадайре, но я сбежала и укрылась в горах. Потом отыскала племя сатиров, но те рассудили, что раз я говорю на чужом диалекте, значит, я шпионка, подосланная людьми. Они изгнали меня, побив камнями и палками. И вот я здесь...

— Хочешь вернуться на острова сатиров?

— Конечно! Вы сможете мне помочь? — Она с надеждой схватила его за руку.

Прибодрившийся Фуал произнес:

— Не бойся, Тираафа. Мой господин может все на свете.

— Пожалуй,— проворчал Вакар.— Чем закончилось твое общение с Сэндью?

— Женщины пожаловались старикам, и те запретили сыновьям ходить ко мне. Когда меня перестали кормить, пришлось воровать или просить детей, чтобы носили еду. А староста поклялся убить меня.

— У нас с Эгоном примерно такие же отношения.— Вакар криво улыбнулся.— Симпатия, ничего не скажешь. Но сейчас, похоже, мы в безопасности, так давайте ляжем спать, а утром подумаем, как быть дальше.

— Как пожелаете,— улыбнулась Тираафа.— Но, между прочим, я уже несколько месяцев не занималась любовью и ожидаю ее в награду за ваше спасение.— Ее ладони заскользили по рукам Вакара к шее, и ему сразу вспомнились ласки Били.

— Не со мной, малышка,— отстранил сатира Вакар,— я человек больной. Начни с Фуала, а завтра, глядишь, и я сдую. Фуал, дама жаждет любви. Позаботься об этом.

Вакар свернулся калачиком под плащом и погрузился в сон, не интересуясь тем, как его слуга воспринял этот необычный приказ.

— Нам нужно идти на север, к Гадайре,— объявил Вакар на следующее утро, деля с Тираафой ее скудный завтрак,— там я посажу Тираафу на корабль, и она вернется на родину. Ну а мы двинемся по Байтису к Торрутсейшу. Далеко ли до Гадайры, Тираафа?

Она не нашлась с ответом, поскольку народ сатиров не имел системы мер. Тогда Вакар подробно расспросил ее о том, как она добиралась от Гадайры до Сэндью. По его прикидкам вышло, что это крюк от ста до трехсот миль.

— Далековато, чтобы идти пешком,— заключил он,— особенно в стране, где селяне приносят чужеземцев в жертву своим богам. Чьих коней я видел вчера в загоне?

— Они принадлежат деревне, а значит — Эгону, потому что он хозяйничает в Сэндью вместе со своими родственниками. Они разводят этих зверей для продажи в Гадайру.

— А разве на них не пашут?

— Пашут? А что это такое?

Похоже, ни Тираафа, ни местные селяне отродясь не видели плуга.

— Надо украсть коней, это намного облегчит нам жизнь. В-первых, отомстим старосте Эгону, во-вторых, легко оторвемся от погони, в-третьих, быстрее доберемся до Гадайры, чем пешком, в-четвертых, продадим коней, когда отпадет необходимость в них.

— А зачем тебе в Торрутсейш? — спросила Тираафа.

— Надо посоветоваться с величайшими волшебниками мира. Ты случайно не знаешь, кто из них самый лучший?

— Я мало смыслю в таких делах, но, когда я была пленницей в Гадайре, слышала, как хвалили Кертевана. Все мы, сатиры, немножко волшебники, и подобные слухи быстро разносятся среди нас.

* * *

Принц Вакар выглянул из своего укрытия. На лугу паслись двенадцать стреноженных коней, а молодой сторож сидел, прислонясь спиной к дереву, и кутался в черный плащ. Длинное копьё с бронзовым наконечником лежало у него на коленях. С таким копьём (возможно, единственным оружием из металла на всю деревню) пастух мог отбиваться от голодного льва до тех пор, пока на его крики не подросла бы помощь.

Вакар оглядел молодого человека холодно — без ненависти, но и без приязни. Он знал, что многие независимые селянские общины считают горожан своей законной добычей — чаще всего тому виной произвол городских сборщиков налогов, мало чем отличающихся от разбойников, с точки зрения селян. Но хоть принц и понимал, что у жителей Сэндью есть причины ненавидеть чужаков, он бы все равно не пощадил их, окажись они на его пути.

Тираафа выглянула из-за дерева и тихо позвала:

— Олик!

Сторож схватил копьё и вскочил, как ужаленный, а затем рассмеялся.

— Тираафа! Мне приказано убить тебя.

— Неужели ты это сделаешь? Я же люблю тебя сильнее, чем всех остальных.

— Да неужели?

— Если хочешь, докажу.

— Клянусь богами, сейчас проверю.— Олик прислонил копьё к дереву и с игривым огоньком в глазах двинулся к Тираафе. Но вождение на лице юноши сменилось изумлением, когда из-за кустов выскочил Вакар и коршуном налетел на него. Пока Олик поворачивался и набирал в легкие воздух, чтобы воззвать о помощи, меч по самую рукоять вошел ему между ребер.

Пряча меч в ножны, Вакар спросил:

— Кто-нибудь из вас умеет ездить верхом?

Тираафа и Фуал смущенно потупились.

— Ну что ж... Кони тоже необъезжены, так что по части неопытности вы с ними на равных.— Вакар вышел на лужайку, где кони прядали ушами, рвались с привязи и закатывали глаза при виде чужаков и запахе крови. Он выбрал жеребца посмирнее, погладил по холке и из веревки, которой тот был привязан, соорудил уздечку.

Несколько дней спустя перед ними открылась Гадайра. Разглядывая лес мачт и рей за низкими крышами прибрежных домов, Вакар произнес:

— Фуал, прежде чем наша милая спутница покажется в городе, кто-то из нас должен побывать там и купить ей одежду,— объявил Вакар.— Иначе она угодит в лапы первого встречного работаровца. А поскольку ты торгуешься лучше меня, тебе и ехать.

— Господин, умоляю, позволь мне пойти пешком! Я так устал, и у меня все болит после падения с проклятой лошади. Я мечтаю лишь о твердой земле под ногами.

— Пожалуйста. А заодно порасспрашивай насчет надежного капитана, ведущего свое судно на север.

Часом позже Фуал вернулся с серым шерстяным платьем и черным евскерийским плащом с капюшоном. Платье спрятало хвост Тираафы, а капюшон — ее уши. Фуал доложил:

— Я узнал, что через три-четыре дня капитан Терлас отправляется в Керис с грузом пробки и меди. Говорят, он человек слова.— Маленький аремориец помедлил, а затем выпалил: — Хозяин, отпусти меня на свободу. Я ничуть не меньше Тираафы истосковался по дому. И я обещаю позаботиться о ней, пока Терлас не высадит ее на родные дикie острова.

— Я и не знал, что ты так мечтаешь расстаться со мной,— промолвил Вакар.— Разве я плохо с тобой обращался?

— Нет, господин. Во всяком случае, не так плохо, как большинство хозяев, но ведь нет ничего лучше свободы и родного дома.

Вакар задумался. Мольба раба его тронула, поскольку он не был надменным аристократом, а бывший вор в походе показал себя верным слугой. С другой стороны, Вакара не прельщала идея искать нового надежного помощника в чужом городе. Пусть бы даже у того храбрости и силенок было побольше, чем у чувствительного Фуала.

— Сейчас я не могу тебя отпустить,— произнес он наконец,— мне не обойтись без твоей помощи. А Тираафа, надеюсь, способна сама позаботиться о себе. Но когда мы вернемся в Лорск, выполнив нашу миссию, я не только освобожу тебя, но и обеспечу всем необходимым для возвращения домой.

— Спасибо, господин,— уныло пробормотал Фуал. Они нашли конскую ярмарку и продали восемь из двенадцати коней, оставив себе четырех самых выносливых. Вакар получил за лошадей много всякой всячины: слиточки серебра с вензелями тартесского короля Асизена, кулечки редких пряностей из стран, что лежат за Херу и Тамузейрой, на далеком Востоке, а еще — медные слитки и ожерелья. Фуал, глядя с нескрываемой враждебностью на коней, предложил:

— Господин, можно купить колесницу, чтобы хоть не мучиться в пути...

— Нет. Колесницы хороши для городов, мы же отправляемся туда, где вместо дорог лишь тропинки.

Когда пришло время расставаться с Тираафой, они снабдили ее провизией и проводили до самого причала. Она горячо поцеловала Вакара и молвила на прощанье:

— Я всегда буду помнить вас. Вы превосходные любовники, хоть и люди. Надеюсь, капитан Терлас не уступит вам в этом отношении.

Подчиняясь порыву, Вакар отсыпал ей горсть меди и помог подняться на борт. Корабль отчалил, Фуал заплакал, а Вакар долго махал рукой на прощанье. Потом они отвернулись к четырем коням, привязанным к столбику-кнехту. Вакар вскочил в новое седло и ударил коленями жеребца, которого уже успел приручить. Фуал, подражая хозяину, тоже запрыгнул на лошадь, но промахнулся и упал в грязь по другую сторону, чем вызвал хохот своего господина. Вакар бросил взгляд на море и умолк, будто его смех обрубили топором.

— Фуал,— вскричал он,— живо на коня! Галера Квазигана входит в бухту.

Несколькими секундами позже четыре коня мчались галопом по улицам Гадайры прочь от моря...

Глава 8

БАШНИ ТОРРУТСЕЙША

В ста шестидесяти милях пути вверх по Байтису лежал могущественный Торрутсейш — столица Тартесской империи и самый большой город мира, известный под многочисленными именами в разных странах и эпохах. Еще при жизни Вакара он был таким древним, что его история успела окутаться туманами мифов.

К эпохе Вакара Лорского королевство Тартессия простерлось далеко за границы Евскерии, подчинив себе множество народов: тердетанийцев, тердулийцев и даже файаксийцев, которые вовсе не имели отношения к Евскерии. Город Торрутсейш, славный на весь мир благодаря своей магии, стоял на острове посреди реки Байтис. Принц Вакар добрался к нему по прибрежной дороге, ведя на поводу двух запасных лошадей. За ним ехал Фуал. Чтобы не свалиться с седла, он держался за гриву коня. Слева от них, на широкой реке Байтис, покачивались долбленки, плоты из надутых шкур и другие разновидности речного транспорта.

У поворота на мост Вакар остановился и окинул взглядом крепостные стены и башни столицы метрополии. Внешняя стена имела форму кольца, как в Амфере, но была гораздо выше. И она, и величавые башни, выроставшие за нею, были сложены из белого, красного и черного камня, являя взору прекрасные мозаичные орнаменты. В позолоте куполов и шпилей отражалось яркосинее евскерийское небо, в легком ветерке нехотя полоскались флаги с изображением совы — тартесским гербом.

При виде зданий в три, а то и в четыре этажа Вакар задрожал от волнения. Они бы понравились ему еще больше, если бы не приходилось поминутно оглядываться на реку в боязни увидеть на ней зловещую черную галеру. В этой части Байтис была судоходна, и Вакар не сомневался, что его враг, обладающий сверхъестественными способностями, очень скоро начнет наступать ему на пятки.

Пройдя досмотр у стражников городских ворот и подыскав себе жилище, Вакар осведомился, где находится дом волшебника Кертевана.

— Ты хочешь встретиться с Кертеваном? Лично? — спросил хозяин постоялого двора. При этом челюсть у него отвисла так, что Вакар разглядел кусочки лука-порея, застрявшие между зубами.

— Да, и что в этом такого особенного?

— Ничего, пожалуй... Вот только Кертеван не жалуется обыкновенных людей вроде нас с тобой. Он первый маг короля Асизена.

Вакар поднял кустистые брови.

— Это любопытно, но я тоже не самая мелкая сошка в своей стране. Скажи мне, где живет колдун?

Хозяин постоялого двора ответил. Умывшись и немного передохнув, Вакар с Фуалом отправились в указанном направлении. Они заблудились среди улочек старой части города и спросили горшечника, медленно вращавшего гончарный круг в своей мастерской:

— Не подскажешь нам, как найти дом волшебника Кертевана?

Ремесленник с тревогой посмотрел на путников, не прекращая работы; кувшин рос в его пальцах, словно по волшебству. Предположив, что горшечник не понял его ломаного евскерийского, Вакар положил руку ему на плечо и повторил:

— Я спросил тебя, где живет волшебник Кертеван. Ты не знаешь или не понял меня?

Тот пробормотал:

— Я понял тебя, но не хочу, чтобы ты пострадал по моей вине, ибо не стоит тревожить достойного архимага без веской на то причины.

— Моя причина — это мое личное дело, — раздраженно ответил Вакар. — Так ответишь по-хорошему или нет?

Тартессец огорченно вздохнул и указал дорогу.

— Можно подумать, что мы спрашиваем о пути в семь преисподних, — сказал Вакар, когда они двинулись дальше.

— Наверно, так оно и есть, господин, — пробормотал Фуал.

* * *

Обиталище Кертевана — высокая башня из красного камня — стояло посреди окруженного стеной двора. Рукоятью кинжала Вакар постучал по медному гонгу, который висел возле ворот. Когда гонг умолк, ворота с громким скрипом отворились. Вакар вошел, бросил взгляд на привратника и невольно отшатнулся, наступив Фуалу на ногу.

— Ой, — вырвалось у Фуала. — Что...

Когда Фуал в свою очередь увидел привратника, он вскрикнул и собрался бежать, но Вакар поймал его за плащ и потащил за собой. Привратник затворил ворота и молча встал перед ними. Помалкивал он по вполне уважительной причине — у него не было головы. Привратником служило безголовое тело высокого мускулистого мужчины в набедренной повязке. Вместо шеи торчал лишь обрубок, поросший редкими темными, вьющимися волосами. Пара жутких на вид отверстий неправильной формы принадлежала, вероятно, дыхательному горлу и гортани. Единственный глаз смотрел из груди у основания шеи. Широкая нагая грудь медленно поднималась и опадала. Из-под набедренной повязки торчал бронзовый меч.

Вакар во все глаза смотрел на этого необычного слугу, недоумевая, как можно общаться с тем, у кого нет ушей. Но услышало

же это чудище гонг! Вакар неуверенно кашлянул, прочищая горло, и сказал:

— Меня зовут Вакар, и я бы хотел повидать Кертевана.

Безголовый направился к основанию башни. Отпер дверь большим бронзовым ключом, отворил ее и жестом предложил войти.

— Господин, может, мне лучше снаружи подождать? — пробормотал Фуал.— А то слишком уж гостеприимно встречают нас в этом преддверии ада...

— Пошли! — рявкнул Вакар, нервно хрустнув суставами пальцев.

Он вошел. Золотой луч заходящего солнца проникал через щель в стене и почти горизонтально пересекал комнату. Когда глаза Вакара привыкли к полумраку, он увидел вокруг мебель, украшенную золотом и камнями. Но блеск драгоценностей был едва различим под изрядной толщины слоем пыли и зарослями паутины.

«Очевидно, из безголовых рабов не получают аккуратные слуги».

Принц стоял в большой круглой комнате, которая занимала весь первый этаж башни. Винтовая каменная лестница вела на второй этаж и вниз, в подвал. Кроме двух чужеземцев и необыкновенного слуги, в комнате никого не было. Только жужжание перепуганной мухи в паутине нарушало тишину. Наверху решетка из тяжелых деревянных брусьев поддерживала дощатый пол. Вакар тщетно вглядывался в щели между половицами.

— Давай посмотрим на втором этаже,— прошептал он и, придерживая ножны, на цыпочках двинулся вверх по винтовой лестнице. За ним с ужасом в глазах следовал Фуал.

Для Вакара, выросшего в полудикой стране, лестница была загадочным новшеством и внушала страх, но это его не останавливало. Он беспрепятственно поднялся на второй этаж и замер при виде хозяина дома. На низком табурете сидел, подобрав под себя ноги и закрыв глаза, худощавый человек в мантии из блестящей материи, тоже незнакомой Вакару. Костлявые руки безвольно лежали на коленях. Перед худощавым на маленьком треножнике стояла медная чаша, в ней что-то тлело, над углями тонкой струйкой поднимался голубой дымок. Вакар шагнул к неподвижному человеку и уловил незнакомый запах.

Хозяин дома едва заметно пошевелился: всего лишь чуточку приподнял голову и слегка размежил веки. Вакар застыл на месте. Возникло неприятное предчувствие, что ему несдобровать, если эти глаза откроются полностью.

Худощавый заговорил на идеальном гесперийском:

— Здравствуй, принц Вакар из Лорска... Вакар, сын Забутира.

— Приветствую тебя.— Вакар не стал зря сотрясать воздух, спрашивая Кертевана, откуда тот узнал его имя.

— Ты пришел ко мне в поисках того, что боги боятся больше всего на свете.

— Это так.

— И ты бежишь от Квазигана, горгонского жреца Энтигты...

— Значит, он горгон? — Вакар нахмурился.

— Да, а разве ты не знал?

— Догадывался, но не был уверен.

— Так и быть, Вакар, за эти пустяковые сведения я не потребую с тебя платы. Однако чем ты собираешься заплатить мне за волшебство?

Вакар, готовый к этому вопросу, назвал сумму в унциях золота — примерно половину стоимости его товаров.

Глаза Кертевана еще чуть-чуть приоткрылись.

— Это смешно. Разве я деревенская знахарка, стряпающая приворотные зелья?

Вакар повысил цену, потом еще и еще раз. пока не предложил все свое состояние, решив оставить себе лишь крохи, чтобы добраться до Лорска. Кертеван улыбнулся уголками рта.

— Вакар Зу, я всего лишь играл с тобой. Я знаю содержимое твоей суммы до последнего пакетика пряностей, и будь у тебя втрое больше ценностей, мне бы этого было недостаточно. Я главный некромант короля Асизена, мне нет нужды промышлять обычным волшебством.

Вакар помалкивал, хмурясь и теребя ус. Через несколько секунд колдун вновь заговорил:

— Но все-таки, хоть ты и не можешь расплатиться со мной золотом, серебром и пряностями, ты способен оказать мне услугу, поскольку я нуждаюсь в том, чего за товары не купишь.

— В чем? — спросил Вакар.

— Всем известно, что я первый маг Торрутсейша и король даровал мне исключительные права на чудотворную практику. Однако это всего лишь половина волшебного поприща, другая половина — искусство прорицания. Сейчас первый пророк города, некто Ничок, заручился покровительством Асизена во всем, что относится к ремеслу оракулов, пророков и ясновидцев. Мне бы хотелось расширить поле моей деятельности.

Вакар кивнул:

— Понимаю.

— Я придумал отличный способ, но мне нужна помощь сильного и храброго мужчины. Вкратце план таков: мой соперник Ничок подолгу лежит в трансе, и в это время его душа блуждает, исследуя мир в пространстве и времени. Если завладеть его телом, пока он пребывает в таком состоянии, душа не сможет вернуться обратно. Пригрозив уничтожить тело, я заставлю душу Ничока повиноваться моей воле.

— Ты хочешь, чтобы я украл для тебя его тело?

— Именно.

— Почему я? — с подозрением спросил Вакар.

— Потому что жители Торрутсейша испокон веков боятся волшебников и никто из них не отважится участвовать в таком рискованном предприятии. Кроме того, мне известно, что твой раб обладает кое-какими познаниями и навыками в теории и практике воровства. Он тебе поможет.

— А что, если страх горожан вполне обоснован?

— В известной степени он имеет под собой почву. Признаю, ты рискуешь, ввязавшись в это дело, но ситуация вовсе не безнадежна. Будь я Ничоком, я бы в точности подсчитал твои шансы на успех. Как Кертеван могу лишь сказать, что преследовать раненого льва в его логове не менее опасно. У тебя есть время, пока твой друг Квазиган не прибыл в Торрутсейш. Он появится здесь завтра вечером.

Вакар молчал. Кертеван холодно смотрел на него.

— Молодой человек, я не намерен менять решение. Либо соглашайся на мое условие, либо отправляйся дальше в поисках средства против горгон.

Упоминание о горгонах придало Вакару смелости. Если Квазиган действительно из этого народа, то, значит, Сол не ошибся и Лорску следует ждать вторжения горгон.

— Я попытаюсь. Как нам действовать?

— Дождитесь темноты, а потом отправляйтесь в башню Ничока. Она похожа на эту, но поменьше, и находится в другом конце города. Я дам карту.

— Как я проникну в башню?

— Есть потайной ход, о нем не ведает даже Ничок.

— Не знает? Да разве такое возможно?

— Дело в том, что пятьдесят лет назад, когда я задумал свой план, я сам построил эту башню и продал ее Ничоку. Войдя в башню через тайный ход, вы увидите опускающуюся на цепях

дверь, а за ней лестницу, ведущую в подземную комнату. Там и лежит тело Ничока. С помощью колдовства я узнал, что его охраняет существо из другого измерения. Увы, я не могу сказать о нем ничего определенного.

— Гм. И как прикажешь одолеть этого стражника? С вооруженным человеком я бы попытал счастья в поединке, но с каким-нибудь десятируким демоном из другой Вселенной... А вдруг мой меч пройдет сквозь него как сквозь дым?

— Пусть это тебя не беспокоит. Твари из других измерений, обитающие в нашем мире, подчиняются законам нашей природы. Следовательно, если этот стражник материализуется в нашей Вселенной, чтобы погубить тебя, он станет в равной степени уязвим и для твоего оружия.

— Допустим... Но если душа Ничока способна блуждать отдельно от тела, откуда ты знаешь, что он не подслушивает нас сейчас? Колдун улыбнулся.

— Мой дом — моя крепость. Края всех отверстий в этой башне обработаны соком руты и чеснока, асафетидой и прочими духотпугивающими средствами. До темноты еще час, а ты, должно быть, проголодался. Поужинай со мной и отправляйся на задание.

Кертеван хлопнул в ладоши. Появился безголовый слуга и поставил два стула и низкий стол. Поскольку у него не было лица, Вакар не смог определить, был ли то привратник или другой.

— Господин Кертеван, у тебя необычные слуги,— сказал принц.— Ты считаешь, что без голов они послушнее? Что это за существо?

— Подарок властителя Белема. Ты знаком с Авоккасом?

— До меня лишь доходили зловещие слухи о стране Белем.

— Король Белема научился оживлять только что обезглавленные трупы путем вселения в них некой сущности. Если правильно обезглавить человека, можно залечить рану, пока тело не истекло кровью, и обзавестись слугой, более надежным и послушным, чем любой целый человек. У него лишь один недостаток по сравнению с целым человеком, таким, например, как ты,— нелегко оглядываться, имея единственный глаз на груди. У Авоккаса целая армия этих иццунегов, как их называют на языке Белема. Если судьба забросит тебя в те края, попроси Авоккаса превратить твоего раба в иццунега. Я уверен, он тебе не откажет.

— Мысль интересная,— ухмыльнулся Вакар,— но я должен учитывать мнение Фуала. Он ужасно чувствительный, его вряд ли прельстит идея остаться без головы.

— Гм...— задумчиво произнес колдун.— Видишь ли, существуют три гипотезы относительно местонахождения разума: он расположен либо в голове, либо в сердце, либо в печени. Похоже, Авоккаса доказал истинность первой версии. Я считаю, когда нет мозга, нет и памяти, и мыслей. Следовательно, оживляя безголового, можно не опасаться, что он...

Излагая магическую теорию, тощий старый чародей заметно оживился; тема до такой степени захватила Вакара, что он забыл о бессердечии Кертевана, о его презрении к другим людям. Принц забыл даже об угрозе, нависшей над ним самим.

Фуал дрожал не переставая. Когда появилась еда, Вакар произнес:

— Надеюсь, ты не обвинишь меня в подозрительности, недостойной гостя... Но я прошу поклясться твоими магическими способностями, что эта пища не причинит нам вреда, что она не отравлена и не заколдована.

Кертеван криво улыбнулся.

— Старик Рин — хороший учитель. Не бойся, Вакар Зу, мое угощение совершенно безвредно. Правда, даже самая лучшая пища бывает опасна, если не знать меры в еде...

— Только без уверток, пожалуйста. Клянисься? — Вакар знал: если волшебник поклянется своими магическими способностями и обманет, то эти способности его немедленно покинут.

— Клянусь.— Кертеван уткнулся в тарелку.

* * *

Башня Ничока чернела на фоне звездного неба. Хотя Вакар был предупрежден, что величиной она уступает башне Кертевана, в темноте она казалась значительно выше. Вакар и Фуал прижались к стене, окружающей ее, и прислушались. Плащи и суму они оставили у Кертевана, чтобы не таскать с собой лишней тяжести.

Из-за стены доносились звуки, и было это не топотом человеческих ног, а, скорее, шуршанием, словно чей-то чешуйчатый хвост волочился по песку. Кто-то тяжело дышал, шипя и присвистывая. Вдали показался свет.

— Стража! — Фуал в ужасе схватил Вакара за предплечье.

— Да, но это не повод отрывать мне руку. Вспомни, что нам говорил Кертеван.

В полном соответствии с наставлениями колдуна они прижались спиной к стене и замерли. Кертеван наложил на них чары

невидимости, уверив, что если они замрут и не будут шевелиться, стража их попросту не заметит.

Восемь горожан с факелами, посохами и алебардами прошествовали мимо. Вакар уловил фразу насчет цены на лук, и стража скрылась за поворотом, даже не взглянув в сторону лорска и ареморийца. Еще не успели стихнуть их шаги, а Вакар уже вел Фуала назад, к тому месту, где они только что стояли и прислушивались.

— Шесть шагов от ворот и два — от стены, — прошептал он. — Фуал, у тебя ступни как у евскерийца, поменьше моих. Ну-ка, отмерь.

Вакар пометил место носком сапога и принялся руками разгребать землю. Когда пошла твердая почва, он пустил в ход нож — водил кругами, постепенно расширяя их. Лунка быстро углублялась.

Наконец лезвие за что-то зацепилось, но это был всего лишь камень, а не бронзовое кольцо, которое искал Вакар.

По ту сторону стены необычные шаги зазвучали громче и вдруг стихли.

Нож встретил новое препятствие. На сей раз это оказалось бронзовое кольцо, покрытое толстой коркой патины. Вакар, мечтая о лопате, отгреб от него землю, затем ухватился обеими руками и потянул. Безрезультатно.

Он расчистил каменную плиту, в которую было вмуровано кольцо, и жестом призвал Фуала на помощь. Оба рванули изо всех сил, и плита с громким треском и скрежетом пошла вверх. Наконец она встала на попа, и в отверстие шириной примерно два фута посыпалась земля. Вакар поглядел в черный лаз, прислушиваясь, и сказал шепотом:

— Пошли.

Глава 9

СМЕРТЬ ОТ ПЛАМЕНИ

Отверстие было таким узким, что приходилось ползти. Целая вечность прошла в кромешной мгле; у Вакара болели колени, и он уже решил, что подземный ход выведет их аккуратно за другой край владений Ничока. Но неожиданно туннель закончился, и принц ударился головой.

Вакар нащупал края каменной плиты, которая преграждала выход из туннеля, собрался с силами, налег и медленно поднял. В тоннель полился тусклый свет.

Вакар просунул в отверстие голову. Единственная масляная лампа слабо освещала большую круглую комнату вроде той, что служила первым этажом в башне Кертевана. Массивная деревянная дверь была заперта изнутри на засов.

Вакар пробрался в комнату, на цыпочках подошел к двери и прислушался. Дверь была слишком толста; невозможно понять, звучат ли за ней те необычные шаги или ему только чудится. По словам Кертевана, где-то здесь должна быть дверь, за которой лежало тело его соперника-колдуна. Долго искать не пришлось — Вакар увидел на полу бронзовое кольцо, почти в точности такое же, как на первой каменной плите. Квадратная крышка люка поддалась легко, под ней принц разглядел верхние ступеньки приставной лестницы.

— Фуал, приготовь меч, — велел он. — Э, да что это с тобой?

Коротышка стоял на коленях и заливался слезами.

— Мой господин, не заставляй меня туда спускаться! Уж лучше смерть! Не пойду, хоть режь!

— Будь ты проклят, бесхребетный трус! — прошипел Вакар и ударил Фуала тыльной стороной ладони. Но аремориец лишь разрыдался еще пуще.

— Не пойму, как это у тебя хватало храбрости воровать?

Вакар разгневался не на шутку. Он бы, наверное, даже убил слугу, если бы не нуждался в его помощи и не боялся поднять шум. В одиночку ему не вытащить тело Ничока из подвала.

Стоило об этом подумать... И тут мрачная решимость едва не покинула принца Вакара. А может, сбежать потихоньку и по возвращении в Лорск просто сказать, что поиски ничего не дали? Или обратиться за помощью к другому волшебнику? Или вообще не возвращаться домой, а наняться в армию какого-нибудь материкового королевства, и пропади он пропадом, этот Лорск...

Но тут он взглянул на Фуала, и взыграла каменная гордость. Нет, раб никогда не увидит своего господина дрожащим от страха!

Вакар быстро спускался по лестнице, спеша встретиться лицом к лицу с опасностью, которая, возможно, подстерегала его внизу. Подвальная комната оказалась меньше верхней и была освещена единственной лампой, которая стояла на краю большого саркофага из черного мрамора. В саркофаге на соломенном тюфяке неподвижно лежал человек. Свет падал на его лицо, но в глазницах и на впалых щеках лежали тени. Черная мантия скрывала все тело Ничока, кроме ног в сандалиях.

Он лежал очень тихо, лишь изредка его грудь чуть приподнималась, доказывая, что он жив. Вакар не был подвержен фантазиям,

но все же ощущал присутствие кого-то невидимого, буквально кожей чувствовал недобрый взгляд. В неподвижном воздухе витал странный запах, не похожий на обычную затхлость склепа.

Придерживая меч, чтобы тот не клацал в ножнах, Вакар на цыпочках приблизился к колдуну. Он приготовился взойти на единственную ступеньку перед черным саркофагом и взглянуть в лицо Ничока, но тут зловещий шорох заставил его отпрянуть.

Кто-то зашевелился в сумраке по другую сторону саркофага. Вакар напряг зрение и увидел тварь, которая приподнялась на многочисленных конечностях. Глаза на стебельках уставились на незваного гостя.

Гигантский краб!

Чудовище стремительно засемило вокруг саркофага и напало на Вакара справа. Принц отскочил и, в свою очередь, обежал вокруг гроба. Краб не спешил преследовать врага, он повернулся кругом и огромной клешней подцепил лестницу; та с грохотом упала. Вакара прошиб пот, он понял, что это не просто краб-великан, а разумное существо.

Краб снова пошел в атаку на Вакара, хитиновыми ножками стуча о каменный пол. Принц обогнул саркофаг, тварь остановилась и двинулась в обратную сторону. Вакару тоже пришлось повернуть.

«Во имя всех богов! — подумал он. — Как мне выбраться из этой ловушки? Неужели мы так и будем носиться вокруг каменного ящика, пока один из нас не упадет от изнеможения?»

И он догадывался, кто первым устанет.

Впрочем, нет, у краба появилась новая идея. Осторожно, чтобы не задеть Ничока или лампу, он перекинул через саркофаг сначала одну ногу, затем — другую. Глаза на стебельках смотрели прямо в зрачки Вакара, усики между глазами хищно подрагивали, жвала непрестанно клацала, изо рта валила пена.

Тварь протянула клешни к Вакару, а тот ухватился за лестницу в слабой надежде поставить ее и выбраться из подвала. Он уже приподнял ее, когда услышал позади цоканье восьми крабьих ног. Тварь вырвала лестницу, дерево затрещало в огромных клешнях, способных перекусить человеческую шею с такой же легкостью, как стебель маргаритки.

Краб швырнул лестницу через весь подвал и, шелкая зубчатыми клешнями, ринулся на Вакара. Принц отпрянул в угол, выхватил меч и рубанул, как только чудовище оказалось в пределах досягаемости. Но острая бронза отскочила от твердого

панциря, не оставив на нем даже царапины. Рассуждая об уязвимости демонического стража, Кертеван ни словом не обмолвился о том, что тот способен явиться в столь надежном доспехе.

Вакар уперся лопатками в стену. Клешни неотвратимо приближались. Наступал последний миг — сейчас краб разрежет человека на кусочки, как рассерженный ребенок разрезает ножницами бумажную куколку... И в этот миг Вакара вспомнил эпизод своего детства. Когда-то он играл в одном из королевских поместий на побережье Лорска, на западном краю Посейдониса. В заливе Корт старый рыбак, держа тщетно сопротивляющегося краба в мозолистой руке, объяснял:

— Слышь, малец, бери его большим пальцем за живот, а остальными за спину. Тогда ему никак не удастся цапнуть тебя...

Вспомнив эти слова, Вакар нашел выход из положения. Как только клешня приблизилась, он бросился вперед и вниз; ударившись о пол, быстро пролез под жвалами и животом твари, которые возвышались от силы в двух футах над полом. Раздалась два щелчка — клешни цапнули пустоту. Вакар поднялся на ноги.

Теперь он был позади краба. Тот увидел его глазами на стельках и начал поворачиваться. Но Вакар, не теряя времени, вскочил на широкую жесткую спину, поймал свободной рукой один из раздвоенных усиков и потянул его назад. Держась за усики как за поводья, он балансировал на необычном скакуне, широко расставив и согнув в коленях ноги.

Краб описывал круги и неистово размахивал клешнями, огромные щипцы-челюсти клацали, когда тварь пыталась дотянуться до врага. Но панцирь затруднял движения.

Вакар безмолвно воззвал к богам Лорска, взмахнул мечом и отрубил сначала один глаз, а затем другой. Хлынула голубая кровь, ослепленный краб заметался по комнате... и врзался в каменный саркофаг.

От толчка Вакар слетел со спины краба, не удержавшись за усики, и сильно ушибся о саркофаг. Но сразу же вскочил на ноги и отпрянул от клешней. Краб двинулся прочь от него, врзался в стену, пошел обратно, бестолково мечась вправо-влево; остроконечные хитиновые ноги выбивали барабанную дробь. В конце концов он забился в угол, присел и угрожающе поднял раскрытые клешни.

Вакар подобрал оброненный меч, вложил в ножны и, крадучись подошел к лестнице. Одной ступеньки не хватало, а стойку расщепила крабья клешня. Вакар с сомнением осмотрел лестницу, а затем вернулся к саркофагу за телом Ничока.

Принц взвалил колдуна на плечо, шатаясь, приблизился к лестнице и полез вверх. Слабая стойка зловеще затрещала под весом двух человек и начала прогибаться. А вдруг лестница сейчас сломается и Вакар останется в этом подвале в обществе краба и без всякой надежды на спасение?

Однако принц упорно лез вверх. Когда уже казалось, что лестница вот-вот развалится, послышался голос Фуала:

— Держись, господин, я его вытащу.

Фуал наклонился и схватил Ничока. Господин и слуга поднатужились и, громко кряхтя, протащили колдуна через люк. Вакар очень торопился, но, выбравшись наверх, сел на край люка и свесил ноги.

— Погоди-ка.

Он сидел, переводя дух, а Фуал в ужасе шептал:

— Господин, давай поспешим, тварь все еще рыщет.. Когда на тебя напал краб, я думал, ты уже покойник, и даже отвернулся — не было сил смотреть. А когда заглянул снова, ты уже ставил лестницу.

Вакар бросил взгляд в подвал. Хоть он и не был сентиментален, ему стало чуточку жаль краба, затаившегося во тьме и напрасно ожидающего помощи от хозяина.

Через несколько минут владения Ничока остались позади. Беглецы возвращались тем же путем — сначала по подземному ходу, а затем по лабиринту городских улиц. Шатаясь, они несли Ничока, точно пьяного с вечеринки, — закинув его руки себе за на плечи. Вакар хромал — он сильно ушибся при падении со спины краба. При этом они орали залихватскую песню лорских пьянчуг:

Пена пивная шипит, душу согрело вино.

Выпьем за наших богов — промысел чей, как не их,

Свел нас за этим столом, бражников рьяных?

Богам — Вечная слава, а воинам — счастье в бою...

Кертеван склонился над грудой пожелтевших свитков, разворачивая их один за другим и вода по вереницам загадочных иероглифов длинным ногтем. Вакар и Фуал с трудом поднялись по лестнице, внесли в гостиную Ничока и опустили на пол.

— Вот, пожалуйста, — объявил Вакар.

Кертеван слегка приподнял тяжелые веки.

— Отлично.

Фуал подошел к суме Вакара — проверить, все ли на месте. Под презрительным взглядом некроманта он вынул золотые кольца и серебряные слитки, медные топорики и брусочки и кулечки

пряностей. Для облегчения подсчета он разложил все это аккуратными рядами на стуле.

— Ну так что же, господин маг? — поинтересовался Вакар. — Чего больше всего на свете страшатся боги?

Куртеван свернул манускрипты и бросил их в сундук, что стоял подле его табурета, поднял голову и сказал:

— Больше всего на свете боги боятся Кольца Тритона.

— А что это такое?

— Кольцо, которое носят на пальце. Оно вырезано из странного серого металла — не олова, не серебра и не свинца. Но почему его опасаются боги, я тебе сказать не могу. Сейчас кольцо на пальце Ксименона, короля тритонов. Ты найдешь его на острове Мене посреди озера Тритон в стране Тритония, которая лежит к югу от Тринаксийского моря. Теперь, когда ты получил все необходимые сведения, я прошу тебя удалиться, поскольку мне предстоит трудное колдовство.

Вакар выслушал эту речь и не поверил собственным ушам.

— Ты хочешь сказать... что у тебя этой вещи нет?

— Разумеется, у меня ее нет. Все, ступай.

— Да будь я проклят навек! В жизни не встречал такого наглого мошенника...

— Довольно, молодой человек! Я не терплю оскорблений, к тому же я тебя не обманывал. Вспомни нашу беседу — в награду за твою услугу я не обещал ничего определенного. Ты сказал, что ищешь одну вещь; прекрасно, я сделал все возможное, чтобы ты узнал, где она находится и что собой представляет.

Колдун был прав, но это никоим образом не умерило гнева Вакара. К его лицу прилила кровь, и он вскричал:

— Да как ты смеешь, прохвост?! Ты спрашивал, сколько я готов заплатить за саму вещь! И если ты...

— Молчать! Убирайся!

— Только после того, как вытрясу из тебя награду за мою работу!

Вакар потянулся за мечом и шагнул к Куртевану, но колдун лишь широко раскрыл глаза и встретился взглядом с Вакаром.

— Ты не можешь пошевелиться, — тихо произнес некромант. — Ты прирос к месту...

К ужасу своему Вакар обнаружил, что, приближаясь к колдуну, встречает все большее сопротивление, будто вязнет в меду. Рванувшись изо всех сил, он сумел лишь сделать один-единственный шаг и вытянуть меч из ножен на несколько дюймов. Глаза его

вылезли из орбит, а мышцы дрожали от напряжения. Краем глаза принц заметил скорчившегося над вещами Фуала. Слуга застыл с изумленным выражением лица, по-идиотски разинув рот,— словно на него тоже подействовали чары. Но колдуну было нелегко удерживать Вакара.

— Слабаком тебя не назовешь,— проворчал Кертеван,— но пойми, ты мне не соперник. Постой-ка спокойно, я все приготовлю к твоему уходу.

Кертеван протянул руку и бросил в кафельницу на тренажнике щепотку порошка; повалил дым. Колдун неторопливо нагнулся, подобрал посох и начертил им на полу геометрическую фигуру, а затем заговорил на незнакомом Вакару языке.

Принц рвался вперед как пес с цепи. По его лбу бежал пот, к щекам прилила кровь, зубы блестели в свирепом оскале. Могучим усилием он продвинул правую ногу на дюйм вперед и еще на ширину пальца вытащил клинок из ножен. Только и всего. Он не мог даже голову повернуть, и язык ему не подчинился.

Над рисунком, начертанным Кертеваном, появилось мерцание. Колдун знай себе гнусил заклинание, а мерцание переросло в яркий розовый свет. Сполохи света качались и подрагивали в воздухе, принимали то очертания человека, то извивающейся рептилии. Вакар чувствовал жар кожей лица и рук.

Кертеван прервал заклинание и пояснил:

— Огненный дух поистине незаменим, когда надо избавиться от мусора. Как жаль, что ты не успеешь оценить его по достоинству... Эй! На место! — прикрикнул он вдруг на языки пламени и пригрозил им посохом.— Эти духи опасны, как пленные львы, за ними нужен глаз да глаз. Глупый мальчишка, ты сам во всем виноват. Надо было уходить по первому моему приказанию.

Кертеван снова обратился к пламени на неизвестном языке — очевидно, велел огненному духу разделаться с Вакаром и Фуалом. Вакар рвался из невидимых пут; ужас перед смертью в огне придавал ему сил. Но все было тщетно.

Слова заклинания звучали все громче; казалось, от них содрогаются стены башни. Языки пламени неистовствовали, но они были покорны воле колдуна. И тут краем глаза Вакар заметил, как что-то мелькнуло в воздухе, ударило Кертевана в грудь и тихо шлепнулось на пол.

Кертеван замер с раскрытым ртом, а затем оглушительно чихнул. Когда он снова широко раскрыл рот, судорожно втягивая воздух, пламя выпрыгнуло из геометрической фигуры на полу и

бросилось на своего укротителя. Один-единственный возглас ужаса, и волшебник превратился в огромный факел. Огонь ринулся вверх, лизнул потолок и растекся по потолочным балкам и половицам третьего этажа.

От Кертевана осталась лишь дымящаяся кучка пепла. Огонь крушил все на своем пути, разбежался по потолку и проникал в щели между досками.

Услышав предсмертный вопль Кертевана, Вакар понял, что вновь обрел способность двигаться. Он взглянул на Фуала — тот сгребал в суму хозяйские сокровища. Вакар задвинул меч в ножны и бросился вперед. Не дожидаясь, пока уляжется пламя, он зарылся обеими руками в открытый сундук рядом с горящим табуретом и выгреб ворох манускриптов, уже затлевших по краям.

Держа свитки папируса в одной руке, а другой сбивая огонь, Вакар помчался к выходу.

Он скатился вниз по ступенькам винтовой лестницы, Фуал неся вслед. Когда они бежали через комнату, наверху раздался чудовищный треск — это обрушился потолок второго этажа. Между половицами над головой Вакар увидел буйные сполохи.

Во дворе он наткнулся на неподвижное тело безголового. Очевидно, смерть Кертевана погубила и его слугу.

Вакар с Фуалом выбежали за ворота и помчались к постоялому двору, на котором остановились. Встречные недоуменно озирались, где-то далеко гремел набат, извещая всю округу о пожаре. Вакар несколько раз сворачивал за угол, чтобы сбить со следа возможную погоню. Позади полыхала башня волшебника Кертевана.

— Хозяин, эти евскерийские колдуны и впрямь жулики, каких поискать,— проговорил Фуал, с трудом переводя дыхание.— Иначе бы им служили нормальные люди, а не безголовые покойники и крабы. Зачем ты украл эту пакость? — Он указал на манускрипты.— Ты что, решил стать магом?

— Нет. Но я не могу позволить, чтобы погибли драгоценные знания. К тому же в обмен на эти листки соперники Кертевана помогут нам добраться до Тритонии... Проклятье, где мы?

Когда чутье Фуала снова вывело их на верный путь, Вакар угрюмо произнес:

— Мне жаль бедного Ничока, но мы бы все равно не успели его вынести из горящей башни... Чем ты запустил в Кертевана?

— Редчайшей пряностью, мой господин. Ее привезли с далекого Востока, из легендарной Тамузейры. Торговец, который мне ее продал, назвал ее «перцем».

Глава 10

ОЗЕРО ТРИТОН

Месяц спустя принц Вакар и Фуал объявились в Хуперее — столице Фаяксии. Они проплыли вверх по реке Байтис на купеческой ладье, затем сушей добрались до истоков Антемии и спустились по ней в Тринаксийское море. Приключений не было, если не считать нападения льва, едва не закончившегося гибелью путешественников, встречи с диким быком, пожелавшим померяться с ними силами, и схватки с отрядом лайстругонийских дикарей. Наконец принц и его слуга пересекли границу Фаяксии — страны дружелюбных и улыбочивых людей, чей язык, сильно отличаясь от евскерийского, состоял в близком родстве с гесперийским. Через несколько дней Вакар уже вполне мог изъясняться на нем, хоть и путался в спряжениях.

Там, где полноводная Антемия впадала в Тринаксийское море, раскинулась Хуперея — сонм добротных домов, столь не похожих на привычные глазам Вакара замки, окруженные частоколами и облепленные со всех сторон хижинами. Вакар беспрепятственно миновал ворота и въехал на широкую улицу, по сторонам которой высились дома. Перед каждым домом стояли крашенные мраморные статуи богов и героев, вокруг на аккуратных клумбах росли цветы. Все это привело Вакара в романтическое расположение духа; глядя с коня по сторонам, он распевал:

В красном рассвете над грудами недругов мертвых
Врир Сокрушитель стоял, алою кровью испятнан.
Крик торжествующий взмыл к небесам, возглашая победу...

— У вас в Керусе есть поэты? — спросил он вдруг Фуала.

— Да, господин, но наша поэзия сильно отличается от лордской. У нас в ходу рифмованные трехстишья, а не расколотые строки и ритмичная аллитерация. Но я никогда не питал пристрастия к таким вещам. Да и недосуг было — все время приходилось воровать, чтобы не умереть с голода.

— Жаль мне тебя. Лично я считаю поэзию одним из самых дешевых и безвредных удовольствий в жизни. А вот и первый встречный горожанин, который, надеюсь, укажет нам путь. — Вакар придержал коня.

На скамье перед домом сидел обнаженный коренастый мужчина с пышной бородой, с помощью тесла и пилы мастерил раму кровати.

— Эй, добрый человек, где я могу найти кров для себя и слуги? — обратился к нему Вакар.

Горожанин поднял голову и ответил:

— Чужеземцы, да будет вам известно, здесь нет постоянных дворов, как в Торрутсейше. По обычаю, мы селим приезжих, в зависимости от их положения, в своих домах. Три дня можно жить бесплатно, при условии, что вы расскажете о вашей стране и других государствах за пределами Фаяксии. Потом придется уезжать или платить за постой.

— Занятный обычай, — улыбнулся Вакар. — И каково его предназначение?

— Благодаря ему мы заранее узнаем об опасностях, которые нам угрожают, а также изучаем зарубежный рынок, что дает большие возможности нашим торговцам. А теперь представьтесь, и я все устрою.

Собеседник держался с достоинством, из чего Вакар сделал вывод, что он не раб, как ему показалось сначала, а полноправный почтенный гражданин.

Не видя причины скрывать свой титул, Вакар промолвил:

— Я Вакар, сын Забутира, престолонаследник из Лорска, что на Посейдонисе.

Горожанин задумчиво покачал головой.

— Я слышал о Посейдонисе и о Лорске, хотя ни один фаяксиец еще не бывал так далеко на западе. Чужеземец, пожалуй, будет всего правильнее, если я предложу тебе погостить в моем доме.

Он накинул плащ, застегнул его на узорчатую золотую пряжку, позвал слугу и велел позаботиться о конях путников. Сначала Вакар рассердился, предположив, что хозяин дома ему не поверил, затем его осенило:

— Господин, могу я поинтересоваться, кто ты?

— Неужто не знаешь? Я Наузишен. — Видя недоумение на лице Вакара, горожанин пояснил: — Король Фаяксии.

Вакар почувствовал, что краснеет, и смущенно забормотал извинения, но король Наузишен успокоил его:

— Полно, полно, не ты первый совершил такую ошибку. Фаяксия — страна торговцев, мы, в отличие от евскерийцев, не особо кичимся титулами и чинами. А поскольку в Хуперее нет плотника искуснее меня, я предпочел сделать кровать сам, нежели нанимать для этого работника... Ну, добро пожаловать... Вероятно, ты хочешь принять горячую ванну и переодеться в чистое. Сейчас я обо всем распоряжусь, а вечером властители Фаяксии охотно выслушают

твой рассказ. Я слышал, как чудесно ты поешь, а у нас считается, что певец с великолепным голосом не может быть злодеем.

Вакару было легко и уютно среди добросердечных гедонистов. Впервые после вечеринки во дворце королевы Порфии ему удалось отдохнуть и развеяться. Он внимательно следил за тем, как ест и пьет хозяин, чтобы не допустить оплошности, как тогда в Седерадо. Здесь, например, было принято есть мясо с кинжала, а в Седерадо это считалось верхом неприличия.

Бард Дамодокс, пощипывая лиру, спел короткую балладу о похотливых фаяксийских богах, о том, что случилось с Афрадексой, богиней любви и красоты, когда ее муж Гефастес прознал о ее шашнях с богом войны. Вакару объяснили, что в прошлом году Дамодокс победил на состязаниях певцов, которые в Фаяксии пользовались едва ли не большей популярностью, чем атлеты в Лорске. Налегая на яства и вино, принц с любопытством оглядывал убранство зала. Рисунки на стенах показались Вакару очень яркими и реалистичными, он никогда не видел ничего подобного. А чеканные изображения на серебряных блюдах и кубках поражали своим изяществом.

Когда песня барда закончилась, Вакар сказал:

— Господин Дамодокс, у тебя превосходный голос. Мой не идет с ним ни в какое сравнение, хотя у себя на родине я тоже слышу певцом.

Бард улыбнулся.

— Я уверен, ты бы с легкостью превзошел меня, если бы упражнялся столько же лет. Но подобное занятие не к лицу наследнику престола, ибо оно свидетельствовало бы о его пренебрежении своими прямыми обязанностями, то бишь военным делом и управлением государством.

— А ты не боишься, что ваши боги обидятся на столь откровенные высказывания об их грешках?

— О нет, наши боги — народ веселый, они любят добрую шутку. Если уж на то пошло, Афрадекса посетила меня не далее, как этой ночью. Она передала для тебя весточку от одного из западных богов, Акимы, кажется...

— Окмы, — поправил Вакар. — Говори.

— Трудно вспомнить дословно, ты же понимаешь, это все-таки сон. Если не ошибаюсь, пусадский бог хочет предупредить об опасности, которая преследует тебя уже много миль и скоро настигнет, если ты не поторопишься.

— Ого! Я запомню твое предостережение.

Принц вернулся к прерванному занятию — дегустации отменных фаяксийских вин. Он по-прежнему считал, что оставил свое сердце в Огуджии, но сейчас подумал, что если когда-нибудь его вынудят расстаться с Лорском насовсем, а Порфия не простит ему смерть Тьегоса, то он, пожалуй, осядет в Фаяксии. Правда, здесь не изучают философию, зато умеют жить со вкусом. Ему нравились эти люди, и он, похоже, нравился им. Вакар Зу не привык к столь лестному отношению к своей персоне и потому мог оценить его по достоинству. А может, войти в милость к королю Наусишену, жениться на какой-нибудь фаяксийской красотке и обосноваться здесь, и катись он, неблагодарный Лорск, в любую из семи преисподних?

Но тут Вакар подумал о Порфии и решил воздержаться от скоропалительных решений, пока не выяснит, как королева к нему относится.

Из раздумий его вывел голос короля.

— Сударь, позволь спросить, куда ты направишься после того, как покинешь нас?

— В Тритонию. Это ведь к югу отсюда, не правда ли?

— К юго-востоку, так точнее. И какова твоя цель?

Будь Вакар трезвее, он бы поостерегся рассказывать о своих поисках Кольца Тритона, но сладкое вино притупило ум и развязало язык.

Все заинтересованно слушали и кивали, а потом король сказал:

— Я слышал об этом кольце, а еще о том, как дорожит им король Ксименон. Чтобы завладеть Кольцом Тритона, нужны сверхчеловеческая сила, хитрость и способность убеждать.

— А что это за кольцо? — поинтересовался Вакар. — Чем оно отличается от остальных?

— Говорят, оно надежно защищает от любого волшебства, — ответил король Фаяксии. — Еще говорят, его вырезал тартарский медник из упавшей звезды, которая принадлежала владыке Белема. А это означает, — добавил Наусишен, — что с таким же успехом можно искать кольцо на луне, ибо никто еще не покидал Белем живым, да и Тритония вовсе не сахар...

— Чем же она так опасна? — спросил Вакар.

— На озере Тритон сложилась очень необычная ситуация. В тех краях соперничают два могущественных народа: амазонки острова Херронекс и тритоны острова Мене. Подвластные им племена обитают вокруг озера. Когда-то тритоны и амазонки принадлежали к одному народу, но в наше время это племя мужчин и племя женщин. При жизни моего отца на остров Херронекс

напали с юго-запада грозные атланты, и на той войне погибло так много мужчин, что королю пришлось вооружить женщин. Они помогли разгромить атлантов, но потом многочисленная армия женщин восстала против мужчин. Однако впоследствии женщины, будучи многочисленнее, вступили в заговор против мужчин, разоружили их и тем самым обрекли на порабощение. Матриархат продолжался несколько лет — мужчины выполняли всю работу не только в поле и на пастбище, но и у домашнего очага. В конце концов мужчины подняли мятеж и сбежали на остров Мене. Там они вооружились и построили крепость, чтобы защищаться от женщин. С тех пор война между ними не прекращается, и, если в Тритонии появляется чужеземец, обе стороны спешат захватить его в плен, и тогда его ждет служба в армии или жестокие пытки и смерть.

— Так-так,— задумчиво произнес Вакар.— Значит, рискованная предстоит поездка. Если нас поймают мужчины, мы обречены всю жизнь воевать, а если женщины... Что за племена обитают за южными пределами Фаяксии?

Наузишен перечислил, загибая пальцы:

— На востоке, у берегов Тринаксийского моря, живут лайстругонские дикари. Увы, они несколько не добреют при сладких звуках наших песен. Их набеги вконец измотали нас, даже пришлось просить защиты у короля Тартессии. К югу от Лайстругонии лежит островное государство Тритония, там люди ездят на лошадях без седел. К востоку от Тритонии — Пеласгийское море, по нему наши торговцы плавают в Херу, Тамузейру и иные дальневосточные страны. А юго-восточнее Тритонии можно найти немало удивительных народов, например атарантов, которые проклинаят солнце, вместо того чтобы молиться ему. Еще там встречаются люди, которые отказываются называть свои имена из опасения, что чужеземец наложит на них злые чары. Мне доводилось слышать о народе гарамантов. У них не принято жить семьями, мужчина и женщина просто случаются, как звери, и расходятся, тут же позабыв друг о друге. В одном из тамошних племен есть обычай с ног до головы краситься в алое, жители другой страны знамениты своими невообразимыми прическами. Есть племя, в котором невеста на свадебном пиру ублажает всех гостей мужского пола, тогда как почти во всем мире это исключительная привилегия жениха... К югу от Тритонии лежит овеянная мрачными легендами страна Белем, а за ее роковым краем — пустыня Гведулия, где обитают только дикие звери и еще

более дикие люди — гведулийцы. Они ездят на верблюдах и промышленляют скотоводством и грабительскими набегами на соседей.

Вакар понимающе кивнул: на свете нет племен опаснее выносливых, воинственных и алчных кочевников-скотоводов.

— Западнее Белема пустыня Гведулия протянула к северу шупальце под названием Таменруфт, отделив Белей от Гамфазантии. Гамфазанты считаются миролюбивым народом, их мораль весьма высока, даже слишком высока для простых смертных, и оттого посещать эту страну, по правде говоря, небезопасно. К северу от них и к западу от нас высится еще одна горная гряда под названием Атлантис... К западу от Гамфазантии лежит вольный город Керне, где такие ушлые купцы, что наши им и в подметки не годятся. А к югу от Керне расположен Тартар, знаменитый своими чернокожими ремесленниками.

— А есть ли какие-нибудь страны южнее пустыни Гведулии? — спросил Вакар.

— Этого никто не знает. Возможно, за Гведулией находится край земного диска, о котором рассказывают философы, и путешественник, попав туда, видит лестницу, ведущую в семь преисподен. Но так ли это на самом деле, нам неизвестно. А теперь расскажи нам о Посейдонисе.

Вакар пустился в описание достоинств Лорска, невольно украшая их из чувства патриотизма. Но тут вошел слуга.

— Государь, прибыли чужеземцы, они желают поговорить с тобой.

Наузишен проглотил кусок жареной свинины и спросил:

— Кто такие?

— Очень странные люди, государь. Они приехали на колеснице. Один — настоящий великан, похож на лайструганийца, но еще уродливее, а другой — карлик с огромными ушами.

— Прости, государь, что-то я себя неважно чувствую, — обратился Вакар к Наузишену. — Нельзя ли выйти ненадолго?

— Конечно. Вон туда, через кухню.

Вакар выскочил за дверь и крикнул:

— Фуал!

— Да, господин? — Аремориец поднял голову над блюдом.

— Квазиган нас догнал! Собирай барахло и жди меня у ворот, только не выходи через трапезную.

— Уезжаем? Вот так, сразу? — заныл Фуал. — Господин, но ведь впервые с тех пор, как мы покинули Седерадо, к тебе проявили уважение, достойное твоего титула...

— Не старайся выглядеть глупее, чем ты есть на самом деле. Где наши кони?

Несколько минут спустя Вакар повел четырех коней к воротам королевского дворца. Перед ним шел Фуал. На углу Вакар задержался — как раз вовремя, чтобы увидеть косматую спину обезьяночеловека Нжи, исчезающую в королевском доме. У крыльца стояла колесница, возле нее играли в бабки несколько слуг фаяксийских вельмож.

— Держи коней! — приказал Вакар. Он поднял камень, решительно подошел к колеснице, присел у колеса и одним ударом выбил чеку.

— А ну-ка, помогите! — произнес он столь властно, что двое ближайших игроков встали и подошли к нему. — Приподнимите ее.

Судя по облику колесницы — тяжелой, из вяза и ясеня, с обитыми кожей ободьями, — она была сделана на севере. Кряхтя и пыхтя, слуги приподняли ее, а Вакар снял колесо и покатил к углу дома, где томился в ожидании Фуал.

— Помоги навьючить на лошадь, — велел он. Фаяксийцы смотрели на Вакара, но вмешиваться не собирались. Донеслись смешки — очевидно, слуги приняли похищение колеса за розыгрыш. Вскоре они вернулись к игре.

— А теперь в Тритонию, — сказал Вакар. — И побыстрее!

Они двинулись в путь. В этот раз принцу Вакару не суждено было пожить в прекрасной Фаяксии, забыв о своем долге перед родиной и династией.

— Не пойму, мужчина это или женщина, — пробормотал Вакар. Принц лежал под кустом на животе. — Это создание больше похоже на человекообразную ящерицу.

Из-за отрога холма Вакар разглядывал диковинного наездника и столь же диковинного скакуна со шкурой в черно-белую полоску. За спиной принца, среди кустов акации, сторожил коней Фуал. Путешественники добрались до Тритонии, где туземцы носили килты из бычьих и плащи из козьих шкур и красили волосы киноварью.

...Но вот Вакар пополз назад и обратился к Фуалу:

— Похоже, эта тварь сплошь в чешуе, а из головы торчат два огромных пера. Помнится, король Наузишен не упомянул о племени ящериц, когда рассказывал о жителях Тритонии.

— Должно быть, я забыл, — сказал Фуал с дрожью в голосе. — Я вроде бы слышал, что тритоны боготворят змеебога по имени Драке, и кто знает, как они выглядят...

— Единственный способ все выяснить — это поймать чешуйчатую тварь, — перебил Вакар. — Нам повезло: здесь густой кустарник. Я обойду его кругом и нападду со спины, а ты ползи...

— Я? Нет, мой господин! От одной мысли о битве у меня кровь в жилах стынет!

Вакар схватил Фуала за грудки и яростно встряхнул.

— Делай, что тебе говорят! Мне нужно время, чтобы подобраться к ней со спины. Ты только пошуми малость, отвлеки ее, а остальное я беру на себя. Но будь готов прийти на выручку в случае чего...

Трусливое нытье ареморийца сидело у принца в печенках. Добро бы только нытье! С физиономии Фуала до сих пор не сошли синяки. По пути хозяин пришел в неистовство, узнав, что его слуга украл в доме Наузишена золотое блюдо...

Через четверть часа Вакар уже спрятался в засаде неподалеку от наездника. Он снял ножны, чтобы не стесняли движений, и приготовился напасть на незнакомца. Сквозь крошечную брешь в листве Вакар разглядел, что чешуя — на самом деле умело изготовленные доспехи из шкуры рептилии, скрывающие все тело наездника, кроме лица. Туземец был вооружен длинной пикой и маленьким круглым щитом, обтянутым кожей.

Вакар ждал довольно долго, но со стороны лошины не доносилось никакого шума. Полосатый конь ржал и бил копытами — должно быть, учуял Вакара.

Наконец лорск понял, что ждать больше нельзя, и прыгнул на всадника. Конь снова заржал, выпучив глаза на Вакара, и шарахнулся в сторону. Наездник повернулся в седле, увидел нападающего и занес пику для удара.

Могучий прыжок — и Вакар обрушился на спину наездника. Противники вместе повалились на землю, Вакар первым оправился от падения, и его стальной кулак ударил в незащищенную чешуйчатым доспехом челюсть. Незнакомец обмяк. Не теряя времени, Вакар перевернул его на живот и заломил ему руки за спину.

— Фуал! — взревел он.

— Господин, я здесь!

— Где тебя носило, клянусь семью преисподними?!

— Господин, я... я собирался пошуметь, господин, но мне надо было собраться с духом...

— С тобой я после разберусь, а сейчас живо — веревку!

Вакар указал на запястья бывшего наездника, и Фуал связал их. Незнакомец пришел в себя и задергался, и Вакар снова оглушил его ударом кулака.

— А теперь выясним, какого он пола.

Доспех из кожи рептилии держался на ремешках. Вакар потербил незнакомые узлы, а затем раздраженно хмыкнул, разрезал их кинжалом и снял нагрудник.

— Неплохо для столь воинственной девы,— ухмыльнулся Вакар и обратился к пленнице по-фаяксийском: — Ты меня понимаешь?

— Когда ты медленно говоришь,— произнесла амазонка на искаженном фаяксийском.

— Я желаю встретиться с тритонами. Отведи меня к ним.

— А что будет со мной?

— Как только я увижу тритонов, отпущу тебя на все четыре стороны.

Руки ее были связаны, а Фуал держал полосатого коня. Вакар помог амазонке снова сесть в седло. Обнаженная выше пояса, она испепеляла принца взглядом.

Вакар вручил Фуалу щит и пику, а сам надел перевязь и прицепил к ней меч.

— Куда? — спросил он, взяв под уздцы лошадь амазонки.

Пленница дернула головой, указывая на запад, и маленькая кавалькада тронулась в путь. Спустя немного времени Вакар скопился на амазонку и поинтересовался:

— Как называются эти удивительные полосатые лошадки?

Амазонка молча сверкнула глазами, и тогда принц угрожающе приподнял меч.

— Зебры,— мрачно ответила она.

— А из чего сделан твой щит? Из шкуры огромного зверя?

— Носорог. Это зверь с рогом на носу.

— Понятно. Я видел одного, он похож на огромную свинью.

А у кого ты выщипала эти перья?

— У птицы под названием страус, она живет в пустыне Гведулия.

— Должно быть, в полете такая птица затмевает солнце подобно грозовой туче.

— Ха! Она вовсе не умеет летать, зато бегает, как конь, и ростом не ниже всадника.

— У тебя очень необычные доспехи.

— Они из кожи огромных змей, которые обитают в болотах неподалеку от озера Тритон.

— Поистине, в Тритонии водятся самые что ни на есть удивительные звери. Вчера я видел трех животных, похожих на наших пусадских мамонтов, но только безволосых!

Все случилось мгновенно. Объехав холм, путники увидели группу всадниц, несущуюся наперерез по боковой дороге со стороны озера. Вдали, за пыльной оливково-зеленой равниной, голубела вода. Пленная амазонка наклонилась вперед и вонзила пятки в бока зебры, та вырвала уздечку из руки Вакара. Амазонка что-то прокричала, и ее конь галопом понесся навстречу всадникам. Принц взмахнул мечом, однако смертоносный удар запоздал. Тогда Вакар тоже припал к холке скакуна и погнал его во весь опор, но в другую сторону, Фуал скакал следом. Промедли они хоть чуть-чуть, и амазонки успели бы отрезать им дорогу. Вакар заметил, как их бывшая пленница, которой мешали путы на руках, упала с зебры, и понадеялся, что она сломала шею.

Кони Вакара и Фуала весь день провели в пути и слишком устали, чтобы оторваться от погони. Мало-помалу амазонки стали настигать беглецов. Вакар благодарил богов Лорска за то, что ни одна из воительниц не вооружена луком — должно быть, корявые деревья этой засушливой страны не годились для создания такого оружия. Но длинные тонкие пики приближались вместе с облаком пыли. Даже если преследователи не настигнут принца, они убьют Фуала и захватят запасных коней с вьюками. Амазонок было пять — слишком много, чтобы Вакар рискнул развернуться и вступить в бой.

Еще немного, и настигнут...

Неожиданно преследователи натянули поводья, раздались звонкие женские голоса. Впереди появилось десятка два наездников — тоже в змеиных доспехах, но не со страусиными перьями, а с хвостами зебр на головах. Амазонки галопом помчались назад, и Вакар чуть не последовал их примеру, однако логика подсказала, что измученные кони вот-вот падут. Кроме того, навстречу принцу, по всей видимости, скакали тритоны, а они-то и были ему нужны.

Когда всадники приблизились, Вакар, приветствуя их, крикнул:

— Да пребудут с вами боги!

Принца окружили, незнакомцы нацелили в его сердце длинные пики.

— Ты кто? — спросил один из тритонов.

— Вакар из Лорска. Мне нужно встретиться с вашим королем.

— В самом деле? Король не позволяет каждому проезжему бродяге нарушать его покой. Сначала поступи к нам на службу рядовым и добейся высокого чина, если хватит смелости. Хватайте его!

Глава 11

КОЛЬЦО ТРИТОНА

У Вакара отняли меч и нож, но не заметили отравленного кинжала под рубашкой. Потом и ему, и Фуалу связали руки, а один солдат порылся в суме Вакара и восторженно завопил, обнаружив сокровища.

— Вперед! — скомандовал старший.

Вакар ехал медленно, наконечники пик упирались ему в спину и бока, чтобы пронзить при малейшей попытке к бегству.

— Что я, собака, по-вашему? — со злостью спросил он одного из конвоиров. — В своей стране я принц. Если не будете обращаться со мной подобающе, вам несдобровать.

Старший из всадников наклонился вперед и ударил Вакара по лицу рукой в чешуйчатой перчатке.

— Заткнись! Какое нам дело, кем ты был в другой стране? Здесь ты никто.

К лицу Вакара прилила кровь, он заскрежетал зубами, но смолчал... Вскоре кавалькада приблизилась к берегу озера, где раскинулся укрепленный лагерь. За палатками виднелась пристань, подле нее покачивалась на воде большая гребная барка с неглубокой осадкой.

Командир отряда положил руку Вакару на плечо и с силой толкнул его. Вакар упал с коня в грязь и больно ушибся. Фуал последовал в дорожную слякоть за своим хозяином. Тритоны расхохотались.

Когда принц попытался принять сидячее положение, удар ногой по ребрам вновь опрокинул его в грязь. От боли свет померк перед глазами Вакара.

— Вставай, лежебока, — приказал командир. — Топай на борт.

Вакара и Фуала заставили спуститься по склону и перебраться на барку; которая сразу же отчалила, а лошади и все остальное имущество злосчастных путников достались воинам. Вакар сидел на юте, сгорбясь и даже не глядя по сторонам — он был совершенно подавлен. Внезапно Фуал воскликнул:

— Мой господин! Принц Вакар! Ты только посмотри!

Рядом с баркой плыл диковинный зверь, похожий на огромное бревно, вот только бревна не плавают наперегонки с барками, неутомимо загребая сучками. Вакар судорожно сглотнул и осведомился у ближайшего тритона:

— Это и есть ваша знаменитая змея?

— Это крокодил,— ответил туземец.— Змеи водятся в болотах. А крокодилов тут в избытке, потому что мы, тритоны, хоть и живем среди воды, но плавать не умеем. Если упадешь за борт, эта тварь схватит тебя прежде, чем успеешь попросить веревку. Так что даже не мечтай удрать с Мене вплавь.

— Эх, жаль нельзя сбросить его на тресе, чтобы вытаскивать всякий раз, когда крокодил попытается цапнуть,— с сожалением проговорил другой тритон.— Вот была бы потеха!

— Потеха потехой, но так и новобранца потерять недолго. Разве безграничная власть над женщинами для тебя не важнее всего?

Вакар задумался. Несомненно, последняя фраза касалась надежды тритонов победить в войне и низвести амазонок до положения домохозяек, которое те в свое время отвергли. И тут у Вакара возникла одна идея. Он придумал, как добраться до короля Ксименона. А вдруг удастся с ним договориться — между прочим, год назад Вакару удалось заключить сделку с Зиском. Если теперь выступить в роли посредника между тритонами и амазонками и поспособствовать заключению выгодного для тритонов союза, то Ксименон окажется у него в долгу.

Когда барка причалила к пирсу на острове Мене, тритоны вытолкали Вакара и Фуала на берег. Маленький укрепленный город, тоже носящий имя Мене, вплотную подступал к воде. Тритоны привели пленников на огороженный высоким частоколом двор, сняли с них оковы и ушли, зачем-то забрав с собой Фуала.

Вакар помахал затекшими руками и огляделся. Вокруг стояло, сидело и слонялось десятка два представителей различных племен и рас — от крепко сбитого черноземельца с кожей цвета эбенового дерева до высоченного белокурого атланта. Большинство узников были облачены в лохмотья и успели обзавестись косматыми бородами.

— Добрый день,— поздоровался Вакар.

Пленники тритонов посмотрели на вновь прибывшего, затем переглянулись, заухмылялись и обступили его со всех сторон. Один из них проявил большой интерес к одежде Вакара: рассмотрел ее, пошупал и заключил:

— Ишь ты, благородный!

Другой легонько толкнул Вакара. Никогда в жизни принц не подвергался издевательствам подобного отребья. Он был растерян и взбешен. Получив очередной толчок, он вскричал:

— Свины, я вам покажу! — и ударил толкавшего в лицо.

Он не увидел, серьезно ли пострадал противник, — на него кинулись все разом, схватили за руки и осыпали градом ударов.

Прошла вечность, прежде чем Вакар очнулся в углу возле частокола. Он шевельнулся, застонал — казалось, тело превратилось в один огромный синяк, — с трудом сел, погладил распухший нос и разбитую губу. Глаза заплыли, несколько зубов шаталось. Похоже, его били ногами. Принц с трудом разлепил распухшие веки и увидел, что пленники скучились у противоположной стены частокола: там шла азартная игра. На некоторое время о Вакаре забыли. Принц с ненавистью следил за «собратями по несчастью», шевеля распухшими губами. Знать бы, что это сойдет ему с рук, он бы дождался, пока все они уснут, а затем перебил всех до единого отравленным кинжалом. Но ему оставалось лишь униженно жаться в угол, страшась новых побоев. Вакар подумал, не пырнуть ли ему кинжалом самого себя — все лучше, чем гнить заживо среди этих подонков, да еще терпеть их издевательства.

Когда солнце коснулось горизонта, ворота острога отворились и вошел тритон с двумя ведрами: одно было доверху наполнено водой, а другое — отвратительной на вид ячменной кашей. Пленники ринулись к ведрам. Воду и кашу черпали ладонями, завязались драки.

Вакару очень хотелось есть, но он не нашел в себе сил для столь жестокого состязания. Когда узники слегка утопили голод, шум вокруг ведер унялся.

— Эй, чужак! — позвал его один из обидчиков. Вакар оторвался от гнетущих раздумий, поднял голову и увидел чернокожего. Тот протягивал руку принцу.

Вакар подставил ладони ковшиком и получил пригоршню размазни.

— Ты, вижу, сейчас не можешь сам о себе позаботиться, — сказал негр. — Когда ребята в следующий раз захотят с тобой поиграть, не будь дураком.

— Спасибо, — поблагодарил Вакар, набив кашей рот. На следующее утро пришел тот же тритон, на сей раз с полным передником черствого хлеба. Вакар подобрался к куче-мале и схватил кусок, упавший ему под ноги. Он уже направился в свой угол, но тут по плечу скользнула длинная рука и вырвала хлеб.

Вакар резко обернулся. Светловолосый атлант, отнявший у принца добычу, сразу вонзил в нее зубы. Он был богатырского сложения — самый рослый в этом загоне для людей, — а потому держался нагло. Даже не взглянув на Вакара, он пошел прочь.

Вакар побагровел, его рука скользнула под рубашку и вынырнула с кинжалом. Спустя миг клинок погрузился в широкую шею атланта. Тот захрипел, дернулся и рухнул на землю.

Остальные пленники возбужденно загомонили на добром десятке языков. Теперь они глядели на Вакара гораздо почтительнее, чем прежде. Принц стоял над мертвецом с окровавленным кинжалом в руке.

— А ну, быстро спрячь эту штуку, через минуту здесь будет стража,— посоветовал один из пленных.

Похоже, так и следовало поступить. Вакар вытер кинжал о кожаный килт атланта, развязал ремешки под своей рубашкой и снял ножны. Затем он выкопал пальцами ямку в земле, зарыл в нее оружие и притоптал землю. Едва он управился, вошли двое тритонов. Увидев труп, один из них заорал:

— Что случилось? Кто это сделал? Эй, ты, признавайся!

Тот, к кому они обращались, ответил:

— Не знаю, я в это время облегался, стоял спиной к остальным. Услышал возню, а когда оглянулся, он был уже мертв.

Тритон задал те же вопросы другим пленникам, но получил похожие ответы.

— Я играл в бабки, ничего не видел, а я дрых...

— Построиться и раздеться! — приказал тритон и прошел вдоль шеренгу, обыскивая жалкие лохмотья пленников.— Надо бы вас пытать, но овчинка не стоит выделки — вы все равно наврете с три короба,— объявил он, закончив осмотр.— Да и времени нет — сейчас начнется муштра. Выходите, живо! Эй, ты!

Вакар понял, что тритон обращается к нему.

— Ты весь в синяках. Тебе что, задали трепку?

— Я упал,— ответил Вакар, ковыляя к воротам.

— Так и быть, на сегодня я освобождаю тебя от учений.

— Я принц Вакар из Лорска и желаю поговорить с твоим королем.

— Заткнись, пока я не передумал насчет муштры!— рявкнул тритон и ушел вслед за новобранцами.

Вакар отыскал не слишком загаженное место и устало опустился на землю. Вскоре появились два раба и утащили мертвого атланта. За день Вакар совсем извелся от скуки и даже жалел, что не отправился на ученья, невзирая на свои ушибы.

Пленники вернулись вечером и до темноты бездельничали или играли в бабки. Вакар недоумевал, как они ухитряются не сходить с ума от скуки.

На следующий день принцу полегчало, и он отправился на плац. Там пленников учили строиться в боевые порядки и орудовать копьями. Вакару, опытному наезднику и фехтовальщику, вскоре дали в подчинение несколько человек. Попросив у сержанта разрешения встретиться с королем, он услышал в ответ:

— Паренек, еще одна дурацкая просьба, и тебя высекут. А теперь прикуси язык, и за работу.

Дней через десять Вакар утратил счет времени. Нигде ему не жилось так плохо, как среди солдат поневоле. Последний дикарь, и тот не пожелал бы себе подобной участи. В остроге царила грязь и процветали половые извращения. Единственный жест милосердия принц увидел там в день своего появления — когда к нему подошел негр с горстью каши. После убийства атланта пленники оставили Вакара в покое вовсе не из-за сочувствия, а лишь потому, что ненавидели его меньше, чем тритонов. Кроме того, они подчинялись железному закону «смерть стукачам». Вакар очень правильно сделал, что не пожаловался насчет трепки.

От пленных принц не узнал ничего нового. Они были глупы и постоянно ссорились друг с другом. Когда Вакар убил их вожака, они были готовы выбрать его своим предводителем. Но принц палец о палец не ударил, чтобы добиться этой сомнительной чести, и они предпочли коренастого, широкобедрого атарантийца, который в кулачном бою выбил противнику глаз.

Пока Вакар носил за пазухой кинжал, никто не задирает его. Когда отчаяние слегка отступило, принц завязал разговор с товарищами по несчастью и вытянул из них кое-какие сведения о народах и обычаях соседних земель, а также вызубрил несколько фраз каждого языка. Он давно уже придумал план спасения и в соответствии с ним поинтересовался, какая клятва считается у тритонов самой надежной.

— Они клянутся рогами Амона, — сказал ему маленький фарусец. — Это их овцеглавый бог плодородия. Любую другую клятву они нарушат, глазом не моргнув, но эта держит их в узде. Не пойму, как можно в здравом уме выбрать себе в боги такую глупую и грязную скотину...

* * *

Около месяца протомился Вакар в остроге, а затем тритоны объявили, что подготовка новобранцев закончена и их переводят в другое место. Но Вакара не отправили вместе с остальными.

— Тебе все-таки посчастливилось увидеть короля,— сообщил ему один из тритонов.— Веди себя почтительно в его присутствии.

— Что от меня требуется? Поцеловать его в задницу или стукнуться башкой оземь?

— Не кошунствуй! Нужно стоять на коленях, пока он не решит подняться. Только и всего.

Вакара отвели в прибрежную часть города, а затем проводили на борт большой красной галеры. На полуюте, в щедро разукрашенном кресле, сидел тот, ради кого приехал сюда Вакар — король Ксименон. Он был дородный, чисто выбритый, в ярких сверкающих одеждах, с золотым венком на вьющихся седых волосах. Рядом стоял телохранитель в позолоченных доспехах из змеиной кожи. В ногах короля, мурлыкая, лежал детеныш гепарда. На среднем пальце левой руки Ксименона принц заметил широкое кольцо из тусклого серого металла. Кольцо Тритона.

— Так это ты добивался встречи со мной? — спросил король.

Вакар собрался с духом.

— Государь, тебе доложили, кто я такой?

— Будто бы принц из какой-то далекой западной страны, но для нас твой титул ничего не значит. Мы не уверены, что ты говоришь правду. Ступай, займись своим делом, или, клянусь ядовитыми клыками Дракса, тебе не поздоровится.

Вакар подавил соблазн отпустить язвительное замечание насчет того, как в Тритонии встречают особ королевской крови. В родном Лорске острый язык часто причинял ему неприятности, но с тех пор его жизнь так часто висела на волоске, и он научился следить за своими словами.

— Я способен положить конец вашей войне с амазонками. Это мое единственное предложение.

Поросячьи глазки короля заблестели.

— Каким же образом: ты можешь создать для меня новое оружие или знаешь какую-то особую стратегию? Я внимаю.

— Не то и не другое, государь. Думаю, что смогу договориться с амазонками о мире.

Король порывисто наклонился вперед.

— Мир? На каких условиях? У тебя есть причины считать, что эти шлюхи готовы сдаться?

— Вовсе нет.

— Так ты предлагаешь сдаться нам? Да я прикажу содрать с тебя шкуру...

— Нет, государь, я подразумеваю взаимовыгодный договор с соблюдением прав обеих сторон. Может, это и не даст тебе всего, на что ты рассчитываешь, но зато потом ты повоюешь с ними так, как положено воевать мужчине и женщине — на мягкой постели...

Вакар спорил с королем Ксименоном еще четверть часа, дивясь собственному красноречию. Он расписывал прелести мирного сосуществования, пока король, корчась от похоти, не сказал:

— Блестящая идея. Давно пора ее осуществить, но при наших разногласиях и кровной вражде ни мы, ни женщины не пытались сделать первый шаг. Ты, как человек со стороны, имеешь преимущества. Королева Арамне — настоящая красавица, и неплохо бы скрепить мирный договор нашим браком.

— Я сделаю все от меня зависящее.

— Если тебе удастся замирить тритонов с амазонками и пригласить Арамне в мою постель, то, пожалуй, можешь сам выбрать себе награду.

— Государь, я уже выбрал ее.

— В самом деле? И что же ты просишь?

— Кольцо Тритона.

— Ты с ума сошел! — вскричал король, пряча за спиной руку с тусклым металлическим кольцом. — Я прикажу тебя...

В это мгновение человек, стоявший рядом с тронном, наклонился к королю и что-то шепнул ему на ухо. Они посоветовались, и король сказал Вакару:

— Твоя цена невероятно высока. Но мы согласны дать тебе столько золота, сколько сможешь унести.

— Нет, государь.

Король взревел, осыпал Вакара угрозами и принялся торговаться, но Вакар был непоколебим. Наконец Ксименон сказал:

— Если бы ты не застал нас в тот момент, когда длительное воздержание едва не свело нас с ума... Но будь по-твоему: уладишь это дело — получишь кольцо.

— Поклянись рогами Амона.

Изумленный король устался на него.

— Я вижу, ты успел очень хорошо изучить наши обычаи. Клянусь святыми рогами Амона, что, если ты добьешься взаимовыгодного союза с амазонками, который не ущемит наши мужские права, и женишь меня на королеве Арамне, я отдам тебе кольцо тритонов. Сфаксос, ты свидетель, — сказал он вельможе.

Потом король вновь обратился к Вакару:

— Теперь ты доволен? Отлично. Когда отправляешься на Херронекс?

Глава 12

РОГА АМОНА

Королева Арамне действительно обладала впечатляющей внешностью. Ростом она была с Вакара, широкоплечая, мужеподобная. Она встретила парламентаря и свата на своей весельной барке, сидя на троне в свободной короткой тунике, которая оставляла одну грудь обнаженной. Жемчуг ее диадемы горел, подобно факелу, тяжелый подбородок опирался на могучий кулак. Вакар предположил, что ей лет тридцать пять — тридцать шесть.

— Принц Вакар, слова твои убедительны, — произнесла она. — Однако брак между мною и королем Ксимононом требует обоюдного согласия. Прежде чем я приму решение, мы воспользуемся услугами гадалки. Цоута, приступай!

Служанки засуетились — одни установили на палубе маленькую медную кадилницу на треноге, другие приволокли обнаженного мужчину и заставили опуститься перед кадилницей на колени. Никто не потрудился объяснить Вакару, откуда взялся этот мужчина, сам же принц благоразумно воздержался от распросов.

Пожилая женщина — скорее всего, верховная жрица или сивилла — помолилась, а затем мужчину вынудили опустить голову. Старуха Цоута умело перерезала ему горло, и кровь потекла в чашу. Когда на горле жертвы перестали лопаться алые пузыри, амазонки бросили труп за борт, и к нему тотчас ринулись крокодилы.

Цоута долго смотрела в чашу. Потом макнула в кровь палец, лизнула его и сказала:

— Государыня, в целом дельце выгорит.

— И это все? — спросила Арамне.

— Все, государыня.

— Я готова уступить, — объявила королева Вакару. — У меня лишь несколько пустяковых условий, однако словами ты не отделаешься.

— Я к твоим услугам, государыня. — Вакар задумался о том, какой сюрприз преподнесет ему судьба на этот раз.

— Прежде чем я поведу свой народ по новому пути, мне необходимо самой испробовать удовольствия, обещанные королем Ксимиеном.

У Вакара полезли вверх густые брови.

— Госпожа, ты имеешь в виду...

— Ты должен лично посетить меня сегодня ночью.— На высокомерном лице королевы появилась еле заметная улыбка.— Я уж и позабыла, что это такое — любовь мужчины.

«Ну, зато мне это последнее испытание не в диковинку,— подумал Вакар,— хотя еще ни разу не приходилось заниматься любовью под страхом смерти».

* * *

Когда на следующее утро Вакар, усталый и осунувшийся, взглянул на свое отражение в серебряном зеркале королевы Арамне, солнце стояло уже высоко. Он пошарил вокруг в поисках бритвы, а королева позади него потянулась на своем ложе, как ленивая львица, и сказала:

— Вакар, если вдруг, волею судеб, король Ксимиенон покинет этот мир, ты бы не хотел...

— Я не смел даже мечтать о такой чести! Но, увы, долг зовет меня на родину,— ответил принц, считая, что иметь дело с невестой, которая уже вполне готова стать вдовой, по меньшей мере неблагоприятно.— Кстати, у вас, амазонок, принято завтракать? Я бы сейчас сожрал целого зверя из тех, кого вы называете гиппопотами.

Арамне вздохнула.

— Ох, уж эти мужчины! Чего только не насулят, чтобы получить удовольствие, а потом сразу убегают. В суете своей гораздо меньше думают о той, с кем делили постель минувшей ночью, чем о любимой собаке или соколе.

* * *

Следующие несколько дней Вакар сновал между Мене и Херронексом, а тем временем Ксимиенон и Арамне обсуждали условия мирного договора, с пеной у рта спорили о правах, которые получит в воссоединенной империи Тритония каждая сторона, готовились к свадьбе и решали множество других проблем.

Наконец все было улажено. Решено было, что в знак обоюдного доверия оба суверена выйдут на барках на середину озера,

королева Арамне посетит судно Ксименона и подпишет договор, а затем король отправится на ее барку, где его будет ждать свадебная церемония и пир.

Наступил урочный час, и ялик с королевой на борту в два счета преодолел короткое расстояние до мужской барки. Когда алый шар солнца окунулся в голубую дымку горизонта, Арамне в сопровождении небольшой свиты амазонок поднялась на борт судна Ксименона.

На полуоте стоял стол, на нем Сфаксос, министр Ксименона, расстелил большой коричневый папирус и прочитал текст договора. Король и королева поклялись Лионом, Драксом и всеми прочими богами Тритонии соблюдать условия мира. Засим последовал бесконечный перечень бедствий и горестей, которые должны будут пасть на их головы, если они нарушат клятву. В конце концов (поскольку оба не умели писать) они придавили к папирусу печати и скрепили узы дружбы нежным поцелуем. Потом высокая женщина и грузный мужчина двинулись к массивному, под стать им самим, трапу, смеясь какой-то интимной шутке. Сфаксос шел следом. Прежде чем перешагнуть через фальшборт, королева оглянулась и сказала:

— Принц Вакар, тебя мы тоже приглашаем. Что за свадьба без свата?

Ухмыляясь, Вакар пошел за ними. Ему не терпелось получить кольцо и отправиться восвояси, но он не видел вреда в доброй попойке. Боги свидетели, он достаточно выстрадал в вонючем курятнике тритонов, питаясь только ячневой кашей и черствым хлебом.

На барке королевы жрец Амона совершил свадебный ритуал. Король перерезал горло белому ягненку и оросил кровью алтарь. Окунув палец в кровь, он нарисовал символ на лбу королевы, затем она подвергла его точно такой же процедуре. Объединенный хор мужчин и женщин исполнил хвалебную песнь богам Тритонии, затем певцы и певицы стали игриво хлопать и щипать друг друга пониже спины. Вакар, очень довольный собой, сказал:

— А теперь, государь, позволь напомнить наш уговор.

Король Ксименон широко улыбнулся и свинтил кольцо с жирного пальца.

— Держи! — Он опустил кольцо на ладонь Вакара. — А теперь, — обратился король к своей свите, — до начала пира надо уладить еще одну пустяковую проблему. Схватить его!

Не успел Вакар опомниться, как в него вцепились мускулистые руки. У принца от изумления отвисла челюсть, когда король шагнул вперед и вырвал кольцо из его руки.

— Я его позаимствую.— Ксименон снова надел кольцо на палец и указал на Вакара.— Разденьте его для жертвоприношения.

— Эй! — воскликнул Вакар.— Ты что, с ума сошел? Что ты затеял?

— Мы собираемся принести тебя в жертву Драксу,— ответил Ксименон.

— Но почему, клянусь очками Лира?!

— По двум причинам. Во-первых, последнее время мы уделяли старине Драксу маловато внимания. Занятно, что с тех пор, как я завладел этим кольцом, ни один бог не посетил меня в моих сношениях. Во-вторых, я поклялся рогами Амона отдать тебе кольцо, но я не клялся оставить тебе взамен жизнь и свободу. Я не могу позволить, чтобы такой ценный талисман покинул мое королевство.

— Ладно, забирай себе проклятую безделушку! — обливаясь потом, завопил Вакар, когда стражники срывали с него пышные тритонские одеяния, которые Ксименон одолжил ему на время переговоров.

— Нет, отданное под принуждением не может считаться законным подарком. Но, с другой стороны, когда ты умрешь, не имея наследников в Тритонии, твоя собственность достанется престолу. Следовательно, лишь убив тебя, я и клятву сдержу, и кольцо сохраню.

— Королева Арамне! — вскричал Вакар.— Сделай же что-нибудь!

Королева холодно улыбнулась.

— Тебе не повезло, я полностью согласна с моим консортом. Мы решили твою судьбу на его барке, пока ты паялился на флейтисток. И с чего бы тебе жаловаться? Мужчины получше тебя погибали на этом алтаре ради процветания нашей страны.

— Шлюха! — заорал Вакар, вырываясь из рук стражников.— Неужели моих ночных стараний тебе показалось мало? Почему ты предпочла мне эту жирную гиену? — Принц выкрикивал интимные подробности ночи, проведенной вместе с королевой на Херронексе. Он надеялся пробудить ревность короля и спровоцировать ссору между двумя душегубами, а затем сбежать в суматохе или, по меньшей мере, испортить им праздник.

— Будь ты мудрее, держал бы рот на замке и принял легкую смерть,— с насмешливой улыбкой проговорил король.— Но теперь за оскорбление королевы ты получишь дополнительное наказание. Выпороть его!

— Сколько ударов, государь? — прозвучал голос позади Вакара.

— Пока я не прикажу остановиться.

Зажглись первые звезды. Вакару связали руки и вздернули их над головой принца. Покачиваясь, он застыл, стоя на цыпочках. В ожидании порки Вакар твердо решил, что лишит своих мучителей удовольствия видеть его плачущим и слышать его крики.

Но когда бич, просвистев в воздухе, приложился к голой спине, боль, точно молния, пронзила все его существо, и Вакар обнаружил, что такую порку гораздо труднее вытерпеть, чем ему представлялось. Первые два удара принц принял в молчании, после третьего — крикнул, а на четвертом вскрикнул сквозь зубы. Потом он вопил благим матом, а теплая кровь струилась по спине.

Бич свистел и хлопал, свистел и хлопал. Вакар дергался и кричал под ударами, и ненавидел себя за это, но боль заполнила вселенную целиком. Надо что-то сделать... хоть что-нибудь...

И тут на выручку пришла его природная изобретательность, вернее, то, что от нее осталось. Нечеловеческим усилием воли он подавил крики и заставил себя расслабиться. Ноги обмякли, голова поникла, глаза закрылись...

Еще несколько ударов, и порка прекратилась.

— Скис, ублюдок,— проворчал один из его палачей.— Что теперь, господин?

— Приведите его в чувство,— приказал король.

Веревку на запястьях Вакара развязали, и принц растянулся на забрызганной кровью палубе. Даже когда его сильно пнули ногой в бок, а на голову обрушили поток холодной воды, он не подал признаков жизни.

— Довольно тратить на него время,— промолвила королева.— Принесите его в жертву, и пойдем пировать. Я есть хочу.

— С удовольствием,— отозвался король.— Тащите его к алтарю. Сфаксас, эта честь предоставляется тебе.

Вакара поволокли по палубе к маленькому алтарю, где в ходе свадебной церемонии был заколот ягненок. Лорск видел сквозь чуть приоткрытые ресницы, как министр достает широкий нож и пробует остроту лезвия большим пальцем, а король стоит поблизости, прислонясь спиной к плануширу.

Вакар предельно расслабился, чтобы тритонам было тяжелее его тащить. Доставив его к алтарю, они подозвали еще несколько слуг, и те помогли уложить принца как положено — по меркам Тритонии Вакар был богатырем.

И вот наступило мгновение, когда хватка ослабла: тритоны уперлись ногами в палубу, взваливая жертву на алтарь. Собрав все свои силы, Вакар вырвался, присел и нанес ближайшему тритону

удар в живот, от которого слуга Ксиминона сложился пополам и захрипел. Кто-то завопил:

— Осторожно! Держите его, он...

Отовсюду к Вакару потянулись руки. Не дожидаясь, пока слуги короля вцепятся в его обнаженное тело, скользкое от пота и крови, принц пронесся мимо Сфаксаса, который так и застыл, разинув рот и занеся над головой ритуальный нож. По пути Вакар так двинул министру в ухо, что тот замертво растянулся на палубе.

Теперь только один человек отделял Вакара от борта — король Ксиминон. В трех шагах от него Вакар упал на четвереньки, как атлет, готовый к забегу на сто ярдов, и рванул вперед. По окровавленной спине скользнули пальцы тритонов. Ксиминон успел выхватить из-за кушака пальстаб с серебряной рукоятью, и бронзовый топорик взлетел, чтобы раскроить Вакару череп.

Не дожидаясь, пока опустится пальстаб, Вакар прыгнул вперед и толкнул короля в грудь вытянутыми руками. И тут же впился пальцами в его шею, оцарапав ухо о щетину на королевском подбородке. Король перевалился через фальшборт. На мгновение в воздухе сверкнули его сапоги, а затем он камнем ринулся вниз. Вакар тоже нырнул в темную воду, не выпуская Ксиминона из мертвой хватки.

Как только они подняли тучу брызг, принц разжал пальцы. Открыв под водой глаза, лорск увидел в облаке пузырей силуэт короля Ксиминона, а рядом — заросшее водорослями днище галеры и королевский пальстаб, который, кувыркаясь, шел ко дну. Когда Вакар вынырнул, до него донесся придушенный крик барахтающегося короля. А на палубе, в нескольких футах над его головой, царил бедлам.

Вакар сделал глубокий вдох и снова исчез под водой. Схватив ногу в сандали, которая брыкалась под тогой, он потащил ее вниз. Король тем временем, выпучив глаза, пускал пузыри. Вакар вспомнил, что тритоны не умеют плавать. Но даже если Ксиминон — исключение, у принца имелось одно преимущество: на нем было мало одежды и не было никаких драгоценностей. Тем временем король рванулся наверх, неистово молотя руками и суча ногами, но Вакар вновь схватил его и увлек ко дну.

И тут Вакар почувствовал движение за спиной — кто-то огромный приближался, разрезая воду. Оглянувшись, принц увидел крокодила — громадного, не меньше сорока футов длиной.

Вакар отпустил короля как раз в тот момент, когда крокодил бросился на них с тигриным проворством. Принц едва успел

увернуться; огромная пасть разверзлась, и острые зубы вонзились в тело Ксименона. Чудовище пронеслось мимо Вакара, лениво помахивая зубчатым хвостом, и оцарапало Вакара твердой, как дубовая кора, кожей.

Принц вынырнул на поверхность на изрядном расстоянии от барки, протер глаза и вытряхнул воду из ушей. По палубе в панике носились придворные, все кричали: одни требовали луки, другие — копья, а третьи — весла.

В полете стрелы от Вакара покачивалось на воде судно короля. Вакар поплыл к нему так быстро, как не плавал еще никогда в жизни. По пути он сочинял правдоподобную историю и прислушивался: не раздастся ли за спиной плеск весел? Он услышал этот звук на полпути к барке Ксименона, и в тот же миг поблизости в воду плюхнулась стрела.

Страх придал ему сил. Вторая стрела упала совсем рядом, но барка Ксименона была уже близко, над фальшбортом замелькали взволнованные лица. Кто-то прокричал:

— Во имя Дракса, что там произошло?

— Канат! — крикнул Вакар.

Весла барки Ксименона осторожно опустили на воду — гребцы боялись утопить Вакара. По израненной спине ударил тяжелый канат; Вакар вцепился в него, но подняться самостоятельно не хватило сил. В конце концов ему бросили спасательный круг; извиваясь, принц втиснулся в него и его втянули на палубу.

— Они убили короля! — прохрипел Вакар. — Заманили в ловушку! Перерезали горло государю, Сфакосу и всем остальным тритонам. Меня тоже хотели прикончить, но я прыгнул за борт.

Столпившиеся вокруг тритоны загомонили в изумлении и ужасе.

— А вдруг он лжет? — с подозрением проговорил капитан, внимательно глядя на Вакара.

— Посмотри на мою спину. Разве это похоже на выдумку?

Капитан заревел от ярости.

— Я с самого начала ожидал подвоха! Хватайте весла, мы потопим их прежде, чем они ускользнут. Гребите, гребите!

Барка Ксименона, набирая скорость, шла наперерез судну амазонок. Когда до цели было рукой подать, весла на судне королевы снова пришли в движение. Но барка короля неслась слишком быстро, и амазонки не успели увернуться. Раздались вопли, и в сумерках Вакар разглядел, как по палубе, размахивая руками, бегают женщины.

Раздался оглушительный грохот: барка Ксименона протаранила судно королевы, словно оно было сделано из папируса. Затреща-

ли борта, и барка Арамне превратилась в груды щепок, канатов, весел, золотых украшений, ярких драпировок и мельтешащих человеческих конечностей. Корабль Ксиминона разрубил ее надвое и пошел дальше, волоча за собой зацепившиеся за таран канаты.

Потом барка короля развернулась и взяла курс на Мене. Вакар заметил на поверхности озера Тритон несколько движущихся темных пятен — крокодилы плыли к месту крушения. Вакара мучила совесть: как ни крути, из-за него погибло множество простых амазонок, возможно не желавших ему зла. Он не любил убивать женщин. Оставалось лишь утешиться мыслью, что все они, наверное, были такими же вероломными, как и их королева. Вдобавок у принца не было другого выхода.

От слабости, побоев и пережитого страха Вакар Зу едва держался на ногах, но уже продумывал следующий шаг. Кольцо Тритона бесследно исчезло в брюхе крокодила, но материал, из которого оно было изготовлено, а именно упавшая звезда (что бы она собой ни представляла), хранился на юге, у властителя страны Белем. Если из этого металла сделали одно кольцо, то можно сделать и другое.

Нужно забрать у тритонов свои пожитки и убираться отсюда, не дожидаясь обвинения в убийстве короля Ксиминона со всеми вытекающими отсюда последствиями.

* * *

— Этот прохвост обвел тритонов вокруг пальца и теперь едет вместе со слугой на юг, к Белему,— сообщил Дракс.— По известным вам причинам я не могу предугадывать события, которые произойдут в окрестностях Найовата, но боюсь, что Вакар Зу способен завладеть Тахахом.

Боги задрожали.

— Необходимо предупредить короля Авоккаса и настроить его против этого человека, иначе будет слишком поздно,— клокоча обратился к Иммуту, богу недр Белема, кальмароголовый Энтигма.— Кузен, ты об этом позаботишься?

Глаза Дракса метали молнии.

— Мне кажется, мы слишком часто предупреждали не тех людей.— Дракс обвел злобным взглядом пусадских богов.— А может, кто-то из вас нашептывал Вакару о грозящих ему опасностях?

Лир, Окма и остальные боги стойко выдержали этот взгляд... А тем временем Вакар из Лорска скакал по живописному краю южнее озера Тритон.

Господин и слуга пересекли широкие травянистые равнины, где паслись огромные стада газелей, антилоп, буйволов, страусов, зебр, слонов и прочей живности. Затем они обогнули озеро Ташорин, где на мелководье крокодилы подстерегали добычу, а гиппопотамы ревели, вздымая фонтаны брызг. Наконец они въехали в темное ущелье, пронизывающее горную гряду, за которой лежало королевство Белем.

Несколько дней после того, как тритоны отпустили Вакара, он пребывал в отвратительном настроении. Лишь изредка принц открывал рот, чтобы рыкнуть на Фуала, а в душе занимался самобичеванием. Спина заживала, но Вакару не давали покоя мысли, что его опозорили, обошлись с ним, как с ничтожным рабом.

Когда окружающий пейзаж сменился на более мрачный, Вакар приободрился.

— Нам повезло,— обратился он к своему слуге.— Мы довольно легко отделались от этого подлого народа. Знаешь Фуал, мне пришло в голову, что тебе, наверно, тоже не сладко, когда с тобой обращаются подобным образом.

— Разумеется, мой господин.

— По правде говоря, я просто никогда не думал об этом Ты должен меня ненавидеть, ведь я иногда тебя бил. Признайся, ты меня ненавидишь?

— Нет, хозяин, хотя порой ты бываешь излишне строг. Но ты не самый жестокий господин, большинству рабов живется гораздо хуже, чем мне.

— Что ж, прошу у тебя прощенья за все побои, кроме тех, которые ты заслужил.

Затем Вакар отвел душу, исполнив старую лорскую песнь «Гибель Цорме»:

Грудами на горе брутонские трупы лежали,
Когда не дрогнул герой под градом ударов свирепых...

* * *

— Ну вот, опять! — Принц указывал на босоногого козопаса, который прыгал с камня на камень. В последний раз мелькнула красная бурка и исчезла.— Почему все бегут от нас, как от демонов? Неужели мы такие страшные?

— Не знаю, господин,— ответил Фуал.— Но очень досадно, что ты привел меня в эти ужасные края, где царят насилие и

колдовство. Ах, неужели я больше никогда не увижу серые башни Кериса и серебряные пляжи Аремории? Хоть бы разок взглянуть перед смертью!

Из глаз слуги покатались крупные слезы. Вакар раздраженно фыркнул.

— Неужели ты думаешь, что я обожаю спать на земле и удирать от кровожадных хищников и дикарей? Я бы гораздо охотнее осел в каком-нибудь культурном городе и посвятил себя литературе и философии. Но я не жалуюсь на каждом шагу. Уж коли взялся за плуг, доведи борозду до конца.— Потом Вакар смолк, размышляя.— Дай-ка щит. У этого Белема отвратительная репутация.

С бронзовым круглым щитом за спиной Вакару было спокойнее, хотя редкие встречные туземцы не проявляли особой враждебности, наоборот, обращались в бегство, едва заметив всадников.

— Почему тут нет домов? — поинтересовался он.— Меня не предупреждали, что белемцы живут под открытым небом, как дикие звери.

Фуал лишь пожал плечами. Когда Вакар затянул очередную песнь, аремориец вытянул руку и произнес:

— Хозяин, а разве это не дом?

Вакар развернул коня. Круглая хижина из камней, кое-как обмазанных глиной, сливалась с каменистой долиной. Некогда строение обладало крышей из дерева и тростника, но пожар уничтожил все, что могло гореть.

Вакар спешил и пинком отшвырнул череп, валявшийся у порога.

— Череп ребенка,— сказал он сам себе.— Должно быть, тут идет война. А если так, то в Найоват нас вечером не пустят, поэтому заночуем здесь.

— Господин, нам до сих пор не встретились безголовые слуги Авоккаса,— заметил Фуал, ставя котелок на очаг.— Будем надеяться, что и не встретятся.— Он постучал кремнем о пирит и развел огонь.— С живыми врагами я готов сразиться, но не кажется ли тебе, что здесь правит бал черная магия?

Они поужинали в тишине, глядя, как длинные тени наползают на утесы. С холмов донесся хохот гиены.

— Присмотри за конями,— велел Вакар. Четыре лошади рвались с привязи, ржали и прядали ушами. Путники настороженно оглядывались по сторонам. Как только Вакар краем глаза уловил движение среди валунов, раздался пронзительный крик и...

— Великие боги! — вскричал Фуал. — Ты только посмотри!

Откуда ни возьмись, появились десятки грязных длинноволосых людей. Они с воплями бежали по крутым склонам, прыгали с камня на камень. Некоторые были в козьих шкурах, другие — в чем мать родила. Оружием им служили дубины, камни и бумеранги. Когда они приблизились к дому, камни и дротики зашвыряли в воздухе.

— По коням! — Вакар птицей взлетел в седло.

Когда Фуал, как всегда неуклюже, карабкался на коня, в спину ему угодил камень. Позади Вакара раздался глухой удар и пронзительное ржание — очередной метательный снаряд попал в запасного коня. Мгновение спустя кавалькада галопом неслась по петляющей дороге к югу. Вакар надеялся, что в сумерках его конь не споткнется, иначе — верная смерть.

— Все пропало, господин, — жалобно произнес Фуал. — Не только вкусная еда, которую я для тебя приготовил, но и наш единственный котелок.

Вакар пожал плечами.

— Украдешь другой.

— Почему они на нас набросились?

— Не знаю. Может, они — людоеды? Они выкрикивали что-то вроде «уллилиуди, уллилиуди», насколько я помню, это означает «господа» или «дворяне». Но если нас приняли за аристократов, то почему на нас напали? Должно быть, в этой стране все с ума посходили.

Вакар держал путь на юг, пока путников вновь не застала тьма. Принц и его слуга заморили червячка вяленным мясом и погрузились в беспокойный сон, карауля по очереди, как обычно. Еще до рассвета они вновь сели на коней.

Скалистые горные склоны становились все круче и мрачнее. День был в самом разгаре, когда они очутились в длинном, глубоком и узком ущелье. Петляя, оно вводило к югу. Путники упорно продвигались вперед, объезжали крутые отроги горной цепи. Окрест разносился гулкий перестук копыт. Наконец всадники остановились перевести дух.

— Сдается мне, мы тут целый век... Чу! — Вакару услышался далекий топот множества ног. — Неужели снова наши немые друзья?

Он пустил коня шагом, вглядываясь во тьму. Топот приближался. Некоторое время спустя, увидев источник шума, Вакар и Фуал вскрикнули от изумления и испуга. Шумел отряд иццунегов,

безголовых зомби короля Авоккаса. Не меньше двадцати этих чудовищ, вооруженных копьями с медными наконечниками, быстро шли по ущелью колонной по трое. Позади на низкорослых конях ехали двое обладателей голов — точно овчарки, подгоняющие стадо. Люди закричали, указывая на путешественников; иццунеги подняли копья и пустились бегом.

Глава 13

ЦАРСТВО БЕЗГОЛОВЫХ

Вакар развернул коня и помчался по ущелью в обратную сторону. Маленький аремориец уже несся перед ним во весь опор, хотя раньше боялся скакать даже легким галопом. Позади шлепали босые ноги иццунегов. Вакар обернулся в седле и увидел, что преследователи отстают, а еще через несколько поворотов они и вовсе исчезли из виду. Вакар позволил коню перейти на шаг. Фуал крикнул, оборачиваясь:

— Хозяин, как ты думаешь, они тоже хотят нас убить?

— Не знаю. Трудно судить о намерениях человека по выражению лица, особенно, когда голова отсутствует. Но мне показалось, что они настроены враждебно. Похоже, в Белеме нам не рады.

— Господин, что же нам теперь делать? Может, попытаемся найти другой путь в Найоват?

— Будь я проклят, если знаю, что нам делать. Поговорить бы хоть с кем-нибудь в этой проклятой стране...

За поворотом они едва не столкнулись с другим отрядом иццунегов, за которым ехал одинокий всадник. Сцена повторилась: командир закричал, указывая на путников, безголовые ринулись в атаку.

Вакар и Фуал спешно поворотили коней и галопом пустились в обратную сторону по той же дороге. Вакар слышал причитания Фуала:

— Все пропало, мы окружены!

— Еще не все пропало,— буркнул Вакар.— Ищи, где можно подняться выше по склону.

Он вспомнил слова Кертевана о том, что иццунеги не могут смотреть вверх и оглядываться. А склоны ущелья были хоть и крутыми, но вполне преодолимыми. Через несколько минут бешеной скачки Вакар увидел годное для подъема место и, возгласом предупредив Фуала, прижался к холке коня, обхватил ее ру-

ками, встал обеими ногами на седло, затем, не успев потерять равновесие, прыгнул вверх и в сторону. Рассадив колено, он приземлился на уступ в шести футах над дорогой и побежал вверх, отступая на каждом шагу. Из-под ног его сыпались камешки и земля.

— Быстрее,— крикнул он слуге.— И ни звука! Они карабкались по склону. До вершины было рукой подать, когда беглецы услышали шум погони. Кони заржали и поскакали на юг, но через несколько минут повернули обратно.

— Распластайся на уступе и не шевелись,— приказал Вакар.

Их лошади, оставшиеся внизу, водили ушами, ржали и скалили зубы. Когда два отряда ищунегов сошлись, кони сбились в кучу. Безголовые, прибежавшие с обеих сторон ущелья, столкнулись прямо под Вакаром. Началась сумятица. В полной неразберихе безголовые нечаянно задевали друг друга копытами, а испуганные кони кусались и лягались. Один безголовый упал и остался неподвижно лежать на земле.

Всадники перекликались, возвышаясь над обрубками шей своего жуткого воинства. В их голосах Вакар уловил изумление и злость. В конце концов один из командиров спешился, вручил поводья ищунегу, пробился сквозь толпу и схватил под уздцы лошадь Вакара.

Глядя на него с уступа, Вакар побагровел от злости. Мало, что на него нападали, что за ним гонялись все кому не лень в этом проклятом походе, так теперь еще и коней хотят отнять! И почти все имущество! Ну, погодите, мерзавцы! Сейчас вы узнаете, что численное превосходство не всегда спасает от поражения.

— Начали,— буркнул он, поднимаясь на ноги. По склону покатился внушительной величины камень, за ним другой, третий. Фуал пришел на помощь к хозяину, валуны летели в самую гущу безголовых, задевая по пути и увлекая за собой другие камни. Пронзительно заржали кони, три всадника закричали, указывая на Вакара и Фуала, которые носились по уступу, как демоны, отправляя вниз все камни, какие им удавалось столкнуть. Огромные валуны падали прямо на ищунегов, а те даже не уворачивались. Трещали копыта и кости, несколько живых мертвецов упало. Человек, схвативший коня Вакара, отпустил повод и бросился через толпу к своей лошади.

Вакар заметил опасно накренившийся валун высотой почти с него самого и призвал на подмогу Фуала. Они налегли на камень, сдвинули его с места. Земля содрогалась, пока валун катился вниз, а когда он обрушился на врагов, за ним с оглушительным

грохотом низверглась целая лавина обломков. Вакар вспомнил поговорку, что падение маленького камешка порой приводит к страшному камнепаду.

Когда все стихло, множество иццунегов, а также спешившийся командир оказались погребены под камнями. Тут и там среди валунов торчали конечности и пики. Все четыре коня Вакара погибли на северном краю осыпи. Иццунег, которому погибший командир вручил поводья, все еще стоял, держа его лошадь, а на противоположной стороне побоища сидели верхом двое командиров. Когда Вакар начал спускаться по склону, они спрыгнули с седел и полезли ему навстречу.

— За мной, Фуал.— Вакар надел на руку круглый щит.— Берись за меч.

Он ринулся в атаку. Поднимавшийся первым белемец прикрывался маленьким щитом из кожи и размахивал медной палицей, похожей на тесло. Его чуть приотставший товарищ был вооружен каменной булавой.

Когда первый белемец замахнулся своим неуклюжим оружием, Вакар ударил его щитом, целя в голову. Палица лязгнула о тонкую бронзу, и тут же Вакар рубанул мечом под обоими щитами. Клинок вонзился в живот, белемец закричал, бросив оружие, с ужасом поглядел на лезущие из раны внутренности и опрокинулся навзничь.

Вакар повернулся ко второму противнику — тому, что с палицей,— и тут возле его головы пролетел камень и ударил белемца в грудь. Тот повернулся и бросился бежать вниз по склону. Прямо со скалы он прыгнул на своего коня и через несколько секунд скрылся за южным выступом обрыва.

Пока Вакар спускался, в его ушах все еще отдавался стук копыт. Единственный уцелевший иццунег стоял по ту сторону осыпи. Когда принц перебирался через нее, безголовый воин даже не пошевелился, его единственный глаз спокойно глядел из груди в пустоту.

— Ты меня слышишь? — спросил Вакар, ужасно коверкая белемские слова.— Отдай поводья! Отдай, кому говорю?!

Иццунег даже не шевельнулся.

— Тебе же хуже! — Вакар вонзил окровавленный меч в грудь безголового. Иццунег пошатнулся и рухнул наземь. Прежде чем конь успел испугаться и отпрянуть, Вакар схватил поводья и потащил его за собой через каменную осыпь. Три его лошади были мертвы, а уцелевшей сломал ногу валун. Вакар перерезал

раненному коню горло, а затем поймал за поводья лошадь погибшего на склоне горы белемца. Держа поводья двух коней, он вновь одолел осыпь. Торчащие из-под завала конечности ищунегов все еще дергались, но принц их уже не опасался.

Вакара привлекла красивая одежда на трупах командиров: тюрбаны и длинные, по колено, туники из хорошей шерсти. Талии были перетянуты сплетенными из кожаных ремешков поясами. На ушах и пальцах сверкали золотые кольца, которые Фуал немедленно снял. Очевидно, в этой горной стране погибшие считались богачами.

Почти час Вакар и Фуал надрывались, ворочая камни, чтобы добраться до своих вьюков. Одному из заваленных коней Вакар отрубил мечом заднюю ногу — на мясо. Затем совместными усилиями они перевели живых коней с северного на южный край каменной осыпи.

— Мой господин,— сказал Фуал,— неужели ты намерен продолжать это безумное путешествие?

— А ты предлагаешь вернуться несолоно хлебавши, чтобы Курос обвинил меня в трусости? Ни за что! Садись на свою лошаденку.

Вакару не нравился его новый скакун — ростом он оказался гораздо ниже прежнего коня. К тому же он с непривычки казался слишком норовистым и упрямым.

— Оно, конечно, можно назвать смельчаком того, кто в одиночку вторгается во враждебное королевство,— брюзжал Фуал.— Но его можно назвать и иначе...

Вакар ухмыльнулся. Невзирая на усталость, он гордился, что прошел еще одно испытание.

— Ничего, кое-кто из величайших героев тоже был маленько не в своем уме. Даром, что ли, в «Безумии Врира» говорится:

Гневом кипя, помахал он щербатой секирой,
Слуг нерадивых карал, и замшелые стены мозгами
Были забрызганы вмиг.
О, незавидна доля.

Фуал задрожал, но не произнес ни одного слова.

* * *

На следующий день из-за гор навстречу выехал всадник и миролюбиво поднял ладонь. Вакар позволил ему приблизиться, хотя готов был в любой миг схватиться за меч. Незнакомец заго-

ворил на искаженном тритонском, а Вакар знал несколько слов на белемском, так что в конце концов им удалось понять друг друга.

— Я господарь Шагарнин,— сказал белемец.— Король Авоккас поручил мне встретить тебя на нашей земле и препроводить в Найоват.

— Очень любезно со стороны Авоккаса,— сказал Вакар.— Кстати, не его ли слуги оказали нам вчера столь теплый прием?

— Это всего лишь досадное недоразумение. Боги предупредили Авоккаса, что некий Вакар из Лорска приближается со стороны Тритонии и что его необходимо уничтожить в интересах богов и людей. Ведь ты — не Вакар, правда?

— Нет, я Тьегос из Седерадо,— назвалса Вакар первым именем, которое взбрело на ум.

— Именно так и подумал король, получив доклад о том, какой ты могущественный волшебник. Вакар, по описанию богов,— совершенно заурядный мошенник, начисто лишенный сверхъестественных способностей. Единственный десятник, уцелевший после вчерашней встречи с тобой, поведал, что ты воспарил на крыльях летучей мыши и обрушил на атакующих гору. Тогда-то король и заподозрил ошибку. Он искренне надеется, что ты простишь ему оплошность и воспользуешься его гостеприимством.

— С удовольствием,— ухмыльнулся Вакар.

Он понял, что произошло: уцелевший десятник во весь опор помчался в Найоват, а по пути сочинил красивую небылицу, чтобы его не обвинили в трусости. Вакар вовсе не был уверен, что ему удастся, скрывая свое настоящее имя, провести Шагарнина или короля — происходящее очень смахивало на ловушку. Похоже, враги, не сумев одолеть его силой, пустили в ход вероломство. Пережитые злоключения довели его подозрительность чуть ли не до мании.

— Это замечательная страна,— сказал Вакар.— И я уже успел с ней немного познакомиться. Например, не далее как позавчера на нас напали какие-то дикари, но только с головами.

— Какая досада,— отозвался Шагарнин, и в глазах его промелькнул испуг.— Вероятно, то была шайка простолюдинов. Одичавшие скоты не упускают случая напасть на высокопоставленных особ, если те рискуют путешествовать поодиночке или по двое. Поэтому добираться до Найовата без вооруженного эскорта небезопасно. Придется послать отряд, чтобы стереть эту банду с лица земли.

— А почему вас так не любит простонародье? Глупые селяне не желают, чтобы король Авоккас сделал из них ищунегов?

— Как будто чернь имеет право чего-то желать или не желать! — Шагарнин сплюнул.

— Неужели король задумал превратить весь народ в этих... ищцунегов? — Вакар постарался скрыть свое изумление.

— Да, таков его великий замысел. Наш король — самый могущественный волшебник в мире. Он открыл, что ищцунеги — идеальные подданные: послушные, неутомимые, бесстрашные, аккуратные и без подлых мыслишек. Он даже научился их размножать. Жаль только, что дети рождаются с головами, как обычные люди. Приезжай к нам через несколько лет, и ты увидишь сказочное королевство: уллилиуди, как называет нас чернь, будут править совершенно безголовым населением, и кругом воцарят порядок и счастье.

— Потрясающая идея! — в восторге воскликнул Вакар.

— Я рад, что ты так думаешь. Но нам еще предстоит обезглавить всех наших подданных, и в связи с этим возникло много проблем. Как будто от голов есть какой-то прок! Создание ищцунегов требует могущественных чар, посему работа над этим грандиозным проектом займет некоторое время. Наш бедный король трудится денно и ночно, и мы, любящие его вельможи, беспокоимся о его здоровье.

Вакар сочувственно кивнул.

— Чернь не знает, в чем ее счастье, не правда ли? Кажется, теперь я понимаю, почему на нас напала толпа.

— Я рад, что ты разделяешь нашу точку зрения... Господин Тьегос, с какой целью ты прибыл к нам?

— Я путешествую ради собственного удовольствия.

Шагарнин с любопытством взглянул на Вакара.

— Не могу себе представить путешествие ради удовольствия, но, возможно, в твоей стране жизнь иная, нежели у нас.

Вакар решил перевести разговор в другое русло.

— Насколько мне известно, Авоккас владеет упавшей звездой.

— Тахахом? Да, но об этом лучше спросить его самого.

Подъезжая к Найовату, Вакар увидел каменные хижинки и немногочисленных людей, которые при виде всадников прятались в домах или за камнями с проворством испуганных ящериц. Из-за угла одной из хижин принца разглядывали несколько оборванцев, на их грязных физиономиях была такая ненависть, что он содрогнулся. По мере приближения к центру города вдоль дороги вырастали все более добротные каменные здания. Вакар решил, что это дома аристократов.

— А вот и дворец,— показал Шагарнин.

Вакар не сразу понял, что имеет в виду белемец. Наконец он увидел отверстие в подножии скалистого холма, возвышавшегося над Найоватом. Холм был окружен глубоким рвом, ко входу в пещеру вел устланный соломой бревенчатый мост. У входа застыли несколько ищунегов с копьями.

Кавалькада проехала по мосту. Стук копыт по соломе походил на далекий рокот барабанов. Наездники спешили, ищунегги увели коней. Шагарнин переговорил с командиром стражи, носящим на плечах, как знак отличия, голову,— а затем предложил Вакару и Фуалу следовать за ним.

Он повел их по лабиринту туннелей. Вакар присвистнул от удивления: дворец напоминал кроличью нору, он сплошь состоял из ходов, прорытых в холме. Но Авоккас не пожалел труда, украшая свое обиталище. Оштукатуренные стены были покрыты разноцветными геометрическими фигурами, по контурам рисунков сверкали шляпки золотых и серебряных гвоздей. Принц не увидел изображений живых существ, как в Огуджии или Фаяксии. Через каждые несколько футов в больших медных чашах плясало желтое пламя. По пути Вакар обогнал ищунега с медной посудиною наподобие чайника — безголовый слуга заливал масло в светильники. Вакар пытался запоминать повороты и перекрестки, но вскоре отчаялся и обратился к Фуалу на лорском:

— Надеюсь, нам не придется убежать в спешке — без проводника отсюда вовек не выбраться.

Они долго шли по петляющим коридорам, встречали многочисленных стражников, перед ними отворяли тяжелые двери, украшенные золотом и драгоценными камнями. Наконец Шагарнин ввел их в комнату, где стояли, как истуканы, несколько безголовых.

— Отдайте ваше оружие этим ищунегам,— потребовал аристократ.

Поскольку такое требование всегда предъявлялось посетителям царственных особ, Вакар безропотно подчинился. Ищунег отворил дверь в противоположной стене, и, проследовав за гостями в следующую комнату, Шагарнин приказал:

— Падите ниц в благоговении!

Будучи выходцем из Лорска, где царили свободные нравы и поклоны были не в чести, Вакар не привык падать ниц перед смертными и даже не успел выбрать богов, которых ему бы хотелось почтить подобным образом. Все же он сделал, как было сказано, поскольку вовсе не хотел превратиться в ищунега за

нарушение придворного этикета. Он стоял на коленях, пока не услышал визгливый голос:

— Встаньте! Шагарнин, покажи рабу нашего гостя покои для приезжих, пусть он ждет там своего господина. Как, говоришь, твое имя? — обратился Авоккас к Вакару.

— Тьегос из Седерадо.

— Фьегос, стой на месте и молчи, пока я не завершу гадание.

Вакар осмотрелся. Человек, обращавшийся к нему, сидел у стены на каменном троне, к которому вели шесть ступенек. Он был облачен в пестрые одежды из блестящей материи под названием шелк. Принц вспомнил, что из шелка была и мантия Кертевана. Этот материал привозили из Сериканы, страны, где рождается солнце.

Авоккас был тощ, плешив и измучен заботами. На желтой коже лица пролегли глубокие морщины. Короля безголовых можно было бы назвать непримечательной личностью, если бы не рост: от силы пять футов.

Вакара вдруг осенило, почему трон Авоккаса поднят на шесть футов над полом и откуда взялась бредовая идея обезглавить все население королевства. Властелину казалась совершенно невыносимой мысль, что он ниже своих подданных, и он решил добиться с помощью топора и колдовства, чтобы они больше не смотрели на него сверху вниз в буквальном смысле этих слов.

Не желая наводить Авоккаса на опасные мысли, Вакар ссутулится и втянул голову в плечи.

Тем временем король устался в каменный пол перед тронном. Справа и слева от лесенки горели маленькие масляные лампы с медными отражателями. Вошел ищунег и погасил все факелы. Теперь комнату освещали только эти две лампы.

На освещенном участке пола Вакар увидел большую и сложную пентаграмму. Авоккас протянул к ней руки с растопыренными пальцами и произнес заклинание на незнакомом гостю языке. Пентаграмма постепенно исчезла из виду, и на полу появился мираж. По песчаным холмам медленно шел караван — бесконечная вереница всадников на высоких горбатых животных. «Верблюды», — догадался принц, знавший этих животных по описаниям. Изображение было сильно уменьшенным — высота всадника на верблюде не превышала пяди. Седоки были одеты в черные плащи, похожие на саваны; огромные черные платки держались на головах с помощью лент и ниспадали широкими складками. Лица прятались под вуалями. Оружием служили длинные копыя.

Караван казался бесконечным: когда очередной всадник исчезал из освещенного овала, на другом его конце появлялся следующий.

Король Авоккас что-то произнес, и видение исчезло. Вновь вошел ищунег, чтобы зажечь факелы:

— Ты видел армию гведулийцев, идущую на запад вдоль южной границы моей страны? — спросил король. — Я думал, что они повернут к северу и нападут на нас, но пока они не меняют направления. Скорее всего, кочевники намерены пересечь Таменруфт и вторгнуться в Гамфазантию.

— Государь, ты хочешь предупредить гамфазантов?

— Предупредить? С какой стати? Я им ничем не обязан и не желаю ссориться с гведулийцами. К тому же гамфазантов бесполезно предупреждать, ведь они никогда не прислушиваются к чужому мнению.

— Это культурный народ?

— Отчасти. У гамфазантов есть столица, и они возделывают землю, но у них много странностей. Итак, что привело тебя сюда, господин Тьегос?

— Я путешествую ради свежих впечатлений. Хочу увидеть далекие и дивные страны, прежде чем где-нибудь осяду. В Белей меня привели слухи о ваших странных обычаях и о талисмане Тахахе. Я мечтаю увидеть это чудо своими глазами.

Авоккас кивнул.

— На мой взгляд, вполне естественно, что к нам приезжают варвары из отсталых стран, дабы познакомиться с нашими прогрессивными обычаями. Возможно, когда-нибудь они переймут наши порядки. Ты уже видел ищунегов, а завтра я покажу упавшую звезду. История Тахаха удивительна: он упал в Тартаре и лишь потом оказался в моих руках. Но... ты ведь и сам немного волшебник.

Вакар скромно кивнул.

— Государь, мне не сравниться с тобой.

Авоккас самодовольно улыбнулся.

— Вот такое поведение мне по нраву. Большинство пришельцев возмутительно хвастливы и вдобавок не приучены к порядку. Но я вынужден прервать аудиенцию — меня ждут великие дела.

— Пришла пора делать новых ищунегов?

— Я совершил величайшее открытие в истории некромантии и колдовства. Благодаря ему я не только приучу к порядку своих подданных, но и доставлю радость Иммуту — богу смерти, самому могущественному из всех богов. Ну, а теперь, в знак моей

особой милости, тебе дозволяется посмотреть, как я утоляю голод.— Король хлопнул в ладоши.

— В Белеме сейчас время обеда? — удивился Вакар.

— В Белеме время обеда наступает, когда у меня просыпается аппетит. Я почти безвылазно живу под землей, и вращение небесных тел на меня почти не воздействует, если не считать влияния звезд на мою магию с точки зрения астрологии.

Когда вошел иццунег с подносом еды и питья, король Осведомился у Вакара:

— Может быть, желаешь присоединиться?

— Прошу извинить, но в пути у меня расстроился желудок, и я сейчас воздерживаюсь от еды.

На самом же деле Вакар боялся яда. Король молча насыщался несколько минут, а затем предложил:

— Вероятно, тебе придется по вкусу иное развлечение. Пришли Реццару и музыканта! — велел он иццунегу.

Когда безголовый слуга вышел, Вакар спросил:

— Как ты управляешь этими существами? Как они тебя слышат, не имея ушей?

— А им и не нужны уши. Дух, обитающий в теле, улавливает мысли того, кто к нему обращается. Конечно, иццунег повинуется только мне или человеку, которому я доверяю управлять безголовым рабом. Иначе сразу бы возник жуткий беспорядок... А вот и наша самая искусная танцовщица. Станцуй для гостей, Реццара!

Вошли двое: низкорослый белемец со свирелью и молодая женщина, вся увешанная драгоценностями, которые сразу бросились в глаза, поскольку заменяли ей одежду. Кольца, серьги, бусы, ожерелья из самоцветов, браслеты на запястьях и лодыжках — все это звенело и искрилось при каждом шаге.

Коротышка уселся на пол, скрестив ноги, и заиграл жалобный мотив, напомнивший Вакару музыку Квазигана, под которую ожила змея в Седерадо. Вакар сразу насторожился, но ничего не произошло, разве что Реццара пустилась в пляс. Она опустилась перед принцем на колени и прогнулась назад, глядя на него из-под полуопущенных век. Руки ее извивались, как змеи. Будь Вакар с ней наедине...

Но ему оставалось лишь сидеть и слушать, как кровь пульсирует в ушах. Своим искусством танцовщица чуть не свела Вакара с ума. Когда Реццара затрясла грудью, не шевеля при этом бедрами, Вакар почувствовал, как кровь прилила к его лицу. Он даже слегка обрадовался, когда Реццара в изнеможении простер-

лась ниц перед Авоккасом, а затем, брэнча драгоценностями, выбежала из зала. Музыкант последовал за ней.

— Великолепное зрелище,— не кривя душой, сказал Вакар.

— Да, это тоже одно из чудес Белема. А теперь я должен вернуться к делам. Тебя известят, когда придет время увидеть Тахах.

— Благодарю тебя, государь.— Вакар низко поклонился.

У двери ищцунег вручил Вакару его меч и проводил по лабиринту туннелей в комнату, где холодные неровные стены были задрапированы пестрой тканью. В комнате была мебель: вполне приличная кровать с чем-то вроде балдахина и два стула. Из стенной ниши выглядывала выточенная из слоновой кости уродливая статуя белемского божества. Фуал поднялся со стула и указал на поднос с едой и кувшин с вином.

— И где же ты это раздобыл? — спросил Вакар.

— Украл на королевской кухне, когда отвернулся повар. Поварята-то все безголовые, с ними осложнений не возникло. Господин, позволь, я налью тебе вина. Кислятина, но все-таки лучше, чем вода.

Вакар присел на край кровати.

— Да, после аудиенции у короля-колдуна глоток-другой, пожалуй, не повредит.

— Как прошла аудиенция, господин? — Фуал вручил хозяину серебряный кубок, наполненный до краев.

Его перебил стук в дверь.

— Входите! — крикнул Вакар.

Дверь отворилась, блеснув золотыми петлями, и на пороге появилась танцовщица Реццара.

— Господин Тьегос, прикажи слуге выйти, я хочу поговорить с тобой наедине.

Глава 14

НАГИЕ ЧИСТОПЛЮИ

Фуал с тревогой посмотрел на хозяина, а тот опоясался мечом и сказал:

— Ступай, Фуал. В чем дело, Реццара?

Фуал вышел. Вакар оглядел танцовщицу с головы до ног и слегка успокоился — не стоило опасаться, что она выхватит из-под одежды кинжал. Оружие, способное уместиться под таким «нарядом», годится разве что для чистки ногтей.

Реццара подождала, пока затворится дверь, и спросила:

— Сударь, когда ты намерен уехать?

— Пока не собирался, а что?

— Возьми меня с собой, я не могу здесь оставаться.

— Это почему же? — В душе Вакара вновь зашевелились подозрения.

— Я ненавижу короля Авоккаса и люблю тебя.

— Что? Вот это сюрприз, клянусь третьим глазом Тандилы!

Танцовщица заморгала, не сводя с принца больших темных глаз.

— Я ненавижу этого демона, мне противен его фанатизм и мечты о новом порядке. И я сгораю от страсти с того самого мгновения, когда впервые тебя увидела. О, сударь, увези меня отсюда, и ты никогда об этом не пожалеешь.

— Интересная мысль,— сухо сказал Вакар, прихлебывая вино,— но как ее осуществить?

— Ты из тех мужчин, для которых не существует преград. Зачем ты сюда приехал?

— Из любопытства.

— Не верю. Ты решил украсть Тахах?

— Конечно, Тахах — вещь ценная... Хочешь вина?

— Нет, я хочу только одного: чтобы ты меня стиснул в железных объятиях и покрыл мое истомленное тело жгучими поцелуями.— Извиваясь, как змея, танцовщица двинулась к нему.

— Реццара, в прямолинейности тебе не откажешь, но...

— Тебе нужен Тахах, да? — Она схватила его запястье обеими руками и встряхнула.

— Чтобы увидеть его, я приехал издалека...

— Если я покажу его тебе и сделаю все, что захочешь, ты меня заберешь с собой?

— Если смогу,— ответил Вакар, поглаживая усы. Танцовщица приблизилась к нише и подняла уродливую костяную статуэтку.

— Вот, возьми, но только осторожно, не дотрагивайся им до меня. Говорят, что его прикосновение делает женщин бесплодными.

— Гм...— Вакар подошел и с любопытством заглянул в нишу. Там лежало нечто похожее на камень примерно с два кулака величиной. Тахах был темно-коричневым, почти черным, пористым, с грубой поверхностью.

Вакар поднес к нему палец — ничего не произошло. На ощупь камень оказался холоднее, чем ожидал принц. Вакар схватил его и поднял, удивленно крикнув: Тахах весил не меньше десяти фунтов.

Он перевернул упавшую звезду и обнаружил след инструмента — зубила или пилы. Недоставало кусочка, из которого тартарский кузнец сделал Кольцо Тритона. Вакар с разочарованием разглядывал камень, он ожидал чего-то более впечатляющего.

— А ты уверена, что это и есть Тахах?

— Уверена.

— Почему Авоккас оставил его в таком доступном месте? Я ожидал, что он хранится в глубоком подземелье, что его стережет армия ищунегов и парочка драконов.

— Авоккас — человек с причудами. Наверное, он считает, что никто не заметит сокровище, если оставить его у всех на виду. Но давай поговорим о других делах, мой господин.— Танцовщица легла на кровать и томно потянулась.— Сейчас ты получишь удовольствие, какого еще ни разу в жизни не испытывал. Иди же, поцелуй меня.— Она протянула руки в сторону принца.

«Ну что ж,— подумал Вакар,— почему бы и нет? Жизнь и так не вечна, а круговерть приключений, в которую я угодил, вряд ли сделает ее длиннее». Он опустил Тахах на стол, снял через голову перевязь с мечом и положил ее рядом с упавшей звездой. Затем взял серебряный кубок и плотнул вина.

На какое-то мгновение он застыл у кровати с кубком в руке, глядя вниз, на гладкую оливковую кожу Реццары. Драгоценности на ее теле словно подмигивали, подчеркивая доступность красавицы. Пожалуй, не зря Вакар проделал столь долгий путь...

И вдруг чаша с вином выпала из обессилевших пальцев принца: на его глазах произошла ужасная перемена.

Голова исчезла, молодая танцовщица превратилась в женщину-ищунега.

— Реццара! — вскричал принц.

Еле слышный голос Реццары звучал в его сознании:

— Иди ко мне, любовь моя, давай отдадимся всепоглощающей страсти, я сгораю от нетерпения...

Вакар протянул руку, и она беспрепятственно рассекла воздух в том месте, где только что была голова красавицы. Принц не нашел в себе сил прикоснуться к обрубку шеи. И снова в его голове зазвучал тихий голос — точно отдаленный крик улетающей в зарю птицы:

— Так ты догадался? Не вини меня, чужеземец, ибо я всего лишь блуждающий дух, заключенный в тело по воле Авоккаса. Он воспользовался магией, чтобы обмануть тебя. Останься, если хочешь...

Фраза осталась недосказанной — над головой Вакара раздался шорох. Принц вскинул голову и тут же отпрянул назад. С балдахина упала на кровать огромная сеть и туго спеленала тело Реццары. Вакар вовремя отскочил — ему лишь взъерошило волосы тенетами. В тот же момент распахнулась дверь.

Вбежала целая толпа ищунегов. Все они были безоружны — видимо, собирались схватить Вакара голыми руками. За их спинами прятался король-коротышка.

Вакар бросился к мечу. Правой рукой принц коснулся ножен, а левой схватил Тахах. Повернувшись лицом к вошедшим, Вакар, почти не отдавая себе отчета в своих действиях, швырнул тяжелый камень в Авоккаса. В следующий миг он выхватил меч, а ищунеги дружно бросились на него. Вакар увернулся и принялся рубить направо и налево, круша ребра, рассекая плоть, отхватывая тянущиеся к нему руки. Ищунеги истекали кровью, но упорно теснили принца, и вот их руки сомкнулись на запястьях и предплечьях Вакара...

И тут же хватка чудовищ ослабла. Все как один ищунеги грузно повалились на пол. Перед Вакаром в один миг выросла груда голых коричневых мертвецов. Он бросил взгляд по-над нею и увидел короля, лежащего у двери с пробитым черепом. В сознании Вакара снова зазвучал голос Реццары:

— Теперь все мы свободны от чар... Спасибо тебе, чужеземец, и прощай.

Вакар стоял, оторопело глядя перед собой; мысли его путались. И тут в комнату ворвался Фуал.

— Мой господин, что случилось? Я пошел на кухню, как велел король, и вдруг все безголовые попадали замертво... А что, король тоже мертв? А кто это на кровати? Ты отрезал ей голову? Вот уж не думал, господин, что ты на такое способен...

— У бедняжки не было головы...— медленно произнес Вакар.— Она ищунег, как и остальные, но Авоккас заколдовал ее, уподобив нормальной женщине. Он принял меня за великого волшебника и намеренно отправил в комнату, где хранился Тахах. Он хотел, чтобы я дотронулся до него и потерял свои магические способности. Потом Реццара должна была завлечь меня в постель. В двери есть глазок, и король подглядывал за нами, выжидая удобного момента, чтобы сбросить сеть. Как в песне о богине Афродексе, помнишь, нам ее пел тот хуперейский бард? Потом бы Авоккас вбежал, схватил меня и, как пить дать, превратил бы в ищунега. Но я не колдун, а вино помогло мне увидеть истинный облик Реццары.

У Фуала стучали зубы.

— Хозяин, а что теперь делать?

— Быстро собери наши вещи, и бежим из этой обители колдовства.

Фуал наклонился над трупом Реццары, разрезал сеть и стал снимать украшения.

— Тела разлагаются прямо на глазах. Ну и запах! — бросил он через плечо. — А куда поедем, господин?

— Я слышал, кузнецы Тартара умеют делать вещи из этого звездного металла. Думаю, следует нанести им визит.

— Ехать в Черные Земли? Но ведь там живут одни людоеды! — простонал аремориец.

— Не одни. К тому же мы слишком тощие и вид у нас неаппетитный. Заверни Тахах в наше одеяло.

Через несколько минут путники уже брели по коридорам. Вакар прокладывал путь, держа меч наготове. Фуал семенил позади. Время от времени они перешагивали через распростертые трупы иццунегов. Неожиданно по коридору, шлепая сандалиями, пробежал целый человек. Вакар посмотрел ему вслед и круто повернулся, когда второй выскочил из-за угла.

— Стой! — крикнул Вакар, преграждая ему путь. Он узнал своего старого знакомого, аристократа по имени Шагарнин. Белемец попытался проскочить мимо, но Вакар раскинул руки.

— Как отсюда выбраться?

Шагарнин тяжело дышал. Его лицо скривилось от ужаса.

— Все иццунегги мертвы, — прохрипел он. — Чернь восстала и рвет на части уллилиудей. Отпусти, или меня растерзают.

— Ни с места! — рявкнул принц. — Скажи, как отсюда выбраться, или я лишу чернь удовольствия расправиться с тобой.

— Ступай туда, откуда я только что пришел, поверни направо, затем налево, а потом иди прямо...

— Где наши кони?

— В загоне справа от выхода. Но там сейчас мятежники. Отпусти меня...

— Почему бы тебе не пойти с нами? У тебя будет шанс спасти свою никчемную жизнь.

— Нет... я боюсь... меня убьют... — Шагарнин поднырнул под руку Вакара и кинулся по коридору вслед за своим товарищем.

Вакар прибавил шагу.

— Поспеши, — бросил он Фуалу, который едва поспевал за хозяином, сгибаясь под тяжестью краденого.

У самого выхода из пещеры-дворца до Вакара донесся странный шум, точно жужжание пчел в опрокинутом улье. В отверстии туннеля появилось алое сияние. «Это, наверное, отсветы заката»,— решил принц.

Но это был не закат, хотя солнце уже опускалось за горные вершины. Красные сполохи вздымались над горящими домами белемских уллилиудей. Перед дворцом и по всему городу валялись раздетые и расчлененные трупы мужчин и женщин всех возрастов. Вокруг пылающих домов плясала и визжала толпа полудикой черни. Вакар увидел окруженного мятежниками аристократа — его привязали к дереву и свежевали заживо. Неподалеку пытали огнем девушку. Вонь гниющих иццунегов смешивалась с отвратительным запахом горелой человеческой плоти.

— Пошли, быстрее! — Вакар потащил Фуала к загону, перешагивая через трупы безголовых.

Фуал оглянулся на крики толпы.

— Господин, нас заметили!

— Ну так помоги поймать треклятых коней! — прорычал Вакар.

Второпях путники отловили трех наименее норовистых коней, взнуздали их (белемцы ездили без седел) и взялись за поводья. Шум приближающейся толпы нарастал.

— Наш единственный шанс — проскочить по мосту во весь опор,— объяснил принц.— Готов?

Принц ударил коня плашмя мечом по крупу, и низкорослый скакун стрелой вылетел из загона. Чернь роилась у входа во дворец. Одни мятежники ломились в туннель, другие направлялись к загону. Толпа взвыла. О щит Вакара с грохотом разбился камень, другой отскочил от его шлема.

Конь чуть не сбился с тропы, но Вакар изо всех сил дернул повод, зная, что при спуске галопом по крутому склону ему не удержаться верхом. Принц гнал коня прямо на вопящих дикарей, и те отскакивали, а он, наклонясь вперед и завывая, как демон, рубил направо и налево. Неожиданно он увидел лицо одного из них, покрытое грязью, с прилипшими ко лбу спутанными волосами. Безумные, налитые кровью глаза уставились на Вакара. Принц ударил мятежника мечом и услышал, как хрустнул череп. Конь споткнулся о мертвеца, и Вакар дернул повод, заставляя скакуна задрать голову.

Копыта глухо простучали по мосту и громко — по главной улице Найавата. И вот беглецы очутились за городом, а крики беснующейся толпы и зарево пожаров остались за поворотом.

* * *

— Я никогда не потакал беднякам,— объяснил Вакар Фуалу,— но, по-моему, все-таки не стоит доводить их до крайности и отрезать им головы. Неудивительно, что несчастные захотели спустить шкуру с Авоккаса и его аристократов. Вот только жаль, что в слепом гневе они уничтожили все культурные ценности Белема. Теперь здесь не осталось никого, кроме убогих дикарей, обреченных прозябать в ничтожестве...

Они направлялись к озеру Кокутос, самому большому водоему в Гамфазантии. Часть пути была им знакома — по этой дороге они ехали из Тритонии в Белем. Затем путники повернули на запад, к озеру Ташорин, огибая Таменруфт с севера. Лето было в разгаре, с безоблачного неба немилосердно палило тропическое солнце.

— Наше счастье, если не попадем из огня да в полымя,— пробормотал Фуал.— А то с тех пор, как мы покинули Фаяксию, нам встречаются народы один злее другого. Ах, что за прекрасная земля Фаяксия! Господин, тебе что-нибудь известно об этих гамфазантах? Говорят, они не любят чужестранцев.

— Скорее всего, это пустые слухи. В Седерадо я встречал одного гамфазанта, он себя вел вполне прилично, хоть и пытался меня убить. Предупредив его соотечественников о вторжении гведулийцев, я заслужу их благодарность.

Фуал содрогнулся.

— Если только гведулийцы не добрались туда раньше нас... Господин, а почему бы нам не отправиться напрямик домой? Мы нашли наконец кусок этого звездного металла...

— Потому что я задумал превратить этот кусок в кольца и прочие безделушки. А обращаться с таким заказом надо только к кузнецам Тартара. Помнишь, я обещал отпустить тебя на свободу?

— Д-да, господин.— Фуал настожился.

— Не волнуйся, я сдержу слово... У гамфазантов неплохие поля, тебе не кажется?

Путники уже оставили позади пески Таменруфта и теперь пересекали пастбища Гамфазантии. Вакар исходил потом на августовской жаре, хоть и разделся до накидки и набедренной повязки. Высокий, обнаженный, загорелый туземец обрабатывал неподалеку землю каменной мотыгой. Впереди в дымке начали прорисовываться глинобитные хижины.

— Хо! — крикнул Вакар, когда они въехали в деревушку.

Жители выбежали из домов и окружили путников. Туземцы были высокими и стройными, с резкими чертами лиц; их черные как смоль волосы вились; у всех без исключения носы были с горбинкой. Никто не носил одежду. Вокруг толпы с лаем носились собаки.

— Назад! — вскричал Вакар, обнажая меч. Он повторил приказ на всех известных ему языках. — Прочь от наших коней!

Туземцы не обратили внимания на его слова, и тогда он ударил плашмя мечом одного из них, чтобы расчистить дорогу. Толпа взвыла и ринулась на чужеземцев. Прежде чем Вакар успел ударить кого-то еще раз, его схватили десятки рук и самым постыдным образом стащили с коня. Краем глаза он увидел, что Фуала постигла та же участь. Вакар в ярости заскрежетал зубами, проклиная себя за неосторожность.

Гамфазанты поставили Вакара на ноги и вырвали у него меч, но при этом ни разу не ударили. Морщинистый, как сушеная фи́га, старик с белой бородой и тыквоподобным животиком пошел к Вакару и заговорил.

— Я не понимаю, — замотал головой Вакар. Старейшина повторил свой вопрос на других языках и наконец произнес на ломаном гесперийском:

— Кто ты?

— Вакар из Лорска.

Принц попытался объяснить, где находится Лорск, но в конце концов сдался и указал на восток.

— Ты пойдешь с нами, — старик дал знак двум крепким молодцам, и те накинули петли на шею Вакара и Фуала. Петли были на одной ременной веревке, за ее концы держалось несколько дюжих гамфазантов. Под командованием старика они поволокли путешественников в сторону Токалета. Следом вели коней. Вакар, пряча гнев, спросил старика, почему с ними так обращаются.

— Чужеземцы не живут в Гамфазантии, — ответил тот.

— Значит, вы нас убьете?

— О, нет, гамфазанты народ добрый, мы не убиваем, но жить вы не будете.

— Что значит — не будем жить?

— Есть разные способы избавляться от чужеземцев, — усмехнулся патриарх.

«Как это понимать? — ломал голову Вакар. — Неужели нас с Фуалом запрут в темнице и уморят голодом, не марая рук кровью?»

Он попытался рассказать старику о гведулийцах, но тот лишь отмахнулся — то ли он никогда не слышал о наездниках пустыни, то ли не боялся их. Они шли весь день. К вечеру Вакар едва держался на ногах. Переночевали они в другой глинобитной деревне, а на следующее утро пленников повел новый конвой. Так они и брели от селения к селению до самого Токалета.

Столица Гамфазантии раскинулась на берегу искрящегося озера Кокутос. Она не была обнесена крепостной стеной и представляла собой по сути самую большую в этой стране деревню. Шатаясь от усталости, Вакар плелся по широкой улице с петлей на шее и глядел на голые стены из саманного кирпича. В такую жару на улицах было очень мало народу, редкие прохожие флегматично смотрели на пленников.

Наконец возле одного из общественных зданий пленникам позволили остановиться. Вакар, не понимая ни слова, выслушал перебранку между начальником конвоя и чиновником, сидевшим в комнате на стуле. Затем путешественников раздели, затолкали в темную камеру и заперли снаружи на большой засов тяжелую деревянную дверь.

Небольшое окошечко в двери на уровне глаз было забрано деревянной решеткой. Такое же отверстие в противоположной стене камеры служило окном.

— Ну что ж, господин, вот и закончился наш путь.— Фуал горестно вздохнул.— Если бы ты послушался моих советов и...

— Заткнись! — рывкнул Вакар, сжимая кулак.

Но он тут же спохватился. Бить единственного человека, на которого можно положиться,— занятие по меньшей мере бесполезное. Принц побродил по камере, поцарапал ногтем кирпич, гадая, сколько понадобится времени, чтобы пробить стену. Окно выходило на главную улицу Токалета, но через него видна была лишь стена дома напротив. Гамфазанты, похоже, не ездили ни верхом, ни на колесницах. Вакар вспомнил, что ни разу не видел в этой стране металла. Даже решетки на окнах в местной тюрьме были деревянными.

Принц выглянул в дверное оконце и крикнул от удивления: как раз напротив их камеры находилась другая, и сквозь решетку на Вакара смотрели горящие глаза. Лицо их хозяина было огромным, скорее обезьяньим, нежели человеческим; оно сразу показалось Вакару знакомым.

— Ха! Ты только погляди!

Фуал, скорчившись, сидел в углу. Услышав возглас господина, он встал, подошел к двери, поднялся на цыпочках и выглянул.

— Мой господин, по-моему, это тот самый обезьяночеловек, которого мы видели в Седерадо.

— Нжи! — позвал Вакар. Ответом ему был глухой рев.

— Нжи! — повторил он, а затем спросил на гесперийском: — Ты меня понимаешь?

Снова раздался рев, и дверь содрогнулась под ударом огромных кулаков. Вакар безо всякого результата обратился к обезьяночеловеку еще на нескольких языках и наконец сдался.

* * *

Обнаженные тела Вакару Зу были не в диковинку, однако гамфазантская знать, собравшаяся на суд, своим видом поразила его до глубины души. Это случилось на следующее утро после его прибытия в Токалет.

— Ты обвиняешься в том, что ты — чужеземец, — объявил принцу переводчик. — Что можешь сказать в свое оправдание?

— Конечно, я чужеземец. Но разве я виноват, что родился не здесь?

— Не виноват, — возразил судья через толмача, — но тебе не следовало приходить в Гамфазантию, где чужеземцем быть запрещено.

— Почему же?

— Гамфазанты — самый нравственный народ в мире. Мы боимся, что торговля с варварами развратит нас.

— Но откуда мне было знать ваши дурацкие законы?!

— Незнание закона — это не оправдание. Ты мог бы осведомиться в соседних странах, прежде чем так опрометчиво вторгаться в наше заповедное государство. Итак, ты попадаешь под закон об иноземцах. Кроме того, обвиняешься в ношении оружия на территории Гамфазантии. Что ты на это скажешь?

— Конечно, у меня был меч. Носить оружие дозволено всем путешественникам во всех цивилизованных странах.

— У нас это запрещено. На самом деле Гамфазантия — единственная цивилизованная страна, поскольку гамфазанты не убивают людей. Нам нет нужды вооружаться. Только селянам в приграничных селениях разрешено носить копья, чтобы защищаться от львов. Таким образом, мы признаем тебя виновным в ношении смертоносного оружия, которое лежит сейчас передо мной. Далее, ты обвиняешься в ношении одежды.

Что? Вакар в отчаянии дернул себя за волосы.

— Только не говори, что это тоже противозаконно. Почему вы не позволите людям делать то, что им нравится?

— Возмутительно! И пахнет анархией! Стоит нам внять этому коварному совету, и прощай, нравственность! Одежду носят по трем причинам: ради тепла, из тщеславия и из ложной скромности. В Гамфазантии достаточно тепло, чтобы обходиться без одежды, а тщеславие — столь очевидный грех, что нет нужды его обсуждать. Теперь разберемся с третьим мотивом, движущим некоторыми варварскими народами... Боги сотворили человеческое тело непорочным и святым с головы до пят. Следовательно, прикрывая любую его часть, человек тем самым наносит богам оскорбление. А посему мы тебя обвиняем в ношении одежды. Если ты не согласен с мнением суда, выскажись в свое оправдание, прежде чем услышишь приговор.

— Мне действительно есть, что сказать! Я бы мог объехать стороной вашу страну, но вместо этого решил предупредить вас о смертельной опасности.

— И что же это за опасность?

— Вам что-нибудь известно о гведулийцах?

— Это племя варваров, кочующее вокруг озера Линксама, далеко к востоку от нас Ну, и при чем тут гведулийцы?

— Большая армия гведулийцев на верблюдах пересекает Таменруфт и приближается к Гамфазантии. Они собираются напасть на вас и поработить.

— Откуда у тебя такие сведения?

Вакар рассказал о магическом действе в тронном зале короля Авоккаса. Судья потеребил куцую бородавку.

— Возможно, это правда, а может, и нет. Разница невелика.

— Невелика разница между жизнью и смертью?

— Ты неправильно понял. Противостоять агрессии силой неэтично, ведь в схватке мы можем нечаянно убить кого-нибудь из гведулийцев. Когда они придут, мы объясним, что здесь нечем поживиться — у нас нет ни золота, ни драгоценностей, ни красивой одежды. Если они проголодаются, мы их накормим, а затем вежливо попросим покинуть Гамфазантию. Оценив широту нашей души, они, несомненно, так и поступят.

— Да неужели? Господин судья, эти разбойники сначала убивают, а уже потом рассуждают об этике. Если вы не...

— Боги о нас позаботятся. Однажды кочевники из восточных пустынь хотели нас завоевать. Так и не добравшись до наших земель, они попали в песчаную бурю, и большинство погибло.

В другой раз нас хотели захватить горгоны. Их армия переправилась через реку Кокутос, но эпидемия чумы стала косить их ряды, и на Горгады вернулись лишь единицы... Однако пора прекращать эту занятную дискуссию, ведь мы здесь собрались по другому поводу. Итак, чужеземцы, я признаю вас виновными и приговариваю обоих к состязанию на арене с обезьяночеловеком по имени Нжи. Приговор будет приведен в исполнение сегодня в полдень. Да случится то, чему суждено случиться. Увести приговоренных.

— Ха! — вскричал Вакар. — Ты тут доказывал с пеной у рта, что не способен лишить человека жизни, а теперь бросаешь меня в яму к чудовищу! Да ведь это самое настоящее убийство!

Безоружные стражники вытащили голосящего Вакара из зала суда и водворили в камеру.

Глава 15

АРЕНА ТОКАЛЕТА

— Клянусь семью преисподними! — прорычал Вакар, когда вновь громыхнул большой засов. — Похоже, на этот раз нам точно крышка.

— Не говори так, иначе я умру от отчаяния еще до того, как меня растерзает эта обезьяна. Бывали мы в передрыгах и пострашнее, но ты всегда спасался и вырчал меня.

— Просто нам везло, а когда слишком долго везет, жди беды. — Вакар пнул стену и ушиб пальцы на ноге: — Будь это цивилизованная страна, на двери висел бы бронзовый замок, и ты украл бы ключ. Не могу придумать, как справиться с этим дурацким засовом!

Они погрузились в унылое ожидание, но вскоре их от этого занятия оторвал скрип засова. Вошел молодой гамфазант.

— Господин Вакар, ты меня помнишь? — произнес он на гесперийском. — Я Абеггу, сын Мишегди. Мы познакомились в Седерадо.

— Рад видеть. Не узнал тебя без одежды. Какими судьбами?

— Услышал, что поймали двух иноземцами, пошел на суд, а там — вы. Старался попасться на глаза, да видно, тебе было не до меня.

— Воистину, друг Абеггу, ты застал нас в плачевном положении. Ну, расскажи, как поживаешь?

— Не очень хорошо.

— А что так?

— Странствия изменили мое мировоззрение. Вернувшись домой, я безрассудно рассказывал кому ни попадя, что в других странах живет лучше, чем у нас. Для гамфазантов такие разговоры — страшная ересь, и теперь я отверженный. Несколько месяцев я ни с кем не разговаривал, и если бы родные меня не кормили, наверное, умер бы с голоду. Сейчас люди относятся ко мне получше, но по-прежнему считают, что я растлен чужеземными идеями. А ты здесь как оказался?

Вакар поведал о своих путешествиях, начиная с того дня, когда покинул Седерадо, а потом спросил:

— Что случилось в Седерадо, когда нашли тело Тьегоса?

— Я и сам ничего не знаю... Я ведь спрятался, а потом сбежал, как только зажила рана.

Из камеры напротив донеслось громкое урчание.

— Это чудовище похоже на слугу Квазигана — колдуна, который пытался убить нас у Порфии...

— Ты не ошибся, это Нжи. Несколько дней назад Квазиган со своим обезьяночеловеком приехал в Гамфазантию на колеснице. В отличие от тебя, он был задержан не сразу, потому что гнал лошадей во весь опор. Селяне боялись колесницы, большинство впервые видело подобный экипаж. Когда Квазиган и Нжи въехали в Токалет, им преградили дорогу волокушей, а потом их схватили. Обезьяночеловек убил дубиной троих, прежде чем на него набросили сеть. Пленников собирались швырнуть на арену ко льву, которого держат как раз для таких случаев, но на следующий день в стене темницы обнаружили огромную дыру. Колдун исчез, несомненно с помощью магии. Видишь, вот здесь новые кирпичи... Когда обезьяночеловека вытолкнули на арену, он сорвал с петель дверь и переломил льву хребет. Гамфазанты решили, что Нжи скорее зверь, нежели человек, а значит, можно держать его в роли палача вместо льва.

— Почему вы убиваете таким необычным способом? — спросил Вакар. — Не слишком ли кровожадная забава для мирного народа — смотреть, как львы пожирают людей?

— Это не забава, а назидание. Наши законы запрещают людям убивать себе подобных. Единственный выход — предоставить это зверям.

— Какая чушь! — возмутился Вакар. — Бросая человека в яму со львом, вы берете на совесть его смерть, точно так же, как если бы зарубили его собственной рукой.

— Верно. Мы, гамфазанты, будучи народом высокоморальным, признаем это. Но что поделаешь, ведь наши нравственные устои необходимо сохранить любой ценой. По крайней мере так считает большинство моих сограждан.

— А где другой слуга Квазигана — тот, с ушами?

— Я навестил Квазигана в тюрьме... Насколько я понял, колдун пытался убить тебя, а заодно и королеву.

— Да, он оживил змеиный трон, играя на своей проклятой дудке. Но продолжай.

— Поначалу я этого не знал и относился к нему, как к старому приятелю. Нечасто удается побеседовать с чужеземцем, а после странствий мне скучно с гамфазантами. Квазиган сказал, что преследовал тебя с помощью своего слуги-коранийца, а вот зачем — не ответил. Уши коранийцев улавливают не только обычные звуки, но даже мысли человека за несколько миль. Йок наступал тебе на пятки и всегда знал, куда ты направляешься. Когда ты в великой спешке покинул Хуперею, Йок потерял твой след, но король Фаяксии сказал Квазигану, что ты едешь в Тритонию...

— Вот болтун! — вырвалось у Вакара. Но тут принц решил, что напрасно обвиняет Наузишена, ведь тот не обещал хранить тайну.

— Путешествие в Тритонию далось им нелегко,— продолжал Абету.— Сначала вы украли колесо, и они несколько дней искали замену, а потом колесница сломалась и застряла. Может быть, Квазиган и впрямь могущественный волшебник, но в повозках разбирается слабо. В Тритонии эту диковинную тройцу поймали амазонки и отправили в Херронекс. Недавно воительницы избрали новую королеву. Ее предшественница погибла в морской биталии вместе с королем тритонов. И теперь амазонки старательно ублажают пленников мужского пола. Нжи пришелся ко двору — он обслуживал саму королеву. Квазиган перенес плен довольно легко, так как воспользовался своими магическими способностями, но бедный маленький Йок не выдержал столь частых занятий любовью и умер.

— Представляю, что было дальше...

— Без коранийца Квазиган сбился со следа, поскольку никто из амазонок не знал, куда ты поехал. А затем он сбежал от амазонок.

— Как ему это удалось?

Меланхоличное лицо гамфазанта осветилось несвойственной ему улыбкой.

— Он наваял иллюзию, будто к ним спешит армия любовников. Высокие, красивые мужчины с огромными... гм... бедрами. Фантомы объяснились амазонкам в любви, но делом своих слов

не подтвердили, поскольку Квазиган к тому времени благополучно переправился на другой берег.

Вакар ухмыльнулся.

— Наверное, девушки пришли в неопишемую ярость, когда ухажеры развеялись, как дым. Продолжай.

— Так вот, Квазиган прибыл сюда, как я уже говорил. Настроение у него было ужасное. Он преодолел множество трудностей, но все же боялся возвращаться на Горгады, не выполнив своей задачи. Король Целууд обещал отрубить колдуну голову, если его миссия не увенчается успехом. Но давай подумаем, как бы вас спасти. Я, к сожалению, не волшебник и не умею пробивать стены, зато у меня есть план. Когда выйдете на арену, отсчитайте от дверей три шага и копните. В песке найдете два широких меча. Я провез их в страну тайком от магистрата, иначе бы их выбросили в озеро Кокутос.

— Почему ты решил нам помочь? — спросил Вакар.

— Однажды в Седерадо ты пощадил меня, хотя имел полное право убить.

— Допустим, мы прикончим Нжи. А что дальше?

— По крайней мере этим мы выиграем время. Магистрат отправит охотников за другим львом, и пока его будут ловить, мы еще что-нибудь придумаем. Убежать из нашей страны — дело нелегкое. Сплошь безлесая равнина, спрятаться почти негде, да и коней здесь не разводят.

Вакар упомянул об угрозе нападения гведулийцев, но Абеггу сокрушенно покачал головой.

— Я и не ожидал от судьи другого ответа. Даже будь у него желание защищать страну, что бы он мог поделаться? У местных жителей нет оружия, и пользоваться им они не умеют. Да и как иначе, ведь нам с детства внушают, что оружие проклято богами.

— А ты можешь обратиться к королю?

— У нас нет короля. Страной правит наследственный сенат, состоящий из крупных землевладельцев. Мой отец сенатор, вот почему я имел возможность путешествовать. Кроме того, ежегодно народ избирает двух консулов, но они придерживаются ортодоксальных гамфазантских взглядов, поэтому обращаться к ним не имеет смысла.

— Насколько я знаю, некоторые вольные города, вроде Керне, имеют похожую систему управления. Если судить по твоим соотечественникам, простой народ не понимает, в чем его выгода.

Абеггу пожал плечами.

— Твой упрек был бы справедлив, если бы мои соотечественники умели читать, а папирус был бы общедоступным и каждая семья имела свиток, содержащий мудрость народа. Но к письму здесь относятся, как к постыдному иноземному новшеству, и все знания передаются из уст в уста. Однако мне пора. Нужно закопать мечи, пока не поздно.

Он позвал тюремщика, и тот явился вместе со своими помощниками, чтобы отпереть дверь. Вакар проводил Абеггу взглядом.

— Приятно сознавать, что у нас есть друг в этом свинарнике, который они называют страной. Взбодрись, Фуал, мы еще живы. В чем дело? — Последняя фраза адресовалась тюремщику.

— Что это такое? — спросил гамфазант, прижимаясь лицом к решетке. В одной руке он держал Тахах, а другой сжимал руку Абеггу, от которого ему потребовались услуги переводчика. — Одежду твою мы сожгли, оружие бросили в озеро, а остальные пожитки сдали на общественный склад. Но что делать с этим — ума не приложу.

— Скажи ему, что это талисман, — велел Вакар Абеггу. — Он приносит удачу.

Тюремщик ушел, искоса поглядывая на тяжелый черный камень. Вслед за ним удалился и Абеггу. А затем Вакар битый час выслушивал нервную болтовню Фуала. Сначала коротышка хвастливо уверял, что для таких могущественных героев, как они, расправиться с чудовищем — плевое дело, а потом вновь низринулся в бездну отчаяния.

— ...Прошлой ночью мне приснился козел. Читая стихи, он съел три синих яблока. Господин, это несомненно означает, что мы погибнем. Ах, почему ты не отпустил меня в Гадайре, я же тебя умолял?! Я никогда больше не увижу золоченых шпилей храма Куваля в Керисе...

Вакар уже собрался зуботычиной прервать поток жалоб, но в последний момент удержался. Ведь как ни крути, Фуал может погибнуть на арене.

* * *

Под пылающим тропическим солнцем песок арены отсвечивал белым. Вакар встал на него босой ногой и тут же с криком отпрянул.

— Горячо!

— Выходи! — приказал тюремщик за его спиной. — Или нам тебя вытолкнуть?

— Пошли, Фуал! — Стиснув зубы, Вакар ступил на пышущий жаром песок. — Надо было закаляться... ходить босиком по красным углям, как шаманы-плясуны с Дзена.

На противоположном краю арены отворилась дверь, и на песок вразвалку вышел Нжи с окованной медью дубиной на плече. Вакар быстро отмерил три шага и принялся копать.

— Помоги мне, осел! — рывкнул он Фуалу, не находя ничего твердого.

Нжи приближался. Вакар был всецело поглощен своим занятием, не обращал внимания ни на арену, ни на ярусы саманных скамеек с безмолвствующими смуглыми зрителями.

— Ха! — Пальцы нащупали металл. Мгновением позже Вакар и Фуал стояли с широкими мечами в руках и не сводили глаз с обезьяночеловека. По ярусам пробежал удивленный шепот.

— Запомни, наше единственное спасение — дружный натиск. Если удастся проскочить под дубиной прежде, чем она вышибет кому-то из нас мозги, то по крайней мере один из нас точно вернется домой. Готов?

Вакар напрягся перед рывком. Нжи схватил дубину обеими волосатыми руками и разинул огромную пасть.

— Вперед!

Вакар побежал. Нжи взревел и ринулся в контратаку. Избрав своей жертвой не Вакара, а Фуала, он бросился наперерез слуге принца. Фуал в ужасе отшвырнул меч и помчался к ограждению, видимо надеясь укрыться среди зрителей.

Когда обезьяночеловек пробежал мимо, Вакар попытался ударить его, но промахнулся. Тогда Вакар ринулся вдогонку, проклиная в душе трусливого слугу. Нжи настиг Фуала на самом краю арены и с нечеловеческой силой обрушил дубину на его голову. Череп треснул, мозги брызнули во все стороны. В тот же миг Вакар напал на Нжи сзади.

Принцу некогда было пялиться на мохнатую спину чудовища. Присев, Вакар нанес ему мощный удар по лодыжке. Нжи повернулся, но Вакар успел отпрыгнуть. Гигант перенес вес на раненую ногу, та подкосилась, и он грузно повалился на песок, даже арена содрогнулась от удара. Вакар снова подскочил к обезьяночеловеку, на сей раз с намерением перерубить глотку. Щелкнули огромные зубы, чудовище схватило Вакара рукой за лодыжку и опрокинуло наземь, едва не оторвав ногу.

Вакар попытался выкрутиться, но чудовище держало его мертвой хваткой. Почувствовав, что Нжи тянет его к себе, Вакар

повернул голову и обнаружил, что обезьяночеловек запикивает его ногу в свою разверстую пасть. Лорск уперся другой ногой в грудь Нжи и толкнул что было силы — с таким же успехом можно толкать утес. Тогда принц вцепился в шерсть на плече чудовища и рубанул по волосатой руке, сжимающей его лодыжку.

Нжи пронзительно закричал и выпустил Вакара, но тут же схватил его одной лапищей за правую руку, а другой — за волосы. Теперь обезьяночеловек тащил к своим челюстям голову Вакара, одновременно царапая его и пиная огромной кривой ногой.

Вакар впился правой рукой в толстую шею Нжи. Задушить косматого великана ему было совершенно не под силу, он лишь удерживал на расстоянии смертоносные клыки, норовящие вцепиться ему в лицо. При этом его левая рука неистово тыкала мечом в грудь и брюхо Нжи. Принц колот снова и снова, но огромная сила обезьяночеловека как будто не убывала.

Худые мускулистые руки Вакара уподобились железным прутьям, но мало-помалу правая сгибалась под натиском чудовища. На нее текли кровь и слюна Нжи, из пасти прямо в лицо веяло зловонием, а клыки все приближались...

Вот Вакар воткнул меч в разинутую пасть, в малиновое небо. Все глубже, глубже погружалось острие...

Когда бронзовый клинок дошел до мозга, Нжи задрожал и обмяк. Вакар, израненный, измученный, еле дышал, лежа на раскаленном песке. Он был весь в крови — и обезьяночеловека, и своей собственной, волосы выдраны целыми клоками, а лодыжка на глазах распухла и менялась в цвете. Царапины от когтей Нжи на животе и ногах саднили, точно облепленные роем шершней. Бросив взгляд на Фуала, принц понял, что ему уже ничем не поможешь, и поплелся к выходу с арены.

К нему спешила толпа гамфазантов с сетями и веревками. Мелькнула мысль, не проложить ли дорогу мечом, но Вакар сразу отказался от этой затеи. Врагов было слишком много, убив двоих или троих, он только навредит себе. Через другую дверь — ту, в которую входил Нжи, — на арену высыпала точно такая же толпа.

— Ладно, я пойду спокойно, — пообещал он, коверкая гамфазантские слова.

— Где ты взял этот меч? — спросил мрачный тюремщик.

— Во сне меня посетили боги и подсказали, где копать. Теперь я буду палачом? — улыбнулся Вакар.

— Нет. Нжи был больше зверь, нежели человек, потому мы и решили, что он годится в палачи. Мы, гамфазанты, — всего-

навсего люди. Мы не караем безмозглых свирепых животных, когда они по недомыслию нарушают законы. А ты не животное, ты человек, способный мыслить, а стало быть, понесешь наказание в полной мере, как только мы поймаем льва.

* * *

В камере исполненный отчаяния принц опустил на пол. Бедный Фуал никогда больше не увидит серебристых берегов Аремории. Да, коротышка был трусом и воров, и вдобавок нытиком, каких поискать. Но при всех своих недостатках он был верен своему господину. Вакару будет не доставать товарища. Никто не разделит с ним горести, не посмеется над его шутками, не послушает песни. Зря он бывал так суров с Фуалом, зря давал волю рукам. Что ни говори, в Торрутсейше Фуал спас ему жизнь... Ничего уже не исправишь, не отплатишь добром за добро.

По щекам Вакара безудержно текли слезы. И тут дверь отворилась, вошел Абеггу с кувшином и полотенцем.

— Ты совершил великий подвиг,— сказал гамфазант.— Очень жаль, что погиб твой слуга. Я пришел ненадолго. Кажется, меня подозревают в соучастии.

Я попросил отца вмешаться, чтобы тебя освободили, но он сказал, что и пальцем не пошевелит. У него и так была уйма неприятностей из-за моего путешествия.

— Придумай что-нибудь, пока не поймали другого льва,— попросил Вакар.

— Попробую, но шансы невелики.

— Может, принесешь инструменты и я сделаю подкоп?

— Ничего не выйдет. Каждый день в камеру заходит тюремщик, и с тех пор, как сбежал Квазиган, тюремная стража не смыкает глаз. Но я подумаю.

И он ушел, а Вакар предался горьким мыслям о «друзьях», которые познаются в беде, но потом рассудил, что Абеггу уже спас его один раз, рискуя жизнью. Он не вправе без конца требовать помощи от несчастного гамфазанта.

* * *

Утром Вакара разбудил отдаленный шум. Все мышцы затекли, раны саднили, но сил заметно прибавилось. Принц позвал тюремщика.

— Эй, Наккул! В чем дело?

Тюрьма казалась брошенной. Вакар подошел к оконцу, но ничего особенного не увидел. Однако шум нарастал, и вскоре за окном замелькали головы бегущих гамфазантов. Донеслись крики боли и ужаса.

Жаль, что побиться об заклад было не с кем, а то бы принц поставил десять к одному, что пришли гведулийцы. Громыхнул засов, со скрипом отворилась дверь. В дверном проеме появился Абеггу.

— Нас убивают гведулийцы! Пока не поздно, беги! — закричал он.

— Хорошо, что ты про меня вспомнил! — Вакар кинулся к выходу.

— Сенат вышел к ним навстречу без оружия, чтобы поприветствовать, а эти демоны зарубили старейшин ятаганами...

Вакар заглянул в каморку тюремщика, надеясь вернуть хоть что-нибудь из своих пожитков. Непросто бежать по чужой стране без одежды, оружия и товаров. И принц не увидел ничего, кроме темного бесформенного предмета в углу.

— Тахах! — Он схватил упавшую звезду и вернулся в коридор, что вел на улицу.

В это мгновение в здание тюрьмы вошел гведулиец и остановился в нескольких шагах от Вакара и Абеггу. На нем была темная накидка, вуаль скрывала лицо. К левой руке был пристегнут маленький круглый щит, обтянутый страусиной кожей. В руках гведулиец держал длинное копьё с медным наконечником. Не успел Вакар хорошенько рассмотреть незваного гостя, как раздался пронзительный крик, и наконечник копья утонул в коричневом животе Абеггу. Гамфазант обеими руками ухватился за древко.

Вакар в три прыжка преодолел расстояние до кочевника. Гведулиец рванул копьё, но Абеггу его не выпустил. Тогда гведулиец разжал пальцы правой руки и схватился за топорик, висевший у него на поясе. Но поднять топор он не успел. Тахах описал в воздухе дугу и с треском обрушился на голову воина. Гведулиец умер, не успев даже вскрикнуть.

Вакар посмотрел на Абеггу. Тот привалился спиной к стене, все еще держась за копьё, хотя рывок гведулийца высвободил наконечник из раны.

— Идти сможешь? — спросил Вакар.

— Нет, я умираю... Быстрее уходи...

— Пойдем, я тебе помогу, — позвал Вакар, хоть и знал, что мало кому удалось выжить после столь тяжелого ранения в живот.

— Нет, иди, нет смысла меня тащить, я скоро умру. Если удержишься, то и сам погибнешь.

Бормоча проклятия, Вакар сорвал с мертвого гведулийца накидку, вуаль и напялил на себя. Кочевник оказался худым и смуглым, очень похожим на гамфазантов. Голова была выбрита, лишь одна прядь волос осталась на макушке. Вакар забрал и сандалии, а шаровары оставил мертвецу: его чуть не стошнило при мысли, что надо бы натянуть на себя и этот, столь интимный, предмет одежды. Прихватив топорик из полированного камня и копье, он взял Абеггу за руку и потащил по коридору, но тот закричал:

— Беги, глупец! Мне уже ничем не поможешь!

Вакар наконец сдался и бегом бросился за дверь. Его преследовало чувство вины, но в то же время он испытывал облегчение от того, что не нужно тащить раненого в безопасное место.

Перед входом на коленях стоял гведулийский дромадер. Вакар окинул улицу взглядом: тут и там валялись трупы гамфазантов, мимо вихрем проносились гведулийцы, преследуя своих жертв, пронзая их пиками или рубя ятаганами. Верблюд тем временем безмятежно жевал жвачку. В сотне шагов от Вакара группа спешившихся гведулийцев насильовала женщину.

Вакар осторожно приблизился к верблюду. Тот глянул на принца из-под длинных ресниц. К горбу верблюда было привязано деревянное сооружение, из него вперед выдавалась палка около фута длиной. Под и над каркасом было постелено некое подобие одеяла, а по обе стороны необыкновенного седла висели плеть, колчан, полный стрел с кремневыми наконечниками, большой хурджин из козьей шкуры, небольшие мешки со снедью и мехи с водой.

Подражая гведулийцам, Вакар залез на спину верблюда. Тахак и топор он бросил в большой мешок. Но как теперь сдвинуть эту тварь с места? Ни одна из известных ему команд результата не дала, а гведулийского он не знал. В конце концов Вакар снял арапник и хлестнул верблюда по крупу. Ничего не случилось, и тогда он ударил животное кулаком по шее.

Задние ноги верблюда внезапно распрямились, и Вакар кувырком полетел вперед, на дорогу. Из глаз посыпались искры, и он испугался, не сломана ли шея. Принц перевернулся на спину и встал. Рядом стоял верблюд, по-прежнему меланхолично шевеля нижней челюстью. Задние ноги его были связаны сырмятным ремнем.

И как теперь без лестницы забраться на эту живую башню? Вакар поговорил с верблюдом, похлестал арапником в надежде,

что тот снова опустится на колени, но дромадер знай себе стоял и жевал жвачку, а кругом царили насилие и резня.

Наконец Вакар расстреножил верблюда, воткнул в землю гведудийскую пику, вскарабкался по ней, как по дереву, перебрался на седло и схватился за деревянный стержень. Потом хлестнул дромадера изо всей силы, отчего тот екнул селезенкой и рванул вперед, едва не сбросив Вакара во второй раз. Принц обнаружил, что верблюд передвигается не бегом, а размашистым шагом, мотая седока из стороны в сторону. Вакару казалось, что вот-вот он, исцарапанный и покрытый синяками, развалится на куски. Каждое движение было пыткой. Держась за стержень и дергая повод, он направил верблюда к окраине Токалета.

Позади затихал шум резни. Верблюд иноходью нес Вакара по дороге, что вела вдоль озера Кокутос на юг.

Глава 16

КОЛДУН ИЗ ГБУ

Вакар Зу ехал по берегу озера Кокутос, почти не встречая живых людей. Изредка он проезжал через деревни, либо брошенные жителями, либо усеянные трупами гамфазантов. В удушливой жаре трупы разлагались за несколько часов, и Вакар очень скоро взял за правило огибать такие поселения.

Немногие уцелевшие гамфазанты, которые попадались на пути, с воплями удирали при виде его платка и вуали. Банды гведудийских наездников не обращали на него внимания, разве что изредка окликали при встрече. В одной из разоренных деревень Вакар присоединился к группе разбойников и долгое время наблюдал, как они обращаются с верблюдами. Выяснилось, что животные садятся и поднимаются, повинуюсь определенным цокающим командам.

Когда пища в трофейных мешках подошла к концу, Вакар убил брошенную корову и с помощью медного наконечника пики и каменного топора вырезал несколько подходящих кусков мяса. Отдав этой неприятной работе битый час, он подвесил к седлу несколько фунтов узких полосок говядины, чтобы высушить на солнце. До конца следующего дня, пока вялилось мясо, он ехал в плотной туче мух. Не будь на нем широченного платка и вуали, он бы, наверное, сошел с ума от их жужжания. Вакар бы предпочел корове небольшого поросенка, но, похоже, гамфазанты не

разводили свиней. С тех пор как Вакар покинул Фаяксию, он не видел ни одной свиньи, только в саваннах на глаза попадались большие дикие кабаны. Когда мясо высохло, принц уложил его в мешки, предварительно вылузив ногтями личинки мух.

Вакар привык путешествовать с большим запасом одежды, снеди, оружия и торговых металлов, а также в сопровождении по меньшей мере одного слуги, достаточно выносливого, чтобы все это таскать. Но гамфазанты ободрали его как липку, и принц был вынужден вести более чем скромный образ жизни — практически без имущества, не считая запаса пищи и орудий для ее добычи. Вакар знал, что никогда не привыкнет к этому, и ему очень не хватало Фуала.

Благодаря ужасу, который внушал туземцам костюм гведулийца, на этом этапе путешествия люди причиняли Вакару гораздо меньше беспокойства, чем верблюдов. Дромадер — неприхотливое и неумимое животное, любая растительность годится ему в пищу, но он глуп и очень неуклюж. По-настоящему хорошо он делал лишь одно: нежданно-негаданно вставал как вкопанный, затем падал на колени, вынуждая Вакара кувырком вылетать из седла, и устраивался безмятежно жевать жвачку.

Ценой небезболезненного опыта Вакар постиг искусство обращения с верблюдами. Хочешь, чтобы верблюд пошел — помаши арапником перед его глазами, хочешь остановить — натяни повод и ударь по голове рукоятью плети. Размеренный шаг вытерпеть легче, чем быстрый, — не так сильно качает из стороны в сторону, а уж бег вообще невыносим.

Вакар горевал о печальной участи Фуала и мрачно размышлял о кровопролитиях, с которыми постоянно сталкивался в пути. Все это, определенно, происки богов. Почти всех, кто относился к нему с симпатией — королеву Арамне, Фуала и Абеггу из Токалета, — постигла ужасная участь. Что за проклятье лежит на нем? Ведь он не кровожаден, он всего лишь хочет, чтобы ему позволили спокойно выполнить свою миссию...

На юго-западном берегу озера Кокутос селения встречались реже, как и следы гведулийского нашествия. Вакар снял вуаль, затруднявшую дыхание, и остановил верблюда неподалеку от стада коз. Пастух не убежал — должно быть, он ничего не слышал о вторжении кочевников. Благодаря нескольким понятным обоим словам, а большей частью — языку жестов, Вакар узнал, что от озера эта дорога ведет через песчаные пустыни к оазису Килиесе, а оттуда можно добраться до реки Ахерон, которая впадает

в море. Козопас никогда не слышал о Тартаре и его черных искусниках, но Вакар был уверен, что найдет эту страну, когда достигнет Западного океана.

* * *

Двумя днями позже Вакар поднялся на склон холма и увидел оазис Килиессе. Среди пальм двигались люди. Он давно не слышал человеческих голосов, лишь визг шакалов, смех гиен, булькающие стоны и кряхтение верблюда. Вакар с радостным криком погнал дромадера вниз по склону.

Но стоило приблизиться к оазису, как навстречу верхом на ослах выехали трое мужчин. Они нещадно лупили пятками своих животных. Всадник, ехавший впереди, натянул лук, и стрела задела Вакара. На щеке повыше бороды осталась двухдюймовая ссадина.

Вакар был так изумлен, что даже не уклонился от стрелы. Но он быстро пришел в себя. Двое других нападавших держали по пучку дротиков в одной руке и по одному дротику — в другой. Они подъехали ближе, и дротик угодил в седельную раму. Вакар, держась за деревянный стержень, резко наклонился вперед и нацелил пикку на третьего наездника как раз в тот момент, когда тот метнул свое оружие. Дротик пролетел мимо, но умирающий наездник вцепился обеими руками в древко пикки, и принц не сумел ее удержать.

Вакар развернул верблюда, сдвинул на предплечье щит, обтянутый страусиной кожей, и, выхватив из колчана гведулийские дротики, двинулся на своих недругов. Те тоже повернулись и подпустили его поближе, затем один выпустил стрелу, а другой метнул дротик. Стрелу Вакар принял на щит, дротик поразил верблюда. Еще один из дротиков лорска пролетел мимо цели, зато другой попал в осла лучника. Осел взвился на дыбы и сбросил наездника на песок.

Человек, которого Вакар ударил пикой, тоже упал с осла, а уцелевший наездник поскакал галопом в пустыню. Лучник встал и бросился бежать, но лорск погнался за ним, бросая дротики с кремневыми наконечниками. Наконец враг упал. Из его спины торчало пять дротиков. Вакар заставил верблюда опуститься на колени, спешился, подошел к лежащему и каменным топором раскрыл ему череп.

Принц осмотрел поле битвы. Пронзенный пикой человек умирал, из уголка рта струилась кровь. Раненый осел исчез за бар-

ханом, а уцелевший уже ошипывал чахлый куст. Вакар осмотрел верблюда и обнаружил, что дротик с каменным наконечником засел в плечевой мышце. Он выдернул дротик, выступило немного крови, но верблюд жевал жвачку с таким видом, будто не чувствовал боли.

Вакар высвободил пику и с опаской приблизился к пальмам. В оазисе он увидел двенадцать обнаженных негров — девять мужчин и три женщины; деревянные жерди на плечах и веревки на шеях невольников вынуждали их держаться вместе. Один из них — юноша по имени Йоджу мало-мальски говорил на гесперийском — торговом языке, широко распространенном на берегах Западного океана.

— Мы живем между реками Ахерон и Стоукс, за южной границей страны, которую вы, северяне, называете Таргаром, — объяснил Йоджу. — Вождь племени Абику (да будут его жены вынашивать скорпионов) продал нас этим работорговцам из Керне. Господин, мы надеемся, что ты нас не убьешь.

— Почему торговцы напали на меня? — спросил Вакар.

— Они очень боятся гведулийцев. Известно, что кочевники убивают всех, кто встречается на пути. Работорговцы приняли тебя за гведулийского разведчика и решили, что их единственный шанс на спасение — убить тебя до того, как ты вернешься в свою шайку.

— Опять пролилась невинная кровь...

Вакар призадумался, опираясь на пику. Двое-трое крепких рабов ему бы оченьгодились, но он не мог взять с собой всех этих людей. От пеших, да еще связанных, проку будет мало, а если их освободить, они, чего доброго, убьют его спящим и разбегутся. Даже если Вакар хладнокровно переколет всех невольников, кроме одного (чего он, конечно, не сделает), то и этот один способен размозжить ему ночью голову.

— А как бы вы поступили, будь у вас выбор? — спросил он.

— Вернулись бы домой.

— Тогда послушайте: я не гведулиец, а мирный путешественник и направляюсь в Таргар. Я намерен вас освободить. Вам хватит еды, чтобы добраться до ближайшего селения?

— Да.

— Вдобавок мне нужен слуга для путешествия в Таргар. Если ты, — он указал на Йоджу, — предпочтешь сопровождать меня, я буду тебя кормить, а когда мы доберемся до Тартара, вознагражу и отпущу. Но готов ли ты поклясться своими богами, что будешь

служить мне верно и преданно, пока я не найду человека, которого ищу?

Йоджу поклялся. Вакар освободил негров, раздел мертвецов и поймал уцелевшего осла. Среди добычи оказалась хорошая шерстяная туника, несколько золотых колец и горсть медных брусочков, а также бронзовый тесак с дважды изогнутым двухфуттовым клинком наподобие тамузейской сапары.

Рана на лице Вакара начала саднить. Принц посмотрел на свое отражение в пруду посреди оазиса и ужаснулся: борода, некогда красивая, а теперь свалывшаяся, была в запекшейся крови. Окунув лицо в воду, принц смыл кровь и грязь, а затем соединил края раны друг с другом маленькой золотой булавкой, которую нашел среди имущества погибших работаровцев.

Один из негров обратился к Йоджу, а тот перевел:

— Он говорит, что для белого ты хороший человек, и если когда-нибудь придешь в его деревню, не бойся, тебя не съедят.

— Очень любезно с его стороны,— сухо сказал Вакар.— Если ты готов, пора отправляться в путь.

Принц забрался на верблюда и велел ему встать; Йоджу уселся на осла. Путешественники поехали на юг, а негры на прощанье махали руками.

* * *

Через двадцать дней в Тегразене, расположенном в устье Ахерона, принц Вакар снова услышал рокот прибоя. На случай набега горгон Тегразен обзавелся внушительной крепостной стеной. Местный язык напоминал гамфазантский и белемский, к тому же многие жители говорили на гесперийском. Дома в Тегразене встречались разные: и в гамфазанском стиле — из саманных кирпичей, и каменные, вроде кернейских, и даже наподобие пчелиных ульев, как у негров на юге. Население тоже оказалось смешанным — высокие смуглые ликситяне, желтые беженцы с Горгад, бородатые кернейцы, чернокожие тартарцы и обладатели всевозможных переходных оттенков кожи.

Ведя верблюда на поводу, Вакар пробирался по оживленной улице к постоялому двору — гордости Тегразена. Там он уселся на скамью спиной к стене и лицом к входу (этой привычкой он обзавелся после приключения в доме огуджийской ведьмы Чарселы). Хозяин подворья принес большие кружки из просмоленной кожи и наполнил их ячменным пивом из тыквы-горлянки.

Заметив любопытство в глазах Йоджу, Вакар поставил свою кружку на стол.

— Кто это? — указал Йоджу на край скамьи. Вакар повернул голову и увидел человека с изъеденной оспой кожей, окладистой черной бородой с проседью и ростом не выше двух футов. Он был одет, как кернейский торговец. Карлик тоже пил ячменное пиво, только из детской чашки.

Когда хозяин постоялого двора подошел, чтобы снова наполнить кружку Вакара, тот ткнул пальцем в сторону карлика и спросил:

— Кто это, клянусь семью преисподними?

— Этот-то? Ямма из Керне. Когда с ним стряслась беда, он решил не возвращаться домой и теперь торгует металлами в Тегразене. А ты что, хочешь с ним познакомиться? Ямма вполне дружелюбный малыш.

— Пожалуй, я не прочь, — сказал Вакар.

Хозяин постоялого двора взял карлика за полу туники, подтащил к Вакару и сообщил:

— Ямма, этот путешественник по имени Вакар из Лорска хочет с тобой познакомиться. Расскажи ему историю своей жизни и о том, что с тобой приключилось, когда ты обозвал того колдуна мешком навоза.

— Я думаю, это и так очевидно, — возразил Ямма.

— Что за колдун? — спросил Вакар.

— Фекато из Гбу, величайший кузнец Тартара. Кабы я знал, кто он такой, и не будь я пьян, хорошенько подумал бы, прежде чем давать волю языку.

— Расскажи об этом Фекате. Похоже, его-то я и ищу.

— Говорят, он способен сорвать щипцами звезду с неба и перековать ее на своей наковальне. Он правитель Гбу, что в центре полуострова Таратар, на полпути к стране Абику. Если найдешь его, отомсти за меня, плюнь ему в похлебку. Только будь осторожен: он способен запросто превратить тебя в скорпиона.

* * *

В Гбу, как и во всех тартарских городах, лепились друг к дружке хижины-ульи; из них доносились лай собак и детские крики. Повсюду звенели колокольчики, висящие на шеях ослов кернейских торговцев, а искусники Тартара трудились столь усердно, что весь город был полон шипением, лязганьем и клацаньем.

Вакар пробирался среди верстаков древорезов, сверлильщиков бус, шлифовальщиков алмазов, оружейников и златокузнецов, пока не отыскал владения Фекаты — городского головы, ремесленника и чародея.

Кузница Фекаты располагалась под навесом, который протянулся вдоль нескольких хижин, где жил сам Фекато и его жены. В глубине кузницы сохла на печи шкура недавно убитого леопарда. Молодой негр поддерживал жар в плавильной печи, а Фекато бил по бронзовому топору каменным молотом. Это был негр средних лет, ростом примерно с Вакара, но гораздо шире в плечах; Вакар никогда в жизни не видел столь огромных и мускулистых рук. Шевелюра Фекаты напоминала шапочку из серой колючей овчины, а один глаз прятался под бельмом.

Когда Вакар приблизился, кузнец оставил заготовку в покое и поглядел на принца. Тишину нарушало только жужжание мух. Вакар представился и спросил:

— Это ты выковал кольцо из упавшей звезды?

— Да, и если я когда-нибудь поймаю мерзавца, который сбежал, не заплатив мне за работу...

— Расскажи, что случилось...

— Это было давно, но я, Фекато из Гбу, такого не забываю. Одному бедному торговцу из Тритонии, некоему Ксименону, довелось посетить страну Абику как раз в то время, когда эта штуковина низринулась с небес, грохоча и дыша огнем. Он нашел место ее падения и выкопал. А потом пришел ко мне и заказал кольцо из небесного металла, посулив за него столько слоновой кости и золота, что даже хребет твоего верблюда сломался бы под их тяжестью. Я выполнил заказ, хотя мне потребовался целый век, чтобы найти подход к этому металлу. А Ксименон, получив кольцо, вскочил на своего осла и помчался прочь. «Эй,— крикнул я ему вслед,— а моя плата?!» «Приезжай в Тритонию, когда я стану королем, все получишь сполна!» — крикнул он и был таков. Я послал ему вслед проклятье, превращающее человека в сороконожку, еще не зная, что звездный металл предохраняет от магии. Позже я слышал, что при помощи моего кольца он стал королем Тритонии, но я не такой дурак, чтобы тащиться на край света в надежде, что Ксименон сдержит слово. А тебе что известно об упавшей звезде?

— Король Ксименон мертв, можешь радоваться. Что же касается упавшей звезды... это, случаем, не она?

Принц достал Тахах. Фекато выпучил глаза.

— Она самая! Где ты ее достал? Украл у Ксимерона?

— Нет, у короля Авоккаса из Белема. Как он ее раздобыл, мне неизвестно. Может быть, Ксимерон отдал ее в награду за то, что Авоккас помог ему стать королем тритонов. Ты возьмешься сделать из нее еще несколько колец?

Фекато повертел камень в ручищах, его здоровый глаз заблестел.

— За какую цену?

— У меня есть несколько унций золота и немного меди...

— Тьфу! Я, Фекато из Гбу, не нуждаюсь в золоте и меди. Я зарабатываю достаточно, чтобы прокормить себя, шесть жен и двадцать три чада. Но поработать с новым металлом... Вот что: я сделаю одну вещь для тебя, только одну, а за это ты отдашь остаток звезды. Согласен?

— Что? Ах ты, проклятый черномазый вымогатель...

Кузнец вскинул руку, и огромные твердые пальцы вонзились Вакару в предплечье. Принц едва не закричал от боли — казалось, огромные щипцы вот-вот отхватят ему руку. Вакар был жилист и мускулист, но в руках этого гиганта ощущал себя ребенком.

— Ну? — угрожающе проговорил кузнец. — Что теперь скажешь?

— Я имел в виду, что твоя цена высоковата, — проворчал Вакар. — А впрочем, мне кажется, мы поладим.

Негр убрал руку. Массируя плечо и проклиная себя за вспыльчивость, которая еще ни разу не довела его до добра, Вакар потребовал:

— Подтверди при свидетелях, что сделаешь для меня одну вещь в обмен на звезду.

— Согласен, — Фекато сказал что-то на родном языке подбегавшим юношам.

— Переведи! — велел принц.

— Я велел сыновьям пригласить в качестве свидетелей глав нашей гильдии.

Вскоре пришли четверо мужчин в головных уборах из страусиных перьев, с лицами, разукрашенными полосами и кругами. Завернутые в одеяла из оленьей кожи, они шествовали с великим достоинством. В их присутствии Вакар и Фекато повторили свой уговор. Фекато спросил:

— Итак, какой величины кольцо ты желаешь?

— А кто говорил про кольцо? Я хочу клинок для меча по моей мерке.

Кузнец вытарашил глаза, потом лицо его исказилось от гнева — Вакар даже испугался, как бы Фекато не разможил ему череп ударом молота. И тут вдруг великан хлопнул себя по животу и расхохотался.

— Проклятые белые! — пробасил он.— Да как тут прожить честному ремесленнику, когда вы, мошенники, только и знаете, что водить его за нос! Ладно, будет тебе меч. Фекато из Гбу всегда держит слово. Нужно меньше половины звезды для самого большого меча из тех, которыми может махать насекомое вроде тебя. Давай-ка сюда Тахах. Ангва, позови четырех братьев. Нам понадобятся все мехи, какие только есть, чтобы раздувать пламя. Видишь ли, Вакар, весь фокус в том, что звездному металлу нужен очень сильный жар, которого медь или бронза не выдержат, и молот вдвое тяжелее обычного...

Глава 17

ХВАТКА СПРУТА

Распроставшись с Йоджу, Вакар поехал обратно в Тегразен, где нашел маленького Ямму из Керне. Карлик пил ячменное пиво в той же таверне и рассказывал историю своей жизни бритоголовому человеку с желтоватой кожей горгона.

— Эй,— пискнул Ямма, когда Вакар уселся на скамью,— разве не ты хотел навестить Фекато? Ну как, плюнул в его суп?

— Нет, мы с ним уладили одно дельце.

— Вот так всегда: никто не берется за дельце бедного Яммы, который теперь слишком мал, чтобы постоять за себя.

— Ты же знаешь Фекато,— возразил Вакар.— Чтобы победить такого могущественного колдуна, нужна целая армия. А кто твой приятель?

— Вессул, бывший подданный королевства Горгония.

— Почему бывший?

— Все началось с перебранки, а закончилось поножовщиной,— ответил Вессул.— Капитан узнал, что я наставил ему рога, и решил разжаловать меня из своего помощника в матросы. Когда мы с ним расставались, он собирал обеими руками кишки, поливал их слезами и молил богов ниспослать ему смерть. В таких случаях закон Горгонии суров.— Вессул печально вздохнул.— Теперь я один-одинешенек в чужом мире, и некому больше мною помыкать. Господа, вам даже не вообразить, сколь велико мое отчаяние. Но самое печальное, что я пропущу великий набег.

— Что за набег? — резким тоном спросил Вакар.

— А разве ты не слышал? Весь материк слухами полнится: король Целууд собрал все силы Горгонии и ее данников для вторжения в какое-то северное государство.

— Что за государство?

— Об этом король пока молчит, но, по слухам, это Евскерия, где-то на Посейдонисе, чуть дальше Аремории.

— Когда он выходит в море?

— Возможно, он уже в пути, поскольку все, что я знаю... Эй! Ты куда?

— В Керне! — крикнул Вакар в ответ. — Хозяин! Счет, живо!

* * *

Через пять дней Вакар прибыл в Керне; тряска в седле и сон урывками вымотали его до предела. Он оставил усталого верблюда на берегу, где огромные каменные склады глядели узкими окнами на частокол мачт и бушпритов. На пристанях толпились люди всех наций и цветов кожи. Ослы и кони шарахались от запаха верблюда, а их владельцы проклинали принца на всевозможных языках. Вакар, ушедший в раздумья, не обращал на них внимания. «Настало время воспользоваться связями», — решил он.

Порасспросив людей, он узнал, где живет сенатор Амостан. У входа в особняк он назвался именем принца Вакара из Лорска и, после долгого ожидания, получил от евнуха разрешение войти.

Вакар всякого навидался, и все же его ошеломила вопиющая роскошь этого дома и пальмы, растущие в горшках. Амостан, высокий, крепко сбитый мужчина, щеголял пестрым нарядом и распространял вокруг сильные запахи благовоний. На всех его коротких и толстых пальцах сверкали кольца.

— Добро пожаловать, принц Вакар. Ты принес половину медальона Дрозо?

— Нет, проклятые гамфазанты только шкуру с меня снять не успели.

— В самом деле? — Амостан постучал пальцами одной руки по ладони другой. — Возможно, это правда, но... гм... Все-таки нам бы не помешало какое-нибудь доказательство, ты же понимаешь.

— Проклятье! — буркнул Вакар, но подавил раздражение, вспомнив, что для Амостана он всего лишь диковатый на вид, обожженный солнцем скиталец. — Найдите кого-нибудь, кто зна-

ет Лорск, и я буду отвечать на его вопросы, пока Посейдонис не утонет в Западном океане. Однако смею ли я рассчитывать на уважительное отношение, пока ты не убедишься, что я — тот, за кого себя выдаю?

— Отношение к наследнику трона Лорска несомненно должно быть уважительным,— прошептал Амостан и повернулся к евнуху: — Разыщи Сури! Принц... э-э... Вакар, что ты хочешь от меня?

— Мне надо как можно быстрее попасть в Амфере.

— Что ж, если ты сможешь заплатить... Туда ходят корабли, хотя торговый сезон уже завершается.

— Слишком рискованно. В Седерадо можно застрять на месяц, дожидаясь попутного ветра. Ты слышал о набеге горгон?

— Мы знаем, что они готовятся, но вышли в море или нет — об этом нет никаких известий.

— Так вот, я должен попасть домой, чтобы предупредить мой народ.

— Но при чем тут мы? Конечно, у нас есть несколько способных волшебников, но я не знаю ни одного, кто возьмется обеспечить тебя попутным ветром на весь срок плавания.

Вакар отпустил грубое замечание в адрес кернейских купцов и мореплавателей.

— Мне нужна галера! Один из ваших славных боевых кораблей. Лорск в долгу не останется, клянусь.

— Увы, я вынужден отказать. Пока существует угроза вторжения горгон, флот необходим вольному городу здесь. Мы ужасно не любим упускать выгоду, но, боюсь, ничем не можем помочь.

Долго еще Вакар уламывал сенатора, однако ничего не добился. Когда пришел моряк Сури, лорск сказал:

— Обидно уходить несолоно хлебавши, а потому я осмелюсь высказать еще одну просьбу. Достопочтенный Амостан говорит, что в Амфере все еще ходят корабли. Моряк, не сочти за труд, порекомендуй какого-нибудь надежного капитана. Не хочу, чтобы мне перерезали глотку, как только город исчезнет за кормой.

— Через два дня в море уходит Джерро из Элюзиона,— ответил Сури.— Последнее его плавание в этом году.

* * *

Вакар нашел корабль Джерро, договорился с капитаном, продал верблюда и, наконец, подстригся. Затем три дня прождал восточного бриза.

Сначала они плыли по синему морю Сирен вдоль южного берега полуострова Дзен, а когда с севера задул достаточно сильный ветер, Джерро взял курс на юг, в сторону Меропии.

Судьба баловала Вакара Зу попутным ветром, наполнившим паруса. Тали жалобно скрипели, а форштвень рассекал синие полумесяцы волн. День сменялся ночью, ночь — днем. Судно шло на юг, пока один из матросов не вскричал:

— Корабли за кормой! Целый флот!

Горизонт был испещрен десятками мачт, их число росло с каждой минутой. Вакар упал духом. Вскоре показались низкие черные корпуса военных галер.

Другой моряк закричал:

— Это флот горгон!

А потом он взмолился к гесперийским богам. Капитан выругался.

Вакар обратился к Джерро:

— Что собираешься делать?

— Бежать, куда хватит сил, иначе мы либо покойники, либо рабы на галерах горгон. Хотя если они спешат, то вряд ли задержатся ради нас.

От моряков и впрямь ничего не зависело, оставалось только плакать, молиться или выкрикивать имена жен и названия родных городов. Вакар в бешенстве пинал фальшборт, то и дело хватался за рукоять меча. Если горгоны пошлют за ними корабль, капитан, четверо матросов и пассажир неизбежно погибнут или попадут в плен.

Галеры все приближались. Они скользили по морской глади, как будто полчища многоножек выползали из-под плоского камня. На парусах красовался горгонский спрут. Невежественные жители материка иногда принимали этот символ за человеческую голову со змеями вместо волос, потому что он действительно чем-то напоминал ее. Но вот одна из галер отделилась от флота и двинулась наперерез кораблю Джерро.

Вакар совладал с яростью и произнес:

— Если нас возьмут живыми, молю, скажите, что я Тьегос из Седерадо.

— Ладно, будь по-твоему,— согласился Джерро.— Но что это, клянусь семью преисподними!

Вакар разглядел на юте галеры человека в одеянии горгонского жреца. Он держал золотую цепь, другой ее конец был присоединен к золотому обручу на шее существа, подобного коему

Вакар отродясь не видел. Всем своим обликом зверь отдаленно напоминал человека, но по размеру был значительно меньше. Природа наделила его хвостом, заостренными ушами и кривым клювом. Все тело чудовища покрывала чешуя, как у пресмыкающегося. Эта необыкновенная ящерица сидела на палубе, по-собачьи подобрав задние ноги.

— Должно быть, это медуза,— высказал предположение Вакар.

— Кто?

— Говорят, эти существа обладают удивительной способностью зачаровывать, хотя я не вижу ничего чарующего в этом три-тоне-переростке. Эй, поглядите!

Приближающаяся галера отклонилась, чтобы избежать столкновения с маленьким судном, издалека донесся крик. Джерро схватился за кормило, чтобы увернуться от галеры, но матрос-горгон перебросил через планшир судна купца кошку. Несколько матросов потянули канат, и корабли стали сближаться.

Вакар подскочил к планширу и выхватил из-за пояса кривой тесак, отнятый у кернейского работорговца в Килиессе, но перерубить трос кошки не успел. На галере жрец что-то сказал медузе и указал на принца. Та выпрямилась во весь рост, подбежала к борту, вытянула чешуйчатую шею и раскрыла клюв. Раздалось ужасающее шипение — как будто сотня котов вдруг повстречала сотню змей. В тот же миг Вакар застыл с поднятой для очередного шага ногой, мускулы его стали тверже камня. Не удержав равновесие, он повалился вперед и ударился головой о планшир. Ослепительная вспышка пронзила мозг, а затем все погрузилось во мрак.

Сознание вернулось к Вакару, когда он уже лежал на полуюте галеры в прежней позе, с кривым тесаком в руке. Перед ним на узорчатом кресле сидел бородач в бронзовом шлеме, украшенном золотом и перьями ибиса. Незнакомец шурился, рассматривая меч из звездного металла, вертя его перед глазами, поглаживая клинок и рассекая им воздух. Он приказал другому горгону:

— Разденьте остальных и посадите за весла, как только очухаются. А этот совсем на них не похож. Его можно принять за пусадца, но одет он как кернеец, а меч у него и вовсе необыкновенный. Мы сохраним ему жизнь, пусть на него взглянет наш король.

— Как прикажешь, адмирал.— Матрос схватил Вакара за ногу и оттащил в сторону.

Вакар обнаружил в нескольких дюймах от своего носа фальш-борт. Он не мог шевельнуть ни шеей, ни даже глазами и был

вынужден глядеть на растрескавшееся дерево битый час. Несмотря на временный паралич, Вакар остро ощущал неудобство позы, и через несколько часов, проведенных на качающейся палубе, тело принца превратилось в одну сплошную рану. Он едва дышал, а мысли тщетно носились по кругу в поисках пути к спасению.

Солнце преодолело зенит. Вакару повезло — навес полуюта защищал его заодно с адмиралом от солнца. Когда светило садилось за горизонт, он лежал на том же месте, изнывая от жажды.

«Видимо, горгоны торопятся, — подумал он, — иначе они бы не гребли день и ночь. Хотят преодолеть за два дня море Сирен, чтобы высадиться на сушу до начала зимних штормов».

К утру Вакар начал понемногу приходить в себя — он мог уже моргать и сглатывать. Во рту появился мерзкий привкус, а глаза невыносимо щипало.

Когда вновь взошло солнце, за спиной принца поднялась суматоха, но в оживленной болтовне матросов он не разобрал ни слова. Наконец по перемене в качке Вакар догадался, что галера сменила курс и теперь на веслах идет к тихой бухте. Вскоре она содрогнулась, проскрежетала килем по песчаному дну и остановилась. Кругом забегали люди, кто-то обхватил Вакара за пояс и перекинул через борт; другие матросы поймали его на берегу. Пока Вакара таскали и переворачивали то так, то эдак, его неподвижные глаза разглядели лесистый берег, похожий на гесперийский.

Его понесли на плечах мимо других приставших к берегу галер, затем подняли на бак самого большого судна и по проходу между банками гребцов поволокли на полуют. Там его поставили вертикально, прислонив к фальшборту. Он воззрился на смуглого пузатого горгона, сидевшего в кресле вроде адмиральского, но гораздо роскошнее. Адмирал тоже поднялся на борт и рассказал пузатому горгону о пленении Вакара. Пузатый горгон промолвил:

— Скоро он очухается. Эй, ты, говорить можешь?

Вакар ценой невероятных усилий напряг голосовые связки и ответил:

— Д-да.

— Кто таков?

— Тье... Тьегос из Сед... Седерадо.

— Значит, геспериец? Ну что ж...

И тут к пузатому подошел другой горгон. Хотя Вакар еще не мог повернуть голову или хотя бы скосить глаза, он по голосу узнал своего старого недруга Квазигана.

— Государь,— сказал Квазиган,— это не геспериец и не кернеец, а тот, кого мы так долго ловили: принц Вакар из Лорска. Я узнал его, хоть он и сбрил усы.

Пузатый, оказавшийся не кем иным, как королем Целуудом, вскричал:

— Ах, вот как! Давайте поскорее убьем его, и одной заботой у нас будет меньше. Хашель, возьми этот странный меч. Наклоните пленника так, чтобы шея легла на планшир, и отрубите голову.

— Нет, нет,— прошептал Вакар, но его никто не слушал. Горгон по имени Хашель схватил Вакара и потащил к борту. Уложив его шеей на планшир, он поплевал на руки, широко расставил ноги и схватил длинный меч Вакара — тот, что выковал Фекато. Он вытянул руки перед собой, легонько взмахнул клинком и, примеряясь, коснулся им шеи жертвы. А затем меч из звездного металла взлетел к небу, чтобы нанести смертельный удар.

В тот миг, когда клинок коснулся шеи, оцепенение спало с мышц Вакара, и он мешком осел на палубу. Меч с чудовищной силой врезался в планшир, где только что была шея принца. Вытаращив глаза, Хашель рванул на себя рукоять, а Вакар уже поднялся на ноги, по-прежнему сжимая в руке кривой кернейский клинок. Шагнув вперед, лорск замахнулся и рубанул бронзовым лезвием по горлу Хашеля, пониже короткой бороды.

Из рассеченной шеи палача хлынула кровь, он обмяк и провалился в шпигат. Вакар запустил окровавленным тесаком в короля Целууда, но тот увернулся. Потом принц схватил рукоять длинного меча, выдернул его из разрубленного планшира и бросился за борт.

Подняв тучу брызг, он оказался по пояс в воде. На галере поднялся ужасающий рев. Вакар бросился к берегу, едва держась на ногах под натиском волн, а оказавшись на суше, припустил что было сил, не обращая внимания на изумленную горгонскую солдатню. Вскоре, мокрый с головы до пят, он очутился среди деревьев и побежал вверх по склону прочь от моря. Когда Вакар наконец остановился перевести дух, вслед неслись крики, рев рожков и слышался лязг оружия — армия горгонов шумела, как потревоженное осиное гнездо.

Вакар убежал подальше от моря, а затем свернул влево, чтобы сбить погоню со следа. Колючие кусты вмиг до крови исцарапали его обнаженные голени, но он, не чувствуя боли, поднимался все выше и выше.

Лоскут синего неба впереди привел к уступу на обрыве. Оттуда взору Вакара открылось лесистое побережье моря Сирен. Там принц рухнул на землю, судорожно хватая ртом воздух, и лежал, а жучки бегали по его израненным ногам.

Когда перед глазами Вакара прояснилось, он сел и взглянул на флот горгон. Отряды врагов, наверно, все еще прочесывали берег. Может, залезть на дерево — вдруг у горгон есть собаки? Интересно, может ли медуза брать след, как собака, или находить беглеца с помощью магии, как вислоухий кораниец Йок?

И тут он понял, что ожидал увидеть совсем другую картину. Внизу приглушенно пел рожок — созывал преследователей к кораблям. Горгоны карабкались на носы галер. Некоторые суда уже отчаливали. Переведя взгляд, Вакар понял причину спешки: в море Сирен появился другой флот, ничем не уступающий армаде Горгон. Он подкрадывался к стоянке Целууда. «Должно быть, это объединенный флот Гесперид,— предположил Вакар, в нервном ожидании похрустывая пальцами.— Неужели я стану свидетелем величайшей морской битвы в истории?»

Но через некоторое время новоприбывшая армада остановилась, а горгоны, явно не желая ввязываться в баталию, уходили вдоль берега на веслах. Вакар покинул свой уступ. Он лез вверх, пока не нашел наблюдательный пост получше. Оттуда принц увидел, что на северо-западе берег изгибается вправо, а за широкой полосой моря на горизонте разглядел синеватую тень другой земли. Если он сейчас на Огуджии, то там, должно быть, Меропия, а если он на Меропии, то это континент Посейдонис.

Флот горгон сворачивал на север, чтобы пройти через этот широкий пролив, а гесперийцы преследовали его на почтительном отдалении. «Очевидно, горгоны не собираются дойти до Амфере, чтобы потом пересечь Зиск и напасть на Лорск,— рассуждал Вакар.— Но, в таком случае, куда они держат путь? Севернее, на побережье Посейдониса, стоит зиский городок Азарет, за ним до самой Диопрепе, жалкой деревеньки в гористом Лоторе, нет ни одной подходящей бухты. В Лоторе пиратам не найти поживы. Так куда же они направляются? Может быть, горгоны решили обрушиться на Авалон, или на Сатуриды, или пойдут еще дальше на север, к Аремории или берегам дикой Йерарне?»

Если они высадятся у Азарета, то Лорску бояться нечего. Путь от Азарета до родины Вакара преграждают высокие горы, в которых десяток смельчаков сможет остановить целую армию.

Более часа Вакар Зу наблюдал, как горгонский флот уменьшается на севере. Когда солнце почти доползло до зенита, принц, хромая на обе ноги, спустился к воде.

* * *

Через неделю принц Вакар добрался до Седерадо. Еще в первый день после бегства из горгонского плена выяснил, что находится на Огуджии. В пути он крал еду у селян и привыкал обходиться без имущества, если не считать меча, заткнутого за пояс. Вакар рассудил, что с возвращением домой можно не спешить, — горгоны, очевидно, не собираются захватывать Лорск. Возможно, королева Порфия все еще не простила ему смерть Тьегоса, но принц надеялся, что борода и шрам на левой щеке сделали его неузнаваемым.

Чем же заняться в городе философов? Принц из полудикой страны, пусть даже учившийся в Мнесете, вряд ли поразит кого-нибудь в Седерадо своими познаниями. С другой стороны, хоть Вакар и не считался у себя на родине великим воином или атлетом, он все-таки был крупнее и сильнее большинства огуджийцев. Может быть, здесь пригодятся его скромные способности и навыки воина?

Он нашел дорогу к казармам королевской гвардии — единственного профессионального войска Огуджии. Как и другие гесперийские народы, огуджийцы полагались в основном на военный флот. Гвардия была набрана большей частью из иноземцев, поскольку коренные огуджийцы, увлеченные философией и устройством быта, ничуть не стремились к воинской славе.

Ваяхес, командир гарнизона, спросил:

— Кто ты, откуда пришел и чего хочешь?

— Я Знур из Лорска.— В пути Вакар отдал некоторое время сочинению правдоподобной автобиографии, не представляться же и здесь именем Тьегос.— Несколько месяцев я странствовал по материку, поэтому так сильно загорел и пообносился. Теперь же ищу средства к существованию. Думаю, из меня получится гвардеец.

— И что ты умеешь?

— Ездить верхом и пользоваться этим,— Вакар коснулся меча.

— Дай-ка взглянуть на него. Гванто, ты только посмотри, какой странный меч.— Ваяхес снова повернулся к Вакару.— Где ты его раздобыл?

— В Тартаре. Чернокожие кузнецы умеют закалять бронзу при помощи магии.

— А как ты попал в Огуджию, когда все корабли прячутся по бухтам в страхе перед Горгонами?

— Меня привезли горгоны.

— Что? — вскричал Гванто, легат Ваяхеса.— Ты их лазутчик?

— Ничего подобного. Они меня поймали, но я сбежал, когда их армада причалила к берегу, чтобы отдохнуть и запастись водой.

— Похоже на правду,— сказал Ваяхес.— Но все-таки мы тебя проверим. Пусть кто-нибудь из наших лорсков поговорит с тобой на родном языке. Если ты не лазутчик и действительно годишься в бойцы, примем тебя за три фунта меди в месяц. Еда и кров, конечно, за счет казны. Тебе выдадут щит, шлем и копье. Будешь за них платить по полфунта в месяц в течение полугода.

— Мне это подходит,— согласился Вакар.

— Отлично, можешь сегодня же похвастаться своими талантами. Строевой смотр проведет сама королева.— Ваяхес с ухмылкой посмотрел на легата.

Пока Вакар гадал, как ему пережить смотр неузнанным, подошел солдат по имени Райзх, лорск из Лезотра. Он внимательно посмотрел на Вакара и сказал:

— Я тебя точно где-то видел.

— Может быть, хотя я родом из Мнесета. Я часто проезжал через Лезотр и обычно ночевал на постоялом дворе Алезу.

— Он лорск,— Райзх обратился к своему командиру на гесперийском.— Знаю я этих столичных хлыщей, их выговор ни с каким другим не спутаешь.

* * *

Гвардейцы построились на плацу, шлемы и наконечники копий блестели после утренней чистки. Вакар, которому еще не выдали положенную экипировку, стоял на фланге. Когда королева Порфия проходила вдоль шеренги, принц не прятался, но старался не привлекать ее взор. Наконец она приблизилась, и Вакар почувствовал, что кровь быстрее побежала по жилам. Ах, какая женщина! В воображении замелькали сценки одна соблазнительнее другой, как он заключает Порфию в объятия, покрывает целуя и несет на ближайшее ложе... Но как бы высоко ни ценил он королеву Огуджии, собственная голова была ему все-таки дороже, а потому он помалкивал.

Королева закончила смотр и повернула обратно, рыхлый Гараль семенил с нею рядом. Ваяхес сказал что-то Порфии, а затем крикнул:

— Эй ты, с лицом, как топор, как бишь тебя?.. Знур!

— Кто, я? — хрипло спросил Вакар.

— Да. Ты назвался опытным наездником, так покажи свое искусство, укроти Тандоло.

— Это конь? — спросил Вакар, видя, что королева и министр Гараль смотрят на него озабоченно, в точности, как утром смотрел Райзх. Еще чуть-чуть, и его узнают.

— И какой конь! Вот он вдет.

Двое конюхов вели большого черного жеребца, а тот угрожающе раздувал ноздри и закатывал глаза. Вакар с тихим вздохом подошел к коню и потянул из-за пояса длинный кернейский арапник.

На Тандоло была уздечка, но отсутствовала сиделка и даже подпруга — обычная деталь сбруи гесперийских коней. Когда Вакар приблизился, скакун захрапел и оскалил зубы.

— А ну, угомонись! — Вакар попытался схватить Тандоло за хrap и тут же отдернул руку, чтобы избежать крепких зубов. — Дайте повод, — велел принц конюху.

Потом Вакар ухватился за поводья, вскочил на коня, ударил его пятками и, едва Тандоло взвился на дыбы, левой рукой вцепился в гриву.

Вакар держался изо всех сил и рвал поводья, заставляя непокорного коня опускать голову. Казалось, круп Тандоло выкован из железа, конь то поднимался на дыбы, то подбрасывал зад. Колени Вакара скользили по гладкой шкуре, он изо всех сил вжимал пятки в брюхо коня и держался за гриву, чтобы не перелететь через его голову. Он даже не замечал, что выкрикивает лорские ругательства и хлещет коня поводом. Тандоло кружился и прыгал, как взбесившийся демон, а в глазах его седока мелькали зрители: гвардейцы, их командир Ваяхес и королева Порфия со своим министром Гаралем. А затем круп Тандоло выскользнул из-под Вакара, и принц тяжело упал на левый бок, а конь, мотая головой, рысью помчался прочь. Конюхи побежали вдогонку, а Вакар, пошатываясь, поднялся на ноги. Ваяхес ухмылялся — несомненно, он дал Вакару невыполнимый приказ, чтобы повеселить своих подчиненных. И хотя шутки над собой Вакар никогда не находил смешными, он бы простил командира. Но вот беда — Ваяхес опозорил его перед королевой Порфией.

Мелькнула мысль: не вызвать ли его на поединок? Но принц тут же одернул себя: не будь дураком, ты почти безоружен, весь в ушибах и к тому же оглушен падением. При малейшем признаке враждебности Ваяхес прикажет утыкать тебя стрелами. Поскольку Вакар не выдержал испытания, ему оставалось лишь гордо удалиться. Возможно, из него еще выйдет неплохой портовый грузчик... Он заковылял к воротам, а вслед тотчас полетел оклик Ваяхеса:

— Эй, Знур, куда это ты собрался?

Вакар сделал каменное лицо и оглянулся, а командир рывкнул:

— Вернись! Да что это с тобой?

Вакар повернулся и пошел к Ваяхесу. Тот стоял, подбоченясь.

— Да, командир? — У Вакара появилась надежда, что ему предложат вторую попытку.

— Почему ты убегаешь? Ты же лучший наездник в Огуджии!

— Что?

— Конечно! Еще ни один человек не просидел верхом на Тандоло дольше трех ударов сердца.

— Такие люди нам нужны, — произнес знакомый женский голос. Это была Порфия: зеленые глаза, черные волосы и фигура, сводящая мужчин с ума.

— Слышал? — радостно вскричал Ваяхис. — А теперь ступай в казарму, Гванто выдаст тебе оружие.

Вакар поклонился и ушел.

Он задумчиво начищал новый шлем, пока не увидел в нем свое узкое, покрытое шрамами лицо. И тут вошел человек, в котором Вакар узнал Двэроса, одного из лакеев Порфии.

— Принц Вакар, королева просит, чтобы ты вместе со мной отправился во дворец.

Глава 18

ФИЛОСОФИЯ СЕДЕРАДО

Вакар смерил Двэроса пристальным взглядом. Значит, Порфия опознала его. Неужели она решила заманить его в смертельную ловушку? Но не проще ли было бы прислать за ним взвод солдат?

Принц в замешательстве теребил усы. Зарубить Двэроса и бежать? Но на этот раз его не ждет в гавани корабль, а на таком небольшом острове поимка беглеца — лишь вопрос времени.

Приняв решение, Вакар бросил Двэросу:

— Погоди!

После этого он вернулся в казарму со своим волшебным мечом. Пусть только его кто-нибудь попробует обезоружить! Он шагал за Двэросом по улице и мрачно улыбался. Но у ворот дворца не оказалось никакой засады, лишь скучающие стражники опирались на алебарды, да обычные просители и чиновники тонкими ручейками тянулись во дворец и обратно. Двэрос провел принца через приемную без очереди. Вакар поймал на себе кислые взгляды людей, ожидающих аудиенции у королевы. Когда Двэрос раздвинул занавеси, молодой человек весь напрягся, изготовился выхватить звездный меч...

И тут руки Порфии обвили его шею. Она прильнула губами к губам Вакара, а затем отстранилась со словами:

— Вот это да! Клянусь восемью грудями Геры, когда я целую мужчин, они обычно не стоят, как статуя, с рукой на мече...

Вакар улыбнулся, окинув взглядом комнату,— при необходимости он был готов сделать Порфию заложницей.

— Прошу извинить за подозрительность, дорогая государыня, но я боялся, что меня поцелует острая бронза.

— Так вот почему ты слонялся по моему королевству под чужим именем и с этими зарослями на лице! Да с какой стати мне тебя убивать?

— Тьегос,— сухо ответил принц.

— А, этот прохвост! Да, пожалуй, я была огорчена, но ты не мог поступить иначе. Как бы то ни было, я разлюбила трусливых нахалов с их песенками и насмешками.

— Ну что ж,— Вакар открыл Порфии свои объятия. Она выставляла вперед ладонь:

— Нет! Сначала изволь вымыться. Элбьен, отведи принца Вакара...

В той самой комнате, которую принц занимал и во время первого посещения Седерадо, Вакар нашел приготовленную для него красивую огуджийскую тунику — длиной до колен, из небесно-голубого льняного полотна, расшитую морскими чудовищами. Рядом с ней лежала бритва, с ее помощью он удалил бороду. В серебряном зеркале бледный свежесбритый подбородок странно смотрелся с густым загаром верхней половины лица, на котором пережитое оставило многочисленные следы, как на старом, выдавшем виды лезвии ножа.

Он отобедал с лучшей весельем Порфией. Внимательно рассмотрев своего гостя, королева сказала:

— Удивляюсь, как это я тебя узнала. Вид у тебя — краше в гроб кладут.

— В самом деле? А чему тут удивляться. Ты бы знала, что было со мной за эти семь месяцев. Даже бог состарится, выпадет на его долю столько...

— А где ты обзавелся этим длинным шрамом?

— Не успел увернуться от дротика...— И Вакар вкратце поведал о своих приключениях.

— Мне всегда казалось, что пусадские эпосы — всего лишь бахвальство варваров, а теперь я вижу перед собой настоящего героя и искателя приключений, достойного мифов и легенд,— заключила королева.

— Никакой я не герой и не искатель приключений, а всего лишь тихий книжник, мечтающий осесть в Седерадо и изучать философию. Все эти драки и погони не доставляют мне безумного наслаждения, воспетого в эпосах. Перед боем я трушу, в бою теряюсь, а когда все заканчивается, испытываю лишь усталость и отвращение.

— Ну что ж, если ты совершил свои подвиги с отвращением, будучи испуган и растерян, то мне даже страшно подумать о бойне, которую ты способен учинить, коль скоро войдешь во вкус. Скажика, ты ничего не перепутал? Король Авоккас в самом деле напал на тебя из-за того, что ты не соблазнился безголовой красоткой?

— Чистая правда, госпожа, хотя я не претендую на выдающиеся добродетели. Просто мне слишком часто приходилось убегать от недоброжелателей, и совсем не оставалось времени на флирт.— Вакар решил из соображений такта не упоминать о сатире Тираафе.— Будем откровенны друг с другом, ладно? Кто же счастливый преемник Тьегоса?

Вакар постарался произнести это как можно равнодушнее и при этом смотрел в сторону, ведь стоило ему взглянуть на Порфию, к лицу приливалась кровь. Разумеется, он давно познал радости любви, но до сих пор ни одна женщина не привлекала его так, как королева Огуджи.

— Вообще-то, я тоже припасла для тебя историю: несколько месяцев я спала в холодной постели. Я прокляла легкомысленную любовь и дала себе обет одиночества, пока не найду другого консорта. Но я не хочу замуж за ловкача Шво и не потерплю этой вашей пусадской полигамии.

Вакар сочувственно кивнул. Хотя на Посейдонисе мужчина — полновластный хозяин в семье, принц, побывав в разных странах, научился уважать иные точки зрения.

— К тому же мне пора позаботиться о наследнике,— продолжала Порфия,— иначе после моей смерти двоюродные братья передерутся из-за трона и разорвут королевство на части.

— А ты способна рожать?

— Конечно, ведь покойному бедняжке Ванчо я родила дочку. Тьегос был у меня единственным любовником. Но хватит обо мне. Поделись своими планами. Наверное, ты на первом же корабле отправишься в Лорск?

— Это зависит не от меня. Что слышно о флоте горгон?

— Когда наш объединенный гесперийский флот перестал их преследовать, они все еще плыли на север.

Слуги убрали со стола. Вакар и Порфия сидели друг против друга за маленьким столиком, между ними стоял кувшин с вином. Порфия сидела на новом резном троне, заменившем змеиный, а Вакар — на стуле из слоновой кости. В зеленых глазах королевы мерцали огоньки ламп.

— Выходит, они не намерены вторгаться в Лорск и мне нет надобности торопиться на родину.— Принц поставил кубок и потянулся.— Милая Порфия, не уговаривай меня остаться, я и сам решил послать домой гонца за средствами к существованию, чтобы поучиться философии у огуджийских мудрецов и объездить жеребца Тандоло.

— В самом деле? — Она одарила его нетерпеливой улыбкой.

— Да.— Вакар встал, обошел стол и ласково поднял королеву с ее трона.

Они нежно оплели друг друга руками, и губы их встретились. Через некоторое время принц опустил на трон и посадил королеву к себе на колени, вновь подивившись ее легкости, и постучал по трону костяшками пальцев.

— Будем надеяться, что это кресло не подложит нам свинью, как в прошлый раз, когда ты сидела у меня на коленях.

Порфия захихикала, и они поцеловались. Потом Вакар запустил руку под тонкую материю платья, но королева перехватила ее и легонько шлепнула.

— Нет! Ты же слышал, милый Вакар, что я зареклась от романов. И ты — не исключение, хоть я совсем растаяла под взглядом твоих огромных черных глаз.

— А кто говорит о романе? Я, государыня, наследник трона Лорска и, следовательно, вполне серьезно предлагаю себя в качестве консорта и законного супруга.

— Ого! Это уже совсем другое дело. Ну, а что мы будем делать, когда ты станешь королем Лорска? Где будем жить?

— Время покажет. Наверное, будем лето проводить в Лорске, а зиму — здесь.

— А что, если по возвращении в одно из наших королевств мы обнаружим, что регенты захватили трон?

— Гм... Надо выбрать надежных регентов. Но давай лучше подумаем о преимуществах: бронза и мускулы Лорска женятся на мудрости и флоте Огуджии! Да кто отважится бросить вызов такому союзу?

— Сударь, ты выложил на стол переговоров весомые аргументы, но не учел одного нюанса.

— Ты о чем?

— Сумеет ли мы проникнуться взаимной любовью и привязанностью?

— А разве мы еще не влюблены? Я по крайней мере от тебя без ума.

— Я говорю о настоящей любви, а не просто о животной похоти, которая, как нам обоим известно, при всех ее прелестях мало чего стоит. Не сомневаюсь, что ты способен подарить мне незабываемые мгновенья под грубым шерстяным одеялом, но как насчет долгих лет жизни бок о бок? Представь, у нас сгниют зубы, появятся морщины, вырастут животы и испортятся характеры?

— Думал я и об этом, — кивнул Вакар, которому подобная мысль до сих пор не приходила в голову. — Скажи, положи руку на сердце, тебе нужен спокойный, надежный муж, который охотнее гоняется за тайными знаниями, чем за бесстыжими шлюхами, но всегда готов доказать, что он — настоящий мужчина?

— Сударь, твоими бы устами да мед пить, но где гарантии...

— Гарантии? Будешь их дожидаться — останешься без мужа до тех пор, пока твой взгляд не упрется на внутреннюю стенку похоронной урны. Об этом хорошо сказано в «Гибели Цорме»:

Смерть остановит всех нас: безрассудных буюнов
И осторожных сверх меры жестокой рукою
Бросит на ветер все то, чем мы жили, все чаянья наши.
Что же останется нам?..

Вакар снова поцеловал Порфию. На этот раз она не воспротивилась, когда мужская рука скользнула ей за пазуху, а, наоборот, сама прижала ее к своему телу. Через некоторое время они отпустили друг друга и встали. Глаза Вакара вопросительно смотрели из-под кустистых бровей.

Королева подняла руку и сказала:

— Туда.

Принц подхватил ее, как котенка, и понес в соседнюю комнату.

* * *

На следующее утро Вакар Зу бросил в суму горсть медных брусочков, позаимствованных в огуджийской сокровищнице, и прошествовал по улицам Седерадо к дому Ретилио, весело насвистывая лорские песенки. Порфия предложила вызвать Ретилио во дворец, но Вакар настолько уважал здешних мудрецов, что решил не кичиться своим положением. Кроме того, ему было любопытно посмотреть, как живет философ.

Как и остальные дома на Гесперидах, особняк Ретилио был обнесен глухой кирпичной стеной. Привратник впустил Вакара, и вскоре появился сам философ со словами:

— Э-э, да я тебя знаю, встречал несколько месяцев назад... Дай-ка вспомнить...

Вакар представился.

— Ну конечно! — сказал Ретилио. — Чем могу быть полезным, сударь?

— Я собираюсь задержаться в Седерадо на неопределенный срок и хотел бы учиться у тебя философии.

— Замечательно. Будешь ходить на вечерние назидания или предпочтешь индивидуальное обучение? Оно подороже, но принцу, конечно, по карману.

— Принцы принцам рознь. — Изведав нищеты в странствиях, Вакар пересмотрел свое отношение к торговому металлу. — Но это к делу не относится. Я желаю как можно больше узнать за короткое время, а потому готов заниматься и днем, и вечером.

Философа это привело в восторг, и вскоре Вакар с благоговением выслушал теорию Ретилио о мировом яйце. Философ изложил ученику основные постулаты своего курса, а потом принялся расспрашивать о путешествиях и о людях, которых принц повстречал в других странах. Вакар, в свою очередь, проявил интерес к горгонам.

— История их происхождения теряется в тумане веков, — сказал Ретилио. — Это древний и злой народ. До нас дошли сведения, что тысячи лет назад Горгады были населены только медузоголовыми, которые жили в городах и стояли на довольно высокой ступени развития.

— Неужели эти твари разумны? — удивленно спросил Вакар.

— Да. Говорят, они не глупее людей. Давным-давно праотцы нынешних горгон обитали на берегах Тартара. В те времена они еще были дикарями, не носили одежды и мало чем отличались от своих предков-обезьян. Так вот, медузоголовые, не питавшие особой любви к труду, повадились нападать на материковые страны и захватывать рабов. Вскоре количество поработанных горгон на островах в несколько раз превысило число хозяев-рептилий. В плену людям жилось необычайно тяжело, медузоголовые издевались над ними и пожирали провинившихся. Аристократию их общества составляли колдуны. Они, несомненно, правили бы и по сей день, не окажись глава сената самым ленивым из всех медузоголовых. Этот правитель вечно придирался к рабам, которые за ним ухаживали — одевали, раздевали и даже клали пищу. А глава сената предпочитал жареных девушек на обед. В конце концов он так обленился, что даже перестал колдовать, обучив доверенного раба основным заклинаниям.

— Могу себе представить, что было дальше,— вставил Вакар.

— Совершенно верно, кончилось тем, что рабы превзошли хозяев в магии и сбросили иго медузоголовых рептилий. Большинство тварей они уничтожили, а немногих уцелевших поработили. Памятуя об ошибках своих предшественников, медузоголовых держали в полной изоляции друг от друга и от всего мира. Ныне основная обязанность медузоголовых — шипеть на врагов и парализовывать их по приказу хозяев.

Вакар восторженно прослушал дневную лекцию и очень хотел задержаться по ее окончании. Но стоило ему подумать о Порфии, как его лицо осветила счастливая улыбка.

Когда принц прощался с философом, привратник доложил:

— Хозяин, к тебе посетитель. Он назвался Рином из Мнесета.

Вакар аж подпрыгнул от неожиданности.

— Пригласи его, я о нем слышал,— велел Ретилио слуге.— Принц, в чем дело? Этот Рин — твой знакомый?

— Еще бы! Это наш придворный волшебник, именно он отправил меня в путешествие.

Семенящим шагом в комнату вошел сгорбленный Рин.

— Так-так... — хихикнул он. — Мне сказали, что я найду тебя здесь. Выходит, вместо того чтобы со всех ног спешить домой, наш юный спаситель учится расщеплять волос бритвой и считать демонов на острие иглы. Здравствуй, мастер Ретилио. Похоже, я прибыл как раз вовремя, иначе бы Вакар намертво запутался в паутине твоей софистики.

— Э, постой-ка! — возмутился Ретилио. — Даже если ты самый могущественный колдун Посейдониса, это не дает тебе права насмеяться над священным искусством философии. Оно отличается от твоей черной магии, как день от ночи.

— Еще вопрос, кто над кем насмехается. По крайней мере от моей магии есть какой-то прок. Например, с помощью ведьмы Гры я узнал, что этот юноша задержался в Седерадо. Пошли, Вакар, потолкуем по пути к твоей золотой клетке... Прощай, Ретилио, я расскажу лорскам, что огуджийцы — первые болтуны в мире, а ты среди них чемпион.

По дороге во дворец Вакар спросил:

— За что ты не любишь Ретилио?

— Пфе! К нему лично я не питаю неприязни, но хорошо знаю эту породу. Утром такие люди расчесывают бороду, чтобы выглядеть мудрецами, а днем гребут золото, читая проповеди о никчемности богатства. Его теория мирового яйца ничем не хуже всех остальных, но она совершенно бесполезна, поскольку ни одному смертному не дано знать, откуда произошли вселенная и человек. Но хватит о грустном. Что ты здесь делаешь, вместо того чтобы спешить в Лорск в его роковой час?

— Я видел, как флот горгон отправился на север. Они не собирались высаживаться в Зиске. Так почему бы мне не осесть здесь, почему бы не жениться на королеве Порфии? Из безмозглого лорского охотника на бизонов я превращусь в настоящего ученого.

— Ты хочешь жениться на ее зеленоглазом величестве? У тебя отличный вкус. А она об этом знает?

— Знает и одобряет. Так что можешь поставить в известность мое дражайшее семейство...

— Глупый мальчишка! Знаешь, что затеяли горгоны? Они обогнут Посейдонис с севера, со стороны Лотора, а потом нападут на нас с запада.

— Ох!

— Вот именно. Они рассчитывали нас обмануть и добились бы успеха, если бы наш дворянин, некто Калеш из Андра, не совершил паломничество в Лотор, в храм трехглазого Тандилы. Слухи, бродившие среди лоторцев, его встревожили. Он съездил к океану и увидел на горизонте флот горгон, а потом примчался домой, едва не загнав лошадь. Так что намерения Целууда больше для нас не секрет. А сейчас ответь: нашел ли ты волшебную вещь, что она собой представляет и для чего предназначена?

Вакар рассказал о своих скитаниях и продемонстрировал меч из звездного металла.

— Ах вот оно что! — воскликнул Рин. — Вот недостающее звено. Теперь я знаю, чего больше всего на свете страшатся боги и почему.

— И чего же они страшатся?

— Перед тем как пересечь море Сирен, я побывал в библиотеке короля Шво в Амфере. Как тебе известно, Шво — фанатичный коллекционер. Он коллекционирует земли, сокровища, женщин, книги — короче говоря, все, что удастся заграбастать. Ты, наверное, слышал, что он надеется прибрать к рукам и твою малютку Порфию?

— Что?! Пусть только попробует!

— Полегче, полегче, друг мой. Будь осторожен. Если он узнает о твоих matrimониальных планах, непременно подошлет кого-нибудь, чтобы насыпать тебе яду в вино. И, кстати, присматривай за толстяком Гаралем — он вовсе не такой безобидный, как кажется. Однако на этот раз жадность Шво сослужила нам добрую службу: в залежах всякого мусора, которые он называет своей библиотекой, я откопал ветхий папирус из разрушенного храма в Парске. Там была легенда о Кумио.

— Что еще за легенда?

— На нее в своем «Комментарии» ссылался Ома. «Комментарий» — столь древний текст, что его уже невозможно датировать и дошел до нас лишь частично. Мне же попался в руки оригинал легенды, вернее, всего лишь девятая или десятая копия.

— Так что же за легенда? — повторил Вакар.

— Это история о том, как вор и богохульник по имени Кумио нашел упавшую звезду, подобно твоему приятелю Ксименону. Он расколол ее на части и носил на шее как амулет. Со временем он обнаружил, что звезда предохраняет от магии — колдунам не удавалось зачаровать его, демоны не причиняли ему вреда, и даже боги не могли с ним общаться. Кумио жил на берегу залива, который ныне называется Корт, это западнее Лорска. Там находится столица королевства Корт, славный град Клато с алыми и черными башнями. Для охраны своих богатств горожане обычно покупали у волшебников заклинания и талисманы. Но со времен Кумио и его амулета все переменилось, ведь любой ларец, оберегаемый самыми могущественными чарами, мог стать легко доступным загребушим лапам Кумио. Пройдоха забрался даже в королевский гарем, где сторожем был трехголовый демон — великий любитель человеческого мяса. Демон развеялся, как дым,

от одного прикосновения осколка звезды. Шесть суток Кумио развлекался с королевскими наложницами и сбежал прежде, чем король узнал о его «визите». Тогда-то и появились на свет замки и засовы... И боги были вынуждены созвать совет, ведь, если бы люди узнали об этом металле, каждый пожелал бы разжиться кусочком звезды. Они бы позабыли богов и перестали им поклоняться, что для богов равнозначно смерти.

— Ретилио цитировал «Лонтанг», в нем как раз затрагивается эта тема,— заметил Вакар.

— Итак,— продолжал Рин,— боги решили разделаться с Кумио. Сначала попытались наслать на него болезнь, но выяснилось, что он защищен от любой порчи и может заболеть только естественным образом. Тогда они подговорили другого вора украсть у него звездный металл, но вор понадеялся на заклинания, купленные у волшебников. Кумио разгадал намерения злодея и зарезал его. Я не стану пересказывать легенду во всех подробностях, скажу только, что в конце концов боги пришли в отчаяние и отправили все королевство Корт на дно западного океана. Кумио утонул вместе со всеми кортиями. Спасшихся можно пересчитать по пальцам.

— И это правда?

— Трудно сказать, вероятно, есть тут немалая толика вымысла, зато теперь мы знаем, почему боги боятся звездного металла.

— А что это за вещество? Может быть, залежи этого металла есть и в недрах Земли?

Рин пожал сутулыми плечами.

— Почему я знаю? Людям известно пять металлов, из них золото и серебро в природе встречаются в чистом виде, олово и свинец — только в руде, а медь — и так, и так. Не исключено, что где-нибудь в недоступных скалах сокрыты и другие металлы, но звездного пока никто не обнаружил.

Вакар задумался.

— Я помню, как меч разрушил чары медузоголового, когда горгон коснулся моей шеи клинком. Значит, вопрос теперь не в том, какие свойства у этого металла, а в том, как их использовать.

— Придет время, и мы это выясним. Еще не бывало, чтобы не исполнялись пророчества Гра. А сейчас нужно спешить в Лорск, пока на морях не начались штормы.

— Семь преисподних! — Вакар пнул комок земли.— Почему именно я? И как раз в тот момент, когда нашел то, к чему стремился всю жизнь! Что меня ждет в этом Лорске, кроме вечной грызни с братом? Почему бы тебе самому не взять меч...

— Ты наследник этого королевства, а твой отец нездоров. И если не подоспеешь вовремя... Впрочем, решай сам.

Терзаемый сомнениями и тревогой Вакар вернулся во дворец и отправил слугу, чтобы прервать аудиенцию королевы и сообщить ей новости.

— Нет! — вскричала Порфия, прижав руки к горлу. — Ты никуда не поедешь! Я не отпущу единственного человека, достойного разделить со мной трон. Вдруг случится так, что ты погибнешь в какой-то бессмысленной резне на краю света!

Ее тон так разозлил Вакара, что он огрызнулся:

— Дорогая, может, я и впрямь достоин быть твоим консортом, но окончательное решение — за мной. В конце концов, у меня тоже есть долг перед моим народом.

Они еще немного поспорили, а потом Порфия предложила:

— Давай посоветуемся с Чарселой, как она скажет, так ты и поступишь.

— Я выслушаю ее совет, — осторожно сказал Вакар, — если ты согласишься, чтобы при этом присутствовал Ретилио.

— Похоже, мне придется кормить всех дворян и мудрецов Седерадо, — вздохнула Порфия.

— Ха! — возмутился Рин. — Выходит, ты больше доверяешь советам этого рассекателя волос, чем моим. Само собой разумеется, он захочет, чтобы ты остался здесь и расплачивался за его проповеди сокровищами Лорска.

Первой появилась старая колдунья.

— Не тот ли это юный кавалер, который спас нас с королевой? Жаль, что ты покинул мой дом в такой спешке. А это, если не ошибаюсь, могущественный Рин из Мнесета...

— Да, да, — проворчал Рин. — Ну и как обстоят дела с приворотными зельями?

— Неважно, сударь, ведь чудаки от философии так затуманили мозги людям, что те совсем позабыли о любви. Конечно, к нашим царственным покровителям это не относится. Сразу видно, что они сейчас ни о чем другом не думают.

Вошел Ретилио и хмуро поприветствовал собравшихся. Королева Порфия провела гостей в маленькую, освещенную единственной лампой залу посреди дворца. Чарсела наполнила кадьильницу и погрузилась в транс. Прошло немало времени, прежде чем она произнесла:

— Если принц Вакар вернется в Лорск, он переживет великую потерю, но недолго будет сожалеть об этом.

— Не уходи, любовь моя! — вскричала Порфия. — Она имеет в виду, что ты лишишься жизни!

— Жизнь мне дорога, — отозвался Вакар. — Но в последнее время я столько раз рисковал ею, что теперь не откажусь от возвращения из-за сомнительного предсказания. А каково твое мнение, Ретилио?

— Большинство людей делает выбор, прислушиваясь к своему внутреннему голосу. Некоторые благодарят потом духа-хранителя, другие — любимого бога, а третьи — собственную интуицию. Не знаю, кто из них прав, но уверен: если ты поступишь вопреки наставлениям этого голоса, то попадешь в беду. Он тебе непременно отомстит.

— Значит, я без промедления возвращаюсь в Лорск, — подвел итог Вакар. — Рин, на чем сейчас можно добраться до Лорска?

— У пристани ждет зиская галера. Лучше отправиться завтра.

— Быть посему. Порфия, что с тобой?

Королева Огуджии заливалась слезами. Она встала и, всхлипывая, произнесла:

— Я велю слугам подать обед, но прошу простить, мне нужно побыть одной. Нет, Вакар, останься с гостями, после поговорим.

Вакар проводил Порфию растерянным и тоскливым взглядом, теребя ус и пеняя себе за излишнюю чувствительность. Пока он стоял в полном смятии, слуги принесли яства и вино. За обедом Рин обратился к Ретилио:

— Я должен извиниться перед тобой — не думал, что ты способен дать такой дельный совет.

— Пустяки, — ответил Ретилио бесцветным голосом, отламывая кусок хлеба. — Благосостояние философа зависит от его доброго имени, поэтому я предпочитаю ни во что не вмешиваться. Конечно, я бы без труда уговорил принца задержаться в надежде содрать с него побольше торгового металла... Но вдруг он заскучает и отправится на поиски новых приключений, оставив меня с запятнанной репутацией?

— Господин Ретилио, ты во мне ошибаешься, — сказал Вакар. — Скука тут ни при чем. Я расстался бы с тобой лишь в том случае, если бы узнал о существовании более достойного философа. Для меня поиск абсолютной истины — самое увлекательное занятие в мире.

— Ну что ж, будем надеяться, все мы доживем до того момента, когда ты ее обретешь. Господин Рин, мне кажется, ты стал лучше относиться к философии.

— Почему ты так решил?

— Если весь мир узнает о свойствах звездного металла и многим людям достанется по кусочку, твоя профессия потеряет всякий смысл.

— Мне это не приходило в голову... Однако я слишком стар, чтобы учиться новым фокусам, и надеюсь помереть прежде, чем сбудется твое предсказание. Возможно, мои ученики и новая поросль в магическом лицее Торрутсейша достигнут таких высот мастерства, что сумеют одолеть чары звездного металла.

— На самом деле все гораздо серьезнее,— раздался глуховатый голос Чарселы.— Когда-нибудь звездный металл сгонит с престолов самих богов. Для людей они станут бесполезны и безвредны. Даже общаться с ними смертные не захотят.

— Значит, боги исчезнут? — спросил Ретилио.

— Превратятся в беспомощных призраков. Только благодаря жрецам в них будет теплиться искорка жизни. А жрецы, в свою очередь, будут жить на подношения верующих. Эта картина являлась мне в видениях.

— И все люди уподобятся мне,— подхватил Вакар.— Я ведь ни разу не беседовал даже с самым никчемным божком. Но, может быть, это не так уж и плохо.

* * *

Ночью Порфия сжимала принца в объятиях с такой силой, что у него трещали ребра. Она то поражала его бурной, неведомой доселе страстью, то заливалась слезами.

— Я больше никогда тебя не увижу,— причитала королева.— Я уверена, Чарсела предсказала твою смерть!

— Ну что ты, любимая, она этого не говорила. Мы будем жить долго и счастливо...

— Чепуха! Во всем виновата ваша философия — пустая болтовня под личиной премудрости! Я люблю тебя до безумия и ни за что не отпущу. Ты знаешь, что я не краснеющая по любому поводу девственница... но никогда в жизни я не встречала мужчину, который бы значил для меня так много.

Принц отвечал страстью на страсть, но упрямо отказывался отложить выход в море хотя бы на день-другой.

Королева еще спала, когда он вместе с Рином тайком выбрался из дворца. На заре зиская галера со скрипом выползла из бухты Седерадо. Опираясь на планшир, Вакар хмуро смотрел с

полуюта назад, на прекрасный город, розовеющий в первых лучах солнца.

— Крепись, мой мальчик,— промолвил Рин.— Не одному тебе тяжело. Ты по крайней мере способен любить и терять, а я со своим горбом...

— Замолчи, старый дурак! Прости, я вовсе не то хотел сказать. Но если меня убьют в этом походе, мой дух вытрясет тебя из погребальной урны!

Глава 19

ЗАЛИВ КОРТ

У мрачной зубчатой стены Мнесета стражники скрестили перед Вакаром алебарды. Принц приосанился.

— Вы что, болваны, не узнали меня? Я принц Вакар!

— Вот те раз,— сказал один из стражников.— Все знают, что принц Вакар дошел до края света и свалился с него.

— Вроде похож на нашего принца...— замялся другой.— Господин, кто может за тебя поручиться?

— О, семь преисподних! — прорычал Вакар. Он обогнал Рина, желая поскорее узнать о положении дел в Лорске, а теперь был вынужден сидеть на запаренном коне и ждать, когда к воротам притащится колесница волшебника. Потом стражники рассыпались в извинениях, но Вакар даже не взглянул на них. Наконец принц хлестнул коня поводьями и въехал в замок. Из дворян ему первым встретился камергер.

— Где все? Где отец и брат?

— Король хворает, а принц Курос повел армию к заливу Корт.

Вакар немедленно отправился в покои отца. Король Забутир лежал на кровати в окружении слуг и дворян, лица их казались вырубленными из камня. Вакар протолкался между ними.

— Здравствуй, отец.

Устремив на сына взор запавших глаз, король произнес слабым голосом:

— Вакар, мой милый мальчик, ты вернулся... Давненько я тебя не видел.

Вакар обвел взглядом столпившихся в комнате людей. Казалось, что они смотрят на него с жалостью.

— Сынок, откуда у тебя шрам на лице?

— Порезался при бритье.

Тут вошел Рин и тронул Вакара за локоть.

— Вот уже месяц, как он тает у нас на глазах. В последнее время редко приходит в себя.

— Я останусь с ним и дождусь, когда он поправится или умрет.

— Неизвестно, когда это произойдет — сегодня или через несколько месяцев. Наша армия отправилась на войну с Горгонами, и мы должны сейчас же последовать за ней к заливу Корт. Если нам повезет, он доживет до нашего возвращения.

— Может, мне следует задержаться, чтобы принести жертву Лиру и Окме, которые уберегли меня от стольких опасностей?

— Это не к спеху. Они так долго ждали, что потерпят еще несколько дней.

Вакар отправился в свои покои. Он был потрясен до глубины души, увидев отца, быть может, на смертном одре, хоть и никогда не питал нежной любви к Забутиру Нерешительному.

Принц надел броню из позолоченных бронзовых пластинок, один из своих лучших шлемов (но не из чистого золота — слишком мягкий металл не спасет в бою) и взял бронзовый щит, такой же точно, как тот, с которым отправился на поиски «того, не знаю что». Прихватил он и меч из звездного металла. В редкие свободные часы он наточил этот клинок до остроты бритвы. Затем они с Рином поехали к заливу Корт, где ожидалось прибытие флота горгон.

* * *

За четыре дня они добрались до гряды холмов, окружающих залив, въехали по дороге на гребень и посмотрели вниз. Там простиралась водная гладь и полумесяц косы. С моря дул холодный осенний ветер. На переднем плане раскинулся лагерь лорсков.

— Очки Лира! — вскричал Вакар.

Флот горгон растянулся вдоль берега на многие мили. Сотни больших и малых судов с убранными парусами сушили весла, уткнувшись в песок форштевнями. Армия горгон высадилась и образовала огромный прямоугольник. Воины стояли ровными шеренгами, прикрывались большими щитами из дерева и кожи, на их головах сияли совершенно одинаковые шлемы. Группы лучников прикрывали с флангов каждую ошестиненную копьями фалангу; над отрядами на золоченых перекладинах полоскались штандарты.

Ближе к холмам, примерно в полумиле от боевых порядков горгон, расположилась армия Лорска — разрозненные бесформенные толпы. Каждый отряд представлял собой свиту какого-нибудь аристократа или вождя.

— Проклятый дурак! — прохрипел Рин. — Он сказал мне, что нападет, пока горгоны будут высаживаться. План был недурен, но, видать, что-то пошло не так, и ему не удалось застать горгон с мокрыми килтами. Скорее всего, Курос отступил в холмы, чтобы заманить наших врагов в засаду и разбить атаками конницы, которой они могут противопоставить только пехоту. Но на равнине наши галантные кавалеры живо угодят в горгонские жернова.

— У нас преимущество в числе.

— Глупец, это ничего не меняет...

— А что, если мой брат нарочно все подстроил? — Вакар передал Рину слова умирающего Сола.

— О боги! Почему ты не рассказал мне сразу?

— Сначала не успел — очень торопился покинуть Мнесет, а потом столько всего произошло... Напрочь вылетело из головы.

Рин пробормотал что-то о закате династии и сборище недомков, а затем предложил:

— Поехали, повоюем.

— На дорогу уйдет целый час. — Вакар направил коня вниз по склону. Колесница Рина загромычала следом.

По пути Вакар наблюдал за ходом битвы — сражение разыгрывалось как на ладони. Пронзительно ревели лорские рога, легкие колесницы наскакивали на горгон, разворачивались в нескольких футах от первой шеренги и откатывались. С колесниц в неприятеля летели стрелы и дротики. Несколько таких стычек разгорелось на флангах горгон, но лучники отогнали колесницы стрелами с костяными наконечниками.

Всадники галопом мчались к судам, стоящим на кромке прибоа в тылу горгонской армии. Когда они приближались к полосе прибоа, суда отходили дальше в море. Вакар видел, как лорски захватили одно из них у самого берега. В солнечном свете замельтешили крошечные силуэты, засверкало оружие, а затем над галерой поднялся дым — лорскам удалось ее поджечь.

Лорским рогам вторили гнусавые горгонские трубы. Вакар заметил, как по горгонскому строю прошла рябь и фаланги начали приближаться. Лорские колесницы и всадники протиснулись назад, в тыл своей собственной армии через брешь, образовав-

шуюся в ее рядах. Теперь в бой ринулись рослые лорские пехотинцы в килтах и под знаменами из бизоньих шкур. Они кричали и размахивали оружием.

Затем Вакар выехал на равнину, и панорама битвы сразу сократилась. За спинами лорсков, стоящих в тылу, и клубами дыма он видел лишь темное продолговатое пятно на горизонте.

— Я задержусь здесь,— крикнул Рин,— поколдую, а ты поезжай вперед и посмотри, что можно сделать.

Вакар обогнул лорский лагерь, не обращая внимания на доносящиеся оттуда неразборчивые крики. Рев сражения все нарастал, и вскоре Вакар уже различал отдельные вопли в самой гуще битвы. Лорская кавалерия и колесницы стояли в ожидании приказов. Приблизившись, Вакар разглядел лица бегущих пехотинцев. Почему они бегут в его сторону? Неужели битва уже проиграна?

Один из пехотинцев проскочил между всадниками и колесницами и бросился к холмам. За ним последовали еще несколько, и вот уже сотни безоружных лорсков неслись мимо Вакара. Обгоняя пехоту, мчались конница и колесницы. Мельком Вакар заметил своего брата Куроса, бегущего вместе с остальными. Должно быть, Курос, соблюдая тайный договор с королем Целуудом, одним из первых покинул поле боя, зная, что лорски тотчас последуют его примеру. Таким образом он выполнял свой секретный договор с королем Целуудом.

Вакар поймал за грудки какого-то пехотинца, встряхнул изо всех сил.

— Что случилось? — заревел Вакар в лицо перепуганному воину.

— Магия,— просипел тот.— Перед их войсками сидят существа, похожие на огромных ящериц. Когда наши к ним приближаются, они шипят, и люди падают, будто молнией пораженные. Отпусти меня, ведь я всего лишь простой смертный и не могу тягаться с волшебством.

Вакар отпустил воина, и тот бросился наутек. Принц чуть не плакал от ярости: мимо него проносился весь цвет лорской армии. Никогда еще на памяти человеческой гордые лорски не терпели такого позорного поражения. За ними гнались горгоны в сверкающих кирасах, над их головами развевались штандарты с изображением осьминога. Большинство горгон побросало тяжелые щиты из дерева и бычьей кожи, чтобы преследовать врага налегке. Их четкий прямоугольный строй нарушился, горгоны

неслись вперед плотной бесформенной толпой. Со своей возвышенности Вакар видел в тылу горгонской армии застывшие тела — тысячи лорсков неподвижно лежали в траве справа от него. Во главе горгон катила единственная колесница, на ней стоял король Целууд.

Вакар вытащил меч и направил коня к бреши во вражеском войске. Один или два горгона двинулись в сторону Вакара, но тот смерчем пронесся мимо них и врезался в самую гущу врага. Перед Вакаром возник горгонский шлем с плюмажем, воин замахнулся боевым топором, но ударить не успел — лорский принц вонзил меч ему в лицо. Прорвавшись через неприятельскую цепь, Вакар осадил коня и оглянулся на холмы. Теперь он видел спины горгон, все еще бегущих за лорсками под хриплые крики командиров. Никому не было дела до одинокого всадника; если кто и заметил его, предположил, наверное, что у него взбесился и понес конь.

Между Вакаром и морем в неестественных позах лежали многочисленные жертвы медузоголовых — они застыли словно статуи, повергнутые с пьедесталов. Все они были обращены головой к морю — видимо, паралич сковал их на бегу, и они падали ничком.

Возле павших лорсков он увидел тех, кого искал — медузоголовых с их хозяевами, жрецами Энтигты. Человекообразных ящериц было девять, каждая — на поводке. В начале битвы жрецы шли на одинаковом расстоянии друг от друга вдоль всей линии фронта, но теперь, сделав свое дело, собирались в нескольких сотнях футов от Вакара. Шестеро уже стояли вместе, еще трое брели к ним.

Вакар пришпорил коня и галопом понесся к ближайшему жрецу. Но врасплох не застиг — горгон услышал за спиной стук копыт и оглянулся. При виде Вакара жрец бросил несколько слов медузоголовым, те открыли клювы и зашипели.

Конь заржал, и Вакар почувствовал, как дрожь пробежала по его телу, но лишь крепче сжал волшебный меч, предохраняющий от магии. На скаку Вакар ударил медузоголового наотмашь. Чешуйчатый череп хрустнул под клинком. Оглянувшись, он увидел, что тварь корчится в пыли.

Вскоре принц добрался до второй медузы, широко размахнулся и с оттяжкой рубанул по змеиной шее. Голова твари закувыркалась в воздухе.

Он миновал кучку жрецов и направился напрямиком к медузоголовому, что находился поодаль. Удар не достиг цели, принц лишь отрубил твари ухо. Тогда Вакар повернул коня назад, и на этот раз голова чудовища слетела с плеч.

— Принц Вакар! — вскричал жрец.

Вакар узнал Квазигана, но сейчас у него не было времени сводить счеты с обычными людьми. Он помчался к группе жрецов, которые в ужасе смотрели на одинокого воина. Лишь в последний миг до них дошел смысл его действий, они поспешно образовали кольцо вокруг медузоголовых и вытащили из-за поясов ножи, видимо собираясь защитить тварей ценой собственной жизни. Вакар ринулся в атаку. Раздались вопли людей и медузоголовых, под копытами коня Вакара захрустели кости. Меч принца мелькал, сокрушая бритые макушки и чешуйчатые черепа. Наконец лорск пробился через круг и повернулся, чтобы атаковать снова. Кровь ручьем лилась с меча; размахивая им, принц выкрикивал что-то неразборчивое. Внезапно его ногу пронзила острая боль — один из ножей жрецов добрался-таки до цели. Но, невзирая ни на что, Вакар рубил и колол, рубил и колол...

За последним уцелевшим медузоголовым Вакар помчался во весь опор. Рептилия скакала, по-кроличьи подбрасывая зад, золотая цепь от ошейника волочилась и прыгала следом. Вакар настиг разумную ящерицу, выпустил ей кишки и оставил корчиться на траве.

Четверо жрецов, в том числе и Квазиган, устремились к кораблю, подобрав полы длинной одежды, чтобы легче было бежать.

Армия горгон все еще преследовала лорсков. Вакар вспомнил, что дорога к перевалу лежит в узкой балке — противник непременно устроит там кровавое побоище. И тут Вакару пришла в голову мысль оживить заколдованных лорсков, которых горгоны не успели связать или убить.

Он помчался по берегу, вдоль шеренги кораблей. Горгоны что-то вопили, указывая на Вакара, но напасть не решались, потому что большей частью это были всего лишь безоружные слуги. Проезжая вдоль рядов поверженных воинов, Вакар свесился с коня; одной рукой он держался за гриву, а другой бил лорсков плашмя мечом по лицам и рукам. Его соотечественники сбрасывали магические оковы и поднимались на ноги, а он кричал:

— Вставай! Стройся! Поднимай оружие!

Казалось, этому не будет конца. То и дело Вакару приходилось поворачивать назад, чтобы исправлять промахи. Воинов было несколько сотен, и он устал, как в битве, но толпа оживших воинов быстро росла. За неимением другого предводителя они повиновались ему. Горгоны, встревоженные воскрешением лорской армии, отчаливали от берега.

Шло время... У Вакара болела рука, но оставалось лишь несколько десятков тел. Он торопился, уже не боясь случайно отрезать нос или ухо. Наконец все до единого воины поднялись на ноги. Тогда Вакар выехал вперед, взмахнул мечом и скомандовал:

— Стройся в ряд! Вперед, за мной! С колдовством горгон покончено. Мы нападём на них с тыла и сотрем с лица земли!

Высокие, мускулистые бородачи отмеряли твердыми шагами милю за милей, пока не подошли к краю прибрежной равнины. Взору Вакара открылась безрадостная картина. Многие горгоны прекратили преследование, чтобы ограбить стан лорсков. Они забавлялись тем, что избивали поваров и маркитантов, насиловали женщин. Остальные горгоны преследовали беглецов, набившихся в балку, и расправлялись с ними копьями и мечами. Лорски перемешались в толпе со своими преследователями, бойня была страшная. Лишь теснота балки отчасти сдерживала натиск врага.

Когда Вакар со своим войском приблизился к врагу с тыла, горгонские командиры засуетились, разворачивая своих воинов лицом к атакующим. Вакар, на глаз определив расстояние, крикнул:

— Бей их!

Лорски пошли вперед, а потом побежали, спотыкаясь о трупы. Они с ревом пронеслись через лагерь, уничтожив всех мародеров. А потом шеренги лорсков сошлись с врагом. С громким треском ломались копья и алебарды, лязгала бронза, падали люди.

Лорски, зажатые в ущелье, только что в панике убежавшие от горгон, приободрились. Они подобрали с земли брошенное оружие и тоже ввязались в битву. Большинство горгон оставили щиты на берегу; слишком поздно они сообразили, что угодили в ловушку. Над их войском разносились возгласы отчаяния. В самой гуще боя Вакар без разбора бил по горгонским шлемам с плюмажами. Наконечник копья оставил вторую рану на ноге принца, меч какого-то горгона вонзился в грудь уже истекающего кровью коня. Скакун пронзительно заржал и испустил дух, но, стиснутый множеством тел, не упал, а постепенно осел на землю. Вакар пытался выбраться из гущи битвы, но был повален и похоронен под грудой трупов.

Весь помятый, покрытый шрамами, измазанный своей и чужой кровью, он выполз из-под кучи раненых и мертвых и обнаружил, что армия горгон раздроблена на несколько маленьких групп и обречена на поражение. Посреди побоища возвышалась колесница Целууда. Кони лежали замертво, а король стоял на колеснице и отмахивался от лорсков двуручным мечом. Вакар

попытался пробиться к колеснице, но горгоны, защищая своего короля, сражались, как демоны, пока огромный лорск, возникший за спиной их короля, не схватил его за шею и не стащил вниз. Как только Целууд исчез, горгоны дрогнули. Они побросали оружие и взмолились о пощаде. Но разъяренные лорски безжалостно перебили почти всю свиту Целууда. Вакару удалось спасти лишь несколько врагов. Принц многое хотел узнать у горгон, а мертвецы вряд ли могли ему в этом поспособствовать.

Шум битвы затихал. Большинство лорсков стояли, тяжело дыша и опираясь на древки оружия; некоторые спешили прикончить изувеченных горгон, другие вытаскивали своих раненых соратников из груд мертвецов. Тем, кого спасти было уже невозможно, воины перерезали горло, избавляя от мучений. Земля была сплошь усеяна трупами и отсеченными конечностями. Повсюду валялись шлемы, щиты, мечи, копья, кинжалы, топоры, палицы и алебарды. Посреди этой неразберихи лежали грязные, изорванные боевые знамена. Иные оказались так выпачканы в крови, что с трудом можно было отличить лорского бизона от осьминога горгон.

Земля покраснела от крови. Тучи мух клубились над мертвецами, а в вышине выжидающе кружили грифы.

Вакар Зу спрятал меч из небесного металла, снял рубашку с какого-то мертвеца, разорвал на лоскуты и перевязал свои раны. Затем он отыскал Калеша на забрызганном кровью коне (того самого, кто принес в Лорск весть о хитроумном плане горгон). Вакар поставил Калеша во главе армии и приказал ему захватить все горгонские суда, которые не успели отчалить, и вернуться на равнину этой же ночью. Сам Вакар, позаимствовав у Калеша коня, поехал к Мнесету. На вершине холма он увидел колесницу Рина.

— Ты не против, если я поеду с тобой? — спросил принц у колдуна. — Хочу, чтобы раны на ноге побыстрее зажили.

— Садись, садись.

Вакар спешил и перебрался в колесницу колдуна, после чего Рин развернул свой экипаж и покатил назад, в столицу. Почти все лорски, которых они встречали по пути, считали битву проигранной, — эту страшную весть разнесли по стране первые беглецы.

* * *

На девятый день, когда они достигли Мнесета, моросил дождь. Несколько сот человек брели следом за колесницей. Ворота Мнесета были наглухо заперты — очевидно, город готовился к осаде.

— Эй вы там! — закричал Вакар. — Горгоны разбиты, откройте принцу Вакару!

На стене появился вооруженный человек.

— В чем дело, господин?

— Я говорю, горгоны разбиты. Отворяй!

— Одну минуту, господин.

Воин исчез, но на его месте появились другие воины. Они молча глядели вниз, держа луки и копья.

Вакар начал терять терпение. Тем временем к городу приближались победители — кто пешком, кто верхом на коне или муле. Вскоре целая толпа лорсков собралась полукругом у ворот.

Вакар взорвался:

— Эй, что вы там возитесь? Полно было времени, чтобы отворить.

Его слова остались без ответа; вооруженные люди молча смотрели вниз. Вскоре на стене появился сам Курос.

— Что за небылицы ты плетешь про разбитых горгон?

— Небылицы?! — вскричал Вакар. — Ах ты, трусливая мразь! А ну, спускайся, я тебе покажу небылицы!

— Что?! Да как ты смеешь так разговаривать с королем? Тебе что, жизнь не дорога?

— С королем?! — вскричал Вакар. — Что ты имеешь в виду?

— Только то, что я сказал. Пока тебя не было в столице, наш старик умер, а перед этим назвал меня своим наследником. Он решил, что самое время отказаться от нелепого старого обычая, и теперь престол будет наследовать старший сын!

Вакару понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя, — новости буквально ошеломили его.

— Бред сивой кобылы! — закричал он, вновь обретая дар речи. — Я и гроша ломаного не дам за твое слово, но даже если это правда, король не имеет права переменить наследника без одобрения совета.

— Как бы то ни было, я стал королем, и несколько тысяч воинов могут это подтвердить. Что теперь скажешь?

— Убийца, предатель, узурпатор! — вскричал Вакар, кипя от гнева. — Ты убил Сола, шпиона, который рассказал мне, что ты продал Лорск горгонскому королю. Ты пытался погубить свою собственную армию в Кортте, сбежав с поля боя, когда сражение едва началось. Теперь ты захватил трон, и при этом наверняка отправил нашего бедного отца раньше времени на тот свет. Что ты с ним сделал? Задушил подушкой? А ну, мерзавец, выходи

сюда с мечом! Мы сейчас же решим вопрос о праве наследования! Один на один, по-мужски!

— По-твоему, я похож на дурака? — С этими словами Курос выхватил лук у стоящего рядом воина, наложил стрелу и выпустил ее в Вакара. Тот пригнулся в седле, стрела пронеслась в считанных дюймах от него и пронзила ногу одного из зевак. Раздался крик, толпа рассыпалась, раненый со стрелой в ноге заковылял следом за своими товарищами. Когда Курос потянулся за второй стрелой. Вакар хлестнул коня плетью, развернул колесницу и, рыча, отъехал подальше.

— Я соберу остатки армии и захвачу город, а потом повешу предателя на городских воротах, и он будет висеть, пока не сгниет!

Рин отрицательно покачал головой, поглаживая козлиную бороду.

— Это дело непростое. Горожанам безразлично, кто из вас победит.

Вакар привалился к борту колесницы, хмуρο уставился в пустоту. Воины победоносной армии стояли небольшими группами, переводя взгляд с одного брата на другого. Курос замер на стене с луком в руках. Тетиву он пока не натягивал, ожидая от Вакара каких-нибудь действий. Рин тихо добавил:

— Сейчас нужно решить, чего ты хочешь на самом деле.

Вакар засмеялся и расправил плечи.

— Теперь я понимаю, что имела в виду Чарсела и Ретилио, когда говорил о необходимости выбора. Воистину, человеку мало одной жизни, чтобы осуществить все свои мечты. Стоит ли драться с этим олухом ради ветхого замка и власти над толпой неотесанной деревенщины? В Огуджии меня ожидает куда более приятная доля.

— А ведь и правда...

— Я не завоеватель, а просто добрый малый, и хочу только одного: чтобы меня оставили в покое и позволили заниматься философией. Попрощайся от моего имени с Били и одолжи мне на дорогу торгового металла. Я возвращаюсь в Седерадо.

Вакар наполнил суму металлом и уселся на коня Калеша — раны на ноге уже не кровоточили. Громким голосом он обратился к своим воинам и людям на стене:

— Вы все — свидетели того, что здесь случилось. Возможно, многие из вас недоумевают, почему я не желаю драться с братом. Отвечаю: по двум причинам. Во-первых, я не так дорожу королевским титулом, как он, а во-вторых, наша земля достаточно пострадала в последнее время, чтобы терзать ее еще и граждан-

ской войной. Я отправляюсь в изгнание, не претендуя на трон. Со временем вам, конечно, надоест тирания убийцы и предателя... И я надеюсь, что при необходимости вы сумеете постоять за себя. Прощайте!

Вакар помахал лорскам рукой, с ухмылкой кивнул Куросу и галопом помчался в сторону Лезотра, распевая на скаку:

Вот к реке поскакал Врир, великий герой,
Занскрилось в лучах серебро его лат...

* * *

В зале заседаний боги дружно набросились на Дракса.

— Глупец, почему ты не сказал, что на самом деле зловеющая угроза исходит из Тартара, а Вакар из Лорска — всего лишь пустяковое звено в цепи случайностей?

Дракс смущенно извивался.

— О, бессмертные! Прошу вас, не волнуйтесь, я и сам этого не знал. Но, возможно, еще не все потеряно. Если мы потопим западные земли, то под водой исчезнет не только Посейдонис, но и Тартар.

— Какая разница, что послужит причиной гибели богов: распространение звездного металла или исчезновение наших почитателей?! — завопил Лир. — Давайте оставим смертных в покое. Если бы мы не позволили Энтигте расшевелить горгон, Тахах так и остался бы куском небесного железа, безвредной диковинкой в руках Авоккаса из Белема.

— Несомненно, все было предопределено изначально, — молвил Окме.

С этой точкой зрения согласились далеко не все — примат свободы выбора над предопределенностью всегда был главным козырем богов. Разгорелся бурный спор, в ходе которого Астерио, быкоглавый лесной бог Огуджи, невежливо выкручивал Энтигте щупальца...

А счастливый Вакар из Лорска торопился в Амфере, чтобы успеть на последний в этом году корабль отправляющийся в Седерадо.

Стрелы Геркулеса

*Посвящается Айзеку Азимову и Бобу Хайнлайну —
в память о проведенных вместе днях в Ортугиане.*

КУМЫ

Стояла весна. Со склонов покрытых снегом Апеннинских гор дул порывистый северный ветер, пригибая к земле похожие на зонты кроны сосен и раскачивая стройные кипарисы. Он с ревом носился по темно-зеленой Кампанской долине, подсушивая темную густую грязь на полях вокруг деревень и играя на поверхности небесно-голубых луж, оставшихся после последнего дождя.

Ветер устремился к Флегреанским полям — загадочному и легендарному краю остроконечных вулканических кратеров, жаркой весны, дышащих серой озер и таинственных пещер. Как поговаривали, они вели в потусторонний мир. Он шевелил густыми, крепкими и мрачными ветвями дубов, разросшихся вокруг крепости Кумы, хлопал полами шерстяных одежд людей, столпившихся перед входом в пещеру прорицательницы на выходящем к морю склоне холма. Играл краями алой мантии кампанского вельможи, выбеленной тоги римского всадника¹, белых плащей горожан и коричневых — воинов и рабочих, теребил изношенные блузы дрожащих рабов.

Ветер вспенивал Тирренское море у подножья холма, и волны сверкали в лучах возрожденного солнца подобно мечам далекой битвы. А в небесной выси уплывали на юг тяжелые, закрывавшие в течение последней декады² небо свинцовые тучи, открывая яркую голубизну с редкими снежно-белыми завитками облаков.

---

¹ Всадники — второе по знатности (после сенаторов) сословие в древнем Риме.

² Декада — десятидневная неделя у древних греков и римлян.

В это утро, десятого элафеболиона¹, в первый год девяносто пятой Олимпиады, когда Лахет был архонтом² Афин³, на южной дороге, идущей вдоль берега, показался человек. Незнакомец бежал, с трудом переводя дыхание. Увидев акрополь Кум, он замедлил бег и оглянулся на дорогу. Преследователей не было видно.

Высоко над его головой, ни о чем не подозревая, сгрудилась толпа паломников, завернувшихся в плащи под порывами ветра. Жрецы вывели из пещеры двух смуглых крючконосых финикийцев в длинных одеждах, с серьгами в ушах и надетыми на кудрявые головы коническими шапками. Финикийцы пошли прочь, переговариваясь между собой на гортанном языке. Люди, стоявшие у входа, размахивали руками и щелкали пальцами. Раздавались крики:

— Следующий!

— Моя очередь!

— Выберите меня, о жрец! Я хорошо заплачу богу!

Шум не прекращался до тех пор, пока жрец не выбрал троих тарентийцев. Первый — сутулый почтенный старец с венком жидких седых волос. Двое других, молодые, были одеты в плащи с капюшонами и высокие фракийские сапоги. Один из них был низкорослым и крепким, с мягкими и округлыми чертами лица. Другой — высоким, костлявым, узловатым и угловатым. Из-под нависших кривых бровей глядели глубоко посаженные глаза. Снизу их очерчивали широкие скулы. Выдающийся нос, похожий на кривой нож, рассекал его лицо надвое, а курчавая каштановая борода, закрывающая щеки и подбородок, была не в силах скрыть резких углов его массивной челюсти.

Повинуясь жесту жреца, трое вышли вперед. Пожилой передвигался медленно, каждый шаг причинял ему боль. По одну его руку подпрыгивающей походкой шел низкорослый крепыш, по другую неуклюже шаркал высокий.

— Клянусь богами и духами, я прождал достаточно долго! В конце-то концов, я — Гавий Требатий! — на оскском языке⁴ вскричал кампанский вельможа.

¹ Элафеболион — месяц древнегреческого календаря, приблизительно соответствует марту-апрелю.

² Архонт — высшее должностное лицо в древнегреческих государствах.

³ 400 г. до н. э.

⁴ Оскский язык — язык древнеиталийского племени осков.

— Все в свое время, господин,— со спокойной улыбкой ответил ему жрец.

— Тем не менее, человек моего положения не должен пропускать вперед грязных чужеземцев.

— Послушайте, достопочтенный, вряд ли можно спорить о превосходстве с архонтом Тарента!

— Самый почтенный гражданин...

Собеседники, понизив голос, продолжали бросать в лицо друг другу аргументы, сопровождая их нетерпеливыми и гневными жестами.

Трое избранных жрецом паломников в нерешительности стояли на месте. Рядом с высоким молодым тарентийцем стоял гигантского роста кельт, облаченный в тунику и клетчатые штаны, разлинованные кричаще яркими желтыми, красными и зелеными полосами.

— Послушай, почтенный, жрец прекрасно выразился! Я не ослышался, ты действительно говорил, что этот старик — царь? — улыбаясь в пышные бронзовые усы, поинтересовался он на ломаном греческом.

— Не совсем так. Титул царский, но в нашем городе архонт выполняет лишь обязанности жреца, а отнюдь не политика¹.

— Иными словами, этот несчастный не в состоянии заполнить голову того, кто, по его мнению, без нее был бы симпатичнее? — фыркнул кельт.— И это вы называете цивилизацией...

С хмурым видом Требатий, завернувшись в алый плащ, вернулся к толпе.

— Можете идти, друзья,— елейным голосом произнес жрец.

— Проснись, Зопирион,— воскликнул старший из тарентийцев.— Или ты снова занят расчетами?

Высокий юноша застенчиво улыбнулся.

— Я подсчитывал, во сколько оболов² обойдется нашей казне каждое слово пророчицы Сивиллы.

— Иди, давай, негодный зубоскал!

Все трое степенно проследовали за жрецом ко входу в тоннель, высеченный в скалистом склоне холма. У входа, выпростав руку, стоял еще один жрец. Пошарив в заплечной сумке, архонт достал оттуда мешочек из тонкой кожи, который со звоном опустился в протянутую ладонь.

Речь идет о так называемом архонте-басилее (царе), который ведал делами религии.

² Обол — мелкая монета из серебра или меди у древних греков.

Первый жрец повел их внутрь тоннеля. Перешагивая порог, Зопирион споткнулся. Жрец и его спутники нахмурились, видя в этом дурное предзнаменование, но Зопирион быстро поправился и, как ни в чем ни бывало, двинулся дальше.

Тоннель был шестнадцати футов в высоту¹, длиной несколько плетров² и весьма необычной формы. В нижней трети его поперечное сечение было почти квадратным, тогда как в верхней части стены наклонялись друг к другу. Вместе с узкой полоской потолка они образовывали трапецию. Дневной свет попадал в тоннель из боковых галерей с таким же поперечным сечением. Они были расположены с правой стороны и вели на поверхность холма. Свет чередовался со мраком, рисуя на стенах концентрические шестигранники. Скользя по ним замороженным взглядом, Зопирион увидел на дальнем конце тоннеля пещеру для аудиенций.

Он шел, как зачарованный. Ему казалось, что в геометрии тоннелей, высеченных в скале, скрыт космический смысл. Если бы он мог охватить ее во всей полноте... «Объем трапециевидальной призмы,— думал он,— должен быть... посмотрим... длина, помноженная на высоту, помноженная на половину суммы длин оснований...»

Медленным шагом они подошли к пещере для аудиенций. Их взорам предстала большая, погруженная во мрак, прямоугольная комната. Ее освещал одинокий луч света, пробивающийся сквозь отверстие в потолке и падающий на каменную стену. Слева от нее в скале были высечены помещения, в которых жила пророчица.

В центре пещеры на дубовом троне, покрытом удивительной резьбой, сидела пожилая женщина — крупная, крепкого телосложения, она была закутана в темное шерстяное покрывало. На разбросанных по плечам прядях седых волос играли отблески отраженного от стены света. В воздухе стоял тяжелый аромат благовоний.

Около трона стоял еще третий жрец. В сумраке пещеры жрецы перемолвились между собой несколькими словами. Затем тот, что стоял у трона, произнес:

— О, Сивилла, архонт Тарента просит совета для своего города.

Сердце успело пробить сто ударов. Женщина сидела, не произнося ни слова и пристально глядя на тарентийцев. Затем пронизательный взгляд подернулся поволокой, веки опустились, дыхание стало прерывистым. Она вздохнула, потом задышала все ча-

---

Фут — мера длины, равная 29,6 см.

² Плетр — древнегреческая мера длины, равная 29,6 м.

ще, все быстрее, и, наконец, наружу вырвались слова. Женщина заговорила громко и резко. Зопириону казалось, что он узнает оскский язык, но речь Сивиллы лилась слишком быстро, чтобы он мог разобрать отдельные слова.

Женщина замолчала.

— Слушайте слово Сивиллы,— произнес стоящий у трона жрец.

Слушай, прекрасный Тарент, Спарты жестокой прислужник,
С юга хранить твой исток будет недремлющий волк.
Только поглотит тебя северный волк — не спасешься

— Сивилла предскажет каждому из вас,— добавил жрец.— Подождите.

Они ждали, слушая, как ветер свистит в световом люке и галереях. Женщина вздохнула, задрожала и заговорила вновь.

— Для архонта,— сказал жрец, когда она закончила.— Сивилла видит этрусскую свечу, сгоревшую почти до основания. Для невысокого юноши. Она видит семь золотых корон. Для высокого юноши. Она видит огромный лук. Это лук самого Геркулеса. Многие пытались согнуть этот лук, но безуспешно. И тогда этот юноша выходит вперед, мощным усилием сгибает лук и подносит к тетиве одну из стрел Геркулеса. Он подносит лук к груди, выпускает стрелу, и она разбивает мир на части. Так блюдо при ударе камнем рассыпается на осколки!

Зопирион раскрыл от удивления рот. Тарентийцы испуганно переглянулись.

— О! — вырвалось у Зопириона.— Я, мирный конструктор, разобью мир на части? — Он повернулся к жрецу.— Горе мне! А не могла бы Сивилла пояснить?

— Сивилла никогда не дает объяснений,— ответил жрец.— Говорит не она. Дальноразящий говорит через нее. Сребролукий¹ дает возможность заглянуть по ту сторону таинственной вуали времени и пространства, но мы сами должны делать выводы из того, что увидели.

— Пройдем, дети мои,— пригласил жрец, приведший их сюда.

— Мне кажется, что смысл пророчества заключается в том, что мы должны объединиться с Дионисием Сиракузским²,— на

---

¹ Дальноразящий, сребролукий — эпитеты Аполлона.

² Дионисий Сиракузский — тиран сицилийского города Сиракузы (ок. 430–367 гг. до н.э.)

обратном пути по тоннелю проговорил архонт.— «Мул» намекает на историю с парфениями, нашими праотцами-полукровками, которые появились на свет от женщин Спарты и рабов, когда мужчины Спарты были на войне. Но кто может быть Волком с Севера? Кампанцы? Или племена кельтов, которые каждый год несметными бушующими полчищами спускаются с Альп?

— Им может оказаться любая из северных держав,— заметил низкорослый.— В конце концов, пусть Совет делает выводы из этого предсказания. Но каково ваше мнение о пророчествах, сделанных лично нам?

— Клянусь Герой, не нужно быть провидцем, чтобы дать объяснение сгоревшей свече,— сухо произнес архонт.— Смысл предсказания прост: мне не стоит строить планов на двадцать лет вперед. Мои старые кости и без того постоянно скрипят мне об этом. А что касается семи золотых корон, сынок Архит,— она всего лишь повторила то, о чем я не раз говорил тебе: человек, у которого язык подвешен с обоих концов, как у тебя, много теряет, если не займется политикой. Ну, а Зопирион — надо же, разрушитель мира?! Что ты думаешь по этому поводу?

— Даже не знаю, что и думать,— ответил Зопирион.— Боги свидетели, я не... Геркулес,— Зопирион поморщился как от боли, настолько ему резало ухо имя великого Геракла, произнесенное на италийский манер.— Пифагорейцам свойственно не причинять вреда своим ближним...

Они подошли к концу тоннеля. Как только путники миновали ворота, мимо них промелькнул ярко-алый плащ Требатия. После полумрака пещеры яркий дневной свет слепил глаза. Зопирион, прищуриваясь на солнце, смотрел на север со склона холма, на котором толпились люди. Его взгляд скользил по извилистой береговой линии, заросшим тростником заводям Ликолийского озера, темно-зеленой полосе соснового леса, идущей вдоль песчаной косы, которая отделяла озеро от моря. А вдалеке виднелось голубое блюдце Литернийского озера. Впереди, на западе, раскинулось искрящееся море. Слева можно было увидеть заболоченное Археразийское озеро и пестрые холмы Мизенского мыса. Отсюда не были видны ни Флегреанские поля, ни Кампанская долина, ни далекие Апеннины — их загораживал холм, на котором стоял акрополь.

Кельт дружелюбно улыбнулся Зопириону.

— Не открыла ли тебе эта мудрая женщина секрет, как превратить море в золото или жениться на дочери Великого Царя?

— Не совсем так, но о многом стоит подумать.

— Надеюсь, она послала тебе удачу. Не могу дождаться, когда услышу предсказание своей судьбы. Вельможа в красном плаще уже там. Судя по всему, когда жрецы все-таки снизойдут до простого народа, будет уже поздно, и мне вряд ли придется услышать сегодня предсказание Сивиллы. Ого! Что это?

Топот сандалий заставил их повернуть головы. Человек, бегущий по тропе, спотыкаясь и тяжело дыша, наконец, достиг собравшихся на холме людей.

— П-пираты! Этрусские пираты! — с трудом выдохнул он.

На мгновение наступила полная тишина, которая почти сразу взорвалась громкими криками:

— О-го-го! Пираты!

— Ой-ей-ей! Защитите нас, боги!

— Бегите, спасайте свои жизни!

Толпа пришла в движение и рассыпалась, как муравейник, который разворошили палкой. Те, кто стоял ближе к тропе, бросились спускаться по ней к площадке, на которой были привязаны вьючные животные.

— Вот чума! Нам нельзя это допустить, — произнес архонт Тарента. — Люди в беспорядке — каждый сам по себе — бросаются в Кумы. В этом случае нам, оказавшимся в конце процессии, морские разбойники перережут горло. Остановите их, парни!

— Попробую, — ответил Архит. Он пробрался сквозь бурлящую, шумно жестикулирующую толпу к началу тропы и раскинул руки, преграждая ей дорогу.

— Зачем вы бежите? — закричал он. — Вы граждане или трусы, в жилах которых течет грязь, а не кровь?

— Я трус, — ответил неаполитанец в голубом украшенном вышивкой плаще. — Убирайся с дороги, собачья морда!

Мужчина положил руку на рукоять ножа. Зопирион, встав плечом к плечу с Архитом, достал свой нож.

— Если ты так отважен, что угрожаешь мне, значит, у тебя хватит смелости сразиться с разбойниками!

— Но я безоружен! — закричал неаполитанец, срываясь на визг.

— У тебя кинжал и плащ, не так ли? Может быть, разбойников не так уж и много. Эй, ты! — обратился Архит к юноше, который, обойдя преграду, начал спускаться прямо по скале. — Сколько их там?

— Не знаю. Может быть, тридцать.

— С какой стороны они идут?

— От Ликолийского озера по дороге вдоль побережья. И сойди с моей руки, черт тебя возьми!

— Мы справимся! — закричал Архит. — Считаю охрану храма, нас не меньше! Опасность? Но разве невозможно ее преодолеть?

— Ты сошел с ума! Пропусти нас! — продолжала бушевать толпа. — Там закаленные бойцы, а мы лишь мирные жители!

Все больше людей спускалось прямо по склону, минуя тропу. До Зопириона донесся стук копыт — это первые из беглецов, добравшись до своих мулов, пустились вскачь по дороге, идущей вдоль берега на юг.

Но в этот момент неожиданно для тарентийцев к ним на помощь пришел римский всадник.

— Эти ребята совершенно правы, к стыду остальных! — пробиваясь сквозь толпу, громко кричал он. — У меня в багаже есть меч. Кто встанет рядом со мной?

Это был прямой, молчаливый человек, лишь недавно достигший среднего возраста. Он держал себя с благородством и чувством собственного достоинства. Зопирион с трудом понимал язык, на котором он говорил: слишком сильно он отличался от местного оскского.

— Ты хочешь сказать, что это сражение — не твое личное дело, — спросил кельт. — Каждый может присоединиться?

— Именно так, именно так. У тебя есть оружие?

— Конечно, есть, и я покажу вам, как мы, северяне, срубаем головы с плеч. К оружию!

С криком, от которого кровь застывала в жилах, кельт бросился вниз по тропе. Остальные последовали за ним.

Толпа рассеялась по скалистой площадке, люди тщательно перебирали вещи в поисках щитов и оружия, перетряхивали сумки, ощупывали одежду, отдавали приказы слугам. Зопирион и Архит сбросили плащи, оставшись в хитонах или греческих туниках — доходящих до колен шерстяных рубашках с короткими рукавами, — подпоясанных ремнем. Тарентийцы помогли друг другу пристегнуть кожаные латы, отделанные бронзовыми заклепками, пристегнули короткие мечи, вооружились привезенными из Тарента копьями и щитами.

— Кто будет командовать? — закричал кто-то.

— Я трибун кавалерии, участвовал в битве при Вейенте, — ответил римлянин. — Есть кто-либо выше меня по званию? Нет таких? Отлично. Итак, где лучшее место для засады?

— Дорога проходит под крутым обрывом, расположенным в нескольких плетрах севернее, — сказал трепещущий юноша, принесший печальное известие.

Кельт сбросил тунику и надел поперек волосатой груди перевязь, к которой был пристегнут внушительных размеров меч. Длинные волосы прикрывал бронзовый шлем, украшенный сверху небольшим колесиком. В левой руке он держал огромный деревянный щит, усиленный по центру выпуклой бронзовой накладкой.

— Эта прелестная вещичка — твоя? — обратился он к римлянину, указывая на колесницу.

— Нет, полагаю, она принадлежит Требатию.

— Тому парню в красном плаще? Мне кажется, если я внезапно появлюсь из-за поворота и на полном ходу направлю ее в толпу пиратов, получится забавный переполох.

— Требатию это вряд ли понравится.

— Какая разница? Сейчас он в пещере у мудрой женщины, занят решением вопроса, будет ли его следующий отпрыск мальчиком, девочкой или розовым поросенком.

Кельт оттолкнул охраняющего колесницу раба и принялся отвязывать двух белых сопротивляющихся жеребцов. Кони, вращая глазами, испуганно таращились на него.

— Только дайте сигнал, дорогой римлянин, и вы получите такое удовольствие, как будто в толпу врагов врезались все царские колесницы персов.

— И пусть Требатий катится в тартарары. Приготовься, — передавая тогу рабу, ответил римлянин. Он остался стоять в одной тунике. На ней были видны узкие алые полоски — знаки отличия всадника. На правом боку воина висел широкий меч, в руках был щит. — Кто еще не готов? Именем богов, поторопитесь!..

Дорога вилась вдоль скалистого берега, в нескольких локтях¹ над волнами. С южной стороны по ней быстрым шагом, то и дело переходящим на бег, приближалась группа из тридцати четырех человек (именно столько насчитал Зопирион). Это были загорелые, иссеченные шрамами, свирепого вида мужчины. У многих недоставало либо глаза, либо уха. Их одеяние было весьма разнообразным: некоторые были облачены в явно украденные пыш-

---

¹ Локоть — мера длины, равная 44,4 см.

ные одежды изумительных расцветок, на других были короткие этрусские блузы, даже не прикрывающие гениталии. Золото и серебро сверкало в лучах утреннего солнца. Драгоценные камни на перстнях, браслетах и ожерельях вспыхивали и мерцали, оттеняя грязную кожу. У каждого было копьё — либо тяжелая пика, предназначенная для колющих ударов, либо легкий дротик — и щит. На перевязях и ремнях болтались мечи. Примерно полдюжины были в шлемах, нахлобученных на нечесанные волосы; остальные шли с непокрытыми головами или в круглых матросских шапках. Только трое были в кирасах.

Припав к земле и сдерживая дыхание, чтобы не проронить ни слова, Зопирион не решался даже приподнять голову и взглянуть в сторону врага. Сердце громко стучало от возбуждения: римский всадник ясно предупредил, что ударит копьём в спину каждого, кто вымолвит хоть одно слово.

Сквозь свист ветра и шум волн теперь явственно доносились лязг и стук: пираты приближались. Мечи бряцали в ножнах, а копьё стучали о щиты. Уже были слышны топот множества ног, обутого в сандалии, тяжелое дыхание, раздавались негромкая брань и возгласы недовольства на грубом, рокочущем непонятном языке. Зопирион пытался на слух определить число приближающихся врагов.

Боковым зрением Зопирион увидел, как римлянин махнул рукой. И одновременно с этим раздался удар хлыста и грохот колесницы. Кто-то из пиратов, все еще находящихся за пределами видимости, громко закричал. Цокот копыт звучал все громче.

— Камни! — скомандовал римлянин.

Зопирион вскочил на ноги и обеими руками схватил камень весом в десять фунтов¹. Подняв камень над головой, он бросил его прямо в толпу бегущих в беспорядке пиратов. Люди справа и слева от него делали то же самое. Зопирион нагнулся за вторым камнем, и в это время золоченая колесница Требатия, запряженная пущенными в карьер белыми жеребцами, слегка накренившись, со свистом понеслась по дороге. Кельт издавал леденящие душу крики, бешено вращал глазами и скалил зубы. Колесница с грохотом неслась прямо на пиратов.

— В атаку! — раздался пронзительный крик римлянина. Четыре воина из охраны храма, с трудом передвигаясь в своем полном облачении — доспехах из полированной бронзы, — начали спускаться вниз по склону.

---

¹ Фунт — мера веса, равная 327,5 г.

Зопирион бросил второй камень, поднял с земли щит с копьем и бросился к берегу. По обе стороны от него бежали люди, некоторые вместо щитов использовали скатанные плащи. Все, повинувшись команде римлянина, кричали что есть мочи. Несмотря на то, что некоторые из собравшихся у пещеры Сивиллы успели сбежать, атакующие имели численное превосходство.

В открывшейся его глазам людской мясорубке Зопирион различил человека, лежащего на дороге. Не успел тот подняться, как мимо пронеслась колесница. Наскочив колесами на лежащее на земле тело, она, подпрыгнув, на мгновение зависла в воздухе.

Зопирион оказался в центре схватки, при каждом удобном случае нанося удары, уворачиваясь от ударов копьем, отражая щитом удары меча. Тарентиец почувствовал, как его копье попало в цель. Вдруг перед лицом мелькнул наконечник копья, и он понял, что не успевает вовремя подставить щит. Отшатнувшись назад, он наступил ногой на плохо лежащий камень и неуклюже растянулся на земле. Откатившись в сторону и закрывшись щитом, нащупал копье и вскочил на ноги.

Пиратов около него больше не было.

— В погоню! Не дайте им уйти! — кричал римлянин.

— Эй, ты! — повернулся он к Зопириону. Схватив парня за плечи, он повернул его и мощным движением запустил ошеломленного тарентийца по направлению к северу вдоль по дороге.

Зопирион, споткнувшись о лежащее на земле тело, вскочил на ноги и бросился догонять разрозненную группу преследователей, несущихся вслед за горсткой пиратов. Те, что бежали впереди, настигли одного из беглецов, и Зопирион увидел, как тот рухнул на землю под ударом копья. Остальные пираты резко прибавили шаг и как куропатки бросились врассыпную. Преследователи кинулись было за ними, но вскоре отстали.

Тяжело дыша, почти задыхаясь, Зопирион оперся на копье. Он вдруг заметил, что среди падубов прячутся люди. Пираты, побросав все, что только можно, бежали гораздо быстрее — они спасали свои жизни, — чем их преследователи, которыми двигало возмездие, и вскоре они скрылись из виду.

Зопирион вернулся на поле боя. Участники сражения перевязывали раны. Некоторые срывали с мертвых драгоценности, отрубая пальцы, чтобы было легче снимать кольца. Римлянин хладнокровно вонзил меч в тело раненого пирата, тот корчился от боли и отчаянно голосил. У кельта в одной руке был длинный меч,

а другой он держал за волосы отрубленную голову. С лезвия меча и с головы медленно капала кровь.

— Разве не отличный трофей, что скажешь? — спросил варвар.— Очень жаль, что не могу вернуться домой, чтобы повесить ее в зале. У вас, греков, просто смешные понятия о военных трофеях: вешаете на стену шлем врага, а не голову, которая в нем находилась.

— ...семь, восемь,— считал Зопирион.— Здесь все, с кем мы разделались?

— Некоторые свалились или бросились в море в момент нападения. Не знаю, утонули они или выбрались на берег,— ответил римлянин.

— Это один из наших? — указывая на тело хорошо одетого человека, спросил Зопирион.

— Да. Он из Мессаны, был здесь вместе с молодой женщиной.

— Его звали Нестор. Я слышал, как девушка называла его дядей,— вмешался в разговор самнит (житель или уроженец Самния)¹.

Зопирион подошел поближе, чтобы лучше разглядеть убитого. На седобородом мужчине было несколько ран, некоторые очень глубокие. Туника, некогда белая, теперь стала алой.

— Но, несмотря ни на что, мы отлично справились,— произнес Зопирион.— Нас было значительно меньше, чем врагов.

— Я видел такое и раньше,— заметил римлянин.— Когда одна из сторон отступает и пускается в бегство, погибают даже легко раненые. Бегущие сзади подсекают их, и если они падают на землю, их просто затаптывают. Вследствие этого потери потерпевших поражение значительно превышают потери победителей, даже если бой был ближним и схватка была тяжелой. Во время битвы при...

Слова римлянина оборвал стук копыт. Из-за поворота дороги появился отряд кавалеристов. Лошади неслись во весь опор, их гривы развевались на ветру.

— Геркулес! Что это? Хотел бы я знать, вы пираты или люди, которые дали им отпор? — удивился гиппарх².

— А что думаешь ты, мой кампанский друг? — в яростной гримасе стиснул зубы римлянин.— Порази тебя Юпитер, неужели мне нужно надеть тогу, чтобы ты смог убедиться, что я — Квинт

¹ Самний — область на юге Италии.

² Гиппарх — начальник конницы.

Корнелий Арвинна, из сословия римских всадников? Разве я похож на пирата?

— Извините, господин,— произнес гиппарх.

— Что ж, отправляйтесь, да поспешите к излучине Ликолийского озера. Возможно, вам удастся настигнуть сбежавших пиратов прежде, чем они успеют вернуться на корабль.

Всадники перебрались через груды тел, толпу людей, участвовавших в сражении, и ринулись в погоню. Проводив их взглядом, Зопирион повернулся к Архиту и помог перевязать рану на ноге. Все находились в состоянии воодушевления, громко переговаривались и смеялись. Даже на лице римлянина появилась слабая улыбка. Землевладелец, крестьянин и механик запросто знакомились и поздравляли друг друга. В этот миг были забыты все сословные различия.

— Юноша, я Сеговак, сын Кота и самый лучший боец из тех, кто когда-либо родился в Галлии. А ты кто? — натягивая тунику, обратился к Зопириону кельт. Ростом он был почти с тарентийца, но гораздо крепче. На румяном обветренном лице весело светились голубые глаза, волосы, когда-то бронзовые, теперь были подернуты сединой. Щеки и подбородок были гладко выбриты, а усы над верхней губой свисали по обе стороны рта и загибались, как рога буйвола. Зопирион предположил, что ему около сорока лет.

— Я Зопирион, сын Мегабаза, а это мой друг Архит, сын Мнесагора,— ответил тарентиец.— Жители Тарента послали архонта за советом к Сивилле, а нас выбрали в качестве сопровождающих: выполнять его поручения и защищать от злоумышленников. А каким ветром тебя занесло в нашу южную солнечную страну?

— На родине у меня возникли трудности, и я подумал, что мудрая женщина подскажет мне, как подыскать хорошую службу в качестве наемного воина. Когда-то, много лет назад, у меня была здесь такая служба, так что в этом не будет ничего необычного.

— Значит, здесь ты и выучил греческий?

— Именно так. А также оскский и финикийский. Фея, приглядывавшая за моим рождением, подарила мне способности к языкам. Ты не мог бы... Храни нас, Валетудо, взгляни на этих людей!

На дороге, ведущей к Кумам, появилась толпа: слуги, присматривавшие за вьючными животными внизу у тропы, ведущей к пещере предсказательницы, жрецы Сивиллы, паломники — женщины и старики, а также крестьяне и горожане. Услышав вести о победе, они шли поздравить победителей. Среди них выделялся ярко-алый плащ землевладельца Требатия.

— Это переходит всякие границы! — кричал он. — Моя чудесная колесница разбита и испачкана кровью и грязью! Кто дал тебе право, зловонный варвар, свободно распорядиться моим имуществом?

Кельт поднял на него глаза.

— Ты обращаешься ко мне? — мягко произнес он, поглаживая рукой рукоять меча. — Просто когда идет битва, нужно использовать любую возможность...

— Замолчи, и позволь мне продолжить, — гневно заговорил римлянин. — Ты, мой добрый Требатий, трусливо прятался в пещере Сивиллы, в то время как остальные участвовали в сражении. И теперь у тебя хватает наглости выражать недовольство по поводу того, что колеснице в твое отсутствия нашли великолепное применение?

— Откуда мне было знать, что здесь происходит? — ответил Требатий. — Когда я вышел от пророчицы, все было уже кончено. Но этот хам — расхититель гробниц...

— Этот человек гораздо лучше тебя.

Толпа поддержала его громкими криками:

— Бросить Требатия воронам!

— Требатий прятался в пещере, когда герои храбро сражались!

— А не устроить ли Требатию веселое купание?

— Вы не посмеете! — взревел Требатий, вскочил в колесницу и дернул поводья. — Прочь с дороги, мразь!

Он яростно стегнул лошадей и на бешеной скорости ринулся сквозь рассыпающуюся толпу.

Над окровавленным телом дяди безудержно рыдала молодая женщина из Мессаны. Из толпы вышел пожилой мужчина с венком на голове.

— Слушайте! — начал он. — Я Авл Геллий Мутилис, архонт Кум. Блестящая победа спасла нашу святыню от ужасного и трагического осквернения нечестивцами. Клянусь Небесными Близнецами, каким образом удалось сплотиться у святыни толпе людей разных племен, говорящих на разных языках? Как вам удалось одержать победу над хорошо вооруженными, закаленными в схватках разбойниками, имеющими численное превосходство?

Корнелий Арвинна пожал плечами.

— Тарентийцы уговорили их не убегать, а я сказал, что надо делать. В конце концов, я римский всадник.

— Это звучит чудовищно просто и вместе с тем великолепно. Будучи главой магистрата Кум, я приглашаю всех наших спаси-

телей — всех тех, кто принимал участие в битве — на пир, который состоится сегодня вечером в здании городского совета. Это весьма скромно, однако лучшее из того, чем мы можем отблагодарить вас.

— Спасибо,— сдержанно произнес римлянин.— А тем временем не догадался ли кто-нибудь принести сюда немного вина? После битвы сильно пересыхает горло... Ну вот, так лучше!

Зопирион с удивлением заметил, что солнце собирается перебраться на западную часть небосвода. Со времени их аудиенции у Сивиллы прошло, по меньшей мере, два или три часа. Молодая женщина продолжала плакать. Вокруг нее стояло трое: два раба и крепкий телохранитель, принимавший участие в сражении с пиратами.

— Милая девушка, не могу ли я помочь вам? — застенчиво спросил Зопирион.— Я знаю, что этот человек был вашим дядей.

Она подняла на него полные слез глаза.

— Спасибо, чужеземец. Я не знаю, что делать. Как мне теперь привезти тело дяди Нестора домой?

— Разве нельзя похоронить его здесь?

— Клянусь двумя богинями, нет! Это будет ужасно! Его дух никогда не успокоится, если он не будет похоронен в фамильном склепе в Мессане, и он будет вечно преследовать нас. Но теперь...

— Значит, сначала его нужно отвести в Кумы. Как вы сюда добирались?

— Я ехала на осле, остальные шли пешком.

— Можете сесть на моего мула: это слишком длинный путь для молодой девушки.

Девушка с сомнением посмотрела на него.

— Я не знаю...

— Вам нечего бояться. Я Зопирион из Тарента, смиренный последователь Пифагора, а это — Бризон, архонт нашего города. Подтвердите, о архонт, что эта юная леди может доверять нам.

— Милая девушка,— начал архонт.— Не знаю, как вас зовут...

— Коринна, дочь Ханта. Если этот молодой человек с вами, архонт, значит, он — честный человек.

Жители Кум раздевали погибших пиратов и сжигали обнаженные тела, рубили кустарник для костров. К тому времени, как трое тарентийцев вместе с Коринной и ее спутниками двинулись в путь по дороге, идущей вдоль побережья, над погребальными кострами поднялись потрескивающие языки яркого пламени и столбы густого темного дыма, а по окрестностям разносился запах горелого мяса.

По дороге в Кумы Зопирион шел рядом с ослом, на котором ехала Коринна. Телохранитель девушки шел впереди них и вел в поводу мула, принадлежащего Зопириону, на спине животного покачивалось в такт его движениям мертвое тело.

— Даже не представляю, как я доберусь до Мессаны,— произнесла Коринна обеспокоенно.— Женщине невообразимо трудно путешествовать в одиночестве. Обычно все устраивал дядя Нестор.

— А как же три твоих спутника?

— Софрон, похоже, хороший парень,— кивнула она в сторону телохранителя.— Вряд ли он попытается меня обесчестить, но этот киприот слишком глуп, чтобы что-нибудь предпринять.

— Рабы? Не нужно объяснять, что они из себя представляют. Ты видел, как беспомощно стояли все трое, пока ты не объяснил им, что нужно сделать.

— А каким образом вы добирались сюда из Мессаны?

— На корабле капитана Страбона. Завтра он планирует отплыть домой.

— А мы пришли по суше, через Венерию и Аквилонию.

— И как протекало путешествие?

— Достаточно гладко, за исключением того, что нам удалось ускользнуть из-под носа разбойников Мальенты и пережить снежную бурю в Тифатских горах. И, конечно, дороги Италии, если их можно так называть. Они больше походят на козьи тропы. Я поражаюсь, как ты, юная девушка, решилась пуститься вместе с дядей в такое путешествие?

— Он мне не дядя, а сопровождающий.

— Да? — удивленно поднял брови Зопирион.

— Я... Я хотела узнать, как мне вернуть своего ребенка. И не смотри так испуганно. Я почтенная женщина, дважды была замужем. Один раз овдовела, второй раз развелась.

— Клянусь Землей-матерью, ты выглядишь слишком молодо даже для одного замужества!

— Ерунда! Это все ваша тарентийская галантность! Мне скоро двадцать — я почти старуха!

— Значит, мои глаза меня обманывают. А где твой ребенок?

— После смерти моего первого мужа я вернулась в отчий дом и попросила отца подыскать мне мужа поинтереснее. Бедный Аристей был милым, но ужасно скучным.

— Боюсь, что многие мужчины таковы,— заметил Зопирион. И добавил со злобной улыбкой: — И ты быстренько нашла премника, не так ли? И что, он оказался более интересным?

— Сначала я так и думала. Но любовь похожа на зеркало. Когда ты его поворачиваешь, все приобретает противоположный смысл.

Коринна замолчала. Зопирион, шагая рядом с ней, чувствовал себя весьма неловко и затруднительно. Немного поразмыслив, он пришел к выводу, что грустное выражение исчезнет с лица девушки, если попытаться разговорить ее.

— Что за человек был твой второй муж? — попытался он начать разговор.

— Илазар был строительным подрядчиком из Финикии, бездетным вдовцом. При строительстве рынка в нашем городе мой отец вел с ним дела. Как-то раз я увидела, как они стояли во внутреннем дворике и обсуждали свои планы. Илазар сразу произвел на меня впечатление — крупный, сильный мужчина, борода с проседью. Он много путешествовал по всему миру, бывалый человек, полная противоположность Аристею. Отец, конечно, не хотел, чтобы я выходила замуж за иностранца. Но, не желая меня расстраивать, он согласился.

— Когда ты узнала его лучше, не вышло ли так, что Илазар потерял свою привлекательность?

— Ох, Илазар своеобразный человек. И к тому же, у финикийских жен есть свои преимущества. Разве ты не знаешь, что их женщины обладают гораздо большей свободой по сравнению с эллинскими?

— Я их отлично знаю, ведь я прожил в Тире три года. А что было дальше?

— Илазар привез меня в Мотию, свой родной город. Там он получил контракт на перестройку участка городской стены.

— Город расположен на западном берегу Сицилии, не так ли?

— Да, на острове в заливе.

— Разве они ожидали нападения эллинов? — спросил Зопирион.

— В принципе, нет. Но склады каждого финикийского города забиты товарами, которые их торговцы свозят со всего мира, от равнин Скифии до Геркулесовых Столбов. Любой военачальник с радостью ограбил бы такой город, и финикийцы прекрасно это понимают. Мы прекрасно жили. Я могла бы свыкнуться с грубоватыми манерами Илазара, если бы у нас не родился сын.

— Сын? Большинство семей встречают появление первенца как милость богов!

Девушка понизила голос, как будто воспоминания давались ей с трудом.

— Илазар очень набожный человек. Слово за слово, и я узнала, что у него на уме. Когда финикийским городам угрожает серьезная опасность, знатные семьи отдают своих первенцев в жертву — на сожжение живьем в статуе Ваала Хаммона. Можно представить, что сделает с нашим милым ребенком Илазар, если над Мотией нависнет опасность.

— Клянусь Зевсом-Спасителем! Однажды в Тире мне довелось присутствовать при этом. Итальянский обычай вооружать рабов или пленных и заставлять их биться насмерть гораздо более гуманный. Что ты предприняла?

— Сначала я была так напугана, что ни о чем не могла думать. А после я решила сбежать и забрать с собой ребенка. Одной мне было не справиться, и я подкупила няню, совершив жестокую ошибку. Еще я подкупила капитана корабля — он должен был забрать нас следующим рейсом на Мессану. Далее в мой план входило в отсутствие Илазара отправиться к подруге-эллинке, чтобы уже от нее ускользнуть на пирс, где была назначена встреча с няней и ребенком.

Я пришла в дом своей подруги и надела седой парик. С небольшим свертком вещей я пришла на пирс и взошла на корабль. Но няня так и не появилась. Вместо нее пришел разъяренный Илазар. Он разыскивал меня. К счастью, никому не пришло в голову, что ему была нужна только что поднявшаяся на корабль седовласая старушка. Я спряталась за тюками с грузом, и капитан Филон — благослови его Артемида — не выдал меня. Позже моя подруга написала мне, что няня, взяв моего ребенка, отправилась к Илазару и раскрыла ему мой план в надежде получить вознаграждение и от него.

— Будь она проклята! А что случилось дальше?

— Думаю, я могла бы вернуться к Илазару и понести наказание. Но это не спасло бы маленького Ахирама. Илазар не спускал бы с него глаз и ни за что не оставил бы мне шанса даже прикоснуться к ребенку. В конце концов, я уплыла без сына. Наверное, я трусиха...

— По-моему, ты героиня, — заверил Зопирион. — А что было дальше?

— Конечно же, отец был ужасно расстроен. Но он добился, чтобы суд архонта предоставил мне развод. На письмо Илазару с требованием вернуть внука ответа не последовало. Отец послал в Мотию моего брата Главка с предложением выкупа — и это помимо решения не требовать возвращения моего приданого, —

но Илазар просто вышвырнул Главка из дома. Мне ничего не оставалось, как искать совета у Сивиллы. Отец чувствовал себя недостаточно хорошо, чтобы пуститься в путешествие, и дядя Нестор согласился сопровождать меня. Теперь он мертв, и в этом виновата я... — и девушка снова разрыдалась.

— Тише, тише,— неловко успокаивал Зопирион.— Три богини¹ по своему усмотрению перерезают нити наших судеб. Твой дядя погиб как герой.

Девушка вытерла глаза концом вуали.

— Земля полна горестей, и в водах их не меньше.

— Ты все еще собираешься просить совета у Сивиллы? — спросил он.

— Я уже знаю его.

— Как это тебе удалось?

— Когда Требатий вышел после аудиенции, на акрополе почти никого не осталось. Тогда я обратилась к жрецу с вопросом, нельзя ли мне войти, полагая, что пираты слишком сильно боятся гнева богов, чтобы ворваться в священные пещеры.

— Вот умница! И какой же совет ты получила?

— Сивилла сказала:

Чтобы дитя возвратить в земли восхода с заката

В помощь должна ты искать сына восточных земель.

— То, что касается Моти, вполне ясно. Но похоже на то, что тебе следует искать помощи человека с востока — ионийца или даже этруска².

— Только не надо говорить, что мне следует снова заводить дела с финикийцами. Они мне столь же ненавистны, сколь и врата преисподней.

— У меня много друзей в Тире, но я прекрасно понимаю твои чувства.

Некоторое время они молча продолжали путь. Солнце садилось все ниже в Тирренское море, и оно зажглось пламенными всполохами, как огонь в чреве Ваала Хаммона. Наконец, девушка прервала молчание.

---

¹ Три Богини — мойры (Клото, Лахезис и Антропос), согласно верованиям древних греков, управляли человеческой судьбой.

² Ионийцы здесь: жители Ионии — юго-западного побережья Малой Азии. Этруски — народ, обитавший на севере Италии. По преданию, пришли туда с Востока.

— Я рассказала о себе практически все. Теперь твой черед.

— Да мне нечего рассказывать. Я простой конструктор и при-
вык много работать. Мы с отцом ведем в Таренте свои дела.

— Конструктор? Значит, ты — создатель машин?

— В наши обязанности входит и создание машин. Это одно из множества наших занятий: мы разрабатываем проекты защитных сооружений, строим акведуки и занимаемся дорогами. Когда некто вроде господина Илазара находит задачу слишком сложной, чтобы решить ее самостоятельно, он посылает за нами, и мы выполняем за него все расчеты.

— Мне казалось, что в Мессане нет конструкторов.

— На западе их не так много. Наша профессия появилась недавно в Элладе¹. Она требует частых разъездов, и, к тому же, носит случайный характер. Некто — это может быть частный подрядчик, либо правитель-архонт города — берется решить некую техническую задачу. И бьется над ней до тех пор, пока разве что не сходит с ума. И тогда он обращается к нам. Мы находим решение, а тот, кто нас нанял, говорит: «Так просто! Я и сам смог бы так сделать! И неужели вы, пройдохи, думаете, что за это я заплачу вам сто драхм²?» В конце концов, когда мы в очередной раз услышали подобные слова, мой отец ответил: «Ну, хорошо. Я больше не произнесу ни слова об оплате, если ты согласишься поспорить со мной». «О чем же?» — поинтересовался заказчик. Он был азартным игроком. «Могу поспорить, что, не разбивая ни одного, отличу сваренные вкрутую яйца от сырых. Ставлю сотню драхм, что у меня это получится!» Подрядчик принял условия. Мы взяли дюжину яиц, половину сварили, охладили и смешали с сырыми. И отец с легкостью отделил крутые.

— Как?

— Кладешь яйцо на стол и раскручиваешь. Если оно крутится ровно, значит, сварено вкрутую; если покачиваясь, то сырое. Меня научил этому трюку один из моих друзей в Тире.

— Вот забавно! А что ты делаешь в Тире?

— Получаю техническое образование. Отец отправил меня учеником к Абдадону — своему товарищу, который специализируется на доках и кораблестроении. В строительном искусстве финикийцы далеко опередили эллинов.

Эллада — исконное название Греции.

² Драхма — древнегреческая монета.

— Неужели? А я думала, что эллины превзошли народы ойкумены¹ во всех искусствах.

— Им нравится так думать. Тем не менее, некоторые чужеземцы прекрасно разбираются в той или другой области знаний. Финикийцы с большим уважением относятся к изобретениям и преклоняются перед лучшими из них.

— А как, говоришь, зовут твоего отца?

— Мегабаз, сын Зопириона.

— Имя похоже на персидское.

— Так оно и есть персидское.— ответил Зопирион и, будто защищаясь, добавил: — Я перс только на четверть. Мой дедушка Зопирион был персидским аристократом. После поражения Великого Царя он сбежал в Афины и женился там на женщине по имени Елена. Когда мой отец подрос, он переехал в Тарент. Поговаривали, что там было легче получить статус гражданина. Ты же знаешь, насколько недоступны и исключительны афиняне. Если по происхождению ты не полностью афинянин, легче стащить яйцо грифона, чем получить афинское гражданство.

— И тарентийцы даровали ему гражданство?

— Да, конечно. Теперь мы — почтенные граждане, несмотря на то, что полукровки. Человек — никто вне города или семьи. Госпожа Коринна, почему ты на меня так смотришь?

— Почему... наверное, ты и есть тот человек с востока, о котором говорила Сивилла! В тебе течет персидская кровь, а живешь ты в Тире.

— О мужественный Геракл! Только не надо думать, что я спасу твоего ребенка от его собственного отца!

— Боги выбрали тебя для этой цели!

— Дорогая Коринна, у меня есть обязанности перед городом и семьей, а для пифагорейца долг и ответственность превыше всего. К тому же архонт не позволит мне пуститься галопом в подобное приключение.

— Значит, ты мне не поможешь? — Губы девушки задрожали.

— Я был бы рад, но... Твои друзья и родственники в Мессане подходят для этой цели гораздо лучше меня. К тому же я никогда не был на Сицилии.

— Но ты, а не они подходишь под пророчество Сивиллы!

Зопирион корчился в агонии нерешительности. Ему бесконечно нравилась эта невысокая, смуглая и симпатичная девушка. У та-

---

¹ Ойкумена — обитаемый мир (согласно античным представлениям).

рентийца нечасто появлялась возможность пообщаться с девушкой равного с ним положения вне присутствия родственников. Пребывавая в мучительных раздумьях, Зопирион хмуро глядел на дорогу.

— Но ты мог бы по крайней мере проводить меня до Мессаны,— предложила Коринна.— Если ты откажешь, я не знаю, удастся ли мне в безопасности добраться до дома. А оттуда ты мог бы сесть на корабль, идущий на восток, и вернуться в Тарент даже раньше своих спутников.

— Я спрошу у архонта...

Когда Зопирион и его спутники-тарентийцы, умытые и умащенные маслом, подошли к дому городского совета Кум, красный диск солнца висел низко над городом, окрашивая белую штукатурку здания в нежный розовый цвет. Кирпичное отштукатуренное здание совета было похоже на коробку. Пара дорических колонн из покрытого штукатуркой известняка вносила разнообразие в простые и грубоватые формы здания и торжественно заявляла о том, что на варварское побережье Италии была случайно занесена эллинская культура.

— О Зопирион! — окликнула его Коринна, выйдя из тени, где она стояла вместе с Софроном-телохранителем и двумя рабами.

— Радуйся! — ответил Зопирион.— Милый старый Бризон позволил мне проводить тебя до Мессаны, ни на шаг дальше. Он заставил меня поклясться священным тетрактусом¹, что оттуда я сразу же отправлюсь в Тарент.

— Возможно, мы не доберемся даже до Мессаны! Случилось что-то ужасное,— сказала она.

— О Зевс! Только не говори, что капитан Как-Там-Его-Зовут отплыл без тебя!

— Нет, но ничем не лучше этого. Он не хочет брать тело на борт. Бормочет что-то о привидениях, морских демонах и плохих приметах.

— Будь он проклят! Мы не можем задерживаться! Еще немного на жаре, и твой дядя не... Ну ладно. Попробую найти другой корабль.

— Где?

— Не знаю,— махнул рукой Зопирион.— Попробую разузнать что-нибудь на симпозиуме². При самом худшем раскладе там

¹ Тетрактус (четверка) — священное число у пифагорейцев.

² Симпозиум — пир.

должен оказаться хоть один неаполитанец. Я что-нибудь органикую. А теперь пожелаю тебе доброй ночи и приятного сна.

Масляные лампы в городском совете мягким желтоватым мерцанием освещали накрытые столы. На дальнем конце зала в предвкушении обеда уже возлежали правитель-архонт и несколько высокопоставленных персон. Остальные участники пира сидели на скамьях за длинными столами. Зопирион попытался пересчитать собравшихся, но тут же сбился: слишком много народу сновало вокруг.

— Добро пожаловать! — произнес Геллий Мутилис. — Приношу извинения, что мы не смогли обустроить вас должным образом, но наша базилика¹ слишком мала, сюда не поместится необходимое количество лож. Надеюсь, что выпив достаточно нашего превосходного фалернского, вы не заметите разницы.

За столом Зопирион оказался между кельтом Сеговаком и неаполитанцем, с которым разговаривал до начала сражения.

— Возрадуйся, господин Зопирион! — воскликнул последний. — Ты и твои друзья сделали невозможное, а именно, помимо моего желания сделали из меня героя! Это еще раз доказывает, что боги вмешиваются в события людских жизней, ведь без божественного провидения и ты, и я, и все эти герои погибли бы в полной неразберихе. Клянусь яйцами Геракла, я не поставил бы и гнилой оливки против золотого персидского статира² на то, что подобная нашей разношерстная толпа имела шанс выстоять в схватке с профессиональными убийцами!

— Мой друг Архит обладает сверхъестественным даром убеждать людей делать то, что он считает нужным. Наверное, боги говорят его языком.

— В любом случае я, как разумный человек, был готов бежать куда угодно. Однако дело повернулось наоборот: то, что подсказывал здравый смысл, оказалось как раз неразумным. Твое здоровье, господин!

— Спасибо, господин Ингомедон! — ответил Зопирион. — Ты не знаешь, где можно сесть на корабль, отплывающий в Мессану либо отсюда, либо из Байев или Неаполя? И причем хотелось бы, чтобы капитан судна был не слишком суеверным.

---

¹ Базилика — царский дворец.

² Статир — персидская золотая монета.

— Хочешь доставить домой тело пожилого человека из Месаны? Сейчас подумаю. Как мне кажется, сегодня отплывает Страбон.

— Он не поплывет с таким грузом.

— Ну тогда... Гм-м... Видишь того парня в сергах и ожерелье из стекляшек?

— Такой худой, он еще барабанит пальцами по столу?

— Да. Это капитан из Финикии, приплывший несколько дней назад. В то утро он тоже приходил к гроту Сивиллы. Не знаю, как его зовут и каков его порт, но ты можешь и сам спросить об этом. Не представляю, что он здесь делает, потому что он не участвовал в битве, а тем более не гражданин Кум. Возможно, правитель должен ему денег, или у них какие-то темные дела. Говорят, что все финикийцы — воры, но у меня нет предубеждения относительно иностранцев. Тем более, что некоторые из моих лучших друзей...

— Я сам перс на одну четверть, — с воодушевлением отметил Зопирион.

— Да не бери в голову! — Ингомедон поспешно проглотил сочнееший кусок осьминога и, понизив голос, заключил: — На самом деле, разговоры о чистоте крови — большой вопрос в Кумах. Дело в том, что жители Кум не чистокровного происхождения так же, как и вы — жители Тарента. Извини, конечно, но ты понимаешь, о чем идет речь. Примерно два поколения назад, когда Кумы были греческой колонией, город захватило войско самнитов. Они порезали мужчин и надругались над женщинами. Некоторые из тех разбойников до сих пор живы. Самниты осели и зажили с новыми женами и отпрысками. Ты не представляешь, какое множество полукровок тогда развелось. Вследствие того, что женщины в большинстве своем были элинками, то дети говорили по-гречески лучше, чем по-оскски. Они так и продолжают говорить, только с грубым итальянским акцентом, думаю, ты заметил. Но имена они носят оскские — здесь отцы сказали свое слово.

— А нет ли здесь общества пифагорейцев?

— Ты имеешь в виду группу философствующих фанатиков, которые плетут интриги для захвата власти, чтобы принудить всех отказаться есть бобы?

— Да ничего подобного! Пифагорейцы уже много лет не занимаются политикой, за исключением группы в Регию. В наши дни это люди, интересующиеся математикой и прочими науками, исследователи, занятые поиском разгадок тайн вселенной.

— Только не здесь,— рассмеялся Ингомедон.— Неаполитанцев интересует исключительно состояние кошельков, набитое брюхо и любовные утехы. Извини, еда остывает.

— Как у тебя дела, Сеговак? — Зопирион обратился к соседу.— Ты был у Сивиллы?

— Да, молодой господин. И мудрая женщина сказала мне: «Ищи свое место там, где остров управляет берегом». Но где такое возможно?

Зопирион нахмурился.

— Я слышал, что Дионисий переносит свою ставку на остров Ортигия. Оттуда он управляет Сиракузами, расположенными на крупном острове — Сицилии, и не только ими.

Кельт с пониманием кивнул.

— Я как раз думал о нем. Когда-то я служил у тирана — его предшественника. Его звали Гермократ, и он был великим человеком. А что тебе рассказала великая жрица?

— Она сказала, что когда-нибудь я разобью мир вдребезги.

Голубые глаза Сеговака широко раскрылись от удивления.

— Что ты говоришь? Надеюсь, когда это произойдет, я буду далеко от того места. На мой взгляд, ты симпатичный парень и совершенно не похож на человека, который только и думает о том, как бы разрушить мир, такой гармоничный и целостный.

— Кроме того, она посоветовала нам опасаться Волка с Севера, кем бы он ни был,— добавил Архит, сидящий по другую руку Сеговака.

— Попридержи язык, пьяная трещотка! — оборвал его сидящий неподалеку архонт Бризон.— Не нужно, чтобы об этом стали везде говорить, начиная от Карфагена и кончая Карией¹.

— Ну, бывает,— вступился кельт.— От вина язык начинает вихлять, как колесо колесницы после смазки. Но не думаю, что в данный момент нужно обсуждать пророчества Сивиллы.

Гул разговоров затих, как только на свободное пространство между столами выскочила танцовщица. В легкой тунике из пурпурного коанского шелка она извивалась под напевы контр-флейты — на ней играла девушка, сидящая в углу зала. Плясунья завершила свой танец под аплодисменты и одобрительные возгласы собравшихся и, поклонившись, выбежала из зала. Спустя некоторое время она вернулась, жонглируя ножами и мечами. Аплодисменты становились все громче.

---

¹ Кария — область в Малой Азии.

В третий раз она поставила на пол несколько подсвечников с горящими этрусскими свечами. Сбросив тунику, девушка обнаженной прошла колесом и сделала стойку на руках среди свечей, отсветы которых играли золотом на ее тщательно натертой маслом коже.

— Не он ли сидит там с кислым видом? — громким шепотом произнес кельт.

— Кто? — переспросил Зопирион.

— Тот римлянин, Корнелий Арвинна? — И Сеговак кивнул в сторону лож, расположенных на возвышении в дальнем конце зала. Римский всадник с выражением холодного неодобрения на лице сидел на своем ложе, болтая ногой и пытаясь поправить тогу, чтобы была видна полоска на тунике.

— Похоже, девушка завивает волосы на промежности, — продолжал кельт. — У вас в городе тоже так принято?

— Так принято у италийцев, — ответил Зопирион, — но изначально это был этрусский обычай. Некоторые тарентийцы из богатых семей переняли его: золотая молодежь, проводящая время за ваянием собственных тел, упражнениями мускулов в гимнастических залах. Но к тем, кто зарабатывает на хлеб собственным трудом, это не относится. Прежде чем я позволю появиться около своей семьи такому украшателю с бритвой...

— А у нас в Неаполе волосы выщипывают, — перебил его Ингомедон.

— Ого! Скоро простонародные обычаи войдут в моду! — отозвался Сеговак.

— Зевс, Аполлон и Деметра! — вскричал Ингомедон. — Вы только посмотрите! — И неаполитанец разразился грубым хохотом, к которому присоединилась вся компания. А затем и весь зал, в котором происходило пиршество, содрогнулся от раскатов неистового веселья.

Танцовщица сделала финальное сальто, прошла колесом и опустилась на колени римского всадника, обхватив руками его шею и спрятав лицо на широкой груди. Выражения неподдельного ужаса, смятения и ярости волной пробежали по суровому лицу римлянина. На мгновение показалось, что он готов вскочить и выбежать из зала. Но с прилипшей к нему обнаженной девицей всаднику вряд ли удалось бы сделать даже несколько шагов, это только ухудшило бы создавшееся неловкое положение. Видя, что присутствующие находят в происшествии просто добрую шутку, он попытался улыбнуться, но вместо улыбки лицо исказилось в жуткой гримасе.

Девушка спрыгнула с насиженного места и поклонилась, вызвав бурю оваций. Когда она, подхватив тунику, выбежала из зала, архонт, Геллий Мутилис, поднялся со своего ложа.

— И в заключение сегодняшнего вечера устроим аукцион. Разыгрываться будет одна ночь с этой милой малышкой-танцовщицей, и ее получит тот, кто заплатит больше всех. Но ее владелец любезно просил меня, во-первых, пообещать, что девушка может забрать себе половину вырученных денег, а во-вторых, что она не пойдет с мужчиной, который ей не понравится. Итак, с чего начнем, о граждане? Не хочешь ли начать торги ты, достопочтенный Корнелий Арвинна?

— Нет! — поправляя тогу, гневно закричал римлянин.

— Вот ваш Волк с Севера, — указывая на него рукой, произнес Ингомедон.

— Ты говоришь о римлянине? — переспросил Зопирион.

Неаполитанец утвердительно кивнул.

— Мне что-то не верится! — воскликнул Зопирион. — Рим — такое крошечное, отсталое государство! К тому же он так далеко от нас, у него даже нет выхода к морю! Как Рим может угрожать Таренту? Мы в большей степени опасаемся угрозы от жителей Лукании¹, этрусков или кельтов. Послушай, вполне возможно, что даже твой прекрасный Неаполь гораздо более величественен, чем маленький старый Рим!

— Поверь мне, я был в Риме и знаю, о чем говорю, — ответил Ингомедон. — Римляне консервативны и ужасно скучны. Вряд ли они будут смеяться над комедиями Аристофана². Традиция — вот их царица. Они очень дисциплинированы. В отличие от нас.

— Ты имеешь в виду «нас — неаполитанцев» или «нас — эллинов?»

— Естественно, неаполитанцев я знаю гораздо лучше. Но это замечание можно отнести как к тем, так и к другим. Спартанцы дисциплинированы, но они не терпят эллинов. Скажем, я совершенно недисциплинированный. Среди эллинов полно «воинов в постели» — львов в спальне и кроликов на поле боя.

— Я слышал, что после победы над афинянами спартанцы потеряли голову.

— Возможно и так, но у римлян такая сложная организация, какая спартанцам даже не снилась. Кроме того, если римляне

---

¹ Лукания — область на юге Италии.

² Аристофан — древнегреческий комедиограф (ок. 445 — 336).

завоевывают соседние территории, они спустя некоторое время дают жителям возможность получить полноценное гражданство. За счет этого их сила растет.

— Города эллинов более недоступны и привилегированны, — заметил Зопирион. — Наши боги очень ревнивы, они ненавидят, когда чужеземцы участвуют в их обрядах.

— Это точно. Таким образом, когда эллинский город захватывает и присоединяет к своим владениям новые территории, как сделали афиняне, все остальные народности, населяющие эти земли, становятся объектами для эксплуатации. Как и следовало ожидать, они ненавидят своих хозяев и только и ждут подходящего случая, чтобы отделиться. Не знаю, на какие уловки и хитрости в области религии идут римляне, чтобы обойти препятствия, связанные с вероисповеданием, но им и это вполне удастся, — неаполитанец зевнул. — Клянусь египетской собакой, зачем мне изображать из себя оракула, если я не могу предсказать свою собственную жизнь хотя бы на день вперед!.. Цены на девочку вышли за пределы возможностей моего кошелька, пойду-ка я домой. Но запомните мой рассказ. Если доживете до старости, то сами убедитесь, на что способен Рим.

Девушку выиграл крепкий лысый землевладелец. Праздник закончился, Зопирион заметил в толпе худошавого финикийского капитана с напряженным взглядом и стал пробираться к нему сквозь толпу.

На следующее утро, когда поднялось солнце, Зопирион появился в трактире, где Коринна занимала одну из двух отдельных комнат.

— Все готово. Отплываем сегодня утром на «Муттумалейн» капитана Ифбаала.

— Снова финикиец!

— Ничего не поделаешь. В ближайшие десять дней отплывает только он, если не считать капитана Страбона. Собирай вещи, мы отправляемся в путь.

ВЕЛИЯ

Улетел сильный северный ветер, который дул весь вчерашний день, оставив после себя оживленный бриз. «Муттумалейн» нашел приют у небольшой каменной пристани: пирс, начинаясь у пляжей Кум, серпом загибался в Тирренское море. Шаткая доска сходней служила мостом между пристанью и высоким планши-

ром судна — пузатого корабля с окрашенной в ярко-алый цвет палубой и черным корпусом, над которым возвышалась одинокая мачта с желтым квадратным парусом, а на корме располагалась каюта размером не больше собачьей будки. Около мачты были грудой навалены весла, а на корме лежали два сложенных посадочных трапа, короткий и длинный.

Рабочие, громко перекликаясь по-оскски, грузили в трюм бочки с вином и оливковым маслом, тюки с полотном, мешки с солью. Восемь смуглых матросов-финикийцев в одних набедренных повязках, вооружившись веревками, закрепляли грузы. На пирсе стояли пассажиры в ожидании окончания погрузки.

Капитан Ифбаал находился на палубе (там, где у планшира начинались сходни) и делал пометку на вошеной деревянной табличке каждый раз, когда на борт поднимался очередной груз. Вместо украшенного вышивкой плаща, который был на нем вчера у пещеры Сивиллы, он оделся в обычный наряд финикийского моряка — блузу с короткими рукавами и килт, поверх которых была наброшена короткая накидка, защищающая от легкого бриза. На голове капитана была надета круглая шапочка. Шею, как и вчера, украшало ожерелье из стеклянных и медных изображений финикийских богов. Капитан был мужчиной среднего роста — слегка сутулый, худой до невозможности, с носом, похожим на ястребиный клюв.

Рядом с ним стояли два местных купца и также делали пометки на табличках. То и дело погрузку останавливали, и Ифбаал начинал спорить и переругиваться с тем или иным купцом.

Около люка погрузкой руководил помощник капитана — ничем не примечательный невысокий мужчина. Когда последний мешок с солью скрылся в трюме, Ифбаал сделал знак спутникам Коринны — телохранителю Софрону и единственному оставшемуся рабу (второй успел сбежать). По его сигналу они взяли за носилки, на которых лежало завернутое в саван тело Нестора, подняли их на борт и осторожно опустили в трюм.

После этого Ифбаал повернулся к ожидающим на пирсе пассажирам.

— Поднимайтесь на борт! Но не заходите в мою каюту! — прокричал он им на ломаном греческом.

Пассажиры поспешили подняться на корабль: парочка средних лет с ребенком лет двенадцати; старик-этриск с гладко выбритой верхней губой, в нахлобученной широкополой шляпе шел, опираясь на костыль; его слуга — молодой парень; кельт Сеговак; странствующий певец в льняных одеждах нес лиру; и, наконец,

Коринна из Мессаны. «Муттумалейн» не был приспособлен для перевозки пассажиров, и они торопливо поднимались на борт, чтобы не мозолить морякам глаза. На палубе они расположились вдоль фальшборта, устраиваясь на принесенных с собой одеялах, плащах или сумках.

Зопирион попрощался с архонтом и другом Архитом. Неподалеку от пристани стояли два раба, принадлежащие городу Таренту и посланные прислуживать в пути трем пилигримам, и держали в поводу мулов.

— Постарайся не уболтать горожан настолько, что они выберут тебя архонтом еще до моего возвращения! Ты слишком юн для такой должности! — посоветовал Зопирион Архиту.

— А ты не перетрудишься, считая волны, а не то упадешь за борт, — парировал Архит. — И узнай, есть ли в Мессане пифагорейское общество. Было бы здорово, если бы наш небольшой клуб познакомился с единомышленниками. Тогда мы смогли бы поддерживать связь не только с группой зубров в Регии.

— Обязательно. До свидания, архонт. Да поможет тебе Гермес вернуться домой!

— Эй ты, поторопись, — закричали с корабля. Зопирион закинул за спину мешок, в котором лежали щит и смена одежды и, опираясь на копьё, как на палку, начал подниматься по сходням.

— Тарентиец Зопирион? — не успел юноша прыгнуть на палубу, как капитан Ифбаал обратился к нему с вопросом.

— Да, меня так зовут, — Зопирион положил на палубу вещи, чтобы было удобнее достать плату за проезд.

— Красивый молодой человек, не так ли? — заметил Ифбаал.

— Хорошо, что хоть кто-то так считает.

— Вот и держись подальше от моей каюты!

Зопириону не понравился ни тон, каким разговаривал капитан, ни зловеющий блеск в его глазах. Несмотря на то, что Ифбаал держался спокойно, чувствовалось, что внутри он напряжен и натянут, как тетива лука, в любой момент готовая выпустить стрелу. Надеясь настроить капитана на более дружелюбный лад, Зопирион обратился к нему по-финикийски.

— Капитан, неужели в вашей каюте находится нечто настолько опасное, что к нему даже нельзя приблизиться? Неужели это голова Медузы Горгоны, один взгляд которой способен превратить нас всех в камень?

— В каюте находится моя жена, и этим все сказано, — отрезал капитан на том же языке. — Она самая прекрасная женщина Егип-

та, и мне совершенно не нужно, чтобы распутники-эллины проявляли к ней интерес.

Зопирион постарался улыбнуться.

— Вам нечего бояться, доблестный капитан. Пифагорейцам свойственно держаться подальше от чужих жен, — он повернулся и пошел располагаться на палубе неподалеку от Коринны и ее спутников.

— Асто! — пронзительно закричал Ифбаал. — Отвали сходни! Поднимай якорь! Четверо на весла, а остальным поднять парус!

Помощник капитана бросился выполнять команду, то и дело бросая беспокойные взгляды на своего начальника. Капитан, стоя перед каютой, взялся за рукояти румпеля, при помощи которого можно было управлять двумя боковыми рулями. На судне послышалось тихое бормотание — это пассажиры и их друзья обращались с молитвами к своим богам. Плеск волн переплетался со скрипом весел в уключинах и веревок в снастях. «Муттумалейн» медленно отходил от пристани. Рывками подняли желтый парус, он затрепетал и наполнился ветром. Корабль накренился и начал удаляться от пирса, держа курс под углом к берегу. Голубая с белой пеной вода бурлила за его грубой черной кормой. Гребцы ритмично поднимали и опускали весла. В небе над головами кружили и громко кричали чайки, а вдали на сапфировой глади моря играли, выпрыгивая из воды, блестящие серые дельфины.

Когда отплыли далеко от берега, на «Муттумалейне» началась сильная кормовая качка — внезапно разыгравшийся борей¹ погнал волны ровными грядами на юг. Один за другим зеленые валы перекатывались от кормы к носу, громко хлопали о кормовой подзор; приподнимая корпус, прокатывались под судном, вспенивались по обе стороны корабля. Матросы надели блузы и килты.

Сеговак, держась за перила, наблюдал за игрой дельфинов. Так недавно пышущее здоровьем румяное лицо кельта теперь стало землисто-серым.

— Почтенный Зопирион, скажи, а существовал ли на самом деле некий грек, который изобрел крылья, при помощи которых человек мог летать? — спросил он. — Идея просто гениальная! Жаль только, что бедный человек подлетел слишком близко к солнцу, от жара светила воск растаял, и несчастный рухнул в море и утонул, а был такой умный! Помнится, когда я служил наемником у тирана Гермocrates, мне рассказали эту историю.

Борей — северный ветер.

— Этого человека звали Икар. По крайней мере, он погиб, летая на этих крыльях. Но сделал их Дедал, его отец, — уточнил Зопирион.

— Не важно, как кого зовут. Но, думаю, их способ — перелет над морем — гораздо более удобный, чем путешествие на корабле.

— Это просто легенда, — заметил Зопирион. — Не забудь встать с подветренной стороны, если твой желудок выйдет из-под контроля.

— Но это еще хорошая погода, — вмешался в разговор Асто, застенчивого вида помощник капитана. — Если продержится такой ветер, мы прибудем в Мессану быстрее, чем за десять дней. Станет легче, если вы немного прогуляетесь. Видели бы вы, какие страдания приходится на нашу долю, когда целый месяц дует, не переставая, встречный ветер или налетает внезапный шторм! Или из глубин поднимаются морские чудовища, чтобы напасть на нас!

— Может, не стоит слишком много толковать о чудовищах, если вы хотите получать доход от перевозки пассажиров? — заметил Зопирион. — Хорошо ли идет торговля на побережье?

— Не без помощи Сивиллы, — ответил финикийец. — За ее советами люди съезжаются из разных мест, даже издалека, и благодаря этому некоторые убыточные рейсы становятся выгодными. Кампанцы обожают предметы роскоши, но сами торгуют в основном грубым волокном, которое не пользуется большим спросом в Элладе. В отсутствие пиллигримов нам пришлось бы возвращаться порожняком...

— Асто! — раздался громкий крик капитана Ифбаала. — Встань у штурвала, порazi тебя Мелькарт¹! Я схожу вниз, посмотрю, что там.

— Иду! — прокричал Асто.

— Ифбаала считают самым отважным капитаном Внутреннего моря²: весной он первым выходит в море и последний заканчивает навигацию осенью, — повернулся Асто к Зопириону. — Даже дурные предзнаменования не в силах остановить его. И ничто не ускользнет от его внимания. Он всегда найдет, к чему придраться, даже когда все в полном порядке. Иду!

Помощник капитана низко поклонился Зопириону и убежал, громко топая по палубе босыми ногами. Старый этруск сидел на

¹ Мелькарт (семитск. «царь города») — один из главных богов у финикийцев.

² Внутреннее море — античное название Средиземного моря.

палубе, вытянув вперед и грея на солнышке искалеченную ногу. Поставив ладонь козырьком, он следил за кружащими над кораблем чайками.

— О чем это вы говорили по-финикийски? — спросил он на ломаном греческом.

— Асто рассказал мне, что наш капитан — настоящий Одисей, судя по его мужеству и искусности; и ничто, даже дурные приметы, не в силах задержать его.

— Тем глупее он, и тем хуже нам, — произнес этруск. — Что бы ни происходило, приметы всегда предупреждают нас. Именно поэтому я и слежу за птицами. Я, зилат¹ Тарквиний, умудренный жизнью человек и занимаю важный государственный пост. Я знаю, о чем говорю.

— А что говорят птицы об этом путешествии?

— Ничего хорошего. Кого-то постигнет несчастье.

— Кого именно?

— Пока не знаю, скажу позже, — и этруск вернулся к наблюдению за чайками.

Сеговак стонал, обхватив голову руками. Коринна, прислонясь к перилам, смотрела в сторону берега. Когда корабль миновал пролив между мысом Мизенум и островом Прохитой, с востока открылся безбрежный Неаполитанский залив. Ограниченный слева — за кормой — островом Энария, справа — прямо по курсу — островом Капри, он представлял собой неправильный полукруг. Города и деревни на берегу казались белыми бусинами на зеленой нитке, а среди них подвесками колье возвышались стены и храмы великого Неаполя, справа от которого неясно вырисовывался темный конус Везувия.

— Как похоже на великую Этну моей родины, — произнесла Коринна. — Но в отличие от Этны, которая дымится и время от времени плюется, эта гора выглядит спокойной.

— Я слышал одно предание о том, как однажды произошло извержение Везувия, — произнес Зопирион. — Но, по всей видимости, огонь вырывается из жерла с благими целями.

От одного жалкого вида Сеговака лицо девушки исказилось.

— Однако мне тоже не вполне хорошо, и голова болит. Я лучше отправлюсь в постель.

Певец тоже выглядел безрадостно. Мужчина и женщина средних лет сидели рядышком на палубе под небольшим зонтом —

Зилат — член коллегии выборных лиц в этруском городе.

навесом, который они сами же и соорудили, и флегматично взирали на убегающие волны. По их виду невозможно было догадаться, испытывают ли они страдания. То же самое можно было сказать о мальчугане лет двенадцати, слугах и моряках.

Тем не менее, из-за природной застенчивости Зопирион не решился завязать с ними разговор. В противоположность своему другу, Архиту, в присутствии незнакомцев он чувствовал, что теряет дар речи. Юноша с большим трудом поддерживал светскую беседу. Столкнувшись с незнакомцем, он либо сводил весь диалог к лекции на профессиональные темы, либо впадал в угрюмое молчание, предоставляя инициативу собеседнику.

Сейчас, когда рядом не было людей, с которыми Зопирион мог с легкостью поддерживать беседу, он увлекся наблюдением за волнами: подсчитав их число, Зопирион попытался рассчитать скорость корабля исходя из времени, за которое мусор, плавающий на поверхности воды, проходил всю длину корпуса, а также вычислить объем маленькой каюты на корме. Незаметно его мысли перескочили на странное поведение капитана Ифбаала.

Время от времени он украдкой бросал взгляды на каюту, пытаясь увидеть прекрасную женщину в мерцающем одеянии, характерном для вечного Египта. Но ничего не происходило. Каюты не подавала признаков жизни. Заметив заинтересованные взгляды Зопириона, капитан Ифбаал подозрительно нахмурился, и юноша решительно отвернулся.

День близился к вечеру. Корабль шел узкой протокой в южной части Неаполитанского залива между мысом Афины и островом Капри. Пассажиры достали завтраки (большой частью это были хлеб, сыр и оливки) и принялись за еду. Зопирион, собираясь выбросить косточку от оливки, поднял глаза и столкнулся с сердитым взглядом Ифбаала.

— Попрошу выбрасывать мусор за борт, мой корабль — не свиной хлев! — прорычал капитан.

Путешественники миновали скопление скалистых островков южнее мыса, и тут на палубе появилась Коринна.

— Когда я плыла из Мессаны, мне рассказывали, что это — острова сирен, мимо которых, заткнув уши, проплывал Одиссей.

— Может, и так. Но другие утверждают, что сирены находились у Бретонского побережья неподалеку от нашего города.

— Жаль, — она выглядела немного разочарованной.

— Не стоит досадовать, госпожа Коринна. Я не сомневаюсь, что Одиссей на самом деле плывал в этих водах. Но жители

половины городов Внутреннего моря пришли к выводу, что для привлечения путешественников и увеличения доходов от торговли будет лучше, если окажется, что именно в их городе происходили те или иные приключения великого героя. В своих поисках они уподобились мальчишке, ищущему блох на собаке. Роятся в эпических поэмах, находят разного рода ссылки и знаки. И не важно, что все это очень сильно притянуто за уши.

Подошел Асто, и Зопирион повернулся к нему:

— Где мы остановимся на ночь?

— С таким добрым ветром капитан собирается держать курс на Посидонию. Обычно первую стоянку мы делаем в Салерно или, что еще лучше, в святилище Геры Аргосской. Но на этот раз боги особенно благосклонны к нам.

Коринна вернулась к своему месту на палубе и завела чисто женский разговор с матерью двенадцатилетнего мальчика.

— Почему мы не заходим в Неаполь? Этот порт гораздо больше Кум!

— Мы были там, когда шли на север, и взяли на борт груз. Если зайдем в Неаполь вторично, то потеряем один день без всякой пользы. Обычно Неаполь — конечный пункт нашего маршрута. Но Ифбаал, — тут Асто хихикнул, — чувствует запах груза, как борзая чует запах дичи за поллиги¹ с наветренной стороны. Как только он узнал, что на кумских складах скопились грузы, и там только и ждут начала навигации, как он «ззип!» — Асто сделал стремительный жест рукой. — И мы понеслись в Кумы, как летучая рыба, за которой гонится тунец.

Под окрашенным пурпуром небом на равнине, покрытой соновыми лесами, раскинулась Посидония. За чернеющим в неярком свете затухающего дня лесом возвышались покрытые снегами вершины Альбурнских гор. «Муттумалейн» бросил якорь у заросшего тростником устья небольшой речушки Саслос. Свет заходящего солнца окрашивал в розовый цвет белую штукатурку храмов. Их кровли были отчетливо видны за деревьями. Матросы приладили к борту длинный посадочный трап. Дальний его конец отбросили как можно дальше, но он упирался прямо в грязь. Пассажиры и экипаж спустились по лестнице и, хлюпая по воде, добрались до берега.

Лига — мера длины, приблизительно равная 3 милям.

— Сойдете на берег, господин Ифбаал? — спросил Зопирион.

— Чтобы оставить без присмотра корабль и жену в стране, кишашей развратными, нечистыми на руку греками? Разве я похож на сумасшедшего?

Пожав плечами, Зопирион повернулся и начал спускаться по лестнице. Вслед за ним спустилась и Коринна, и юноша на руках перенес ее на берег. От близости девушки сердце Зопириона бешено заколотилось.

Неподалеку от места высадки стояло несколько жителей Посидонии — рыбаки, да пара мальчишек с ослами внаем. Зопирион нанял было одного для Коринны: до города чуть ли не двенадцать форлонгов¹. Зопирион разузнал, что в Посидонии только одна небольшая гостиница, до невозможности грязная. К тому же в ней не было отдельных комнат, где можно было бы разместить Коринну: устроить девушку на ночь в общей спальне с мужчинами представлялось невысказанным. К счастью, в городе оказался проксен² Мессаны, который нашел им пристанище в весьма приличном доме. Для Коринны и матери двенадцатилетнего мальчугана там даже оказались отдельные комнаты.

Проводя вечер в гостинице, Зопирион прислушивался к разговорам в зале. Поговаривали, что в Посидонии весьма неспокойно. Воду мутили луканы, уже давно с завистью поглядывающие на греческий город, жемчужину цивилизации среди их дикости, и теперь...

— Нам следует вооружиться до зубов и каждый день ходить на охоту, как делали спартанцы в хорошие времена, — произнес мужчина.

— А когда же мы будем зарабатывать на жизнь? — спросил другой. — К тому же на каждого нашего воина в Лукании найдется десяток. Если бы наши правители были мудрее, они давно посеяли бы смуту среди варваров, и вместо того, чтобы воевать с нами, те передрались бы между собой.

— Они так и делают, да только иноземцы давно разгадали эту уловку. Теперь нам лучше сидеть тихо и никого не трогать. Может, тогда они и не обратят на нас внимания, — вмешался в разговор третий.

— Внимание они обратили уже давно. Слишком поздно. И помимо всего прочего, это совет труса, — заметил еще один. — Не

Форлонг — одна восьмая часть мили, примерно 201 м.

² Проксен — защитник интересов сограждан в чужом городе, у которого можно было получить убежище и помощь.

лучше ли нанять воинов покрепче, к примеру, таких, как наш друг из Галлии. Послушай, кельт! Ты бы пошел сражаться для нас за плату?

— Вполне возможно,— ответил Сеговак. После выпитого вина он снова обрел прежний румянец.— Конечно, если плата будет достаточной. Но не сейчас. Я как раз возвращаюсь от мудрой женщины из Кум, и она посоветовала мне наняться к Дионисию. Может быть, в следующем году.

— Вот видишь,— заметил один из говоривших.— Безнадежно. Обстоятельства против нас. Не лучше ли нанять корабли и уплыть отсюда, как сделал Фокей¹, спасаясь от армии Кира.

— Интересно, куда? Все побережье Внутреннего моря кишит кровожадными, завистливыми варварами. Нет! Богом клянусь, это наша земля, завоеванная в честном бою, и мы вправе ее защищать! Сила в единстве. Нам нужен крепкий союз с неаполитанцами, жителями Велии и других эллинских городов побережья...

— Будь они прокляты, грязные иноземцы! Чтобы ради кичливых, трусливых, вероломных варваров — расхитителей гробниц мы подчинялись верховной власти? Они принуждают нас играть в открытую, но как только начинает пахнуть паленым, тут же делают ноги, бросая нас на произвол — нас порежут, как скот на бойне. На самом деле, нам нужно...

Пока шел разговор, Зопирион отыскал засиженную клопами спальню и провалился в беспокойное забытие. В тревожном сне беспорядочно мелькали Коринна и Сивилла, этрусские приметы и огромный лук Геракла.

Следующим утром по пути на корабль Зопирион немного задержался, чтобы осмотреть старый храм.

— Да нет, меня не слишком волнует религиозная сторона вопроса,— пояснял он Коринне.— Но взгляни на устаревшую технологию строительства! Здесь, на западе, вместо мрамора они используют кирпич или даже грубый известняк, а вместо каменных колонн — деревянные! Поражаюсь, как эта развалина до сих пор не обрушилась! А эти крошечные терракотовые элементы вокруг антаблемента! Таково влияние этрусков...

А неподалеку с выражением безразличного смирения стоял Софрон, почесывая блошиный укус. Телохранитель Коринны, казалось, преданно исполнял свои обязанности. Однако разума, подобного тому, каким он обладал — совершенно не отягощенного

---

¹ Фокей — древнегреческий полководец.

мыслями,— Зопириону встречать не доводилось. На корабль они пришли последними и нашли капитана в еще худшем настроении, чем обычно.

— Клянусь зубами Танит! — ревел Ифбаал.— Мы ждем вас целый египетский час! В следующий раз мы отплывем без вас, и плевать, что с вами будет!

Велия была на расстоянии дня пути дальше по побережью, за мысом Посейдона. Когда корабль покинул Посидонию, оживленный береговой бриз отнес их далеко в море, пока берег не растаял пестрой полоской оливково-коричневого цвета, вытянутой вдоль горизонта. Экипаж под резким углом повернул «Муттумалейна» к берегу, желтый парус взяли на гитовы: теперь он располагался почти вдоль продольной оси судна. Но непрекращающийся северный ветер относил корабль все дальше от берега. Гафвинд¹ кренил палубу, однако корабль шел устойчивее, чем прежде.

— Не слишком ли далеко мы отплыли от берега? — улучив момент, когда Асто был один, по-финикийски спросил Зопирион.

— Не бойся,— успокоил его Асто.— Ветер так или иначе сменится береговым. В худшем случае проведешь ночь на палубе. На самом деле следует опасаться только сильного шторма у скалистого берега. Если парус новый, то есть возможности для маневра. Но с таким как у нас — старым и обвислым, наши кости будут обглаживать крабы.

Большинство пассажиров чувствовало себя гораздо лучше, чем вчера. Певец Гиппомедонт кусочком уголька начертил на палубе клеточки и играл с телохранителем Софроном в шашки, используя вместо фигур белые и черные бобы. Погода разгулялась настолько, что Зопирион снял кожаные фракийские сапоги и надел сандалии. Порывшись в сумке, он нашел небольшую коробку с настольной игрой «Священный путь» и принялся учить играть в нее Сеговака. Кельт оказался способным учеником, но отчаянно азартным игроком.

— Зопирион, дорогой, а не оживить ли нам игру, сделав по небольшой ставке? — сыграв несколько раз, спросил Сеговак.

«Ну что ж, в этом нет ничего страшного»,— подумал Зопирион.

— Отлично. Ставлю обол на следующий кон,— и он бросил кость.

---

¹ Гафвинд — название ветра.

В игре «Священный путь» часто случались внезапные повороты судьбы. Зопирион уже привел одну из своих фигур в дом и взял в плен три фигуры Сеговака, когда кельт, в распоряжении которого оставалась лишь одна фигура, взял фигуру Зопириона, потом другую, а через некоторое время у Зопириона не осталось на доске ни одной фигуры.

Следующие две игры прошли по такому же сценарию. Проиграв три обола, Зопирион забеспокоился. Разница в пол-обола могла существенно повлиять на наличие или отсутствие обеда в один из прекрасных дней. Юноша очень обрадовался, когда кельт поднял глаза и произнес:

— Хвала богам, мы поворачиваем обратно к земле! А я уже начал было опасаться, что мы подплывем к краю мира и свалимся с него!

— Судя по последним теориям, мир бескрайний. Он круглый, как мяч.

— Да брось ты! Если бы он был круглый, с него стекла бы вниз вся вода!

— Нет, не стекла бы, потому что «низ» — это направление к центру земли. Иными словами, если бы ты был от меня на противоположной стороне земли, твой «низ» для меня был бы «верхом» и наоборот.

— Может, не стоит подшучивает над бедным необразованным кельтом, а? Каждый знает, что «верх» — это верх, а «низ» — это низ. Разве возможно, чтобы каждый из них одновременно был и своей противоположностью?

— Представь, что мы стоим по обе стороны от мачты. В этом случае она находится к югу от тебя и к северу от меня. И если нас спросят, в какой стороне мачта, мы дадим ответы, отличные друг от друга. Но оба окажемся правы.

Сеговак кивнул.

— Со всем уважением к тебе и твоим знаниям, я все-таки не верю. А потом умные греки придут к выводу, что не духи навлекают на людей болезни, или что человек произошел от обезьян.

— Вполне возможно. Один философ уже выдвинул теорию, что человек произошел от рыбы.

— Ага! Среди вас простой человек не может чувствовать себя уверенно. Даже если ты в чем-то абсолютно уверен, обязательно появится бездельник вроде тебя и выведет из душевного равновесия заявлениями вроде «это совершенно не так». — Кельт зевнул и потянулся. — Посплю-ка я чуток, пока эти теории не начали бродить у меня в голове.

Как и предсказывал помощник капитана, подул северный ветер. На закате «Муттумалейн» бросил якорь в одной из превосходных гаваней Велии. В ней стояли на якоре или лежали на берегу рыболовецкие суда и торговые корабли. У некоторых еще не был закончен ремонт после зимовки: там и здесь сновали люди, конопатили и красили корпуса, чинили оснастку.

Люди с «Муттумалейна» устало двинулись в город. Их взглядам открылась обширная равнина, плотно застроенная домами. Хмуро стояли стены, а над ними возвышался акрополь с храмом на вершине.

— Я не предполагал, что Велия — такой крупный город, — заметил Зопирион.

— Да, это так, — ответила Коринна. — Он стоит в одном ряду с Тарентом и Неаполем. Жители Велии называют ее Западными Афинами, и во многом из-за ее философов.

— Здесь мы должны, наконец, подыскать подходящее жилье. Кстати, кто видел легендарную жену капитана Ифбаала?

— Я не видел. Начинаю думать, что женщина мертва, а у него мания возить с собой ее тело, — предположил певец Гиппомедонт.

Сеговак, будто внезапно проснувшись, добавил:

— Если эта несчастная на самом деле мертва, то скоро мы об этом узнаем.

— Если только он ее не засолил, как засолили дядю госпожи Коринны, — заметил Гиппомедонт. — Я знал одного человека, который настолько любил труп, что...

Музыкант замолчал, заметив Ифбаала, трусившего мимо них на взятом внаем осле. Капитан ехал, низко склонив голову, а с лица не сходило обычное озабоченное выражение.

— Он отправился в город к купцу, торгующему соленой рыбой.

На этот раз путешественники остановились в хорошей гостинице с отдельными комнатами для женщин. Сидя в таверне гостиницы, Гиппомедонт настроил лиру и запел чистым тенором.

О мастер, наполни мою пустоту,
Создай невозможную ту,
Которой не знал — но которой дышу,
Такой, как ее опишу:
Чтоб угольно-черной блистала косой
И благоухала росой,
Коль в ней будет видно биенье крови —
Попробуй ее оживи.
Пусть ворох волос будет мрака крылом,
Луною сияет чело,
Изящные брови пусть лягут дугой, а очи моей дорогой...

Певец послал по рядам свою шляпу, и в этот момент в дверях показался капитан Ифбаал.

— Завтра мои люди могут поспать подольше,— как всегда грубовато произнес он.— На рассвете, когда откроется рынок, пополним запасы рыбы, а потом сразу же отплываем. Не опаздывайте!

Утреннее солнце теплым светом заливало агору¹ Велии, где торговцы пирогами и кровяной колбасой раскладывали на прилавках свой товар, продавцы жареных орехов и горячей душистой воды разжигали свои жаровни. Торговцы раскладывали на прилавках товары; распевались, подготавливая свои голоса к дебатам, ораторы; нищие тянули свои жалостливые просьбы, предсказатель судьбы приготовил изрядно потрепанный череп и прочие магические атрибуты. Разминался жонглер, подкидывая мячики, а хозяин дрессированного медведя завтракал вместе с питомцем буханкой хлеба.

Три философа неистово спорили о различиях между Тем, Чтобы Быть и Тем, Чтобы Стать, а также о множественности или единстве Истинного Бытия. Их окружала восторженная толпа любопытных, среди которых стоял и кельт. Сеговак, одетый в клетчатую юбку и блузу, слушал, раскрыв рот от изумления. Зопирион с Коринной и ее оставшимися двумя слугами возвращались с акрополя, где они бегло осматривали храмы. Несколько ребятшек признали в них чужеземцев и принялись громко выпрашивать деньги, протягивая ладошки.

— Убирайтесь,— прикрикнул на них Зопирион и тут же повернулся к Коринне: — Моя дорогая, почему ты плачешь?

— Они напомнили мне моего маленького Ахирама. Как мне убедить тебя помочь спасти его?

— Не мучай меня, пожалуйста! Я сделаю для тебя все, что в моих силах, но ты же знаешь, я дал слово!

— Обещания дают для того, чтобы их нарушать.

— И тебе, и всем остальным? Я не такой человек... Эй, Сеговак, не лучше ли нам вернуться на корабль?

— Значит, идем, о юный господин, значит, идем,— будто пробудившись ото сна, произнес кельт.— Мудрая женщина вела такие прекрасные речи, а я не понял ни слова из них. Скажи мне, заложен ли в подобных великолепных речах хоть какой-то смысл? Или их заводят после того, как наслушаются речей других сумасшедших, как я сейчас?

Агора — рыночная площадь.

— Именно об этом они и спорили: реален или нет предмет их дискуссии. Но раскрою тебе секрет. Это — работа на публику, почти как поединок, в котором противники заранее сговорились. Здесь никто даже не будет ранен.

— А зачем же тогда это нужно?

— Они демонстрируют свой ум и увлекают в ряды себе подобных богатых юнцов. Теперь это называется риторическим образованием.

— И юноши платят за получение знаний о Том, Чтобы Быть и о Том, Чтобы Стать?

— Именно так. А также учатся аргументировать, спорить и произносить речи.

— Ох, до чего же здорово, должно быть, быть юным богатым эллином и учиться спорить и произносить речи! У кельтов тоже есть великолепные ораторы, но думаю, здесь им есть чему поучиться.

Путники взошли на борт «Муттумалейна» в тот момент, когда была поднята последняя корзина с рыбой. От нее в воздухе разносился сильный запах. Зопирион бросил быстрый взгляд на каюту, но не обнаружил в ней признаков жизни. Небо снова заволочло тучами.

На палубу поднялся последний пассажир, матросы втащили трап и принялись поднимать якоря, когда неожиданно с берега раздался крик, при звуках которого все невольно обернулись. На пляже неистово размахивал руками, подавая знаки, юноша. Разбрызгивая воду, он бросился по мелководью к кораблю, подпрыгнул, уцепился за якорную цепь и обезьяной забрался на борт. Тяжело дыша и оставляя за собой мокрые следы, он подошел к капитану Ифбаалу.

— Не найдется ли у вас каюты еще для одного пассажира? — переведа дыхание, спросил он. — Как далеко вы идете?

— Да, место есть. А идем в Леос, Темпос и Мессану; потом на запад в Панорм и порт приписки — Мотию.

— Мне нужно добраться до Сиракуз. Можно доплыть с вами до Мессаны, а там пересесть на корабль, идущий в Сиракузы?

— Думаю, да. Там полно судов, плавающих вдоль побережья. Плата за проезд — одна драхма.

— Клянусь Гераклом, это слишком! За такие деньги я смог бы купить билет на государственную галеру!

Ифбаал пожал плечами.

— Или плати, или убирайся. Но почему-то мне не верится, что ты снова воспользуешься якорной цепью и вплавь доберешься до берега.

Ифбаал пристально вглядывался в берег. На дороге, ведущей к гавани, появилась группа бегущих мужчин. Они были далеко и казались крошечными. Один из них на бегу придерживал обеими руками пурпурный плащ судьи. Его спутники были вооружены пиками.

— Фу! Думаю, будет лучше принять ваши условия. Возьмите! — бросив испуганный взгляд в сторону берега, пробормотал юноша.

Зазвенели монеты.

— Поднимай парус, Асто! Итак, молодой человек, кто ты?

— Алексит, сын Крата. Я...

Группа преследователей выбежала на берег. Над водой разнеслись их крики.

— Капитан Ифбаал! Вернитесь! Высадите того человека! Он нам нужен!

— Что? — сложив рупором ладони у рта, закричал в ответ Ифбаал.

Корабль отплывал все дальше, и яростные крики преследователей были слышны все слабее.

— Я вас не слышу! Увидимся через месяц, тогда и поговорим!

Ифбаал позволил себе горькую улыбку.

— Почему-то ты появился здесь в одной блузе, без плаща и багажа. Сразу видно: ты покидаешь Велию не по своей воле. Я мог бы запросить двойную цену, так что, считай, тебе повезло.

— Кстати, о плащах. На море может быть прохладно. Ты не дашь мне взаймы плащ? — попросил Алексит.

— Можешь взять один, но за дополнительную плату.

— Послушай, ты... — начал было Алексит, но, взглянув на берег, замолчал на полуслове.— Бери!

— Спасибо. Запомни: держись подальше от каюты, где находится моя жена, самая прекрасная женщина Египта.

— Да? Ну, если ты так хочешь. Не думай, что я совершил в Велии преступление. Я просто...

— Послушай, юноша,— холодно отрезал Ифбаал,— чем меньше я узнаю о твоих трудностях, тем лучше будет для всех нас. А теперь позволь мне приступить к исполнению своих обязанностей.

Новый пассажир повернулся к остальным. Те сидели прямо на палубе или на корточках около перил и заинтересованно наблюдали.

— Возрадуйтесь все! — произнес он. — Я Алексит, сын Крата, следуя ко двору Дионисия. Мне было бы приятно познакомиться со всеми вами. Назовите ваши имена!

Юноша познакомился и вежливо поприветствовал каждого, одарив Коринну особой улыбкой. Алексит был всего несколькими годами старше Зопириона, но ниже ростом и более хрупким. Длинные светло-каштановые волосы обрамляли удивительно красивое и нежное, почти женское лицо, на котором ясно светились голубые глаза. В окружении бородатых мужчин особенно странно выглядело его чисто выбритое лицо. Зопирион даже позавидовал тому, насколько свободно новоприбывший общается с незнакомыми людьми.

— Почему ты покинул Велию в такой спешке? Нам, в отличие от капитана, это очень интересно, — спросил он.

Алексит сделал неопределенный жест рукой.

— Все дело в философии. Вместе с друзьями я начал говорить о высшей мудрости. А тупоголовые члены магистрата усмотрели в этом подрывную деятельность. Нелепо как-то.

— А какая школа философии? — спросил Зопирион.

— Элейская или велийская, если ты понимаешь, о чем идет речь.

— Я не невежда, — заметил Зопирион. — Еще мальчиком я учился у великого Филолая.

— Который считает, что Земля летает по кругу вокруг Луны или что-то в этом роде? Чудовищная идея! Значит, ты — пифагореец?

— Меня так называют, потому что я у них учился и являюсь последователем их математических теорий. Но по профессии я не учитель и не лектор. Я строитель, и неплохой, позволю себе заметить.

— Впрочем, как и я. Мы кораблестроители. И вместе с друзьями мы хотели убедить жителей Велии, что управлять страной должны люди, разбирающиеся в философии и технических искусствах. Но глупое и невежественное народное собрание... Возможно, где-нибудь в другом месте я найду более просвещенных людей. Как ты думаешь, мне удастся убедить тарентийцев проголосовать за такое правительство?

— Не знаю. Наше правительство нравится нам таким, какое оно есть. К тому же я далек от политики.

Алексит хихикнул.

— Горожанин с широким кругозором не должен стоять в стороне от политики, особенно, если он философ. Политическая жизнь города — вот где центр его существования.

— Нет, я предпочитаю не иметь столь широкого кругозора и мирно заниматься своим делом.

В разговор вмешался старый этруск.

— Вся эта бестолковая болтовня греков, которую они называют философией — пустая трата времени. Даже все вместе взятые ваши научные — как вы их называете — претензии не в силах изменить мир. Единственное, чему можно научиться — это приспособливаться к нему. А приспособиться можно, лишь изучая приметы, посредством которых бог открывает людям свои планы. Так в начале начал учила этрусков нимфа Веголия.

— А какие боги? — спросил Сеговак. — На родине мы поклоняемся нашим собственным богам: Есусу, Кернунносу, Эпоне¹ и другим. Когда я жил в стране этрусков, мне говорили, что истинными богами являются Тиния, Юнона, Минерва и другие. Я уж и позабыл их имена. У латинян богов тоже предостаточно; их царь, то есть главный бог — Юпитер. И у греков, и у финикийцев тоже есть свои боги. Поэтому мне хотелось бы знать: различны ли между собой все эти боги? Иначе говоря, правят ли они как смертные цари каждый на своей земле? Или это одни и те же боги, которых только называют по-разному?

— Мы, философы элейской школы, — с воодушевлением и надменно произнес Алексит, — придерживаемся того, что на свете есть лишь один бог — универсальный божественный принцип, основа. Но этот принцип проявляется в различных обличьях и в разных странах называется по-разному.

— То есть как цифры на разных гранях игральной кости, тогда как сама кость — просто один-единственный костяной кубик? — вмешался Сеговак.

— Хороший пример. Конечно же, мы не верим, что некоторые боги, независимо от имен, которые они носят, сворачивали жен других богов или лупили друг друга по голове. А также мы не согласны с тем, что наш Бог-принцип в принципе может быть познан. Некоторые полагают: через наблюдение и анализ можно прийти к его пониманию. Другие сомневаются, что этого достаточно. Зенон, учитель моего отца, доказал это своими парадоксами. К примеру, в истории об Ахиллесе и черепахе он показал, что одних только наблюдения и анализа недостаточно для понимания истинной природы реального. Если с точки зрения наблюдения Ахиллес может догнать черепаху, то с точки зрения анализа это невозможно.

Есус, Кернуннос, Эпона — главные божества кельтского пантеона.

Отсюда вывод: феноменальный мир не есть мир реальный. Это становится очевидным и при некоторых других формах познания и восприятия, например, в снах или божественных откровениях.

— Не следует снимать со счетов наблюдение и анализ только потому, что в одном случае они дали сбой,— вступил в спор Зопирион.— Если при создании машины у меня ломается инструмент, не стоит говорить, что эти инструменты в принципе не пригодны для работы с машинами. Просто я беру другой и, надеюсь, более надежный. Зенон доказал только одно: *его* аргументация была неверна. А что касается божественного принципа, то здесь я уверен: если его и можно познать, то только посредством наблюдения и анализа.

— Истинные высшие боги неизвестны смертным,— произнес этруск.— Мы знаем лишь то, что старшие боги существуют, но ничего не знаем о них, даже не знаем, кто они. Все, что происходит на земле, планируют старшие боги. Маленькие боги — те, которых мы почитаем,— как бы получше выразиться... всего лишь мальчишки на побегушках у старших богов. Младшие боги должны делать то, что им говорят. Все предопределено заранее, включая приметы, по которым мы можем узнать то, что нам приготовили боги. Все циклично. Этрусскому народу предопределено десять циклов, а после этого мы потеряем силу и исчезнем.

— Неужели выходит так: то, что я делаю, не имеет значения только потому, что старшие боги давно все запланировали? — переспросил Сеговак.

— Совершенно точно.

— Тогда почему бы мне не отправиться в первый же бой без щита? Спаси нас Валетудо! Так, кажется, ничего не добьешься. У меня на родине друиды рассказывали, что у нас не одна жизнь, а несколько, и они следуют одна за другой. Если мы пытаемся правильно поступать в этой жизни, то в следующей можем получить лучшую долю. Это похоже на продвижение по службе при дворе Великого Царя. А если следовать твоим словам, то человеку не стоит даже пытаться.

— О том же говорится и в пифагорейской доктрине, хотя я ничего не слышал о продвижении,— заметил Алексит.— Лично я всегда знал, что я — воплощение Дедала.

— Человека, который сделал крылья? А его сын утонул, когда попробовал на них полетать? — спросил Сеговак.

— Именно его — великого мастера и создателя этого смертоносного изобретения, если верить легенде.

— А откуда ты знаешь, что ты — новое воплощение Дедала? — спросил Зопирион.

— У меня были видения, говорившие о том, что в прошлой жизни я был им. Подтверждением тому служат мои способности к математике и изобретательству.

Зопирион усмехнулся.

— Это весьма странно, потому что в детстве, когда в школе изучал пифагорейские доктрины, я был уверен: именно я — воплощение Дедала. Совершенно очевидно, что каждый из нас в равной степени может быть, а может и не быть перевоплощением Дедала, но вряд ли одновременно.

— Я знаю только то, что я знаю, — мрачно ответил Алексит.

— Таким образом, какой бы ни оказалась правда, весьма сомнительны наши воспоминания о прошлых жизнях. Возможно, в сокрытии их от нас заключено определенное божественное намерение. В этом трудности метемпсихоза¹. Не помня прошлых жизней, мы продолжаем повторять снова и снова свои глупые ошибки.

— Но я *смог* вспомнить свою!

— Поздравляю!

Сеговак, пытаясь справиться с нахлынувшим потоком идей, стоял, прислонившись к перилам, и дергал себя за усы.

— А что твой Пифагор говорил о богах? — спросил он Зопириона.

— Практически то же самое, что и представители элейской школы. Пифагор говорил, что символом бога может быть шар, как самая совершенная фигура. Однако когда дело касается подробностей, человек попадает в сферу неясного, неуловимого, либо признается, что внутренняя природа божественного непостижима. Как бы то ни было, доктрины Пифагора были предназначены только для узкого круга посвященных. Профаны же должны быть уверены в том, что боги непосредственно участвуют в делах смертных, награждая добродетель и наказывая грех. Без этого простые люди не смогут поступать как должно.

Сеговак засмеялся.

— Проблема состоит необходимости определить, кто эти мудрые философы, и кто есть профаны? Каждый будет думать, что именно он и есть мудрец, а к плебеям относится любой другой!

---

¹ Метемпсихоз — переселение души после смерти из одного тела в другое.

Зопирион улыбнулся, но такой поворот дискуссии ему понравился.

— О варвар, тебе нужно быть философом, а не воином! Однажды в Тире мне довелось услышать и другую доктрину. Вавилонцы утверждали что-то вроде того, что боги — это звезды, или звезды — колесницы богов, здесь я не вполне разобрался. Но события на земле происходят в полном соответствии с их движением по небу.

— Не слишком ли это тяжеловесное утверждение? — спросил Сеговак.— Ведь звезды ходят по небу всегда одинаково, одна за другой. Так какой смысл молиться какой-либо звезде: в любом случае она будет двигаться по небу как обычно, по строго определенной траектории, значит, события на земле тоже будут происходить такие же, как и раньше. Это ничем не лучше идеи, которую выдвинул почтенный этруск — прости, я забыл твое имя, господин...

— Вибенна.

— ...идеи господина Вибенны: насчет того, что у старших богов уже приготовлен развернутый план для всего мира, и все события происходят в полном соответствии с ним. А вы что думаете о богах, мастер Зопирион?

— Думаю, это математические принципы, управляющие вселенной,— ответил Зопирион.

— Но молитва вряд ли поможет человеку изменить эти математические принципы, не более, чем она может изменить разум звезд, или божественные принципы Алексита, или грандиозный мировой план Вибенны.

— Возможно, и нет. Однако если человек узнает, как эти принципы работают и найдет им практическое применение, то это может изменить к лучшему его удел в мире живых.

— А я думаю, что вы все не правы,— вмешался в разговор Асто, помощник капитана. Все это время он негромко раздавал указания матросам.— И если вы извините меня, нечестивца... Вы говорите о поиске истины, о богах,— тут Асто поднял глаза к небу и коснулся рукой груди, губ и лба.— Разве можно поймать кита на удочку или забраться на луну по судовому трапу? Так как же крошечный дух смертного может понять великие замыслы богов? Всем известно: боги сильны, ревнивы и ужасны. Мы для них, как насекомые под ногой человека. Если мы смиренно предаем им свои жизни и даем им все, что они просят, включая наших первенцев, то, возможно, они оставят нас в живых, хотя бы ненадолго. Измерять и взвешивать богов — это просто сумас-

шествие. Мы должны, не раздумывая, повиноваться им. Если бы хоть один из них подслушал ваши высокомерные разговоры, то запросто уничтожил бы существующий мир с той же простотой, с какой вы задуваете свечку!

— А откуда *ты* знаешь, чего хотят боги? — спросил Зопирион.

— Нам говорит жрец. А если он не знает, то как он может выполнять свои обязанности?

— Вполне возможно, они ищут личной власти или богатства, — произнес Алексит.

— Это все нечестивое греческое безбожие, я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Кто это безбожник? — удивился Алексит. — Ливийцы поклоняются бабуинам, и убившего бабуина приговаривают к смерти за безбожие.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, — не унимался Асто. — Все, что говорит жрец, не может быть неправдой, иначе боги не позволили бы им жить.

— Иными словами, бог должен быть, потому что так говорят жрецы, а жрецы должны говорить правду, потому что боги вынуждают их к этому? — заключил Зопирион.

— Именно так.

— Алексит, мне кажется, что в логике нашего друга есть трещина, в которую я могу засунуть чуть ли не палец?

— Он принимает на веру то, что он хочет доказать. А аргументы замкнуты в кольцо. Я достаточно умен и обратил на это внимание.

— Вот как! Значит, можно спорить логически, как Критий: жрецы придумали богов для того, чтобы запугать простых людей и подчинить себе их волю.

Услышав такое богохульство, Асто закатил глаза к небу и проворчал по-финикийски короткую молитву.

— Ваша логика — не более, чем игра слов. Но у меня есть вера, и это значительно лучше. Моя вера говорит мне, что есть боги, как утверждают жрецы. Здесь логика не нужна. Я *знаю*, что я прав. Вы, греки опутываете себя сетью слов, как те люди утром на агоре. Я необразованный человек, но я знаю, что половина ваших доводов относятся не к реальному миру, а к греческому языку. Только потому, что у вас есть слово *Сущий*, вы думаете, что в реальном мире должно быть нечто ему соответствующее. Если вы выучите другие языки, то увидите, что такое соответствие не всегда имеет место.

— Мои дорогой! — обратился к нему Алексит. — Неужели ты думаешь, что эллины будут учить варварский язык, вроде твоего финикийского, со странными звуками, исходящими из горла?

— Для представителя столь самонадеянной нации это было бы весьма полезно. Я могу разговаривать с людьми вдоль всего побережья Внутреннего моря. Но из всех греков, с которыми мне довелось встречаться, чуть ли не один господин Зопирион говорит и на других языках тоже. В нашем ханаанском языке нет надуманных слов вроде «Феноменальной вселенной» или «Внутренне присущего бытия». Мы с легкостью обходимся и без них. Клянусь бронзовыми яйцами Мелькарта, хотел бы я посмотреть, получилось бы у Ифбаала продать в Сиракузах пятьдесят амфор вашего Сущего!

— Есть вещи, имеющие большее значение, нежели вульгарная торговля! — ответил Алексит.

— Например, перерезать соседям горло! Вы, эллины, обожете это делать! — парировал Асто. — Каждый дурак с копьем в руках может пойти и убить. Но чтобы проложить торговые пути, необходимо мужество и ловкость. Если бы мы, деловые люди, не привозили в ваши гавани товары, что случилось бы с вами, умные философы, сгатные атлеты и храбрые варвары? Надели бы вонючие овечьи шкуры и зажили бы, как луканы, в хижинах из тростника и глины вместе со свиньями! Вот так!

После его страстной речи наступило гнетущее молчание. Зопирион подумал, что в этом крошечном человечке сокрыто больше энергии, чем можно было предположить, судя по застенчивым манерам и серому, мышинному внешнему виду.

Наконец молчание прервал Сеговак.

— А мне очень симпатичны боги господина Вибенны. Даже если они и не собираются помогать нам, то, по крайней мере, не отбрасывают нас в сторону. Конечно, если это не является частью их великого плана. Весьма удобно! Но все-таки родные кельтские боги мне нравятся больше всех. Возможно, они не так мудры, как боги господина Вибенны, не столь могущественны, как боги господина Асто, не столь мудреные, как боги господина Зопириона. Но с ними так уютно и спокойно. Их много, и каждый человек может запросто поладить с ними, если хотя бы иногда будет умасливать их, даст кусочек мяса или глоток пива и время от времени будет сжигать в его честь вора или раба. Так что, извините меня, я прочту короткую молитву старому Есусу, да отправлюсь на боковую.

— А я займусь наблюдениями за полетом птиц,— произнес Вибенна.— Попытаюсь узнать, каково следующее действие всемогущей божественной воли.

В сумерках они встали на якорь в устье реки Пикс и провели ночь в городе с тем же названием.

— Я умираю от любопытства, что это за странная жена капитана Ифбаала! И почему он держит ее вдали от постороннего взгляда?! Обязательно загляну в каюту!

— А я нет. Путешествие по морю и так слишком рискованно. Не стоит придумывать новые неприятности.

— Да ты просто трусишь! Стой, посмотри-ка! Как я и говорил тебе...

Алексит вернулся к рассказу о своем плане постройки маяка — высокого, как гора в Сиракузах. Он был полон оптимизма и рассчитывал убедить сиракузского тирана — могущественного Дионисия — одобрить этот проект.

— Говорят, он нанимает на работу талантливых людей, таких как я! Знаешь, около десяти дней назад представитель Дионисия остановился в Велии и агитировал юношей. Он утверждал, что в Сиракузах их ждут слава и удача.

Зопирион смотрел на Алексита и чувствовал, что очарование последнего постепенно улетучивается. Этот человек болтал без умолку, большей частью о собственных неисчерпаемых добродетелях. К тому же у него была скверная привычка постоянно дотрагиваться до собеседника. Стоя около перил, он мягко нажимал рукой на руку Зопириона. Когда они сидели на палубе, он пододвинул ногу так, чтобы касаться ноги тарентийца, и тот был вынужден подняться и отойти в сторону.

Зопирион подозревал, что Алексит ищет любви мужчины. Несмотря на то, что греки не видели в подобных связях ничего предосудительного, Зопириона совсем не привлекали подобные отношения. Его предпочтения, как и предпочтения многих других, оставались всецело на стороне женщин. Он считал любовные отношения между мужчинами позерством аристократов, как и растягивание слов, вялые жесты и бритье лобка, принятые у богатых юнцов Тарента.

— О Алексит, боюсь, ты никогда не сделаешь карьеру философа,— заметил Зопирион.

— Почему так?

— По этой же причине некоторым женщинам в жизни не удастся заработать на жизнь проституцией. Ты просто раздаешь то, за что следует платить.

— Фу ты! Клянусь Герой, раз уж я тебе надоел, мне не составит особого труда найти того, кто лучше оценит глубину моих знаний!

Алексит слегка отстал, пристроился к старому хрому Вибенне и направил на него поток своих скачущих мыслей. Зопирион поспешил догнать Коринну. С каждым часом он в нем росло страстное стремление находиться рядом с девушкой.

На следующий день Зопирион снова опоздал на корабль, вступив в долгую дискуссию о местном водопроводе с жителем Пикса, за что вторично получил нагоняй от капитана Ифбаала. Вскоре корабль подставил паруса дуящему с берега утреннему ветру. Когда они успели порядком отплыть от берега, Зопирион с удивлением услышал, как капитан Ифбаал кричит на Алексита.

— Эй, ты! Убирайся оттуда! Ты что, решил пошпионить?

— Да не заглядывал я в твою мерзкую каюту! Клянусь богом, я просто смотрел на море...

— Да я видел собственными глазами! Клянусь зубами Танит, я убью каждого, кто бросит на нее свой развращенный взгляд!

— Капитан, пожалуйста! — закричал по-финикийски его помощник. — Пожалуйста, не волнуйтесь вы так! Юноша посмотрел, но...

— Попридержи язык, Асто! А что касается тебя, молодой человек, если увижу тебя еще раз в этой части судна, высажу на следующей остановке!

— Тогда возвращай деньги!

— Попробуй, отними!

— Жулик! Расхититель гробниц! Наглец, жующий навоз!

Руки ссорящихся уже лежали на рукоятках ножей. В этот момент Асто, Зопирион и телохранитель Софрон вскочили между ними, успокаивая и уговаривая.

— Жаль, конечно, останавливать добрую схватку, но капитан нам нужен живым: он умеет управлять судном. Я захватил с собой кувшинчик вина, чтобы день прошел побыстрее: оно великолепно помогает скоротать время. Доставайте чаши, я налью вам. Не так много, ведь на качающейся палубе легко пролить, и тогда вино достанется рыбам. Ну, кто может спеть песню или рассказать интересную историю? Давайте вы, господин Гиппомедонт!

Певец принялся настраивать лиру, а Сеговак разливать вино. Алексит, быстро позабыв о недавней вспышке ярости, взял свою чашу. Капитан же просто отказался.

— Мне нужна ясная голова.

Певец коснулся пальцами струн и запел:

О чаровница бессмертная, Зевса великого дочь!

Мне помоги — умоляю — все казни судьбы превозмочь.

О Афродита, царица, прошу лишь о главном теперь:

Дай мне для смерти себя сохранить в круговерти потерь...

Гиппомедонт спел несколько песен, и Вибенна таинственно раскрыл несколько секретов искусства предсказаний.

— Основы нашей религии записаны в священных книгах. Самой важной из них является Книга Молний. В ней описаны различные виды молний и грома, а также приведены толкования каждого из них. Всего существует одиннадцать видов молний, девять богов обладают силой посылать их. Три из них кроваво-красного цвета посылает Тиний, небесный отец. Первая из его трех молний предупреждает людей. Ее он посылает, когда захочет. Вторая полна опасностей. Тиний посылает ее только по просьбе младших богов. Третья приносит небесный разрушительный огонь. Она настолько опасна, что Тиний должен получить разрешение старших богов для того, чтобы послать ее. Молниями обладают и другие боги и богини, например, Юнона.

— В Книге Молний небо разделено на шестнадцать частей. Толкователь молний должен стоять лицом к югу: справа и слева от него будут располагаться по восемь небесных секторов. Он дает толкование молнии судя по направлению, откуда она появляется, и месту, в котором она ударяет в землю. Если молния бьет слева, это к счастью. А если справа...

После него Асто начал рассказывать финикийские легенды. Поведал о поединке бога Мелькарта с демонессой Масисабалой.

— ...и он бросился в лес преследовать чудовище, чей хвост серебряным ручьем извивался на мертвых листьях. И там, на поляне, около костра приподнявшись на хвосте, стояла женщина с телом дракона. С неба светила кроваво-красная луна, а алые языки женщины-дракона, раздвоенные подобно остроге, извивались и светились в отблесках пламени костра...

А на десерт Алексит угостил путешественников загадками и парадоксами. Когда наступил черед Зопириона, он прочитал строфы из греческой эпической поэмы.

Так отдыхал многостойкий в беде Одиссей богоравный,
 Сном и усталостью тяжелой смиренный. Паллада Афина
 Путь свой направила в землю и в город мужей феакийских.
 Жили в прежнее время они в Гиперее пространной
 Невдалеке от циклопов, свирепых мужей и надменных,
 Силою их превышавших и грабивших их беспрестанно.
 Поднял феаков тогда и увел Навсифой боговидный
 В Схерию, вдаль от людей...¹

В Леосе они остановились на сутки, чтобы пополнить запасы вина. После этого целый день все ходили умиротворенные. Пассажиры и моряки кто как мог убивали время. Собравшись на пляже, они наблюдали, как Алексит и Сеговак бреют друг другу подбородки, весело насмехаясь над поклонником варваров.

— Что это? Новая прихоть варваров? — спросил Вибенна.

— А что же еще, — ответил Софрон. — Клянусь Гераклом, это не по-эллински!

— Это обычай египтян, — заметил Асто. — Но я слышал, что афинские гетеры переняли его, чтобы завлекать своих любовников.

— Бороды были у моего отца и деда. Значит, и мне ходить с бородой. Послушай, сынок, пусть твое лицо останется таким, каким бог создал его, — произнес отец двенадцатилетнего мальчугана.

— Алексит не может пережить, что становится взрослым, — сказал Зопирион.

— Ой, он порезался, — воскликнул мальчик.

— Ну, что я тебе говорил? — заметил его отец. — Вот что бывает, когда идешь против природы.

Позже организовали игру в мяч. В самом начале Зопирион неудачно упал и повредил колено.

— Ты ушибся, милый Зопирион. Чем тебе помочь? — когда юноша, прихрамывая, покидал поле, закричала Коринна.

— Как это некстати! Но все будет хорошо. У меня были ушибы и похуже. Софрон, поручаю тебе занять мое место в игре.

Телохранитель заворчал было, но Коринна вступилась:

— Да, иди и играй!

Софрон послушно положил на землю копье и принялся раздеваться. Зопирион, прихрамывая и опершись на плечо Коринны, пошел с ней по пляжу к воде, чтобы смыть пот и грязь.

— Я бы тоже искупалась. К тому же все заняты игрой. Ты обещаешь, что не будешь приставать ко мне или делать скабрзные замечания?

— Обещаю.

Несмотря на все благие намерения, при виде купающейся Коринны у Зопириона поднялось его мужское достоинство, и юноше пришлось закончить купание, встав к девушке спиной. Одевшись, тарентиец взглянул на игровое поле. По нему в облаке пыли с криками и воплями носились обнаженные мужчины с клюшками в руках.

— Я всегда был никчемным спортсменом: я нескладный, как осел на крыше. Однако мой желудок напоминает, что наступило время завтрака. Почему бы не взять немного еды и не отправиться вдвоем на маленький пикничок?

— Мы должны вытащить из игры Софрона.

— А почему бы не оставить его там? Он так счастлив!

— Нет, он должен быть рядом со мной. Отец дал нам четкие указания.

— Он даже не заметит, что мы ушли.

— Послушай, дорогой Зопирион. Возможно, Софрон не очень умен, но он честный и преданный. Здесь вряд ли найдется еще несколько человек, о которых можно сказать то же самое. Допустим, мы ускользнем без него. Когда он вернется в Мессану, отец сразу же спросит: «Следил ли ты верно и преданно за моей дочерью?» И несчастный глупец ответит: «Да, но однажды в Леосе она от меня сбежала». И тогда всех нас буквально сотрут в порошок. Я люблю отца и не хочу его тревожить. К тому же я два раза была замужем и уже не могу не обращать внимания на мужчин. Вам всем хочется поразвлечься. Однако, когда дело сделано, вы уходите, не заботясь о женщине, которой придется расплачиваться за ваше удовольствие. В наше безбожное время вряд ли кто-нибудь поверит в сказки о том, как Зевс навестил девушку, приняв обличье лебедя или золотого дождя.

— Клянусь божественным тетрактом, я не притронуся к тебе даже пальцем! Все-таки я — пифагорец!

— Это ты пока говоришь. Но я-то лучше знаю. Несмотря на то, что ты все время вел себя целомудренно, как Меланион, когда мы окажемся в зарослях асфоделя, тебе захочется поцеловать меня. Всего один безобидный поцелуй. А потом может случиться все, что угодно.

Зопирион молча смотрел на нее, потому что именно это и занимало его мысли в последнее время.

— К тому же я и сама не из мрамора, ты ведь знаешь,— опутив глаза прошептала Коринна.

Подавив вздох, он схватил ее за руку.

— Коринна...

— Да?

Природная застенчивость взяла было верх, но юноше удалось, слегка заикаясь, произнести:

— Я л-люблю тебя!

Коринна пристально посмотрела на него.

— Ты мне тоже нравишься, Зопирион. Даже больше, чем я могу позволить себе произнести вслух. Если ты сказал именно то, что хотел, то поговори с моим отцом, когда встретишься с ним в Мессане.

— Именно это я и хотел сказать. Но могут возникнуть трудности.

— Ну, конечно, их всегда много.

— Я все-таки на одну часть перс.

— Дорогой Зопирион! Не надо постоянно вспоминать о своей персидской крови. Выходит так, что ты постоянно защищаешься. Тебе ведь не нужно принимать афинское гражданство. После моего брака с финикийцем отец вряд ли свыкнется с мыслью о чужеземце. Сейчас меня больше заботит брачный договор и все, что с этим связано. И мой ребенок.

Зопирион махнул рукой.

— Так или иначе со временем это можно утрясти. К тому же я тоже должен получить разрешение своего отца.

— Давай не будем говорить о любви до тех пор, пока не начнем предпринимать практические шаги в этом направлении. Согласен?

— Мне казалось, я — человек логики, но из-за тебя я превратился в человека с полотняными мозгами, вроде Алексита.

— Ты согласен? Мне нужен прямой ответ.

— Да, с радостью.

А потом они устроили пикник. Между влюбленными сидел Софрон, обгладывал ножку дичи и безучастно слушал рассуждения Зопириона об акведуках и фортификации.

Следующая стоянка была в Темпсе, где путешественники задержались на день, чтобы взять груз медной руды. Корабль был загружен полностью. Пришлось встать на якорь подальше от

берега. Попасть на судно или на берег можно, только воспользовавшись шлюпкой. Утром восемнадцатого числа на борту собрались все, за исключением капитана: дела коммерции задержали его на суше. Наконец с берега отплыла шлюпка, на корме которой суетился Ифбаал.

Зопирион, скользя взглядом по палубе, с тревогой заметил, как Алексит, припадая к земле, крадется к двери в крошечную каюту и тербит кожаный лоскут, служивший щеколдой. Предчувствуя очередную ссору, Зопирион хотел было закричать и остановить его, но побоялся привлечь внимание Ифбаала. К тому же он терпеть не мог вмешиваться в чужие дела. На мгновение он застыл в нерешительности с широко раскрытым ртом. Всего несколько громких ударов сердца — казалось, прошла вечность, — и он собрался с мыслями.

— Эй, Алексит, убирайся оттуда, — закричал он как раз в тот момент, когда голова капитана Ифбаала показалась над палубой.

Одного взгляда хватило капитану, чтобы понять ситуацию. С ревом он перекинулся через борт, сбросил куртку, выхватил кинжал и бросился на Алексита. Одним прыжком Ифбаал сократил вдвое расстояние между ними, и только тогда нарушитель поднял глаза и увидел прямо перед собой всклокоченную бороду финикийца, горящие яростью глаза и пену на искривленных губах.

Алексит вскочил на ноги и попытался было убежать, лавируя между стоящими на палубе людьми. Все присутствующие тоже вскочили, кто-то громко советовал, кто-то криками помогал поймать беглеца, или преследователя, или обоих. Но те бежали слишком быстро. Упустив Алексита при первом броске, Ифбаал зигзагами носился по палубе за убегающим юношей.

Около перил, как раз в том месте, где Ифбаал прыгнул на палубу, Алексит повернулся. Сорвав взятый внаем плащ, он скомкал его и попытался бросить в голову Ифбаала, но тот отбросил плащ в сторону. Попытка задержать разъяренного финикийца не увенчалась успехом. Капитан подскочил к Алекситу, но тот схватил его за запястье руки с зажатым в ней ножом. Какое-то мгновение продолжалась яростная борьба. Ифбаал пытался высвободить руку, но Алексит прилагал все усилия, чтобы смертоносное лезвие не коснулось его тела. Наконец, борющиеся мужчины опрокинулись через перила и полетели за борт. Треск ломающихся досок и плеск воды вывел из замешательства людей на палубе.

Зопирион, все еще прихрамывающий после вчерашней игры, вместе с остальными бросился к краю палубы. Шлюпка, пришварто-

ванная к борту корабля, была разбита, обломки плавали на поверхности воды. Лодочник, пронзительно крича, пытался удержаться на оставшейся целой части. Вода вокруг нее пенилась и бурлила.

Наконец, всплески затихли. Появилась голова Алексита. Схватившись руками за планшир шлюпки, тяжело дыша и отплевываясь, он стал карабкаться на борт.

— Где Ифбаал? — закричал Зопирион.

Не произнося ни слова Алексит указал в воду. Люди на борту «Муттумалейна» разразились криками, предлагая немедленно что-нибудь предпринять. Зопирион сбросил плащ, тунику, сандалии и нагишом бросился за борт. В зелено-золотистой мерцающей толще воды между песчаным морским дном и черным корпусом, заросшим морскими водорослями и белыми, похожими на клыки, скоплениями ракушек, Зопирион увидел Ифбаала.

Капитан без движения лежал на белом песке, его тело слегка покачивалось от игры волн.

Зопириону пришлось подняться на поверхность, чтобы набрать в легкие воздух. Он поплыл вверх слишком круто, ударился головой о корпус судна и оцарапал руку о раковину, прилипшую к борту. От этого удара юношу выбросило из-под корабля. Оказавшись на поверхности, он выплюнул воду и несколько раз глубоко вздохнул, не обращая внимания на крики стоящих на палубе людей. Набрал в легкие воздух, Зопирион снова нырнул. На этот раз он поймал рукой лодыжку Ифбаала и потащил капитана на поверхность. Подплывший раб Коринны подхватил его сбоку. С палубы сбросили веревку, и подняли на корабль сначала бездыханное тело капитана, а потом и двух пловцов.

Ифбаала положили на перила, чтобы вода смогла выйти из легких, и пытались оживить его всеми возможными способами: делали искусственное дыхание, массировали тело, пытались поить вином. Алексит стоял поодаль и отжимал свою одежду.

— Мне кажется, вы зря теряете время, — произнес он. — Падая, он ударился головой о лодку.

Тело оставалось холодным и безжизненным. Пассажиры, отступив на шаг, замолчали, видимо, собираясь произнести молитвы и заклинания.

— Он мертв! — протяжно закричал Асто, помощник капитана, и заплакал. — Он был жестоким хозяином и немного сумасшедшим. Но это был самый храбрый и искусный капитан во всей Мотии. Он превосходно торговал, и равного ему мы не скоро увидим. Ты во всем виноват! — взглянул он на Алексита.

Алексит деловито прятал свою наготу под плащ, взятый внаем у капитана.

— Это дерьмо для ворон! Если бы не эти секреты и тайны вокруг каюты, ничего не случилось бы. Ифбаал сам виноват! Обязательно нашелся бы человек, который попытался туда бы проникнуть. Так что там, в конце-то концов? — перебросив полу плаща через плечо, произнес он.

— Иди да посмотри,— сказал Асто.

— Ну-у, я не знаю, на самом деле мне это совсем не интересно...

— Иди! Ты начал это, ты и завершай! Теперь Ифбаалу все равно.

Под взглядами людей, собравшихся на палубе, Алексит подошел к каюте и осторожно принялся развязывать кожаные веревки, будто ожидая увидеть перед собой льва. Наконец, заглянул в дверной проем

— Ну, я и эфиоп! — пробормотал он.

Несчастный побледнел и, изменившись в лице, повернулся к наблюдавшим за его действиями людям.

— Ну, что там? — крикнул Зопирион. Коринна помогала ему высушить одежду.

— Там ничего! Совершенно пусто!

— Что это? Черная магия? — заметив, что несколько человек сделали жесты, будто защищаясь от сглаза, спросил Алексит. — Или прекрасная женщина — не более чем плод больного воображения Ифбаала?

Юноша шагнул вперед, волоча по земле плащ. Люди отшатывались от него, боясь прикоснуться.

— Все верно. Давно, еще до того, как я начал плавать с Ифбаалом, он женился на египтянке, — пояснил Асто. — Однажды на Луканском берегу она покинула корабль, чтобы искупаться в уединенной заводи. Но какие-то негодяи набросились на нее. Изнасиловав, они перерезали ей горло и бросили. Так и нашел Ифбаал свою жену. А после этого, — Асто махнул рукой, — он начал медленно сходить с ума. Но за все это время он никому не причинил вреда, мы уважали иллюзии капитана. Ты не имел никакого права выводить его из себя. Теперь я капитан корабля, и ты будешь должным образом наказан.

Велиец, почувствовав опасность, рванулся было к борту, но Асто скомандовал по-финикийски: несколько матросов тут же бросились к Алекситу и скрутили его.

— Теперь держись! — заметил Зопирион и обратился к Асто: — Что ты собираешься с ним сделать?

— О господи, повесить убийцу, и все тут! — ответил Асто.

— Подожди! Возможно, этот человек совсем не герой, но его нельзя обвинить в совершении преступления.

— Я выношу ему приговор. Я теперь капитан, а на корабле мои приказы — закон.

— Но только не в эллинской гавани.— Боковым зрением Зопирион заметил, что Сеговак с невозмутимым видом достает из багажа свой меч, а телохранитель Коринны схватился за копье.— Послушай, дружище! Давай не будем спорить об этом. Мы все заинтересованы в том, чтобы твой первый рейс прошел без сучка и без задоринки.

— И что тогда? Какое наказание ты предлагаешь?

— Давай посидим и спокойно обсудим. Если мы придем к выводу, что было совершено преступление, мы передадим дело в руки магистрата Темпсы, и дадим свидетельские показания. Так как темпситы не знакомы лично с участниками преступления, то, возможно, рассудят более справедливо, чем кто-либо из присутствующих.

Асто собирался было возразить, но, бросив взгляд на оружие, решил этого не делать. Матросы привязали Алексита к мачте. Асто и трое из пассажиров все утро обсуждали случившееся. Скрученный веревками виновник происшествия стоял с несчастным видом. Несколько раз Асто порывался наказать его, но, в конце концов, был вынужден согласиться с аргументами собеседников.

— Если бы он на самом деле собирался обесчестить жену капитана, тогда другое дело,— заметил Зопирион.— Но ведь жены-то не было!

В результате долгих споров стороны пришли к следующему мнению: Алексит совершил непростительную ошибку, сделав попытку заглянуть в каюту. Но это вряд ли можно рассматривать как преступление. Кроме того, нельзя порицать Алексита за попытку защититься от сумасшедшего, бросившегося на него с ножом. Ифбаал погиб по причине гнева одного из богов или в результате таинственного хода Судьбы. Моряки даже освободили Алексита от необходимости оплатить надгробный памятник несчастному капитану.

— Вы хотите перевезти его тело в Мотию? — спросил у Асто Зопирион.

— Нет. Мы не так печемся о телах, как вы, греки. Моряки часто гибнут на чужой стороне, и не всегда есть возможность

отвезти их тела домой. Зароем его поглубже и закажем у местного каменщика небольшую стелу. А завтра отплывем в Мессану.

Зопирион мысленно отметил решительность и стремление командовать в застенчивом ранее помощнике капитана.

— А что ты теперь будешь делать, Асто?

— Приведу «Муттумалеин» обратно в Мотию. Там партнеры Ифбаала. Торговля должна идти своим чередом. Возможно, они передадут корабль мне. В любом случае мне потребуются письменные свидетельства правдивости моих слов, подписанные тобой и другими пассажирами.

Позднее, Коринна заметила:

— Зопирион, ты был неотразим. Просто удивительно, как ты остановил спор, так и не дав ему разгореться. Откуда в тебе столько мужества?

— Между нами, я испугался до смерти. Но я прекрасно понимал, что могло случиться, если бы я не вступился. Вспыхнула бы междоусобица. После угроз и оскорблений почти сразу или, что еще хуже, после выхода в открытое море, завязалась бы битва: эллины против финикийцев, а Сеговак со своим длинным мечом и любовью к дракам колотил бы и тех и других. Я на одну часть перс и провел большую часть жизни среди финикийцев, поэтому мне удалось логично обосновать мирное разрешение ситуации.

ТАРЕНТ

Когда «Муттумалеин» зашел в гавань Мессаны, образованную выходящим в море изогнутым полуостровом Серпа, алое солнце опускалось за Холмы Посейдона. Опустили хлопающий на ветру желтый парус, матросы с ворчанием взялись за весла. Наконец корабль пришвартовался у пирса. Пассажиры вышли на берег и разошлись в разные стороны, на прощание пожав друг другу руки, похлопав по спине или просто помахав рукой.

Зопирион пробирался сквозь толпу. Мальчишки, сдающие олов внаем, нищие, сутенеры, проводники, пьяные матросы, грязные шлюхи и бездельники... Заприметив в толпе приличного вида юношу, он обратился к нему с вопросом.

— Вы не знаете, где живет Ксанф, сын Главка, землевладелец?

— *Кай малиста!*

Зопирион дал мальчишке кусок папируса и бронзовую монетку, пообещав дать еще одну, если тот доставит его письмо. Мальчик

согласился и побежал относить письмо, в котором Зопирион предупредил семью Коринны о случившемся, чтобы у них было время подготовиться к встрече путешественников с их скорбным грузом.

Зопирион с Софроном подняли носилки с телом погибшего. Вслед за ними пошла Коринна в сопровождении второго раба и двух нанятых в гавани носильщиков. Трое последних, пошатываясь от тяжести, тащили весь багаж.

— Мир вам! — резко выкрикнул Софрон, когда они подошли к дому Ксанфа.

Дверь в дом отворил слуга. В проеме показался толстый пожилой человек, и Коринна бросилась в его объятия, заливаясь слезами и рассказывая о случившемся. Наконец она затихла и, отойдя в сторону, представила Зопириона отцу.

— Входите, о Зопирион, — пригласил Ксанф. — Сандалии и плащ отдайте слугам.

Остальные тоже последовали за Ксанфом: пара слуг, хрупкий черноволосый юноша — Главк, брат Коринны, и невысокая женщина средних лет — ее мать Эйрена. Пока родители девушки плакали и переживали вместе с ней, Зопирион с Софроном занесли носилки во внутренний дворик, после чего Главк показал тарентийцу его комнату.

Спустя некоторое время Зопириона позвали во дворик. Эйрена и Коринна удалились на женскую половину дома. Юноше было хорошо известно, что ему не полагалось встречаться с ними за исключением особых случаев. Ксанф пожал Зопириону руку.

— Трижды добро пожаловать, о Зопирион, — с отдышкой произнес хозяин дома. Его толстое брюхо выдавалось далеко вперед, а по обеим сторонам огромной лысой головы торчали кустики седых кудрявых волос. На шее висело несколько амулетов. Толстяк двигался медленно и неуклюже, очевидно, у него были проблемы с дыханием.

— Очень жаль, что мы познакомились при столь трагических обстоятельствах, — произнес Зопирион.

— Мой брат вел непоседливый образ жизни, и его время пришло, — ответил мессанец. — Когда я получил твое письмо, мне в голову полезли ужасные мысли о моей дочери. Но, расспросив ее и Софрона, я узнал, что ты вел себя достойно.

— Я честный человек, господин.

— Очень хорошо! Большинство посчитало бы ее обесчещенной, раз она путешествует подобным образом под защитой незнако-

мого мужчины. Несмотря на то, что она не девственница, в нашем доме придерживаются правил приличий. Но человек не может спорить с богами, и ты поступил, как и подобает гражданину.

Когда слуги поставили на стол блюдо со свиным выменем, приправленным перцем и солеными морскими ежами, Ксанф выпил немного вина и прочитал молитву.

— Расскажи мне за обедом о ваших приключениях,— сказал он немного погодя.

Зопирион заговорил, то и дело останавливаясь, чтобы проглотить кусок. Он рассказал о счастливом избавлении от опасности тарентийских посланцев по дороге в Кумы, о сражении с пиратами, о гибели сошедшего с ума капитана Ифбаала. Когда смешали вино, он перевел разговор к тому, что более всего занимало его.

— Не думал ли ты, Ксанф, о том, чтобы снова выдать замуж свою дочь?

Хозяин дома внимательно посмотрел на гостя из-под тяжело нависших бровей и слабо улыбнулся.

— Ну конечно! Каждый должен делать все возможное для своих близких. Однако здесь есть некоторые — ох! — трудности.

И Ксанф улыбнулся так широко, что его зубы блеснули в полумраке.

— Отец хочет сказать, господин Зопирион, что тот гнусный и готовый на все мерзавец не хочет отдавать приданое моей сестры. По нашим законам он обязан это сделать, но, находясь в Мотии, он запросто посылает нас куда подальше,— сказал Главк.

— И это не единственное препятствие,— сурово взирая на сына, произнес Ксанф.— А почему это тебя так интересует, юноша?

Зопирион почувствовал, как к горлу подкатил ком, такой огромный, что, казалось, он сейчас задохнется.

— Потому что я... я был бы очень рад, если бы ты признал меня своим зятем. Конечно, я понимаю, мое обращение к тебе весьма необычно. Ведь сначала должны договориться наши семьи. Но они в Таренте, и...— голос куда-то провалился, юноша едва дышал.

Ксанф глубокомысленно кивнул.

— Я так и думал, что ты заговоришь об этом. Я согласен с тобой: подобный разговор необычен для людей нашего круга. Но настоящее положение Коринны тоже достаточно странно. Нет смысла воротить носы друг от друга,— улыбнулся пожилой толстяк.— Мне кажется, ты любишь мою дочь.

— Да, господин, конечно люблю!

— Хорошо! Но каждый разумный человек скажет: влюбляться до свадьбы — это ошибка; свадьба, бережно и расчетливо устроенная родителями — единственное, на что можно полагаться. Но ввиду отсутствия у Коринны приданого мне совершенно не хочется вдаваться в подробности. Как ты думаешь, что сказал бы твой отец?

— Пока не знаю.

— Кто твой отец? Из какой ты семьи? Какое у вас состояние? Кто ваши предки? В свою очередь я мог бы рассказать, что мое происхождение благороднейшее из благородных, почти то же касается и моей жены. Наш род берет свое начало от трех богов и двух героев. А ваш?

— Наверное, ты должен об этом узнать. На одну часть я перс. Мой отец... — и Зопирион рассказал о своей семье и о семейном деле в Таренте.

— У каждого из нас есть слабые места, которые мы могли бы противопоставить друг другу. Персидская кровь в твоих жилах меня мало волнует, тем более что персы — наиболее аристократичны из всех варваров. Твой отец — весьма уважаемый человек, однако, его состояние вложено в дело, но не в землю. А земля, конечно же, наилучшая собственность, как у меня... Конечно, я не отпущу с тобой Коринну совершенно без средств. Однако не стоит ожидать, что приданое будет таким же, как когда она была девственницей. Если только ты не отберешь ее долю от богоненавистного Илазара. Расскажи мне о себе.

Улыбаясь, Зопирион протянул руки.

— Что я могу рассказать тебе, господин? Если начну рассказывать, насколько я хорош, ты сочтешь меня хвастуном, а если расскажу нечто плохое, ты мне вряд ли поверишь.

— Рассказывай, я рассужу сам. Например, каково твое отношение к религии?

— Я пифагореец, хотя, боюсь, не достаточно совершенный.

— Хм... Школа еретиков, однако к ней я отношусь вполне терпимо из-за их высоких нравственных принципов. Я заметил, что ты ел мясо, которым тебя угощали.

— Именно это я и имел в виду, когда говорил о своем несовершенстве. Мастер советовал своим последователям пользоваться собственным разумом, а мой разум никогда не принимал всерьез правила, относящиеся к питанию.

— Как бы ты описал свой характер?

— ...господин, я полагаю, что во мне, как и во всяком другом человеке, присутствует как плохое, так и хорошее. Я знающий конструктор, и, думаю, что всегда смогу прилично заработать себе на жизнь. Я стараюсь выполнять обещания и исполнять свой долг. Я сдержан в страстях и никогда не был уличен в преступлении. С другой стороны, я не претендую на роль великого героя, или красавца, или атлета, тирана или демагога, потому что я привык тяжело работать и не боюсь испачкать руки.

— А каково твое отношение к политике? Придерживаешься ли ты консервативных взглядов, уважаешь ли древний установленный богами порядок вещей? Или ты безумный преобразователь, который только и мечтает, чтобы низвести лучших людей до своего собственного состояния?

— Я почти не обращаю внимания на политику. Я стараюсь заниматься своим ремеслом, оставляя за другими право бросаться в бурное море политических споров.

— Обычно люди тогда удовлетворены собственным делом, когда оно заслуживает того,— отметил Ксанф.

— Благодарю тебя, господин. Будет что ответить, когда услышу очередной упрек в отсутствии гражданского духа. По правде говоря, это от недостатка сообразительности. Нельзя быть первым во всем. Для меня камень, древесина или бронза — это тихие, заслуживающие доверия вещи, от которых получаешь то, что ожидаешь. Но люди — нет! Человек никогда не знает, что сделает в следующее мгновение. Некоторые, вроде моего друга Архита, рождены с инстинктом управления. Но только не я. Я поглощен событиями собственной жизни, и пусть все вокруг идет, как идет. Я не буду перепрыгивать через головы и выхватывать штурвал из рук у рулевого, пользуясь малейшим предлогом. Тем не менее, то, что я делаю, я делаю наилучшим образом.

— Коринна рассказывала, что в Италии ты весьма энергично преодолевал препятствия, бросаясь в самую гущу событий. Клянусь Герой, я могу уличить тебя в некоторых неточностях в представлении собственных добродетелей, а не в хвастовстве, как некоторых героев Гомера! Расскажи мне о своих предках. Хотя бы несколько последних поколений. Не стоит начинать со времени, когда Аполлон овладел женщиной — матерью твоих предков — на склоне холма задолго до того, как на свет появился Феогид¹. Не думаю, что ты представишь лучшее происхождение, чем у Коринны.

---

¹ Феогид Мегарский — древнегреческий поэт (VI в. до н. э.).

Зопирион с трудом подавил улыбку.

— Повторюсь, мое происхождение смешанное. Мой прадедушка, сатрап Багабукшей, или, выражаясь по-гречески, Мегабаз, был главой клана Дадучид и одним из самых могущественных людей царства. Возможно, вам довелось услышать о его фантастическом возвышении при Ксерксе и Артаксерксе I.

— Неужели? — удивился Ксанф. — Очень интересно. Вы поддерживаете связи с персидской ветвью рода? Если им придется бежать оттуда, это может оказаться очень полезным. Помните, что произошло с великим Фемистоклом?

— Нет господин, я никого из них не знаю. Если бы мы поехали во владения Великого Царя, думаю, мы бы встретились с ними. Благородные персидские семьи редко вымирают сами или в результате насильственных смертей — у каждого вельможи достаточно жен.

— Это верно, но давай вернемся к твоей семье.

Зопирион продолжил рассказ.

— Однажды, когда Мегабаз взбунтовался против своего царственного господина, его сыну Зопириону пришлось спасаться бегством в Афинах. Там он взял в жены Фию, дочь афинского гражданина. Не знаю, каким образом афинянин разрешил своей дочери выйти замуж за чужеземца, но ты, наверное, слышал, насколько горячи и страстны персы в вопросах любви. Во всяком случае, Зопирион вскоре погиб в сражении во главе афинского войска, оставив мою бабушку Фию с младенцем на руках. Когда мой отец подрос, его отдали в подмастерья к Рхату, конструктору-египтянину, проживающему в Афинах. Когда отец стал достаточно взрослым, чтобы завести собственное дело, он вместе с моей бабушкой отправился в Тарент, чтобы получить там гражданство. Там он женился на Агате, дочери Бесса, сына Мирона из Милета. Мирон служил при дворе Великого Царя. Ксеркс послал его вместе с другом по имени Бессас на поиски истоков Нила. Их путешествие было полно удивительных приключений, как, например, схватка с обезьяной размером с буйвола и множеством других. Именно в это время Мирон пришел к выводу, что Земля круглая, эта идея занимает сейчас умы многих философов. По завершении странствий он переехал на запад и закончил свои дни в Таренте, будучи всеми уважаемым философом. Несмотря на то, что Мирону было далеко за пятьдесят к тому времени, как он переехал в Тарент, он, тем не менее, женился на вдове средних лет и родил сына, назвав его в честь старого друга Бессом. А дочь Бесса Агата

впоследствии стала моей матерью. Мой отец часто говорил мне с долей иронии, что когда-то в Персии долго и мучительно враждовали между собой Бесс и его друг Мирон с одной стороны и дадучиды с другой. И до сих пор, когда между отцом и матерью разгораются споры, он говорит: «Ну что, дорогая, не собираешься ли ты возобновить старую вражду между нашими семьями?»

— Твоя родословная гораздо интереснее моей, несмотря на то, что ты не чистокровный эллин,— заметил Ксанф.— Но я не сказал тебе еще об одном. Я мечтаю о внуке.

— Да?

— Да. В моем возрасте человек начинает подумывать о смерти. И я беспокоюсь о том, чтобы о моем духе заботились последующие поколения законнорожденных потомков. Да, я знаю,— жестом руки он попросил Зопириона не перебивать,— ты надеешься вместе с женой родить детей. Но у Судьбы свое мнение по этому поводу, и в ряде случаев живой потомок имеет большее значение, чем несколько еще не рожденных. И, кроме того, мне хочется дать несчастному полукровке настоящее греческое имя и образование. Коринна рассказала мне о пророчестве Сивиллы. И мы тщательно взвесили ее слова. Верни нам мальчика, и я найду способ возблагодарить тебя, в том числе и материально. А в противном случае — никаких гимнов в честь Гименя.

У Зопириона замерло сердце.

— Я уже говорил тебе, что я не герой. К тому же я должен вернуться в Тарент.

Ксанф сделал резкий жест.

— Конечно же, должен, если ты обещал. Обо всем остальном всегда можно будет договориться позже.

— Я надеялся здесь сыграть свадьбу и забрать Коринну с собой.

— Послушай, юный негодяй, неужели у тебя отсутствует хоть малейшее представление о морали?! Без обычного обсуждения женитьбы семьей и мной, без разрешения твоего отца и формальной помолвки и прочего? Поворачивай свою колесницу обратно к началу пути! Юношам свойственна горячность в подобных вопросах. Я понимаю тебя, хотя и не одобряю.

Ксанф допил вино, отставил в сторону кубок и уселся поудобнее.

— Я должен организовать похороны моего брата. Главк, не сходить ли тебе к Кулону с нашим юным другом?

— Это одна из лучших таверн в городе,— пояснил он Зопириону.— Я проникся интересом к ее делам с тех пор, как начал

сдавать в аренду помещения. Все полагали, что только сумасшедший будет строить такое большое здание — на двадцать мест. В нем поместятся все сорок, если не будут очень глубоко дышать. По эту сторону от Афин у Кулона самая большая таверна. Все, включая и меня, полагали, что она через месяц обанкротится. Но у Кулона был четкий план. Для капитанов, готовых провести вечер, отвечая на вопросы и рассказывая новости из дальних стран, у них приготовлен бесплатный грог. Они пачками валят в таверну, день за днем, а владелец лишь подсчитывает прибыль. Некоторые из его девочек совсем недурны, ты мог бы и сам попробовать. После того, как ты десять дней сдерживал свои желания рядом с моей дочерью, твоя мачта, наверное, крепка как посох.

У Кулона в самом деле было полно народу. Юноши пробирались сквозь толпу, некоторые из посетителей выражали Главку соболезнования по поводу смерти дяди. Трое молодых людей стояли отдельно от других — это были зятья покойного Нестора. Вскоре четыре юных мессанца, склонив друг к другу головы, завели тихий серьезный разговор, касающийся вопросов собственности и наследства.

— Послушай, Зопирион, я не буду пить. Пока тело дяди Нестора не предано земле, это неприлично, — сказал Главк. — Но почему бы тебе не развлечься? Если ты проберешься вперед, то сможешь сесть у того окна, пока на это место никто не позарился. Позже я присоединюсь к тебе.

Зопирион направился было к окну, но опоздал: другой человек успел занять место раньше него. Юноша стоял и растерянно оглядывался по сторонам.

— Иди сюда, господин Зопирион! Мы с друзьями подвинемся, и вам найдется местечко, — произнес Асто, помощник капитана с «Муттумалейна».

Наконец юноша, не обращая внимания на сердитые взгляды и ворчанье людей, которым пришлось потесниться, втиснулся на освобожденное место.

— Зопирион, это Инвит из Карии. Он занимается выкупом пленников. С ним мы избородили почти все внутреннее море. Инвит, познакомься, это Зопирион, сын Мегабаза, строитель-конструктор из Тарента.

— Будь в добром здравии! — приветствовал его Инвит, приземистый, с широким как бочонок торсом и огромной массивной

головой, крючковатым носом и коротко подстриженной черной колючей бородой. Несмотря на полное отсутствие красоты, он держался дружелюбно.

— Твоя работа, наверное, невероятно интересна!

Зопирион пожал плечами.

— Это моя жизнь. Твое дело меня восхищает не меньше.

Какая причина привела тебя на этот путь?

Инвит широко улыбнулся, показав недостаток зубов.

— Наихудшая из возможных: я сам был рабом.

— Как?

— Именно так. Я не забочусь о сокрытии этого факта. Не люблю ни малейшей неискренности. В Карию, где я жил, однажды зимой случился страшный голод, и родители продали меня в рабство. Пусть тебя это не пугает. Будучи рабом, я остался жив, а моя семья умерла с голоду. Только таким образом они смогли обеспечить меня раз в день приличной едой. Нужда — жестокий учитель.

— Но тогда как тебе удалось завести свое дело?

— За последующие несколько лет мне довелось сменить трех хозяев. Один из них был еще ничего, но два других просто нечестивые ублюдки, расхитители гробниц. Особенно выделялся последний, афинянин.

— А в чем это выжалось?

— У него был на редкость гнусный характер. Когда он чуточку выпивал, то вымещал злобу на своих рабах. Мне повезло, я отделался парой выбитых зубов. В припадке бешенства одному несчастному он выколол глаза. Но впоследствии именно по причине его отвратительного нрава мне удалось получить свободу.

— Как так?

— Избив одного из нас просто до кровавого месива, он почувствовал себя настолько виноватым, что некоторое время обращался с нами по-человечески. Ему было тяжело видеть на каждом из нас свои отметины. Думаю, в нем проснулось сознание. Он позволил мне работать на другого хозяина, за это я отдавал ему половину заработка. За несколько лет мне удалось выкупить себя... Как раз в это время родственник моего последнего хозяина попросил меня съездить в Сиракузы и выкупить его сына. Тот во время поражения афинских войск был взят в плен, и теперь работал в каменоломнях. Я выполнил его поручение. Потом меня попросили еще раз, а за этой просьбой последовали новые. Мне довелось много путешествовать, я хорошо говорю на разных языках. Путешествия не пугают меня. К насто-

ящему времени я избородил почти все Внутреннее море, помогая людям выкупать родственников, захваченных в плен на войне или пиратами, либо украденных еще детьми и проданных в рабство. Если с тобой вдруг случится такое несчастье, знай, во Внутреннем море вряд ли найдется человек, который лучше меня сможет тебе пригодиться.

— А достаточно ли благодарны твои заказчики?

— В ряде случаев, да. Но ты был бы удивлен, узнав, сколько людей пытается увильнуть от выплаты последней суммы. Но я не жалуясь. Еще будучи босоногим мальчишкой, я мечтал о путешествиях и, клянусь богами, я получил что хотел! Я видел много необычного. Кроме того, я бываю дома настолько редко, что мои близкие всегда радуются, когда я с ними.

— А где ты живешь?

— В Сиракузах. Понимаешь ли, в других городах у меня тоже есть — м-м-м — где остановиться, но жена и дети живут в столице Дионисия.

— А какое из твоих приключений было самым удивительным?

— Надо подумать. Наверное, когда я отправился выкупать пленника у одной своры пиратов, а меня захватила другая.

— Клянусь Зевсом Олимпийским, расскажи мне!

— Меня наняла богатая семья из Коринфа для выкупа Хремета, их кормильца, попавшего в руки сицилийских пиратов по пути на Кипр. Во главе пиратов был нумидиец Замар, его логово находилось в Келендерисе. Я отплыл из Коринфа. В моем поясе был защит увесистый мешочек с тетрадрахмами. Капитан корабля, финикиец Садид из Солои на Кипре, возвращался в родную гавань. Самое неприятное в моей профессии — это невозможность купить место на обычном торговом корабле до пункта назначения, в котором располагается логово пиратов. Потому что любой капитан, находящийся в своем уме, обходит подобные места за десять лиг. Поэтому последний отрезок пути приходится пересекать на крошечном челне — рыбацком судне с полоумным капитаном: ни один нормальный человек не возьмется за подобное дело. Несмотря на то, что большинство пиратов не обращают внимания на такие посудины, тем не менее, приходится иметь дело со странными и непредсказуемыми людьми.

— Мне кажется, все люди странные и непредсказуемые, — заметил Зопирион. — Но прошу тебя, продолжай.

— Итак, Садид намеревался пересечь Памфилийское море и зайти на Кипр. Но южным ветром нас снесло далеко за мыс

Анемуриона, и мы потеряли его из виду. К нам стремительно приближалась шестидесятивесельная галера. Но капитан Садид не собирался сдаваться без боя. У него был крепкий корабль, усиленный дельфином. Ты знаешь, что это?

— Ты говоришь о крепком свинцовом бревне, привязанном к верхушке мачты?

— О нем самом.

Прошедшее живо встало перед мысленным взором инвита, заслоня лицо собеседника.

Когда галера подошла поближе, Садид дал команду раскатать бревно, и когда оно оказалось над палубой пиратского корабля, веревку перерезали. Дельфин полетел вниз. Но увы! В этот момент корабль волной отнесло друг от друга, и дельфин, вместо того, чтобы пробить дыру в днище галеры, упал в море между кораблями.

И тогда началась битва. Толпа визжащих как гарпии пиратов толпой ринулась к нам на палубу. Когда капитан Садид погиб в схватке, оставшиеся в живых матросы тут же сдались на милость победителей. Я не виню их: у пиратов было преимущество четыре против одного. Но, сдавшись, они ничего не выиграли. Пираты перерезали всех до одного, чтобы преподать урок морякам не сопротивляться честным морским разбойникам. Мне никогда не забыть картины: их головы, с грохотом катающиеся по палубе, от борта к борту, в такт покачиванию судна.

Связав пассажиров, они перевели нас на свою галеру, изнасиловали женщин, всех обыскали, убили парочку особо сопротивляющихся, ограбили судно, подожгли его и были таковы. Естественно, что мой мешок с деньгами они отобрали. Тем не менее, мне удалось оторвать полосу от запасной рубашки и сделать из нее повязку на руку, спрятав в ней пригоршню серебра. Пока шла битва, я испачкал ее кровью. Несмотря на то, что обыскивали пираты очень тщательно, поднимали рубашку и проверяли, не спрятал ли я чего под ней, им даже в голову не пришло снять повязку.

Во главе банды стоял финикиец Ерубаал. Когда мы прибыли в его родной порт Нагидос, он расквартировал нас в деревне. Я протестовал против захвата и конфискации денег, предназначенных для выкупа. Свой протест я аргументировал тем, что люди, занимающиеся выкупом, должны быть неприкосновенны, как жрецы и врачи. Подобные действия могут привести к исчезновению подобного источника доходов, и от этого потеряют все. Но Ерубаал оказался матерым, грубым расхитителем гробниц. Рассмеявшись мне в лицо, он с силой хлопнул ладонью и сказал: «Одна

рыба в сети лучше десяти в море», а также предложил мне попридержаться язык, если есть желание его сохранить.

Отправка требований о выкупе и ожидание ответов занимает долгое время. Прошло дней десять, за это время я успел подружиться с людьми, в хижине которых меня поселили, а особенно с мальчуганом, который был полон решимости стать кровожадным пиратом, как и его отец. От него я узнал, что Келендерис — конечный пункт моего путешествия — был приблизительно в двухстах форлонгах от Нагидоса. К тому же Ерубаал враждовал с капитаном Замаром, в плену которого находился мой клиент Хремет.

Опущу подробности, но скажу только, что мне удалось подкупить мальчишку, и он отправился с письмом к Замару, где я рассказал о судьбе денег, предназначенных для освобождения Хремета. Пираты Замара высадились на берег, и главарь прокричал свои требования о переговорах с Ерубаалом.

— Я здесь! Что тебе надо, свиное рыло? — поинтересовался Ерубаал.

Капитаны сильно отличались друг от друга. Ерубаал был толстым и жизнерадостным, любил поесть, выпить, поговорить, был балагуром и хвастуном. Замар, напротив, был высокий, гибкий, смуглый и угрюмый.

— Мне нужен мой поверенный по выкупам, Инвит из Кари, и деньги, предназначенные для выкупа одного из моих пленников, — потребовал Замар.

— Будь ты проклят! — ответил Ерубаал. — Клянусь зубами Тани, я никогда не отдам то, что принадлежит мне! Тем более, эти деньги уже в общей казне.

— Ты правишь бандой из рук вон плохо, нарушая все обычаи, позорный содомит! — сказал Замар. — Если не отдашь мне посланца и деньги, клянусь богами, я возьму их силой!

— Попытайся, — ухмыляясь, ответил Ерубаал. — Вижу, тебе не довелось наблюдать меня в схватке!

Замар взглянул на своих людей, вынимающих из ножен мечи и натирающих ядом лезвия, и людей Ерубаала, также готовящихся к битве.

Все пленники и жители деревни столпились за пиратами Ерубаала, наблюдая за происходящим. Некоторые даже поспорили о том, кто из пиратов победит. Наконец Замар поднял руку, оглядывая своих головорезов, и обратился к Ерубаалу:

— Уже давно, кусок свиного сала, я мечтал пронзить твое зловонное сердце. Но нет причины положить в этой схватке по-

ловину наших парней. Если ты не боишься, давай встретимся один на один. Победитель получает все!

— Клянусь железной палкой Мелькарта, это меня устраивает,— ответил Ерубаал и бросился на Замара с мечом в одной руке и щитом в другой. Раз за разом сходились они в жестокой схватке: удар, защита, отступление, ответный удар, защита, наступление и отступление. Оба были прекрасными бойцами. Нумидийцу было проще дотянуться до противника. Финикиец же был сильнее, для человека его комплекции он был невероятно подвижным и ловким. Столпившиеся вокруг пираты grimасничали, визжали и хихикали как стая диких обезьян.

Было трудно предугадать, какой из двух капитанов одержит верх, но тут один из людей Ерубаала выбежал вперед и нанес удар в спину Замару. Не успел он упасть на землю, как один из его людей в свою очередь вонзил дротик в спину Ерубаала. Оба капитана упали, а их банды сошлись в жесточайшей схватке.

Силы были приблизительно равные. Все смешалось. Разбойники кололи друг друга пиками, рубили мечами, били руками и ногами, кусались и царапались, кровь лилась ручьем. Было невозможно определить, на чьей стороне перевес, и тут боги вразумили меня. Когда тот или иной пират из сражавшихся с краю падал замертво, я храбро бросался к нему, хватал оружие и передавал одному из пленников. Вскоре все мы были вооружены.

Через некоторое время из участников схватки осталось лишь шесть или семь пиратов со стороны Ерубаала и четверо со стороны Замара. Израненные, они с трудом держались на ногах, из ран лилась кровь, оставляя алые полосы на их грязных шкурах.

— Отлично, а теперь наша очередь,— сказал я пленникам.

Мы вышли вперед и встали в одну линию. У каждого из нас в руках были копьё, меч или топор. Многие прикрыты щитами. Несмотря на то, что мало кто из нас мог похвастаться воинским искусством, мы были полны сил и превосходили пиратов по численности в соотношении два к одному. Началась не схватка, а резня. Изможденные пираты с трудом двигались. Мы порубили их как кустарник, за исключением последних двух. Им была оставлена жизнь, но лишь затем, чтобы подвергнуть их пыткам.

Так закончилась буйная жизнь Ерубаала, Замара и их весельчаков. Мы сожгли корабль Ерубаала и все более мелкие суда в гавани, и отправились вдоль побережья на корабле Замара. К счастью, среди нас оказались моряки. Одного из них мы избрали капитаном, и благодаря его руководству и посланным богами

ветрам мы без проблем добрались до Тарса. У некоторых господ из бывших пленников появление мозолей от весел вызывало жалобные стоны, но мы не испытывали к ним сострадания.

Мы зашли в Келендерис и взяли на борт всех пленников Замара, включая моего Хремета. И представляешь, этот подлец еще пытался получить назад деньги, предназначенные для выкупа! Мы решили обсудить этот вопрос на общем собрании. Хремет утверждал, что полагается оплатить мои труды, но так как выкуп как таковой мне не принадлежал, то после смерти Замара выкупную плату должен получить он. Я настаивал на том, что его семья дала мне деньги на его освобождение. А раз он освобожден, то вопрос о том, каким образом я распорядился деньгами, его совершенно не касается.

Собрание постановило, что деньги я должен оставить себе, выдав Хремету средства, достаточные для покрытия дорожных расходов до Коринфа и для непредвиденных обстоятельств. Она составила несколько драхм, и меня это вполне устроило. Оставшуюся часть денег я заплатил за дом в Сиракузах. А теперь, господин Зопирион, давай поговорим о нашем с тобой деле.

— Со мной?

— Да. В данный момент дело не касается выкупа, но...

— Капитан — рассказчик сегодняшнего вечера — готов начать, — перебил их Асто. — Его зовут Абданаф из Тира. Помолчите и послушайте новости, о любители потрепать языками.

Абданаф из Тира, стоя на свободном пяточке, потягивал вино из кубка.

— Доблестные мужи! Я только что прибыл из Тира, по пути делая остановки в Родосе, Афинах и Сиракузах. У меня еще остались пурпурные одежды из Тира, изысканные стеклянные предметы из Акая, афинская расписная посуда, вино из Кианта...

— Да, это все здорово, но расскажи нам новости! Дела пождут, — перебил его некий человек.

Абданаф поклонился ему.

— Слушать — значит, слушаться, о господин. Вы знаете, что спартанцы заключили мир с эллинами и объявили войну сатрапу Тиссаферну. Они захватили и оккупировали земли Великого Царя в Лидии. Говорят, что к ним маршируют шесть тысяч греческих наемников, оставшихся от десятитысячного войска, вторгшегося в Персию под знаменами царевича Кира и вынужденного пробивать себе дорогу назад чуть ли не через всю Азию после того, как Кир потерпел поражение при Кунаксе.

Царь Спарты Агис умер, а на престол взошел Агесилай. Царь Македонии Архелай погиб на охоте. Эроп — опекун Ореста, царского сына, убил его и узурпировал трон. А афиняне арестовали философа Сократа по обвинению в растлении молодежи.

— Не этого ли следовало ожидать от блудливых ублюдков? — сказал кто-то из слушателей. После длительной пятнадцатилетней давности оккупации афинянами Сицилии, жители острова их страстно возненавидели и не упускали ни одной возможности посмеяться над греками.

— Египтянин Тамос, который был наместником Великого Царя в Ионии, бежал в Египет и был убит там другим сатрапом. В Египте очень беспокойно, во Фракии голод, в Элладе поднялись цены на оливки... — продолжал рассказ капитан Абданаф.

Слушатели начали задавать вопросы, большей частью они интересовались местной политической жизнью городов запада и ценами на различные товары.

— Я уже говорил, у меня к тебе небольшое дело, — тихо сказал Инвит Зопириону. — Не заинтересует ли тебя постоянная работа, которая оплачивается лучше, нежели труд конструктора в этих краях? К тому же возможность изобретать, разрабатывать оригинальные идеи и прославиться на весь мир?

— Звучит великолепно, — сказал Зопирион. — Но я должен посоветоваться с отцом: у нас с ним общее дело. А кто предлагает такие щедрые условия? Дионисий?

— Именно. Теперь его держава в полной безопасности. Дионисий полон великих планов по благоустройству и украшению Сиракуз и подвластных ему городов, повышению их военной мощи. Трудность состоит в поиске человека, имеющего необходимые навыки и способного справиться с реальным объемом работ. Нетрудно нанять обычного каменщика или плотника, способных сделать вполне приемлемые копии храмов Сегесты или стен Акраганта, или кораблестроителя, который может построить обычную трирему. Но Дионисию нужно большее. Ему нужен гений — человек с необычными идеями. Вот меня и послали искать такого. А кого кроме себя ты можешь порекомендовать в Таренте?

— Моего друга Архита, — не задумываясь ответил Зопирион. — В математике он сильнее меня, несмотря на то, что я на порядок выше его в работе с материалами. Кроме того, он может с кем угодно договориться.

Мысли Зопириона стремительно проносились у него в голове. В Сиракузах он будет гораздо ближе к Коринне, чем в Таренте.

Возможно, утвердившись в Сиракузах, он сумеет получить согласие Ксанфа на свадьбу с любимой, не занимаясь спасением ее ребенка. Или даже (Зопирион вздрогнул от одной только мысли, но, тем не менее, встретил ее лицом к лицу), возможно, судьба предоставит удобный случай для выполнения условия Ксанфа, сохранив при этом свою шкуру. В любом случае, если рассуждать логически, его шансы в Сиракузах значительно возрастают. Конечно, его родители могут придраться...

Но эти размышления он оставил при себе. Вслух же сказал:

— Мне нужно обсудить это предложение с моим отцом. Если он одобрит, я появлюсь в Сиракузах через месяц или два.

— И не забудь передать мои слова другу Архиту. Скажи ему, что в Сиракузах его ожидают слава и удача! Я бы и сам поговорил с ним, но я отправляюсь в Афины на корабле Абданафа, который не заходит в Тарент.

Абданаф закончил беседу, и Кулон вывел в зал танцовщицу и певца. Под выступление девушки некоторые изрядно подвыпившие посетители начали шуметь. Двое мужчин разделись донага, натерлись маслом и, потеснив девочек Кулона, затеяли прямо посреди зала борцовский поединок. Другой попытался станцевать на столе сиртаки, но не удержался и с треском полетел на пол. Гул голосов становился все громче.

— Скоро они начнут вопить, как иллирийские черти, не лучше ли нам пойти домой? — закричал Главк прямо в ухо Зопириону.

— Пошли, — ответил Зопирион, его соседи согласились с ним. Когда они вышли на грязноватую улицу, на хрупкого Асто неожиданно навалился верзила-мессанец, празднично торчащий у двери.

— Извините, я... — но неожиданно переменялся в лице. — Еще один проклятый финикиец, а? Настанет день, и мы покажем вам, содомиты, сжигающие детей, пару наших трюков! Работаешь денно и ночью, чтобы соревноваться с нами? Сбиваешь нам цены, не так ли? Ты свое получишь! Так вот жди и смотри! Или тебе понравится вольное выступление? — и мужчина демонстративно сжал кулаки.

— Ты что, ищешь, с кем подраться? — раздался знакомый голос. Кельт Сеговак вслед за Зопирионом и его компанией вышел из таверны.

— А ты-то кто, клянусь именем Геракла? — спросил мессанец.

— Мне будет очень приятно сбить с тебя спесь, — произнес Сеговак, сжимая правую руку в огромный кулак и потирая его левой, будто полируя. — Если ты найдешь тихое местечко, где мы могли бы обсудить этот вопрос, как и подобает честным людям...

Прятели мессанца схватили его за руки и потащили обратно в таверну: «Не бери в голову! Приди в себя, богопротивный осел! Не затевай ссор с чужеземцами, а не то все мы попадем куда следует!» — втолковывали они ему.

— Спасибо тебе, о Сеговак! — произнес Асто, снимая руку с рукояти кинжала. Даже в неярком свете лампы Зопирион заметил, как побелело смуглое лицо хрупкого финикийца. — Это вечная проблема всех путешественников. Какой-нибудь осел решает очистить свой чудесный город от грязных чужеземцев, и если вы оказываетесь в поле его зрения, он непременно бросается на вас.

— Он прав, — подтвердил Инвит из Кари. — Я постоянно сталкиваюсь с подобными ситуациями — это еще одна опасность в нашей профессии. Спокойной ночи, друзья.

Группа распалась. Финикиец, кариец и кельт пошли в одну сторону, а Зопирион с Главком в другую.

— Только не рассказывай отцу, что у тебя прекрасные отношения с финикийцами. Он ненавидит их так же страстно, как тот, в дверях.

— Судя по тому, что рассказывала твоя сестра, это не совсем так.

— Нет, но после семейной драмы он изменил свое мнение. Не пойми так, будто я тебя критикую. Я прекрасно понимаю, что ты по роду своей деятельности вынужден общаться с варварами всех мастей. Но отец принадлежит к старому поколению. И нас, по-новому мыслящую молодежь, он никогда не поймет.

На следующий день оказалось, что нужно как-то убить последний день перед отплытием корабля в Тарент. Если бы Зопирион мог провести его с Коринной, он был бы рад задержаться подольше. Но девушку заперли в комнатах для женщин в задней части дома, и он рвался поскорее вырваться отсюда и устроить переговоры между отцом и Ксанфом. Пассивное ожидание было не в его стиле.

— Почему ты такой беспокойный? — видя его нетерпение, спросил Главк. — Большинство людей радуются, когда выдается день, свободный от труда и забот. Давай возьмем собаку и прогуляемся по городской стене?

Стена, окружавшая Мессану, была не более пятнадцати локтей в высоту и четыре в ширину. В некоторых местах она обвалилась, и чтобы не упасть, юношам приходилось идти очень осторожно.

— Если враг наберется решимости, то запросто одолеет стену при помощи одних только лестниц. И вряд ли ему понадобятся здесь новые осадные машины, о которых столько говорят. Почему

ваш Совет не наймет сведующих конструкторов, например, как в мастерской моего отца, которые помогут ее перестроить? Еще одна война с Карфагеном, и...

Главк пожал плечами.

— Когда-то давно оракул, не помню какой, то ли Дельфийский, то ли Кумский, или еще какой-то, предсказал нам:

Превратит в водоносов презренных город сей сыновей Карфагена.

Отсюда ясно, что в случае атаки карфагенян мы победим, а их возьмем в рабство.

— Хм. Люди и раньше попадали в неприятные ситуации, когда вместо веры в собственные силы доверяли оракулам. К примеру, Крез Лидийский¹.

— Согласен,— юноша был явно огорчен.— Сам я не очень доверяю оракулам и пророкам, но дома не признаюсь в этом.

— Должно быть, твой отец обладает в городе значительным влиянием. Почему бы тебе не попытаться уговорить его начать строительство новой стены?

Главк поднял руки.

— Он больше и чаще чем кто-либо покупает предсказания! Ничего не сделает, не посоветовавшись со жрецами нескольких храмов. Подобную идею он воспримет только от того, кто говорит от лица Далекоразящего. Я допускаю, что создается впечатление о прекрасной работе оракулов: его дело процветает.

— Если бы стратег² Никий не относился к пророчествам так серьезно, афиняне никогда бы не попали в ловушку при Сиракузах и не потерпели бы поражения.

Главк пожал плечами.

— В этом нет сомнения. Но подобные аргументы не проходят в разговоре с отцом. А как насчет петушинных боев сегодня вечером?

Следующим утром Зопирион и Коринна в окружении членов ее семьи стояли на мессанском причале. Влюбленные смотрели друг на друга, и по щекам их медленно катились слезы.

Крез, царь Лидии, послушался оракула, который предсказал, что если он перейдет реку и начнет войну со своим соседом, царем Мидии Киром, то уничтожит великое царство. Однако оракул имел в виду царство самого Креза.

² Стратег — древнегреческий полководец.

— Ну же, полегче,— задыхаясь, говорил Ксанф.— Все не так уж трагично. Я же не говорил, что свадьбы не будет..

— Ох, Ксанф, позволь им поцеловаться,— попросила Елена.— Ничего дурного от этого не случится, парнишка-то, может, никогда больше не вернется в Мессану.

— Разве можно предвидеть, что боги нам приготовили? — произнес Ксанф.— Ну давай, Зопирион.

Зопирион обнял девушку, и на долгое мгновение прижал к себе. Потом взял свой мешок, забросил за плечо и поднялся по сходням на «Аталанту», отплывающую в Сиракузы. Корабль отошел от причала, а юноша стоял у борта и прощально махал рукой, пока фигурки провожатых не скрылись из виду.

Под веселым весенним небом «Аталанта» неуклюже плелась по Тарентийскому заливу. Зопирион, завернувшись в плащ, прилег на палубу и задремал. Ему снилось, что он стоит на лесистом склоне Этны. Гора начала изрыгать огонь и дым и неожиданно превратилась в нагого, волосатого великана, в центре лба которого ярко светился один красный глаз. Облака венком обрамляли его косматую голову.

— Мне нужна твоя помощь, о крошечный человек,— глубокий голос раздался из-за спины Зопириона.

Юноша обернулся и увидел полубога Геракла, одетого в львиную шкуру. Несмотря на то, что ростом он был выше обычного человека раза в два, по сравнению с Циклопом он казался пигмеем.

— Боги задали мне новую задачу — убить великана Полифема. И для этой цели не подходит мой лук, подаренный Аполлоном в дни, когда мне пришлось сразиться со стимфалийскими птицами. Он слишком мал. Я сделал стрелу нужного размера,— и он достал стрелу высотой в свой рост, походившую на мачту корабля, только с оперением.— Даже не знаю, как ей выстрелить: для этого нужен лук длиной от двадцати до тридцати локтей. Такой лук слишком велик даже для человека с моим ростом. Но Аполлон сказал мне, что ты умный человек; впрочем, это свойственно смертным. Ты сможешь изобрести устройство для запуска такой стрелы. Поторопись, пожалуйста: Циклоп приближается!

Великан на самом деле приближался, размахивая дубинкой, вырезанной из целого древесного ствола. Под его громадными загрубевшими подошвами деревья травой пригибались к земле.

— Поторопись! Мир будет уничтожен, если ты не приложишь ум, которым тебя наделил Отвращающий Зло¹, — рокотал Геракл.

Зопирион лихорадочно пытался собраться с мыслями, а Циклоп приближался все ближе. Неожиданно раздался треск.

— О Геракл! Обруби ветви с одной из тех сосен, — закричал Зопирион. — Но около верхушки обруби две ветви на расстоянии локтя от ствола. Там, где они сходятся, отруби ствол — у тебя должна получиться вилка. Вставь в вилку основание стрелы и начинай сгибать дерево, пока оно не согнется до земли, а потом отпускаяй!

Геракл взял топор и принялся обрубать ветви, забираясь все выше на дерево. Несколько ударов сердца — и дерево осталось без ветвей с развилкой у макушки.

— С земли не достать до вершины даже при моем росте! — спрыгивая с дерева произнес Геракл, от чего земля вздрогнула. — Но как же согнуть это дерево?

Циклоп подходил все ближе, его огненный глаз ядовито мерцал среди деревьев. Под его тяжестью с треском ломались деревья.

— Веревка! — закричал Зопирион. — Возьми вместо нее хвост львиной шкуры!

Геракл размахнулся, и хвост, на глазах вырастая до нужной длины, обвился вокруг вершины рогадины. Герой с силой потянул за импровизированную веревку, мощные мускулы буквально скрипели от усилий. Дрожа от напряжения, дерево согнулось и приобрело форму лука. Наконец-то вершину можно было достать с земли. Геракл обвязал свободный конец львиного хвоста вокруг ствола другого дерева и вставил основание стрелы в развилку.

— Теперь приготовь топор и по моей команде руби веревку. Готов? — сказал Геракл.

— Готов! — ответил Зопирион. Юноша не осмеливался даже взглянуть в сторону Циклопа, настолько близко подошло чудовище.

— Руби! — взревел Геракл.

Юноша опустил топор и рассек веревку надвое. Дерево со свистом распрямилось, с силой выбросив стрелу...

Зопирион проснулся: корабль с силой качнуло, и он покатился по палубе, где спал, завернувшись в плащ.

«Аталанта», рассекая волны, шла по проливу меж двух скал — Харибдой и мысом Фаланфа. Позади нее лежала плоская Мес-

¹ Имеется в виду Аполлон.

санская долина. Вместо хмурых Апеннин, врезающихся в море по всему побережью Италии, здесь лишь изредка виднелись в глубине равнины низкие гряды холмов. Впереди лежал Тарент, яркое пятно на коричнево-оливковом берегу. Полуденное солнце ярко освещало черепичные крыши, белые мрамор и штукатурку стен, коричневые хижины из необожженного кирпича.

Прямо по курсу на острове, загораживающем выход в Малое море, поднималась высокая скала акрополя. Остров с древним городом окружала кирпичная стена, которая возвышалась над водой на несколько локтей. С правой стороны над стеной вырисовывались очертания огромного храма Посейдона с массивными дорическими колоннами.

Справа от храма Посейдона шел неглубокий Восточный пролив, доступный только для небольших судов, через него был перекинут деревянный мост. За Восточным проливом начинались предместья города, в свою очередь защищенные кирпичной стеной. Корабль вошел в порт напротив более глубокого Северного пролива.

Спустили парус. Корабль на веслах вошел в Северный пролив, направляясь в Малое море, одну из лучших гаваней южной Италии. «Аталанта» пришвартовалась у причала во внутренней части акрополя острова.

Когда Зопирион ступил на берег, длинные тени указывали на то, что было далеко за полдень. До дома было далеко, и он позволил себе роскошь нанять носильщика. Юноша шел вперед, опираясь на копье, как на палку, и лавируя среди пешеходов. В основном это были рабы или вольнонаемные грузчики с тяжелой поклажей, иногда такой объемной, что Зопириону приходилось прижиматься к стене, чтобы освободить им дорогу. В городе стоял резкий запах пота, товаров, стряпни и гнили.

Улицы старого города, слишком узкие и кривые для гужевого транспорта, переплетались в сложный лабиринт. Мостовые были грубо вымощены известняковыми плитами и булыжником и во многих местах были настолько избиты, что камни лежали вперемешку с грязью, мусором и отбросами. Кирпичные стены одноэтажных домов, стоящих плотно друг к другу по обе стороны улицы были практически слепыми, за исключением массивных деревянных дверей да редких крошечных окон, расположенных на большой высоте. Стены более-менее зажиточных домов были побелены, остальные же сохраняли цвет необожженного кирпича.

Пять месяцев назад Зопирион вместе с отцом представили Совету проект перестройки города в соответствии с регулярным

планом, подобным тем, что были воплощены в жизнь в Пирее, Фуриях и на Родосе. Отстраиваемые заново улицы постепенно выпрямлялись и расширялись, пересекались под прямым углом, как в некоторых древних городах Востока. Но, тем не менее, единодушный протест тарентийских домовладельцев в один миг разрушил грандиозный план.

Когда Зопирион, перейдя через мост, вышел в предместья, улицы стали намного шире и ровнее. Наконец юноша он подошел к родному дому.

— Мир вам! — постучавшись в дверь, закричал он.

И вскоре родня чуть не задушила юношу в объятьях. Отец Зопириона был очень похож на сына, несмотря на то, что был ниже ростом и уже седой.

— Принесите вина! — крикнул он на кухню.

— Ты не простудился? — спрашивала его мать Агата.

— Расскажи о своих приключениях, — умолял брат Персей — уменьшенная копия Зопириона, только что без бороды.

— Расскажи нам о прекрасной вдовушке, провожать которую, по словам Архита, ты отправился, — попросила его сестра Фия, долговязая девчонка лет двенадцати с торчащими вперед зубами.

— Давайте по одному! — взмолился Зопирион. Наконец они расселись по местам в уютном внутреннем дворике, слушая рассказ о том, что с ним приключилось после того, как он расстался с архонтом и его людьми.

— Я надеюсь, сынок, что твои отношения с этой девушкой были и остаются просто дружескими? — спросил отец, когда юноша рассказал о своем приезде в Мессану и приеме, устроенном семьей Коринны.

Зопирион вспыхнул, ошарашенный.

— Н-не совсем. Н-на самом деле я хотел бы на ней жениться, — заикаясь, произнес он.

— Итак, мой бесстрастный логик наконец позволил себе сентименты? Мы с матерью думали, что настанет время, и мы подыщем тебе жену. Я уверен, что в Таренте ты встретишь более подходящую невесту. Кроме всего прочего, у этой девушки, как бы сказать получше, весьма романтическая история? — он поднял руку, так как Зопирион попытался было возразить. — Я знаю, ты мне скажешь, что в этом нет ее вины. Но женитьба — слишком важное дело, ее надо обсудить со всех сторон. Здесь и без того полно риска, чтобы добавлять к нему невесту из другого города, с которым в один прекрасный день мы начнем воевать. Кроме

того, подумай, насколько трудно будет нам с Ксанфом прийти к соглашению в финансовом вопросе, передвигаясь между двумя городами! — в знак явного несогласия Мегабаз резко откинул голову. — Нет, в этой женитьбе я не вижу ничего хорошего для нашей семьи. Препятствовать тебе я не буду, но и одобрить не могу.

— Доверься нам, мы сумеем подыскать тебе лучшую невесту, соблюдая твои интересы, дорогой Зопирион, — добавила Агата.

Зопирион некоторое время молчал, покусывая губы.

— И еще, отец: Дионисий предлагает высокую зарплату конструкторам и квалифицированным ремесленникам, готовым работать в Сиракузах на его проектах. Я собирался отправиться туда...

— Зопирион! И думать не смей об этом. У нас сейчас столько договоров, что мы с трудом справляемся, а...

— Но для нашего дела очень выгодно получить доступ к одному из самых могущественных людей в Великой Элладе...

— Ты только что возвратился домой и сразу же говоришь об отъезде, — произнесла Агата.

— Я знаю, что у тебя на уме, — сказал Мегабаз. — Ты хочешь быть поближе к этой девушке...

— Послушайте, дорогие мои! — взмолился Зопирион. — Это шанс, а Персей достаточно взрослый, чтобы помогать...

— Ерунда! — вскричал Мегабаз. — Он даже не был в учениках!

Они все еще спорили, кричали и жестикулировали, когда яростный стук в дверь прервал их диспут. Привратник привел Архита. Весь потный и взъерошенный юноша держал в руках небольшой мешок.

— Зопирион! Они преследуют нас! — приглушенно сказал он. — Будь готов бежать из города! Прямо сейчас!

Зопирион в нерешительности нахмурился.

— Ты сошел с ума? Кто за нами гонится?

— Демагог Ктесий и его люди! И им нужен ты — помощник архонта!

— Именем бога, о чем ты?

— Все началось, когда я прибежал на Совет. Через десять дней выборы. Когда показалось, что я могу занять место Ктесия, он обвинил меня в государственной измене.

— Никогда не думал, что люди могут принимать всерьез такую ерунду, — заметил Мегабаз.

— А они могут! Ктесий доложил на Совете, что наше бедное маленькое пифагорейское общество устроило заговор, целью кото-

рого является установление тиранической власти и запрет всем есть бобы. Следующим шагом, — сказал он, — будет заставить тарентийцев жить на пустой овсянке. Сегодня он выставил обвинения против нас обоих, как против архонта, так и против помощника архонта, а его молодцы разгуливают по улицам и разыскивают нас.

— Ой! — заплакал Зопирион, а вместе с ним завопила вся его семья.

— Как можно быстрее всего выбраться из города? — спросил Архит.

— Завтра в Сиракузы отплывает капитан Файакс на «Аталанте», — ответил Зопирион, — если только он закончил погрузку. К счастью, я так и не распаковал свои вещи. Ночью спрячемся у него в трюме. Отец, видно боги хотят, чтобы мы попытались счастья у Дионисия!

— Кто может бороться с судьбой? — вздохнул Мегабаз. — Я буду скучать по тебе, сын. И как мне теперь справиться с работой?

Зопирион достал из дорожной сумки щит.

— Мама, есть ли у тебя чистая рубашка? Фия, не приготовишь ли ты еды на дорогу? Хлеб, сыр, мешок сушеного гороха вполне сойдет...

Спрятав лица под капюшонами плащей, Зопирион и Архит поспешили к берегу моря в северной части предместья.

— Эй, вы двое! — раздался чей-то голос, когда они были почти у цели.

Зопирион ускорил шаг, будто он ничего не слышал. Сзади раздался топот бегущих ног. За ними гнался человек, полный желания заглянуть под капюшоны.

— Не вы ли пифагорейцы Архит и Зопирион? — спросил он. — Конечно, я уверен, ты — Архит! Я видел тебя, когда ты производил речи на рынке. Именем Совета, я арестую...

— Клянусь Мелькартом, кто ты? — с финикийским акцентом прорычал Зопирион. — Я Элибаал из Сидона, а это мой первый помощник. Уйди с дороги, сальный грек — любитель мальчиков!

— Ты меня не проведешь! Ты меня не проведешь! — вопил мужчина, подпрыгивая от возбуждения. — Именем...

Пока Зопирион говорил, Архит проскользнул за спину незнакомца и свалил его на четвереньки. Зопирион быстро огляделся. На кривой аллее, где они стояли, в это время никого не было, все

тарентийцы сидели по домам и обедали. Зопирион толкнул мужчину в грудь, и он отлетел назад, к Архиту. Завязалась борьба, и Зопирион ударил преследователя по голове рукоятью кинжала. Мужчина осел, как лопнувший мыльный пузырь.

— Превосходно! — воскликнул Архит. — Надеюсь, ты его не убил. Это изрядно испортило бы мою будущую политическую карьеру.

— Нет, он ненадолго отключился. По крайней мере, надеюсь на это.

— Наверное, лучше отнести беднягу в угол, его там не скоро заметят. Давай!

Они торопливо оттащили незнакомца с дороги. Архиту приходилось то и дело переходить на рысь, чтобы поспеть за широким шагом своего друга. В конце улицы они увидели рыбака, сматывающего сети после дневного лова. Друзья с легкостью наняли его перевести их на восток, в гавань, где стояла «Аталанта»: улов рыбака был весьма скудным. Рыбака попросили отплыть подальше от берега.

Пока рыбак греб, юноши сидели молча, бросая испуганные взгляды на берег: вдруг там появится лодка с вооруженными людьми и отрежет им путь к отступлению? Солнце садилось за храм Посейдона.

— Остановимся здесь, за тем родосцем.

— Почему ты не высадишь нас у «Ат... — заговорил Архит.

— Замолчи! — перебил его Зопирион на ломаном оскском. — Если мы прямо с лодки взойдем на корабль, рыбак будет знать конечную цель нашего пути. Если его начнут расспрашивать, он выведет преследователей на наш след. Будет лучше, если мы высадимся на плетр-другой в стороне и пройдемся пешком по берегу.

Наконец юноши добрались до указанной Зопирионом гавани и вышли на берег, закинув дорожные мешки за плечи. Здесь их вид не привлекал внимания: в этом районе — у берега — часто встречались путешественники. На улице им ударил в нос запах готовящейся пищи.

— Разве мы не можем остановиться и в последний раз перед отплытием вкусно поужинать? — жалобно спросил Архит.

— Добрый Геракл! Как ты можешь думать о своем брюхе, когда мы только что вырвались из лап Гидры? Иди вперед!

Когда солнце село, оставив на западе вдоль горизонта узкую, зеленую с золотом полосу, юноши сели на «Аталанту». Капитан

Файакс, заканчивающий погрузку тарентийской шерсти, с удивлением встретил их. Но когда они оплатили путь до Сиракуз, он перестал задавать вопросы. Капитану это было не в новинку.

СИРАКУЗЫ

Они стояли у борта «Аталанты», глядя на вырастающие впереди Сиракузы. Вдали на полукруглом полуострове, выходящем в Ионийское море, раскинулась главная часть города — Ахраддина. За ней простирались предместья: терраса широкими ступенями поднималась к плато Эпиполая, знаменитого жестокими битвами времен Великой Афинской осады. Большинство зданий были отстроены заново, повсюду на плато среди рощ, гробниц и усыпальниц вырастали новые дома.

В глубине острова поднимались широкие склоны гор Геры, занимавших почти всю южную часть Сицилии. Массивные и высокие горы Сицилии резко отличались от гор старой Эллады, не были такими скалистыми. Их ровные поросшие травой склоны завершались закругленными, как женские груди, вершинами. Редкие деревья росли на их склонах, не считая небольших рощ в ущельях между горными хребтами.

На севере возвышалась грандиозная, величественная Этна, наполовину скрытая облаками. Воспоминание о сне заставило Зопириона вздрогнуть. Тем не менее он пристально вглядывался в гору, и если бы он обладал божественным видением, то смог бы увидеть сквозь нее Мессану и свою возлюбленную. Потом он повернулся и стал смотреть на юг, где в ярких лучах солнца стоял блистательный город.

— Города Сицилии выглядят как новенькие, — отметил он.

— По весьма простой причине, — сказал Архит. — Как только жители острова отстраивают свой город, приходит чья-нибудь армия и разрушает его. Те, кто остался в живых, возвращаются на пепелище и отстраивают его заново. Вспомни Камарину, Селиною, Акрагант и Гелу... да почти каждый из городов, которые ты можешь назвать. Поговаривают, что Сиракузы скоро станут городом еще величественнее Афин. И я бы смог построить самый большой город в мире, если бы мне позволили собрать жителей близлежащих городов и насильно поселить в моем городе, как сделал Дионисий с Наксией и Леонтинами.

— Клянусь Серебряным Яйцом! — воскликнул Зопирион. — Какой же я глупец!

— Я всегда это знал,— усмехнулся его приятель.— Но какое подтверждение этому ты нашел именно сейчас?

— Если бы я хоть на секунду задумался! Я уверен, что моего отца по крайней мере однажды приглашал на прием некто из Сиракуз. Я знаю, что он выполнял несколько заказов для сиракузян. Но мне и в голову не приходило свести это все к одному имени.

— Тем не менее, учитывая поспешность, с которой мы покинули Тарент, я тебя не осуждаю. Мы с тобой должны обязательно познакомиться с кем-то из Сиракуз.

— Думаю, что если бы здесь было пифагорейское общество...

— Было бы лучше не задавать подобных вопросов,— заметил Архит.— Говорят, Дионисий очень подозрительный владыка. И если в нашем демократичном городе люди приходят в бешенство от почти воображаемых пифагорейских идей, то можешь предположить, что будет у Дионисия.

— Нельзя было подпускать своих последователей к политике — вот самая большая ошибка богоподобного Пифагора.

— Кто-то же должен двигать город вперед, так кто, если не философы?

— И ты прекрасно знаешь, чем все это заканчивается. Создается впечатление, что философы, как и все остальные, рвутся к власти ради собственной выгоды. Возможно, нам следовало бы переименовать пифагорейские общества: пусть они носят имя какого-нибудь другого искателя истины, к примеру, Филолая.

— Но он тоже был уличен в политических амбициях. Вот почему ему пришлось спастись бегством в Старой Эллад... А о чем ты задумался, старик?

— О Зевс Олимпийский! Я только сейчас вспомнил. Помнишь, когда мы заканчивали обучение у Филолая, там был ученик из Сиракуз — Архонид, сын Филиста?

— Весьма смутно.

— Короче говоря, мне удалось спасти его от хулиганов, и некоторое время он был привязан ко мне. Парень был ужасным гордецом, постоянно брюзжал о положении в обществе, богатстве и родословной своего отца. Как бы то ни было, мне кто-то рассказывал, что Филист собирался стать философом. Он помогал Дионисию в самом начале его политической карьеры, когда тот был всего лишь скромным сборщиком податей. Возможно, Архонид замолвит за нас словечко.

— Но как нам найти Филиста в таком огромном городе?

— Мне это тоже очень интересно. Наверное, всякий знает, где находится податное ведомство?

— Если только он не слепой нищий.

— Там наверняка хранятся адреса всех жителей города. Попробуем узнать там. Это логично, не так ли?

— Конечно, если они только не посадят нас в тюрьму, как должников.

Вдали показался остров Ортигия, защищающий южные подходы к Ахраддине. Остров окружали массивные зубчатые стены. Позади него лежала Великая Гавань и ее доки. Корабли, пришвартованные к причалам, стояли рядами на якоре в гавани — над водой возвышался лес мачт. В открытом море напротив города занималась маневрами эскадра трирем. До стоящих на палубе «Аталанты» юношей доносились слабые переливы боцманских дудок.

— Смотри, Архит! Дионисий построил каменные стены! — воскликнул Зопирион.

— Клянусь Мышиным Богом, так оно и есть! После появления новых финикийских стенобитных орудий и машин, думаю, что многие города сменят свои кирпичные стены на каменные! По крайней мере, для строителей будет достаточно работы.

Податное ведомство находилось на берегу за деревянным мостом, соединявшим Ортигию с большой землей. Там юноши узнали, что Филист живет в Ортигии вместе с прочими доверенными лицами и друзьями тирана.

На дальнем конце моста стояло двое солдат. Зопирион и Архит пошли по грохочущему настилу моста.

— Смотри! — схватил приятеля Архит.

— На цепи?

— Да! Они прицеплены здесь, и дальше уходят туда через дыры в стене, — переполненный восхищением Зопирион бросился по мосту, как пес за зайцем. — Вероятно, Дионисий может поднять мост, если не хочет пропустить нежеланных посетителей. О горе мне! Почему я сам до этого не додумался?

— Сюда, Зопирион! — теперь уже восхищенный Архит тащил приятеля за рукав. — Посмотри, как сделаны ворота! Они поднимаются и опускаются!

Зопирион тут же понесся посмотреть поближе. Со стороны моря остров окружали массивные каменные укрепления. За подъемным мостом в стене были сделаны высокие ворота, за которыми

ми начинался тоннель, вырезанный в каменной кладке стен. На дальнем конце тоннеля юноши увидели массивные распахнутые ворота, с ближней же стороны вместо обычных дверей была установлена ажурная подъемная решетка, сделанная из кованых железных прутьев; она могла с легкостью подниматься и опускаться, скользя по пазам в каменной кладке.

Зопирион пришел в неописуемый восторг от невиданных доселе механизмов, он метался от одного к другому, вытягивал шею, чтобы получше разглядеть, пока не столкнулся со стражником.

— Эй! — пошатнувшись, взревел воин и приставил наконецник копья к спине юноши. — Тебе что, в загробный мир захотелось, а, жулик? Чего на ногах не стоишь?

— Извините, — прошептал Зопирион, чувствуя, как холодеет внутри от прикосновения острого наконецника копья. — Мне было так интересно, что я не заметил вас.

— Может, тебе стоит провести несколько декад в Доме? — добавил другой солдат, решительно направив на юношу свое копье.

— Послушайте, день слишком хорошо начинался, чтобы портить его спорами, — сказал Архит. — Понимаете, ребята, мой друг — гений, и часто он почти ничего не замечает вокруг себя. Я уверен, что мы можем покрыть его неловкость суммой, достаточной для отличной выпивки?.. И не смогли бы вы указать нам дорогу к дому Филиста?

— А где твой пропуск? — прорычал первый солдат.

— Разве должны быть пропуска? — переспросил Зопирион.

— Клянусь богами, вы здесь впервые? — спросил второй. Прислушиваясь к их речи, Зопирион предположил: перед ним кампанцы, луканцы или полуварвары Сикелы — из внутренних районов Сицилии.

— Конечно, нужен пропуск или сопровождение, — солдат повернул голову и крикнул:

— Направляющий Сеговак!

Из гауптвахты показался кельт, одетый в доспехи кентарха¹ войск Дионисия. Свисающие пряди усов и длинный меч выдавали его варварское происхождение.

— Клянусь рогами Кернуна! — вскричал он, заламывая руки. — Не славные ли это парни — тарентийцы! Вы тоже решили поискать здесь работу?

---

¹ Кентарх — командир небольшого отряда воинов.

— Возможно, но мы думали сначала посоветоваться с Филистом, я был знаком с его сыном,— с теплой улыбкой ответил Зопирион. Он был очень рад снова услышать голос друга.

— Сразу видно: передо мной хитроумные эллины, они всегда все продумают наперед. Господин Филист — второе лицо в государстве.

— Игнаций, пойдешь сопровождающим! — повернув голову, закричал он и снова вернулся к друзьям.— А когда устроитесь, заходите, побеседуем и пропустим стаканчик вина.

Сопровождающий повел их через лабиринт крепостных укреплений. Они миновали дворец Дионисия и храм Аполлона и Артемиды. Перед храмом стояла впечатляющая своими размерами статуя обнаженного Аполлона, натягивающего лук. Далее их путь лежал мимо казарм и учреждений: они прошли почти пол-острова. Повсюду царило оживление и суета, тут и там сновали солдаты диктатора и гражданские слуги. Наконец, миновав здание огромного Олимпиона, путники остановились около одного из группы частных домов Ортигии и постучались.

Привратник распахнул тяжелую дверь. За его спиной, опираясь на палку с резным набалдашником, стоял Филист — крупный сорокалетний мужчина с первыми признаками седины в бороде.

— Нет, моего сына нет здесь. Он в Афинах, учится у Горгия,— ответил он на вопрос Зопириона. — Ты говоришь, что познакомился с ним в Таренте? Ты можешь доказать это?

— Боюсь, что нет, господин — признался Зопирион.

— В конце концов, это не важно. В последующие десять дней мой дом будет полон родственников, приехавших на религиозную церемонию нашего рода. В любом случае я не смогу пригласить вас к себе. Тем не менее, Дионисий пожаловал мне аудиенцию сегодня в полдень. Я как раз направляюсь к нему и могу представить вас.

В сопровождении прихрамывающего Филиста и солдата эскорта Зопирион с Архитом обошли вокруг храма Аполлона и Артемиды и вернулись ко дворцу. Дворец Дионисия скорее напоминал обычный квадратный греческий дом с внутренним двориком в центре, только гораздо больше и сделан из камня, а не из кирпича. Сопровождающий кратко переговорил с двумя солдатами, стоявшими у дверей на карауле.

— Поднимите руки,— сделав шаг вперед, сказал один из часовых.

— Ты хочешь узнать, есть ли у нас мечи? — мягко спросил Архит. — Мы облегчим тебе задачу.

Архит положил сумку со своими вещами на землю, поднял хитон и отстегнул ножны, пристегнутые к поясу. Зопирион сделал то же самое. При виде кинжалов Филист нахмурился и переглянулся с солдатами.

— Понимаете, — успокаивающе заговорил Архит, передавая солдатам свое оружие. — Мы только что прибыли в Сиракузы и в настоящее время даже не нашли места, где оставить наши пожитки.

Тем не менее воин обыскал обоих тарентийцев.

— Ну хорошо, пусть идут, но предупредите господина, — немного посоветовавшись, постановили караульные.

Во внутреннем дворике весело бил фонтан, солнце радугой играло в его брызгах. На карауле стояло несколько воинов, держа в руках прекрасно отполированные щиты. В тени портика, окружавшего дворик, сидели люди в ожидании аудиенции. Около фонтана в обычном кресле сидел Дионисий, поглядывая на невысокого человека, который очень серьезно рассказывал ему о чем-то.

Дионисий поднял глаза на вошедших.

— Возрадуйся, Филист! Подойди и скажи, что ты думаешь по поводу этих предложений по налогам.

Пока все трое, склонив головы, были заняты обсуждением, Зопирион внимательно разглядывал Дионисия. Владыка называл себя архонтом Сиракуз, хотя всем было хорошо известно, что этот титул было единственным, что осталось от демократической конституции. Дионисий был законченным тираном, чья власть зиждилась на крепостных стенах Оргигии и сильном наемном войске.

Тридцатилетний Дионисий был поразительно красив, с правильными чертами лица и ясными серыми глазами. Ростом с Зопириона, он обладал мощной мускулатурой. Одет он был в простую, но без единого пятнышка белоснежную тунику. Волосы и борода были неаккуратно подстрижены. Зопирион тут же припомнил рассказ о том, что из страха подпустить к себе кого-либо с острыми предметами Дионисий либо стригся сам, либо его стригли, прижигая волосы раскаленными углями. Движения тирана говорили о мощном контролируемом темпераменте. Минуту он мог сидеть без движения, как скала, и слушать. И вдруг движения прорывались наружу, и он начинал подпрыгивать и расха-

живать. Рядом с ним сидел секретарь и деловито записывал, сидя за столом, заваленным воцелеными табличками и свитками папируса.

Наконец разговор о налогах с невысоким человечком завершился. Следующий проситель показал игрушечную модель военной колесницы, запряженной четверкой лошадей. Крыша и боковые части ее были защищены железными пластинами.

— Выглядит многообещающе, Симон,— выслушав пояснения, произнес Дионисий.— Сделай подробные чертежи, рассчитай вес и стоимость. Тогда и продолжим. Возрадуйся! Кто следующий?

Сопровождающий вышел вперед и тихим голосом заговорил с тираном. Наконец Дионисий подал знак, и молодые строители подошли к столу.

— Ты сын Мегабаза? — внезапно спросил он Зопириона.

— Да, это я, господин.

— Я знаю его и был бы рад, если бы он начал работать на меня. Есть ли шанс, что он приедет?

— Сомневаюсь, что мы уедем из Тарента.

— Очень плохо. А что ты умеешь делать?

К ужасу своему Зопирион обнаружил, что голос отказывается его слушаться: природная застенчивость сдавила горло.

— Я... я... — только и смог выдать он.

— Он отличный мастер во многих строительных искусствах, правитель... — начал Архит, но Дионисий жестом попросил его замолчать.

— Ничего, продолжай,— сказал он.— Я и не ждал увидеть перед собой превосходного оратора, но полагал, что ты можешь отвечать хотя бы на простые вопросы. Что ты умеешь делать?

— Я... я... — И тут Зопириона прорвало.

— Я могу строить машины, способные бросать снаряды дальше, чем любой лук или праща. Нет нужды объяснять тебе преимущества большой дальности полета снарядов при военных действиях,— не вполне осознавая, что говорит, выпалил Зопирион.

— Очень интересно,— сказал Дионисий.— Ты получишь свой шанс. Ты уверен, что не пытаешь научить кастрюлю делать горшки?

— Нет, господин, не пытаюсь. Если я говорю, что могу сделать, значит, я действительно умею.

— Ну хорошо, после такого отважного заявления будет очень неплохо, если ты сделаешь что-либо полезное. Кстати, ты случайно не пифагореец?

— Я учился в пифагорейской школе,— удивившись осведомленности тирана, ответил Зопирион.— Но, боюсь, я не слишком

хороший последователь: ем мясо и иногда бобы, участвую в строительстве крепостей и орудий, потребных как для защиты, так и для убийства... Думаю, что богоподобный Пифагор вряд ли одобрил бы все мои действия.

— Меня не сильно беспокоит, что ты ешь, но изрядно волнуют организованные общины и клубы, имеющие политические цели,— сказал Дионисий.

— Нет господин, мое отношение к Пифагору не носит никакой политической окраски.

— Совершенно никакой?

— Никакой, господин. Насколько мне известно, пифагорейцы обладают политическим влиянием или интересом только в Регии.

— Пусть твои интересы так и останутся вне политики, так как я, Дионисий, не выношу никакой подрывной или заговорщической деятельности. А теперь ты, юноша.

Дионисий так внезапно повернулся к Архиту, что тот замер от неожиданности.

— Я, как и он, мастер строительного искусства,— сказал Архит.— Я могу работать на водных и оборонительных сооружениях, верфях и в доках.

— Оборонительных сооружениях? Мой архитектор Пирр проектирует новую крепость для Эпиполы, и ему нужен помощник. Будешь работать с ним. А ты, господин Зопирион, будешь отчитываться перед Драконтом, главой моего арсенала. Пирр и Драконт приносят свои отчеты Филисту — он командует в крепости, а Филист доводит их до моего сведения. Подготовь предварительные эскизы и приблизительно подсчитай стоимость материалов и необходимое количество рабочих.

— Господин... О, архонт... сколько... — спросил Зопирион.

Лицо Дионисия на мгновение осветилось улыбкой.

— Естественно, нет денег, нет и произведения. Две драхмы в день вас устроит?

Для юноши, еще не заработавшего репутацию, эта сумма была больше чем достаточной. Оба приятеля растерянно пробормотали слова благодарности.

— Я также выплачиваю награды тем, кто добивается исключительных результатов,— добавил Дионисий.

— Внесите Зопириона, сына Мегабаза, и Архита, сына... Как зовут твоего отца? Мнесагора, оба из Тарента, в список на получение двух драхм в день. Приготовь им пропуска.

— О, Архонт... мы всегда помогали друг другу в работе,— сказал Зопирион.

— Вам никто не запрещает помогать друг другу. Мне будет приятно увидеть сотрудничество различных команд вместо обычной ревности и обоюдной вражды. Все, что меня интересует — это *результаты*. Я жду от вас тяжелого труда и результатов, а за них я хорошо заплачу. Мне здесь не нужны всякие тра-ля-ля — юноши, мечтающие провести свою жизнь в праздности, возведенной во главу угла, и которые ужасаются при одной мысли о тяжелом труде. Мои люди расскажут вам, как я собственными руками работал на строительстве наших оборонительных сооружений. И именно сейчас нашей основной задачей является усилить защиту государства от врагов. Я знаю, когда ждать их удара.

— Врагов? — невинно переспросил Архит.

— Врага *оттуда*,— ответил Дионисий, указывая на юго-запад в направлении Карфагена.

— Эти завистники и воры ненавидят эллинскую культуру. Они только и ждут появления возможности истребить нас. Чтобы противостоять им, нам приходится работать гораздо больше них. Но достаточно разговоров на сегодня. Драконта и Пирра вы найдете в Арсенале. Будьте в добром здравии! Кто следующий?

Тем временем секретарь уже подготовил пропуска — два глиняных диска с проделанными в них отверстиями, сквозь которые продевался ремешок. Пропуск носили на шее. На каждом диске секретарь нацарапал имя нового работника и отличительный знак.

Арсенал располагался в западной части Ортигии недалеко от источника легендарного Орфея. Это было огромное прямоугольное здание из необожженного кирпича. Внутри здания вдоль длинных стен располагались балконы, на первом этаже балконы поддерживали ряды колонн. И балконы, и пространство первого этажа были уставлены всевозможными военными и военно-морскими приспособлениями и оружием. Здесь были рангоуты, паруса, веревки, весла, якоря и сходни; кувшины с гвоздями, дегтем, краской и жиром; копья, дротики, мечи, щиты, кирасы, ножные латы, луки, стрелы, пращи и ядра к ним. Тускло светилась сталь и бронза предметов, стоящих вдоль стен или висящих на вешалках или гвоздях.

Центральную часть здания разделили на цеха, в которых выполнялись различные виды работ. Пламя кузнечного горна освещало

щало пол мерцающим красноватым светом. Из-за стука молотков приходилось кричать. Рабочий разливал расплавленную бронзу в форму для наконечников. Другой обстругивал древко копья, то и дело проверяя его гладкость, поднося древко концом вперед к глазу.

— Смотри сюда! — сказал Архит.

Огромный обнаженный кузнец в кожаном переднике держал щипцами раскаленно-красную деталь и стучал по ней молотком. Подойдя ближе, Зопирион увидел, что он кует нагрудник. Неподалеку от наковальни на земляном полу лежала незаконченная задняя часть нагрудника. От мощных ударов с наковальни летели искры. С остывающей поверхности осыпалась черная сажа.

— Ты куешь кирасу из железа? — спросил Зопирион.

Нагрудник начал остывать, теряя алый цвет. Кузнец положил молот, взял еще одни щипцы и двумя руками положил нагрудник в горн. Его помощник принялся раздувать меха, и угли загорелись золотым пламенем.

— Правильно, сынок. Все утверждают, что это невозможно, но я покажу им, — ответил кузнец.

— Он не будет слишком тяжелым?

— Первый образец пройдет испытания на Архонте. И если он сможет сражаться под такой защитой, подумаем обо всех остальных.

Зопирион пошел дальше искать Драконта.

— Эй! Не ты ли тарентиец с «Муттумалейна»?

Голос принадлежал Алекситу из Велии. Юноша склонился над разложенными на полу большими листами папируса и рисовал на них угольным карандашом. Когда он поднялся и отряхнул с рук угольную пыль, Зопирион узнал его.

— Рад, что ты среди нас, — сказал Алексит. — Я же говорил, что Дионисий оценит мои таланты. Я рисую чертеж самой большой в мире галеры.

— А чья была идея? — спросил Зопирион.

Юноша постоял в нерешительности, а потом ответил.

— Архонт подал оригинальную идею, но всю остальную работу проделал я.

— А как тебе удастся увеличить размеры военной галеры? — поинтересовался Архит. — Если ты удлинишь ее, то во время шторма галеру переломит пополам.

— Корабли будут не длиннее, но шире, — таинственно произнес Алексит. — Вместо трех рядов весел с каждой стороны их будет пять!

— Проклятие! И почему я сам до этого не додумался? — воскликнул Архит. — Только потому, что со времен царя Мидаса военные галеры строят трехвесельными, мы глупо полагаем, что так должно быть всегда.

— Не огорчайся. Не всем же быть перевоплощением Дедала, — успокоил его Алексит. — Но, даже несмотря на отсутствие в тебе этой божественной искры, я твердо уверен, что вы оба станете прекрасными строителями и прославите свое имя.

— Спасибо. Но, парень, как тебе удастся поместить в корпус судна такое количество гребцов при том, что они должны будут еще и двигаться? Здесь возможны трудности.

— Вот, где приходит божественная искра. Чем больше трудностей, тем величественнее победа. Увидимся позже, — Алексит небрежно помахал им рукой и вернулся к чертежам.

Драконт, мастер Арсенала, сидел за столом на одном из балконов, откуда ему было прекрасно видно все, что происходит внизу. Невысокий, узловатый, весь в морщинках, Драконт молча выслушал рассказ Зопириона.

— Позволь мне объяснить тебе, как мы работаем, — когда юноша закончил говорить, произнес он. — Рабочих в Арсенале мы поделили на бригады, во главе каждой стоит строитель. Конечно, в том случае, если он есть. Бригады бывают двух типов. Первый — производственный. Они выпускают оружие всех известных разновидностей. А другие... не могу подобрать слово... предназначены для целевой разработки новых изобретений.

— *He exetasis*. Исследования? — подсказал Зопирион.

— Именно так! Бригады исследователей. Насколько мне известно, новая идея архонта заключается в том, чтобы в мирное время нанимать людей для изобретения устройств и оружия, которые понадобятся на войне. Даже в финикийских городах и землях Великого Царя, где особенно много выдающихся изобретателей, до этого не додумались. Их вполне устраивает, если человек может создавать машины или оружие старого образца, и если он пожелает предъявить работодателям нечто новое, он будет вынужден трудиться как раб.

— У нас архонт стимулирует соревнование между бригадами, поднимая заработную плату, награждая серебром и медалями. Он щедр к тем, кто делает реальное дело, вполне разумно полагая, что добрую лошадь недурно и побаловать. Но я бы посоветовал тебе принести ему реальный результат трудов, да не затягивать с этим. У нас слишком много мечтателей не от мира сего, гениев,

пытающихся построить летающую колесницу, которая не летает, и подводную лодку, которая так и не поплывет, а если и поплывет, то уже не всплывет.

— Первое, что тебе нужно — материалы для рисования: папирус, угольные карандаши, компас, линейка, нитки и так далее. Напиши список и дай мне на подпись, потом отнесешь его в лавку к Ахиллесу...

Когда Зопирион получил материалы, было уже поздно начинать работу. Архита он нашел на задворках Арсенала: юноша играл в мяч с тремя мальчишками — он всегда прекрасно ладил с детьми. Друзья вместе смотрели, как заходит солнце в озерцо источника Аретузы. Каменистый водоем, обрамленный легкой каймой тростника-папируса, отделялся от моря только естественной узкой скальной перемычкой, свежие воды источника слегка бурлили и закручивались в водоворотках.

— Тебе не кажется, что вода приходит сюда из Эллады? — болтая ногой, спросил Архит.

Зопирион пожал плечами.

— Думаю, это можно проверить. Например, подкрасить воду в Элладе, и наблюдать за источником: не появится ли в нем цветная вода. Ты договорился с Пирром?

— Запросто, хотя при проектировании замка не требуется сложных расчетов. Но мне удалось кое-что разузнать.

— Верю тебе. И что говорят?

— Похоже, между бригадами, занятыми производством оружия, и бригадами, работающими над изобретениями, установились плохие отношения.

— Мы с Драконтом назвали их производственными бригадами и, соответственно, исследовательскими.

— Да, о прославленный друг. Происходит следующее: изобретатели считают производителей закостенелыми и отсталыми людьми, в то же время производители называют изобретателей бандой лунатиков, тратящих городскую казну на смехотворные цели. Каждый пытается взять без разрешения чужих людей и материалы. Так как я занят на производстве, а ты — изобретатель, то предполагается, что мы начнем враждовать, как Афины и Спарта. А если говорить о фантастических идеях, неужели ты думаешь, что нам на самом деле удастся построить метательную машину?

— Да.

— Но как? И как она будет работать?

— Я не знаю. Будь я проклят, но я должен был сказать хоть что-то, когда архонт смотрел прямо мне в душу своим пронзительным взором. Я не мог ни о чем думать в тот момент, кроме моего сна про Геракла и Циклопа. Помнишь...

Чтоб изучить ремесло, руки потребней, чем разум;
Можешь предмет изучить, вглубь осмысляя и вширь,
Только старайся иль нет — опыт ничто не заменит

Думаю, что следует начать с гибкого шеста, такого, как был во сне.

— Из чего ты собираешься его сделать?

— Пока не знаю. Большинство пород деревьев или жесткие, или хрупкие.

— Луки делают из вяза, ясеня и тиса,— сказал Архит.— Они чуть хуже первоклассных роговых луков. Но рог можно исключить из-за маленького размера лука.

— Значит, все, что нам нужно — найти подходящий вяз, ясень или тис в радиусе пятидесяти лиг. Однако не уверен, что они растут на Сицилии.

— А не лучше ли начать с небольшой модели и от нее уже двигаться к луку в натуральную величину, как сделал изобретатель колесницы?

— Думаю, я так и сделаю,— в очередной раз изумившись, во что он умудрился ввязаться, Зопирион глубоко вздохнул.— Тень длиной десять футов, не лучше ли пойти пообедать да подыскать комнату.

— Главное — пообедать, я страшно голоден,— произнес Архит.

Спустя десять дней Архит нашел своего друга на поле для стрельбы из лука. Вместе с плотником и подмастерьем они испытывали модель метательной машины. Время для проведения испытания было выбрано специально: несколько дней подряд дул сильный южный ветер, приносящий песок с африканских пустынь. Он вихрями носился по полю, делая невозможной стрельбу из любого типа орудий. Модель представляла собой гибкий деревянный прут длиной около трех футов, вертикально закрепленный на квадратной трехфутовой платформе при помощи специального патрона. На верхнем конце прута была небольшая развилка.

В эту развилку Зопирион вкладывал основание стрелы, оттягивал стрелу назад, одновременно сгибая прут. Когда он отпускал

стрелу, прут резко выпрямлялся, выбрасывая стрелу футов на двадцать вперед.

— Как продвигается работа? — спросил Архит.— Хорошее начало — половина успеха, как часто повторял Пифагор.

— Я не знаю,— сказал Зопирион.— Модель работает вполне прилично, если не слишком оттягивать прут: он иногда ломается. Но если построить в натуральную величину... Проблема заключается в необходимости дополнительных приспособлений: машину нужно зарядить, прицелиться и выстрелить. Я пытаюсь каждую из этих задач продумать в отдельности.

— Первое, что приходит в голову — просто привязать веревку к вершине мачты, оттянуть ее лебедкой и потом перерубить веревку.

— Для первого выстрела этого вполне достаточно. Но архонт захочет получить машину, которая будет стрелять постоянно. А в этом случае каждый раз придется привязывать к мачте новую веревку. В конце концов веревки будут развеиваться на вершине мачты как волосы на голове кельта. Но подожди, ты мне подкинул идею. Если сюда установить желоб с пазом на верхней поверхности, вдоль которого мог бы скользить снаряд, ты мог бы привязать веревку к снаряду...

— И как он сможет отвязаться, когда мачта выпрямится?

— Да подожди ты! Ты прогнал от меня божественное вдохновение, Архит! А как бы ты это сделал?

— Я обдумывал разные версии. Я бы сделал гигантскую пращу. Если ее приделать к колесу повозки и раскрутить его...

И он начал с воодушевлением развивать свою идею, которую Зопирион тут же опровергнул, показав, что в этом случае машину следовало поставить на вершину огромной горы и отойти подальше от места, где она будет вращаться. Вряд ли из этого выйдет что-либо полезное. И они снова заспорили, выдвигая идеи и тут же опровергая их, и тут же выдвигая новые.

Неожиданно Архит хлопнул себя по лбу.

— Геракл! Я совсем забыл! Сегодня вечером архонт дает банкет для строителей в городской ратуше. Мы приглашены.

— Тогда нам лучше закончить работу пораньше и сходить в баню.

В городской ратуше Зопирион увидел тирана, с приветливой улыбкой расхаживающего среди гостей. Тем не менее по обеим

сторонам и со спины у него находилось по воину, что мешало ему свободно двигаться в толпе. Дионисий знал по имени каждого строителя, и имел представление о ходе выполнения тех или иных проектов.

— Как обстоят дела с чертежом, Алексит?.. Ты еще не закончил первый этаж, Пирр?.. Мне понравилось новое решение щита, отлично, Гиппий... А как насчет метательной машины, Зопирион?

— Я встретился с неожиданными техническими сложностями...

— Да, да, этого и следовало ожидать. Сосредоточься на них. Думаю у тебя здравая идея, нужно только справиться с трудностями. Домысли то, что не знаешь!

После того, как чаша вина с пряностями обошла гостей, они возлегли на ложа. Зопирион пытался подсчитать число приглашенных.

— Смотри, наш юный гений кораблестроения так и вьется, пытаюсь очаровать начальника Арсенала.

Зопирион взглянул через зал на Алексита, возлежавшего с Драконтом на одном ложе, юноша болтал и смеялся с усердием оплаченного конферансье.

— О горе! Мы должны были занять места рядом со стариком!

— Я пытался, но грязный веллиец успел пролезть вперед меня. Говорю тебе, он далеко пойдет.

Дионисий оглядел собравшихся и произнес молитву Гефесту, богу-покровителю механиков и ремесленников.

— Богам он не пожертвует и гнилой оливки, но ничего не жалеет, чтобы поддерживать индивидуальность и дух в своих слугах,— прошептал Архит.

На обед подали жареных кальмаров, зайцев, фаршированных рублеными ливером и мозгами, козленка, тушеного в молоке с медом. Яства были обильно приправлены рыбными соусами и пряностями. После еды, когда подали разбавленное вино, перед участниками трапезы вышли танцующие и поющие девушки.

Строители находились в самом приятном расположении духа, когда Дионисий встал и разбил свой кубок.

— Возрадуйтесь, друзья мои! А теперь давайте немного поговорим. Помните, что мы удерживаем оплот цивилизации среди окружающих нас варваров, которые только и ждут возможности пробить в нем брешь. Восемьдесят лет тому назад им это почти удалось: тогда Великий Царь вошел в сговор с распутными финикийцами, которые сжигают живьем младенцев,— кивком головы он указал в направлении Карфагена.— Они хотели нанести

нам удары с востока и запада одновременно. Вы помните, тогда мы повернули их силы обратно на Гимеру, Саламию и Платию.

— Вероятно, вы даже не задумывались о том, что смерть царевича Кира в Кунаксе оказалась невероятным подарком судьбы для эллинов, несмотря на то, что десять тысяч эллинов, к стыду их, сражались на его стороне. Позже они рассказывали мне, что у царевича Кира были все задатки великого царя. Не менее великого, чем, например, его тезка — создатель державы. И если бы он низверг своего брата и начал царствовать — тот день стал бы черным для эллинов... Но богопротивные варвары никогда не отступают. Мы должны быть постоянно начеку. И вы, мастера, наилучшим образом способны защитить Элладу. Наступает время, когда войну выигрывает не тот, кто выставит наибольшее число копьеносцев, а тот, у кого на вооружении есть новейшее смертельное оружие. И вы — именно те, кто его изобретает. Мне нужны такие, как вы... Достаточно об этом. Ветераны, присутствующие среди нас, уже наслушались моих разглаговльствований на эту тему. Поговорим теперь о другом. Во-первых, здесь вы можете высказать ваши предложения по развитию производства. Высказывайтесь!

Наступила мгновенная тишина, во время которой тиран орлиным взором смотрел на присутствующих. Наконец один из собравшихся поднял руку.

— Да, Менедем?

— Извините, господин, но куча мусора у восточной стены Арсенала может стать причиной пожара. Не убрать ли ее?

— Конечно, убрать, — Дионисий кивнул секретарю, и тот тут же записал. — Следующий?

Другому говорившему требовалось увеличить количество рабов для выполнения подсобных работ на верфи. Еще одному потребовался воинский патруль для охраны территории вокруг Арсенала, чтобы разгонять празднующихся или решивших переночевать где-нибудь в укромном уголке рабов и подмастерьев.

Когда все предложения строителей были высказаны, слово взял Дионисий.

— А теперь я с удовольствием приступлю к церемонии награждения. Павсаний, подойди сюда со своим шедевром!

К столу подошел крепкий кузнец, держа в руках железную кирасу, отполированную до зеркального блеска.

— Надеюсь, ради благополучия Павсания, что она подойдет! — прошептал Архит.

И кираса пришлась как раз впору. Стражники помогли кузнецу через голову надеть ее на тирана и сбоку завязать ремешки. Дионисий выдохнул и стукнул кулаком по кирасе, она ответила ему глухим звоном. Тиран многозначительно оглядел присутствующих.

— Вы же говорили, что ни один кузнец в мире не сможет выковать железную кирасу из-за сложностей обработки больших кусков этого металла. Но видите, Павсаний сделал это! И, насколько мне известно, впервые в мире. Получите награду в знак моего признания!

Дионисий надел на шею кузнеца диск из золота на золотой же цепи.

— О архонт! Я, я... как бы то ни было, да благословят тебя боги. Не хотите ли вы поручить мне начать производство этих кирас? — кивая головой и ковыряя пол большим пальцем ноги, как провинившийся школьник, спросил кузнец.

— Здесь есть о чем подумать! — поднял голову Дионисий.— Возможно, мне эта кираса настолько понравится, что я решу оставить ее для себя в единственном экземпляре. В любом случае, ты создал просто великолепное изделие.

— И прежде, чем мы разойдемся, я хочу сообщить вам еще о трех вещах,— сказал Дионисий, когда кузнец вернулся на свое место.— Во-первых, в городе слишком много разговоров о наших планах... Слишком многие из вас по дороге с работы заворачивают в ближайшую таверну, сидят с приятелями и во весь голос обсуждают свои дела. Вас слышно от Карики до Карфагена! Клянись Зевсом — царем богов! Не зря чужеземцы называют нас, греков, многословными! Я никогда не верил в сказку о Пифагоре, когда его ученики должны были молчать пять лет. Заставить элина так долго молчать может только бог!.. И во-вторых, следующее не подлежит обсуждению: когда кто-либо покидает остров, вместе с ним уходит знание о том, что происходит в крепости. Какой смысл изобретать новое оружие против непримиримых врагов, если мы сами же расскажем им об этом оружии, и они смогут построить себе то же самое? Мне бы не хотелось, чтобы вы жили на острове в казармах, но, если подобные разговоры не прекратятся, я буду вынужден это сделать... И третье. Следует увеличить производство обычного вооружения вроде копий и щитов, и я уверен, что это можно сделать, не покупая новых рабов и без привлечения большего числа вольнонаемных. Я долго размышлял, почему афинские гончары могут продавать свои изделия дешевле всех на Внутреннем море, несмотря на то, что их кера-

мика отличного качества, а перевозки дороги. Причина в том, что они используют новые способы производства — массовое производство, если так выразиться.

Вы когда-нибудь видели, как работают афинские гончары? Я не был в Афинах, но мои агенты подробно описали весь процесс. Вместо того, чтобы делать горшок от начала до конца, афинянин разделяет работу на задания и распределяет их между несколькими работниками. Один месит глину, другой крутит колесо, третий бросает и формует глину, следующий придает изделию законченный вид, еще один расписывает и так далее. Каждый рабочий, постоянно повторяя действия, совершенствуется в выполнении определенной операции гораздо лучше, чем если бы был вынужден расплывать свой талант между несколькими. Число изделий, произведенных по такой схеме, может оказаться в два раза больше, чем изделий, произведенных в одиночку. Поэтому я, Дионисий, хочу попросить вас обдумать, как эту схему можно применить к производству оружия.

И последнее. Я испробовал несколько способов подачи сигналов к началу утренней работы, и ни один из них меня не устроил. Проблема в том, что все сигналы зависят от человека, подающего их, трубит ли он в трубу или ударяет в гонг. Людям свойственно ошибаться. Дело обстоит следующим образом: в утренние часы люди приходят вразброд, и те, кто пришли раньше, не могут эффективно работать из-за того, что их помощники еще не пришли.

Иными словами, мне нужно устройство, которое можно было бы включить вечером в моем присутствии и которое утром следующего дня просигналило бы само по себе, без участия человека. Подумайте об этом, друзья мои!

И если мы заговорили о точном приходе на работу, напоминаю, что завтра рабочий день, и сегодня нам нужно хорошо выспаться. Спокойной ночи!

— Что ты на самом деле думаешь об архонте? — спросил Архит, когда друзья шли по мосту в гостиницу, где они сняли комнаты.

— У меня смешанные чувства, Архит. Иногда мне кажется, что он самый выдающийся человек из всех, кого я знал. Не вызывает сомнений его способность управлять людьми. Но когда он начинает разглагольствовать о финикийцах, то я не понимаю...

Я их прекрасно знаю, чтобы видеть: они никакие не чудовища, несмотря на их ужасную религию. Если бы наша цель была мирной, я мог бы счастливо закончить здесь свои дни, занятый изобретением и разработкой нового. А каково твое мнение?

— Дионисий — один из тех, кто, подобно афинянам несколько лет назад, пытается доказать, что единственный закон природы — это властвовать везде, где только можно. От переименования тирании в «управляемую демократию» ее смысл не исчезает.

Тот, кто и вправду мудрец, тронем не может прельститься,
Радость от власти в руках — верный к растлению путь.

— Смотри, как ты заговорил! А как же твои собственные политические амбиции?

— Меня никогда не воодушевляла идея стать царем Тарента, как Дионисий стал царем Сиракуз, если не считать титула. Политика — совсем другое.

Зопирион пожал плечами.

— Играй в политические игры, если тебе нравится, но меня это не интересует.

— Должно интересовать! Политика — это возможность небольшой группы людей управлять многими событиями и делами.

— Что они и делают весьма отвратительно при любой форме управления.

— Несомненно. Но это не повод для того, чтобы становиться еще хуже. Поэтому мне и интересно, правильно ли мы поступаем...

— О чем ты?

— ...помогая тирану изобретать машины для убийства своих же людей. Ты знаешь, как он относится к агрессии и войне, — ответил Архит.

— Дионисий говорит только о защите от агрессии со стороны Карфагена, — заметил Зопирион.

— Думаю, нет. Здесь логика аргументов божественного Пифагора дала трещину: каждая воюющая сторона утверждает, что именно она воюет в целях самообороны. Следовательно, агрессором всегда является ее противник.

— За исключением варваров, таких, как наш друг Сеговак, — сказал Архит. — По крайней мере, они не лгут. Выходят и говорят: «У тебя есть то, что мне надо, и чтобы это заполучить, я тебя убью». Но меня не оставляет беспокойство, связанное с работой на этого тирана с орлиным взором, даже несмотря на приличное жалование.

Зопирион пожал плечами.

— Люди всегда убивали друг друга по разным причинам, как плохим, так и хорошим. Думаю, всегда будут. Если бы мы не пришли помогать ему, он нашел бы других мастеров. А что касается тирании, я полагаю, что если людьми управляют тираны, то они этого заслуживают. Иначе говоря, значит, среди них такое множество жуликов и дураков, что они не в состоянии управлять сами собой. Он говорил...

— Ты всегда упрощаешь вопросы политики,— сказал Архит.— Просто потому, что у тебя нет политического опыта. А я об этом знаю из первых рук. Причина появления тирании скорее не в развращенности людей, но в том, что богатые настолько подавили бедных, что последние остановились в своем развитии. А потом некоторые демагоги с чего начинают? «Идите за мной, дорогие горожане! Убьем прогневших богатеев, разделим их имущество и проживем в богатстве и праздности. И так будет всегда!» И бедные глупцы верят им.

— Об этом я и говорил. Толпа настолько глупа, что им безразлично, при каком режиме находиться — при сильном хозяине или демократии.

— Да нет же, это разные вещи. Ты забываешь, что как только тиран приходит к власти, он заботится только об усилении и охране собственной власти, а не о благополучии народа. Чтобы защитить свою власть, он идет на любые крайности, от вероломства до зверства, как Фалар из Акраганта, который сжигал людей в бронзовом быке.

— Мне бы хотелось увидеть это интересное изделие из бронзы,— ответил Зопирион.— Однако я слышал, что карфагеняне убрали его после падения Акраганта. Но, как бы то ни было, Дионисий много делает для Сиракуз, и нет сомнений, что граждане восхищаются им.

— Несомненно, некоторые восхищаются. Но многие говорят о любви к нему только из боязни выразить недовольство. Кто знает, что случается с теми, кто критикует Дионисия.

— Я думал, что прошли годы с тех пор, как он убил своих оппонентов.

Архит оглянулся и понизил голос.

— Да, но вспоминают и недавние события. Он подкупил спартанца по имени Аристей, и тот организовал несколько распивочных, в которых угощал людей выпивкой и ругал Дионисия. Естественно, что с ним там многие согласились. Он написал список, и в один прекрасный день Дионисий их всех арестовал. А также

утопил Никотелия, самого шумного из своих врагов, и напустил такого страха, что теперь все сидят и помалкивают. Ты должен понимать: для того, чтобы заставить эллинов замолчать, нужно нечто большее, чем просто террор.

— Почему он выбрал меру пресечения — утопить?

— Он топил людей, потому что любит аккуратность и порядок. Повешенные синеют и становятся ужасно уродливыми. Если забить камнями или обезглавить — это слишком аморально, да и мухи налетают. А утопленник выглядит, как новенький... Но хватит таких мрачных разговоров. Ты не получал весточки от своей подруги?

— Нет, хотя дважды писал ей. Ты знаешь, какво посылать письма с моряками: напиваются и теряют их... Архит! — он так внезапно схватил приятеля за руки, что тот взвизгнул от неожиданности. — У меня идея! Почему бы мне не сделать машину жесткой?

— Вот я и спрашиваю, зачем? Но, ради Геракла, не хватайся за меня больше на такой темной улице! Я подумал, что меня хотят убить!

— Помнишь статую Аполлона перед храмом, где он натягивает лук?

— Да.

— Если использовать массивный столб, как у статуи, вместо гибкого прута, с которым я работаю, и закрепить лук на подставке... — Зопирион начал выдавать детали и подробности конструкции на такой скорости, что Архит возопил.

— Помогите! Помогите! Подожди, пока не найдешь письменные принадлежности и не запишешь все свои идеи! Я не успеваю запоминать!

— Тогда поспешим! О Геракл, десять дней я шел по ложному следу! Не бери в голову! Мне хочется поскорее выплеснуть все это. Для экспериментальной модели мне понадобятся два стандартных лука из Арсенала. Затем надо попробовать сделать две разные модели: установить лук вдоль вертикальной оси и вдоль горизонтальной...

— И обо всем этом ты запросто говоришь «не бери в голову»? — проворчал его друг. — Да ты человек только наполовину, подобно бронзовому гиганту Талосу, охранявшему Спарту. Но я не могу оставить без внимания такие великолепные идеи!

Весна постепенно переходила в лето, пастухи выгнали на горные пастбища стада овец и коз, обширные зеленые склоны гор Геры приобрели оттенок золотистой бычьей кожи: это засыхала

трава. С наступлением лета начал отсчет второй год девяносто пятой Олимпиады, когда Аристократ был архонтом Афин¹.

На поле для стрельбы из лука стояли три модели. Каждая состояла из платформы, стоящего на ней четырехфутового поста-мента и лука, установленного на платформе различными спосо-бами. На краю каждой платформы находилось устройство, состо-ящее из веревок, крючков и блоков.

Порывистый ветер носился над полем, поднимая облака пыли. Щенок-подросток с веселым лаем гонялся за гонимым ветром куском папируса. На дальнем краю поля у отряда воинов прохо-дили учения по метанию копья. С верфи и из Арсенала доноси-лись стук и лязг инструментов. Подперев рукой подбородок, Зо-пирион в одиночестве сидел на скамейке и смотрел на модели.

— О, Зопирион!

К юноше приближался Архит, пребывающий в самом лучшем расположении духа.

— Возрадуйся! — печально поприветствовал его Зопирион.— Каким ветром занесло тебя сюда?

— Закончился камень — грязные рабочие с карьера сорвали наши планы, вот Пирр и отпустил меня. Знаешь, что я сделал?

— Нет, а что?

— Мне кажется, я решил проблему удваивания куба!

— Ты говоришь об абстрактном, математическом кубе, а не о реальном?

— Конечно, о геометрическом кубе!

— Надеюсь, что архонт повесит тебе медаль на шею. Хотя на самом деле он вряд ли это сделает.

— Ерунда! Я это сделал не для медали, а для развития науки и удовлетворения собственного любопытства. Человек создан для того, чтобы исследовать вселенную.

Краем глаза Архит заметил движение и повернулся, а вслед за ним и Зопирион. На дальнем краю поля, там, где тренирова-лись солдаты, прогуливались начальник Арсенала Драконт и Алек-сит, обняв друг друга за шею, причем Драконт хихикал, как маль-чишка.

— Отгадай, кто следующий получит повышение? — спросил Архит.— Если за продвижение по службе нужно платить такую цену, то я буду последним поденщиком. А что с тобой, старик? Ты выглядишь, будто тебя укусил тартесский угорь.

— У меня трудностей столько же, сколько песчинок на берегу моря,— ответил Зопирион.

— И у хороших людей бывают трудности. Так что тебя сдает?

— Эти проклятые штуки никак не хотят работать! Легко установить приспособление, при помощи которого можно натянуть тетиву. Проблема в том, чтобы заставить стрелу оставаться на месте в момент выстрела. Вернее, это первая проблема. Вторая заключается в пуске самого механизма. Либо он выстреливает в момент, когда я еще не закончил закручивать лебедку, либо отказывает в момент выстрела, либо прилагаешь такое усилие, чтобы повернуть спусковой рычаг, что лук вздрагивает и бьет тебя по руке. Самое худшее, что не получается сделать более или менее устойчивую подставку под стрелу, которая падает при малейшем колебании.

Архит призадумался.

— Той ночью, когда ты решил использовать лук вместо одной руки-мачты, выбрасывающей стрелу, ты что-то говорил о возможности зафиксировать подставку под стрелу или сделать желобок, по которому она сможет свободно скользить.

Зопирион подпрыгнул и хлопнул себя по лбу.

— Как же я мог забыть! Наверное я потерял последние остатки своего ума! Конечно, вот решение! Применив эту идею, мы убиваем сразу двух зайцев: выравниваем положение стрелы и закрепляем механизм. Таким образом сливаются в единое целое все разрозненные части механизма. Пойду, найду своих людей, пусть поработают.

— А сейчас где они?

— Алексит попросил их помочь сделать модели великой галеры, а у меня не было срочной работы. Вот я и передал их ему,— Зопирион широким шагом отправился к Алекситу.

— Эй, Алексит! — подойдя на расстояние в пределах слышимости, кричал он.

— Что такое? — нахмурившись, ответил кораблестроитель.

Зопирион подошел поближе.

— Если не возражаешь, возврати мне Скилака и Гермона. У меня для них срочная работа.

Алексит посмотрел на него свысока в той мере, насколько только тот, кто ниже ростом, может так посмотреть.

— У меня, мой дорогой Зопирион, тоже срочная работа. И я верну тебе их только тогда, когда у меня отпадет необходимость в их помощи, но не раньше.

— Послушай, покарай меня Зевс, если я лгу! Я их посылал к тебе, подразумевая, что...

— Что я смогу держать их у себя ровно столько, сколько потребуется.

— Да нет же!

— Именно так! Сгнои тебя бог, убирайся и не беспокой больше по пустякам занятых людей.

— Подлый плут!

— Бестактный недоучка!

Когда юноши, сжав кулаки, чуть было не бросились друг на друга, между ними встал Драконт.

— Достаточно! — закричал он.— Попридержите языки! Вы делите шкуру неубитого медведя!

Спорщики начали приводить свои лучшие аргументы, пока, наконец, Драконт не выдержал.

— Заткнитесь, порази вас Зевс! Я здесь руководитель! А теперь слушайте мой вердикт. Алексит прав в одном: если рабочих постоянно перебрасывать с одной работы на другую, как рыбу на леске, это приводит к колоссальной потере времени. Поэтому пусть двое рабочих останутся у него. Но не смотри так на меня, господин Зопирион! Как только смогу, я найду тебе нового плотника и помощника: всегда есть кто-то, у кого мало работы. А сейчас оба идите и займитесь делом, и больше ни звука.

Алексит с самодовольной улыбкой направился к Арсеналу. Зопирион вернулся к Архиту.

— Милый мальчик имел меня, как хотел,— пробурчал он.

— Значит, твои рабочие останутся у него?

— Точно. Драконт пообещал мне других, но это означает, что придется их заново вводить в курс дела. К тому же это будут люди, от которых отказались по разным причинам все остальные.

— У Алексита больше людей, чем у любого другого конструктора-разработчика. Он постоянно находит причины, чтобы добавить к ним новых, хотя половине из них просто нечего делать. Думаю, он рассчитывает, собрав их достаточное количество, обратиться к Филисту с предложением: «Мой господин, по всей видимости, такому солидному и ответственному человеку, как я, нужно платить больше, чем просто мыслителям вроде тарентийцев»,— засмеялся Архит.— Жаль, что я не работаю в Арсенале вместе с тобой: я могу предугадать подобные политические штучки.

— Чума на все интриги! Если бы нам удалось уличить его в некомпетентности...

— И не рассчитывай. Он прекрасно разбирается в кораблестроении. Однако поддерживать сомнительное процветание труднее, нежели неприятную атмосферу... К тебе идут!

К друзьям подошел воин, держа в руке свиток папируса.

— Ты Зопирион, сын Мега-кого-то?

— Да.

— У меня к тебе письмо... Да благословят тебя боги.

Солдат положил чаевые в кошелек и пошел прочь, а Зопирион дрожащими руками развернул письмо. После этого он наградил Архита таким радостным шлепком по спине, что чуть было не сбил его с ног.

— Архит! Это Коринна! Ты только послушай!

«У нас все хорошо, надеюсь, что и с тобой все в порядке. Здоровье папы не ухудшилось. Он получил любезное письмо от твоего отца и начал вести переговоры о нашей помолвке. С одной стороны, отец неумолим. Но, по правде говоря, я не смогу быть счастлива без моего мальчика. С благословения моих родителей, шлю тебе свою любовь. До свидания».

— Она любит меня! Она любит меня! Пусть катятся к воронам Алексит и его корабли, она любит меня!

Зопирион кружил по полю, как сатир по весне, размахивая руками и громко крича. Скрипучим голосом и ужасно фальшиво он распевал во всю глотку.

Все говорят, что любовь — крайне болезненный трепет,
Верно! Больше того — только покой нелюбви.
Впрочем, большее стократ — горечь любви без ответа!

— Успокойся, старина! — сказал Архит. — Ты не первый в мире, кто влюбился. С тех пор, как мы прибыли на Сицилию, я влюблялся трижды!

Зопирион знал, что Архит уже завел себе друзей в Сиракузах. Да и у него самого тоже появились друзья. К счастью, он получил доступ к лучшей на Сицилии библиотеке — Филиста. Выходные он проводил в доме у своего начальника: вытаскивал книги из ячеек шкафа и читал, одной рукой разворачивая свиток, а другой сворачивая. Сейчас он дочитывал третий том «Истории» Геродота.

— Как ты думаешь, получится у меня ненадолго съездить в Мессану?

— Возможно. Но когда вернешься, можешь обнаружить свой проект у Алексита.

— Я уже несколько месяцев не видел Коринну! Клянусь Зевсом Олимпийским, так продолжаться не может!

— Когда станет совсем тяжело, можешь сходить со мной в публичный дом.

— И ты называешь себя пифагорейцем? В любом случае, я и слышать не хочу о шлюхах.

— Да у тебя жезл стоит как палка! Но если ты хочешь сохранить работу, лучше закончить.

— К черту работу! До сих пор удивляюсь, почему я не бросаю все и не возвращаюсь в Тарент. В моей семье все были бы рады моему возвращению.

— Не так быстро! Подумай о будущем, которое принадлежит также и ей. Сначала заработай, а потом женись.

— Вот беда! Я даже думать не могу, слишком я расстроен.

— Послушай, даже на божественном суде влюбленным оказывают снисхождение. Ничего не предпринимай, покуда не успокоишься и тщательно все не обдумаешь.

— Думаю, ты прав. Но как только появится свободное время...

В конце концов Зопириону удалось раздобыть помощников, и хотя большую часть плотницкой работы он выполнил самостоятельно, юноша построил еще одну модель. У нее, как и у предыдущих моделей, была установлена крепкая мачта. На ее вершине, но уже горизонтально размещался лук. Еще один брус располагался под углом: от вершины мачты к краю платформы. По всей его длине был вырезан желоб. В верхней части желоба была установлена лебедка, посредством которой натягивался лук. Отдельно прикреплялся вращающийся бронзовый спусковой крючок. В поднятом положении крючок захватывал натянутую тетиву, при помощи специальной рукоятки можно было высвободить ее.

Зопирион продемонстрировал модель Дионисию. Поместив стрелу в желоб, он при помощи лебедки натягивал тетиву, а потом захватывал ее крючком. После этого отпускал лебедку, отцеплял веревку от тетивы и нажимал на спусковой крючок. Лук выпускал стрелу, и она падала на поле.

— Ха! Клянусь богами, я могу выстрелить из лука гораздо дальше, причем безо всяких вспомогательных механизмов!

Зопирион улыбнулся.

— Понимаете, о архонт, это всего лишь пробная модель.

— А какого размера будет окончательный вариант?

— Так как я планировал использовать для метания обычное копьё, то метательный аппарат в полную величину будет примерно в три раза больше.

— А будет ли он стрелять в три раза дальше?

— Я не знаю, господин. Конечно, он будет стрелять дальше, чем человек, метаящий копьё.

— Продолжай. Посмотрим, что получится.

— Все хорошо, архонт, но...

— Что такое?

— Если бы у меня было несколько рабочих, дело пошло бы быстрее.

— А сколько у тебя сейчас?

— Только случайные помощники, которых я по случаю беру внаем у других мастеров. Практически все я делаю своими руками.

— Зевс всемогущий! Это непроизводительно. Конечно, в экстренной ситуации очень помогает самому поработать руками. Но я нанимал тебя работать мозгами. Ты спрашивал о помощниках?

— Да господин, но мне ответили, что нет свободных рук. Тиран нахмурился.

— Неужели? Я поговорю об этом с Драконтом. Мне интересно посмотреть, что у тебя получится.

— В таком случае, о архонт, мне очень понадобится помощь твоего главного лучника — сконструировать лук.

— Его ты тоже получишь. А как ты назовешь эту машинку?

— Когда-то я назвал ее просто *катапентес* — «бросатель».

— Тогда пусть так и называется — катапульта. Заканчивай разработку как можно быстрее. Будь в добром здравии!

Главный лучник только всплеснул руками.

— И зачем бог бросил меня в гнездо сумасшедших? Тридцать лет я делал луки, о юноша, и никогда не слышал ничего подобного. Зевс и Аполлон, лук длиной десять локтей! А кто будет из него стрелять? Геракл?

— Нет, Геракл слишком мал, — улыбнулся Зопирион. — Разве ты не слышал? Архонт взял на службу великана Полифема — для участия в следующем походе.

— Но мне казалось, что Одиссей выколол ему глаз несколько сотен лет назад!

— Да, но глаз снова вырос. Ты знаешь, эти полубоги...

— Юноша, не смеешься ли ты надо мной?

— Ну ладно, господин Профимион. Если тебе не понравилась моя шуточка, я забираю ее назад. Считай, что я ничего не говорил. Ты видел модель катапульты, над которой я работаю в поле для стрельбы из лука?

— Эта ерундовина? Видел.

— Так вот, я собираюсь построить машину в полную величину. Для нее потребуется лук длиной десять локтей. Ты можешь такой сделать?

— Хмм, машины, подобные твоей, никогда не заменят живых лучников. Когда я говорю о хороших лучниках, то не имею в виду эллинов,— и мастер плюнул на грязный пол Арсенала.— Они презирают стрельбу из лука в страхе, что их перепутают с Парисом Троянским. А вот персам нравится искусное оружие...

— Ты прав! — перебил его Зопирион.— Кроме меня, только ты можешь понять принцип действия лука. Поэтому я и пришел к тебе.

— Ну что ж, раз уж ты так заговорил, я выскажу некоторые соображения по поводу твоей идеи...

— И он на самом деле согласился построить твой великий лук? — позже поинтересовался Архит.

— Обещал, что попробует. Я сказал Профимиону, что, кроме него, я единственный специалист по изготовлению луков в Сиракузах, после чего мы и поладили.

— Прими мои поздравления. Ты уже кое-чему научился,— воскликнул Архит.— Поставлю статир против обола, что он найдет способ подрезать твои крылышки. Профимион — закостенелый консерватор, который терпеть не может новые изобретения и находит тысячи причин не делать то, что не хочет.

Когда наступил месяц метагитнион¹, и спала летняя жара, все реже стали появляться на улицах Сиракуз люди, расхаживающие нагишом. Когда войска Регия и Мессаны вторглись на территорию Сиракуз, Дионисий собрал армию и отправился на север им навстречу. Но союзные армии, как это обычно бывает у греков, рассорились между собой и, в конце концов, возвратились домой безо всякого кровопролития.

Тем временем Зопирион заканчивал чертежи, а его плотники, вооружившись пилами и рубанками, трудились над деревянным брусом — основой большой катапульты.

Метагитнион — месяц афинского календаря, соответствует августу — сентябрю.

— Архит, ты очень занят в последние дни? — однажды, когда они готовились к работе, спросил Зопирион.

— Не очень. Работа в крепости Эрвал скоро завершается, и Пирр сможет обойтись без меня. Но ты знаешь этих деятелей. Ни один не даст своему подчиненному выйти из-под его власти, если тот хоть немного нужен.

— Да, у меня тоже начинается затишье. Мои ребята подготовят катапульту к испытаниям не раньше, чем через месяц. А мне ничего не остается, кроме как раз в день заходить к ним и проверять, не совершили ли они грубую ошибку, к примеру, закрепив лук задом наперед.

— И что?

— Я подумал, не попросить ли у Драконта разрешения на поездку в Мессану дней на десять. И я буду очень тебе благодарен, если раз в день ты будешь заходить сюда с проверкой. Ты столько попотел вместе со мной над этой штукой, что знаешь ее устройство так же хорошо, как и я. Можно, я оставлю тебя вместо себя?

— Почему бы и нет, я был бы даже рад...

— Господин Зопирион! — раздался голос наемника-варвара. — Большой хозяин зовет тебя во дворец, прямо сейчас!

Зопирион и Архит ошеломленно переглянулись.

— Интересно, что я сделал не так? — спросил Зопирион. — Вот как раз и узнаю! — и он вышел вслед за солдатом.

Во внутреннем дворике дворца сидел тиран в окружении Филиста и еще двоих, чьи лица были хорошо знакомы Зопириону. Это были кельт Сеговак и Инвит из Карии, агент по выкупам. Последний вскочил и схватил Зопириона за руку.

— Возрадуйся, господин Зопирион! — закричал он. — Как я рад тебя снова увидеть! Значит, ты все-таки последовал моему совету!

Зопирион поздоровался со всеми остальными и сел по приглашению Дионисия. Раб принес вино.

— О Зопирион, — начал Дионисий. — Инвит только что вернулся из поездки в Элладу. Он вернул домой четверых или пятерых мастеров и столько же квалифицированных ремесленников. Когда они придут в себя на родине, говорит он, они все, возможно, соберутся приехать.

— Я был уверен, что в великих городах Эллады очень много таких! — сказал Зопирион.

— Именно так. Но некоторые довольны своим заработком. Другие не могут сдвинуться с места из-за обязательств перед

семьей. Кто-то боится морских путешествий. Наконец, не всем нравится моя совершенная форма правления, моя... хм... управляемая демократия. Они предпочитают старые, несовершенные методы, постоянно колеблются между авторитарным подавлением и властью толпы,— Дионисий сделал небольшой глоток вина (Зопирион заметил, что тиран пил очень умеренно) и продолжил.— Другой вербовщик, Матрис, в поисках нужных мне людей уже прочесал все греческие города Италии. Нет смысла повторно искать в них, это неэффективно: результат будет минимальным. Но мы не можем ждать, пока вырастет новое поколение мастеров.

— И что же тогда, господин? — спросил Зопирион.

— Племена варваров разбираются в строительном искусстве не больше, чем галка в лирах. Остался последний, нетронутый источник технических талантов. Думаю, вам не надо объяснять, о ком идет речь.

— Вы говорите о землях Карфагена?

— Конечно,— улыбка (большая редкость) появилась на лице Дионисия.— Наверное, боги решили сыграть со мной шутку: нужных мне помощников я вытаскиваю из-под носа у врага!

— Помилуйте, господин, если вы недолюбливаете и не доверяете финикийцам, как же вы позволите им участвовать в разработке ваших секретных проектов?

— Во-первых, за ними будет установлен строгий надзор. Им придется жить на острове. Во-вторых, я не боюсь их отказа работать на меня только из-за того, что я буду вынужден начать военные действия с тем или иным их городом. Жадные до денег выродки и понятия не имеют ни о чести, ни о патриотизме. За приличное вознаграждение они готовы перерезать горло собственной матери. Тем не менее, многие из этих жуликов прекрасно разбираются в технике... Но это вас не касается. Я позвал вас сюда не для того, чтобы читать вам лекции по внешней политике. Я посылаю вглубь финикийской территории — в финикийские города западной Сицилии и даже в Карфаген — экспедицию вербовщиков. В ее состав будут входить двое присутствующих здесь людей и ты. Когда вы будете уговаривать чужеземцев, не стоит распространяться о нашей подготовке к обороне. Делайте акцент на мирных направлениях нашей работы — архитектуре, гидротехнике и тому подобном.

Зопирион был ошарашен. Он только что репетировал, как он будет просить об отпуске для поездки в Мессану, а теперь его посылали за сотню лиг в противоположном направлении! Горя-

чий протест уже готов был сорваться с его губ, но в последний момент юноша остыл.

— Почему я, господин? Я полагал, что моя работа здесь очень срочная.

— Я держу в поле зрения твою работу, Зопирион. С одной стороны, твои плотники не будут нуждаться в постоянном присутствии мастера до момента, когда будет готова модель в натуральную величину. А с другой, среди всех моих людей только вы трое в совершенстве владеете финикийским языком. Несмотря на то, что вы не сойдете за настоящих финикийцев, но знание их языка поможет вам с большей эффективностью объяснить, какие блага им сулит работа на Дионисия.

— О архонт! Не позволишь ли ты мне задержаться, скажем, дней на десять, чтобы я мог заняться решением личных проблем?

— Нет, нельзя,— голосом, в котором прозвучала остро заточенная сталь, ответил Дионисий.— Осень играет против нас. Даже при задержке на один день вы можете застрять в Африке, как только навигация закроется на зиму.

— А почему мы должны ехать втроем, господин?

— На случай разного рода неприятностей, вполне возможных в чужой стране. Одного человека я бы не послал. Инвит обладает самым большим из всех вас опытом в странствиях и проведении деликатных переговоров. Следовательно, в его компетенции будет составление вашего маршрута, выбор кораблей и жилья,— то есть все, что имеет прямое отношение к путешествиям. Также он будет первым вступать в контакты с местными, где бы вы ни были. Так как ты больше разбираешься в инженерном деле и, следовательно, можешь судить о степени подготовки человека, с которым ведутся переговоры, то за тобой будет последнее слово. Сеговак — наемный воин. Если дело дойдет до схватки, то именно он лучше всех поможет вам мечом прорубить дорогу назад. Следовательно, в ситуации, когда придется обнажить мечи, вашим лидером будет именно он. Кроме того,— он снова слабо улыбнулся,— если с вами что-нибудь случится, то хотя бы одному из вас, возможно, удастся вернуться и сообщить мне исход всего предприятия.

Пока Дионисий говорил, в Зопирионе закипала с трудом сдерживаемая ярость при мысли об обещанном самому себе и потерянном отпуске. И вдруг ослепительно ясная идея пронзила его существо. Если его посылают как вербовщика в Финикию, то, возможно, ему удастся — если будет на то воля Судьбы — выкрасть у отца маленького Ахирама! Переизбыток чувств Зопирион погасил

медленным и глубоким глотком вина. Когда ум прояснился, и замер головокружительный бег мыслей, юноша поднял кубок.

— За богатый урожай финикийских мастеров! Так когда мы пускаемся в путь, господин?

КАРФАГЕН

Они сидели во внутреннем дворике дома, принадлежащего Инвиту в Сиракузах. На столе стояло три столбика монет. У Инвита на коленях лежал мешочек с деньгами, из которого он доставал монету и по очереди клал в каждую кучку, круг за кругом.

— Готово! Эта стопка монет — ваши деньги в дорогу, — закончив раскладывать монеты, сказал он. — Стоимость мест на кораблях в сумме не должна превысить пяти драхм; трех оболов в день достаточно, чтобы хорошо покушать, если только вы не начнете шиковать и требовать павлиньих языков.

Зопирион пересчитал деньги.

— А что делать, если в конце путешествия не все деньги будут потрачены?

— Разве не приятно встретиться с человеком столь юным и неиспорченным? — улыбаясь, обратился Инвит к Сеговаку. — Я отвечу на твой вопрос, мой мальчик: как-то так получается, что денег никогда не остается.

— А когда мы отправляемся и куда? — спросил Зопирион.

— Как только я куплю билеты, а плывем мы в Карфаген, — ответил Инвит.

— А почему бы не попытаться сначала поискать в финикийских городах Сицилии? Они гораздо ближе. Если нам повезет, то, возможно, нам вообще не придется ездить в Африку.

— Конечно, в небольших городах есть мастера. В финикийских колониях вроде Панорма, Утики и Туниса. Но к чему терять там время, когда мы можем сразу сорвать огромный куш? Строители не похожи на политиков, землевладельцев или жрецов, которые в силу своих интересов привязаны к одному месту. Настоящий мастер идет туда, где крутятся большие деньги. В Финикии это Карфаген. Там мы найдем инженеров больше, чем во всех небольших финикийских городах, вместе взятых.

— Но финикийские города Сицилии как раз на пути к Карфагену, — от отчаяния в Зопирионе проснулась настойчивость. — Почему бы нам не заехать в Мессану, а потом западнее — в Панорм и Мотию? Мы бы с ходу прочистили их! Разве не логично?

— Нет, я уже все продумал. Если в Карфагене не найдется достаточно толковых людей, у нас останется время на другие города.

Нахмурившись, Зопирион задумался. Ему совершенно не хотелось начинать путешествие со спора с Инвитом, имевшим безусловный авторитет во всем, что касалось планирования их путешествия. Однако ему было необходимо найти аргументы, чтобы убедить карийца сделать остановку в Мотии: в этом случае удалось бы разведать, как обстоят дела в доме Илазара.

— Инв!

— Да?

— Я знаю одного человека из Мотии. С его помощью наши поиски заметно ускорятся.

— Кто? Расскажи!

— Это крупный строительный подрядчик по имени Илазар. Он должен знать всех ведущих строителей Новой Финикии.

— Строитель? Сомневаюсь. У таких в запасе есть несколько стандартных планов, они руководят работой, просто тыкая пальцем. И никакого отношения к мастерам или архитекторам они не имеют.

— Насколько я знаю, у Илазара все обстоит гораздо лучше. У него есть опыт по работе в гавани и постройке городских стен.

Инвит задумчиво смотрел на стоящую на столе стопку серебряных монет. Почесав блошинный укус, он подбросил тетрадрахму, поймал и снова подбросил.

— Ну, хорошо, ты выиграл, — в конце концов произнес он. — Так или иначе, большинство кораблей по дороге в Карфаген заходят в тот или иной город западной Сицилии. Посмотрим, сможет ли твой подрядчик отличить мастера от головастика.

На западной оконечности Сицилии длинный неправильной формы полуостров Игифалос, загибаясь к северу, окаймлял широкий и неглубокий залив Мотии — десять форлонгов с запада на восток и сорок с севера на юг. В центре залива и располагалась Мотия — круглый, как каравай хлеба, остров диаметром четыре форлонга. С северной части острова широкая дамба соединяла его с большой землей: недалеко от основания Игифалоса.

С восточной и южной стороны простиралась зеленая прибрежная полоса Сицилии, просторная и ровная, в клеточках полей и рощ. На расстоянии пяти лиг к северу высилась скала Эрикса, разрывая линию горизонта. К западу в море лежали три плоских острова под общим названием Эгатос.

Мотию окружала массивная стена из известняка высотой двадцать локтей. Через равные промежутки над стеной возвышались двадцать высоких башен. Когда корабль подплыл ближе, Зопирион отметил различия в каменной кладке различных участков стены. Некоторые участки были сложены из ровно выточенных блоков, тогда как на других наружная поверхность стены была грубой и неровной. Также различались размеры камней, длины пролетов. Зопирион пришел к выводу, что стена строилась и перестраивалась в течение нескольких столетий. На стене и у входных ворот дежурили наемные воины — греки.

За стеной вырисовывались очертания тянущихся к небу домов города. У окруженной со всех сторон водой Мотии не было возможности расти шириь с увеличением численности населения. Поэтому она росла вверх, наращивая этажность. В городе стояли четырех-пятиэтажные дома. Зопирион вспомнил о Тире. Те же громоздкость, простота, суровость и полное отсутствие вкуса.

Корабль причалил у южной стороны острова, где скалы были расчищены, и была построена гавань — между стеной города и заливом. Здесь же была сделан проем в стене, сквозь который можно было зайти во внутреннюю гавань. Зопирион заметил в ней множество стоящих на якоре трирем — военных и торговых. Вход во внутреннюю гавань могла при необходимости перекрыть подъемная решетка, подобная той, какую юноша видел в цитадели Дионисия.

Путешественники наняли носильщика и, спросив у прохожих дорогу, направились к дому Илазара. Когда они шли по улице, Сеговак то и дело вытягивал шею и беспокойно поглядывал вверх на верхние этажи домов по обе стороны улицы.

— Ага! — воскликнул он. — У меня яйца холодеют от прогулок по этому городу, у меня — огромного сильного варвара. Инв, дорогой, ты уверены, что эти ужасные дома не рухнут на нас?

— До сих пор не упали, — ответил Инвит. — Я думал, что ты уже бывал в финикийских городах.

— Конечно, бывал — в Панорме и Солосе. Но там не ставят дома один на другой. Меня вполне устраивает, когда дома стоят по одному.

Близился полдень. Улицы отличались многолюдством. Жители Мотии были одеты кто в длинные свободные одежды, кто в простые туники, некоторые — в блузы и килты. Почти все носили куполообразные конические или цилиндрические шляпы. Женщины на улице встречались чаще, чем в греческих городах. Они гуляли без сопровождения, делали покупки и разговаривали. На

многих были одежды из великолепных тканей и ярко горели драгоценные камни. На перекрестке спорили двое мужчин, сопровождающая спор яростными жестами, движениями глаз, носов и бровей. Гортанные звуки их речи напоминали урчание двух огромных котов.

Носильщик остановился около большого дома и поставил на мостовую вещи.

— Дом Илазара,— кивая головой на парадную дверь и одновременно указывая рукой, сказал он.

Зопирион постучал. Дверь открыл коренастый человек в длинном одеянии с густой черной надушенной бородой, закрывающей грудь и маленьким золотым колечком в носу. На большом пальце у него было надето богато украшенное кольцо — знак дворецкого.

— Чем могу помочь вам, чужеземцы,— спросил он по-финикийски.

— Это дом Илазара бен-Ахирама?

— Поистине — да, мои господа, но хозяин в отъезде. Вместе с маленьким сыном он вернулся в Карфаген. Там они и живут в собственном доме. А я — дворецкий, Абариш бен-Ханно. А вы что хотели?

— Мы работаем на архонт Сиракуз, ищем для него людей. Мы думали, что Илазар сможет помочь нам.

Абариш низко поклонился, чуть не коснувшись бородой земли.

— Какая честь выпала этому дому! К сожалению, вам придется искать хозяина по его настоящему месту жительства.

Зопирион и Инвит обменялись долгими взглядами.

— Теперь ты видишь, юноша, что с большим успехом мы могли отправиться прямо в Карфаген,— произнес Инвит.— Здесь мы не приобрели ничего и вынуждены задержаться, пока не найдем корабль для продолжения путешествия,— и повернулся к Абаришу:

— Не скажешь ли ты, где можно найти хорошую таверну?

Финикиец сдвинул брови и задумался.

— У Абдагона неплохо, но там занято! А ты, господин, случайно, не эллин? — обратился он к Зопириону.

— Да, меня зовут Зопирион Тарентиец,— ответил юноша и представил своих спутников.

Абариш поднес палец к крючковатому носу и застенчиво посмотрел на него.

— Я узнал тебя по акценту, несмотря на великолепное владение финикийским языком. Ты ничего не знаешь о предмете, который греки называют философией?

— Мой отец дал мне хорошее образование. Я учился у великого Филолая,— Зопирион слегка нахмурился, не вполне понимая, почему это должно интересовать дворецкого.

Абариша как подменили. Он и раньше был вежлив и предупредителен, но как-то безлично. Теперь же на его лице заиграла широкая улыбка, он распахнул парадную дверь и замахал руками, жестами прося посетителей войти.

— К черту тарзны! — сказал он.— Вы можете остаться здесь до отъезда в Карфаген. Дом Илазара, возможно, не очень богатый, гостеприимно раскрывает перед вами двери.

Зопирион и Инвит снова обменялись взглядами.

— Почему бы и нет? — пожал плечами последний. Из вежливости протестуя, путешественники вошли в дом. Зопирион снял широкополую шляпу и огляделся. При мысли, что Коринна была хозяйкой этого дома, юношу бросило в дрожь.

Когда в Мотии жила вся семья, Илазар занимал весь первый этаж и дополнительно арендовал три верхних. Комнаты первого этажа были просторными. Однако в доме не было внутреннего дворика, обычного для более богатых домов Средиземноморья. Комнаты почти пустые. Не вызывало сомнений, что хозяин забрал любимые вещи в Карфаген. Абариш представил гостям свою жену и рассказал о сыне — будущем моряке и гордости семьи.

— Если вы будете так добры, позволив мне устроиться, я до обеда успею сходить в гавань, чтобы найти корабль, отплывающий в Карфаген,— сказал Инвит.

— А я пойду прогуляюсь по винным лавкам. Возможно, встречу там своих бывших товарищей, с которыми я когда-то служил на Сицилии, да узнаю новости,— в свою очередь заметил Сеговак.

— Слушаю и повинуюсь. Туда, почтенные господа.

Так Зопирион оказался в главной комнате за столом, вместе с дворецким попивая вино и отвечая на вопросы Абариша, проявившего немалый интерес к философии.

— Пожалуйста, только не очень громко,— сказал финикиец.— В противном случае нас сможет подслушать жена, и, чего доброго, проболтаться о нашем разговоре хозяину. Он преданный последователь старой веры и презирает философию как основу для разрушительного безбожия. Несмотря на то, что моя жена, надеюсь, не желает мне зла, но женщинам порой так трудно удержать язык за зубами!.. Я так долго ждал возможности узнать больше об этой науке, в основе которой лежит исключительно умственная работа! Однако боги никогда не давали мне

такой возможности. В Мотии проживает достаточно эллинов, но почти все они принадлежат к рабочему люду, и для них блеск драхм значит больше, чем свет знаний. Но продолжай, я перебил тебя.

Зопирион начал рассказывать. Он изложил теорию Мирона о том, что Земля круглая, теорию Филолая о том, что она путешествует по кругу вокруг Центрального Огня вселенной. Рассказал о четырех элементах Эмпедокла, атомах Демокрита и эволюционной теории Анаксимандра. Последний утверждал, что животные суши произошли от рыб. Поведал о поиске всеобщего базового принципа, который Филолай видел в жидком состоянии, Анаксимен в неопределенности, а Гераклит в огне. Зопирион мучительно старался изложить философские идеи по-финикийски, на языке, в котором практически отсутствовали абстрактные термины.

Разговор был продолжен и на следующий день. Зопирион объяснил этическую доктрину Пифагора: строгий самоконтроль, спокойствие, воздержанность, умеренность и справедливость. Человек должен вставать рано, тренировать память, держать страсти под контролем разума. Он должен исполнять свои обязанности и честно держать слово. А также выполнять научные эксперименты, расширяющие границы человеческих знаний. Следует быть добрым к животным. Нельзя принимать участие в кровавых жертвоприношениях и агрессивных военных действиях. Нужно соблюдать определенные правила в питании, которые,— заметил Зопирион,— я редко выполняю. А также полностью исключаются пьянство, прелюбодеяние и мужеложство. Не следует вступать во внебрачные отношения до достижения девятнадцати лет, а после только в случае холостяцкой жизни и не чаще, чем следует.

На третий день пребывания в Мотии путешественники собрались было сесть на корабль, но из-за встречного ветра судно не могло выйти из гавани. Казалось, философским аппетитам Абариша не было предела. Он был бы хорошим учеником.

— Господин Зопирион, мне кажется, что всю мою жизнь я прожил в темной комнате, а вы неожиданно распахнули окно. Я знаю, что очень скоро его захлопнет ветром, но пока есть возможность, я впитаю все, что смогу из этого мира — того, что лежит за пределами наших чувств.

К этому времени Зопирион успел охрипнуть и устать. Устав от хождения по комнате, он предложил сделать перерыв для прогулки по городу, который он почти не видел.

— Слушаю и повинуюсь,— сказал Абариш.— Но, мой добрый господин, не хотите ли, чтобы я сопровождал вас? Не очень благоразумно чужестранцу-эллину разгуливать в одиночку по незнакомому городу.

— Почему бы и нет?

— Ходят слухи, что господин Дионисий собирается напасть на наш город. Скорее всего, это пустая болтовня: разве может Дионисий помышлять о подобном деянии, имея главным советником такого философа, как Филист? Тем не менее, не все в нашем городе, подобно нам, обладают интеллектом. От некоторых можно ожидать какого угодно безрассудства.

Зопирион и Абариш вместе отправились на прогулку по городу. По дороге в одной из винных лавок прихватили с собой Сеговака. Зопирион не заметил ни признака враждебности со стороны местных жителей. Занятые своими делами они не обращали внимания на чужеземцев. Зопирион не мог уяснить для себя, либо Абариш вызвался сопровождать его, чтобы оправдаться за долгие разговоры на философские темы, либо воинственный вид Сеговака моментально гасил любые враждебные помыслы горожан. Так или иначе, прогулка прошла мирно.

Кроме высоких многоквартирных домов и городской ратуши, в Мотии было несколько храмов. Некоторые были чисто греческими, остальные — финикийскими. Последние окружали каменные стены. Однако ворота в них были широко раскрыты, и чужеземцам было видно, что происходит внутри. Им было запрещено входить в храм без специального разрешения. За стеной на территории храма безо всякой системы стояли усыпальницы, обелиски, стелы. В середине этой неразберихи располагался храм.

Сами по себе финикийские храмы походили на невысокие коробки с плоскими крышками и были построены из кирпича и побелены. Практически без украшений, если не считать пары бронзовых колонн у входа, и в редких случаях огромный кованный кубок; смесь египетского и греческого стилей. Фасад одного из новых храмов украшал ряд ионических колонн. Однако крыша осталась плоской, также отсутствовал и фронто́н, который у греков обычно и поддерживали колонны.

— А в каком храме сжигают детей?

— В этом — храме Ваала Хаммона. Посмотри, разве не заметно здесь влияние греческой архитектуры?

Эти слова вызвали в голове Зопириона новый поток мыслей.

— А почему господин Илазар уехал в Карфаген?

— Уже давно он купил там дом, а также его деловые интересы...

— Послушай, я правильно понял, что он очень долго жил в Моти?

Абариш понизил голос и беспокойно огляделся.

— Ты знаешь историю о его жене и сыне? Илазар женился на эллинке из Мессаны, а она взяла да и чуть не сбежала к родителям вместе с сыном. Мальчика ей увести не удалось, но сама уехала во избежание наказания. Теперь ее родственники преследуют хозяина, требуя возвращения приданого, права на которое не имеют, и ребенка. Чтобы избежать их безрассудных попыток похитить сына, Илазар переехал в Карфаген. Вряд ли им удастся украсть ребенка оттуда. Напомни мне передать тебе рекомендательный знак для Илазара. Он очень подозрительный, и совершенно справедливо. В противном случае он безо всяких церемоний вышвырнет тебя за дверь.

На следующий день Абариш проводил их до гавани. Дважды отвесил земные поклоны на прощанье и пожал путешественникам руки. Зопирион мог поклясться, что когда дворецкий прощался с ними, из его глаз выкатились две слезы и сбежали по широкой черной бороде.

— Встреча с вами — большая честь для меня, господа,— сказал на прощание Абариш.— Ах, если бы вы могли остаться на несколько месяцев, проливая свет на тайны вселенной! Я чувствую, что мы больше никогда не увидимся. Этой ночью мне приснился сон, и сон предрекал неприятности. Не забывайте, господа: ничего не рассказывайте моему господину о наших экскурсах в философию. Насколько я его знаю, он тут же выгонит меня как нечестивого безбожника.

— Не переживай за нас, друг Абариш,— сказал Зопирион. Юноша чувствовал, что он на всю оставшуюся жизнь наговорился на философские темы.— Но не можешь ли ты дать нам рекомендательный знак для твоего хозяина?

— Ах да, я забыл. Возьми! — Абариш порывлся в сумке и достал половинку сломанного карфагенского шекеля.— Пусть боги — какими бы они ни были — хранят вас!

Солнце, поднимавшееся слева над скалистыми горами мыса Гермеса, пронзило красноватыми лучами бегущие по небу облака и окрасило багрянцем волны Карфагенского залива. Справа по курсу лежали длинные пляжи карфагенского побережья. Они сменялись высокими песчаными дюнами, в свою очередь переходящими в крутые красноватые обрывы. Вдоль последних высилась массивная наружная стена Карфагена.

Город, один из величайших в мире, великолепной короной венчал полуостров, глубоко выдающийся в Карфагенский залив. Расширяясь в оконечности, своей формой полуостров напоминал молоток или кирку. Два мыса были почти со всех сторон окружены водой: с севера лежало Арианское, а на юге — Тунисское озеро. Узкие каналы, пригодные для плавания только небольших судов, соединяли с морем каждое из озер. Город располагался на вершине полуострова между двумя мысами.

Путь корабля лежал южнее мыса Карфаго. Здесь наружная городская стена подходила близко к берегу моря, а за ней высились холмы Мегары — начинались городские предместья. На холмах в окружении полей и фруктовых садов были разбросаны виллы. На вершинах некоторых высились храмы. Лучи солнца, отражаясь от стеклянных витражей их крыш, радужными бликами падали на корабль.

Корабль плыл все дальше, холмы Мегары становились все ниже, пока не превратились в плоскую равнину. На ней стояла Бирса. Бирсу — город в городе — окружала собственная стена, на выходе к морю она соединялась с наружной городской стеной. Вместе они образовывали огромные единые укрепления, усиленные башнями, построенными через определенные интервалы. С корабля были видны верхние этажи пяти-шестиэтажных зданий, стоящих за двойным кольцом стен. Неподалеку от Бирсы и на некотором расстоянии от холмов Мегары на отдельном холме стояла прекрасно укрепленная крепость.

Вдоль крепкой наружной стены у берега шла вымощенная дамба. Вдоль нее стояли корабли, пришвартованные к зубчатым выступам бруствера. Корабль, на котором плыл Зопирион, прошел дальше, дамба превратилась в короткую черту, начинающуюся на юге и упирающуюся в огромный каменный мол, созданный руками человека. Неподалеку от него и пришвартовался корабль.

Не успели Зопирион и его спутники сойти на берег, как к ним подбежал мальчишка с ослом в поводу. По словам дворецкого, дом Илазара находился в лиге от порта, и они наняли осла для

перевозки багажа. Путешественники погрузили на него три сшитых из бобра сумки и двинулись на север — туда, где начинались мол и крепостная стена.

Слева от мола сквозь проем в крепостной стене была видна внутренняя гавань — прямоугольной формы размером десять на шестнадцать плетров. В ней находилось множество торговых кораблей. Одни стояли на якоре, другие при помощи специальных салазков были вытащены на берег. Чуть дальше внутренней гавани располагалась еще одна — *кофон* или военно-морская гавань. Ее окружала массивная стена. Выходящая из нее трирема шла мимо торговых кораблей как акула в черепашьей луже. Далеко разносились громкие крики с угрозами и просьбами очистить путь.

Достигнув края мола, путники подошли к одним из ворот главной стены. Ворота располагались между двумя башнями. Так же, как и в Ортигии, они были укреплены подъемными решетками, за которыми начинался главный вход: пара деревянных дверей, собранных из цельных стволов деревьев, скрепленных между собой бронзовыми скобами. Сейчас подвесные решетки оказались подняты, а ворота открыты. У ворот стояли часовые — несколько воинов в позолоченных металлических доспехах. Один из них тщательно расспросил Зопириона и его спутников, прежде чем впустить их в город.

Войдя в город, путешественники направились за мальчишкой и его ослом мимо торгового порта. За ним виднелась внутренняя часть храма Танит и Ваала Хаммона — усыпальницы, склепы и стелы, окружавшие дом божественной пары. Они прошли мимо закругленной стены военно-морской гавани и погрузились в лабиринт мощеных булыжных мостовых прилегающего к ней города.

— Храни нас Валетудо, но здесь дома еще выше, чем в Мотии! — воскликнул Сеговак, испуганно поглядывая на возвышающиеся по обе стороны улицы побеленные фасады.

Высокие здания отбрасывали длинные тени на суетливые улицы, редкие лучи жаркого солнца с трудом могли пробиться на мостовую. От летающей в воздухе пыли Зопирион закашлялся. Вонь, стоявшая на улице, была просто чудовищной.

Путешественники шли по многолюдному городу. Их окружали финикийцы, одетые в свободные длинные одеяния, покрытые татуировкой ливийцы в головных уборах с плюмажами из страусиных перьев, смуглые нумидийцы в чалмах из шкур диких кошек. В толпе встречались негры, пришедшие из прилегающих к городу пустынь. Среди них были как крепкие, мускулистые великаны, так и крошечные пигмеи ростом не выше пяти футов.

Они шли мимо заклинателей змей, колдуний и нищих, представляющих напоказ покрытые коростой язвы и иссохшиеся конечности. Едва успевали уворачиваться от носилок, которые тащили на плечах высокие крепкие негры. В них сидели увешанные драгоценными камнями вельможи. Шли мимо стад овец и коз, текущих по узким улочкам как весенние ручейки в сопровождении бородатых пастухов и собак, проворно шагающих вслед за своими стадами.

По обе стороны улиц стояли лавки. Их легко можно было узнать по деревянным вывескам с надписями на финикийском языке, справа налево. Лавки были полны роскошных товаров, привезенных из ближних и дальних стран. В дверях лавок стояли продавцы и зазывали прохожих, привлекая их внимание не только чарующими словами, но низкими поклонами и призывными жестами. Один продавал этрусские свечи, другой — персидские зонты. Египтянин торговал двумя видами товаров, привезенными с родины. Это были целебный бальзам от перхоти, произведенный из натурального гиппопотамьего жира, и большие ручные змеи. Последних в жаркие летние дни знатные египтянки оборачивали вокруг шеи или пояса, чтобы немного охладиться.

Повсюду — на перекрестках, у дверей лавок, в гуще толпы — люди разговаривали, обсуждали дела или заключали сделки на чистом финикийском языке. В отличие от любивших громкие разговоры греков, финикийцы были более энергичны и деловиты. Создавалось впечатление, что все вокруг куда-то спешат. Никто не прогуливался, рассуждая на философские или политические темы и сопровождая ключевые моменты изящными жестами. Казалось, что у каждого жителя Карфагена есть неотложное дело, и он озабоченно и сосредоточенно стремится к его выполнению.

Дом Илазара стоял на вершине холма в Мегаре, неподалеку от храма Ишмума, среди виноградников и оливковых, миндальных и гранатовых рощ. Привратник привел хозяина. Инвит передал последнему рекомендательный знак, который получил от Абариша, представился сам и представил своих спутников.

Илазар бен-Ахирам был высоким мужчиной крепкого телосложения, с тяжелой головой. Его лицо с грубоватыми чертами украшали коротко подстриженные усы и борода. В ушах и на пальцах сверкали кольца. На голове была шляпа, напоминающая перевернутое ведро. Одежды Илазара, надетые одна поверх другой, были сшиты из тонких и легких тканей. С плеч ниспадало

льняное платье, доходя до колен. Поверх него было надето некое подобие льняного фартука, и уже поверх последнего был надет шерстяной плащ с разрезом спереди и длинными, доходящими до локтя рукавами.

Илазар перевел подозрительный взгляд небольших черных глаз с путешественников на обломок монеты.

— Подождите,— проворчал он и ушел.

Но вскоре возвратился со второй половинкой монеты, убедившись, что сломанные части совпадают.

— Да, вы действительно прибыли от Абариша,— раскатисто произнес он.— И, несомненно, собираетесь остановиться в моем доме?

Зопирион бросил взгляд на карийца: интересно, как он отнесется к высказанному в столь неучливой форме приглашению?

— Мы воспользуемся вашим гостеприимством, господин Илазар. Обещаю, что мы не будем злоупотреблять им.

Илазар нахмурился и бросил из-под тяжелых черных бровей пронзительный взгляд на говорившего, желая убедиться в отсутствии сарказма в словах последнего.

— Предупреждаю, что здесь вы не найдете ни излишней роскоши, ни танцующих девушек, ни ночных возлияний. В этом доме живут непьющие люди, которые трудятся в поте лица. Мы придерживаемся строгого распорядка и молимся богам.

Инвит все так же улыбался.

— После стольких таверн и кораблей ваш тихий приют покажется нам раем, подобным тому, в который, как полагают египтяне, уходят их фараоны.

Илазар что-то пробормотал себе под нос, звякнул половинками шекеля и в конце концов произнес:

— Входите.

Дом был со внутренним двориком и очень походил на жилище преуспевающего эллина. Исключение составляли солнечные часы, сооруженные в центре внутреннего двора на месте обычной греческой статуи. С одной стороны в нем был установлен навес. Там под присмотром чернокожей няни играл с игрушечной колесницей четырехлетний мальчуган. Няня склонилась над шитьем, и черные груди пышно выступали из ворота ее платья.

— Я как раз собирался отправиться в Бирсу, чтобы проследить за ходом строительства дома. Без заботы хозяина лошадь сдохнет, вы же знаете. Мои слуги помогут вам устроиться и позаботятся о завтраке. Чувствуйте себя как дома. Я вернусь к полудню.

Илазар вышел. Зопирион слышал, как он отдает приказы. Вот хлопнула входная дверь, и, грохоча по булыжной мостовой, отъехала колесница.

Оказавшись в выделенной для него комнате, Зопирион с удивлением отметил, что оштукатуренные стены покрывала роспись в мягких пастельных тонах — вместо обычных мифологических или пасторальных сцен. По периметру комнаты шел бордюр с геометрическим орнаментом, составленный из кругов и линий. Но в остальном обстановка комнаты была весьма скромной.

Юноша привел себя в порядок и вышел во дворик. Первым делом ему было нужно подружиться с мальчиком. Зопирион с сожалением думал, насколько ему сейчас не хватало помощи Архита. Тот легко находил контакт с детьми, в отличие от Зопириона: присутствие детей ввергало юношу в трепет.

Тем не менее, когда он вышел во двор, то обнаружил там Сеговака, мирно беседующего с ребенком: кельт рассказывал мальчугану фантастические кельтские легенды. В прихожей, ведущей к двери на улицу, лениво опирались на копья два охранника. На поясе у каждого из них висела дубинка. Илазар не оставил похитителю ни одного шанса.

— Здравствуй! Тебя зовут Ахирам бен-Илазар? — спросил мальчика Зопирион.

— Да, это я. А ты грек? Я говорю по-гречески. *Nai. Ouk. Haire. Parakalo. Eucharisto.* Моя мама — гречанка.

— Я,— начал было Зопирион, но мальчик перебил его.

— Обещай, что не скажешь ни слова! Я так хочу дослушать историю Сеговака!

Кельт подмигнул Зопириону и продолжил рассказ. Зопирион направился к скупающим охранникам.

— Вы не скажете, когда вернется хозяин? — простодушно глядя на мальчугана, спросил он.

Стражники наклонились и самодовольно улыбнулись, но не произнесли ни слова. Один из них распротер руки и пожал плечами. Но когда Зопирион повторил свой вопрос по-финикийски, в глазах засветилось понимание, и оба одновременно заговорили. Илазар может вернуться в любой момент от полудня до обеда. У него не было строгого распорядка.

Зопирион вернулся к Сеговаку и ребенку.

— Мне нужно будет поговорить с тобой, когда закончишь,— сказал он по-гречески.— И с тобой, Инв,— добавил он появившемуся во дворе карийцу.

Сеговак быстренько закончил рассказ.

— ...итак, принц Дивико женился на дочери короля эльфов, а ведьму-мачеху изрубили на мелкие кусочки и скормили свиньям. А что случилось, Зопирион, мой мальчик?

Няня увела Ахирама. Слуги начали накрывать во дворике стол к завтраку. Зопирион тихо рассказал по-гречески друзьями печальную историю Коринны.

— Значит, это та самая женщина, о которой нам рассказывал дворецкий? А ты все знал, но ни словом не обмолвился? — пробормотал Инвит.

— Ох, а он хитер,— заметил Сеговак.

— Я не рассказывал вам до сих пор, потому что не время было. Но я должен выполнить важное задание, и мне очень нужна ваша помощь.

— То есть,— начал Инвит и глазами указал на дверь, за которой скрылись няня и Ахирам.— Ты хочешь исчезнуть вместе с ребенком?

Зопирион утвердительно кивнул.

Инвит хлопнул себя по лбу.

— Клянусь чревом Геры, вот это идея! Да ты в своем уме? Ты хочешь, чтобы всех нас сожгли заживо в брюхе огромного бронзового идола?

— Дорогой Зопирион, ты же высоконравственный человек,— добавил Сеговак.— У нас здесь серьезное дело, мы не можем позволить тебе сорвать его только из-за твоего романтического бреда.

— С вашей помощью или без нее, но я попытаюсь это сделать!

— Нет, и нет! — отрезал Инвит.— Я сказал последнее слово.

— Неужели вы оставите малыша на сожжение живьем в статуе Ваала Хаммона?

— Это не наше дело. Люди постоянно убивают один другого. Одним финикийцем больше, одним меньше — какая разница.

— Ты забываешь, что этот ребенок может стать моим пасынком. Конечно, если мне удастся его спасти.

— Ты так считаешь, но не мы. В данный момент твоя задача заключается в наблюдении за ходом нашей миссии. В конце концов, ты можешь после вернуться в Карфаген и заняться похищением, это твое личное дело...

Спор разгорался и стихал несколько раз в течение завтрака: спорщики говорили спокойно и непринужденно, чтобы не вызвать подозрений. Стражники снисходительно поглядывали на пу-

тешественников, по их виду было очевидно, что разговор за столом их совершенно не касается.

Наконец, приложив большие усилия и весьма неохотно, спорщики все же пришли к соглашению. До окончания вербовки конструкторов Зопирион не должен предпринимать каких-либо действий. После этого, если он захочет отстать от группы и в одиночку попытаться похитить ребенка, никто не станет ему мешать. При условии, что сначала остальные беспрепятственно покинут Карфаген.

Незадолго до заката у дома послышался грохот колесницы Илазара. Занятые приготовлениями к обеду, забегали слуги. С хмурым видом подрядчик вышел во двор. Зопирион собрался с мыслями, готовясь к неприятному обеду. И тут во двор выбежал Ахирам. Илазар поднял ребенка на руки и поцеловал. Мальчуган, схватившись за бороду отца, щебетал о дневных происшествиях.

Перед обедом и во время него вино не подавали. Однако после трапезы Илазар позволил себе немного выпить. За столом не возлежали, а просто сидели на стульях. Главным блюдом в меню было наивкуснейшее тушеное мясо.

— Ваша честь, что мы едим? — поинтересовался Сеговак.

— Щенка, — ответил Илазар.

Сеговак хлопнул себя ладонью по рту. Зопирион прерывисто вздохнул. Даже широкая улыбка, никогда не сходящая с лица Инвита, стала слегка натянутой. Илазар острым взглядом оглядел сотрапезников, и его губы дернулись в улыбке.

— Я знаю, что это не в ваших обычаях. Но если я обедаю среди греков, то либо я вынужден есть свинину, либо уйду голодным. Никого не волнует тот факт, что карфагеняне не едят свинину — для нас это нечистая еда.

Зопирион справился с собой и принялся за еду. Как оказалось, мясо собаки было совсем не дурно, если отбросить воспитанное с детства предубеждение.

— Как идут дела, господин? — поинтересовался он.

— Сожги Ваал Хаммон всех покупателей домов! — взревел Илазар и в приступе ярости так ударил кулаком по столу, что свечи вздрогнули в своих подсвечниках. — Грязные ублюдки никогда не начнут соображать! Не важно, насколько тщательно с самого начала разработан план. В последний момент они вносят изменения. А каждая перепланировка стоит немало денег. Негодяи пытаются уклониться от оплаты, списывая все на несчастного строителя и понося его, будто вора. И почему я не начал зани-

маться каким-нибудь простым и спокойным делом вроде охоты на львов или пиратства?

Большую часть обеда Илазар сотрясал воздух обличениями беззакония и произвола со стороны покупателей домов, от которых он достаточно настрадался. Зопирион сделал попытку переменить тему разговора.

— Твой малыш такой смысленный!

— Да, поистине, это так,— глаза Илазара засветились гордостью.— Несмотря на то, что мальчику нет еще и пяти, он знает финикийский алфавит. Несомненно, он преумножит наше доброе имя, если боги не возьмут его к себе раньше.

— Ты говоришь... о вашем обычае? — переспросил Зопирион.

— Конечно, именно об обычае, если можно так выразиться. В отличие от других народов, мы — по крайней мере, истинные верующие среди нас — по-настоящему уважаем своих богов. Разве существует лучший способ выразить преданность богам, нежели отдать им самое дорогое и любимое?

— Но ведь не все в равной мере настолько сильны в своей вере? — отважился спросить Сеговак.

Илазар вздохнул.

— Этот вопрос никоим образом не касается смертных. Но наши мудрые жрецы до сих пор не пришли к согласию в вопросе, как же смогли добрые боги допустить в мире появление такого количества зла? Когда-то давно, когда город был еще молод, народ Карфагена стремился жить в роскоши и пользоваться привилегиями. Но со временем мы изменили свою позицию. Богатые заботятся о бедных, тем самым мы избегаем гражданских войн и конфликтов. Мы стремимся жить в трезвости и повиноваться божественной воле. И если так и дальше пойдет, я не сомневаюсь, что боги,— тут Илазар закатил глаза к небу и прикоснулся к груди, губам и лбу,— будут и дальше благосклонны к нашей республике, и вряд ли появится необходимость совершения обряда сожжения первенцев... Но, увы! Мне страшно за наше будущее! Скептики и так называемые философы из Греции несут в наш народ заразу нечестивых мыслей, утверждая, что богов просто нет! А если бы даже были, то вряд ли беспокоились бы о людских проблемах! Святотатство! — Илазар сжал руку в кулак.— А другие греки сбивают наших людей с пути истинного, показывая на собственном примере, как здорово терять время в пустых разговорах или детских играх атлетов.

Он затих, угрюмо уставившись в чашу с вином.

— Простите мою горячность,— проворчал он.— Признаюсь, меня нельзя назвать самым учтивым жителем Карфагена. Но эти вопросы касаются меня очень близко. Предать огню моего сына — все равно что вырвать из груди сердце! Но если боги потребуют, я беспрекословно подчинюсь. Здесь нет ничего смешного, тем более, что не только у нашего народа есть жестокие обычаи. Кельты сжигают пленников в плетеных клетках, италийцы заставляют их биться друг с другом насмерть, а греки оставляют собственных младенцев на мусорных кучах на съедение собакам.

— А мальчик растет без матери? — невинно спросил Зопирион.

— Да нет, у него есть мать. Моя жена уехала погостить к родным в Мессану, и вернется нескоро.

— У тебя только одна жена?

— Конечно, с чего ты взял? Мы же не персы. К тому же, если бы люди могли брать столько жен, сколько могли себе позволить, богатые нахватили бы себе гораздо больше, чем нужно на самом деле. Тогда бедным ничего не оставалось бы, как вести целомудренную жизнь либо погрязнуть в тех омерзительных актах, которые так нравятся вам, грекам! — сердито смотрел на Зопириона Илазар.— Но хватит об этом. При нашей первой встрече вы завели разговор о какой-то миссии в Карфагене. Что у вас здесь за дела?

Инвит принялся рассказывать о вербовке мастеров для Дионисия и выразил надежду, что Илазар сможет оказать им помощь в этом вопросе.

Илазар нахмурился.

— Вы говорите, в мирных целях? Я не доверяю этому хлыщу из крепости Ортигия, как не доверяю грекам вообще. Мне кажется, что он еще больший скряга, чем песчаный краб, и будет жрать до тех пор, пока способен двигать челюстями. Я знаю, вы — греки, и вам не по нраву скучный тяжелый труд и спокойное, миролюбивое создание уз взаимного доверия и честное выполнение обязательств, данных своему товарищу. Более того, вы всегда готовы быстро и безжалостно ринуться в атаку и построить свое благополучие на костях другого. Вы гордитесь своей культурой, однако во многих ваших городах каждый год происходит одно и то же: как только урожай собран, вы вооружаетесь копьями и щитами и отправляетесь грабить самого удачливого из ваших соседей, сгоняя людей в рабство или попросту сея смерть. Как

там в песне поется? — и Илазар запел мощным басом на прекрасном греческом языке.

Меч и щит, доспех, копье —
Достояние мое.
Ими сею, вею, жну.
Восхищайтесь мною! Ну!

Разве это не жизненное кредо отменного пирата? Но вернемся к теме нашего разговора. За исключением нескольких мастеров, специализирующихся в строительстве жилых домов — они умеют создавать чертежи и делать расчеты, — я практически никого не знаю.

— Но, — начал Зопирион. Следующим словом, чуть было не сорвавшимся с их губ, было «Коринна», но юноша вовремя спохватился. — Абариш рассказывал, что ты работал на защитных сооружениях. Значит, ты должен быть в некоторой степени осведомлены о строительной науке и о мастерах.

— И что из этого? — проворчал карфагенянин. — Ты хочешь, чтобы я вывернулся наизнанку, фактически сделав за вас всю работу, указав вам конкретных людей. А мне-то что с того?

«Ага, вот теперь он высказался вполне конкретно», — подумал Зопирион и улыбнулся Инвиту. Тот тут же подхватил нить разговора.

— Ах да, мы хотели предложить тебе за услуги определенную сумму, господин Илазар. Тебя устроит разумный процент с оклада людей, которых ты отыщешь для нас?

Илазар задумчиво почесал блошинный укус.

— Очень скользкое это слово — «разумный», — со зловещей улыбкой на лице произнес он. — Участие в подобном проекте не доставляет мне большой радости. Но если я не помогу вам, это сделает другой. Поэтому поговорим о гонораре. Скажем — заработную плату за первые три месяца?

— О боги, нет! — вскричал Инвит. — Учитывая размер оклада, который предлагает Дионисий — две драхмы в день — он никогда не согласится выплачивать такой гонорар. У него и так слишком много расходов.

— Могу себе представить. Наверное, целая конюшня милашек-мальчишек? — пошел в наступление Илазар.

— На этот счет у вас неверная информация, — невозмутимо ответил Инвит. — Он ведет трезвый и умеренный образ жизни, насколько я сам имел возможность наблюдать. Но управление городом требует чудовищных затрат.

— Хорошо, и сколько вы сами хотели мне предложить?

— Скажем, десять драхм за человека — пяти дневная заработная плата. Если ты найдешь десятерых, то в этом случае...

— Вы меня обижаете, клянусь зубами Танит! — вскричал Илазар. — Жалкие гроши! Мелочь в кружке у нищего! Я что, собака? Грязный раб, работающий бесплатно? Да стоимость одних писем и то выше!

Зопирион дал знак прислуге, чтобы ему подлили вина, и откинулся на стуле, с интересом наблюдая за словесным поединком. Сгущались сумерки, над головами собравшихся то и дело проносились летучие мыши, а на небе загорелись звезды. Зопирион посчитал звезды и задался вопросом, какая же из философских теорий о небесных светилах наиболее близка к истине. Он и раньше видел, как торгуются финикийцы, и прекрасно знал, что прежде, чем будет достигнуто соглашение, может пройти и час, и несколько часов, а то и несколько дней. Финикийцы практически не занимались гимнастикой, не знали ни драмы, ни поэзии, ни науки или философии — ничего из того, что помогает человеку приятно и с пользой проводить досуг. Торговля (если не считать их варварской религии) была их основным развлечением.

Юноша смотрел на сидящего напротив него Илазара. Все внимание финикийца было поглощено одной целью: вытрясти из Инвита все до последнего пенни, независимо от того, нужны ему деньги или нет. Чем дальше, тем большее отвращение испытывал к нему Зопирион. Причиной этому не в последнюю очередь было ожесточенное неприятие Илазаром всего греческого. В своих речах финикиец был не так уж и далек от истины, чтобы юноша мог ощущать себя комфортно в его обществе. Симпатии Зопириона, если отбросить обычные предрассудки, были на стороне сбежавшей от Илазара Коринны. Финикиец был не более, чем ворчливым, угрюмым, жадным невежей, и плюс ко всему, самодовольным религиозным фанатиком. С другой стороны, нельзя было и недооценивать его — умного, энергичного и предприимчивого, искренне любившего своего сына. Его грубоватая манера говорить была ничуть не хуже елейной и льстивой учтивости, присущей множеству финикийцев.

Торг продолжался до следующего утра. Не был он закончен и к завтраку. Наконец Илазар вытер губы о край скатерти и знаком попросил слугу подлить ему воды.

— Я получил немалое удовольствие от нашего противостояния, господин Инвит,— сказал он.— Но дела призывают меня, и мне нужно ехать на работы. Давайте остановимся на оплате первых двенадцати дней: половина будет выплачена после заключения вами договора о найме, а другую пусть ваш хозяин вышлет Аба-ришу в Мотию после того, как человек приступит к работе в Сиракузах. Согласны?

— Согласен,— Инвит и Илазар ударили по рукам.

Илазар поднялся.

— Оставайтесь здесь, очень скоро начнут приходить люди. А я пошел.

Не прошло и часа, как в дверь дома Илазара постучался карфагенянин. Он назвался Азруилом из Фугги — строитель, специализирующийся в осадных механизмах.

Зопирион разговаривал с кандидатами. Для него это было внове. Поначалу ему не хотелось выносить окончательное решение. Юноша опасался: отсеяв слишком многих, они не смогут набрать нужное количество мастеров, которое устроило бы Дионисия. Нескольким из пришедших в первых рядах он рекомендовал вернуться домой и ждать результата собеседования и записал их имена и адреса.

Постепенно юноша набирался опыта и с удивлением обнаружил, что может с легкостью распознавать любителей блефовать. В конце концов он заключил договоры с четырнадцатью строителями и отказал троим.

— Вот и весь список талантливых и знающих мастеров Карфагена,— сообщил Илазар на следующий день за завтраком. Кроме того, я мог бы вызвать сюда еще одного или двух, написав своим коллегам в Утику или Тунис.

— Мне кажется, уже достаточно,— ответил Инвит.— Когда мне придется заплатить обещанную вам половину комиссионных, как раз подойдут к концу деньги, доверенные мне Дионисием. И даже если он решит продолжить вербовку, мне в любом случае придется возвращаться в Сиракузы за деньгами.

Илазар кивнул. Он стал почти сговорчивым.

— Значит, вы собираетесь отправиться в город в поисках корабля, на котором вернетесь домой. Советую обратиться к Бомилькару и сыновьям. У них прекрасные корабли, оборудованные каютами. И, что немаловажно, очень чистые. Старик Бомилькар смертельно ненавидел мышей, поэтому на каждом корабле они возят одну или несколько египетских кошек, что заметно облегчает положение.

Один из кораблей Бомилькара и сыновей готовился отплыть тремя днями позже. Инвит забронировал места и вернулся сообщить своим товарищам приятную новость. В этот день хозяин дома решил остаться дома и вместе с дворецким занялся проверкой счетов.

— Завтра начинается праздник урожая,— оторвавшись от цифр, сообщил он.— Если у вас нет планов, готов показать вам религиозную процессию.

— Спасибо, господин,— ответил Зопирион и взглянул на Инвита и Сеговака. Те, склонив головы, о чем то совещались. Наконец они направились к выходу.

— Мы решили прогуляться по лавкам. Хотим привезти нашим женщинам какие-нибудь милые вещицы.

Послеобеденное время Зопирион провел в играх с Ахирамом. Крепкий, смуглый и черноволосый мальчик понемногу привыкал к гостям дома. Мальчуган был очень разговорчивым и, несмотря на это, он очень нравился Зопириону, как нравились ему дети вообще.

Для своих лет Ахирам был прекрасно развит. Когда они играли в мяч, ребенок бросал и ловил его почти с той же ловкостью, что и Зопирион. Юноша был не очень ловким, а ребенок не по годам проворным, сообразительным и проворным, как кошка.

— Ты хочешь встретиться с мамой? — выбрав момент, когда никого не было рядом, спросил Зопирион.

— Отец говорит, что мама плохая: она сбежала от нас.

— А ты хочешь поехать к ней?

Ахирам серьезно раздумывал над ответом.

— Конечно, хочу. А когда мы поедем?

— Я не знаю. Но если ты никому об этом не расскажешь, то можно что-нибудь придумать.

После полудня вернулись Инвит и Сеговак.

— Давай поговорим, Зопирион,— начал Инвит.— И чтобы не создавать лишнего беспокойства, давай это сделаем на улице.

Илазар поднял глаза от свитков папируса и, ни слова не говоря, вернулся к работе. Путешественники вышли из дома и направились к оливковой роще. Крестьяне били палками по веткам деревьев и собирали в корзины упавшие оливки.

— Не думаешь ли ты, что во время завтрашнего шествия тебе удастся ускользнуть вместе с ребенком? — спросил Инвит.

Зопирион открыл от изумления рот.

— Почему? Я и не думал? Что? Что вы планируете?

— Если тебе удастся улизнуть, Сеговак будет ждать тебя на углу Шадапра и Без — это в двух кварталах от маршрута процес-

сии. У него будет мул. Ты должен успеть выбраться за пределы города прежде, чем кто-нибудь хватится.

— А мне казалось, что вы не собирались мне помогать!

Сеговак спрятал в усах улыбку.

— Неужели ты думал, что мы не подставим плечо другу, да еще в такой романтической ситуации?

— Я... Не знаю, как и благодарить вас. Но что будет с вами?

— Все уже подготовлено. Мы с Сеговаком отплываем не на корабле Бомилькара, но днем раньше на греческом корабле. Естественно, Илазар ни о чем не подозревает.

— А что мне делать после того, как я выберусь из Карфагена?

— Далее следует действовать быстро! То, что будет происходить дальше, попадает непосредственно в сферу моей профессиональной деятельности. К счастью, в любом городе среди моих знакомых есть совершенно отвратительные типы. Ты двинешься по дороге, идущей вдоль берега моря к мысу Утики. Перейдешь реку Баграду — там есть брод недалеко от устья.

— И мне нужно попасть в Утику?

— Конечно же, нет. Тебе нужно отправиться к колдунье, живущей в пещере на мысе Утики.

— К кому?

— К колдунье. Колдунье Сафанбаал. Она тебя спрячет на несколько дней, пока мы не заберем вас.

— Зевс Олимпийский! А что, если она превратит меня в паука? Что тогда?

— О добрые боги! Конечно, нет! Это один из самых простых способов спрятать человека. И пусть тебя не беспокоит род ее деятельности. Вот тебе рекомендательный знак, по которому она узнает тебя.

Инвит достал кусок кости, человеческой бедренной кости! — в этом Зопирион почти не сомневался — длиной около фута. С одной стороны была гладкая и закругленная головка сустава, другой же конец был неровно обломан. Юноша недоверчиво разглядывал кость.

— А как спастись дальше?

— На третью ночь после похищения через Сицилию в Тир отплывает капитан Бостар.

— Что это за человек?

— Боюсь, не из лучших. Он контрабандист, в своих рейсах тайно заходит в гавани и срывает свой куш, не платя в них пошлины. Но, ввязавшись в столь отчаянное предприятие, не следует быть таким уж разборчивым.

Два стражника из охраны Илазара локтями, сапогами, дубинками и криками расчищали путь в толпе для хозяина и его гостей. Услышав в свой адрес немало криков и брани, получив немало пинков, они, наконец, вышли на улицу Ваала Хаммона. Илазар посадил Ахирама на плечи.

Зопирион был выше большинства карфагенян и с легкостью наблюдал за происходящим. Инвиту повезло меньше. Зопирион периодически приподнимал стоящего перед ним карийца, чтобы тот мог хоть изредка бросить взгляд на процессию. По обе стороны улицы воины, вооруженные пиками — нечто вроде живой ограды, — сдерживали поток людей.

Примерно час они стояли, не имея возможности даже подвинуться из опасения потерять свое место. Вдоль линии солдат сновали торговцы-разносчики, во весь голос предлагая свои товары.

— Горячие пироги! Чистая вода! Отменная кровавая колбаса! Разве можно отказаться от сушеного гороха? Два шекеля, передайте их назад! Папа, а когда начнется парад? Пальмовые ветви, воздайте хвалу богам! Свежие сардины! Амулеты на удачу! Ваш любимый бог! Изысканные жареные птички! Прекрасный виноград освежит вас! Гранаты! Артишоки! Прекрасные фетровые шляпы по последней моде! Горячие бисквиты! Папа, а когда начнется парад?

Прошел еще час, а они стояли на жаре и в пыли. У Зопириона заболели колени. Маленький Ахирам слегка посопротивлялся, немного поплакал и заснул на руках у отца.

— Проклятые жрецы никогда не начинают вовремя, — проворчал тот. — Если боги когда и оставят Республику, то только по причине медлительности их ленивых верующих. Они просто устанут ждать.

Наконец ударили в гонг. За ним загремели фанфары. Торговцы поспешно удалились. По улице прошли люди, вооруженные венниками и совками, и оставили после себя клубы пыли.

Когда они удалились, ударили барабаны, загремели цимбалы, запели арфы, зазвенели цитры, завывали флейты и трубы. Аромат благовоний наполнил воздух. Из храма Без вышла первая группа участников парада.

Перед ней шествовал оркестр. Затем шли певцы и танцоры, которые приплясывали и подпрыгивали. Маленькие девочки бросали в толпу лепестки цветов. На специальных носилках вынесли позолоченную фигуру бога, ее сопровождала дюжина жрецов. Жрецы были в облачении из тонкой прозрачной ткани, надетом поверх белых набедренных повязок. Их выбритые головы покры-

вали легкие газовые шляпы, формой напоминающие перевернутые ведра.

Бог — танцующий карлик с длинной бородой и крючковатым носом — был наг, если не считать львиной шкуры, перекинутой через плечо. Носилки были украшены по углам плюмажами из страусовых перьев, покачивающихся в такт движению. Позади двигались остальные служители храма: размахивали кадилами жрецы, оставляя в воздухе голубые облачка ароматно-сладкого дыма; шли служители, приносящие жертвы, фонарщики, брадобреи и монахи, храмовые рабы и невольники.

Толпа криками и аплодисментами приветствовала бога радости и веселья. Далее шествовала еще одна группа музыкантов, а за ней двигалась платформа Ишмуна-целителя. На ней длиннобородый бог в длиннополых одеждах сидел на золоченой колеснице, запряженной четверью мулами. Руки бога были подняты в приветственном жесте. Он благословлял собравшихся. Вдоль платформы шествовали жрецы — забинтованные, с руками на перевязи, некоторые опирались на палки и изображали хромых, то есть демонстрировали болезни, от которых бог излечивает своих последователей. А за платформой шли служители храма низшего ранга. В этот день даже самый жалкий служитель храма находился в лучах славы.

Еще сильнее разносится аромат благовоний, еще громче звенит музыка.

Следующая группа посвящается Хийону, божественному мастеру, изображенному кующим на своей наковальне. В его кузнице горел настоящий огонь. Жрецы, сопровождающие божество, несли орудия для обработки дерева, камня, кожи и металла.

За ним шел Драконт с хвостом рыбы. Один из жрецов, облаченный в переливающийся радужный наряд, своими движениями изображал рыбку, а другие, одетые в сине-зеленые плащи, будто волны, раскачивались взад и вперед. Хорошенькие жрицы в зеленых тонких накидках брызгали в толпу ароматной водой из золотой чаши.

Дальше шел Курзор, моряк и изобретатель. Жрецы тащили платформу, сделанную в виде рыбацкой лодки на колесах. В ней за столом сидел Курзор и чинил сложный прибор с колесиками и рычагами.

Но пока в шествии участвовали только младшие боги. Зопирион толкнул локтем Инвита и взглядом указал на Ахирама, сидящего у отца на шее. По обе стороны от хозяина стояли его стражники. Юноша не видел ни единого шанса. Как без борьбы увести отсюда мальчика? Численное преимущество явно на стороне Илазара, да

к тому же толпа... Достаточно одного крика Илазара «Хватайте вора-грека!», как его разорвут на мелкие кусочки.

Инвит посмотрел в сторону ребенка и пожал плечами.

— Очевидно сами боги Карфагена сегодня стоят на страже. Очень жаль, что Сеговак ни за что пропустит процессию.

В толпе все громче раздавались одобрительные крики, они сменялись молитвами и церковными гимнами. Впереди показалась платформа Мелькарта, запряженная белыми лошадьми. Герой стоял, завернувшись в львиную шкуру. Зопирион с удивлением заметил, что шкура была настоящая! В одной руке он держал меч, а в другой — голову демонессы Масисабал, будто на самом деле истекающей кровью. Впереди босиком шествовал отряд преданных в наброшенных на плечи искусно вышитых накидках. Держа перед собой свитки, они нараспев читали легенды о подвигах Мелькарта.

За ним следовала платформа Решефа. Ее тянули два черных вола. А сзади вели белого осла: его собирались принести в жертву в конце праздника. Бог был изображен стоящим на быке, на его голове был рогатый шлем. В одной руке Решеф держал боевой топор, а в другой были зажаты три молнии. На высоких шестах жрецы несли его эмблемы: серебряную стрелу-зигзаг, символизирующую удары молний, и серебряного грифа с распростертыми крыльями на черной ткани, символизирующей грозное небо.

Группа служителей Мефера несла скульптуру бога, который был представлен в виде укрощающего быка безбородого юноши, одетого в персидские брюки и плащ. Несмотря на яркий дневной свет, сопровождающие бога жрецы несли горящие факелы. Два жреца шли нагими, надев на головы львиные маски, и несли на плечах живых питонов.

А потом перед взорами собравшихся проплыла платформа Анафы — богини-воина. Богиня ехала верхом на льве, держа в правой руке щит и копье, а в левой боевой топор. Ее шею украшало ожерелье из отрубленных человеческих голов. Позади ее платформы вели старого полуслеплого льва. В руках у жрецов были копья и щиты, которыми они звенели в такт шагам.

От сводящего с ума ритма «кланг — шаг — кланг — шаг» Зопириону захотелось закричать или ударить первого попавшегося под руку. Из-за линии солдат, вооруженных копьями, вырвался человек и с пронзительными криками и пеной на губах бросился к платформе с божеством. Бросившийся вдогонку командир разmozжил ему голову боевым топором. Тело оттащили к первым

рядом зрителей и оставили лежать в луже крови. Процессия же шла своим чередом.

Далее шел Ил, сидящий в колеснице, запряженной двумя красными буйволами. Жрецы несли на шестах эмблемы: на стяге были изображены рога быка, диск восходящего солнца и длинные голубые ленты, символизирующие реки.

За ним шла Астарта. Толпа изрыгала оглушительные радостные вопли. Богиню окружала самая большая группа экзотического вида жрецов. Некоторые из них, с накрашенными зеленым веками, бешено скакали в священном танце, их юбки то и дело задирались до пояса, открывая гениталии на обозрение толпе. Другие играли с прикрепленными спереди фаллосами из раскрашенной кожи длиной два-три локтя. Двигались в танце храмовые проститутки, одетые в вышитые одежды, которые они то и дело распахивали, демонстрируя обнаженное тело и крошечные цветочки, вплетенные в волосы лобка. Покачивая бедрами, шли размазанные мальчики.

Толпа взывала от удовольствия, громко изрыгая сквернословия. Зопирион толкнул локтем Илазара, и, встретившись с ним глазами, указал на накрашенных мальчиков. Илазар что-то сказал в ответ, из чего юноша расслышал только конец фразы:

— ...но ведь это религия!

Неожиданно странные движения привлекли внимание Зопириона. Прямо за его спиной, прислонившись к стене, совокуплялись мужчина и женщина. Соседи поддерживали их одобрительными возгласами. Забыв обо всем, они задрожали от экстаза, вздохнули и обмякли, приоткрыв рты и опустив веки. Казалось, что весь мир для них отсутствовал.

В роли богини Астарты выступала обыкновенная женщина. В разноцветном платье, скроенном так, чтобы выставить напоказ ее тело, она небрежно стояла на платформе и посылала в толпу поцелуи. Жрецы несли серебряные шары с острями пик — символ планеты Венеры — и сделанные из драгоценных металлов и украшенные драгоценными камнями сексуальные символы.

В воздухе висели облака пыли и раздавался сильный аромат благовоний. Зопирион закашлялся и в который раз взглянул на Ахирама. Мальчик обхватил ногами шею отца, а руками крепко держался за его бороду. Зопирион не видел иного способа возволить его, кроме открытого нападения.

Толпа затихла: приближались великие боги Карфагена. Торжественным шествием приближались жрецы Танит с золотыми и

серебряными повязками вокруг головы. В колесницу богини луны были впряжены очень странные животные: очень похожие на мулов, они были покрыты узкими белыми и черными полосками. Они шарахались, подпрыгивали и нервно дергали узду, за которую их вела под уздцы пара здоровенных негров. Платье богини было украшено серыми голубиными перьями. В отвратительных страшных масках вокруг колесницы прыгали жрецы, отпугивая демонов. Другие жрецы несли шесты с символами богини — голубями, пальмовыми ветвями, серебряным лунным полумесяцем и золотыми гранатами — и хором распевали священные гимны.

За ней появилась платформа с величайшим из богов, Ваалом Хаммоном. Он сидел на троне, положив руки на подлокотники, вырезанные в форме голов баранов. Длинная борода свисала до пояса, а на голове были витые бараньи рога. Головы одних жрецов были повязаны золотыми лентами, на других были украшенные перьями уборы, на третьих высокие остроконечные шляпы.

Толпа взревела. Каждый пытался пасть ниц, несмотря на то, что сделать это было практически невозможно из-за ужасной давки.

После Ваала Хаммона прошли несколько младших богов. Некоторых сопровождали внухи; других — жрецы, которые шествовали нагими и награждали друг друга ударами хлыста или наносили себе ножевые раны. Среди них были немногочисленные группы, больше похожие на сборища колдунов — их участники несли на шестах человеческие черепа и головы животных. Негры выбивали на гулких барабанах сложные ритмы, а между ними скакал и пританцовывал вымазанный пеплом шаман.

Последним показался Адонис, бог урожая. В этот день почетное место предназначалось ему. Перед его носилками вели на цепях диких свиней, а сами носилки больше напоминали похоронные дроги. На них лежало на спине выкрашенное белой краской тело мертвой собаки. В верхней части скульптуры были вставлены в специальные отверстия сотни колосьев пшеницы. Перед носилками шел хор, одетые в грубые власяницы и посыпанные пеплом жрецы пели мертвой собаке погребальные песни. А вслед за носилками шел второй хор — жрецы пели радостные гимны в честь ее воскресения.

Следом за Адонисом прошли служители и рабочие храмов, и воины подняли копыя, разрешая тысячам простых карфагенян присоединиться к процессии. Улица была переполнена, словно река в половодье.

— Нам следовало бы отправиться за остальными и совершить молебен в одном из храмов, но мальчик устал. Давайте вернемся домой,— произнес Илазар.

— У меня есть кое-какие дела. Присоединюсь к вам позже,— сказал Инвит.

Вскоре после того, как Зопирион возвратился в дом Илазара, туда же пришел и кельт с бутылкой вина под мышкой, насвистывая дикую кельтскую мелодию.

— Клянусь рогами Кернунна! — сказал он.— Я совершенно без сил, таскаюсь целый день по холмам с этим кувшином, а ведь стоит такая жара! Одна надежда, что за обедом мне удастся распробовать вкус этого вина! Господин Илазар, довожу до твоего сведения, что наш друг Инв сегодня не будет обедать дома. Полагаю, что от вида девушек, покачивающих славными розовыми сосками, у него появились кое-какие идеи. Зопирион, мой мальчик, можно тебя на пару слов?.. Очень плохо, что ты не смог увести мальчика во время процессии. Но, вероятно, так будет даже лучше.

— Как так?

— В этом кувшине с вином достаточно сонного зелья, чтобы усыпить весь дом. Так что не советую тебе пить его за обедом. Делай вид, что пьешь. Мне пришлось принести его домой, ведь я умею править колесницей Илазара, а он — нет. С ним мы встретимся у начала городской стены. Там он будет ждать нас вместе с мулом.

— Значит, вы хотите украсть у Илазара..

— Просто возьмем взаймы, дорогой мой, взаймы. И слушай, что я тебе скажу...

В восточной части небосклона взошла почти полная луна. На освещенном лунным светом дворике царило безмолвие, не считая поскрипывания сверчка. Зопирион приоткрыл дверь в комнату мальчика и проскользнул внутрь. В комнате, где неярко мерцал лунный свет, раздавалось тихое дыхание: медленное и тяжелое, с храпом и присвистом, и легкое и быстрое.

В темноте Зопирион ничего не видел, если не считать двух темных теней, выделявшихся на фоне светлой штукатурки стен и цементного пола. Одна из них принадлежала няне-негритянке, спавшей на соломенном тюфяке. Другая — уснувшему в кровати Ахираму. Зопирион направился туда, где предположительно находилась кровать мальчика, но споткнулся о незаметную в тем-

ноте подставку для лампы. С ужасным грохотом она покачнулась, и лампа медленно начала падать. Совершив в полной темноте дикий прыжок, Зопирион успел поймать ее. Юноша осторожно поставил ее на место и замер весь в поту, проклиная собственную неловкость. Стояла прохладная африканская ночь. Зопирион ждал, пока успокоится яростно бьющееся сердце.

Неожиданно из одной из теней раздалось ворчание. Спящий заворочался и перевернулся на другой бок. Сердце Зопириона готово было выскочить наружу. Очевидно, это была няня. Именно к ней и направлялся юноша, прежде чем в темноте он наскочил на лампу. Несмотря на то, что Сеговак умудрился-таки угостить ее чашей вина с сонным зельем, Зопирион содрогнулся от одной мысли о том, что могло бы случиться, если бы он по ошибке попытался взять ее на руки и вынести из спальни.

Он подошел к другой тени. Здесь уже точно спал Ахирам, посасывая во сне большой палец. Глубоко вздохнув, Зопирион взял мальчика вместе с одеялом на руки. Малыш не проснулся. Юноша направился к выходу из комнаты, обошел лампу и тихо распахнул дверь.

Во дворе царила тишина, был слышен только легкий шорох — это Сеговак гладил сторожевого пса Илазара.

— Он только что сожрал всю колбасу, которую я принес,— прошептал кельт.— Если он залает, когда мы будем уходить, придется начинать все сначала. Пошли.

Беглецы открыли дверь на улицу. Задрав голову и повиливая хвостом, собака спокойно стояла в сторонке и удивленно поглядывала на них. Сеговак прикрыл за ними дверь, взял вещи и быстрым шагом направился в конюшню.

Ахирам пошевелился.

— Что... Куда мы идем, господин Зопирион,— пробормотал он.

— К твоей маме. Будь молодцом, веди себя тихо.

Ахирам снова погрузился в сон на руках у Зопириона. В это время Сеговак запрягал в колесницу Илазара пару черных жеребцов.

— Чума побери финикийскую манеру запрягать! Все ремешки переплетены с точностью до наоборот! Но даже с такой упряжью этим тварям не удастся пуститься в галоп без нас.

Наконец, несмотря на все сопротивление лошадей, которые и сейчас били копытами, бешено вращали глазами и пряли ушами, колесница была готова. В ней сидел Зопирион с мальчиком на руках, лежали вещи и моток веревки.

— А теперь, красавицы, постарайтесь не огорчить меня в дороге. Больше мне от вас ничего не надо,— напутствовал лошадей Сеговак.

Кельт дернул поводья, и лошади шагом двинулись в путь. Зопирион подавил желание попросить Сеговака пустить их галопом.

Когда похитители оставили за собой несколько плетров, Сеговак щелкнул языком, и лошади перешли на рысь.

— Мои дорогие, до чего же вы хороши,— хриплым шепотом похвалил он.— Если бы мне удалось взять вас с собой на наш крошечный корабль! Но этого никогда не случится, никогда.

— Уже нет необходимости говорить шепотом. Куда мы едем? — спросил Зопирион.

— Инвит говорил, что участок стены, идущий вдоль озера Арианы не слишком охраняется: под ней обрываются в озеро недоступные отвесные скалы. Здесь можно подняться только на крыльях. Но, имея крылья, к чему искать ворота? Можно перелететь в любом месте! За этим участком стена поворачивает на юг и идет вдоль широкого перешейка. Здесь он и будет ждать нас.

— Ты знаешь туда дорогу?

— Нет, но умею ориентироваться по звездам. С божьей помощью, мы доберемся туда.

Но оказалось, что легче сказать, чем сделать. Дороги Мегары описывали вокруг холма широкие круги. Сеговак пытался придерживаться направления на юго-запад. Но чуть ли не все дороги, на первый взгляд ведущие в этом направлении, сворачивали на запад или вели прямо к дому Илазара, где беглецов ждала верная смерть. Сеговак по-кельтски изрыгал проклятия, разворачивался, возвращался назад, и все начиналось заново. Зопирион, вытянув шею, пристально вглядывался вдаль. Несмотря на то, что их приключение началось около полуночи, при таком положении дел вполне могло оказаться, что восход солнца настигнет их раньше, чем они доберутся до цели.

Проснулся Ахирам и засыпал их вопросами.

— Где моя мама?.. Отлично, так когда же мы ее увидим?.. Почему ты не знаешь?.. А мы возьмем с собой папу?.. Почему не возьмем?.. И почему мне нельзя говорить?

Наконец впереди показались очертания городской стены: длинная черная зубчатая тень вырисовывалась на фоне темно-синего звездного неба. Месяц висел низко над горизонтом. Сеговак потянул поводья, и лошади перешли на шаг. Кельт тихо и ласково похвалил их.

Колесница остановилась около стены высотой около тридцати локтей. Кельт привязал поводья лошадей к растущей у дороги пальме.

— Возьми свой багаж, но оставь кладь Инва и мою. Я возьму веревку. Теперь ты понял, почему я не взял белых лошадей? Здесь они были бы так же заметны, как и тюльпан в корзине с углем.

Сеговак повел Зопириона с мальчиком вдоль стены. Им пришлось пройти несколько плетров, прежде чем впереди показалась лестница, ведущая на стену.

— Взгляну, что там. А вы подождите меня здесь, в тени. Если боги будут милостивы, то вскоре пройдет часовой. И тогда мы просчитаем до пятисот и перейдем через стену. В противном случае он сможет появиться в любой момент.

Сеговак разулся и начал подниматься по каменным ступеням. Высокий и крепкий мужчина, он двигался поразительно тихо.

Потекли минуты ожидания. Ахирам окончательно проснулся, и Зопириону стоило немалых трудов убеждать его хранить молчание. Зопирион даже и не пытался шлепнуть малыша или угрожать ему наказанием, он боялся, что Ахирам расплатится или просто убежит.

Вернулся Сеговак. Кельт спустился со стены легко, как облачко.

— Здесь вообще нет часовых,— прошептал он.— Иными словами, не стоит ждать до рассвета, чтобы встретиться с ними. Так что, дорогой Зопирион, пора двигаться в путь.

Они двинулись вверх по ступенькам и, слегка запыхавшись, вышли на стену. Насколько хватало глаз, на широкой дороге, идущей по вершине стены, не было видно ни одного часового.

Далеко вправо месяц нарисовал широкую серебряную дорожку на спокойной глади озера Ариана. Где-то вдали завыл шакал.

Сеговак высунул голову в амбразуру бруствера стены и тихонько свистнул. Снизу раздался ответный свист. Сеговак сделал петлю на конце веревки.

— Сначала ты, друг мой,— сказал он, надевая петлю на пояс Зопириона.

— А как же ты? И кому мне придется заплатить за помощь? И что мне делать с мулом?

— Не стоит беспокоиться о такой ерунде, как деньги. За наше исчезновение платит Дионисий, хотя он, бедняга, и не подозревает об этом. Если хочешь, можешь отдать мула колдунье. А теперь надо спускаться. Уцепись за бруствер... Теперь перенеси свой вес на веревку, постепенно... Хорошо. Крепко упрись ногами в стену.

Сеговак закрепил веревку, обернув ее дважды вокруг зубца бруствера. Теперь он мог опускать веревку постепенно и без лишних усилий. Зопириону казалось, что прошло несколько часов с момента, как он начал спуск со стены. Хорошо еще, что внизу в темноте не было видно ничего, кроме неясных очертаний деревьев и кустов. Чем длиннее становилась веревка, тем сильнее она начинала дрожать и вибрировать, тем труднее было юноше упираться ногами в каменную кладку стены.

Наконец, он ступил ногами на твердую землю. Инвит помог юноше высвободиться из веревочной петли и обвязал ее вокруг своего пояса.

— Встретимся в Сиракузах. Там стоит мул, его зовут Яф,— прошептал он и, оглянувшись, взглянул наверх.— Готов!

Дюйм за дюймом он начал подниматься. Он продвигался намного медленнее Зопириона, несмотря на то, что был легче. После нескольких рывков Сеговак был вынужден останавливаться, обораживать веревку вокруг зубца и отдыхать.

Зопирион разглядел в темноте мула. Животное, привязанное к кусту, успело сжевать почти всю зелень, до которой только могло дотянуться. На его спине было седло с ременной петлей сзади, к которой Зопирион пристегнул свой дорожный мешок.

Инвит был почти на самом верху стены. Последний отрезок подъема он преодолел, подтягиваясь на руках. На мгновение застыла тишина, потом раздался шорох веревки о стену.

— Господин Зопирион! Вы там? Мне страшно! Я бьюсь о стену! — раздался детский голос.

Ахирам спустился очень быстро, и стоящий внизу Зопирион поймал его. Мальчик сидел в искусно сплетенном из конца веревки сиденье.

Не успел юноша отвязать его, как сверху раздался свист. Затем послышался топот ног, спускающихся по лестнице с другой стороны стены. Потом заскрипели колеса и раздался цокот копыт, который вскоре затих вдаль. И одновременно по дороге на стене сначала далеко, а потом все ближе затопали сапоги, звякнули металлические детали амуниции, и раздался крик часового.

— Стой! Кто идет?

Зопирион побелевшими от напряжения пальцами пытался развязать узел на веревке, но его друзья потрудились на славу. Не раздумывая, он выхватил короткий меч, висящий у него на поясе, и отрезал веревку. И вовремя: в тот же миг ее потащили наверх. По стене с противоположной стороны приближалась другая пара

ног. До Зопириона донеслось несколько фраз, сказанных по финикийски:

- Кто там?
- Кто-то перелез через стену!
- В город или из города?
- Похоже, уехала колесница.
- Последи за веревкой!
- Что-нибудь видно внизу?

Зопирион посадил Ахирама на спину мула, отвязал последнего, сам взгромоздился позади мальчика.

— Вперед! — сжав коленями бока мула и хлопнув животное вожжами по спине, скомандовал он.

Не переставая жевать, мул остался стоять, как стоял. Зопирион еще и еще ударял пятками по бокам и хлопал вожжами, но безрезультатно. Прикрикнуть на животное он не осмеливался. Мысль о том, не уколоть ли упрямое животное острием меча, ввергла его в сомнения: будучи пифагорейцем, он привык по-доброму относиться к животным.

- Внизу кто-то есть! — послышалось сверху.
- Кто же?
- Не могу разглядеть!
- Пальни-ка в них, а я подниму стражу!

Шаги удалились. Наступила тишина, которую нарушали лишь слабое жужжание ночного насекомого, свист ветра, да смачный шлепок прямо за спиной Зопириона. Камень, выпущенный из пращи, ударил Яфа прямо по крупу. Заревев от боли и ярости, мул пустился вскачь. Одной рукой Зопирион крепко прижимал к себе Ахирама, а другой ухватился за луку седла. Спустя некоторое время они выехали на прибрежную дорогу и резвым галопом помчались в Утику.

УТИКА

Мыс Утика резким обрывистым клином врезался в море. Косые лучи полуденного солнца играли на прибрежных скалах, окрашивая их в разные цвета: от темно-желтого до темно-коричневого. Над обрывом начиналась плоская равнина, покрытая скудными зарослями тернистого кустарника. Зеленая растительность не спешила радовать глаз.

На самом деле эта земля спала глубоким сном. Как леопард, в послеполуденную жару вздремнувший в тени эвкалипта. С первыми осенними дождями жизнь расцветет здесь с новой силой.

Ветер гнал с запада облака, и за ними то и дело скрывалось солнце. Легкие волны прибоя бились о блестящие черные скалы. Скоро и море пробудится от летней спячки. Небо полностью затянется облаками, один за другим начнут бушевать ливни и шторма, волны наденут белые шапки бурунов, и закончится навигация.

В надежде, что правильно запомнил дорогу, Зопирион, погнав мула, выехал на край мыса. Там он повернул мула и проехал еще немного — расстояние полета стрелы — вдоль восточного берега. Наконец он спрыгнул с Яфа и привязал животное к ветке крепкого сучковатого дуба.

— Не слезай с мула, я скоро вернусь, — обратился он к Ахираму.

— Мама ждет нас там, внизу? — спросил мальчик.

— Нет. Я же тебе говорил, что к ней мы поплывем на корабле.

— Я уже плавал на корабле. Я хочу пить. И когда мы будем кушать?

Зопирион пошел назад вдоль оконечности мыса: ему никак не удавалось отыскать тропу. Юношу не оставляло гнетущее ощущение: либо его разыграли, либо он где-то допустил серьезную ошибку. Что, о Гадес¹, ему делать, если в пещере не окажется Сафанбаал, или если он вообще не найдет пещеру?

Наконец он заметил крутую тропу, спускающуюся вдоль обрыва. Похожая на естественную, она, тем не менее, несла на себе отпечаток человеческих ног. Придерживаясь за склон рукой, юноша начал спускаться. На полпути к воде тропа выровнялась и широкими ступенями спускалась к пещерам.

— О, Сафанбаал! — закричал он.

— Кто зовет меня? — раздался из одной пещеры женский голос, ему вторило многократное эхо.

— Тарентиец Зопирион, я принес рекомендательный знак.

— Да? — у входа в среднюю пещеру появилась крупная, толстая и обрюзгшая женщина, одетая в простое коричневое платье из грубой материи. С жирного, круглого лица глядели крошечные свиные глазки. Всклоченные волосы, когда-то каштановые, были почти седыми. На вид Зопирион дал ей лет пятьдесят.

— Знаю о тебе, мой мальчик, но все-таки покажи мне знак. Покажи.

Слегка повернувшись, Зопирион молча вытащил из-за ремня сломанную кость и передал колдунье. Подойдя к ней поближе,

---

Гадес — бог подземного царства, царства теней.

юноша по запаху определил, что Сафанбаал мылась в последний раз очень, даже слишком давно.

Взяв кость, она вернулась в пещеру. Но сразу же вернулась, держа в другой руке вторую половину кости. Колдунья соединила сломанные части.

— Видишь? Прекрасно совпали. Очень хорошо. Прежде, чем я тебя увидела, духи сказали мне, что ты честный и целомудренный человек. Но почему ты без мальчика?

— Я привел его, но сначала хотел найти дорогу сюда. А откуда тебе все известно? Только сегодня ночью мы сбежали из Карфагена, с тех пор прошло не более двенадцати египетских часов.

Она самодовольно захихикала. Такие манеры больше подошли бы четырнадцатилетней девчонке!

— Послушай, дорогой Зопирион, что я была бы за ведьма, если бы не умела предсказывать даже такие мелочи? У меня есть множество способов, множество. Пошли-ка лучше за мальчиком. Наверняка он чуть живой от голода и жажды. Пойдем, приведем его.

Зопирион поднялся по тропе, расседлал мула и привязал его. Теперь животное могло пожевать хоть немного сухой травы. Юноша взял за руку Ахирама, другой рукой поднял вещи и возвратился к пещере.

Он застал Сафанбаал склонившейся над маленькой кучкой трута. В руке она держала стеклянный диск диаметром два пальца¹. Лучи солнца, проходя сквозь стекло, концентрировались в светящейся радужной точке на труте. Другой рукой она делала пассы над трутом и напевала:

Вас призываю на помощь, создания пламени!
О Гулголеф, Шерабарим! О белая ламия!
Из бездны полночной извечной предстаньте пред нами,
Чтоб вспыхнуло тенью Илиссы зачатое пламя!

— Черт бы побрал этот ветер! — воскликнула она. — Все дует и дует!

Над трутом появился легкий дымок, а за ним показался крошечный язычок пламени. Колдунья положила на него несколько веточек и вскоре развела костер.

— Это волшебный огонь? — спросил Ахирам.

---

¹ Палец — мера длины, равная 3/4 дюйма.

— Конечно, малыш,— ответила Сафанбаал.— Конечно, волшебный. Хочешь стать колдуном, когда вырастешь? Мне как раз нужен ученик.

— Нет, я хочу стать строителем, как мой папа. Но магия, должно быть, удивительная штука! Покажи мне что-нибудь!

— Скоро ты увидишь больше, чем достаточно, господин Ахирам. Потому что сегодняшняя ночь — ночь большой встречи. С помощью вас двоих я смогу устроить своим искателям истины вечер, который им надолго запомнится. Очень надолго запомнится. Знаете, когда-то я была красавицей. Я и сейчас прекрасно выгляжу, не так ли?

— Мне кажется, это не подлежит обсуждению,— ответил Зопирион, слегка озадаченный таким поворотом дел.— Ты все время живешь здесь одна?

— Почти что. Раньше у меня была ученица, но она сбежала вместе с пастухом. Так что после суетной Утики я живу одна.

— Почему ты перебралась сюда?

— Ты прекрасно знаешь, как люди любят распускать сплетни и слухи об одинокой женщине, будь она трижды целомудренной! У меня был спутник, его звали Шадиль, с ним вместе мы творили заклинания, длившиеся всю ночь. При помощи таких заклинаний мы могли управлять самыми могущественными духами. Но, будучи коллегами, нам было трудно прийти к согласию. Конец всему положил мой любимый злой дух, старик Гулголеф. Он взревновал меня к Шадилю! Можете представить, демон приревновал к смертному! Он подкараулил, когда однажды Шадиль по нелепой случайности забыл свой самый сильный амулет, бросился на него и сожрал. Он на самом деле съел его! Если вы никогда не видели, как живого человека поглощает злой дух, то не представляете, насколько отвратительно было это зрелище. И конечно, злые языки сразу же развязались. Поговаривали даже о том, чтобы привлечь меня к суду за убийство. А что я могла сказать в свое оправдание? Суд не принимает факт существования демонов в качестве доказательства, даже если бы мне удалось вызвать его и заставить во всем признаться. В том числе и по этой причине я переехала в уединенное место, с тех пор и живу здесь. Все, что мне нужно, приносят из Утики мои посетители. На самом деле, очень грустно сидеть здесь одной, не слыша ничего, кроме шума моря да рева диких зверей. Но, конечно, здесь всякое случается,— она перевела взгляд на Зопириона и захихикала.— Даже таким сильным мужчинам, как ты, не обойтись без моей

помощи. Если бы я была полным ничтожеством, то вряд ли ты пришел бы сюда.

Опустив глаза и хитро улыбнувшись, она заколыхалась, как огромный кусок желе.

Зопирион нервно закашлялся.

— Госпожа, истинный пифагореец никогда не злоупотребит гостеприимством такой целомудренной женщины. А что на обед?

Обед состоял из простых блюд: рыбы, хлеба, сыра и оливок. Тем не менее, после долгой и утомительной скачки, он показался Зопириону просто восхитительным. Юноша чувствовал, что если бы подали любимца ведьмы демона Гулголефа, то он с удовольствием отведал бы его, если только демонов можно есть. Подняв глаза, он взглянул на колдунью. Она съела больше, чем Зопирион с Ахиромом вместе взятые, и пристально уставилась на юношу.

— Что ты? — удивился он.

— Я рассматривала твою душу, хе-хе! — ответила Сафанбаал.

— По крайней мере приятно узнать, что она у меня есть. И что ты увидела?

— Твою судьбу.

Зопирион вздрогнул.

— И какая у меня судьба?

— У тебя будет долгая жизнь, много радости и много горя, — голос ведьмы звучал глухо, будто она говорила из своей пещеры. — Ты достигнешь многого из того, к чему страстно стремишься. Но, оказавшись у цели, ты либо выпустишь ее из рук, либо увидишь, что она не стоила сил, потраченных на ее достижение. Тебе мешает чудовищный обман, а поддерживает великая добродетель.

— О чем ты?

— Обман заключается в том, что ты не как все. Ты и чувствуешь иначе. Тебе совершенно безразлично многое из того, что переполняет других радостью. По этой причине тебя считают холодным, замкнутым. Но, тем не менее, у тебя будет несколько настоящих друзей. Твоя добродетель — твой крепкий, закаленный дух. Тебе не составит труда выдержать испытание одиночеством. Более того, оно придется тебе по нраву. И когда все вокруг складывается невозможно плохо, тебя поддерживает мысль о лучших людях, переносивших еще более тягостные муки. Или ты

думаешь о том, что через десять лет эти трудности покажутся одним мгновением твоей жизни, или что в другой жизни тебя будет ждать лучший удел, ведь так учит твоя философия.

Она встрепенулась, будто выходя из транса.

— И зачем я совершенно бесплатно вещаю тебе бесценные пророчества? Наверное, это боги вложили их в мои уста. Как тебе нравятся последние дни летней засухи? Мои демоны сообщили мне, что скоро ей придет конец. Попрошу вас двоих последовать за мной: вы поможете мне подготовиться к приходу посетителей. И будьте внимательны. Постарайтесь не отдавить духу пальцы!

Колдунья повела их к самой большой пещере. В ее стенах были вырублены ступеньки, а на них, как на полках, лежали коробки, сумки, стояли кувшины, склянки, свитки папируса и пергамента, травы, черепа и кости, чучело небольшого крокодила, панцири черепахи, страусиные яйца и перья, камни и прочие столь же необходимые для магии вещи. Некоторые из них свисали с потолка: лампы, клетки с птицами, маски; в центре пещеры на двух ремнях, напоминающих по форме букву V, висел кувшин, а прямо над ним бросался в глаза диск из отполированного желтого металла диаметром один фут. Потолок пещеры, казалось, переливался мириадами крошечных искорок.

— Это вкрапления металла, его здесь называют горной медью, — проследив за взглядом Зопириона, прокомментировала Сафанбаал.

— О! — Зопириону и раньше доводилось слышать об *орихалке*, но видеть не приходилось. Им овладело страстное желание подержать в руках кусочек руды, протестировать его на различных приборах, определить точку плавления и другие свойства.

— Ты не продашь его?

— И лишиться моей луны? Моей верной Танит? Да никогда!

— Луны, госпожа?

— Позволь мне объяснить тебе трудности моей профессии. Позволь объяснить. Я настоящая ведьма и колдунья. Я управляю свирепыми и могущественными духами, могу творить заклинания, которые обладают огромной силой и способны принести как радость, так и беду, могу находить спрятанные где-то далеко вещи и видеть в неясном будущем. Но, — она омерзительно расхохоталась, — даже у самого могущественного волшебника могут наступить времена, когда его заклинания перестают действовать или вследствие влияния звезд, или из-за того, что непокорный демон

перестает исполнять свои обязанности, или когда ясновидение теряет свою четкость или покрывается пеленой. И тогда нам, ремесленникам от магии, приходится производить впечатление на посетителей, прибегая к различным материальным средствам. В противном случае они начнут сомневаться в нашем могуществе и честности... То, что ты видишь на потолке — диск из горной меди да рыба чешуя, приклеенная к потолку — это луна и звезды. В начале сеанса я зажигаю в этом кувшине этрусскую свечу и накрываю его тряпочкой. К тряпочке привязана нитка, другой конец которой спрятан вон в той нише за портьерой. Ты, господин Ахирам, должен взяться за конец нити. И когда я закричу: «Раздвиньтесь, скалы! Да откроются небеса!» ты должен будешь сдернуть тряпочку с кувшина и утащить ее к себе в нишу. При виде освещенных пламенем свечи моих луны и звезд глупцы не могут не поверить, что они настоящие... А ты, господин Зопирион... — засунув руку за пазуху и смачно почесавшись, она объяснила юноше его роль в создании магических эффектов.

— Ты нам полностью доверяешь, — сказал Зопирион. — Откуда ты знаешь, что мы не выдадим твои секреты?

— Ах, так и у вас самих есть парочка-другая секретов, разве не так? По правде говоря, разве у вас нет секретов? Так или иначе, но мы должны доверять друг другу, — и ведьма снова хохотнула. — К тому же я абсолютно уверена: такой высокий и привлекательный мужчина, как ты, никогда не причинит вреда бедной одинокой женщине! Разве ты не знаешь, что когда-то я и сама была прелестна?

На полу пещеры пылали угли. Сафанбаал сидела лицом ко входу в пещеру, скрестив ноги и завернувшись в просторный черный плащ так, что не было видно ее лица. Вокруг огня на матах, брошенных на земляной пол, сидело шестеро незнакомцев — четверо мужчин и две женщины. Им пришлось провести долгие часы в пути из Утики, расположенной в четырех лигах отсюда — одним верхом на муле или осле, другим — сидя в повозке. Никто не произносил не слова. Лица собравшихся неясными чертами вырисовывались в неярких отблесках пламени. Воздух пещеры был наполнен ароматом благовоний. Рядом с ведьмой стояло ведро с каменным углем, на котором лежал небольшой совок.

Зопирион с Ахирамом затаились в глубине пещеры. Там за изгибом скалы в глубокой нише сообщники ведьмы нашли себе

прекрасное убежище. Засаленная, непонятного цвета занавеска отделяла нишу от центральной части пещеры, и теперь Зопирион с Ахирамом подглядывали в щелочку за происходящим. В их убежище было почти темно, и только слабый голубой язычок пламени свечи, воткнутой в трещину в стене, давал немного света. Лица юноши и ребенка были до самых глаз повязаны темными платками, чтобы отблески пламени, играющие на их лицах, не привлекли внимания посетителей. И, кроме того, маска лишней раз напоминала разговорчивому мальчугану о необходимости хранить молчание.

Зопириона волновал только один вопрос: не придется ли им просидеть здесь всю ночь? Шум у входа в пещеру оповестил собравшихся о прибытии еще одного посетителя. Это был почтенный и представительный мужчина, однако Зопириону практически не удалось рассмотреть его, если не считать длинной седой бороды да черного плаща, закрывавшего незнакомца с головы до пят. Юноша сразу догадался, что перед ним не простой посетитель. Это был один из двух суфетов — верховных судей Утики.

Суфет тихо и кратко поприветствовал собравшихся. Сафанбаал передала сидящему подле нее мужчине подушку, и так, из рук в руки, ее передали судье. Суфет сел в круг вместе с остальными. «Не похоже, чтобы Сафанбаал была обыкновенной авантюристкой,— мелькнуло в голове у Зопириона,— если среди ее посетителей можно встретить представителя высшей торговой аристократии Финикии, которого она сажает в один круг с оборванцами и прочей швалью — своими обычными клиентами».

Ведьма сидела, храня полное молчание. Наконец, когда Зопирион был готов вылезти из кожи от нетерпения, ее глубокий голос пронизал темноту пещеры.

— Друзья, мы собрались здесь, чтобы пронзить вуаль, скрывающую события будущего от взгляда простого смертного. И с этой целью я провела в посте и молитвах весь день.

Зопирион улыбнулся в темноту при воспоминании об ее обеде, которым можно было насытить голодного льва.

— Я сотворила заклинание, способное вызвать из-за черной бездны пространства и времени тысячи свирепых духов. Мое заклинание достигло всех уголков вселенной, вызвав крылатых демонов высокого эфира и покрытых чешуей чудовищ из бездонных пропастей: так муха, запутавшаяся в паутине, побуждает к действию паука. В тайных пещерах скалистых гор за бескрайними пустынями летучие мыши описывают круг за кругом, предупреждая обитающих там черных магов. На полях минувших сра-

жений, не зная отдыха, бродят призраки непогребенных воинов. Летящий ночной ветер доносит до них мое заклинание, и тот, кто живет в теле леопарда или теле гиены, дрожа и воя от страха, крадется к своему логову. Знает и змея, что живет под камнем, и сова, что сидит на суку. Они знают. И все боги, живущие в изукрашенных драгоценными камнями небесных дворцах,— в этом месте она коснулась рукой груди, губ и лба,— переглянулись и сказали: «Сафанбаал снова творит заклинание. И пусть творит заклинание, ибо она желанна богам!»

Сафанбаал взяла совок, зачерпнула из ведра каменного угля и бросила в огонь. Потом еще раз. Немного подождав, она вновь заговорила.

— И теперь подвластные мне духи уже близко. Из сине-голубых морских глубин, из затерянных в джунглях руин древних храмов, из ледяных пещер Лунных гор летят они сюда. Дайте знак, если вы уже здесь!

Наступила долгая пауза. И вдруг угли в костре зашипели, задвигались, будто под ними зашевелился кто-то живой. Вдох благоговейного страха пронесся среди сидящих у костра людей. Зопирион, который наблюдал за происходящим из соседней пещеры, тоже, наверное, удивился бы, если бы не участвовал в приготовлении горючей смеси. Колдунья бросила в огонь уголь вперемешку с квасцами, покрытыми слоем воска. После того, как воск растаял, квасцы вскипели и забурлили, приподнимая угли.

— Они здесь! — закричала Сафанбаал.— Они пришли! Они просят жертву!

Пошарив руками под плащом, она достала аккуратно связанную маленькую птичку из тех, что жили у нее в клетке. Протестуя, птичка успела громко пискнуть. Но колдунья перерезала ей горло. Кровь жертвы тонкой струйкой потекла на угли. В ответ те засвистели еще громче.

— Давайте все вместе обратимся к луне! Посвятим ей наше песнопение! — сказала она. Раздалась чудовищная разноголосая какофония — люди запели:

Земная, небесная, адская — Бомбо, приди!
Великая, светлым пятном ты вдоль улиц бредешь,
Но света не любишь — лишь сумрак тебе по душе;
Бродя среди тлена, безмолвия, свежих могил,
Ты тянешься к крови, и ужас — предвестье твое.
О Горго, о Мормо Геката, Луна! Снизойди
В обличье любом к приносящему жертву тебе!

— Расступитесь, скалы, да явись луна! — закричала Сафанбаал.

Зопирион подтолкнул прижавшегося к нему в темноте Ахирама.

Мальчик, прилагая невероятные усилия, чтобы не расхохотаться, потянул за нитку и сдернул с кувшина тряпочку.

— Смотрите! Над нами небо! — воздев глаза к своду пещеры, закричала Сафанбаал.

Несмотря на то, что Зопирион с Ахирамом отошли в глубину своего убежища, юноше было нетрудно представить, какая картина открылась глазам тех, кто сидел у костра. Свет свечи из кувшина тускло отражался от металлического диска и приклеенных к черному каменному потолку рыбьих чешуек. Сбитым с толку людям и вправду казалось, будто они как сквозь мутное стекло видят настоящую луну и звезды. С благоговейным страхом и криками восторженного удивления взирали они на искусственное небо Сафанбаал.

— Решеф, хозяин грома! Сбрось окутывающее нас темное облако! Возьми нас под покровы своей доброй воли! Дай нам немного твоей силы!

Теперь настало время действовать Зопириону. Он достал пакет с порохом, высыпал немного на ладонь и поставил пакет на полку. Тем временем Ахирам, спрятавшись за камнем, чтобы оставаться незамеченным, приоткрыл пошире занавеску, и Зопирион быстрым движением бросил порох в пламя свечи. С резким звуком порошок загорелся. После яркой вспышки в воздухе осталось только облачко дыма, но и его вскоре унесло сквозняком из пещеры. И тотчас Зопирион подошел к корзине с камнями весом несколько фунтов и начал кидать их на лист бронзы, который лежал на полу тут же в нише. Камни ударяли по металлу, создавая ужасный гул.

Когда затихло эхо страшного грохота, Зопирион взглянул на присутствующих из-за занавески. Половина собравшихся распростерлись на полу, а на их лицах было выражение иступленного восторга и ужаса. И даже судья, которому гордость не позволила, подобно остальным, упасть на пол пещеры, сидел, закрыв лицо руками.

— Боги и духи здесь! — произнесла Сафанбаал.— Они здесь, вокруг нас! Один из них летает вокруг вас! Смотрите! Смотрите! А другой выглядывает из-за плеча господина судьи!

Суфет нервно подвинулся вместе с подушкой и огляделся по сторонам.

— Задавайте вопросы! — сказала ведьма.— Спрашивайте, и вы получите ответы!

— Кто... Кто победит на следующих выборах? — дрожащим голосом спросил суфет.

— Милостивый государь! Боги предсказывают, что один из суфетов будет непоколебимо твердым и честным — человек, чьи помыслы, как и дела, чисты. Другой же — грубиян и демагог. Лестью и обещаниями завоевав доверие горожан, он попытается обогатить себя и друзей за счет казны города. Следующий.

— Что мне сделать, чтобы моя жена понесла? — спросил мужчина.

— Дам тебе чашу с водой из великого Нила. Каждый здравомыслящий человек прекрасно знает, что нет лучшего средства, помогающего в подобных случаях. Но это будет стоить шекель. Следующий.

— Кто украл брошь с моего туалетного столика? — бросилась в бой одна из женщин.

Сафанбаал закрыла лицо руками.

— Вижу ночь, вижу темноту. Дом, хозяева спят глубоким сном. Вижу, как открывается дверь, и в комнату заходит тень. Вот она осматривается, ищет, чего бы стащить.

— Как она выглядит? — спросила женщина.

— Слишком темно и плохо видно. Судя по росту и цвету кожи, это какой-нибудь бродяга-нумидиец. Вот он берет брошь, лежащую на женском туалетном столике, и тихонько уходит. Вижу, как он, верхом на осле, едет по дороге в Карфаген. Нет сомнений, ты запросто найдешь свою брошь на воровском рынке большого города.

— Могу я еще раз поговорить с духом моего умершего ребенка? — спросила другая женщина.

Сафанбаал вздохнула, задрожала, что-то забормотала и вдруг заговорила детским голосом.

— Здравствуй, мама...

Сеанс продолжался. Сафанбаал говорила голосами нескольких людей, и те, к кому она обращалась, были уверены в том, что узнают эти голоса. На большинство вопросов она отвечала с хитроумной двусмысленностью. Потом пропели еще несколько гимнов. Ведьма произнесла небольшую проповедь о силе духов и чудесах магической науки.

— Сила духов растет, не зная преград. Я должна освободить их, пока они не успели причинить зла простым смертным. И особенно Гулголефа, ведь именно с его помощью я творю самые страшные заклинания.

Речь ее полилась бессвязно, колдунья размахивала руками. А потом закричала:

— Именем бога, имя которого нельзя произносить вслух, убирайтесь! Прочь! Прочь!

И в это время Зопирион, следуя полученным наставлениям, привязал к ноге еще одной птички обрывок веревки. Аккуратно держа птаху одной рукой, другой он поднес веревку к горящей свече. Дождавшись, когда она загорится, он отодвинул занавеску и бросил птичку к выходу из пещеры. Она сразу же расправила крылья и полетела, таща за собой объятую пламенем веревку. В полумраке пташку не было видно, казалось, будто яркое пламя летает в темноте. Участники сеанса задрожали от испуга. Птичка сделала три круга над их головами и скрылась в ночи.

— Это пролетел Гулголеф, — совершенно обыденно пояснила ведьма. — Такой тщеславный, он просто не может не устроить представления на прощание. Спокойной ночи, друзья мои. Да помогут вам боги в долгой дороге домой.

Как только посетители разошлись, Зопирион и Ахирам покинули свое укрытие. Зопирион почувствовал запоздалый приступ жалости к птичке, которой перерезали горло, так как богоподобный Пифагор запретил приносить кровавые жертвы и причинять вред животным без явной на то необходимости. Но тарентиец успокоился, вспомнив о другой птичке. Возможно, она выжила после своего феерического полета.

— Великолепно, просто великолепно! — воскликнула Сафанбаал, потряхивая чашей, в которую посетители положили свои подношения. Раздался звон монет. — Думаю, мы могли бы стать партнерами. Мы бы таких дел натворили, мои дорогие ученики!

— Ни в коем случае. У меня другие планы. Увы! — ответил Зопирион. — А теперь, с твоего разрешения, женщина, мы отправимся к себе. Думаю, мой подопечный слишком мал, чтобы в такой поздний час оставаться на ногах.

— Если замерзнешь в своей маленькой боковой пещерке... — с хохотом начала Сафанбаал. Зопирион подхватил сонного ребенка и поспешил выйти, чтобы не слышать ее слов.

На другое утро за завтраком Сафанбаал прихлопнула муху на своей грязной руке и произнесла:

— Ночью было что-то прохладно, вам так не показалось? Не говорите, что я не успела предупредить вас. Господин Зопирион, прошлой ночью мне приснился ужасный сон о тебе, именно о тебе.

— Неужели? — переспросил Зопирион. Несмотря на то, что он узнал эту женщину как шарлатана, он вздрогнул, и легкий озноб пробежал по коже. — И о чем был сон?

— Мне приснился огромный блистательный город. Вокруг него бушевала война. А потом пришел ты, высокий, как пробковый дуб, и принес огромный лук. Ты вставил в лук стрелу, длинную, как мачта корабля. К ее острию был привязан моток веревки. Еще один человек — его я видела не так ясно, но, кажется, он был в той же мере низкорослый и крепкий, в какой ты высокий и стройный — поджег его факелом. Ты выпустил стрелу. Она взлетела высоко в небо и внезапно упала на город. От пламени на ее наконечнике загорелись близлежащие дома. А вскоре и весь город был объят пламенем. Когда огонь потух, грабить было уже нечего. На месте города не осталось ничего, кроме огромного поля, покрытого серым пеплом. И только ветер носился над ним, вздымая серые облака.

— А что было дальше? — сосредоточенно спросил Зопирион.

— Вот и все. Я проснулась.

Зопирион нахмурился.

— Подобное пророчество я слышал от Сивиллы из Кум. Не могла бы ты пояснить свое предсказание?

Она наклонила голову, что у финикийцев означает резкое отрицание.

— Ты видел, как бедной одинокой женщине иной раз приходится морочить головы своим клиентам, когда духи не в состоянии показать чудеса, которых от них ждут. Но замечу: я могла бы с легкостью придумать объяснение, которое облегчило бы твою душу. На самом деле, я говорю, но я не знаю. Но этот сон испугал меня. И меня напугало, насколько он был яркий и живой.

В неловком молчании они закончили завтрак. Утром Зопирион наколот Сафанбаал дров, напоил мула и поиграл в прятки с Ахирамом.

— А сегодня ночью тоже будет сеанс? — после скудного второго завтрака спросил Зопирион.

— Нет, только через семь дней. У нас, ханаанитов, семь — священное число. Поэтому сеансы проходят с перерывом в семь ночей, когда луна полная, половина луны и новая луна.

— А мы, пифагорейцы, такое же значение придаем числу десять, — заметил Зопирион.

— Пусть так. Возможно, сегодня приплывет капитан Бостар. И если ничего не случится, он увидит мой сигнал и заберет тебя и мальчишку.

— А как мы попадем на корабль? Здесь же негде причалить!

— У меня есть небольшая лодка, я ее прячу в пещере. На ней ты и доберешься до корабля.

— А как же ты получишь ее назад?

— В лодке лежит смотанная веревка. Я буду держаться за ее конец, и когда ты благополучно заберешься на борт «Судека», я подтяну лодку обратно. Ты не первый, кто убегает подобным образом, хе-хе. Старая лодка слегка протекает, поэтому тебе придется усердно вычерпывать воду. Черпак ты найдешь внутри, так же, как и весла.

Колдунья показала юноше пещеру, и он убедился в истинности ее рассказа о лодке.

— Меня огорчает, что ты здесь ненадолго,— обратилась Сафанбаал к Зопириону, когда он вернулся.— Я могла бы раскрыть перед тобой многие тайны магии. Мои оккультные силы говорят о почти полном взаимопонимании между нами.— При взгляде на Зопириона веки колдуньи затрепетали, и она так расхохоталась, что двойной подбородок и огромная грудь заходили ходуном.— Я могла бы научить тебя и другому искусству, мой прекрасный юный господин! Я многое повидала на своем веку. Я тебе рассказывала о том, что когда-то работала танцовщицей?

— Никогда.

— Мне довелось танцевать перед многими великими людьми — суфетами Карфагена и персидским наместником Египта. Какая я тогда была гибкая и грациозная! Сейчас ненавистные годы крепко вцепились в меня когтистыми пальцами, а когда-то я была по-настоящему прекрасной. Да, просто красавицей!

— Я уверен... — начал было Зопирион, но Сафанбаал перебила его.

— Как же, наместник предлагал за меня пол-таланта¹! В то время пол-таланта были огромные деньги, не то, что сейчас. Перс был величественный и мужественный! Семи игр за ночь ему было недостаточно, чтобы утолить свою страсть. Внешне ты очень похож на него, дорогой Зопирион. Посмотрим, удастся ли тебе превзойти его по части любовных утех... Ах, если бы ты смог оказаться здесь весной, когда все вокруг расцветает! Тогда этот пыльный уголок Нового Ханаана становится просто раем. О чем

---

¹ Талант — изначально — древнегреческая мера веса, равная приблизительно 26,2 кг, а впоследствии и крупная денежная единица стоимостью в 26,2 кг серебра.

это я говорила? Ах, да, я была танцовщицей, прежде чем познала высшую мудрость. Волей-неволей мне пришлось отказаться от плотских удовольствий. Когда я танцевала перед правителем Тира, он сказал: «Клянусь всеми ваалами, ее груди прекраснее, чем полная луна...»

Сафанбаал тараторила без умолку. Зопирион был окончательно сбит с толку и не знал, верить ему или нет. «По крайней мере половина ее рассказа — просто вымысел», — подумал он и, чтобы занять ребенка, затеял с Ахиромом игру в тик-так-той. В нее можно было играть молча. Юноша надеялся, что это отвлечет мальчика от пошлого рассказа Сафанбаал.

Сафанбаал не унималась. Она неутомимо хвасталась своей прежней красотой и бахвалилась ссорами, которые возникали между мужчинами, положившими на нее глаз. Из-за неуемной болтливости, вранья, внезапных переходов от одной темы к другой, неприятного похихатывания, немислимых кокетливых подмигиваний, слоновьих попыток оболъщения, привычки повторять предложения, самолюбования и вдобавок ко всему ужасной нечистоплотности Зопирион начал считать ее самым отвратительным существом из всех людей. С другой стороны, он старался не отвечать ей грубостью, опасаясь, что она может предать.

«Наверное, некоторые из тех, кому не понравилась Сафанбаал, могли запросто перерезать ей горло и сесть на корабль, оставив ее тело на растерзание грифам», — думал Зопирион. Однако, будучи пифагорейцем, он не стал обдумывать столь кроважидные планы. К тому же, юноша не знал сигнала, по которому капитан Бостар подойдет к берегу.

Наконец, чтобы остановить поток болтовни, он предложить колдунье сыграть в «Священный путь». Сафанбаал никогда не играла в эту игру, но выразила готовность научиться. Вскоре она предложила поставить небольшие ставки. Тем не менее, она делала наиглупейшие ходы, несмотря на то, что Зопирион постоянно указывал на них и пытался научить колдунью играть лучше.

Оказавшись в проигрыше, она громко настаивала на повышении ставок и призывала компанию своих демонов на помощь.

Но, по всей видимости, у демонов был выходной. Перед Зопирионом росла кучка шекелей, драхм и мелких монет.

— Трусливый жулик! Клянусь бородой Беса, ты не оставишь мне денег даже для еды на следующий месяц! — и она со злобой оттолкнула доску. Фигурки и кости раскатились в разные стороны. — Даже если я буду кушать как птичка!

— Эй, незачем портить мою игру только потому, что проиграла! А что касается птицы, то ты, несомненно, имела в виду страуса из африканских пустынь.— Зопирион собрал фигурки и пересчитал их.— Послушай, женщина. У меня и в мыслях не было пустить тебя по миру. Я верну весь мой выигрыш, если ты отдашь мне одну из своих волшебных вещей.

— Ой, прости глупую старую женщину! Прости меня, дорогой мой, сладенький мой! — заворковала она.— Предложенного тобой вполне достаточно, тем более, что ты обещал оставить мне мула. Проси, что ты хочешь.

— Мне нужна металлическая тарелка, которую ты используешь вместо луны.

— Ай, ты шутишь! Все что угодно, только не это. Небо, сотворенное руками человека — главный источник моего дохода. Именем твоих греческих богов заклинаю тебя! Не лишай бедную старую ведьму, которая с таким почтением к тебе относится, ее средств к существованию!

— Ладно, а что еще ты мне можешь предложить? — разочарованно протянул Зопирион.

Колдунья порылась на огромной груди и достала линзу, при помощи которой она разводила огонь.

— А как насчет этого? В пути такое стекло гораздо удобнее, и в несколько раз быстрее можно развести огонь с его помощью, чем посредством кремня и огнива, уж не говоря о трении палочки о палочку.

— Но ты не останешься в такой же плачевной ситуации, как если бы отдала мне тарелку?

— Нет, у меня есть еще одно. Вот, возьми!

Зопирион доводилось слушать рассказы о таких стеклах, но видеть не приходилось. Поэтому он с радостью надел на шею шнурок, на котором висела линза.

— Моя дорогая Сафанбаал, пойду, проверю Яфа: хочу оставить его в отличной форме. Пошли, Ахирам. Мы немного покажемся на муле.

Когда на залитой лунным светом водной глади показалась массивная черная тень, Сафанбаал зажгла факел, и, встав на краю скалы, трижды подняла и опустила его. На черном силуэте корабля появился огонек, повторивший знак колдуньи. Капитан Бостар вел свой корабль к берегу. Силуэт корабля становился все

больше. Зопирион осторожно спустился по каменистому склону к воде.

— У нас есть немного времени, прежде чем он подойдет на расстояние, достаточно близкое для лодки,— произнесла Сафанбаал.— Дорогой Зопирион, неужели ты оставишь меня без — ах! — приятных воспоминаний о твоём пребывании?

— Я польщен, госпожа, но в данный момент я слишком нервничаю,— отрываясь от лодки, которую он с усилием толкал, проворчал Зопирион.

Наконец лодка скользнула в воду. Зопирион мог только надеяться, что протечка не увеличится. Он перенес в лодку свои вещи и снова забрался на скалу.

— Иди сюда, Ахирам.

Зопирион подхватил ребенка, раскачал и закинул себе на шею.

— Держись крепче!

Когда Ахирам обхватил Зопириона за шею, Сафанбаал начала бормотать мерзости о грехах, влюбленных в мальчиков. Не обращая на нее никакого внимания, Зопирион на ощупь спустился к воде, одной рукой страхуя Ахирама, а другой придерживаясь за скалу.

— Сиди здесь и ни в коем случае не вставай! — посадив мальчика на корму, предупредил он. Свой дорожный мешок он бросил в нос лодки: на него было удобно опираться спиной во время гребли. Юноша осторожно забрался в лодку, сел на банку лицом к корме достал весла и оттолкнулся от берега. Где-то далеко захохотала гиена.

— Ахирам, возьми ковш,— сказал Зопирион и показал на ковш, сделанный из кожи и дерева, что лежал у ног мальчугана.— Вычерпывай воду со дна и выливай за борт. Фу ты, да не на меня же!

Зопирион вытер рукой лицо, с которого ручьями стекала вода. Со второй попытки мальчику удалось вылить почти весь ковш за борт.

— Правильно, так держать! — наклонившись к веслам для очередного гребка, сказал Зопирион.

Легкая, но крепкая веревка, привязанная к корме лодки, вела к уступу, на котором стояла Сафанбаал. Когда Зопирион оттолкнулся от берега, колдунья стала понемногу травить веревку. Лодка опасно раскачивалась на волнах, к тому же в ней начала прибывать вода, частично через течь на дне, частично,— когда лодка черпала бортом.

— Вычерпывай, Ахирам, вычерпывай! — сказал Зопирион.

— Прощай, Сафанбаал! — разнесся над волнами крик юноши. — Да помогут тебе ханаанские боги за твою доброту!

Находясь вне пределов ее досягаемости, он позволил себе некоторую любезность. («Если только она не вздумает подтянуть к себе лодку на веревке!» — ужасная мысль пронзила юношу.) И он принялся еще быстрее грести, то и дело поглядывая через плечо на темный силуэт торгового судна.

— Мама на корабле? — вычерпывая воду, спросил Ахирам.

— Нет, мой мальчик. Нам еще предстоит долгий путь к ней.

— Мне понравилась Сафанбаал. Все ведьмы такие?

— Надеюсь, что нет. Вычерпывай, а не то мы окажемся в воде!

Несколько минут Зопирион греб, а Ахирам вычерпывал. Но каждый раз, когда общительный мальчуган начинал говорить, он забывал вычерпывать воду, и юноше приходилось то и дело покрикивать на него. Наконец, когда вода дошла до лодыжек, Зопирион вырвал черпак из рук мальчика. Несколько быстрых движений, и уровень воды в лодке вернулся к менее опасной отметке, но все это время она вздрагивала и раскачивалась.

Зопирион с предупреждением вернул черпак Ахираму.

— Что бы ни случилось, вычерпывай, сынок!

— Но я устал вычерпывать!

— Нам неоткуда ждать помощи. В противном случае придется проделать остаток пути вплавь.

— Но я просто засыпаю!

— Тебе нельзя спать, ведь я не могу вычерпывать и грести одновременно! Проснись!

Вода в лодке прибывала. Чем выше поднимался уровень воды, тем медленнее лодка двигалась вперед. Пораскинув мозгами, Зопирион нашел способ не дать Ахираму заснуть.

— Давай поиграем. Представим, что мы позабыли финикийский язык и можем говорить только по-гречески. И как бы ты сказал мне «я хочу спать»?

— *Eimai — eimai hypnodes.*

— Отлично. А теперь вычерпывай. Быстрее!

Несмотря на все усилия юноши удержать Ахирама за работой, вода прибывала. И снова Зопириону пришлось бросить весла и начать вычерпывать. К моменту, когда в лодке осталось воды в палец глубиной, Ахирам уже спал мертвым сном. Дальше начался просто ночной кошмар. Зопирион делал несколько мощных гребков веслами, чтобы хоть немного продвинуть тяжелую, переполненную водой лодку, а потом начинал судорожно вычерпывать.

Потом снова греб. Казалось, что от раза к разу вода прибывает все быстрее, а конца пути не было видно...

Наконец они подплыли к кораблю. Зопириону пришлось встать в углой лодченке с риском опрокинуть ее. Свободной рукой он передал Ахирама в протянутые руки одного из матросов, забросил на палубу промокший мешок и сам забрался по веревочному трапу. Полузатопленная лодка неуклюже поползла к берегу: это Сафанбаал тянула за веревку.

На залитой лунным светом палубе перед Зопирионом появился силуэт крепкого мужчины. Он поклонился и обратился к юноше по-гречески с финикийским акцентом.

— Возрадуйся, господин Зопирион! Я — Бостар, капитан «Судека» и твой покорный слуга. Чем могу помочь тебе?

— Будь в добром здравии! — ответил на том же языке Зопирион. — Нужно уложить мальчика...

— Слушаю и повинуюсь! Но мне кажется, что он уже нашел себе место, — сказал капитан. Ахирам заснул прямо на палубе, свернувшись калачиком и положив под голову руку. Подчиняясь приказам капитана, матросы принялись поднимать парус, и вскоре корабль повернулся носом на восток. Зопирион завернул мальчугана в одеяло и перенес в более спокойное место, а сам отправился вслед за капитаном в его каюту, расположенную на корме. Несмотря на то, что она была больше каюты на «Муттумалейне», Зопириону пришлось нагнуться, чтобы войти в крошечное помещение. Почти все место в каюте занимали кресло, стул, небольшой трехногий стол да койка капитана.

Они уселись за столиком друг напротив друга. Над столом, подвешенная к потолку, стояла маленькая бронзовая лампа. Она слегка покачивалась в такт движениям корабля. В тусклом желтоватом свете лампы юноша смог разглядеть капитана Бостара. Перед ним сидел мужчина среднего роста и крепкого телосложения с огромной кудрявой черной бородой. Помимо обычных колец на пальцах и в ушах он носил на шее дорогое на вид ожерелье из амулетов, перемежающихся полудрагоценными камнями. На голове у него была надета высокая шляпа цилиндрической формы, обернутая шарфом наподобие тюрбана. Из-под тюрбана смотрели внимательные черные глаза с мешковатыми веками. Между ними выразительно торчал огромный мясистый нос.

— Не хочет ли господин отведать капельку никудышного библского вина? — наполняя чашу из небольшого кувшинчика, предложил Бостар.

— Спасибо. Мне кажется, у тебя превосходный корабль,— заметил Зопирион.

— Ты добр. Да услышат боги Эллады твою учтивость! Кстати,— капитан внезапно перешел на финикийский,— ты не говоришь по-ханаански?

— Нет, совсем не говорю,— ответил Зопирион. Юноша прекрасно запомнил предупреждение Инвита. Бостара нельзя было отнести к числу заслуживающих доверия капитанов. К тому же вызывала беспокойство обескураживающая вежливость.— Часто ли ты ведешь дела с ведьмой?

Бостар вздрогнул и воздел руки.

— Когда занимаешься торговлей, приходится иметь дело с множеством людей из разных стран. И как бы иначе я смог узнать о выгодных делах раньше моих конкурентов? А сколько времени ты провел в Новой Финикии?

— Не так долго, сколько хотелось.— Продолжалась игра в уловки.— Карфаген произвел на меня удивительное впечатление. Это твой последний рейс в сезоне?

— Все зависит от воли богов, занимающихся делами погоды...

Продолжение разговора было лишь скучным повторением любезностей. Зопирион допил вино, извинился и вышел на палубу. Завернувшись в плащ и положив под голову дорожную сумку, он прилег в укромном уголке рядом с ребенком и сразу же погрузился в беспокойный сон, в который вплетались мягкое покачивание корабля, стоны и скрип деревянной обшивки, песни ветра в снастях и ритмичные всплески воды, когда корабль разрезал носом волны.

Солнце было уже высоко, когда Зопириона разбудили громкие голоса. Собравшись в группу, капитан, его помощник и два матроса громко спорили по-финикийски. Когда юноша открыл глаза и увидел, что они наблюдают за ним, до него долетел обрывок фразы:

— ...я же предупреждал: говорите тише, а теперь он проснулся!

«Так,— подумал Зопирион.— Это уже интересно». Он зевнул, потянулся и, поприветствовав их, сделал вид, что снова заснул.

— Ничего не случилось,— сказал голос Бостара.— Он не понимает по-финикийски.

— Зато мальчик понимает! — сказал другой.

— Мальчик ушел на корму, там ничего не слышно,— Зопирион узнал голос помощника.

— Еще не поздно напасть на него...

— Нет. У него под одеждой спрятан меч,— снова прозвучал голос Бостара.— Он крупный, сильный мужчина, и к тому же далеко не дурак. В моей каюте он увернулся от всех ловушек. Легко, как по маслу! Если мы не схватим его с первой же попытки, то, клянусь железной реей Мелькарта, он успеет отрубить голову или руку, по крайней мере, одному из нас прежде, чем мы его обезоружим. Лучше вечером.

— Когда он вечером заснет, мы свяжем его и мальчишку, заткнем им кляпами рот и спрячем в трюме. А не то они начнут звать на помощь прежде, чем мы зайдем в Акрагант.

— Хорошенько накормите его и напоите вином. Тогда он завалится спать днем.

— Ай, чем скорее мы его свяжем, тем лучше,— вставил другой.— Интересно, сколько за него можно будет выручить в Тире?

Бостар:

— С его умом и образованием он потянет по меньшей мере на восемь-десять фунтов серебра. За мальчонку можно выручить половину после того, как его оскопят.

— А не возникнут ли у нас в результате такого расклада трудности с Инвом?

— Содомит Инв? Я не стану отказываться от дара богов, плывущего мне в руки, ради какого-то лживого агента по выкупам во Внутреннем море...

Группа заговорщиков отошла чуть в сторону, и дальше уже было невозможно что-либо разобрать. Зопирион сделал вид, что проснулся и встал. Его трясло от ярости и ужаса, хотя он и пытался скрыть свои чувства, с каменным лицом глядя на гладь моря. Неужели они задумали продать его вместе с мальчиком в рабство к персам, причем подопечного Зопириона — в качестве евнуха? Нужно срочно что-нибудь предпринять.

Некоторое время юноша стоял у перил, не в состоянии даже думать от раздражающей его ярости. Но мало-помалу его ум прояснился. Зопириону здорово повезло, что он проснулся и встал вовремя, напугав разбойников. Еще несколько ударов сердца, и они бы так раззадорили друг друга, что, не дожидаясь вечера, бросились бы на юношу...

Грязные, вероломные, сжигающие детей и стяжающие деньги финикийские свиньи! Никогда в жизни не станет он доверять ни одному из них!

Он осадил сам себя. Не гоже пифагорейцу думать таким образом. Пифагор подчеркивал, что наличие зла или отсутствие

такового является индивидуальной чертой каждого отдельно взятого человека, но не народа в целом. Один из его самых близких друзей был варваром из Скифии, другой — фракийцем. Зопирион пришел к выводу, что среди ханаанцев, как и среди любого другого народа, бывают и плохие, и хорошие, и равнодушные люди. В данный момент его главной задачей было ускользнуть от плохих финикийцев: в этой партии все зависит от его броска игральных костей.

Пока есть время, нужно найти путь к спасению. Что произойдет, если он просто выхватит меч, готовый уничтожить каждого, кто осмелится подойти поближе? Ему удастся отправить на тот свет нескольких человек, но остальные, вооружившись ножами, веслами и баграми запросто скрутят его. Плюс ко всему, у Бостара наверняка где-то спрятан целый арсенал на случай защиты от возможного нападения пиратов. Даже если ему удастся продержаться достаточно долго, слишком велика вероятность того, что они убьют или свяжут его. Но даже в том случае, если он справится со всеми разбойниками, вряд ли он сумеет справиться с управлением судна — корабль слишком велик для одиночки, тем более не моряка...

— Господин Зопирион! — обратился к нему Ахирам. — Та штука, что дала тебе ведьма...

Юноша спокойно ответил ему по-гречески, медленно и четко произнося слова.

— Ты забыл, Ахирам, я не понимаю по-финикийски.

— Ох, — нахмурился мальчик и начал медленно подбирать слова. — Та... Та штука... которая делает огонь... ты знаешь...

— Ты хочешь посмотреть, как разжигают огонь? Тогда принеси мне несколько клочков пакли и трут.

Через некоторое время мальчуган притащил пригоршню соломы. Зопирион разложил ее на корме, ярко освещенной солнечным светом недалеко от фальшборта. Чтобы представление получилось более впечатляющим, он начал водить вокруг линзы свободной рукой и забормотал заклинание, которое он подслушал у Сафанбаал.

Вас призываю на помощь, создания пламени!..

Над соломой начал подниматься легкий дымок, и ветер тут же сдувал его. Солнце загородила чья-то тень. Зопирион поднял глаза и тут же убедился, что за его действиями внимательно наблюдают помощник капитана и два матроса. Расталкивая их плечами, с громкими криками к юноше подскочил капитан.

— Что ты делаешь, господин Зопирион? Ты что, хочешь поджечь мой корабль? Перестань сейчас же!

Капитан резко оттолкнул юношу, наступил на дымящийся трут и с силой пнул пучок соломы, который тут же унесло ветром.

— Я просто показывал мальчугану магический кристалл,— слабо улыбнулся в ответ Зопирион.— Моя вина, что я не подумал о рискованности этого предприятия.

— Ладно, ладно. Ничего страшного не случилось,— молю тебя, о господин, позабудь о моей грубости! Как капитана, меня больше всего беспокоит сохранность судна.— Елейно улыбаясь и сложив руки, Бостар поклонился.— Я могу надеяться, что ты простил меня? Я всего лишь бедный грубый моряк, и не привык иметь дело с подобным тебе высокочтимым господином. Прошу тебя оказать мне честь и разделить со мной утреннюю трапезу.

Маленький стол был сервирован на двоих. На тарелку Зопириона положили столько еды, что ей можно было до отвала накормить двоих. Юноша клал в рот пищу небольшими кусочками. Прежде, чем проглотить, осторожно перекачивал во рту языком. Он боялся, как бы ему не подмешали какого-нибудь снадобья.

Окончив трапезу, Зопирион вышел на палубу. Он смотрел на море и играл с Ахирамом, постоянно ощущая на себе косые взгляды матросов. Они так надеялись, что он ляжет спать, но их ждало горькое разочарование.

— Когда мы прибудем в Акрагант? — однажды во время такого томительного, хмурого дня обратился он к помощнику капитана.

— Если продержится ветер, то еще до рассвета. Мы рискуем попасть в туман, и тогда будет сложно определить направление. И если порывистый ветер еще и начнет менять направление, то вместо Ливии или Сардинии можно запросто причалить на Сицилии.

— Подобно Семиону, который отплыл в Египет, но закончил плавание у Геркулесовых Столбов.

— Могу понять, когда такую ошибку совершает эллинский капитан,— ответил помощник,— но вряд ли ханаанский моряк способен отклониться от курса на такое большое расстояние.

— Я не сомневаюсь, что ты знаток в навигации.

Вскоре после полудня капитан пригласил Зопириона пообедать с ним. Обед мало чем отличался от завтрака, и капитан все

также гостеприимно уговаривал юношу буквально объесться и чрезмерно выпить. Когда обед подошел к концу, Зопирион обратился к капитану.

— Капитан, ты играешь в «Священный путь»?

— Немного, мой господин. У тебя эта игра с собой?

— Да. Может быть, сыграем, когда стемнеет?

— Мне приятно все, что доставит тебе радость, мой господин.

Когда на небе показались звезды, Зопирион направился в каюту капитана. В одной руке он держал игру, а другой держал за руку Ахирама.

— Капитан, если ты не возражаешь, я положу мальчонку спать прямо здесь, в каюте, на полу. Так я смогу приглядывать за ним во время игры.

— Слушаю и повинуюсь! — с самодовольной ухмылкой на лице поклонился капитан. — Положи юнца на мою койку.

Вечер продолжался. Кон следовал за коном, желтая лампа над столом раскачивалась в такт движениям лодки. Время от времени в дверях каюты показывались то помощник капитана, то один из матросов, обмениваясь с капитаном многозначительными взглядами.

Наконец Зопирион решил, что пришло время действовать. Он бросил кости, сделал ход и внезапно поднялся во весь рост, ударившись макушкой о потолок.

— Ой! — схватившись за голову, взвыл он.

— Ты не ушибся, о высокородный господин? — спросил Бостар.

— Нет, только небольшая шишка. Я получил ее по собственной глупости. Делай ход, а я взгляну на мальчика.

Слегка нагнувшись, он с бьющимся сердцем встал за спиной у Бостара. Капитан бросил кости. Зопирион бесшумно запустил руку под тунуку и нащупал рукоять меча. С быстротой молнии он повернулся, выхватил меч и резко выбросив вперед левую руку схватил Бостара за бороду. Рывком приподняв ее, он приставил острие меча к горлу капитана.

— Стой спокойно! — прошептал он по-финикийски. — Одно движение, и твоя голова с плеч!

— Что, что? Откуда эта ярость? — прошептал Бостар, судорожно сжимая подлокотники кресла.

— Ты все прекрасно знаешь. Позови помощника. Говорю тебе, зови немедленно! — И Зопирион слегка нажал на меч, приставленный к горлу капитана.

— Молю тебя, не так резко! Ты же поранил меня! У меня кровь потекла!

Зопирион наклонился к нему и увидел, что он и впрямь сделал широкий надрез на шее Бостара.

— Ну, так что, позовешь помощника?

— Милко,— хрипло позвал капитан.

— Да? — просунул голову в дверь помощник. Тут же сообразив, что происходит, он сделал шаг вперед.

— Назад, или я перережу капитану горло! — закричал Зопирион.

— И он это делает! — дрожащим жалобным голосом произнес капитан.

Из-за плеча помощника показались лица матросов.

— Я как раз пытался объяснить вашему капитану, что не нужно продавать меня в Тире. Так что, как и договаривались, плывем в Акрагант.

— Ты же говорил, что он не понимает по-ханаански! — осуждающе произнес Милко.

— Откуда же мне было знать? Подлый грек надул меня! — сказал капитан и добавил, глядя на Зопириона: — Ты надул нас, безбожный негодяй!

Зопирион усмехнулся.

— Да, конечно, я жуткий тип, обвел вокруг пальца банду собственных похитителей. Но у нас есть договоренность. Милко, принеси-ка мне ну, скажем, футов пятнадцать веревки для фитилей. Да побыстрее! — и он чуть сильнее прижал острие меча к горлу капитана.

— Делай, что говорит! — завыл Бостар.

Принесли веревку.

— А теперь убирайтесь на палубу, да не приближайтесь к каюте. Если будет хоть одна попытка проникнуть сюда, будьте уверены, первым расстанется с жизнью ваш капитан. Идите!

Повинуясь Зопириону, Бостар выпрямил перед собой руки, кулак к кулаку. Держа в зубах конец веревки и манипулируя свободной рукой, он несколько раз обернул веревкой запястья капитана. После чего юноше пришлось пойти на риск: воткнув острие ножа в стену каюты, он обеими руками завязал крепкие узлы. Пропустив веревку под сиденьем кресла, Зопирион привязал к ножкам кресла лодыжки капитана и обошел вокруг, проверяя крепость узлов.

— Милко! — снова приставив меч к горлу капитана, позвал Зопирион.

— Да, господин? — появившись в дверном проеме, помощник капитана замолчал на полуслове.

— Не забудь, мы идем в Акрагант. Ты хорошо запомнил, что должен привести корабль в город до рассвета? Имей в виду: если взойдет солнце, а на горизонте не появится Сицилия... — юноша указал на Бостара и резко провел пальцем у горла. — Имей в виду.

Прежде чем помощник капитана успел сделать шаг в сторону двери, как в ситуацию вмешался случай. От громкого шума проснулся Ахирам, сел на кровати, протер глаза, встал и направился к выходу из каюты.

— Вернись, Ахирам! — только и успел крикнуть Зопирион, но было поздно. С быстротой броска змеи, Милко схватил мальчика за руку и приставил свой кинжал к его горлу.

Узкое лицо помощника капитана расплылось в улыбке.

— А теперь, дорогой господин, тебе придется отпустить нашего капитана, а не то я сделаю с твоим подопечным то же самое.

Зопирион молча ругал себя за глупость. Несколько ударов сердца юноша и помощник капитана следили друг за другом из-за спин своих заложников.

— Но, господин Зопирион, мне надо было *выйти!* — захныкал Ахирам.

Зопирион собрался с мыслями. Он подумал, не удастся ли ему вернуть потерянное преимущество, начав потихоньку отрезать голову Бостару. Но тут к нему неожиданно пришла идея. Порывшись левой рукой под туникой, он достал увеличительное стекло, которое висело на шнурке у него на шее.

— А об этом ты помнишь?

На помощника капитана линза не произвела никакого впечатления.

— А... Магический кристалл, при помощи которого ты утром разжигал костер...

— Ты, наверное, полагаешь, что даже в том случае, если я зарежу твоего капитана, а ты убьешь парнишку, преимущество тем не менее окажется на стороне вас, матросов, и вы выберетесь из этой передраги, сохранив свои шкуры. Но у меня для вас плохие известия. Будьте уверены: при помощи вот этой крошечной штучки я найду способ погубить вас всех до одного, — со злоеющей улыбкой на губах сказал с Зопирион.

— И каким образом? — с тревогой в голосе поинтересовался помощник капитана. Стоящие за его спиной матросы обменялись тревожными взглядами.

Ахирам громко заплакал.

— Прожгу дыру в днище корабля. Вы сможете преодолеть вплавь до берега пол-Внутреннего моря?

— Я вообще не умею плавать,— пробормотал один из матросов.

— Но ведь ты тоже погибнешь! — вскричал Милко.— Я тебе не верю! Ты блефуешь!

— Неужели? Я не боюсь смерти. Пифагорейская философия учит, что после смерти меня ждет возрождение в другом теле и новая жизнь. А пока начну творить заклинание.

Держа линзу таким образом, чтобы ее ось была сориентирована вертикально, он начал медленно завывать:

Вас призываю на помощь, создания пламени!
О Гулголеф, Шерабарим!

— Вам не кажется, что запахло горелым? — громким шепотом спросил один из матросов.

— Остановите его! Отпустите мальчика! — вскричал капитан Бостар! — Смерти я не боюсь не больше, чем большинство людей, но я не вынесу разрушения собственного корабля! Это не стоит тех денег, которые мы могли бы за них выручить.

О белая ламия!

Из бездны полночной извечной предстаньте пред нами...

— Остановись! Отпусти ребенка! Я приказываю! — взревел Бостар.

Милко неохотно ослабил хватку, и заливающийся слезами Ахирам поспешно бросился к Зопириону и крепко прижался к его ноге.

— А теперь потрудись взять курс на Акрагант. И не делай больше глупостей. А ты, Ахирам, держись у меня за спиной. Если тебе нужно пописать, сходи в уголок.

Ушли помощник капитана и матросы. Зопирион так и остался стоять за спиной у Бостара. Он убрал меч от горла капитана, но на всякий случай держал его наготове. Капитан задрал голову и попытался взглянуть через плечо.

— Ха, ха. Ты лучший в мире хитрец, о господин Зопирион! — с притворной доброжелательностью в голосе обратился он к юноше.— Клянусь богами, ты еще более отчаянный плут, чем я! Очень жаль, что нам приходится ссориться, тогда как вместе мы могли бы творить великие дела! Почему бы тебе не присоединиться к нам? Не имеет значения то, что ты не моряк. У тебя будет опытный помощник! Ты станешь моим человеком на берегу, будешь организо-

вывать похищения, заниматься выкупом, незаконными грузами и прочими деликатными вещами. Со временем, когда овладеешь навыками моряка, ты сможешь завести собственный корабль.

— Нет, это не для меня,— ответил Зопирион.

— Но подумай о жизни, полной приключений и прекрасных доходах! Я знаю, где лежит затонувший корабль с сокровищами...

Бостар говорил несколько часов подряд. Он подлизывался, угрожал, его посулы становились все более фантастическими. Только бы Зопирион убрал подальше свой меч и развязал его! А юноша все время подливал масла в огонь, подвигая капитана не останавливаться и продолжать говорить: так ему было легче переносить бессонную ночь.

Наконец дверной проем озарили первые лучи солнца. Позевывая, Зопирион подошел к свернувшемуся калачиком Ахираму, и, тряхнув за плечо, разбудил его.

— Подойди к двери и высунь голову. Но гляди в оба, чтобы тебя не схватили. Посмотри, видна ли земля.

Ахирам принес известие, что впереди виден порт, а спустя час появился Милко.

— Подходим к Акраганту,— сообщил он.

— Отлично,— ответил юноша, зевнул и потянулся.— Сообщи мне, когда подойдем к гавани.

Спустя некоторое время помощник снова пришел с известием.

— Гавань переполнена, господин Зопирион. Нам придется встать там на якорь.

— Подгони корабль к одному из пришвартованных судов!

— Но краска на корпусе! Ты ее поцарапаешь, если вообще не сломаешь борт при столкновении! — взмолился капитан

Зопирион приставил меч к его горлу.

— Делай, как тебе говорят, Милко! — взревел капитан от прикосновения стали.— Но если ты, господин, испортишь мой корабль, я... я...

— Ты письменно сообщишь мне свои жалобы по адресу: Служба архонта Дионисия, Сиракузы, Сицилия.

Корабль медленно заходил в гавань, расположенную в устье реки Акрагант. Вместо шума волн и завываний ветра в воздухе разносились звуки работы гавани, человеческие голоса, крики ослов и мулов. Зопирион нагнулся и перерезал веревки, которыми был привязан Бостар.

— Вставай! — скомандовал он.

Со связанными за спиной руками и приставленным к горлу острием меча капитан Бостар направился — правда, слегка прихрамывая после долгого сидения привязанным на стуле, — к выходу из каюты. Зопирион и Ахирам шли почти вплотную к нему. Высоко над гаванью на расстоянии около пятнадцати форлонгов лежали руины величественных храмов Акраганта, семь лет назад разрушенных карфагенянами. В утренних лучах они светились подобно светлой золоченой короне на вершине высокого холма. Помощник капитана и матросы, будто стая волков, сделали шаг вперед.

— Назад! Подгоните корабль вон туда! — крикнул Зопирион, сопровождая слова решительным движением меча и указывая место.

Милко встал вместо одного из матросов к штурвалу и, подавая команды, медленно повел корабль к пришвартованным у причала торговым судам. Матросы постепенно убрали парус, оставив свободной лишь небольшую часть для поддержания неспешного хода корабля. Двое хмуро взяли за весла.

Увидев, что «Судек» направляется прямо к его кораблю, капитан одного из торговых судов бросился к борту.

— Убирайтесь отсюда, пожирающие дерьмо расхитители гробниц! Только прикоснитесь к моему кораблю, и, клянусь Гераклом, у вас начнутся трудности с законом!

Двое из его матросов с баграми в руках встали у борта.

— Подходите! — скомандовал Зопирион.

Когда корабль приблизился на расстояние меньше двух локтей, разъяренный греческий капитан приплясывал от гнева и размахивал над головой кулаками.

— Эй, ты! Да, ты, косою! Перебрось мой мешок на корабль, и да поможет тебе Ваал Хаммон, если он упадет за борт! — крикнул Зопирион финикийскому матросу.

Тот поднял мешок и бросил его на палубу соседнего корабля. Греческие матросы стояли у борта с баграми наготове, чтобы избежать столкновения. Два финикийских матроса упирались веслами в борт греческого судна, помогая им держать дистанцию.

— Ахирам! Подойди к борту! — сказал Зопирион.

— Я боюсь того злобного человека на другом корабле....

— Не бери в голову! Иди, или Зопирион тебя отшлепает.

Мальчик подошел. Зопирион развернул Бостара и с силой швырнул его в гущу его собственной команды. Перебросив меч через щель между судами, он обеими руками приподнял Ахирама и со всей силы перекинул ребенка на соседний корабль.

Как только Зопирион оказался безоружным, матросы Бостара набросились на него. На мгновение опередив их, юноша вскочил на перила палубы «Судека» и одним длинным прыжком перескочил на борт греческого судна, неловко покачнувшись и упав, неуклюже распростершись на палубе.

Не успел юноша подняться, как греческий капитан наступил на лежащий посреди палубы меч. С «Судека» донеслись команды. Матросы встали по своим местам, оттолкнулись веслами от греческого судна, и финикийский корабль начал отодвигаться.

— Именем всех собак, что происходит? — закричал греческий капитан.— Что вы за бродяги, если прыгнули подобно морским демонам на палубу моего корабля?

— Просто парочка добрых эллинов, сбжавших из финикийского рабства,— ответил Зопирион.— Меня зовут Зопирион из Тарента, в настоящее время живу в Сиракузах.

— О, так вы эллины! Это меняет дело,— воскликнул капитан.

— Эй, вы, там! Бросьте якорь, чтобы портовый служащий мог подняться к вам на борт! — Сложив руки рупором, он закричал вслед финикийскому кораблю.

Но экипаж «Судека», изо всех сил налегая на весла, не обратил на его слова никакого внимания. Греческий капитан повернулся к Зопириону.

— Не отправить ли в тюрьму этих жуликов?

«Судек» уже подходил к выходу из гавани. Матросы шноровисто повернули рею и подняли парус. Подхватив утренний бриз, корабль резво вышел в открытое море.

— Да пусть идут. Этих разбойников будет нелегко поймать и еще труднее призвать к ответу. К тому же у меня есть неотложные дела. Я выбрался из переделки, и это обошлось мне в комплект игры и бессонную ночь. Если хорошенько поразмыслить, я провел ее недурно.

ОРТИГИЯ

С запада налетел первый осенний шторм с проливными дождями. Капитаны начали готовиться к зиме, вытаскивая корабли на берег. По этой причине Зопирион не сумел найти корабль, отплывающий в Сиракузы. Тем не менее, ему удалось нанять в Акраганте повозку. Пришлось нанять и возницу, чтобы он смог отвезти ее назад.

Путешествие длилось четыре дня — гораздо дольше, чем по морю. Оно оказалось более дорогим и менее комфортабельным.

Дорога представляла из себя две колеи от обычных сицилийских повозок, выложенные камнем или высеченные в скалах в местах, где она шла по гористой местности. Там, где дорогу давно не ремонтировали — а это было практически повсеместно, — повозка то и дело насакакивала на камни и корни деревьев или проваливалась в ямы. Вдали от больших городов долгие участки пути шли по целинным землям. Здесь редко где можно было встретить следы обитания человека, за исключением редких крестьянских хижин, построенных из камня, веток и глины.

Зопирион как мог устроился на узком сиденье за спиной у возницы. Ахирам не доставал ногами до пола, и большую часть пути юноше пришлось держать на ребенка на коленях, а тот то и дело начинал капризничать. С ног до головы путешественники были покрыты толстым слоем пыли, а с неба их то и дело поливало осенним дождиком. Ночевать приходилось в засиженных клопами хибарах, так называемых гостиницах, и юноша засыпал с ребенком на руках.

Принимая во внимание события, произошедшие с момента похищения мальчика из тихого зажиточного дома, Ахирам показал себя отличным путешественником. В дороге Зопирион развлекал мальчугана рассказами о богах и героях, а тот выказывал непосредственный интерес ко всему новому, что встречалось на пути и задавал бесконечные вопросы о маме.

У реки Хиблай они повернули на юго-восток. Дорога вела к Акрам. Зопирион сделал замечание о красоте гор Геры, сменивших выжженный коричневым цвет на зимний зеленый, чем вызвал неодобрительный взгляд возницы.

— Для вас они, может быть, и прекрасны, — заметил тот. — Франты вроде вас восхищаются красотой гор и предаются размышлениям о нимфах и сатирах, которые только и делают, что устраивают оргии в кустах! И вы говорите: «Прелестно!» У меня же от одного взгляда на лес не выходят из головы мысли о кровожадных разбойниках, поджидающих путников в засаде, и только и ждущих момента, чтобы наброситься и выпустить нам кишки. Нет, господин, не думаю, что в лесах есть хоть что-то хорошее.

Они прибыли в Сиракузы, когда день перевалил за полдень. Зопирион расплатился с возницей и оставил Ахирама у своей домохозяйки.

— Только взгляни на этого мышонка! Чумазый с головы до ног! Ты чудовище,— набросилась она на юношу.

— Ну, так отмой ребенка и купи ему новую рубашку, дорогая Рода. Вот деньги,— ответил Зопирион.

Удостоверившись, что с Ахиромом все в порядке, юноша отправился в Арсенал. У входа в здание он столкнулся с Алекситом из Велии и небрежно помахал ему рукой. И почти сразу на юношу налетел Архит и бросился его обнимать.

— Когда ты не вернулся вместе с Сеговаком и Инвом, я уже был готов оплакивать тебя. Они так ничего и не рассказали мне. А что с тобой случилось?

— Ничего особенного, так, небольшое похищение.

— Малыша Коринны?

— Да.

— О боги! Да ты просто лиса, которая пролезет сквозь игольное ушко!

— Можно и так сказать. А на обратном пути нас с ним чуть было самих не украли и не продали в рабство.

— Клянусь всеми собаками Египта, расскажи!

— Это слишком долгая история. Я подробно расскажу тебе вечером.

— Не получится. Хозяин устраивает очередной праздник для жителей окраин острова. Нас он пригласил как образованных граждан. Несомненно, Дионисий хочет показать людям, что среди его окружения встречаются не только лазутчики и головорезы.

— По крайней мере, хоть наедемся с дороги...

— Как ты умудрился так легкомысленно поприветствовать Алексита? Ох, я понял! Ты же еще не знаешь, что он теперь твой новый начальник!

— Что?

— Да. Дионисий пришел к выводу, что Арсенал слишком велик, и одного Драконта маловато, чтобы управлять им. Теперь у него есть двое заместителей. Алексит отвечает за исследовательские бригады, а Пирр за производство.

— О Зевс, Аполлон и Деметра! Ничего себе, какой прекрасный сюрприз ждал меня по возвращении домой! Уверен, что с одной попытки угадаю, как получил Алексит эту работу.

Архит ответил коротким смешком.

— Да падет в трехкратном размере зло на голову злодея! Всем известно, что он любовник Драконта, и ни у кого не вызывает сомнений, что именно он предложил Дионисию его кан-

дидатуру. Теперь Алексит думает, что бог сидит у него между ног. Но Дионисий достаточно прозорлив. Если Алексит справится с работой, то вряд ли будет иметь значение, насколько тебе или мне ненавистно находиться в его тени. А если нет, то вылетит отсюда независимо от его влияния на Драконта или еще кого-нибудь.

— И ты уже имел с ним дело?

— У нас уже было несколько стычек. Он пытается задеть меня. Я достаточно убедительно смеюсь в ответ. Однако мне это совсем не нравится.

Зловещая мысль мелькнула в голове у Зопириона.

— А как продвигается мой проект? — он оглянулся, стараясь отыскать глазами в огромном арсенале место, где должны были доделать его модель катапульти.

— Думаю, тебе не понравится. Пойдем.

В дальнем углу арсенала Зопирион обнаружил детали своей модели среди груды весел и корабельного бруса.

— После твоего отъезда из Карфагена работы прекратили. Алексит заявил, что у него есть срочная работа для твоих плотников и отправил их на другие объекты. Я пытался довести состояние дел до сведения Филиста, но — Зопирион! Успокойся! Пифагореец не должен в гневе принимать решения!

Зопирион стоял с горящими глазами, закусив губы и сжав кулаки.

— Клянусь двенадцатью позами Кирены, они заплатят за все, а особенно грязный содомит с лицом младенца... — очень тихо сказал Зопирион.

— Подожди! Успокойся! Дорогой Зопирион, подумай: хоть одним пальцем тронув Алексита, ты тут же оказываешься в дураках! Все твои брачные планы тут же рухнут!

— Я доберусь до мошенника, кнут по нему плачет! И мне плевать, что со мной сделает Дионисий! — И, глядя прямо перед собой, Зопирион бросился к двери, у которой недавно столкнулся с Алекситом.

Но того нигде не было. Зопирион узнал лишь то, что новый помощник начальника Арсенала отправился домой для подготовки к вечернему приему.

— Давай и мы пойдем домой и тоже намоемся, — с явным облегчением предложил Архит.

Они вернулись на остров, когда начало смеркаться. В здании магистрата собрался почти весь цвет Сиракуз. Вокруг них царила

атмосфера почтительности, все с любопытством оглядывались. Среди них были и несколько мастеров Дионисия.

Ближайшее окружение тирана притутствовало в полном составе. Были и доверенные лица вроде Филиста, жившие на острове и делившие с Дионисием трапезы. Жители Сиракуз за глаза называли их подхалимами или *парапитами*. На самом же деле Дионисий не давал им ни минуты покоя, они постоянно выполняли разнообразные поручения тирана, занимали исполнительные должности в правительстве, разъезжали по посольствам и совали свои носы в дела простых сиракузян, у которых не было времени для безделья. В сборище подхалимов входил тонкий и гибкий поэт, и некий тип со шрамом на лице — по всей видимости, принадлежащий к преступному миру одного из крупных греческих городов, и коренастый человек, по всей видимости — крестьянин по имени Лифодем, которого таскали как мишень для разнообразных шуточек. Рядом с Дионисием стоял его брат Лептиний — наварх¹ сиракузского флота.

Люди из ближайшего окружения Дионисия разговаривали громко и самоуверенно. Обычные же жители Сиракуз, напротив, говорили, намеренно понижая голос, будто чего-то опасаясь, и, прежде чем сказать хоть слово, оглядывались вокруг. Среди них свободно расхаживал тиран. Его статная фигура заметно возвышалась над толпой. За ним шло только два телохранителя. Сама любезность, он чокался чашами вина с пришедшими на праздник людьми, задавал вопросы об их семьях и жизни в городе.

Зопирион, глядя на проходящего мимо Дионисия, подумал, что в его облике было что-то странное: он держался необычайно прямо и выглядел слишком тучным. Неужели он успел так потолстеть за время недолгого отсутствия юноши? Загадка разрешилась сама собой, когда один из гостей, получив сильный шлепок по спине, в ответ игриво ударил тирана по груди. К удивлению гостей, раздался тихий звон металла, и Зопирион сразу же догадался, что под мантией у Дионисия была надета новая железная кираса.

Наконец юноша заметил Алексита. Тот стоял посреди небольшой компании. На нем была изумительная голубая туника с вышитыми на груди золотыми дельфинами. Длинные светлые волосы украшала лента в тон туники. Кораблестроитель что-то рассказывал, сопровождая повествование изящными, неторопливыми жестами. Во всем его облике сквозило чрезвычайное высокомерие.

Наварх — командующий флотом.

Зопирион, оставив чашу с вином, направился к Алекситу. Вслед за ним, успев схватить юношу за блузу, бросился Архит.

— Зопирион! Не горячись! Подумай сначала! — громким шепотом пытался он уговорить друга.

— Не волнуйся, старик! Я продумал тактику.

Он подошел к Алекситу с выражением — он надеялся, что это было именно так — такого же чрезвычайного высокомерия, какое было написано на лице у велийца.

— Возрадуйся, Алексит! — произнес он и поднял чашу. — Прими мои поздравления с продвижением по службе!

— Спасибо, мой дорогой Зопирион. У великого архонта просто нюх на сведующих компетентных людей! Какое впечатление на тебя произвела Африка?

— Очень пыльно. А как продвигается строительство твоих кораблей?

Алексит оживился.

— Приступили к изготовлению килей. Заходи как-нибудь на верфь, увидишь своими глазами. Очевидно, что это просто прорыв в кораблестроении нашего века! Никому, кроме меня, не удалось достичь подобного результата. Клянусь Праматерью всех богов, мое имя прозвучит от Аминокла до Коринфа — имя изобретателя триремы!

— Как ты их назовешь?

— Четвертую — «Аретуза», а пятую — «Сиракуза».

— Прекрасно, Алексит. Я так же отношусь к своим катапультам. Однако, когда я сегодня в полдень зашел в Арсенал, то обнаружил, что за все время моего отсутствия работа не продвинулась ни на йоту.

— Неужели?

— Да. Как новый руководитель исследовательских бригад ты должен был быть в курсе.

— Конечно, я знал. Наши исследовательские проекты требуют все больше рабочих рук и материалов. Поэтому я установил систему приоритетов. Я очень сожалею, но ты ведь понимаешь, почему так получилось.

— Нет, совершенно не понимаю. Всего лишь два месяца назад, когда я продемонстрировал архонту уменьшенную модель, он проявил к ней необычайный интерес и рекомендовал мне как можно скорее завершить разработку. Неужели он изменил свое мнение?

— Мой дорогой, но после этого он доверил мне управление производством новых разработок. Так что теперь в мои обязан-

ности входит расстановка приоритетов. И как только архонта перестанет удовлетворять то, как я управляю своим подразделением, он тут же сменит меня.

— Побойся гнева ревнивых богов, Алексит. Увидимся позже.

Зопирион повернулся. Архит с явным облегчением последовал за ним. Юноша некоторое время наблюдал за Дионисием, а потом направился к нему сквозь толпу, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Заметив Зопириона, тиран тут же сделал шаг ему навстречу и крепко пожал руку своей сильной рукой.

— Добро пожаловать домой, Зопирион! — широко улыбаясь, произнес он.— Когда Инвит сообщил мне, что тебя задержали личные дела, я испугался, что больше не увижу тебя. А что за дела? Несомненно, это связано с округлыми формами и золотыми локонами? — Дионисий подмигнул и шутливо толкнул в бок юношу.

— Можно сказать и так, господин,— ответил Зопирион.— Прибыл ли кто-нибудь из найденных нами мастеров?

— Сегодня прибыли двое. Я очень рад им и готов закрыть глаза на выдвинутые против них обвинения и поспешное бегство.

— Я очень рад, что моя задержка на пару дней по личным делам не вызвала твоего неодобрения.

Дионисий махнул рукой.

— Не бери в голову. Человек, находящийся на руководящей должности — не просто рабочий,— должен обладать определенными степенями свободы и личного доверия. Естественно, он не должен злоупотреблять своими привилегиями. Тебе я полностью доверяю.

— Тем более, архонт, мне очень жаль, что ты поменял свое мнение о моей катапульте. По приезде я обнаружил, что работа над ней не сдвинулась ни на йоту. Новый начальник, господин Алексит, перевел всех моих людей на другие объекты на том основании, что важность моего изобретения остается под вопросом.— Зопирион выдержал паузу. Дионисий молча и непроницаемо смотрел на него. Юноша продолжил.

— Понимаете, господин, я старался изо всех сил. Но если ты не одобряешь моей работы над катапультой, тогда переведи меня на объект по собственному выбору. Совершенно неэффективно — дать мне работу и забрать средства для ее выполнения.

— Хм... — произнес Дионисий. Пронзительным взглядом он оглядел комнату. Наконец он увидел Алексита. Его голос больше походил на львиный рык.— О, Алексит!

— Иду, господин,— бросился на зов велиец.

— Что ты можешь сказать о прекращении работы над катапультной?

— Я не прекращал ее, господин.

— Но за целый месяц практически ничего не сделано! — заметил Зопирион.

— Тише, о юноша. Было ли сделано хоть что-то с момента отъезда Зопириона? — спросил Дионисий.

— Не могу сказать,— ответил Алексит.

— Не можешь сказать? И почему же? Разве ты не отвечаешь за все исследовательские разработки?

— Я хотел сказать, что не давал приказа останавливать работу. Но на некоторых объектах, обладающих более высоким приоритетом, потребовались дополнительные рабочие руки. И я предполагал, что оставшееся время эти люди станут уделять своим основным обязанностям.

— Да волю ясно, что у них не останется свободного времени! — вмешался Зопирион.

Алексит пожал плечами.

— Я согласен, что это очень плохо, но вряд ли здесь есть моя вина. Я должен распределять людей и ресурсы по объектам, где они более всего необходимы. И если я неправ, о архонт, я буду рад, если ты меня поправишь.

Дионисий жестко посмотрел на обоих юношей.

— Назначь катапульте наивысший — как у тебя он называется?

— *Proterema* — приоритет, господин.

— Хорошо. Назначь наивысший приоритет,— сказал он и сурово обратился к Зопириону и Алекситу.— Послушайте оба. Мне, Дионисию, не нужны раздоры! Я требую от вас сотрудничества на всех уровнях. Здесь работает множество талантливых людей, а талантливым людям бывает нелегко сработаться друг с другом. Встречаются парочки, которые напоминают негашеную известь и воду. Вы должны быть выше мелких пакостей и обид. Вы должны работать как близкие друзья и надежные товарищи, независимо от того, что вы чувствуете на самом деле. В противном случае, ваше противоборство повлечет за собой мое неудовольствие. А это сразу же отразится на вас обоих. Вам понятно?

Зопирион и Алексит утвердительно пробормотали что-то в ответ, и группа распалась. Каждый направился к ложу, на котором собирался возлежать во время пира.

По пути домой Зопирион обратился к другу:

— Я был настолько увлечен своими трудностями, что забыл расспросить тебя обо всем, что произошло с момента моего отъезда.

— Они назначили меня помощником Драконта. Теперь я выполняю расчеты для всего Арсенала. Мой стол поставили на галерее неподалеку от его рабочего места. Следовательно, я вынужден не ссориться с Алекситом. Но работы там просто уйма. Некоторые из задач просто великолепны! К тому же у меня остается время на собственные изобретения.

— Какие?

— Завтра увидишь.

— Горю от нетерпения посмотреть... Кстати, за те несколько минут, в течение которых ты виделся с Ахирамом, мне показалось, что ты ему очень симпатичен.

— Не стану отрицать: я легко нахожу общий язык с детьми. А как ты поступишь с ним дальше? Мы не можем постоянно оставлять его на попечении Роды.

— Я думал отпроситься на несколько дней и отвезти его в Мессану.

— Клянусь богами Олимпа, только не это!

— Почему нет?

— Во-первых, ты и так несколько дней отсутствовал без разрешения. Хозяин отнесся к этому весьма благосклонно, но если ты попросишь еще об одном одолжении, это не улучшит его отношения к тебе. Во-вторых, Алексит получил приказ вернуть тебе рабочих. Однако, если ты не будешь постоянно приглядывать за ними, он найдет тот или иной повод, чтобы снова перевести их на другие объекты. А во второй раз заполучить их назад будет гораздо сложнее. Ты публично осадил Алексита, и не нужно обладать даром видения сквозь стены, чтобы понимать: он воспользуется любой возможностью уничтожить твою защиту, если ты ему предоставишь хоть малейший шанс.

— И что же мне делать? Парнишка только и мечтает увидаться с матерью.

— Просто напиши Коринне. Ксанф — богатый человек и в состоянии прислать повозку за ребенком.

— Но в этом случае я не увижусь с возлюбленной еще бог знает сколько времени!

— Я знал, что у тебя на уме, — Архит хлопнул приятеля по плечу. — Но даже богам приходится мириться с необходимостью.

На следующее утро Зопирион с удовольствием обнаружил на рабочих местах своих плотников. И не успел он дать им задания, как пришел посыльный от Драконта с сообщением, что глава Арсенала хочет его видеть. По нахальной физиономии мальчишки Зопирион без труда определил, что разговор будет не из приятных.

Вслед за пареньком он поднялся на галерею. Драконта на рабочем месте не было. Тогда юноша подошел к столу Архита, заваленному листками с цифрами. А рядом стояло сложное устройство, созданное из сосудов и труб.

— Что это? Твое изобретение? — спросил Зопирион.

— Если бы оно только заработало... — сказал Архит. — Хозяин говорил, что ему нужно сигнальное устройство, срабатывающее по утрам в определенное время. Ты слышал о клепсидре — водяных часах, которыми пользуются в суде — кувшине с пробитым днищем? При его помощи они ограничивают время выступления — как только в кувшине закончится вода. А я пытаюсь создать клепсидру, которая будет еще и свистеть.

В это время вернулся Драконт, и Зопирион поспешил к нему. Начальник Арсенала встретил юношу сердитым взглядом.

— Кто начальник Арсенала? — зарычал он, как скрипучая дверь.

— Ты, конечно же, господин.

— А что же тогда, клянусь Небесами, заставило тебя обратиться к архонту, предварительно не переговорив со мной? Ты что, хотел поцеловать Дионисия в задницу и получить продвижение по службе? Если... если... — захлебнувшись от ярости, он ударил кулаком по столу.

— Прости, господин. Когда я увидел, что Алексит сделал с моим проектом, я был слишком зол и действовал необдуманно.

— Только не надо мне рассказывать гадости об Алексите! Он хороший, яркий, трудолюбивый мальчик. Ты просто завидуешь ему, потому что продвижение по службе получил не ты, а он. А теперь убирайся. Эй, подожди! Куда ты?

— Ты попросил меня уйти, господин.

— К фуриям тебя! Ты думаешь, что, имея лучшее образование, можешь смеяться надо мной? Я тебе покажу! Я... Я...

Драконт не находил слов. Некоторое время он пытался отдышаться. Наконец, он смог продолжить разговор в спокойном тоне.

— Понимаешь, *господин* Зопирион, у нас есть определенный распорядок. И люди должны ему следовать. Первое правило: ты не имеешь права обращаться к высшему начальству, предвари-

тельно не обсудив проблему с вышестоящим руководителем, потом с его вышестоящим и так далее.

— Прекрасно понимаю, господин.

— Тогда можешь идти.

— Теперь я действительно могу идти?

— Что?!. Ты... Убирайся! — взревел Драконт и, ударив по столу, перевернул бронзовую чернильницу. Чернила потекли по бумагам, столу, на пол. Зопирион кубарем скатился со ступенек.

Пришло время обеда. Друзья сидели у источника Аретузы и обедали хлебом с сыром.

— Секрет кроется в давней вражде между Зопирионом и Алекситом, — говорил Архит. — Вокруг этого заключаются пари почти столько же времени, сколько длится эта вражда. Но после того, как в числе твоих врагов появился Драконт, то будут заключать пари уже на время, которое ты сможешь выстоять.

— К черту всю вражду, ревность и интриги! Я просто стараюсь выполнить свою работу!

— Послушай, в любой большой организации под каждым камнем сидит по скорпиону. Это закон природы. Вокруг вашей ссоры заключают пари только потому, что она получила широкий резонанс.

— Послушай, Архит. Почему люди идут к тебе и делятся секретами, а ко мне — никогда?

— Просто я похож на человека, с которым забавно обсудить последние слухи. Я толстенький весельчак, я всех знаю. Ты же, напротив, высокий, мрачный и серьезный. Ты ходишь с выражением крайней занятости на лице, как леопард на охоте. Ты находишься среди знакомых людей, даже не замечая их. А потом они идут ко мне со словами: «Клянусь Гераклом, что случилось с твоим приятелем-тарентийцем? Он что, зол на меня?» И мне приходится объяснять: «Вы понимаете, он просто относится к числу гениев, которые настолько увлечены собственными мыслями и идеями, что обычный материальный мир для них просто не существует». А потом я убеждаю их в том, что когда мне удастся сбросить тебя с философских облаков, ты становишься просто расчудесным парнем.

Великая ссора, тем не менее, совершенно неожиданно пришла к развязке. Несколько дней спустя после вспышки гнева старый Драконт тяжело заболел и слег в постель. По Арсеналу бродили

слухи, что он уже давно плохо себя чувствовал, чем и объяснялось его вспыльчивое поведение в последние четыре месяца. Несмотря на то, что он впоследствии протянул еще год, Драконт уже не мог работать в Арсенале.

На его место Дионисий назначил Лифодема — коренастого, больше похожего на крестьянина своего закадычного друга. Лифодем собрал работников Арсенала и произнес перед ними речь.

— Дорогие мои, не надо думать, что я начну важничать и чваниться. Меня назначили вашим новым руководителем. Я меньше вас знаю подробности состояния дел и технические детали проектов, над которыми вы работаете. Но тем не менее, я стою у истоков нашего дела дольше большинства из вас, наблюдал, как работает архонт и кое-что знаю. На самом деле я не так глуп, как вам могло показаться. Довожу до вашего сведения, что мы, как никогда, собирается увеличить количество и качество производства. На этот счет у меня есть несколько идей. Я буду очень разочарован, если мы не увеличим вдвое выработку за то время, которое пройдет от посевов до нового урожая. А теперь, ребята, идите и работайте!

В течение нескольких последующих дней работа над катапультной шла гладко. Всем хотелось выкроить часок из рабочего дня, чтобы посмотреть испытания бронированной колесницы. Ее изобретатель — Симон, сын Кротона, — невысокий щуплый человек как раз показывал ее модель Дионисию в день, когда Зопирион впервые встретился с тираном. Колесницу, укрепленную железными щитами, было видно издали на поле для стрельбы из лука, и выглядела она ужасающей и смертоносной. В нее была запряжена четверка лошадей.

— И-я! — кричал Симон.

Возница щелкнул кнутом. Лошади вытянули шеи, напряглись, натянулись ремни, но колесница не сдвинулась с места.

— Вперед! Клянусь богом, гони их! — пронзительно кричал Симон, нетерпеливо приплясывая на одном месте. — Она должна поехать!

Возница ударил хлыстом лошадей, и те удвоили усилия. Наконец колеса с большим трудом выползли из выбоин, в которых они увязли, и колесница медленно покатила до следующего участка с мягким грунтом, на котором колеса тут же завязли. Ни крики, ни удары хлыста не смогли заставить лошадей сдвинуть

ее хоть на шаг. Усталые животные, опустив головы, стояли как вкопанные.

Дионисий прошелся вдоль колесницы, внимательно рассмотрел ее, проверил места, где колеса проваливались в землю, подошел сзади и попытался подтолкнуть плечом.

— Мне кажется, ты недооценил свои способности, человек. Чтобы отвезти ее в нужное место не хватит и двенадцати лошадей.

— Пожалуйста, богоподобный господин! — возопил Симон, хватая и целуя руку Дионисия. — Я ее переделаю, исправлю...

Дионисий повернулся к нему спиной.

— На слом ее, — по дороге с поля для стрельбы из лука бросил он Лифодему.

И ушел. Зопирион вместе с остальными вернулся к работе. На следующий день он узнал, что ночью Симон повесился у себя в комнате.

Несколькими днями спустя из Мессаны на повозке приехал брат Коринны, Главк. Его послали привезти племянника домой. По этому поводу Зопирион устроил праздник для Главка, Архита, Сеговака и Инвита. Лучшее фалернское быстро развязало языки, и начались долгие рассказы об африканских приключениях.

— Хотите услышать новую сплетню об архонте, которую еще мало кто знает?

— Ну-ка! Я весь — внимание! — сказал Архит. Остальные тоже бросились упрасивать его рассказать. Немного подразнив друзей, он сказал:

— Дионисий начинает подумывать о новой жене.

— А что случилось с первой? — спросил Главк.

— Дочь Гермократа? Помните, что произошло лет шесть или семь назад во время его первой крупной кампании? Тогда карфагеняне осаждали Гелу, а он безуспешно пытался снять осаду. Аристократы-всадники посчитали, что он проиграл, и самое время покончить и с ним, и с его окружением, убив вожаков. Во весь опор они поскакали из Гелы домой, разграбили его дом и изнасиловали жену.

— Абсолютно все? — переспросил Главк.

— Может, не весь отряд — никто не считал. Как бы то ни было, бедняжка покончила с собой прежде, чем Дионисий вернулся с остатками армии.

Сеговак прищелкнул языком.

— Горестная история. Зачем мужчине нужно прибегать к насилию, если вокруг столько женщин, готовых отдаться добровольно?

— А дальше,— продолжал рассказ Инвит,— так как с тех пор он изредка общается с танцовщицами, я делаю вывод, что в любовных утехах он умерен, как пифагореец. Но теперь он увлечен идеей продолжения династии.

— Они всегда об этом думают,— заметил Архит.

— Таким образом, он хочет иметь законных детей, чтобы передать им власть в городе, а для этого нужна жена. Одного из преданных друзей он послал в Регий. Однако граждане Регия передали ответ, что если ему нужна жена из их города, то они могут предложить городского висельника.

— Ого! — вырвалось у Зопириона.

— Именно что *ого!* Но он редко дает выход гневу. Но, говорят, что с момента его прихода к власти он ни разу не позволил себе вспышки подобной той, в какую его вверг этот ответ. Он клялся всеми богами, что регийцы заплатят за это оскорбление, даже если для этого потребуется весь остаток его жизни. Думаю, теперь он ненавидит их даже больше, чем карфагенян.

— Раз уж пошел разговор о близких друзьях,— сказал Зопирион,— вам ничего не известно, почему он назначил Лифодема начальником Арсенала? Он не производит впечатление квалифицированного строителя.

— Мне как раз недавно рассказали об этом,— ответил Сеговак.— У него есть огромные литературные амбиции. Он хочет писать великие пьесы и поэмы. Но замечу, что греческих поэтов даже сравнивать нельзя с кельтскими бардами. Послушали бы вы их сказания у горящего очага где-нибудь в Галлии... Но, тем не менее, Дионисий предположил, что если он сможет достать письменные принадлежности лучших писателей Афин — тех, кто умерли или уехали,— то боги ниспошлют ему вдохновение. Итак, он отправил Лифодема в Афины. Тому кое-в чем повезло, и он нашел человека, у которого были ручка, таблички и арфа великого Еврипида, стол еще одного сочинителя — имени его не помню. Что-то вроде Э...

— Эсхил? — предположил Зопирион.

— Да, именно Эсхил. Итак, у него были вещи, принадлежавшие когда-то великим писателям, по крайней мере, он утверждал это, и господин Лифодем купил все, что смог.

— И помогли письменные принадлежности вызвать желанное вдохновение? — спросил Архит.

Сеговак пожал плечами.

— Этого я не знаю. Как не слышал и того, что его честь выиграл хоть один из литературных призов в Старой Элладе.

Очень жаль, что я сам не умею писать. Думаю, я смог бы написать такую поэму, по сравнению с которой все вирши ваших Гомера и Анакреонта показались бы вороньим карканьем над растленным трупом. Но они бы никогда не дали мне приз. Во-первых, потому что я чужеземец, во-вторых, потому что я бы сочинял по-кельтски и они бы ничего не поняли.

— Никогда не поздно взяться за перо, — заметил Зопирион. — Будет время, заходи, я буду давать тебе бесплатные уроки письма.

— Спасибо, возможно, я воспользуюсь твоим предложением. Итак, Дионисий был несказанно благодарен господину Лифодему и обещал, как только освободится место, определить его на хорошую постоянную работу. Так и произошло.

— Как дела дома? — чуть позже спросил Зопирион у Главка.

— Она шлет тебе свою любовь. И, конечно, благодарит от всего сердца за спасение мальчика.

— Да, но как идут переговоры о свадьбе?

— Медленно. Наши отцы пытаются содрать шкуру с освеженной собаки. Они торгуются по каждому пункту, как финикийские ювелиры.

— О горе! Как бы мне хотелось поторопить их!

Главк улыбнулся.

— Один не может жить с женщинами, а другой не может жить без них! Моя сестра тоже полна беспокойства. Отец улыбается и говорит то, что обычно говорят родители в подобных ситуациях. Молодежь нельзя предоставить самим себе, иначе, подгоняемые страстью, они ударятся во все тяжкие, как глупые варвары.

К началу мемактериона¹ готовая катапульта стояла в Арсенале. Не желая прилюдно потерпеть неудачу в испытаниях, Зопирион попросил рабочих помочь ему испытать ее рано утром в выходной день. Они выкатили катапульту на улицу и поставили у края поля для стрельбы из лука. Зацепив крючком тетиву огромного лука, они при помощи лебедки, установленной на конце бруса с желобом, начали натягивать ее, палец за пальцем. Механизм трещал от напряжения. Профимион — мастер по изготовлению луков — тревожно смотрел на свое огромное произведение.

---

¹ Мемактерион — месяц греческого календаря, приблизительно ноябрь — декабрь.

Наконец тетиву оттянули за защелку. Зопирион потянул рычажок, поднимающий защелку, и закрепил тетиву. Рабочие начали ослаблять лебедку, и как только шнур повис достаточно свободно, Зопирион отцепил крючок от тетивы и положил одну из стрел в желоб. Стрела представляла собой обычное копьё, к древку которого приделали три бронзовых пера-стабилизатора, как у обычной стрелы. Юноша подвинул стрелу назад, чтобы ее конец коснулся тетивы.

— Не знаю, насколько далеко может выстрелить катапульта,— обратился юноша к одному из подмастерьев.— Ганнон, беги на дальний конец поля: будешь предупреждать об опасности всех, кто гуляет поблизости.

— А что, если копьё попадет прямо в меня? — спросил мальчик.

— Будь готов спрятаться за мишенями.

Подмастерье убежал.

— А не почувствуешь ли ты себя идиотом, если после принятых мер предосторожности копьё улетит не дальше твоего носа?

— Вот это-то мы сейчас и узнаем. Все готовы? Стреляю!

Зопирион резко повернул вперед рычажок. Защелка опустилась, высвободив тетиву. Скрипнули деревянные детали. Катапульта вздрогнула, как струна арфы, а в это время дротик уже летел над полем, со свистом рассекая воздух.

— Храни нас Валегудо! — закричал Сеговак.— Неужели эта штука может долететь чуть ли не до Карфагена?

Дротик начал снижаться и упал на землю далеко за рядом мишеней на дальнем краю поля.

— Клянусь священным тетрактусом, она пролетела расстояние в три плетра! У тебя есть еще копьё?

— Архонт собирался присутствовать при втором выстреле, если первое испытание пройдет удачно. Сеговак, почему бы тебе не сходить к хозяину и лично не сообщить ему об этом? Воины во дворце будут вести себя без тех дерзких выходок, которые они позволяют по отношению к нам, гражданским.

Подошел подмастерье с побледневшим лицом.

— Господин Зопирион! Неужели тебе понравилось, что эта штука пролетела прямо у меня над головой и напугала меня до смерти?

Вернулся Сеговак вместе с Дионисием и телохранителями архонта. Тиран любезно поприветствовал присутствующих. Рабочие снова зарядили катапульту. И снова устройство с треском выпустило стрелу.

— О фессалийские ведьмы! — пробормотал телохранитель и нарисовал в воздухе знак, предохраняющий от дурного глаза.

— Зевс всемогущий! — вырвалось у Дионисия. — Вижу, что у тебя есть еще одно копьё. Повтори выстрел, я хочу убедиться, что это не случайность.

Катапульта выстрелила в третий раз. Дионисий обошел машину и осмотрел со всех сторон, ощупывая и постукивая по деталям и задавая вопросы.

— Ты можешь изменять дальность полета? — завершив осмотр, спросил он.

— Нет, господин. Ее следует устанавливать на определенном расстоянии от мишени, — ответил Зопирион.

Дионисий задумчиво поглаживая бороду.

— Слишком узкая область применения, — заключил он. — Понимаешь, мой дорогой Зопирион, я полагаю, что ты совершил прорыв в военном искусстве с тех пор, как бронзовые мечи заменили железными. Тем не менее, с точки зрения массового производства, твоя катапульта меня не устроит до тех пор, пока не появится возможность варьирования дальности полета. Но с твоим гением ты с легкостью преодолеешь и эту трудность.

И, прочитав разочарование на лице Зопириона, он добавил:

— Но с этого момента твоя заработная плата возрастет до двух с половиной драхм в день. И я доведу до сведения ответственных лиц, что ты должен получать по первому требованию необходимые материалы и рабочих. У тебя будет наивысший — опять забыл это слово — приоритет.

Дионисий похлопал Зопириона по плечу и пожал ему руку.

— Но подобный успех требует ужесточения мер безопасности. Как только завершится строительство нового дома, ты со своей командой переедешь на Ортигию, где в основном и живут мастера. У меня нет никакого желания, чтобы тебя похитили шпионы финикийцев! Мне рассказали о том, что случилось с тобой на обратном пути из Карфагена, — добавил он.

— Вы правы, господин. Достаточно одной попытки. Во второй раз удача вряд ли улыбнется мне.

Следующую декаду Зопирион провел в раздумьях. Несмотря на то, он делал эскиз за эскизом новой катапульты, ни один из них его не устраивал. В глаза бросались два очевидных способа варьирования диапазоном. Во-первых, изменение угла, под которым вылетает копьё. Во вторых — изменение расстояния, на которое оттягивали тетиву перед выстрелом.

Первый способ был прост для решения с точки конструкции механизма: надо было просто поворачивать вокруг горизонтальной оси лук с прикрепленным к нему брусом с желобом. Но вся конструкция становилась тяжелее, шире и выше. Второй способ — изменение расстояния, на которое оттягивали тетиву — помогал избежать трудностей, возникающих в первом случае, но здесь требовалось хитрое конструктивное решение.

Наконец Зопирион нарисовал чертежи для нескольких моделей, используя для них альтернативные схемы. На одной поворачивался лук. На другой вместо одного было три защелки, установленных на брус с желобом одна за другой. На третьей был установлен массивный бронзовый механизм защелки, который мог свободно скользить по брусу, и при помощи лебедки его можно было оттягивать назад.

Но в это время в Арсенале начались трудности. Лифодем претворял в жизнь довольно странные идеи по организации труда. С одной стороны он разделял — или перенял — ненависть Дионисия к финикийцам. Однако Дионисий не старался выказывать их в присутствии четырнадцати мастеров, которых в Карфагене нанял Зопирион. Тиранин изо всех сил пытался поддерживать с ними теплые отношения. Но Лифодем, со своей стороны, обращался с финикийцами чрезвычайно грубо. В глаза он мог называть их «вероломными, трусливыми, подлыми грабителями». По утрам же встречал их насмешками:

— Эй, Азраель, ты случайно на днях не сжег младенца?

Или:

— А вчера ты, случайно, не надул вдову или сиротку?

Или

— Ну как, пытали пленников?

Финикийцы низко кланялись с кислыми натянутыми улыбками. Спустя некоторое время двое из них исчезло. Узнав об этом, Дионисий пришел в ярость, так как он был уверен, что они вернутся в Карфаген и расскажут там о разработках нового оружия. По всей видимости, у него произошел серьезный разговор с Лифодемом, потому что последний изменил манеру общения с оставшимися финикийцами.

Лифодем не упускал возможности вмешиваться в детали разрабатываемых проектов. Несмотря на то, что его познания в технике были не больше, чем познания Зопириона в ворожбе этрусков, он постоянно суетился, сыпал идеями и настаивал, что их нужно было моментально и все сразу применять на практике.

На следующий день он возвращался, отменял предыдущие распоряжения и придумывал новые. Один проект за другим зависали на грани остановки, а их мастера отчаивались выполнять непрактичные и часто противоречивые распоряжения.

Алексит и Пирр с несчастным видом бродили по арсеналу, пытаясь выполнять свои обязанности. Они делали попытки обуздать энтузиазм Лифодема и защитить мастеров проектов от необходимости внесения поспешных поправок, которых требовал начальник Арсенала. Яростные споры возникали между Лифодемом и мастерами, между мастерами как таковыми и между Лифодемом с одной стороны и Алекситом и Пирром с другой. Дня не проходило, чтобы до ушей Зопириона не долетали с галереи крики и удары кулаком по столу. Несмотря на яростную ненависть к Алекситу, Зопирион начал проникаться симпатией к кораблестроителю. По крайней мере, последний был в состоянии отличить плохого мастера от хорошего.

Однажды Лифодем появился в Арсенале с темнокожим стройным человеком среднего роста с узким, будто вырубленным топором лицом. На нем было надето шерстяное платье, доходящее до колен и подпоясанное ремнем. На голове была надета вязаная шапочка с длинным хвостиком. Блестящие черные волосы до плеч были аккуратно завиты и уложены. А борода также завитая и напомажена. В руках он держал палку с резным набалдашником из слоновьей кости в виде маленького дракончика.

Проходя мимо Зопириона, Лифодем представил ему гостя.

— О Зопирион, познакомься с Дурием из Вавилона.

Тот прикоснулся к носу набалдашником палки и произнес по-гречески, но с сильным акцентом.

— Да принесут тебе мир божественные звезды, сынок!

— Это наш новый ученый,— сказал Лифодем.— На востоке придумали универсальную науку, в основе которой лежат знания о звездах. Послушай, парень, теперь для нас нет ничего ненаучного! — он самодовольно улыбнулся, захихикал и подтолкнул локтем Зопириона.

— А чем будет заниматься господин Дурием? — спросил Зопирион.

— Будет делать переворот на нашем производстве, вот что. Мы будем обращаться к нему, когда возникнет надобность в выборе места для запуска нового проекта, для определения его приоритета, определения, чей чертеж лучше. Понимаешь, он будет выходить на крышу и спрашивать ответа у звезд. А потом

составит гороскоп и расскажет, как лучше использовать преимущества и оккультные влияния различных светил.

За обедом, когда юноша, как всегда, направился к источнику Аретузы, Архит с изумлением взглянул на него.

— Что случилось? Ты выглядишь нездоровым.

— Именно так. А ты видел нового вавилонского волшебника?

— Нет. А что случилось?

Зопирион рассказал ему. Архит схватился за голову.

— Нет! Отец Зевс! Этого не может быть!

— Ха-ха, это ты так думаешь. Скажи мне, Архит, почему большинство высших исполнительных должностей занимает банда жуликов, дураков или невежд?

Архит задумался.

— Пожалуй, ко всем это не относится.

— Да что ты! Ты же знаешь...

— Нет, просто так кажется. Многие, вроде Пирра, достаточно сведущи. Просто когда у власти оказывается жулик или дурак, то у окружающих его людей появляется слишком много проблем. К примеру, рабочие или рабы, которые на первый взгляд совершенно безобидны. Их добродетели — если таковые имеются — вряд ли потерпят существенные изменения, а свои недостатки они скрывают под страхом наказания. Но дай ему хоть немного власти, и увидишь, что получится. Достоинств не стало больше, но появляется безнаказанность, с которой они начинают следовать своим порокам. К тому же при выборе между пороком и добродетелью следовать первым гораздо приятнее.

— Я сыт по горло заслуживающим особого внимания идиотизмом, — взвился Зопирион. — Я надеялся поскорее продвинуться в своей работе и получить возможность просить архонта об отпуске для поездки в Мессану. Но, после того как Толстокожий создал такой хаос, мне кажется, что об этом можно забыть.

Три дня спустя Лифодем собрал мастеров в углу Арсенала. Когда они выстроились в линию, он показал рукой на Дурия и торжественно произнес:

— Мы собираемся провести реорганизацию размещения бригад в соответствии с новыми научными принципами, предложенными нашим новым научным консультантом. Все бригады должны перейти на новые места в соответствии с этим планом. Всем понятно? — Он показал огромный кусок папируса. — При новом

расположении каждая разработка будет вестись на месте, наиболее благоприятном с точки зрения оккультной эманации звезд.

Кто-то взвыл. Покраснев от гнева, Лифодем оглядел собравшихся.

— Кто это сказал? Кто это сказал? Клянусь Гераклом, любой, кому не по нраву научные методы, при помощи которых мы организовали нашу работу, может прыгнуть в источник Аретузы. Я здесь начальник, а вы будете делать то, что вам скажут. А теперь отправляйтесь на места и начинайте переносить оборудование в соответствии с планом.

— Прямо сейчас? — раздался голос из толпы.

— Да, прямо сейчас. Что ты хотел, Павсаний?

— Господин Лифодем, не могли бы вы подсказать, как мне передвинуть наковальню, которая весит десять-двадцать талантов и привинчена к полу? — спросил кузнец.

Лифодем хмуро рассматривал чертеж.

— На плане указано, что ее нужно передвинуть только на несколько локтей. Вряд ли такое небольшое расстояние повлечет за собой большие изменения. Пусть стоит где стоит, по крайней мере, до момента, когда мы передвинем остальных.

Вслед за ним и другие кузнецы начали требовать, чтобы их тоже оставили на старом месте. И когда они получили разрешение Лифодема, другие мастера тоже начали упрашивать начальника остаться на старом месте. Но Лифодем топнул ногой.

— Клянусь Зевсом! — взревел он. — Все, за исключением кузнецов, должны переехать на новые места, указанные на плане. Отговорки не принимаются. Если не хотите потерять работу, приступайте к выполнению.

Мастера начали расходиться по местам, возмущаясь себе под нос. В Арсенале поднялся страшный шум: рабочие приступили к исполнению приказа и начали переносить вещи на новые места. И сразу же начались трудности. Кузнецы, получившие разрешение не переезжать, как выяснилось, занимали места, на которые должны были переехать другие бригады. И те не могли начать переезд до тех пор, пока кузнецы не освободят его и, следовательно, не могли освободить место для других бригад.

Начался ужасный переполох. Люди обливались потом, спорили, угрожали друг другу, вопили и во весь голос взывали к различным богам. У некоторых бригад дело дошло до драки, рабочие бросались друг на друга с кулаками, пинками, таскали друг друга за волосы, так что мастерам приходилось разнимать дра-

чунов. Когда село солнце, и половина намеченной работы не была выполнена.

На следующее утро, когда рабочие Арсенала собирались на работу, меж них прошел шепоток: «Не будем ни за что братья без личного приказа Толстокожего».

Спустя некоторое время в Арсенале вместе с Дурием появился Лифодем. От злости сжав кулаки, он со всей силы легких закричал на людей, спокойно сидящих на вещах или кучах материалов. При встрече с яростным взглядом Лифодема они отводили глаза или смотрели в никуда. Наконец начальник Арсенала подскочил к одному из мастеров.

— Эфрон! Почему ты не переезжаешь на новое место? — крикнул он.

— Не могу, господин, потому что его занимает бригада Поллиса. Лифодем подошел к Поллису и повторил вопрос.

— Не могу, господин. Там находится группа Хилоса.

— О боги Олимпа! Вы же взрослые люди, почему вы не можете сами решить такую простую задачу! — закричал Лифодем. — Архонт не выносит беспорядка! Если это мятеж, то вас всех повесят! — и он выскочил на улицу, а вслед за ним и вавилонянин.

Рабочие и мастера расслабились, там и здесь начали возникать беседы, кто-то начал играть в кости. Прошел час, и в дверях арсенала появились Дионисий и Архит. При виде их все присутствующие поднялись.

— Всем вольно! У меня для вас несколько объявлений, — сказал Дионисий. — Во-первых, Лифодем — начальник Арсенала — отправлен в краткосрочный отпуск. В последнее время он много работал, и это плохо сказалось на его здоровье, — раздавшиеся было возгласы одобрения быстро затихли. — Во-вторых, помощник начальника Арсенала господин Алексит по его личной просьбе переведен на верфи, так как там он сможет принести гораздо больше пользы, чем на настоящей должности. В-третьих, на его место назначается Архит из Тарента. И последнее. Консультанта по особым вопросам господина Дурия — великого вавилонского ученого по неотложному делу срочно вызвали в Афины. Он не имеет возможности остаться с нами.

Многие лица расплылись в широких улыбках, и даже губы Дионисия дрогнули.

— В течение следующих нескольких дней до момента, когда Лифодем вернется к своим обязанностям, работой Арсенала будут

руководить Пирр и Архит. В случае возникновения разногласий они будут советоваться с Филистом. А теперь займитесь переездом на старые места.

— Дионсисий допустил одну ошибку — полностью не избавился от Толстокожего. Я предложил было это сделать, но он достаточно резко попросил меня замолчать, — сказал за завтраком Архит Зопириону.

В течение последующих нескольких дней работа шла достаточно гладко. Зопирион пришел к выводу, что только две из его маленьких моделей — с несколькими защелками и с передвижным бронзовым механизмом-защелкой — достаточно убедительно проявили себя, и необходимо выполнить эти модели в полную величину. Но в один прекрасный день в начале гамелиона¹, Зопирион поднял глаза и увидел перед собой отдохнувшего и поправившегося Лифодема. А рядом с ним стоял Архит.

— Привет, старина Зопирион! — сказал начальник Арсенала. — Как продвигается работа над маленькими катапультами?

— Все в порядке, господин.

— Знаешь, я не имею определенного представления об этих устройствах. Не покажешь ли мне схему твоей работы?

Зопирион дал пояснения к принципам работы моделей.

— Мне понравилась вон та, где поворачиваются лук и брус с желобом, — поджав губы, произнес Лифодем. — Почему бы тебе не выполнить ее в полную величину?

— Потому что в этом случае, увеличив вес и размер, мы не добьемся большего результата.

— Тем не менее, она мне больше нравится, потому что в этом случае ты полностью натягиваешь лук, а следовательно, стрела будет попадать в цель с наибольшей силой. Когда ты стреляешь из обычного лука на близкое расстояние, то не направляешь его в небо, а просто натягиваешь слабее, согласен?

— Но, господин, я...

— Возражения не принимаются. Выполни в полную величину именно эту модель катапульти. А об остальных забудь навсегда.

Зопирион, почувствовав, что самообладание куда-то ускользает, набрал полные легкие воздуха и собрался было горячо возразить, но заметив, что Архит подмигнул, пробормотал свое согласие.

Чуть позже он загнал Архита в угол и потребовал объяснений.

Гамелион — месяц греческого календаря, соответствующий январю — февралю.

— Что, клянусь именем Собаки, ты придумал, когда позволил ему снова лезть не в свое дело! Он погубит проект, это видно невооруженным глазом.

Архит в ответ озорно улыбнулся.

— Ой, я даже не знаю. Возможно, он оказался прав.

— Но это глупо...

— Он не так глуп, как хочет казаться.

— Да, конечно же, нет. Он еще глупее! Но перестань шутить! Скажи лучше, в чем дело! Если это очередная выходка вроде звездочета, то я возвращаюсь в Тарент.

— Не волнуйся, я его обработаю,— сказал Архит.— Пусть твои люди начинают работу. Приступайте к строительству опорных рам для двух моделей, которые ты выбрал. Начните переделку уже готовой большой катапульти. Как только работы продвигнутся настолько, что станет заметна разница, я приведу его, покажу их и смогу убедить его изменить свое мнение.

— Изящный трюк, если только все получится так, как ты сказал. Он был прекрасным учителем, который мог запросто превратить здравую идею в полную чушь.

Прошел облачный гамелион, с дождями и буйными ветрами. Новые катапульти постепенно обретали задуманные формы. Наконец, настал день, когда Архит привел Лифодема.

— Мне казалось, что я приказал тебе выполнить в полную величину модель с поворачивающимся луком, а об остальных забыть? А теперь я вижу: оба желоба зафиксированы. Что ты скажешь в свое оправдание?

— Позволь мне объяснить все, господин,— вмешался Архит.— Все это время Зопирион постоянно советовался со мной. Мы начали делать катапульти с поворачивающимся луком, но неожиданно возникли технические трудности. Мы...

— Какие же технические трудности?

— Сейчас поясню,— и Архит заговорил совершенно серьезно, сопровождая слова выразительными жестами.— Проблема заключается в том, что когда вращающаяся модель приближается к этой штуковине, поворотный механизм перекрещивается с (как бишь его?) с этой штуkenцией, и выбрасывает эту ерундовину с места. Единственная возможность предотвратить параллакс — это прибамбасик, который предохраняет эту хрень от выравнивания. Итак, с какой бы стороны мы ни пытались решить проблему, результат был всегда одинаков: катапульти не работает. Ты успеваешь за ходом моих рассуждений?

Лифодем в раздумье почесал бороду.

— Да... я понял, что ты хочешь сообщить. Забавно, но об этом я как-то не подумал. Одно могу сказать: парочка таких замечательных и толковых парней обязательно должна найти решение и обойти возникшие трудности.

— Мы и пытаемся. Клянусь священным тетрактусом, как мы стараемся! Но куда мы думаем, нельзя терять рабочее время. Вот мы и решили переделать вращающуюся модель в модель с зафиксированным желобом. Если работает не самый лучший вариант, то ничего не остается делать, как именно его показать архонту. Но как только мы решим эту проблему, то сразу же вернемся к варианту с вращающимся луком.

— Прекрасно! Хотел бы я видеть всех своих строителей столь же благоразумными, как вы. Желаю отличной работы!

МЕССАНА

Пасмурным днем в начале элафеболиона рабочие из бригады Зопириона выкатили на поле для стрельбы из лука. Несмотря на то, что Архит пришел поглядеть на испытания, вряд ли кто еще обратил на них внимание. Жители Ортигии давно привыкли к экспериментам Зопириона.

Сначала Зопирион дал команду рабочим установить старую катапульту, на которой он установил три защелки одну за другой. Рабочие оттянули тетиву до самой дальней защелки, зацепили тетиву и отсоединили от лебедки. Зопирион нажал на спусковой рычаг. Катапульта с грохотом выпустила стрелу, и она, издав пронзительный свист, улетела к дальнему краю поля на расстояние, приблизительно равное длине полета стрелы, выпущенной катапультой с одной защелкой.

Далее последовала команда зарядить катапульту на среднюю защелку. Испытание прошло без происшествий. Но когда рабочие зарядили ее на ближнюю защелку, то выяснилось, что спусковой рычаг установлен очень неудобно: Зопириону пришлось нагнуться над рамой катапульты и в таком положении нажимать на него. Когда он нажал на рычаг и тем самым высвободил тетиву лука, то потерял равновесие и упал на катапульту. Мгновение спустя после выстрела подбородок Зопириона оказался на том же месте, где только что разрезала воздух тетива лука.

Юноша выбрался из катапульты и пощупал ссадину.

— Упади ты на один удар сердца раньше, старик, и твоя голова, подобно стреле, полетела бы над полем,— произнес Архит.

— Такой способ использования головы ничем не хуже любого другого,— огрызнулся Зопирион и отправил рабочих заряжать вторую катапульта. Он приподнял крючки, расположенные спереди тяжелого бронзового механизма-защелки, размером и формой напоминающего кирпич. Крючки по форме напоминали клешни краба. А на противоположной стороне механизма было проделано отверстие, к которому была привязана веревка, другим концом намотанная на лебедку. В верхней части был установлен спусковой рычаг.

Рабочие начали вращать ворот лебедки, оттягивая назад вдоль желоба катапульти механизм защелки и тем самым натягивая тетиву. От напряжения лук дрожал и звенела тетива. Ручка лебедки была приделана к храповому колесу, которое можно было зафиксировать при помощи предохранителя. Когда Зопирион увидел, что механизм защелки оттянули достаточно далеко, он поставил лебедку на предохранитель. Веревка лебедки оставалась туго натянутой, удерживая тетиву. Зопирион положил в желоб стрелу, приладил ее к тетиве и взялся за спусковой рычаг.

— А его нужно оттянуть назад. Вот так! — сказал он.

Он нажал на рычаг, но ничего не случилось. Рычаг не опускался. Защелка не срабатывала.

Зопирион нажал сильнее, но безрезультатно.

— Проклятый механизм заело. Осторожно... — сказал Архит.

— Да в преисподнюю его! — закричал Зопирион, с силой нажимая на рычаг.

Крючки сломались. Лук неожиданно дернулся, выстрелил, полетела стрела. И в то же время вследствие внезапного освобождения тетивы в воздух подбросило механизм защелки, все еще привязанный к лебедке. С глухим звоном он ударил по голове Зопириона. Звезды посыпались у него из глаз...

Когда юноша пришел в себя, он лежал на спине около катапульти. Архит мокрой губкой протирал ему лоб. Когда зрение окончательно вернулось к нему, Зопирион увидел, что вокруг него с тревожным видом стоят люди из его бригады.

— Ч-что случилось? — спросил он.

— Тебя ударило при отдаче катапульти, чего я и боялся,— пояснил Архит, смачивая лоб друга.— Твой крепкий череп целехонек, зато ты заработал шишку размером с яйцо грифона. Видно, боги тебе помогают, если до сих пор твоя катапульта никого не убила.

Зопирион со стоном сел.

— Такое ощущение, будто сам Геракл ударил меня!

— Тебе лучше взять выходной. Ребята, закатите машины обратно в Арсенал.

К вечеру Зопирион был уже на ногах, однако содрогался от боли при резких движениях. С Архитом у него завязался долгий спор. Друзья сидели в своей комнате. Зопирион придерживался точки зрения, что следует продолжить разработку катапульт с несколькими защелками, предназначенных для стрельбы с различной дальностью полета стрелы. Архит же ратовал за катапульту с передвижным механизмом защелки — аналог того, который несколько часов назад ударил по голове его лучшего друга. Жаркий и громкий спор разгорелся до такой силы, что домохозяйка была вынуждена постучать им в дверь.

— Мальчики? Спорьте между собой, но я не хочу вас слушать! — прокричала она.

С широкой улыбкой на лице Архит отпер дверь.

— Ничего страшного, дорогая Рода, не пугайся! Мы и сейчас лучшие друзья.

— А к чему весь этот крик?

— Тебе не понять полет строительной мысли. Просто различие взглядов на некоторые технические аспекты. Никак не могу довести до понимания моего толстокожего друга, что архонта никогда не устроит... ну... ладно... не бери в голову. Спокойной ночи!

Архит закрыл дверь и снова повернулся к Зопириону.

— Неужели ты не понимаешь, насколько ты глуп? Осталось всего ничего: либо использовать более толстое копьё вместо стрелы, либо снабдить ее фланцами...

Зопирион покачал головой.

— Послушай, старик, у меня раскалывается голова и я не очень хорошо соображаю. Я целый год как невольник пахал на Дионисия, практически без отдыха. Почему бы мне не отпроситься у него дней на десять?

Архит сжал губы.

— Вот теперь, наконец, у тебя появился здравый смысл. К чему иметь друзей среди высших мира сего и не пользоваться этим?

— Согласен. Скажи ему, что мне нужно заняться собой и немного подумать.

Архит рассмеялся.

— Он будет уверен, что ты будешь думать над его проблемами, но я-то уверен в обратном. А тебе лучше сообщить в Мессану о своем скором приезде.

Пятнадцатого элафеболиона Зопирион приехал в дом Ксанфа в Мессане. Не успел он войти в дом, как Коринна бросилась в его объятия. Главк хлопнул его по спине, а малыш Ахирам — теперь его переименовали в Херона, — пританцовывая, скакал вокруг него, ожидая, когда же друг обнимет его.

После обеда, когда женщины удалились, Зопирион обратился к Ксанфу.

— Как продвигается сватовство?

Ксанф похлопал себя по бороде.

— Рад сообщить тебе, что все идет прекрасно. С твоим отцом мы наконец пришли к единому мнению.

— Значит, я могу рассчитывать на скорую свадьбу с Коринной?

— Конечно можешь, примерно через год.

— Почему примерно через год?

— Самое благоприятное время для свадьбы, и это всем известно — в полнолуние гамелиона. Но он прошел два месяца назад.

— О, Зевс Олимпийский! Неужели ты хочешь сказать, что мне придется ждать до следующей зимы?

— Именно так, дорогой Зопирион. Как всякий разумный отец, я желаю своим детям только добра. Желаю счастья, а его можно достичь единственным образом: соблюдая правила.

— Почему... почему ты хочешь отложить мою свадьбу только на основании глупых суеверий?

Главк изо всех сил делал знаки Зопириону замолчать, но перевозбужденный юноша не обращал на них никакого внимания.

— Суеверия? — взревел Ксанф. — Так ты называешь священные традиции, оставленные нам нашими предками, суеверием? Послушай, неверная собачья морда! В моей семье я не хочу видеть распутного еретика!

— Но я... но если...

— Спокойной ночи, господин! — Ксанф тяжело поднялся на ноги, и, мучаясь одышкой, вышел во двор.

— Ну, смотри, что ты наделал, — сказал Главк.

— Я просто сказал, что хотел, — ответил Зопирион.

— Сказал, что хотел! Клянусь Небесными Близнецами, все кончено! Мне очень жаль, ты был бы отличным зятем.

— Спасибо. Что же мне делать, Главк?

— Подожди до утра и униженно попроси прощения.

— Значит, я должен ползать вокруг него на коленках, как какая-нибудь жаба, вылезшая из-под камня, и рассказывать ста-

рику, что я на самом деле верю в его благополучные дни и дурные предзнаменования?

— Совершенно верно. Я не говорил, что это доставит тебе удовольствие или что это единственное средство. Но я не вижу иного способа вернуть Коринну.

Зопирион глубоко задумался. Главк извинился и вышел. Юноша сидел в неярком свете поднимающейся луны, завернувшись в плащ до подбородка. Вдруг раздался негромкий шорох. Из темноты, также завернутая в плащ, появилась Коринна. Зопирион рассказал ей печальную историю.

— О, мой дорогой! Ну почему ты не пропустил эти слова мимо ушей, бросив какое-нибудь безобидное замечание? Или не придумал бы собственную примету или суеверие? — сказала она.

Зопирион застонал.

— Да потому что, дорогая, я — наиглупейший из всех ослов. Что касается ума, то я — неилохой строитель. Но когда дело доходит до отношений с людьми, то здесь я настолько же некомпетентен, насколько Лифодем сведущ в конструировании.

— Послушай, Зопирион, человек должен уметь обходить такие ситуации!

— Знаю, но иногда мне кажется, что я вряд ли смогу этому научиться. Если кто-то говорит ерунду, я встаю и говорю ему об этом прямо и привожу логичные доказательства. Кто угодно подтвердит, что таким образом невозможно завоевать симпатии окружающих. Неужели ты до сих пор хочешь выйти за такого толстокожего?

— Я прекрасно знала тебя, когда говорила, что хочу за тебя замуж.

Он сделал шаг к ней, но она ускользнула.

— Нет, мой дорогой!! Если ты приблизишься ко мне, то бог знает, чем все может кончиться.

— Ой, не думай...

— Говори тише! Если родители застанут нас за разговором без сопровождающих, отец вышвырнет тебя за порог прежде, чем ты успеешь хоть слово вымолвить. Обещай же: несмотря ни на что, ты завтра попросишь у отца прощения.

— Я... я... ох, отправить бы в преисподнюю брачные контракты, родительские переговоры, приданое и церемонии! А может, просто сбежим?

— Что?! Ты предлагаешь мне вступить, подобно простолюдинам, в гражданский брак?

— Ну... о... да. Видимо, я предложил именно это. Надеюсь, я не обидел тебя?

— Нет, не очень. Мало чем можно шокировать женщину, дважды потерявшую мужа. На самом деле, мне было даже приятно услышать лишнее подтверждение тому, что ты хочешь взять меня в жены не из-за приданого. Но я люблю отца и не хочу обижать его. К тому же, дорогой, ты не заглядываешь далеко вперед.

— О чем ты?

— Наш поступок привел бы в ярость и твоего отца тоже.

— Да пусть их. Мы будем выше предрассудков.

— Значит... Дай мне подумать... не могу точно выразиться,— она присела, подперев ладонью подбородок. Зопирион же буквально поедал ее глазами.

— Ты думаешь: с поддержкой семьи или без нее я смогу предоставить ей хорошие условия жизни. Так почему бы не взять то, чего я так хочу, и к черту их всех? Разве не так?

— Да, конечно.

— Но ты даже не предполагаешь, какие мерзкие сюрпризы способны приготовить нам боги. Мы живем в мире, где полно страшных опасностей, неудач и несчастных случаев. Каждый год до нас доходят известия или о вспышке чумы в том или ином крупном городе, или о разрушительном землетрясении в другом, а третий разграбили, а жителей порезали или угнали в рабство. Каждый год кто-то из друзей или близких погибает от рук разбойников, или попадает в рабство, или встречает смерть на поле боя или умирает от болезни. И ты наверняка думаешь: в фаворе у Дионисия ты как за щитом у Афины. Но кто может предсказать будущее? У Дионисия руки по локоть в крови...

— Не уверен. Он выдающийся государственный деятель...

— Возможно, и выдающийся. Но суди по делам, а не словам. И все станет ясно. Возможно, не пройдет и года, и ты погибнешь в жаркой переделке. А что будет со мной, если я отвернусь от собственной семьи? Или представь, что Дионисия свергли или убили. Даже если тебе удастся покинуть Сиракузы, то, порвав с семьей, тебе будет некуда возвращаться. Нужно беречь гавани, в которые мы можем пристать. Женщина не может не думать об этом. Женщина не может бороздить Внутреннее море и жить на средства от случайного заработка. Пожалуйста, попробуй помириться с отцом!

— Сделаю все, что от меня зависит. Тот, кто сказал, что мужчины практичнее женщин, не в силах отличить гору от гриба.

— Не нужно на самом деле вставать на колени. Скажи ему, что от удара по голове у тебя слегка загуманился разум.

На следующее утро Зопирион завтракал за одним столом с Ксанфом и его семьей, вел себя молчаливо и очень вежливо. Когда завтрак был закончен, он обратился к Ксанфу.

— Можно мне поговорить с вами наедине?

— Я так и думал,— изрек Ксанф.— Всем выйти из комнаты!

— Милостивый государь. Во-первых, я хочу извиниться за свои грубые, случайно вырвавшиеся слова. Понимаешь, на самом деле я уважаю традиции наших предков...

И Зопирион начал многословные пояснения и извинения, балансируя на грани между раболепными просьбами и вызывающими высказываниями, внутренне презирая самого себя. Круглое, с отвисшим двойным подбородком лицо Ксанфа было как каменное. Но тут во двор выбежал Херон.

— Кто хочет поиграть со мной в мячик? Дорогой Зопирион, покидай со мной мячик!

Его слова растопили суровый взгляд Ксанфа. Он вздохнул.

— Во имя безопасности своего внука я сменю гнев на милость. Но, тем не менее, я не позволю сыграть свадьбу раньше, чем через десять месяцев.

— Нужда — жестокий учитель. Но нельзя ли нам по крайней мере совершить обряд обручения?

— Да, это можно. Сколько времени ты пробудешь в Мессане?

— Дней пять-шесть.

— Тогда назначим торжество на вечер перед твоим отъездом.

Стена вокруг Мессаны не претерпела существенных изменений и стояла все так же полуразрушенной. В таверне у Кулона было как всегда многолюдно. Греческий капитан рассказывал очередные новости.

— ...Деркилид, стратег Спарты в Азии, заключил союз с персами и вторгся во Фракию: там варвары непрерывно совершали набеги на греческие города, расположенные вдоль побережья полуострова. Спартанцы выгнали фракийцев с полуострова и построили вокруг него стену. Теперь он под надежной защитой. Перерезав участников одной из группировок, принимавших участие в гражданской войне, спартанцы восстановили мир во фракий-

ской Геракле. А у себя на родине они разработали план свержения Пирра. Афиняне приговорили к смерти философа Сократа по обвинению в развращении молодежи и пропаганде в городе странных богов. Персы выбрали Конана Афинского своим адмиралом...

К Зопириону сквозь толпу пробирался невысокий человек неопределенной наружности, и когда он подошел поближе, юноша сразу же узнал его.

— Асто! Отважный мореход, как ты поживаешь?

Асто поклонился.

— Клянусь благосклонностью богов Ханаана, о господин Зопирион, дела идут хорошо. Теперь у меня собственный корабль. А ты как?

— Работаю строителем у Дионисия.

— Неужели? Значит, будем часто видеться: хозяин предложил мне плавать по маршруту Мотия — Сиракузы.

— Как ты добрался до Мессаны? Я думал, что все торговые корабли поставили на зимовку.

— Так оно и есть. Я приехал верхом на муле.

— Ты? Моряк!

— Да, и наиглупейший осел из всех, кого ты видел. Мои хозяева дали мне поручение купить корабельный лес. А что за слухи ходят вокруг Дионисия?

— Какие слухи?

— Что он собирается завоевать весь мир, как греческий Кир, что он собирается превратить Сиракузы в величественный город, превосходящий Афины и Вавилон вместе взятые, что, оставаясь наедине сам с собой он мучается от страха перед возможным покушением. Есть ли в подобных сказках хоть зерно истины?

Зопирион пожал плечами.

— Хозяин не доверяет мне своих политических планов.

— А ты, что ты делаешь для него?

— Ну, я работаю над новым изобретением... — с энтузиазмом начал было Зопирион, но опомнился и прервался на полуслове.— Я... предложил ему... внести некоторые усовершенствования в систему оборонительных сооружений города.

Асто улыбнулся.

— Значит, люди говорят правду: Дионисий принуждает тех, кто на него работает, не раскрывать секретов своей деятельности. Ну, будем надеяться, что его планы, каковы бы они ни были, не повлекут на наши головы новых разрушений.

— Я абсолютно уверен: этого не случится. Во многих отношениях он — блестящий правитель.

— Я тоже надеюсь. Но ты знаешь, что иногда случается с великими мира сего. Мы для них как насекомые в руках мальчишки, у которых он отрывает лапки и крылышки. Прошлой осенью, когда я был в Карфагене, там перед Советом выступал один человек. Он представился финикийским строителем, который работал на Дионисия, но сбежал из-за плохого обращения. Он принес известия о фантастическом оружии, при помощи которого Дионисий собирается победить ханаанцев. Стрелы, выпущенные из него, могут долететь из Сиракуз до Карфагена! А военные галеры размером с город и прочие чудеса! Мне очень интересно, есть ли на самом деле почва для подобных рассказов.

— Это просто ерунда! Мы просто следим, чтобы в городе было достаточное количество обыкновенного оружия, и все. А что случилось дальше с беглецом-строителем?

— Совет принял следующее решение: из-за очевидного вымысла этого рассказа его признали греческим шпионом, которого послал Дионисий, чтобы посеять страх в сердца жителей Карфагена и ослабить республику. Короче говоря, его казнили.

Зопирион спрятал свои чувства за медленным глотком вина.

За несколько оставшихся дней он несколько раз подолгу прогуливался и разговаривал с Коринной, но в обязательном присутствии одного из членов семьи. В последний вечер перед отплытием Ксанф устроил обещанное торжество. После того, как гости — чудовищно скучные и невыносимо занудные, как показалось Зопириону — насытились, под густыми и длинными вуалями из женских апартаментов вышли Коринна и ее мать. Ксанф встал со своего места и, держа в одной руке свиток папируса, а другой дочь за руку, произнес:

— Я, Ксанф, сын Главка из Мессаны, настоящим свидетелем, что между мной и этим молодым человеком — Зопирионом, сыном Мегабаза из Тарента, в настоящее время проживающим в Сиракузах, и его семьей, достигнуто соглашение о женитьбе его на моей дочери Коринне. У меня здесь три копии соглашения о помолвке, потому что его участники проживают в разных городах. Зопирион прочитал контракт, сверил все его копии и убедился в том, что они идентичны, и зафиксировал подписью свое согласие со всеми приведенными в нем условиями. В этом контракте оговорена сумма денег, которую я даю за своей дочерью

в качестве приданого, список вещей, украшений и других предметов собственности, которые она берет в приданое, а также сумма, которую выделит молодоженам отец Зопириона, многоуважаемый Мегабаз... О, Зопирион, именами Зевса, Геры, Артемиды, Аполлона, Афродиты и Деметры и других богов и богинь, в знак обещания отдать тебе в законные жены мою дочь Коринну в день, благополучный с точки зрения добрых примет для заключения брака и в соответствии с условиями, описанными в соглашении, я отдаю тебе ее руку.

Зопирион взял руку Коринны и сказал:

— О Ксанф, именами Зевса, Геры, Артемиды, Аполлона, Афродиты и Деметры и других богов и богинь в знак обещания взять в законные жены твою дочь Коринну в день, благополучный с точки зрения добрых примет для заключения брака и в соответствии с условиями, описанными в соглашении, я беру у тебя ее руку.

Гости заплодировали.

— Поцелуй ее! — сказал подвыпивший гость.

Услышав подобную непристойность, Ксанф нахмурился. Гости выпили за здоровье молодых, и Коринна с матерью удалились на женскую половину дома. Выпивка и разговоры продолжались несколько часов — они тянулись еще долгое время после того, как Зопирион успел от них устать — пока, наконец, последний гость не покинул гостеприимный дом и не отправился восвояси в сопровождении слуги, освещавшего дорогу при помощи зажженного с одного конца куска просмоленной веревки.

Следующую ночь Зопирион провел в Катане, расположенной у подножья величественной Этны. Пять лет назад это был цветущий греческий город. Но Дионисий предложил его жителям переехать в Сиракузы. Они отказались. Тиран подкупил правителя города, и тот позволил войти в город армии Дионисия. Всех жителей, за исключением архонта и его ближайшего окружения, продали в рабство.

Он передал город мятежным кампанским наемникам в качестве оплаты за их труды. Жертвы массовой продажи в рабство не смогли вернуться домой. Даже Инвит не мог организовать их выкуп, потому что ни одному из богатых граждан города не удалось избежать рабства, и некому было собрать деньги.

Катана и сейчас жила, но сильно изменилась. Городская стена во многих местах была разрушена. На грязных улицах было полно покрытых шрамами, неумытых ветеранов-кампанцев и их неоп-

рятных женщин, звучала оскская речь, а чужеземцев провожали настороженными взглядами. Чумадые ребяташки играли на кучах мусора или приставали к чужеземцам, прося милостыню.

Зопирион устроился в городской таверне, а потом отправился на рынок за продуктами, из которых хозяин гостиницы должен был приготовить ему обед. Мальчишка-сутенер схватил его за рукав и на ломаном греческом принялся расхваливать симпатичную чистенькую сестричку.

В доме Ксанфа Зопирион мучительно страдал от сдерживаемых пылких желаний. Теперь он снова почувствовал, как в нем поднимается страсть. Кровь глухо стучала в висках. Он уверял себя в страстной любви к Коринне. Ни одна другая женщина вряд ли способна заинтересовать его. Однако оказалось, что это не совсем так. Ни один из методов пифагорейской школы не помогал. Скрытое в нем животное сметало все барьеры, требуя свободы, любви, физического освобождения. Мальчишка снова потянул его за плащ, и Зопирион вошел вслед за ним в небольшую дверь домика на одну комнату, стоящего на узкой улочке.

Блудница — пухлая, крепко сбитая жизнерадостная девица из племени сикулов¹ — с радостью занялась своей работой.

— Ты ведь собирался на рынок? — Когда все было закончено и Зопирион приводил себя в порядок, спросила она. — Я готовлю лучше, чем тот неряха, который работает в таверне. Если принесешь достаточно продуктов, чтобы хватило и нам с братом, я смогу приготовить отличный обед.

— Буду очень рад, — ответил Зопирион.

Спустя несколько минут он принес продукты. Юноша уселся на крошечный стул и принялся наблюдать, как она ставит медные кастрюли на небольшой очаг. В комнате помимо стула, кровати, сундука и умывальника ничего не было. Тут и там сквозь огромные дыры в штукатурке просвечивали кирпичная кладка стен.

Зопирион то и дело задавал вопросы хозяйке. Она немного говорила по-гречески, а он — по-оскски. Последний был схож с сикульским, поэтому, не прилагая особых усилий, они понимали друг друга.

— Меня зовут Дукетия, — почесываясь, сказала она. — Я из семьи крестьян из Гербесы. Когда мы работали на полях землевладельца, на нас напали солдаты Дионисия: они двинулись в атаку на наш город, а мы оказались у них на пути. Мы не успели

Сикулы — племя, населявшее в древности Сицилию.

спрятаться в городе. Когда меня поймали, я шла по воду отдельно от всех остальных. Три всадника завели меня в рощицу и изнасиловали. До этого я не знала мужчин и с ужасом думала о том, что будет. Поначалу было немного больно и страшно. Но когда заканчивал третий всадник, я начала получать удовольствие. Когда я попросила еще, они засмеялись и с виноватым видом сказали, что если бы могли, то уважили бы мою просьбу. Я обозвала их слабаками: подвели меня к самой грани и так разочаровали. Наконец один из них ускакал в рощицу и вернулся с товарищем, и с его помощью я получила, что хотела. Они хотели увезти меня с собой и продать, но я сумела ускользнуть. А когда Дионисий снял осаду с Гербесы, я вернулась в город. В нашем доме уже жила другая семья, и они захлопнули дверь у меня перед носом, а потом, угрожая камнями и палками выгнали меня из города. А о своих близких с тех пор я ничего не слышала. А потом я прибилась к торговцу и около года колесила с ним по дорогам. Когда я жила в Гербесе, я не знала о существовании проституции и с удивлением обнаружила, что мужчины должны платить мне за то, что доставляет мне самое большое удовольствие. Когда неподалеку отсюда мой торговец умер от лихорадки, я решила осесть в этих местах и заняться делом. Мальчишка, которого я называю «братом» — тоже сирота. Не могу сказать, что у нас все так просто. Мы часто голодаем. Но все-таки работать приходится гораздо меньше, чем с мотыгой на винограднике с рассвета до заката.

— А ты когда-нибудь беспокоишься мыслями о будущем? — спросил Зопирион.

— Иногда. Представляю день, когда я состарюсь, и мне придется выйти замуж за какого-нибудь кампанского кабана и остепениться. Но к чему беспокоиться по этому поводу, если еще время не пришло? Ну, как тебе обед?

— Превосходно, — соврал Зопирион.

Она начала убирать со стола.

— Может, еще покувыркаемся?

— Клянусь Гераклом, Дукетия, ты лишила меня сил еще в прошлый раз! У меня же не три яйца!

— Ой, да ладно! Такому сильному и молодому господину не составит труда и два раза в день!

— Я не знаю... Я начал думать о работе...

— Для разнообразия ты мог бы подумать и о моей работе, это гораздо веселее! Ну, пожалуйста! Я уступлю тебе за полцены.

Мне нужны деньги, чтобы заплатить колдунье за средство, предохраняющее от беременности.

Она села к юноше на колени, начала целовать, ласкать, припустила с плеча платье. И вскоре они были в постели. Когда он закончил, Дукетия резко и удовлетворенно вздохнула.

— Вот за что я люблю мужчин! Фыркают и бьют копытом, словно крепкие черные быки!

Со смешанным чувством Зопирион возвращался в гостиницу. С одной стороны, он ощутил гордость и уверенность в собственных силах. С другой стороны, несмотря на то, что с позиции эллинской морали в его поступке не было ничего предосудительного, он был не в ладах сам с собой. Его не покидало смутное ощущение, что он должен был хранить верность Коринне несмотря на то, что они пока не были женаты. К тому же, он нарушил нормы этики пифагорейца. Божественный Пифагор говорил об умеренности в любви — «не более, чем это необходимо для данного человека». Однако Зопирион не проявил сдержанности.

Но вскоре эти раздумья с легкостью вытеснил стремительный поток мыслей о проекте. И именно их он имел в виду, говоря, что обдумывает детали своей работы. Однако во время обеда, когда он предавался воспоминаниям о встрече с Дукетией, неожиданно его осенила схожесть формы сексуального взаимодействия и аналогичного механизма катапульты. Все больше и больше эта идея занимала его разум — фантастическая, а может, непрактичная, но ее стоило записать.

Он ускорил шаг. В таверне не оказалось ни воощенных табличек, ни папируса или пергамента. Пришлось купить свежеструганную доску. Он полночи просидел, склонившись над ней в тусклом свете лампы, покрывая желтую древесину заметками и рисунками, и закончил, только когда на ней не осталось места.

Зопирион планировал прибыть в Сиракузы к полудню следующего дня. Но когда он подъехал к Мегарам Гиблейским — крепости, относящейся к Сиракузам, и примкнувшей к ней грязноватой деревеньке, построенной на руинах когда-то прекрасного города, начал моросить мелкий дождь. Дощечка, на которой юноша делал записи, лежала в повозке, и, опасаясь, что дождь смоем записи, он постучался в дверь хижины. Несмотря на то, что обычно Зопирион стеснялся просить приюта у незнакомцев, но мысль о возможности потерять ценные записи придавала ему сил.

Дверь с треском отворилась.

— Что вам нужно? — раздался голос из-за двери.

— Мне бы хотелось переждать дождь. Пожалуйста...

— Убирайся, бродяга! — дверь захлопнулась, и Зопирион услышал, как с лязгом задвигают засов.

Дождь, казалось, не собирался прекращаться. Возможность прятаться всю ночь под седлом тоже не доставляла радости. Результатом попытки заснуть около стены запросто могло бы оказаться перерезанное горло. Завернув доску в плащ, он положил ее в повозку и направился к крепости.

Как только юноша показал идентификационный диск Арсенала, его сразу же пустили внутрь. Начальник стражи предложил ему переночевать в крошечной нежилой комнате, в которой он провел бессонную ночь, мучаясь от укусов блох. Прямо за дверями двое солдат о чем-то громко разговаривали. Разговор по-осски перешел в громкий спор, они выпили, поссорились, началась драка, потом они помирились, еще немного поболтали и принялись нестройными голосами распевать крестьянские песни.

На следующий день ближе к полудню Зопирион с доской на плече появился у стола Архита на галерее Арсенала.

— Ты приехал позже положенного, старик, да еще и выглядишь как бродяга... Именем Собаки, что это такое?

— Не трогай ее, а то все размажешь. Здесь записано решение проблемы с катапультой.

— Ты шутишь?

— Совсем нет. Если босс скажет хоть что-то о моем отсутствии без разрешения, вот доказательство того, что все это время я на него работал. Видишь вот это?

— Вижу угольные каракули. Каков их смысл?

Зопирион схватил лист папируса и начал покрывать его быстрыми, уверенными штрихами.

— Вот, смотри. Ведь никто не утверждает, что здесь должен быть только один желоб?

— Думаю, нет.

— Ну, тогда у нас будет один фиксированный желоб, как на предыдущих моделях. В нем должен быть большой, глубокий паз. Вот так. А по нему будет скользить другой, передвижной желоб. Назовем его «салазки». Получаем комплексную конструкцию. На заднем конце будет встроен механизм защелки либо ползун. На

верхней поверхности салазок будет вырезан неглубокий паз для стрелы. А снизу он будет закреплен таким образом, чтобы не мог вылететь при выстреле.

— Когда мы выдвигаем салазки вперед до упора, крючок защелки — назовем его «палец» — зацепляет тетиву. Трос лебедки привязан к механизму защелки. Наматывая трос на лебедку, мы отгаскиваем назад механизм защелки, салазки и тетиву одновременно. Когда салазки оказались сдвинуты на необходимое место, мы устанавливаем в паз стрелу и опускаем «палец». Тетива высвобождается и выбрасывает стрелу. После этого мы раскручиваем лебедку, передвигаем салазки на исходную позицию «вперед до упора» и начинаем все сначала.

— А как ты удержишь салазки в нужном для выстрела положении?

— При помощи гликерного колеса у рукояти лебедки и предохранителя, как у модели с передвижной защелкой.

Архит посмотрел на друга.

— Клянусь Землей и всеми богами, это лучшее решение! Помоему, ты убил сразу трех зайцев! Просто великолепно! А откуда появилась такая идея?

— Она появилась, когда я... я... на обратном пути шел по дороге.

— Возможно, тебе и раньше следовало заняться прогулками по Сицилии, если это так на тебя действует! — нахмурился Архит. — Но мне кажется, у нас скоро начнутся проблемы.

— Что такое?

— У нас связаны руки. Почти всех плотников перевели на верфи, чтобы ускорить производство гигантских галер Алексита.

— Ну, так верни их! Ты же исполнитель!

— Легче сказать, чем сделать. Необходимо представить Филлисту петицию, но предварительно умудриться убедить в этом Лифодема.

— Ох, а я и забыл! Где он?

— Возможно, завтракает вместе с другими высокопоставленными лицами. Я найду...

Раздался громкий унылый гудок, от которого у Зопириона зазвенело в ушах. Он раздался так неожиданно, что тот выронил свой карандаш.

— О боги, что это?

Архит расплылся в улыбке.

— Знаешь, не только ты изобретаешь новое! — и он показал на сложное переплетение трубок и кувшинов, стоящее около его

стола. Гудение стихло. Рабочие с пакетами с завтраком в руках начали выходить из Арсенала.

— Так это твоя сигнальная клепсидра? — удивился Зопирион.

— Да. Хозяину она настолько понравилась, что он дал мне задание устанавливать для гудка в полдень, вечером на время завершения работ и утром, на рассвете. Мне сообщили — конечно, неофициально, — что на следующем пиру в Арсенале меня удостоят одной из медалей.

Архит аккуратно отмерил стаканом с делениями нужное количество воды и перелил ее в верхний кувшин.

— Но если твое изобретение заработает, оно будет иметь гораздо большее значение. Встретимся в конце перерыва, а я попробую обработать этого богом обделенного идиота.

Лифодем внимательно слушал пояснения Зопириона. Наконец он вскинул голову.

— Не принимаю. У тебя будет скользить тут, скользить там, а где-то посередине будет копьё...

— Нет, нет! — запротестовал Зопирион. — Нижний желоб будет жестко зафиксирован, а верхний будет двигаться вдоль него взад и вперед.

— Значит, вместо копья будет двигаться желоб? Значит, во врага ты будешь стрелять желобом?

— Позволь, я объясню все сначала, — ответил Зопирион, прилагая невероятные усилия, чтобы сдержаться.

После того, как он трижды объяснил устройство механизма, трижды перерисовывал схему, Лифодем вынес свой вердикт.

— Я все-таки не понимаю. Думаю, что мы снимем этот вопрос.

— Что ты имеешь в виду?

— Если это слишком сложно для меня, значит, будет слишком сложным и для простого солдата. Я знаю, что не обладаю столь выдающимися способностями, как вы, образованные гении, но люди, которым предстоит пользоваться твоей катапультой, еще в меньшей степени разбираются в технике. И если я не понял ничего, то ставлю последнюю драхму на то, что и они не поймут.

— Господин Лифодем, я и не жду от солдат, чтобы они с первого взгляда разобрались в устройстве катапульты. Но на самом деле она не столь сложна, сколь незнакома. Трудность состоит только в том, чтобы раздобыть плотников для ее строительства, — сказал Зопирион.

— У нас не хватает рабочих рук. Я пытался снять людей с верфи, но там свободны только разнорабочие. Если я нахожу опытного специалиста, то сразу находится дюжина мастеров, которым он просто необходим. И тебе необходимо предоставить убедительные аргументы, чтобы в первую очередь получить рабочих. А ты мне показываешь какие-то сложные навороты, которые не будут работать, да к тому же не найдется ни одного солдата, способного научиться управлять твоей катапульти. И плюс ко всему стоимость такого устройства неимоверно возрастет из-за высокой сложности. А архонт достаточно ограничен в средствах.

— Ну и что тогда?

— Если ты вернешься к модели с вращающимся луком, то я мог бы рассмотреть этот вопрос и, скорее всего, нашел бы способ помочь тебе.

— Нет!

— Почему нет?

— Я уже прошел через это. Существует множество способов решить задачу. И, клянусь богами, я нашел наилучший! И ставлю мою последнюю драхму, что я прав. Если после этого ты захочешь посмотреть на катапульти с вращающимся луком, я сделаю ее для тебя. Но я не отступлюсь от самого многообещающего решения до тех пор, пока на деле не опробую!

— Значит, будешь работать без плотников. Я не намерен переводить с важных объектов рабочие руки для строительства слишком сложной игрушки, которая разлетится на куски при первом же выстреле!

— Мой дорогой Лифодем! Если ты дашь мне возможность построить катапульти в полную величину, то получишь ответ на все вопросы. То, что этот механизм жизнеспособен, станет понятно... всем,— сжав губы, с трясущимися от гнева руками ответил Зопирион.

— Ты хочешь сказать, что станет понятно даже такому полуграмотному мужлану вроде меня? — гримаса исказила лицо Лифодема, и последнюю фразу он уже кричал.— Да? Это ты хотел сказать? Так смотри же, господин гений, весь твой так называемый интеллект развратил тебя донельзя! Последнее слово должно оставаться за практиками, такими, как я. Именно поэтому я твой начальник. Ты думаешь: ты чертовски умен, потому что учился в школе? Если бы ты обладал хоть каплей здравого смысла, то не создавал бы устройств, которые сразу же идут на слом! Ты похож на глупца Симона с его бронированной колесницей весом в двадцать талантов!

— Но...

— Замолчи, раб, собачья морда! — завопил Лифодем. — Как ты смеешь перебивать, когда я говорю с тобой...

— Клянусь богами, мне не заткнет рот наиглупейший из ослов вроде тебя...

— Господа, господа, — вскричал Архит и бросился разнимать взбешенных мужчин.

Их голоса слились в один яростный рев. От этого шума все, кто был в Арсенале, прекратили работу. Кузнецы оставили остывать на наковальнях куски железа и бросились на галерею, где Архит озабоченно пытался предотвратить драку между Зопирионом и Лифодемом.

И как раз в это время в Арсенал прибыл Филист в сопровождении секретаря. Увидев, какое представление идет на галерее, он рассердился и с большим трудом захромал вверх по лестнице. Как только Филист появился в поле зрения драчунов, те мгновенно перестали кричать друг на друга и одновременно обратились с пылкими речами к начальнику. Зопирион пытался объяснить принцип действия своего механизма, а Лифодем буквально визжал от ярости.

— Этот юный всезнайка невежественен и не подчиняется субординации! Сжечь его! Сжечь его! Сжечь его!

Филист, опершись на палку с головой дракона, подождал, пока оба не замолчат.

— Зопирион, ты собираешься строить небольшую модель или в полную величину?

— В полную величину, господин. Я разрешил большинство технических проблем, и чтобы не терять время...

— Построишь небольшую модель в масштабе один к трем. Лифодем, проследи, чтобы у него был по крайней мере один хороший плотник. С вас обоих снимается штраф в размере заработной платы за один день за безобразное поведение и за омерзительное представление, которое вы тут разыграли перед рабочими. В следующий раз наказание будет строже. До свидания.

Он повернулся и начал медленно, опираясь на палку, спускаться по ступенькам. Зопирион и Лифодем обменялись последними репликами, и юноша отправился на первый этаж, готовый приступить к работе.

На пологих склонах холмов Сицилии сначала распустились, а потом завяли цветы. Весна проходила день за днем, близилось лето. Зопирион завершал работу над уменьшенной моделью, выполненной на основе обыкновенного лука. Испытания прошли

удовлетворительно, за исключением одного: механизм защелки постоянно заедало. После долгих подгонок при помощи молотка и ножовки, добавив новые детали и изменив общую схему, он наконец довел до ума и этот неподатливый механизм.

Однажды юноша проводил испытания своей модели на поле для стрельбы из лука и делал карандашные пометки на желобе, чем вызвал неподдельный интерес Архита.

— Что ты делаешь, дружище?

— С их помощью я смогу узнать, на какое расстояние улетит стрела, — пояснил Зопирион.

— А почему отказался от идеи делать пометки на гликерном колесе лебедки?

— Трос лебедки со временем растягивается, поэтому метка на гликерном колесе будет неточно указывать дальность полета.

— Это твое детище, старик, и у меня и в мыслях нет примазываться к твоей славе. Однако...

— Что однако? Если у тебя есть предложение, мне хотелось бы его выслушать.

— Мне кажется, гораздо удобнее заменить неуклюжее гликерное колесо прямой бронзовой зубчатой рейкой, установленной в желобе. Салазки оттягивают назад. В это время предохранитель-собачка — крик-кряк — будет щелкать по зубьям, пока ты не установишь салазки в положении, соответствующем необходимой дальности полета стрелы. Потом ослабляешь лебедку, и...

— Я понял, понял! При таком решении отпадают все проблемы, связанные с постепенным растяжением троса. Конечно, и другие элементы конструкции тоже со временем претерпевают изменения. Растягивается тетива лука, да и сам лук начинает испытывать усталость после большого количества выстрелов.

— Но ты избавляешься по крайней мере от одной переменной величины. Почему бы тебе не попробовать?

— Я попробую. К тому же нет необходимости строить новую модель. Зубчатую рейку и предохранитель-собачку я могу установить и на старой.

Пошел третий год девяносто пятой Олимпиады, когда Эфикл был архонтом Афин¹. Склоны холмов снова обрели коричневый

оттенок: их опалило жаркое сицилийское лето. Обжигающие южные ветры поднимали облака пыли, и от этого солнце казалось диском из горной меди, будто сошедшим с потолка пещеры Сафанбаал. Пыль покрывала с ног до головы рабочих Арсенала, будто они специально извалялись в пудре.

— Твой механизм с зубчатой рейкой и собачкой работает превосходно, — рассказывал Зопирион Архиту. — Но пришлось установить пару реек по обе стороны желоба и, соответственно, пару собачек на ползуне. При одиночной рейке в результате несбалансированной отдачи выходит из строя весь механизм.

— Превосходно. А теперь, полагаю, ты ожидаешь, что я буду откручивать яйца Лифодему до тех пор, пока он не выделит тебе плотника для постройки модели в полную величину, не так ли?

После этого начались долгие споры, крики и ругань с Лифодемом, которые так ни к чему и не привели.

— Дорогой Геракл! Ну почему архонт не хочет отправить куда подальше этого непроходимого тупицу с дипломатической миссией? — взмолился Зопирион.

Архит пожал плечами.

— Такова человеческая природа, мой мальчик. В любой организации найдется по крайней мере один такой Лифодем. Если нам удастся от него избавиться, то на его месте может оказаться еще менее подходящий для этой должности человек.

— Хотел бы я на него посмотреть!

— Попридержи язык, а не то боги дадут тебе то, о чем просишь.

Наступил боздромион¹. Зопирион продемонстрировал окончательный вариант катапульты Дионисию. Он в течение года постоянно проводил стрельбища на поле, поэтому мало кто из жителей Сиракуз обращал на них внимание. Однако тиран наблюдал за испытаниями катапульты с неподдельным интересом.

— Выстрел на один плетр... — командовал он. — Превосходно! А теперь выстрел на плетр с половиной...

— У тебя все получилось, Зопирион. Ты можешь сделать для меня пятьдесят таких машин? — по завершении испытаний произнес он.

— Если у меня будут люди и материалы, то, безусловно, смогу.

— У тебя все будет. С этого момента ты переводишься в производственный отряд под управлением Пирра. Не забудь одеть

Боздромион — месяц греческого календаря, приблизительно сентябрь — октябрь.

свою лучшую тунику на следующий симпозиум для мастеров, который состоится через три дня. И, наконец, как только появится возможность, я подниму твое жалование.

— Спасибо, господин.

— Да, я хотел сказать еще что-то... Как быстро ты можешь завершить постройку нескольких катапульт?

— «Несколько» — понятие неопределенное, о архонт. Но за месяц я смогу сделать пять или шесть штук.

Дионисий запустил пальцы в лохматую бороду.

— Для стрельбы из этого оружия необходимы специально обученные солдаты.

— Да, господин! Солдат потребуется обучить, так сказать, в процессе.

— Сколько человек должно быть в расчете катапульты?

Зопирион задумался.

— Судя по испытаниям на поле, их должно быть восемьдесят. При необходимости стрелять и заряжать катапульту можно и вдвоем, однако будет низкая частота выстрелов. К тому же нужны люди для передвижения и поворота катапульты, наведения на цель и способных сменить заряжающих в случае усталости.

— Тогда возникает еще один вопрос: как осуществить перевозку нескольких катапульт на большие расстояния?

— Зевс Олимпийский, господин! Я как-то об этом не подумал! Сейчас прикину: машины весят примерно восемьдесят талантов. Это слишком тяжело для обычной повозки.

— К тому же выводу пришел и несчастный Симон,— заметил Дионисий.

— Именно так. Думаю, их можно будет перевозить на низко посаженных четырехколесных подводах, запряженных быками, иначе они могут перевернуться.

— Обсуди этот вопрос с мастером по подводам из Арсенала и приступай к производству. И еще: кто-то должен стоять во главе расчетов. Пока не построено несколько катапульт, начнем с одного расчета. Кого ты можешь порекомендовать на пост командира?

Зопирион задумался.

— У меня есть храбрые солдаты, хитроумные философы, красноречивые поэты, однако нет людей, совмещающих в себе качества солдата и механика, что как раз и требует новое оружие. Мне совершенно не нужно, чтобы многообещающую машину испортил какой-нибудь несведущий дурак.

Зопирион едва удержался от реплики в адрес Лифодема.

— Ну, так кого бы ты предложил? Не хочешь взять на себя эти обязанности?

— Нет, господин.

— Ты проходил военную подготовку?

— В Таренте я был на сборах дружины народного ополчения. Вполне знаком с военным искусством и не надену наголенники раньше кирасы. Я смогу принять участие в сражении, если придется защищать родной город. Однако мне не хватает амбиций, чтобы стать наемным солдатом.

— Ты, несомненно, умен. К тому же, твои таланты сослужат мне в Арсенале большую пользу. Но кто тогда, если не ты?

— Я знаком с очень немногими солдатами. И только одного я знаю достаточно хорошо: это направляющий главного отряда Сеговак.

— Кельт, которого я посылал с вами в Карфаген? Хороший солдат, хотя и неумерен в выпивке. Разве варвару может понравиться то, к чему необходимо приложить извилины?

— Сеговак неоднократно поражал меня живостью ума, способностью приспосабливаться к обстоятельствам и не смешивать дело с любовью к виноградной лозе.

— Тогда испытаем его. Возрадуйтесь!

— Интересно, когда он думает поднять мне жалованье? — как только тиран отошел подальше, поинтересовался Зопирион у Архита. — Я собираюсь жениться, и нашел бы деньгам применение.

Архит рассмеялся.

— Думаю, ты их получишь, когда лошади научатся играть на флейте. Многие из нас долгое время тешились обещаниями Дионисия, пока не потеряли надежду.

— И ты тоже?

— Конечно! Он уже давно пообещал мне, что я буду получать по три драхмы в день, однако не спешит с выполнением. И Алексит уже не первый день предается размышлениям на ту же тему. Остается только радоваться, что, по крайней мере, мы не работаем в долг, а это периодически случается с его солдатами.

— Раз уж речь зашла об Алексите, то очевидно, по завершении строительства великих галер освободится несколько плотников. На какую работу их направят?

— Я не знаю. Пойдем, прогуляемся на верфи и посмотрим.

Вдоль берега Великой гавани, простираясь на целую лигу, стояли стапели, причем большинство из них были крытые. По приблизительным подсчетам Зопириона их было около двухсот.

Некоторые стапелы пустовали: их корабли недавно были спущены на воду. На других стояли триремы на разных стадиях завершения. На одних не было ничего, кроме киля. На других — киль и шпангоуты, подобно скелетам лежащего на спине древнего чудища. На третьих работа продвинулась до обшивки корпуса досками из леса со склонов Этны.

На самом краю длинного ряда на самых крупных стапелях стояли «Сиракуза» и «Аретуза». Последняя — пятерка — была наиболее интересной и современной.

Когда Архит и Зопирион приблизились к кораблям, друзья столкнулись с Алекситом, который о чем-то спорил с рабочим. Когда кораблестроитель заметил посетителей, то к величайшему удивлению Зопириона, расплылся в широкой улыбке.

— Возрадуйтесь! — громко произнес он, пытаясь перекричать визг пилы и стук молотков. — Вы еще не видели моих милых любимцев? Позвольте, я покажу вам...

Алексит повел друзей показывать корабли. Они забирались на лесенки и маневрировали между шпангоутами, а он тем временем разворачивал перед ними теорию кораблестроения. Зопирион дважды ударился головой о шпангоуты.

— Когда ты планируешь закончить строительство? — поинтересовался Зопирион, когда у него перестало звенеть в ушах.

— «Сиракуза» будет спущена на воду в следующей декаде. Потом останутся небольшие доработки — постройка кают и настил палубы. Для завершения второй галеры потребуется несколько месяцев. А почему тебя это интересует?

Зопирион рассказал о необходимости постройки пятидесяти катаapult.

— Ого! Ты рассчитываешь получить плотников, освободившихся по завершении строительства «Сиракузы»? — переспросил Алексит. — Ну что ж, могу пообщать тебе их всех. Однако, некоторые из них мне понадобятся на «Аретузе», да и на других верфях на них положили глаз. Однако, будь уверен, несколько человек ты получишь.

— Если ты поименно назовешь тех, кого согласен мне передать, то со списком в руках я буду иметь лучший вид в глазах Пирра, нежели просто взывая: «Людей, дайте людей!»

— Отлично. Буду рад помочь. Конечно, если это не в ущерб моему проекту.

— Скажи мне, Алексит, почему больший корабль будет готов гораздо раньше меньшего? Здесь явное противоречие.

— Приказ от хозяина. Он хочет, чтобы «Сиракуза» была готова и прошла испытания к концу мемактериона. Он хочет понравиться своей невесте.

— Что? — в один голос воскликнули Архит и Зопирион.

— Разве вы не слышали? Он уговаривает жителей Локр отдать за него дочь одного из олигархов. По этому случаю он хочет произвести впечатление, послав за ней самый большой корабль. Есть и другая новость, от которой у вас волосы встанут дыбом: одновременно с этим он хочет взять в жены девушку из Сиракуз — Аристомаху, дочь Гиприна.

— Женится сразу на двоих? Как персидский царь! — удивленно воскликнул Зопирион.

— Именно так. И когда кто-то из ближнего окружения попытался сказать ему о незаконности подобных действий, в ответ он заявил: «Послушай, мой дорогой! В Сиракузах нет иного закона, кроме моего слова — слова Дионисия». Он гораздо храбрее меня. При всех своих способностях я не в силах удовлетворять сразу двух женщин.

— Очевидно, постоянство не в его вкусе, — заметил Зопирион. — Каждый месяц он убеждает нас в необходимости защищать все эллинское. Но двоеженство никак не свойственно эллинам.

— Ох, не знаю, что и сказать, — вступил в разговор Архит. — Был же когда-то царь Спарты... У этого парня и имя было какое-то длинное. Да ты помнишь, Зопирион, ты же читал историю...

— Анаксандрид! Только он взял вторую жену по настоянию оракула. Его жена не могла иметь детей, а он не хотел с ней разводиться, — пояснил Зопирион.

— И почему же? — спросил Алексит.

— Потому что любил ее, — ответил Зопирион. Алексит презрительно усмехнулся.

— Но вышло так, что обе жены произвели на свет наследников, и началась обычная борьба за трон. Одним из его сыновей был небезызвестный Дор, который урвал себе большую часть — это было лет сто назад. Неужели архонт пошлет свой лучший корабль в середине зимы?

— Очевидно, так. Я не буду рисковать жизнью. Дионисий утверждает, что отдаст приказ своему капитану заходить в гавань только с попутным ветром. Если им повезет, дорога в один конец не займет больше двух дней.

— Был рад увидиться, Алексит, да хранят тебя боги. Мы должны вернуться к работе, — сказал Зопирион.

— Вот забавно! — заметил Архит по пути в Арсенал.

— Что именно?

— Как только я определил для себя место Алексита в числе своих злейших врагов, он начал вести себя так мило и полезно, будто мы никогда и не спорили.

— Разве ты никогда не слышал о дружбе, которая угасает на расстоянии? Думаю, с враждой может произойти то же самое. Люди постепенно забывают привычку постоянно думать об этом. Но, тем не менее, я очень рад, что нам больше не нужно работать бок о бок с господином Алекситом. Он из тех, кто может быть очаровательным, когда занят собственным делом. Но попробуй обойди его хоть в чем-то! Тогда пеняй на себя!

На следующий день, когда Зопирион завтракал, как обычно, у источника Аретузы, перед ним в начищенной до блеска кирасе и шлеме, украшенном гребнем, появился Сеговак.

— Чтоб тебе пусто было, дружище Зопирион, — хмуро про-рычал он.

— Почему?.. За что?..

— За то, что порекомендовал меня как лучшего солдата, какой только мог выйти из кельтских лесов! — хмурое выражение лица сменилось улыбкой. — Если быть до конца честным, мне было крайне неприятно. Когда архонт вызвал меня и спросил, не хотелось ли мне стать командиром расчета катапульты, я подумал: «Интересно, о чем бы подумали мои благородные предки, увидев меня не в гуще битвы с мечом и копьем, а стоящим на расстоянии десяти лиг от места сражения и нажимающим на крошечный рычажок? Копье летит в человека, который стоит так далеко, что выглядит не больше москита! Наверное, им было бы очень стыдно за меня. И, посули мне хоть все золото Персии, я был готов отказаться. Но Дионисий сказал, что как только производство катапульт наберет силу, он переведет меня, возможно, даже в стратеги. Вот я и призадумался. Если я всего лишь направляющий и получаю скромное жалование со множеством обещаний, то в чине по меньшей мере жалование мне обеспечено. Плюс обещания. Короче, я согласился. Но есть одна помеха, грозящая рухнуть нашему грандиозному плану.

— И какая же?

— Я не умею ни читать, ни писать. Дионисий считает, что это неременное условие на случай, если придется прочитать приказ стратега, стоящего слишком далеко, чтобы услышать его голос.

— Я предлагал тебе приходить ко мне и брать уроки. А теперь ты просто обязан это сделать.

— Горе мне, скоро вообще ничего не останется от храброго кельтского воина!

На ближайшем симпозиуме, устроенном в честь мастеров, Зопириону вручили золотую медаль. Годом раньше он принял бы ее с восхищением, и юношу распирало бы от гордости. И теперь он был рад получить награду, но чувствовал радость вперемешку со зрелой иронией. Зопирион принял бы медаль с радостью, как гарантию обещанной прибавки к жалованию, насколько это возможно. Но это было не так. Ему вручили медаль, но обещанное повышение оставалось только на словах. В случае крайней необходимости золото потянуло бы на сотню драхм. На эти деньги можно протянуть около года.

Три последующие месяца Зопирион сражался со своими катапультами. Оказалось, что проблемы, возникающие на производстве, сильно отличаются от трудностей разработки экспериментальной модели. Теперь он как ястреб отслеживал некачественные материалы или нерадивых работников. Научился проводить для каждой катапульти серьезные испытания: две одинаковые на первый взгляд машины могли по-разному проявлять себя в работе.

В мемактерионе была спущена на воду, оснащена и укомплектована командой «Сиракуза». Беглым взглядом Зопирион заметил Алексита. Тот стоял на квартердеке¹ нового корабля, изрыгая проклятия на головы гребцов, работающих не в такт. Гребцы — выносливые профессионалы, с мозолистыми руками и крепкими мускулами — получали солидное жалованье. Но, как видно, наличие крепких мускулов никак не связано с мозгами. Оказалось, что научить их грести по-новому на необычном корабле — задача не из легких. Люди привыкли к триремам, и от одного вида судна с пятью рядами весел их сковало ужасом. Они то и дело ударялись спинами или задевали за весла соседей.

«Сиракуза» плавала взад и вперед по гавани, пока Алексит не убедился, что гребцы слаженно работают веслами, не хуже, чем на обычной триреме. Тогда он устроил гонку в присутствии Дионисия. Пятивесельная «Сиракуза» выиграла у обычной трире-

---

¹ Квартердек — кормовой участок верхней палубы судна.

мы. И, несмотря на то, что обошла последнюю только на длину своего корпуса, кораблестроитель заслужил похвалу архонта и медаль.

На следующем пиру для строителей Дионисий расхаживал среди гостей, то и дело обмениваясь любезностями с кем-нибудь из них.

— Как продвигается производство? — поравнявшись с Зопирионом, спросил он.

— Гораздо лучше, господин. Теперь каждые десять дней мы выпускаем по одной катапульте.

— Почему так много времени ушло на раскачку?

— Проблема состояла во введении рабочих в курс дела и налаживании поставок качественных материалов. В результате нехватки то одного, то другого у нескольких первых катапульт были выявлены недостатки, и их пришлось разобрать. Кстати, о архонт, у меня скоро свадьба.

— Поздравляю, о Зопирион.

— И тебя вдвойне, господин.

Дионисий, испытующе посмотрев на Зопириона, разразился одним из своих редких смешков.

— Дело принципа, мой мальчик! И что только ни сделаешь для моих любимых Сиракуз? Если ты хотел напомнить мне об обещанном повышении заработной платы, то в течение нескольких месяцев я найду возможность выполнить свое обещание.

— Я буду тебе очень признателен, однако не об этом я хотел сказать.

— А о чем?

— Я слышал, что ты собираешься в следующем месяце послать «Сиракузу» в Локры.

— Да, я хочу привезти сюда свою невесту — Дорию, дочь Ксенета.

— Моя возлюбленная живет в Мессане, это как раз по пути... — и юноша рассказал о настойчивом желании Ксанфа устроить свадьбу в этот счастливый день.

Тиран почесал лохматую бороду.

— Очень интересная идея. Мы могли бы высадить тебя по пути в Локры, а на обратном пути забрать. Очень красиво! Кроме того, ты уже не будешь сходить с ума от любви настолько, чтобы забыть вернуться к назначенному сроку. Такое с тобой уже было. Но есть некоторые трудности.

— Какие же, господин?

— Я хочу справить свадьбу в полнолуние гамелиона. Поэтому в этот день твоей свадьбы нам не удастся высадить тебя в Мессане: к этому времени Дория должна быть в Сиракузах... Подожди, у меня идея! По-моему, четвертое гамелиона не менее удачно для заключения брака, чем пятнадцатое. А если мы высадим тебя за пару дней до четвертого и заберем спустя два-три дня? Это устроит нас обоих,— и тиран расплылся в улыбке, радуясь собственной находчивости.

— Благодарю тебя, господин! Я напишу об этом отцу моей возлюбленной!

Так и случилось. Четвертого гамелиона Зопирион стоял рядом с Коринной в ее родном доме. Каждый из них отрезал прядь волос и сжег их на семейном алтаре. Они разломали медовый пирог, и оба съели по половинке, а гости — друзья Ксанфа — спели им венчальные песни. Вечером после праздника они вышли на улицу. Началось шествие с факелами. Главк правил свадебной колесницей, в которой находились Зопирион и Коринна. Возница направил лошадей к дому одного из друзей Ксанфа, которого последний уговорил предоставить на один день жилище новобрачным.

— Будет просто до безумия,— пояснил Ксанф,— пройдем шествием по городу и снова вернемся домой. При этом обычай окажется соблюден.

Когда Зопирион и Коринна под дождем из зерен и оливок съели на пороге дома друга Ксанфа ритуальную айву и, наконец, закрыли за собой дверь, невеста откинула вуаль. Они долго смотрели друг на друга и безо всякой на то причины разразились хохотом.

— Слава богам, что *это* уже позади! — в один голос сказали они.

— Не пойти ли нам на кровать, дорогая? — спросил Зопирион.

— Почему бы и нет? Мы и так ждали достаточно долго.

МОТИЯ

На протяжении зимы и весны Зопирион руководил строительством катапульт. В Арсенале постоянно наращивали темпы производства. Выпуск оружия достиг невероятных масштабов: мастерские кузнецов и плотников стояли на месте Сиракузского рын-

ка, территориях вокруг храмов и палисадниках богатых домов. На улицах Ахрадины не вызывали удивления люди, несущие связки стрел, дротиков и копий, связки пращей. Тиран рыскал повсюду, проверял, одних хвалил, а других разносил в пух и прах. Привычные дела жителей Сиракуз постепенно замирали: город вытягивал все силы в гигантском порыве. Только золотых дел мастер трудился не покладая рук, занятый производством медалей, венков и корон для лучших мастеров Дионсия — победителей соревнований в изготовлении оружия.

Зопирион поселился с женой и приемным сыном в небольшом домике, снятом в Сиракузах. Архит по настоянию тирана переехал на Ортигию. Зопирион избежал переезда на остров только из-за того, что дом для семейных мастеров не был достроен. Дионисий тоже начал супружескую жизнь со своими двумя женами, которых он вместе поселил на женской половине дворца.

— Такое впечатление, что он управляется со своими женами с той же эффективностью, как и со всем остальным,— заметил Архит за чашей вина во время обеда в доме Зопириона.— Говорят, он развлекает их обеих, и женщины преданы ему, несмотря на их... необычный статус.

— Интересно, как это у него получается? — поинтересовался Зопирион.— Они спят все трое в одной постели или соблюдают очередность?

Архит засмеялся, покачивая на колене малыша Херона.

— Хозяин мне не рассказывал, а с женщинами я его никогда не видел. Я тебе только пересказал слухи, которые рассказывают за спиной у архонта. Ортигия жужжит об этом как растревоженный улей. И последнее: через несколько дней состоится общий совет Сиракуз.

— Зачем?

— Не знаю. Но думаю, Дионисий выступит с речью, в которой напомнит горожанам о необходимости вовремя заплатить налоги и не забыть пристегнуть к поясу меч на случай атаки грязных финикийцев.

— Или объявит о своем решении отправиться в поход на них. За последнее время он несколько раз спрашивал меня о том, как продвигается строительство катапульта. Думаю, архонт сгорает от нетерпения.

— Это полностью подтверждает некоторые слухи,— сказал Архит.— Очень многие сиракузяне — и не только члены старого правительства — давно мечтают о самоопределении. Их никак не

устраивают разговоры Дионисия об «управляемой демократии». Многие, опасаясь убийства или похищения, сбежали на финикийские территории, расположенные в западной Сицилии — это единственное место, где они недоступны для его агентов. Слухи об организации так называемой «политической партии в ссылке» приводят хозяина в неопишумую ярость. А как продвигаются твои катапульты?

— Не так хорошо, как хотелось бы. Иной раз меня доводила до бешенства разработка этих машин, но я не предполагал, что производство еще хуже! Когда наконец выбиваешь строевой лес или бронзу, то оказывается что некоторые рабочие заболели, или их перевели на другой объект, или они просто исчезли. Когда бригада в полном составе готова приступить к работе, оказывается, что материалы растащили другие строители, и опять ничего не выходит. А когда наконец-то собраны воедино и люди, и материалы, то наступает выходной, и опять невозможно приступить к работе.

— В этом вся жизнь, старик. А сколько катапульт уже готово?

— Сегодня мы испытывали восемнадцатую, не считая неисправных, которые пришлось разобрать. Но не о катапультах я больше всего переживаю.

— А о чем же?

— Как ни глупо звучит, предметом моего беспокойства явились снаряды. Ты, наверное, полагаешь: если в Арсенале налажено производство таких сложных машин, как катапульта, то, несомненно, проблем с такой ерундой, как стрелы для нее, возникнуть не должно. Однако даже здесь не обошлось без разногласий.

— Ой!

— Понимаешь, стрела для катапульты — не совсем обычное копьё и не совсем обычная стрела. Это снаряд, обладающий свойствами их обоих. Мастера по стрелам, как и мастера по дротикам, требуют, чтобы эту работу поручили именно им, а в случае отказа угрожают остановить производство. Вряд ли они решатся бастовать, они слишком боятся Дионисия, но саботировать могут запросто. Я надеялся заняться разработкой новой, усовершенствованной катапульты, но все рабочее время уходит на чертово управление — уговариваю, угрожаю, подлизываюсь и успокаиваю множество взрослых детей, чума на их голову!

— Теперь ты понимаешь, что значит быть начальником, — заметил Архит.

— К слову о финикийцах, знаешь кого я сегодня встретил? — сказал Зопирион.

— Кого же?

— Капитана Асто, старого друга с «Муттумалейна». Он появился в городе — первый рейс на Сиракузы в новом сезоне.

— Мне бы хотелось познакомиться с ним. Судя по всему, он хороший человек.

— Я хотел пригласить его сегодня к нам, — Зопирион бросил взгляд на кухню, где Коринна мыла тарелки и понизил голос. — Ты знаешь, как Коринна относится к финикийцам. На этой почве мы повздорили впервые в супружеской жизни. Я убеждал ее, что нелогично осуждать беднягу после того, как он был добр к нам на «Муттумалейне». Но ни к чему хорошему это не привело. Если бы я был мужем — истинным эллином, я должен был бы сказать: «Женщина, ты обслужишь моего гостя и не перечь мне по пустякам!» Но у меня как-то не получается вести себя с ней подобным образом.

— Дружище, тебе следовало бы хорошенько подумать, прежде чем начать спорить, да еще так эмоционально. Пытаться логикой повлиять на чувства так же бессмысленно, как и охота на льва с мухобойкой. Но я не говорю, что это невозможно. Могу порекомендовать отличную методу.

— Ну же, господин Всезнайка, и как ты собираешься изменить чужое мнение?

— Во-первых, необходимо понравиться оппоненту. Думая, что ты хороший парень, он готов принять и твои идеи. Здесь логика просто чудовищна, но так работает разум смертных.

— Хорошо тебе говорить об этом, когда ты постоянно излучаешь обаяние, как борец — масло. Но Коринна не примет мою точку зрения только потому, что она моя любимая жена. У нее своя голова на плечах. Возможно, если бы у нас был большой дом, с отдельной женской половиной и слугами, которые выполняли бы грязную работу, все было бы иначе. Она просто не встретила бы с моими гостями.

— Ты вполне можешь позволить себе побольше, чем этот, — оглядываясь по сторонам, заметил Архит. — Я не говорю, что твой дом не хорош. Разве твой отец по случаю свадьбы не оставил тебе немного денег?

— Пока я получил только первую часть суммы, и не хочу бросать на ветер свой скромный капитал.

— Ты соберешься потратить деньги, только когда рак на горе свистнет.

— Да, мои достоинства весьма непривлекательны: бережливость, аккуратность, умеренность, усердие... Люди часто обладают очарованием, но редко когда и тем и другим. Боюсь, боги наделили меня только характером.

Архит усмехнулся.

— По-твоему, я беспутный оболъститель?

— Нет, ты — одно из редких исключений — благословенный, боги наделили тебя и тем и другим.

— Хорошо сказал, старик! По этому поводу следует выпить. За богов, по чьей милости мы рождены свободными, а не рабами, мужчинами, а не женщинами, эллинами, а не варварами!

Жители Сиракуз собрались на рыночной площади. Солнце поднялось над Ионийским морем, окрасив алыми лучами Малую гавань, и осветило город. Яркий свет заиграл на узких улочках, на крышах крытых красной черепицей домов, оранжевым цветом окрасил белые стены домов. Дионисий, в надетой поверх туники железной кирасе, взошел на помост, возвышающийся на рыночной площади. Лучи утреннего солнца ярко-алыми огненными бликами играли на его кирасе, сверкали на шлемах и кирасах солдат из охраны архонта, двойным кольцом опоясывающей помост, сияли на отполированных бронзовых статуях, установленных по периметру рынка, и раскрашивали в оттенки розового их мраморные постаменты.

— О, жители Сиракуз! Когда-то я предупреждал вас об угрозе, наступающей с запада. Рассказывал о грязных стяжателях, с горящими глазами трясущимися пальчиками перепроверяющих таблички со счетами, которые строят немислимые козни, целью которых стоит уничтожение нашей прекрасной греческой цивилизации.

— Опять одно и то же,— прошептал Зопирион на ухо другу.

После обычной напыщенной тирады в адрес финикийцев Дионисий перешел к разговору о несправедливости: нельзя позволить этому сброду управлять греческими городами восточной Сицилии.

— ...при виде варваров, сжигающих младенцев, дерзко захвативших власть и управляющих эллинами — эллинами! — у богов, несомненно, наворачиваются на глаза слезы стыда и обиды за нас! Эллины! Единственная достойная цивилизация на Земле! Раса, избранная богами! Просветители всего мира! Мы не можем

допустить подобной гнусности, мы должны исправить чудовищную ошибку! Кто, если не мы?!

Дионисий сделал паузу, выждав, пока его клакеры не устроят бурную овацию.

— И по этой причине я, Дионисий, послал так называемому совету Карфагена требование немедленного и единовременного освобождения греческих городов. Несмотря на то, что моя петиция была составлена весьма учтиво, совет отверг ее с оскорблениями и насмешками. Так какие же политические средства остались в нашем распоряжении?

— *Полемос! Полемос! Полемос!* — разразились клакеры.

А вслед за ними и многотысячная толпа начала в один голос требовать:

— Война! Война! Война! — все громче и громче кричали люди, пока шум не стал просто оглушительным.

Наконец, Дионисий поднял руку, призывая народ к молчанию.

— Теперь все понятно! — когда толпа затихла, прошептал Зопирион на ухо Архиту.

— О мой народ! Ты сказал свое слово! — закричал Дионисий. — И я, твой вождь, не могу не подчиниться. Возможно, борьба будет тяжелой. Враг, хоть и малодушен, но достаточно хитер и вероломен. Если перетрусившие карфагеняне сами не в состоянии взять в руки оружие, у них достаточно денег, чтобы собрать огромное наемное войско из нумидийцев, лигуров, иберов и прочих варваров. Но, несмотря на опасность и возможные жертвы, мы должны победить! Карфаген ослаблен чумой и будет не в состоянии защитить свои сицилийские города. Слава будет великой, а добыча еще больше! *Ио эллинам! Ио Сиракузам!*

Толпа начала расходиться, и Зопирион с Архитом повернули к Ортигии и Арсеналу. Через час, когда Зопирион начал работу, к нему пришел Архит.

— Я слышал, что среди черни формируются отряды: они собираются перерезать полукровок-финикийцев. Тебе лучше быть дома, если придется защитить семью.

— Ты не сможешь мне?

— Конечно. Подожди, я захвачу свой меч.

Улицы Сиракуз, прилегающие к мосту на Ортигию, были необычно пустынные. Двери и окна были плотно закрыты. Издалека,

то громче, то ослабевая, доносился приглушенный гул. Друзья пошли быстрым шагом, тихо переговариваясь и с опаской поглядывая на глухие стены по обе стороны улицы.

Когда они завернули за угол, рев зазвучал с новой силой. Из-за следующего угла в растерзанном платье, потеряв на ходу тапочки, тяжело дыша и размахивая руками, выскочил финикиец. Вслед за ним с воем, выкрикивая угрозы и потрясая ножами и дубинами, неслись горожане. Архит с Зопирионом прижались к стене. Орда преследователей пронеслась мимо, не обратив на друзей никакого внимания: горящие безумные глаза, бороды в пене.

Оставшись одни, Зопирион и Архит переглянулись.

— Надо поторопиться. Судя по настроению толпы, бог знает, что может случиться.

Друзья прибавили шаг, но спустя некоторое время их внимание привлек запах дыма и потрескивание пламени.

— О Зевс Олимпийский! Эти безумцы готовы поджечь город! — воскликнул Зопирион.

Перед небольшим домиком в центре квартала с плотно закрытыми окнами и дверями собралось человек сто горожан. Некоторые из них поджигали факелы и бросали на крышу. Яркое пламя уже охватило ее, дым клубами пробивался сквозь щели.

Дверь распахнулась, и на улицу выскочил молодой человек. Одно мгновение, и толпа с ревом бросилась на него. Отразив лучи солнца, сверкнули ножи. Поднялись и опустились дубинки. Толпа отхлынула назад и полукругом окружила место происшествия. Дверь снова распахнулась, и из дома выбежала женщина. Толпа снова сомкнулась, в безумии нанося смертельные удары. А потом вышел маленький мальчик. Его, как и родителей, забили до смерти. Последней появилась старушка. Но не успела она сделать и шага, как разъяренная толпа растерзала и ее.

Некоторые участники избиения с воем и пеной на губах устремились прочь, подхватив обрубленные руки и ноги и во все стороны разбрызгивая кровь. Один из них, будто мяч, пнул лежащую на мостовой голову. Другие ринулись в пылающий дом, чтобы успеть ухватить хоть какое-нибудь добро прежде, чем рухнет охваченная огнем крыша.

Появился отряд наемников Дионисия. Они подошли к обезумевшей толпе и пиками отгеснили ее от горящего дома. Не обращая внимания на расчлененные тела, они встали в ряд и при-

нялись тушить пожар, передавая ведра с водой по цепочке из ближайшего фонтана.

Друзья пробились сквозь толпу и поскорее пошли к дому Зопириона. По пути им то и дело попадались искалеченные тела, лежащие в лужах крови.

— Помедленнее, старик! Нельзя переходить на бег, а то обезумевший сброд примет нас за спасающихся бегством!

Улица, на которой стоял запертый дом Зопириона, была пуста. Зопириону пришлось стучаться и звать жену, пока, наконец, Коринна не открыла им дверь. Друзья поскорее зашли в дом. Дверь закрылась, и прихожая погрузилась в полумрак. Трепещущая Коринна приникла к мужу. Херон не отходил от матери, задавая бесконечные вопросы. Архит отвел его в сторону и начал рассказывать интересную сказку. Зопирион достал из сундука меч.

Неожиданно раздался нетерпеливый стук в дверь.

— Кто там? — спросил Зопирион.

— Это я, Асто! Именем ваших богов, впустите меня!

Зопирион на мгновение застыл в нерешительности. С одной стороны, он без вопросов открыл бы дверь финикийцу, который принадлежал к числу его друзей. С другой стороны, он боялся подвергнуть опасности своих близких.

— Это капитан Асто. Если я не открою дверь, его убьют. В противном случае, за ним могут прийти... — нерешительно взглянув на Коринну, произнес он.

— Впусти его! Пусть зайдет! Быстрее!

Зопирион открыл дверь. Асто, весь в поту и тяжело переводя дыхание, проскользнул внутрь. Не успел юноша закрыть дверь, как послышался рев приближающейся толпы. Зопирион быстро захлопнул дверь и задвинул засов.

— Быстро в дальнюю комнату! Спрячься под кроватью,— резко бросил Зопирион.

Раздались оглушительные удары в дверь.

— Открывайте! Мы знаем, что он здесь! Открывайте, а не то мы подожем дом! — вопили из-за двери.

Архит побледнел и взялся за рукоять меча.

— Мы должны открыть дверь, или они нас поджарят. Возможно, нам удастся убедить их поискать финикийцев в другом месте.

Сердце Зопириона было готово выскочить из груди, когда он, обернув руку плащом, наподобие щита, широко распахнул дверь и встал на пороге с мечом в руке. Архит, также держа меч наготове, встал рядом с ним.

— Что вам нужно? — спросил Зопирион. Его голос прозвучал особенно низко и резко.

Те, что стояли в первых рядах, при виде мечей отпрянули назад.

— Вы прячете грязного финикийца! Мы видели, что он зашел сюда! Отдайте его нам! — раздался голос из толпы.

— Финикиец? Что за ерунда! Здесь нет никаких финикийцев!

— Услышав шум, мы приоткрыли дверь и выглянули на улицу. Вы же видели, как мы ее закрывали. Ваш финикиец убежал туда, — и он указал направление.

— Тогда, клянусь Гераклом, мы хотим сами убедиться в этом!

— Вы в своем уме? — возмутился Архит. — Разве вы не знаете, кто мы? Мы ведущие мастера архонта, а в доме хранятся его секретные устройства.

Аргумент подействовал, внеся раскол в свору преследователей. Одни говорили: да, это государственные служащие. Другие утверждали обратное и настаивали на необходимости обыска.

Зопирион то и дело поглядывал на улицу. Если бы там показался Сеговак со своим отрядом! Но ничто не указывало на приближение подмоги. Сеговак наверняка находился в поле, проводя учения с расчетом катапульты.

Худой юнец в поношенной одежде и взглядом, как у дохлой рыбы, толкался в последних рядах.

— Вперед! Чего вы боитесь! Мы знаем, что хапуга здесь! И вообще, не карфагенский ли он шпион? В любом случае, у них есть, что грабить. Вперед! Идите же! — не унимался он.

Поддаваясь его уговорам, люди в последних рядах напирали на стоящих перед ними, а те все более плотным кольцом приближались к двери. В свою очередь Зопирион с Архитом начали размахивать мечами перед лицами стоящего в первых рядах сброда, алчущего крови и добычи. Отшатываясь назад, они напирали на задние ряды. Толпа у заветной двери постоянно колебалась, подобно морскому прибою. Все это время Архит пытался уговорить погромщиков удерживая их от безрассудных действий.

Наконец Зопириона осенило.

— Коринна! Ты знаешь, где лежит мое разжигающее огонь стекло? Принеси его!

Вскоре она вложила стекло мужу в левую руку. Он приложил его к левому глазу и закричал юному агитатору из последнего ряда:

— Эй ты, рыбий глаз! Да, ты, в голубой рубашке!

— Ты мне?

— Да, тебе! Ты не верил, что у нас есть секретные изобретения? Взгляни, это одно из них. С его помощью я могу наводить порчу. Хочешь посмотреть, как он работает?

И Зопирион уставился сквозь линзу на смутный образ юнца. Тот с криком отпрянул.

— Не смей наставлять его на меня! Клянусь Зевсом, я убью тебя, если ты не прекратишь! Убери его от меня! — вопил юнец и, схватившись за первого попавшегося разбойника, попытался спрятаться у него за спиной. Тот вырвался и, в свою очередь, спрятался за юнца. Перепуганный юнец бросился улепетывать по улице, уворачиваясь от наводящего порчу взгляда и выкрикивая угрозы и непристойности. Несколько, очевидно, не самых умных мерзавцев в испуге побежали следом.

— За мной! Я знаю дом, в котором абсолютно точно живут финикийцы! И там есть, что грабить! — закричал один из оставшихся и пошел прочь. За ним последовало несколько человек.

Хулиганы, собравшиеся у двери дома Зопириона, постепенно расходились — кто группами, кто по одному, с опаской поглядывая на Зопириона и его стекло. Вскоре все ушли.

Все кончилось благополучно, и друзья вернулись в дом. Оба устало опустили на стулья, Архит вытер пот со лба.

— Обычно я не пью по утрам, но сегодня... — произнес Зопирион. — А, дорогая, спасибо. Налей Архиту. Херон, передай папе лампу.

Зопирион поднес сосновую щепку к раскаленным уголькам очага, подождал, пока она загорится, и зажег лампу.

— Мы были на волосок от смерти, — пробормотал Архит. — Клянусь Серебряным Яйцом, мне еще никогда не было так страшно с тех пор, когда мы воровали сливы, попались старому Пелею и он спустил на нас огромного пса.

Зопирион погладил Коринну.

— Ты проявила мужество, позволив Асто войти в дом. Особенно если учитывать твоё отношение к финикийцам.

— Асто? Я о нем совершенно не думала!

— Неужели?

— Я подумала о его семье в Моти. Я знаю, каково быть одинокой вдовствующей женщиной с ребенком на руках.

— О, милостивые господа, все спокойно? Мне можно выйти отсюда? — раздался из спальни жалобный голос.

— Нет, будь там, где сидишь. Мы позовем тебя, когда все окончательно успокоится. Сынок! Отнеси Асто чашу вина. Нет сомнений, она как никогда поддержит его.

День прошел в томительном ожидании. То и дело раздавался стук ставней: люди выглядывали на улицу и тут же запирались снова. Временами казалось, что все спокойно. Однако снова и снова вдалеке раздавался рев беснующейся черни — то ближе, то дальше. Где-то с громким треском горели дома. Над городом плыли густые облака дыма: то витыми кольцами, то резкими полосами.

Далеко за полдень улица эхом отозвалась на новые звуки: помимо обычного шума толпы послышался ляг воинских доспехов и оружия. Зопирион посмотрел в щелочку в ставнях. Отряд наемных воинов гнал перед собой разгулявшуюся чернь. Какой-то разбойник замешкался и с ворчанием повернулся к одному из солдат, тот вскинул копье и нанизал на него, как на вертел, тело мерзавца.

Зопирион заметил великолепные бронзовые усы.

— Сеговак! — распахнув окно настежь, закричал он.

— Да, Зопирион, дружище! Еще немного, и в городе будет безопасно, как в детской, — направляясь к дому Зопириона, сказал Сеговак. — Архонт приказал навести здесь порядок, даже если и придется порезать парочку-другую негодяев, чтобы научить их выполнять обязанности гражданина.

— Очень жаль, что ты не пришел утром, когда они пытались ворваться в мой дом!

— А зачем им это понадобилось? Ты такой же грек, как и оливковое масло!

— Мы спрятали одного старого друга, — сказал Зопирион и добавил громким шепотом: — Асто из Моти!

Сеговак широко улыбнулся.

— Ни слова. Я ничего не слышал, ты ничего не говорил. А мне пора догонять отряд. Удачи вам!

Сеговак ушел.

— Выходи, Асто! — позвал Зопирион.

Из дальней комнаты появился взъерошенный Асто, из растрепанной бороды торчали хлопья пыли. Моряк упал на колени, прикоснувшись лбом к полу, и поцеловал руку Зопириона, выражая вечную благодарность. Потом он повернулся к Архиту.

— О, поднимись с колен! Простая благодарность не требует сложного выражения. Давай лучше поразмыслим, как тебе безопасно добраться до дому.

— Сначала он должен стать эллином,— сказал Зопирион.— Сними-ка финикийскую шапку, Асто. Я одолжу тебе хитон. Моя одежда будет тебе длинновата, да кому какое дело. Волосы придется подстричь. Да, и необходимо снять серьги. Нам придется их перепилить?

— Нет. Их можно просто снять.

— Где твой корабль? — спросил Архит.

Асто развел руками.

— Не знаю, о благородные господа. Стоял в Малой гавани. Но у нас есть распоряжение от компании: в случае возникновения беспорядков сняться с якоря и выйти в море, не дожидаясь задержавшихся членов экипажа.

— Сходим в гавань и убедимся собственными глазами. Если корабль ушел, тебе придется отправиться в очередное долгое путешествие верхом на муле.

Следующим утром переодетый эллином Асто верхом на муле отправился в западную, финикийскую часть Сицилии. Зопирион убедился, что его друг без приключений выехал за пределы Сиракуз, поэтому в Арсенале он появился только к обеду. Посыльный от Дионисия передал ему указание архонта без промедления прибыть во дворец.

Тиран сидел за длинным столом во внутреннем дворе и вместе с секретарем и Филистом изучал разложенные на столе свитки папируса и вощенные таблички.

— Присаживайся, о Зопирион. Как продвигается производство катапульта? — поинтересовался Дионисий.

— Завершаем двадцатую — осталось несколько последних штрихов.

— Что-то не похоже на обещанные к этому сроку пятьдесят.

— Делаем как можно быстрее, как позволяют обстоятельства. В прошлом месяце удалось построить... сейчас вспомню... шесть.

— А сколько ты можешь сделать за три месяца?

— При настоящей скорости производства — восемнадцать. По мере повышения квалификации рабочих возможно увеличение этой цифры до двадцати.

— Если я дам тебе достаточно рабочих, ты сможешь за это время построить тридцать катапульта?

— Возможно. Однако для этого необходимы не только дополнительные рабочие руки.

— Почему же?

— Мне понадобятся дополнительные площади в Арсенале: новым рабочим необходимо место для работы и, конечно, дополнительные материалы. К тому же возникнет некоторая задержка в связи с необходимостью вводить в курс дела новых рабочих. Думаю, немногие имеют опыт работы с такими сложными устройствами. Достаточно трудно убедить их в необходимости придерживаться точных размеров: отдельные части должны соответствовать друг другу.

Дионисий взглянул на Филиста.

— Не думаю, что проект Динона — огромный щит на колесах — будет завершен с достойным результатом. Его можно закрыть и передать Зопириону место, которое занимает сейчас бригада Динона.

— Да будет так, — сказал Дионисий, кивнул секретарю и повернулся к Зопириону. — Назначу тебе в помощники Абдаштарфа из Африки. Кстати о финикийцах. Я слышал, у тебя вчера были кое-какие неприятности?

— Ничего серьезного, господин. Но думаю, в городе были произведены большие разрушения, — пораженный быстротой, с какой архонт узнает о том, что происходит с его подчиненными, ответил он.

— Не больше, чем можно было ожидать. Такое случается во многих городах на Сицилии. Естественная зачистка.

— Можно мне задать вопрос, касающийся вашей политики?

— Спросить можешь. Но я подумаю, стоит ли мне отвечать.

— Почему ты так долго ждал и послал солдат ликвидировать беспорядки далеко за полдень? Погибло множество невинных. Кроме того, жители Сиракуз поджигали дома финикийцев, и остается только благодарить богов за то, что не было ветра: в ветреный день мог бы выгореть весь город.

Дионисий почесал бороду.

— Позволь мне сказать, что я думаю о тебе, Зопирион. Я знаю: есть философы, которые полагают, что человек произошел — эволюционировал — от низших животных. Судя по тем качествам, которые я наблюдаю вокруг себя в некоторых людях, это истинная правда. Ваш усредненный человек обладает стремлением к добру, хочет быть храбрым, жертвовать собой ради других и так далее. Но его также переполняют безнравственные и эгоистичные побуждения: сорвать мгновенное удовольствие, обидеть слабого, воровать, пытаться и убивать. В некоторых ситу-

ациях человеком управляет лучшая половина, в некоторых — худшая. Почему армия, долго и храбро сражавшаяся, в последующем сражении поворачивается спиной к противнику и улепетывает, как стая зайцев? Потому что люди исчерпали свой заряд храбрости и начинают следовать животному инстинкту самосохранения, спасая любой ценой собственные жизни.— Дионисий ненадолго задумался.— Далее. Как ты понимаешь, я крепкой рукой управляю Сиракузами. И многого жду от них: соблюдения гражданских правил и порядка в мирное время, мужества, стойкости и дисциплины в военное. Но я знаю, что не находящие выхода их отрицательные импульсы все время растут, как давление в кузнечных мехах, если закрыть сопло. Но этим импульсам необходимо давать выход, или они найдут выход сами по себе, раньше или позже, в той или иной форме. И для меня гораздо лучше, если они выльются на головы нескольких никчемных финикийцев, но не разорвут мои меха. Время от времени людям необходимы подобные встряски, в результате которых удовлетворяются их животные инстинкты. Так перемешивает грязь с водорослями вдоль всего побережья Сицилии.

— А то, что в ключья растерзали множество ни в чем не повинных безобидных людей, не имеет никакого значения?

— Не совсем так. Великий правитель не может позволить себе думать о судьбе отдельных личностей. А я, Дионисий, отхожу себя именно к таковым. Ты будешь с этим спорить?

— Нет, господин,— решительно ответил Зопирион, однако он подумал: «Дорогой Геракл! Разве может этот парень ожидать от меня иного ответа? Я же полностью в его власти!»

— Итак, если правитель не будет принимать тех или иных решений только из-за того, что их последствия могут привести к смерти или причинить вред, он никогда ничего не добьется. Он не достигнет славы. Более того, инертность его действий вызовет ответную реакцию: резко возрастет противодействие, и в результате ему все-таки придется вступать в борьбу. Только жертв в этом случае окажется значительно больше. И еще: большинство убитых во время вчерашних беспорядков — чужеземцы. Следовательно, отношение к ним будет иное, чем если бы порезали эллинов... Ваша проблема — проблема ученых людей — в том, что вы слишком много путешествовали и учились. Образование и странствия ослабляют свойственную человеку преданность своему городу и народу.

— Если бы моя преданность своему городу соответствовала твоим словам, то я должен был остаться на родине. Это касается

и остальных мастеров. И тогда, мой господин, некому было бы работать на тебя.

— Истинно так. Но, так или иначе, мы оказались здесь, и нам обоим следует извлечь из сотрудничества максимальную выгоду. Но меня ждут другие дела, о Зопирион. Что касается катапульта, ты в курсе моих пожеланий. Постарайся выполнить их наилучшим образом. Возрадуйся!

В выходной Зопирион пересек мост, соединяющий Ортигию с основной частью острова, и направился к Арсеналу. В огромном здании никого не было, за исключением стоящих у входа часовых. Юноша планировал еще раз проверить катапульти и обдумать возможности ускорения темпа работ. На дальнем конце Арсенала, где раньше были сложены материалы для постройки кораблей, освободили место для готовых катапульти. Зопирион прошелся вдоль ряда смертоносных машин, пощипывая тетиву и проверяя спусковые рычаги. Он ощутил легкую гордость за свое изобретение. Наверное, похожее чувство охватывает поэта, когда он видит свое творение записанным чернилами на листе папируса.

Подойдя к концу ряда, он заметил на одной из катапульти нечто странное: на брус с желобом были нарисованы под ровным углом желтые полоски. Создавалось впечатление, будто их недавно начертили превосходной кистью. Но когда юноша подошел ближе, у него замерло сердце: не желтая краска, а свежие надпилы обезобразили брус катапульти. Небольшие кучки опилок под каждым надрезом молчаливо подтвердили его подозрения.

Испорченная катапульта стояла третьей от конца. Зопирион поспешно бросился к двум последним. Их тоже подпилили. Но в отличие от надрезов на предыдущей машине, надпилы были более глубокие, и их было больше. Похоже, что вредитель либо устал, либо испугался и не завершил задуманное.

Кровь ударила ему в голову, и обезумев от ярости, Зопирион бросился к Архиту: он жил здесь же, на Ортигии, в доме для холостых рабочих и мастеров. В ответ на неистовый стук в дверь и громкие крики друга, в дверях появился Архит. Завернувшись в одеяло, он позевывал спросонья и протирал глаза.

— Клянусь всеми собаками Египта! Даже в выходной невозможно выспаться!

— Пойдем со мной! Какой-то грязный содомит крутился у моих катапульти. Три уже испорчены!

— Зевс всемогущий! Подожди минутку, я оденусь.

Спустя полчаса Зопирион и Архит подошли к Арсеналу в сопровождении Пирра, Лифодема, Филиста, Дионисия и телохранителей тирана. Они внимательно изучили испорченные катапульты.

— О Зевс, порази этих грязных негодяев! — взревел Дионисий. — Вы не проверяли Арсенал? Может, кто-то спрятался за бухтами веревок?

Никто не совершал никаких проверок. Тогда Дионисий повернулся к телохранителям.

— Вы двое, проверьте каждый дюйм этого здания. Телесин — первый этаж, Вертико — балконы.

— Но, господин, — начал было один из телохранителей.

— Забудь о моей безопасности! — отрезал Дионисий. — Приступай к выполнению!

— Шпионы Карфагена, тебе так не кажется? — повернулся он к Филисту.

— Я знаю, чьих рук это дело, — вмешался Лифодем. — Наверняка здесь не обошлось без гнусных финикийских строителей, которых ты нанял, хозяин. Почему ты их не утопил?

— Повешу, если они того заслуживают. Почему ты так уверен, Лифодем?

— Все знают, насколько вероломны эти ублюдки. Естественно, что их симпатии — на стороне Карфагена. Налицо и мотив, и средства для осуществления преступления. Что же еще нужно?

— Для вынесения приговора одних подозрений недостаточно. Хорошие мастера представляют для меня слишком большую ценность, чтобы казнить их только на основании подозрений. Ты видел, чтобы они что-нибудь подпиливали?

— Нет, но я уверен, что они это сделали. У них была причина...

— Ты видел хоть одного из них выходящим из Арсенала с пилой в руке? Нет? Но предполагаешь, что один из них непременно виновен? А как же остальные? Если бы вредительством занялись все десять строителей, ущерб был бы в несколько раз большим.

— Давайте обсудим то, что знаем из первых рук, — после некоторого раздумья заключил Дионисий. — В затянувшемся споре невозможно отыскать истину. Зопирион, что ты можешь сказать о своем помощнике?

— Абдаштарфе? Лучшего вряд ли найдешь. Он ненавидит Карфаген не меньше, чем вы: карфагеняне обложили его родной город непосильной данью.

— А что ты скажешь об остальных, Пирр?

Пирр пожал плечами.

— Они ничем не отличаются от остальных мастеров. У кого-то получается лучше, у кого-то хуже, но все трудятся добросовестно. Ни один из них не дал мне оснований для подозрений.

— Да все они гнусные! — закричал Лифодем. — Вы как малые дети! Неужели вы не понимаете: проклятые содомиты только и ждут случая поджечь Арсенал, верфи или весь город. Если их до сих пор не поймали, то только потому, что они слишком умны. Держатся в стороне, а мы и успокаиваемся, проявляем беспечность и даже не подозреваем их. Катапульты — их проба пера, начало. Увидите, на что они способны! И запросто улизнут. Утопить подлецов, и...

— Абдаштарфа ты утопишь только через мой труп! — взвился Зопирион.

— Конечно! Ты на его стороне, потому что ты сам не настоящий эллин! В тебе течет персидская кровь, вот ты и защищаешь варваров...

— О, архонт! Если ты по-настоящему хочешь выиграть войну, тебе лучше избавиться от человека, который занят исключительно срывом работы Арсенала! Его участие в производстве приносит больше вреда, чем диверсии всех шпионов, вместе взятые! — взмолился Зопирион.

— Кто это?

— Лифодем! Он сводит всех нас с ума с момента, когда ты назначил его начальником Арсенала. Ты прекрасно знаешь: он привел вавилонского звездочета и на десять дней сорвал нам работу. Он пытался заставить меня запустить в производство модель катапульты, когда я был уверен в превосходстве другой модели. Он делает наоборот все, что только можно сделать наоборот. А в свободное время презрительно насмехается над строителями, потому что мы, в отличие от него, не полные невежи...

— Ах ты собачья морда, расхититель гробниц! — заорал Лифодем и со всего размаху ударил кулаком Зопириона. Спустя мгновение противники дубасили друг друга, сопровождая удары руганью. Зопириону было легче дотянуться до противника, и он был моложе. Однако крепкий Лифодем не спускал ему ни единого удара.

— Разнять их! — приказал Дионисий телохранителям, которые только что вернулись после осмотра Арсенала. Отложив в

сторону копья, они подошли к дерущимся сзади и, заломив им руки, растащили в разные стороны.

— Каждому из вас драка обойдется в сумму двухдневного жалованья,— сказал Филист.

Зопирион и Лифодем, тяжело дыша, продолжали изрыгать проклятия в адрес друг друга.

— О, архонт, позволь мне сказать,— вступил в разговор Архит.

— Говори, Архит. Мне кажется, тебе, в отличие от других, удастся держать голову холодной.

— Я просто хотел заметить, что разговор о саботажнике ни к чему не приведет. Им может оказаться кто угодно: карфагенский шпион или финикийский строитель; но также и греческий мастер, позавидовавший успеху Зопириона; рабочий, боящийся потерять место; житель Сиракуз, настроенный против войны с финикийцами или тот, кому не нравится твое правление. Возможно, мы никогда не узнаем правды, если только ты не веришь в оркулов.

Дионисий улыбнулся.

— С политической точки зрения очень выгодно, когда каждый человек убежден в моей вере в него, и абсолютно все уверены в моей вере в бога. Ну как, достаточно остыли мощный Гектор и стремительный Ахиллес, чтобы их можно было отпустить?

Солдаты отпустили Зопириона и Лифодема. Драчуны молча потирали синяки и ссадины.

— Раз уж вам так нравится драться, я дам вам шанс,— произнес Дионисий.— Назначаю обоих на должности при штабе во время грядущего похода на Мотию. Лифодем будет фрурархом, в его обязанности будет входить наблюдение за питанием войск. Зопириона — советником по строительным вопросам, большей частью связанным с катапультами. Обоим присваиваю звания стратега. Доспехи получите в оружейной. С вас будет удержана часть жалования в счет уплаты за них. Итак, Зопирион, факт порчи катапульт отразится на производстве в целом?

— Третью еще можно починить. Остальные придется разобрать на запасные части. К счастью, вредитель не попортил полузуны — их производство наиболее трудоемко.

— Ты сможешь к концу мунихиона¹ построить пятьдесят машин?

---

¹ Мунихион — месяц греческого календаря, соответствующий апрелю — маю.

— Уверен, что сделаю сорок. Насчет остальных такой уверенности нет. Однако при достигнутой скорости производства количество готовых катапульти не является ограничивающим фактором.

— О чем ты?

— Не хватит повозок, на которые мы их устанавливаем. Учитывая темпы их производства, к мунихиону будет готово только двадцать пять штук.

Дионисий запустил пальцы в бороду.

— А почему ты не сказал об этом раньше?

— Я не знал, что ты собираешься все катапульти перебросить в западную Сицилию, да к тому же так скоро! Кроме того, мастер повозок мне не подчиняется.

— Даже мне не всегда удастся учитывать все тонкости,— кивнул Дионисий.— Ну что ж, расширай производство. Лишние катапульти мы установим на стены Сиракуз для защиты города. А у Арсенала поставим двойную стражу. Мастер по повозкам переводится в твоё подчинение. Попытайся ускорить и их производство. Лифодем приступит к исполнению новых обязанностей: займется сбором съестных припасов для грядущей кампании. Филист, собери всех воинов, стоявших в карауле у Арсенала начиная со вчерашнего дня. Они ничего не знают, возможно, придется немножко припугнуть. Но в любом случае караульных необходимо допросить. Возрадуйтесь! Зопирион, оставайтесь! Мне нужно с тобой поговорить.

Участники разговора разошлись. Дионисий, а следом за ним Зопирион и телохранители, вышли из Арсенала. Дионисий спросил часового, но тот ничего не видел. Тиран направился к источнику Аретузы.

— Правитель не может брать в расчет возможность случайной диверсии, как полагает твой друг Архит. Возможно, он прав, и мы никогда не найдем преступника, однако я все-таки попытаюсь.— Дионисий ударил кулаком по ладони.— Но каким образом? Преступник не удосужился оставить на месте преступления свой кошелек. В данный момент мне нужны даже больше, чем сведущие военные строители, надежные методы обнаружения лазутчиков и заговорщиков. Так как я не очень верю в сверхъестественные силы, я готов использовать любые средства... — он повернулся к Зопириону и прищурившись, пристально посмотрел на него.— Как я слышал, в Африке ты общался с ведьмой и получил определенный опыт?

— Да, господин. Я провел в ее пещере один день и одну ночь.

— Давала ли она тебе понять, что может нам помочь?

— Нет господин, не давала. Однако она произвела неизгладимое впечатление на финикийцев, пришедших на ее сеанс.

— И как ей это удалось?

Зопирион рассказал архонту о невинных уловках Сафанбаал: о подброшенных в огонь квасцах и рыбьих чешуйках, приклеенных к потолку пещеры.

— ...И когда участники сеанса задавали ей вопросы, она давала такие же уклончивые ответы, что и большинство наших оракулов. Помнишь, как дельфийская пифия пророчила царю Крезу:

Коль Крез через реку Галис перейдет,
В сражении сильное царство падет...

Однако она так и не уточнила, какое именно царство падет. Участники сеанса сами же и совершали ошибки, большую часть времени они отвечали на собственные вопросы. Когда Сафанбаал в раздумье замолкала, простаки сами подсказывали ей. Они даже не пытались подвергнуть сомнению ее уловки. Людям хотелось верить.

— Хм,— Дионисий потянул себя за бороду.— Значит, эффективность пророчеств твоей ведьмы заключена не в пророчестве как таковом, а в том смысле, который вкладывают в ее слова те, кому она предсказывает?

— Именно так, господин.

— То же самое относится и к правителям, например, ко мне. Конечно, не во всеуслышание.

— Ты хочешь сказать, что, возможно, ты и не найдешь надежного метода выявления шпионов или конспираторов. Однако если граждане Сиракуз поверят в его существование...

Дионисий даже пальцами прищелкнул.

— Ты выбросил три шестерки! — и он повернулся к телохранителям.— Ребята, отойдите от нас на десять шагов! Мне нужно поговорить с ним наедине.— И снова повернулся к Зопириону.— Если мой народ считает, что я обладаю такой силой, то виновные либо выдадут себя необдуманно, либо, по меньшей мере, воздержатся от совершения очередного акта вредительства. Ты это хотел сказать?

— Я не сомневаюсь в этом, о архонт. У финикийцев есть поговорка: на воре шапка горит.

Дионисий засмеялся.

— Дружище Зопирион, а хотел бы ты, ничего не делая, получить фунт серебра?

— Ну, почему бы и нет... деньги всегда кстати...

— Особенно для такого бережливого, как ты. Под ничегонеделаньем я подразумевал не более, чем твоё молчание. Для большинства эллинов это задача гораздо более сложная, чем прогулка по раскаленным докрасна лезвиям мечей. Но ты-то не обычный эллин. Ты сможешь?

— Да, господин.

— Отлично! Готовься к следующему пиру в честь строителей, который состоится... дай подумать... через шесть дней.

Зопирион и Архит сидели на берегу источника Аретузы.

— Неужели ты на самом деле готов вступить в армию?

— Думаю, да. Это реальный шанс расширить кругозор мастера.

— Только постарайся набираться опыта где-нибудь в тени, чтобы не потерять собственное тело.

— Так ты меня не одобряешь?

— Одобрю? Я думаю, что ты сошел с ума!

Не ошибается война — дурных людей шадит она,
Но не припомню случая, чтоб уцелели лучшие...

К чему рисковать проливать кровь за чужой, а не за родной город, да еще под предводительством тирана, а не при самоуправлении горожан?

— Мне кажется, что нет большого риска находиться при штабе архонта. К тому же катапульты будут стоять вне зоны досягаемости обычных луков.

— До тех пор, пока Дионисий не скажет: «Стратег такой-то убит. Стратег Зопирион, займи его место и веди его отряд вверх по осадным лестницам!» Кто тебе сказал, что Дионисий будет стоять в тылу? В Сиракузах он осторожен до безумия, носит железную кирасу, ходит в сопровождении телохранителей, а всех его посетителей обыскивают. Но, говорят, что на поле боя он герой!

— Судьба человека во власти богов!

— Более того, божественный Пифагор тебя бы не одобрил. Что ты имеешь против несчастных бедолаг Мотию?

— Ничего, но не думаю, что мое присутствие добавит им хоть каплю опасности. Что же мне делать, Архит? С Дионисием не поспоришь.

— Думаю, ты мог бы потихоньку собраться и вместе с семьей тихонько сбежать из Сиракуз и вернуться в Тарент. Ктесий в опале, так что с этой стороны осложнений не предвидится.

— Трусливый совет! А в твои планы входит побег?

— Мне нельзя,— ответил Архит.

— Почему же нельзя?

— Пока я не уговорил отца Клеи выдать ее замуж за меня.

— Ах, влюбился!

— Смотрите, как заговорил! Но если серьезно, неужели твоя голова способна повернуться в сторону сражающихся?

— Думаю, мне пойдет шлем с плюмажем. Но я иду в армию только с желанием сделать карьеру. В любом городе захотят получить военного строителя, работавшего в штабе у Дионисия в одной из кампаний.

— Ну что ж, твоя судьба, твой выбор. Однако я все-таки думаю, что ты пожалеешь. Ты не можешь представить все возможные злоключения.

— Например, что меня убьют? Но нельзя не использовать свой шанс...

— Нет. Я о другом. Если ты выживешь, то у тебя появится шанс оказаться среди приближенных к Дионисию.

— И что в этом плохого?

Архит улыбнулся.

— В этом случае тебе придется слушать бесконечные декламации Дионисия — он сочиняет весьма посредственные поэмы — с выражением искреннего восторга!

Коринна с возмущением выслушала новости о новом назначении Зопириона. Она бросилась ему на шею с плачем, что его могут убить. Муж пытался убедить ее в обратном.

— Но на это время мы с Хероном останемся одни! Ты не можешь уехать, оставив нас в незнакомом городе, где мы практически никого не знаем, и без мужчины, который мог бы в беде позаботиться о нас.

— Вы можете переехать на Ортигию. Офицеры отправятся в поход, и там наверняка найдутся свободные квартиры. Уверен, что смогу обо всем договориться с архонтом.

— Дорогой Зопирион, ты не понимаешь. Ортигия защитит нас от внешнего врага, но там полно грубых чужеземных солдат. А кто будет защищать меня от них?

— Большинство наемных воинов примут участие в кампании. Дорогая, ты всегда сможешь рассчитывать на Архита.

— Да, я знаю, что он твой друг. Но он слишком толстый и при возникновении беспорядков от него мало пользы.

— Ты бы удивилась, если бы увидела его в сражении!

— Ну, хорошо. А почему бы тебе не отправить нас домой в Мессану до окончания военных действий? По крайней мере, я жила бы среди близких.

Зопирион нахмурился и задумался.

— Я знаю, там ты была бы счастлива. Но... Ты хотя бы раз видела стену Мессаны?

— Я часто гуляла по ней. И что?

— Ты заметила, что она полуразрушена?

— Однажды я на ней растянула лодыжку.

— Она сложена из обветшалого кирпича, а не крепкого камня.

Но даже если бы стена была сложена из камня, она слишком низкая и узкая, и вряд ли выдержит достаточно серьезную осаду. При современных методах ведения боевых действий ты с равным успехом могла бы спрятаться в открытом поле. Ты пытаешься скрыться в развалинах, а угодишь в самое пекло.

— Но Мессана ни с кем не воюет..

Они спорили всю ночь. Зопирион был категорически против отпускать Коринну с ребенком в Мессану, а она с не меньшей решительностью отказывалась дать обещание не просить отца послать за ней сопровождающего. В течение нескольких последующих дней к пылкой любви, лежащей в основе их отношений, примешивался сильный привкус горечи: они оба обладали сильной волей и собственным мнением.

На очередном симпозиуме для мастеров, когда наступило время награждения, неожиданно громко прозвучал голос Дионисия:

— Вы прекрасно знаете Зопириона из Тарента, ярчайшую звезду в короне наших гениев-изобретателей. Я был уверен, что изобретение катапульты — достижение, триумф, способный озарить своим светом целую жизнь. Однако Зопирион превзошел сам себя. Его последнее божественное озарение подарило нам

метод, посредством которого правитель может выявить всех шпионов, вредителей и заговорщиков.

Дионисий широко улыбнулся и медленно обвел взглядом собравшихся.

— Естественно, я не собираюсь раскрывать секреты этого уникального метода. Замечу только: он удивительно прост. Любой из вас хлопнул бы себя по лбу и удивился, что сам не додумался. О, Зопирион, подойди ко мне, Дионисию, и получи награду — один фунт серебра — сто только что отчеканенных драхм!

Зопирион, придав лицу загадочное выражение, направился через зал к Дионисию. Архонт ослабил тесемки мешочка с деньгами, зачерпнул горсть серебряных монет и со звоном высыпал обратно. Монеты мерцали в свете ламп, как крошечный металлический водопад.

Несмотря на то, что последовали аплодисменты, вполне соответствующие награде, юноша ощутил легкое беспокойство. Вышло так, что не один, а несколько мастеров смотрели на товарищей с явным беспокойством.

На следующий день в Арсенале появился отряд наемников. Предводитель останавливался и по очереди задавал вопрос всем строителям и бригадирам. Наконец очередь дошла и до бригады по производству катапульта.

— Вы видели сегодня Алексита из Велии?

— Нет.

— Вы видели его после вчерашнего пира для мастеров?

— Нет.

— Не говорил ли он вам о своем намерении уехать?

— Я вообще не разговаривал с ним. А для чего все эти расспросы?

— Приказ ничего не рассказывать, — ответил предводитель.

Чуть позже Зопирион встретился с Архитом. Последний, как всегда, был в курсе всех событий.

— Совершенно верно, старик, он удрал. Скорее всего, после вчерашнего симпозиума собрал деньги и драгоценности и сбежал, спустившись по веревке с городской стены. Думаю, теперь совершенно ясно, кто подпилит твои катапульти.

— Неужели, несмотря на любезные речи, его снедала жестокая зависть?

— Очевидно, да. Попытаюсь воссоздать ход событий: по слухам, Дионисий отказался санкционировать постройку больших кораблей Алексита. Они не оправдали себя. Их преимущества

перед обычными триремами не покрывают дополнительных затрат на строительство. Глубоко разочаровавшийся Алексит не смог пережить твой успех. И однажды ночью, изрядно выпив, он решил привести в исполнение свои планы. Попасть в Арсенал для него не составило большого труда: нужно было проскользнуть мимо одного-единственного поста...

— И счастливого пути! Интересно, куда он отправился?

Архит пожал плечами.

— Возможно, отправится в Карфаген, Афины или бог знает куда. Наверняка переполнен прекрасными идеями и готов дать по яйцам любому, кто встанет у него на пути. Он достаточно разумен, чтобы обходить стороной города, на которые простирается власть Дионисия. Послушай, может, и ты вынашиваешь злые планы?

— Только не я! Конечно же, сначала я был в ярости. Но если подумать, он не причинил мне особого вреда. К тому же, какой смысл беспокоиться из-за подобных людей? Гораздо больше я переживаю из-за хода выполнения моих проектов и уровня жалования. А на врагов у меня просто нет времени.

— Значит, никакой непримиримой вражды или вечной междоусобицы? Интересно, к какому типу эллинов ты сам себя относишь? Если бы все эллины думали как ты, мы бы правили миром!

Капитан Зопирион легким галопом приближался к заливу Мотии. По обочинам дорог, окаймляющих поля и виноградники, пышно распустились цветы. Юноша подъезжал к Мотии со стороны Акраганта и Селинунта. Его путь лежал вдоль южной части побережья. Вдоль берега возвышались огромные нагромождения известняковых глыб. Ветер и дожди придали им фантастические формы: наполовину погребенными в земле черепами давно вымерших чудовищ поднимались они над равниной.

Большую часть пути Зопириону пришлось провести в седле. В дорогу он надел легкие кожаные сапожки для верховой езды. Поверх плотной туники была надета кираса из многослойного льняного полотна: слои были прошиты, проклеены и специальным образом отформованы. Несомненно, она хуже защищала от копий и стрел, но была гораздо легче бронзовых лат пехотинцев. Позади стратега трусили два мула: на одном сидел нанятый на время военных действий слуга, а другой был нагружен поклажей Зопириона, щитом и оружием.

За поворотом дороги с левой стороны открылся вид на спокойные воды залива. За ним, далеко на горизонте, виднелись поросшие редким кустарником дюны Эгифалийского полуострова. Вдоль побережья большого острова, где лежал путь Зопириона, большими отдельными группами стояло несколько сотен палаток. Дионисий собрал здесь основные силы, готовясь к разрушительному набегу на финикийские земли западной Сицилии. Залив буквально кишел пузатыми торговыми судами: одни причаливали к берегу, другие, закончив отгрузку, неспешно шли на веслах или под парусом. На берегу рядами лежали триремы. Их прочно привязали и закрепили при помощи клиньев, чтобы они не перевернулись или не соскользнули в воду.

Слева в центре залива возвышался над водой остров Мотия. На таком расстоянии можно было разглядеть только хмурые стены да верхние этажи высоких зданий. К северу от острова узкая полоска косы соединяла Мотию с большой землей. Зопирион увидел, как по ней в обе стороны, будто муравьи, передвигались крошечные точки. Когда юноша подъехал поближе, крапинки, постепенно вырастая, превратились в людей, которые несли в обе стороны различные грузы. Жители Мотии успели почти полностью разобрать дамбу, соединяющую остров с берегом. А теперь по приказу Дионисия солдаты из его войска методично подносили к разрушенной части дамбы корзины с кирпичом и грязью, укрепляли ее и возвращались за новыми материалами.

Зопирион подъехал к большой палатке главнокомандующего. Ее раскинули в северной части бухты. Недалеко от берега работала бригада плотников. Далеко разносились удары топоров и визг пил: шло интенсивное строительство передвижных осадных башен и стенобитных орудий — таранов. Строительные войска рыли траншеи в поисках свинцовых водопроводных труб, по которым в Мотию поступала чистая питьевая вода. Трубы были проложены по дну залива. На берегу Зопирион нашел Лептиния, который следил за ремонтом дамбы, и передал ему приказы тирана.

— ...триремы нужно как можно быстрее спустить на воду, чтобы достойно встретить флот Гимилка. Всех трудоспособных людей следует направить на ремонт дамбы. Ее надо в несколько раз расширить, чтобы по ней смогли проехать осадные машины. Каждый человек должен получить корзину или любую другую тару для переноски земли.

Лионисий, удивительно похожий на своего брата, Дионисия, широко улыбнулся. Зопирион уже давно составил о нем мнение

как о хорошем добросердечном человеке, в котором полностью отсутствовали свойственные Дионисию напористость и холодная страсть к власти.

— Хорошо сказано, Зопирион. Но сегодня уже поздно начинать спуск кораблей. Займемся ими завтра утром,— ответил Лептиний.— А что касается корзин, то я просто ума не приложу, где можно достать такую уйму корзин за столь короткий срок.

— А что, если один будет грузить камни и песок на щит, а двое других займутся переноской? — предложил Зопирион.

— Превосходно! Мой брат не ошибся, определив тебе должность, на которой ты должен искать средства и способы решения различных проблем. Спокойной ночи!

Зопириону пришлось устроиться в одной палатке с несколькими стратегами, расположенной неподалеку от ставки главнокомандующего. Оставив слугу распаковывать багаж и передав лошадей рабу-конюху, юноша отправился пешком в расположение войск артиллерии. Из Сиракуз выехали тридцать три катапульты на специальных повозках, три из которых так и не смогли закончить путешествие: у двух сломались повозки, а третья сломалась, когда повозка опрокинулась. Предполагалось, что они должны будут подъехать с некоторым опозданием. Однако Зопирион был почти уверен: возницы постараются найти любые причины, чтобы задержаться в пути и приехать по завершении военных действий.

— Где стратег Сеговак? — обратился он к воину.

— В той большой палатке,— показал тот.

Зайдя в палатку, Зопирион увидел Сеговака: он сидел на койке в обнимку с бутылкой вина. Кельт поднял на друга затуманенный взгляд.

— Клянусь рогами Кернунна, это мой старый друг Зопирион! Как дела у храброго тарентийского парня, такого красивого и одетого в великолепные доспехи?

— Я ужасно устал, ты не мог бы...

— Конечно, конечно! Наливай! Или нет, давай я тебе налью. В палатке редко когда удается насладиться утонченной беседой со старым другом.— Сеговак икнул.— И вот ты здесь. И видишь перед собой солдата в полностью разобранных чувствах. Уже который день я сижу на заднице: безделье абсолютное. Не удивительно, что приходится коротать время за бутылкой вина.

— Да, полный крах!

— Да уж точно! Но... Я думал, что ты сопровождаешь архонта в опустошительном набеге на земли проклятых финикийцев. Каким ветром тебя занесло к нам?

— Прибыл с донесением для Лептиния. А Дионисий приедет завтра.

— Удалось ли ему взять города, как он и планировал?

— Нет. Он снял осаду Интеллы и во главе войска идет сюда. Дионисий узнал, что суфет Гимилк ведет на помощь Мотии карфагенский флот.

— Этот парень атаковал Сиракузы? Здесь ходят разные слухи, вплоть до того, что он взял город и перерезал всех жителей.

— Нет. Гимилк совершил лишь набег на гавань Сиракуз. Пустил на дно немало торговых кораблей, но даже не пытался высадиться на берег. Потом зашел на переоснастку и ремонт в Карфаген, а теперь держит курс сюда. А как дела с катапультами?

— С ними все прекрасно, чего нельзя сказать о людях. Мне бы хотелось провести несколько практических занятий стрельбы по мишеням, однако в бухту нам нельзя стрелять, чтобы не расходовать понапрасну снаряды, а по направлению к берегу стрелять тоже нельзя из опасения случайно зацепить наших солдат. У тебя есть какие-либо приказы на этот счет?

— Все приказы предназначались Лептинию. Однако тебе стоит узнать о распоряжении, имеющем к тебе непосредственное отношение. Архонт хочет поставить катапульти вдоль берега между стоящих у причала трирем в узкой части входа в залив. Он хочет установить половину на этом берегу, а другую — у Агифаллоса.

— Хм,— Сеговак дернул себя за ус.— Ты случайно, не принес для меня приказа в письменной форме?

— Нет. Все у меня в голове.

— Ты хочешь сказать, что долгие вечера, которые можно было посвятить любовным утехам с белокуроыми красотками или провести за стаканом доброго вина, я корпел часы над странными значками, своим видом напоминающими рыболовные крючки, вилы или клопов, и теперь могу прочесть приказ, а ты так просто передаешь его мне!

— Не унывай, дружище, ты очень скоро найдешь применение полученным навыкам чтения и письма! Думаю, тебе стоит привести свой отряд в состояние готовности, но, клянусь Герой, не нужно до получения приказа от Лептиния передвигать катапульти. Дионисий придает слишком большое значение, кто и кому

передает приказы. Он постоянно говорит о необходимости соблюдать субординацию.

На следующее утро подул южный ветер из африканских пустынь, покрывая все — людей, животных, палатки — толстым слоем пыли, вздымая огромные волны у входа в залив. На расстоянии полета стрелы ничего не было видно. В результате до наступления темноты, когда на дороге вдоль побережья появилось войско Дионисия, на воду были спущены только три триремы.

Впереди, то и дело посылая лошадей в галоп, заставляя их делать курбеты и караколи, с пронзительными криками, ехала легко вооруженная конная разведка. За ней двигалась многотысячная кавалерия Дионисия. Тиран ехал во главе войска на огромном черном жеребце: будто божество в отполированной до блеска железной кирасе и ниспадающем алом плаще. Обычная лошадь не выдержала бы тяжести его доспехов. Поговаривали, жеребца контрабандой привезли из Персии, где такие лошади были специально выведены для могучей кавалерии Бессмертных¹.

Вслед за кавалерией под звуки флейт шла пехота. Ее составляли жители Сиракуз и дружественных Дионисию городов Сицилии, тысячи наемников-варваров — сикулы, луканцы, кампанцы, самниты. Здесь был даже батальон переодетых в брюки кельтов из долины Пад², лежащей в отдаленной северной части Италии: характерные свисающие по бокам рта усы, в руках — огромные щиты в форме эллипса, за плечами — связки дротиков, на поясе — длинные мечи.

Дионисий старался по возможности вооружать отряды наемников так, как принято у них на родине, понимая, что воин будет гораздо увереннее сражаться в бою с детства знакомым оружием, нежели пусть более совершенным, но чужим, греческим. За длинными рядами пехоты в килтах и блестящих шлемах с плюмажами, показался тысячный отряд кавалерии.

Пережидая полуденную жару в тени палатки главнокомандующего, Зопирион оказался невольным свидетелем того, как Дионисий сердито выговаривает брату за недостаточное количество спущенных на воду кораблей. Были слышны и правдивые ответы Лептиния. Юноша сходил перекусить вместе с другими предво-

---

Бессмертные — отборная часть персидского войска.

² Пад, Падус — современная река По.

дителями и вскоре вернулся. Несмотря на ужасную усталость после долгой дороги, долгое время он никак не мог заснуть. В голове одна за другой кругами проносились идеи по усовершенствованию катапульта, тоска по семье и сомнения по поводу правильности принятого решения о поступлении на военную службу к Дионисию.

Зопириону показалось, что он даже не успел заснуть. Когда заиграли подъем и он вышел из палатки, многие взволнованно смотрели в сторону горы Эрикс, на вершине которой на фоне утреннего неба пламенело алое зарево. Дионисий — воспоминание пришло к Зопириону одновременно с тянущим ощущением в животе, которое он обычно чувствовал перед сражением — приказал зажечь на горе сигнальный костер в случае появления флота Гимилка.

В течение нескольких последующих часов стратеги носились по расположению войска Дионисия, как борзые на охоте. Как и все приближенные к тирану полководцы, Зопирион передавал приказы и поручения по цепочке, по возможности успевая отвечать на вопросы, связанные с катапультами.

Катапульти установили между триремами на береговой линии. Чуть позже по команде Дионисия сотни критских лучников и баlearских стрелков, вооруженных пращами, с оружием наготове стояли на палубах военных кораблей тирана.

— Они идут! Вон проклятые финикийцы! — возбужденно указывая в море, закричали солдаты.

На горизонте показался частокол мачт флота Гимилка, будто фантастическая изгородь, раскачивающаяся в такт движениям волн. Наконец над горизонтом появились и корпуса кораблей.

Флотилия медленно приближалась, постепенно увеличиваясь в размерах. У наблюдателя с берега создавалось впечатление, будто у каждого из идущих прямо на него кораблей с каждой стороны ритмично поднимаются и опускаются в воду только три весла. Пересчитав мачты, Зопирион определил, что Гимилк ведет около сотни галер — примерно половина от числа военных кораблей Дионисия. Но, несмотря на невероятные усилия солдат и моряков тирана, которые в такт монотонной песни рывками тянули на веревках корабли, большая часть греческих судов беспомощно лежала на берегу.

Карфагеняне подходили все ближе. Дионисий в сопровождении стратегов галопом пронесся вдоль берега бухты и выехал на Агифаллос. Тиран раздраженно выругался, увидев, как финикий-

ские корабли, разорвав строй, начали погоню в открытом море за греческими торговыми судами. Некоторые шли под парусом, другие стояли на якоре на мелководье. Так или иначе, но финикийцы переловили их всех: одних протаранили и пустили на дно, а других взяли на абордаж и угнали, перерезав экипажи и выбросив за борт изувеченные тела.

Сотни обнаженных греческих моряков, успевших броситься в море с уходящих на дно или захваченных врагами кораблей, вплавь достигли полосы прибоя и, пошатываясь, выходили на берег.

Солнце поднималось все выше. Карфагенские корабли, будто стая разумных сороконожек, собрались вместе. Взметнулись сигнальные флажки, над водой разнеслись звуки горнов. Построившись огромным прямоугольником десять на десять, флотилия двинулась к выходу из залива.

— Порази их Зевс! — восседая на огромном скакуне, взревел Дионисий. — Если бы наши корабли были спущены на воду, мы могли бы окружить их головную колонну и уничтожить противника, подобно тому, как эллины разбили персидский флот при Саламисе.

Бухта резким изгибом закруглялась к северу, и под прикрытием полуострова Агифаллоса карфагенский флот перестроился в колонну, чтобы миновать узкий выход из бухты. Оставшиеся в бухте торговые суда Дионисия под парусом и на веслах медленно шли на север, держа курс к дальней части залива позади Мотии. А тем временем несколько сиракузских трирем построились в линию, защищая свои торговые корабли от приближающегося врага.

— Они думают, что на середине канала мы не сможем достать их орудиями с берега, — глядя из-под ладони на финикийский флот, заметил Дионисий. — Но дадим им урок. Зопирион, отправляйся к катапультам. Когда сочтешь нужным, пусть стреляют.

Пустив лошадь в галоп, Зопирион поскакал к узкой части залива, где установили половину катапульта. Юноша достиг расположения военных кораблей и машин

— Всем тихо! Приготовиться к стрельбе! Да замолчите же вы! Приготовьтесь к стрельбе! — подняв руку, закричал Зопирион.

Мимо проплывали карфагенские корабли. До Зопириона доносились звуки сигнальных флейт — это старшины подавали сигналы: кораблям — соблюдать боевой порядок, а экипажам — быть наготове в ожидании сурпризов.

— Огонь! — резко опуская руку, пронзительно закричал Зопирион.

Заиграла труба. Послышался треск тетивы, свист стрел, жужжание пращей: в воздух взметнулась туча снарядов. Некоторые не смогли достичь цели. Другие попали в ближайшие корабли.

Потом одна за другой начали стрелять катапульты. Дротики взмывали высоко в воздух и с пронзительным свистом опускались на финикийцев. Некоторые упали между кораблями, достигнув середины канала. И эхом им вторили катапульты с другого берега: начали стрелять орудия на большой земле. Расчеты катапульта заряжали смертоносные машины во второй, потом в третий раз.

Над волнами разнесся сигнал горна. Гребцы на карфагенских кораблях остановились. Корабли с поднятыми веслами замерли на месте. Взмыли сигнальные флажки. С корабля на корабль громко прокричали команды. Под градом дротиков греческих катапульта галеры стали медленно разворачиваться: весла на одной стороне загребали в сторону, противоположную веслам на другой стороне. Взбаламучивая воду, суда медленно поворачивались на месте.

Снова резко зазвенели тетивы, раздался треск катапульта. Финикийцы один за другим начали выходить из залива. Ряды весел на многих кораблях стали неровными, щербатыми: часть гребцов погибла во время смертоносных ударов катапульта. Зопирион поднял руку. Луки, пращи и катапульты перестали стрелять. Тысячи солдат, стоявших наготове во время обстрела, разразились бурными аплодисментами.

Группы людей на берегу, занятых спуском трирем на воду, удвоили свои усилия. Карфагенский флот встал полукругом на выходе из гавани, развернувшись носами кораблей к каналу.

— Они надеются, что мы бросимся прямо им в пасть! — проревел Дионисий. — Мы численно превосходим их в соотношении два к одному, но в этой ситуации невозможно реализовать наше преимущество. Геракл! Как бы нам вывести двести кораблей в открытое море так, чтобы их поодиночке друг за другом не уничтожили вражеские суда? — холодный стальной взгляд тирана скользил по лицам стратегов.

— Можно перетащить корабли по суше. У основания полуострова есть достаточно узкое место... — сказал Зопирион.

— А как мы защитимся от неприятеля, чтобы он не уничтожил наши суда по одному во время спуска на воду?

— Вдоль берега можно поставить катапульты. Страх карфагенян перед катапультами значительно превышает их реальную опасность, так как они впервые встречаются с подобным оружием.

— Отлично! — губы Дионисия растянулись в узкую улыбку. — Юноша! Передай приказ Лептинию и останься с ним, помогая в работе.

Весь вечер и целую ночь солдаты сицилийской армии перетаскивали корабли через узкий перешеек в основании Агифаллоса. Каждый корабль на веревках тянули несколько тысяч человек. Несмотря на то, что они достаточно легко скользили по илистой болотистой почве, солдаты по колено увязали в грязи. Немало поскользнувшихся и упавших во взбаламученную грязь людей погибло, не успев увернуться от надвигающихся тяжелых судов, подмявших под себя их распростертые тела.

На рассвете около сотни греческих трирем вышли в открытое море. Однако там не осталось и следа от карфагенского флота.

И вот, в разгар сицилийской жары, не щадившей ни осажденных, ни осаждающих, наступил четвертый год девяносто пятой Олимпиады, когда Саундиад был архонтом Афин¹. Осада Мотиин продолжалась. Брешь в дамбе была наконец заделана, да и сама дамба стала значительно шире.

Последние этапы работ оказались наиболее тяжелыми, так как их приходилось выполнять непосредственно под стенами Мотиин. Здесь в залив выступала естественная терраса, к востоку от нее находились главные городские ворота. На ней Дионисий планировал установить осадные машины.

Денно и ночью люди носили на дамбу песок и камни, расширяя ее. Днем приходилось ходить по двое: один нес корзину с песком, а другой держал над головами щит, защищаясь от возможного обстрела со стен Мотиин. На ближайшем к городу участке дамбы лежало множество тел погибших солдат Дионисия. Каждую ночь на большом острове проводили массовые кремации, и над лагерьем осаждающих разносился тяжелый запах горелого мяса.

Если неудачная попытка Гимилка освободить Мотию и лишила горожан мужества, вида они не показывали. День и ночь на работающих под стенами города греков сыпались снаряды. Обстрел греков продолжался даже под ответным огнем катапульт, установленных на дамбе. Время от времени над храмом Ваала Хаммона поднимался дымок: предавали огню очередного отпрыска одной из знатных финикийских семей. И каждый раз при виде

---

¹ 395 г. до н.э.

этого дыма Зопириона охватывала радость. Хотя бы одного ребенка ему удалось избавить от такой страшной участи. Однако в то же время его охватывало беспокойство за свою семью. Он надеялся, что у них хватило здравого смысла остаться в Сиракузах.

Наконец по дамбе повезли огромные осадные машины Дионисия — башни и тараны. Под непрекращающимся обстрелом в течение нескольких дней их катили к стенам Мотии, поворачивали направо и закатывали на террасу. А там снова разворачивали и устанавливали передом к стене осажденного города.

Звуки горна ознаменовали начало нового этапа в осаде. К стене придвинули два стенобитных орудия. В башне на колесах был подвешен на цепях к потолку крепкий таран. Мощными ударами этих таранов начали разбивать каменную кладку. День и ночь — «бум — бум» — разносились звуки тяжелых ударов. Казалось, будто два сумасшедших бога немного не в такт колотят в космические барабаны. Как только люди у башни начинали уставать, их сменяли другие.

Жители Мотии обрушивали на крыши башен огонь, камни и тяжелые бревна. То и дело башни загорались. Тогда солдаты Дионисия откатывали их назад, тушили огонь и чинили. И сразу же подкатывали к стене, и атака продолжалась.

Наконец стена перед одной из башен поддалась и рухнула в облаке пыли и с пугающим грохотом, зацепив саму башню. Запели трубы. В проем ринулись пехотинцы в бронзовых кирасах, наголенниках и шлемах с гребнем. На них дождем посыпались снаряды. Многие солдаты попадали, корчась от боли или безвольно осев — убитыми на месте. Но сзади подходили все новые и новые воины. Жители Мотии и их греческие наемники встречали нападавших щитом к щиту, кололи копьями, рубили мечами и топорами, бились врукопашную. Снова и снова защитники города отражали атаки нападавших.

Тем временем люди Дионисия лопатами или просто голыми руками расчищали проход, оттаскивая обрушившиеся камни от стены. Потом поддалась стена перед вторым орудием, и завязалась еще одна кровавая схватка.

Мало-помалу солдаты Дионисия укрепляли свое преимущество. Кирками, ломami и лопатами они расширили пролом в стене, обрушили часть стены над проломом, оттащили назад тараны и подкатали две осадные башни. Это были два деревянных сооружения на колесах высотой шестьдесят футов — выше высотных зданий Мотии — и достаточно узкие, чтобы они могли

проехать по извилистым улочкам города. Опасно раскачивающиеся башни катили сотни обливающихся потом солдат. Их защищали от вражеских факелов и тиглей зеленые кожаные покрывала, приколотенные гвоздями к тыльной стороне башен.

Но наступающим не удалось проникнуть далеко в город, так как жители соорудили на улицах баррикады. Греческие солдаты принялись расчищать завалы перед застрявшими башнями. Другие бросились в дома по обе стороны улицы, срывая доски, которыми были заколочены двери и окна. С верхних этажей осадных башен перекидывали доски на крыши и в оконные проемы верхних этажей домов. По ним бежали в дома сиракузские солдаты. Но жители Мотии из своих укрытий бежали им навстречу. Где-то на середине доски завязывалась схватка, и враги с грохотом падали на мостовую. Схватки завязывались и на крышах домов, в комнатах и коридорах зданий, на лестницах.

Шаг за шагом атакующая сторона захватывала город, однако цена, которую пришлось заплатить, вселяла страх: счет числа убитых шел на тысячи.

Дионисий установил порядок с заходом солнца прекращать битву. И теперь, когда жители Мотии привыкли к такому ходу дел, обрушил на них внезапный ночной штурм. Для этого использовались ранее захваченные дома, а также воины ворвались в город через дюжину брешей в стене.

Защитники города, потеряв надежду, искали защиты в храмах или прятались в домах. Другие, понимая, какая участь им грозит, перерезали горло женам и детям и в приступе последней ярости бросились в схватку, чтобы умереть на поле боя и унести с собой хотя бы несколько вражеских жизней. На улицах города шла кровопролитная битва.

Дионисий в сопровождении стратегов вошел в город сквозь одну из брешей в стене и увидел, как его опьяненные кровью солдаты режут всех подряд: стариков, женщин, детей.

— О чем думают эти идиоты? Интересно, как мне расплачиваться с ними за войну, если не останется пленников на продажу? Остановите их немедленно! — взревел Дионисий, повернувшись к полководцам. — Пройдите по улицам и передайте приказ: «Именем Дионисия прекратить все убийства!»

Зопирион вместе с остальными стратегами пытался остановить резню. Но, несмотря на их громкие крики «Остановить убийства!», все было тщетно. Солдаты не обращали на них никакого внимания и продолжали бить, пытать и уничтожать.

Громко выкрикивая приказ, Зопирион направился в укрепленную за ним часть города. По пути он высматривал Абариша — дворецкого Илазара, так сильно влюбленного в греческую философию, который — если только он остался в живых, — должно быть, успел проверить эти идеи на практике. Так и не остановив кровопролития и отчаявшись найти Абариша среди живых или мертвых, Зопирион вернулся к Дионисию. Подошли и остальные полководцы.

— Идите снова. Но на этот раз кричите финикийцам, чтобы они спасались в греческих храмах! — распорядился тиран. — Идите и кричите: «Финикийцы! Спасайтесь в греческих храмах!»

Дионисий повернулся к начальнику своих телохранителей.

— Агафий! Расставь людей у всех греческих храмов. Пусть они защищают финикийцев, которые попытаются найти там спасение. Прикажи им громко выкрикивать мой приказ, когда они пойдут по городу: «Финикийцы! Спасайтесь в греческих храмах!»

— А как же ты, господин? — спросил Агафий.

— Я сам позабочусь о себе. Обойдусь и без тебя.

Когда наступил рассвет, несколько тысяч выживших жителей Мотики большими группами сидели на полу в греческих храмах. У каждого храма стояла бригада телохранителей Дионисия, защищая ворота, ведущие внутрь. Вокруг болтались солдаты, с награбленным добром в руках и изрыгали угрозы. Их взгляды пылали страстным желанием продолжить кровопролитие.

Глаза Дионисия были красны от недостатка сна, тем не менее, в железной кирасе и алом плаще он выглядел величественно. Тиран прошелся по улицам, усыпанным безжизненными телами, и теперь его плащ был испачкан кровью и дымом. Его полководцы еле держались на ногах от усталости. Горели некоторые дома. Некоторые стратеги пытались, правда почти безуспешно, организовать из воинов пожарные бригады.

Большинство солдат практически не поддавалось организации. Забыв о воинской дисциплине, они носились по городу в поисках добычи, ломали и выбрасывали из окон верхних этажей домов не понравившуюся им мебель и домашнюю утварь, тем самым создавая опасность для проходящих под окнами людей. Другие слонялись у ворот греческих храмов, не решались вступить в открытое противоборство с отрядами телохранителей Дионисия, защищавших жителей Мотики.

Лица воинов были искажены жадой убийства. Дионисий прекрасно понимал, что жизнь граждан Мотики, спасшихся на территории греческих храмов, висит на волоске.

— Если я не придумаю, как усмирить сукиных детей, то они перережут моих пленников. А они мои! — пробормотал тиран. — Всех греческих наемников, сражавшихся на стороне Мотики, приказываю отделить от остальных пленников, связать и отвести на большую землю!

К полудню пленные греки — окровавленные, голодные, в одних рубашках и связанные — стояли длинными рядами на берегу неподалеку от начала дамбы. Вокруг них беспокойно ходили солдаты Дионисия — грязные, с блуждающими дикими глазами люди разных народностей.

Над ними возвышался сидящий на огромном скауне Дионисий.

— ...жители Мотики, какими бы подлецами они ни были, сражались за собственные жизни. Но эти гнусные изменники, эллины-перебежчики, эти чудовища и отцеубийцы — они не заслуживают легкой участи, — говорил тиран. — И мы должны преподать урок раз и навсегда всем эллинам, предложившим свое оружие непримиримым врагам Эллады. Мой приказ: предать их смерти!

Солдаты встретили слова Дионисия неистовой овацией, ударяя оружием по щитам. Они начали глумиться над пленниками, радостно взирая на их мучения и агонию. В этот день вдоль берега вставали крест за крестом. К заходу солнца все пленные греки были распяты на крестах, умирая долгой и мучительной смертью.

Что касается солдат Дионисия, то к ночи их жажда крови, боли и смерти была удовлетворена. Они спокойно присоединились к своим отрядам, отмыли в заливе кровь и грязь, вычистили и сложили оружие. Кто-то напился и горланил песни, кто-то играл в кости на захваченную добычу, а кто-то спал, как усталое животное, завернувшись в плащ. Многие собрались у лагерьных костров, слушая истории и песни, будто добропорядочные миролюбивые граждане, которым в жизни не доводилось распять пленника.

А тем временем в поверженной и изрядно порушенной Мотики шел торг: пленника за пленником предлагали работоторговцам.

Часовые прокричали о конце первой вахты. Зопирион шел вдоль длинного ряда крестов, выделявшихся на фоне звездного неба, и в который раз задавался вопросом: а правильно ли он поступил. У него было не больше иллюзий о смерти, чем у большинства людей его жестокого времени. Он знал, что кровавая бойня, свидетелем которой он явился, была полной противо-

положностью учению Пифагора. Но что он мог сделать для предотвращения резни либо во избежание личного присутствия? Если бы он последовал совету Архита и отказался от предложенного Дионисием назначения, то было бы убито еще большее число финикийцев: он был единственным из полководцев Дионисия, кто мог передать приказ о спасении в греческих храмах на финикийском языке.

В сущности, что еще мог сделать Дионисий? Лиши солдат зрелища массового убийства, и они самовольно уничтожили бы еще большее количество пленных. По правде говоря, мученики, висающие на длинном ряду крестов, были наемными солдатами, и такой конец — нормальное завершение их профессиональной карьеры. И более того, думал Зопирион, его, как наемного воина, в конце пути может ждать такая же участь. Вздрогнув, он завернулся в плащ и повернул к своей палатке.

ПАНОРАМ

Дионисий построил армию на равнине за мысом Племирион к западу от Сиракуз. Несмотря на потери в сражениях, возвращение союзных сицилийских войск в родные полисы¹ и оставленные во взятых городах контингенты войск, под его знаменами оставалось около пятидесяти тысяч человек. Один дивизион составляли жители Сиракуз, другой — наемники различных народностей. Они стояли длинными ровными рядами, и солнце играло на наконечниках копий, ветер раздувал на шлемах плюмажи из конского волоса.

Дионисий произвел смотр своих солдат, кратко выразил им слова благодарности — он прекрасно понимал, что солдаты истосковались по дому — и приказал жителям Сиракуз сложить оружие. Оружие оставляли с громким лязгом. Многие складывали связки копий и щиты на телеги. Зопирион верхом на лошади стоял чуть позади Дионисия.

— Почему они складывают оружие, когда до Сиракуз еще так далеко? — шепотом спросил он у пожилого полководца.

Офицер фыркнул.

— Иногда, мой мальчик, твой ясный ум не замечен. Повсюду полно предателей, недовольных или агитаторов. Интересно, а чего можно ждать от нескольких тысяч человек, входящих в город с оружием в руках?

— Ох.

Полис — древнегреческий город-государство.

Получив разрешение, Зопирион побежал домой, полный страха, что Коринна все-таки уехала в Мессану. Однако она была дома и встретила его с распростертыми объятиями, как будто они и не ссорились. После радостной встречи, когда Коринна и Херон повисли у Зопириона на шее, наперебой задавая вопросы, юноша обратился к приемному сыну.

— Херон, не хочешь до обеда поиграть на улице?

— А ты поиграешь со мной, Зопирион?

— Не сегодня. Мне нужно кое-что обсудить с твоей мамой.

— Тогда я останусь с вами. Я так тебя люблю!

— И я тебя люблю, мой дорогой Херон. Но мне нужно побыть наедине с твоей мамой.

— Почему, папа?

— Не бери в голову. Взгляни, вот тебе новенький маленький медный обол. Сходи на рынок и купи себе сладкой воды, игрушку или что захочешь. Только не возвращайся до заката.

— Нет, я хочу поиграть с тобой.

— Или ты уходишь, или садишься учить алфавит!

— У меня нет никакого желания сегодня учить алфавит.

— Тогда иди. И забери свою монетку.

Зимой запасы оружия постоянно росли, хотя и не так быстро, как раньше. Зопирион снова приступил к работе в Арсенале и позвал Сеговака, Архита и помощника Абдашарфа обсудить особенности новой конструкции катапульты.

— Если лебедку установить чуть дальше, ребятам будет проще работать с ней: не придется стучаться костяшками пальцев о раму,— сказал Сеговак.

— А эти растяжки толще, чем нужно. Можно сделать ее не такой тяжелой... — предложил Архит.

— Да, не понравится это господину Зопириону, но господин Профимион предложил увеличить дальность полета, укрепив лук сухожилием, как делают скифы...

Как и предсказывал Архит, Зопирион оказался включенным в круг близких друзей Дионисия. Однажды вечером он и Архит, как и остальные, проводили вечер за чашей лесбосского вина в андроне¹ дворца Дионисия под внимательными взглядами телохранителей тирана. Дамокл, тонкий и гибкий поэт, один из самых

Андрон — мужская половина дома.

откровенных льстецов, превозносил достоинства и величие патрона, когда в комнату с письмом в руке вошел Дионисий.

Гости встали.

— Наконец, друзья мои, я получил из Неаполя письмо от Лифодема. Несомненно, оно касается закупок зерна для следующей кампании.

— Хвала богам, о Дионисий, это превосходно! — выкрикнул Дамокл.

Дионисий взглянул на поэта и озадаченно сдвинул брови.

— Если я еще не открывал письма, откуда же тебе известно, плохие там новости или хорошие?

Это замечание никоим образом не вывело Дамокла из равновесия.

— Клянусь богами, Дионисий, какой великолепный упрек! У тебя на все готов ответ! Скорость мысли, свойственная богам, и прекрасно подвешенный язык — несомненно, ты самый выдающийся, удачливый и счастливейший из смертных! Если, конечно, ты на самом деле смертен.

— Спроси это у кирасы, которую я ношу, — ответил Дионисий. — Боюсь, утверждение о моем бессмертии можно проверить. Что касается счастья, почему бы тебе не поменяться со мной местами?

— Ох, нет, господин! — возопил Дамокл. — Неужели смертный решится занять место бога? Человек не может забраться на небо или жениться на Афродите. Мое собственное ничтожество только подтверждает абсурдность — нет, нечестивость — подобных идей.

— Когда-нибудь тебе придется ощутить все радости моего положения, — сказал Дионисий. — Тогда, возможно, ты перестанешь болтать о моем неопишемом счастье. Как продвигается работа над новой моделью катапульты, Зопирион?

Зопирион рассказал.

— Попытайся закончить первую модель к концу антестериона¹. Карфагеняне взволнованы и собираются отомстить за понесенное прошлым летом поражение. Мы должны опередить их.

Вечером того же дня Зопирион обсудил новость о грядущей кампании за ужином с Архитом и Коринной. Оба советовали ему убежать в Тарент. Но мучительные раздумья и отвращение к войне, возникшее в нем после падения Мотии, постепенно ушло. Он отказался.

---

¹ Антестерион — примерно февраль.

— Если я покину службу Дионисия после первой же кампании, то создастся впечатление, что он разочаровался во мне и отправил в отставку. К тому же подобные кампании достаточно безопасны для стратега. На этот раз будет несколько небольших осад,— аргументировал Зопирион свой отказ.

— Эх, старик. Боюсь, теперь ты и Дионисий смотрите в одном направлении,— заметил Архит.

— Не во всем! И я замечаю его уловки. Однако не могу не согласиться, что в ряде случаев горожане управляют городом значительно хуже, чем личность, подобная Дионисию.

— Прекрасно, что тебя волнует твоя карьера. Но мне казалось, что семья должна стоять на первом плане,— вмешалась Коринна.— Пока ты вместе с ним гоняешься за славой, мы подвергаемся опасности.

— Хорошо, хорошо. Обещаю по завершении кампании покинуть службу. Я просто хочу упрочить свою репутацию, и все.

Всю последующую декаду Сиракузы будоражили слухи о стремительной подготовке карфагенян к войне. Зопириона и Архита пригласили на очередной обед для узкого круга приближенных к архонту. Тиран расхаживал среди гостей в длинном платье из королевского пурпура и с золотой короной на голове. При виде такого величественного зрелища кое-кто из гостей даже присвистнул от изумления.

— Твое одеяние, господин, подтверждает мои давние подозрения о том, что ты не человек, а божество! — произнес Дамокл.

— Хм,— фыркнул Дионисий.— Если бы так считали жители Карфагена, мои проблемы исчезли бы сами по себе. Понимаете, друзья, до поры до времени я не хотел появляться в таком наряде перед жителями Сиракуз. Для них я должен был оставаться просто архонтом, в обычае которого республиканская простота во всем, даже в одежде. Но теперь, когда под моей властью находится почти вся Сицилия, мне захотелось поэкспериментировать с символами монархии. Разве мог бы Великий Царь держать в повиновении многочисленные народы Персии, если бы он вместе с простолыдинами расхаживал по улицам Вавилона, а также шутил и болтал с чернью? Вряд ли.

— И как продвигается подготовка карфагенян к войне? — заинтересовался один из гостей, когда собравшиеся возлегли на ложа.

— Насколько я знаю, это скорее слухи, нежели факты. Однако мне сообщили, что Гимилк собирает повести на Сицилию миллионную армию.

Некоторые из гостей тревожно переглянулись. Дионисий снял корону и почесал голову: очевидно, она натирала.

— Но каждый солдат знает, какие строятся безумные предположения, когда разговор заходит о величине вражеской армии,— добавил тиран.

— Все правильно, господин. Даже Геродот, чью историю я читал, приписывает Ксерксу во время нападения на Элладу армию в миллион восемьсот тысяч человек. Просчитав запасы продовольствия и транспорт, зная организацию Персидской державы, Ксеркс, скорее всего, обошелся десятой частью указанного количества — я имею в виду реальных воинов.

— Я верю, что слухи в подобных случаях сильно преувеличены,— ответил Дионисий.— Какова бы ни была численность вражеской армии, мы должны ускорить нашу подготовку. Возможно, придется выступить в течение ближайшей декады.

— Ах, нам ничего не страшно, когда нас ведет Дионисий,— вставил Дамокл.— Дионисий один превосходит миллион простых солдат. Как мы счастливы наслаждаться лучами твоего счастья!..

Дионисий пристально воззрился на Дамокла. Тот замолчал, и улыбка медленно сползла с его лица. Затем Дионисий медленно поднял глаза на пространство над ложем поэта.

Вытянув шею, Дамокл проследил направление взгляда повелителя. От увиденного его лицо побледнело, а кубок со звоном упал на пол.

С потолка на одном конском волосе свисал меч. Он висел прямо над ложем Дамокла. Похолодев от ужаса, поэт не отрывал от него глаз.

— Однажды я предупредил тебя, Дамокл: если ты опять забалабонишь о моем счастье, я дам тебе вкусить, что значит быть правителем,— повысив свой звучный голос, произнес Дионисий.— Теперь ты знаешь. Козни и интриги висят над моей головой подобно этому мечу. Дома — противники и изменники, за рубежом — ссыльные и внешние враги находятся в постоянной готовности убраться со сцены — поверхности земли.

— В любом народе найдутся люди недовольные и полные ненависти к правителю, будь он умен как Сократ, благороден как Перикл или удачлив, как Кир Великий. Ничто, кроме собственной власти, не может удовлетворить их. Так как место для правителя только одно, завистникам остается только разочарование. Видимо, боги милостивы ко мне, если я правлю на этой земле не

первый десяток лет, и до сих пор меня не убил тот, кому я доверяю, и не растерзала жаждущая перемен разъяренная толпа. А теперь можешь сойти с ложа, Дамокл.

Дамокл сполз с ложа на залитый вином пол со скоростью заползающего в нору осьминога.

Дионисий величественно поднялся, взял у стражника копье и легко ударил по волосу, на котором висел меч. Тот тяжело упал, глубоко вонзившись в обивку ложа. Дионисий вытащил меч и вернул оружие стражнику. Никто не смог ни пошевелиться, ни вымолвить.

— Придется чинить,— спокойно произнес Дионисий, ощупывая порез на ложе. И вернулся на свое место.

Дамокл поднялся на ноги. Его туника была вся в пятнах алого вина. С красным лицом, голосом, в котором сквозила сдавленная ярость, он заговорил:

— И все-таки, богоподобный господин, никто не принуждал тебя становиться... архонтом.

— Неужели? Ты разве можешь назвать того, кто лучше меня смог бы управлять Сиракузами в это смутное время?

— Н-нет, господин. Я... ах...

— Или возможно, тебе более по душе полная демократия в Сиракузах?

— Я... я никогда об этом не думал.

— Ну что ж, я поделюсь с тобой своими мыслями о демократии. Демократия — прекрасная форма правления, однако, она имеет смысл только тогда, когда она в руках людей, достаточно сведущих, чтобы ей пользоваться. Афиняне достаточно успешно практиковали эту форму правления в течение ста лет, потому что они сами были дисциплинированны и ставили обязанности гражданина выше личных эгоистических устремлений. Но такое встречается не часто. Демократия предполагает, что каждый гражданин рожден мудрым, благоразумным, дальновидным, справедливым и альтруистичным. Однако на самом деле все обстоит иначе.— Архонт вздохнул.— Иногда глобальный кризис вроде Персидской войны на какое-то время толкает людей к высотам добродетели. Однако, раньше или позже, они все равно скатываются к обычному свинскому состоянию. Слушают демагогов, обещающих им благополучие, для достижения которого не нужно прикладывать усилий, безопасность без необходимости вооружаться, бесплатные городские службы. А потом они с удивлением обнаруживают: оказывается, они бессильны и беспомощны, а враг

стучится в ворота. Я не украл демократию у Сиракуз,— продолжил Дионисий.— Вы, именно вы сами позволили ей умереть, потому что не любили ее больше собственных страстей, прихотей и амбиций. Я защитил вас от захвата политиками изнутри и внешними врагами снаружи. Но одновременно с этим я не в силах предоставить вам демократию. Согласен, Дамокл?

— Прошу моего архонта простить меня,— сухо произнес Дамокл.— Я неважно себя чувствую.

— Можешь переодеться. Но подумай дважды, прежде чем назвать меня счастливым. Возрадуйся!

Небо было ярко-голубым, а земля под иссушающими лучами солнца — бурой. Сиракузская армия вновь возвращалась домой. На этот раз Дионисий не разоружал горожан на подступах, но без остановки повел их прямо в город. Он не боялся восстания, ибо каждый знал об огромной армии Карфагена и дезертирстве союзников Сиракуз. Они знали о перспективе долгой и скучной осады — столь же безнадежной, как и атака афинян восемнадцатилетней давности.

Зопирион вернулся пешком с левой рукой на перевязи. Сдав дела, он тут же бросился домой. В доме почти ничего не было, а на голом полу лежал листок папируса.

«От Коринны ее любимому мужу, с приветом.

Отец послал за мной и Хероном Главка с повозкой. Я уезжаю с ним. Ты знаешь, что мне ужасно страшно оставаться одной без тебя в незнакомом городе. Архит помог мне отвезти нашу мебель на хранение в Ортигию. Надеюсь на воссоединение нашей семьи по окончании смертоносной войны. Прощай».

Держа папирус дрожащими руками, Зопирион не отрывал взгляда от письма. Выругавшись и хлопнув дверью, забыв об усталости, он быстрым шагом направился на Ортигию. Архит сидел за столом на галерее в Арсенале.

— Почему ты позволил ей уехать? — стиснув зубы, спросил Зопирион.

— Мой дорогой мальчик, как мне было остановить ее? Силой? Чтобы предотвратить это и приехал ее брат. Я повторил им все твои аргументы о полуразрушенных стенах Мессаны, но они не произвели на них никакого впечатления. Она привыкла жить в семье, и когда ты уехал, она чувствовала себя слишком несчастной. А что случилось с твоей рукой?

— Простой ожог. Жители Сегесты устроили внезапную ночную вылазку и подожгли половина лагеря. Погибло множество лошадей, в том числе и моя. А что, клянусь Аидом, мне теперь делать?

— Откуда мне знать? Я пытался отговорить тебя. Береженого бог бережет...

— Давай, упрекай: я же тебе говорил...

— Да, но не собираюсь повторяться. А как война? Нас разбили?

— Нет, если не считать отступления при Сегесте. Но Гимилк высадил в Панорме стотысячное войско. По слухам — трехсоттысячное. Союзники, поверив слухам, побежали назад: защищать родные города. Лептиний собирался было потопить карфагенский флот, но их галеры отвлекли его внимание, и основной транспорт сумел ускользнуть. Однако кое-что ему удалось. Тем не менее, Гимилк собрал под свои знамена войска из финикийских городов Сицилии, и финикийцы получили перед нами численное преимущество два к одному. Поэтому Дионисий перешел в оборону.

— А где армия Гимилка?

— По слухам, он вернул финикийцам Мотию. Надеюсь, с контингентом наших войск он поступил лучше, чем мы с ними. Архит! Если бы ты оказался на месте Гимилка и контролировал восточное побережье Сицилии, то какой дорогой двинулся бы на Сиракузы?

— Думаю, через южную часть острова. А ты беспокоишься о Мессане?

— Да. Но знаешь, Гимилк стянул значительные силы к Панорму — на северном побережье. А путь по северной дороге лежит как раз через Мессану... Думаю, мне лучше посоветоваться с архонтом.

Зопирион отправился во дворец. Уже давно стемнело, когда его допустили к архонту. Дионисий сидел за столом, заваленным свитками, бумагами и табличками. В неярком свете стоящей на столе лампы лицо его выглядело утомленным.

— Что случилось, Зопирион? Только быстро...— спросил тиран.

— Я никогда не обращался к вам за помощью, не так ли?

— Ты так редко ко мне обращался, что мне немного неловко. Так о чем ты просишь?

— Я хочу знать, какой дорогой Гимилк идет на Сиракузы.

Дионисий, несмотря на усталость, пронизательно всмотрелся в лицо Зопириона.

— Ты думаешь, я знаю?

— Кто может знать, как не вы?

— Он движется северной дорогой по направлению к Мессане,— после некоторого раздумья ответил Дионисий.— Мессана. Твоя жена оттуда родом, я прав? Неужели она вернулась туда?

— Да, господин. Я хочу поехать за ней. Старая полуразрушенная стена Мессаны не выдержит натиска карфагенян.

— Тебе нельзя ехать.

— П-почему нельзя?

— Во-первых, ни к чему хорошему это не приведет. Гимилк уже в Пелорисе, это на расстоянии дневного перехода от Мессаны. Я почти уверен, что он прибудет туда раньше тебя. Во-вторых, ты мне нужен здесь. Дай подумаю... — Дионисий порывлся в свитках папируса.— Вот список дел, которые тебе необходимо выполнить. Ты должен изучить оборонительные сооружения города и указать места для установки катапульт. Завтра в это же время жду тебя со списком.

— Но, господин, я должен увезти жену из этой ловушки!

— У нас всего несколько дней на подготовку к не менее сложной осаде, чем афинская,— вскричал Дионисий.— И ты отвлекаешь мое внимание своими личными проблемами? Примись за разработку катапульт, и никакой ерунды! Ты солдат. Если покинешь город, то навлечешь на себя мой гнев. А теперь уходи.

Сжав кулаки, Зопирион с трудом сдерживался. Несмотря на полное неумение притворяться, слишком многое было поставлено на карту, чтобы позволить себе прямо высказать то, что кипело на душе.

— Ладно, ладно, господин. Все будет сделано наилучшим образом,— пробурчал он.

Покинув Арсенал, он решил зайти за советом к Архиту. Но потом он решил, что лучше этого не делать. Если его поступок повлечет за собой гнев тирана, то не стоит впутывать своего друга.

Час спустя он покинул Сиракузы. Когда он объяснил стражнику, что отправляется в Мегары Гиблейские для проверки защитных сооружений по приказу архонта, тот пропустил его за ворота.

Солдату и в голову не пришло, насколько странным было для штабного офицера в доспехах покидать город на обычной повозке.

Две лошади, пусть и не боевые кони, резво тащили повозку. Зопирион погонял их, как мог, и не останавливался, пока позволяла темнота. Остановившись на выгоне, где лошади могли пасть, он заснул прямо в повозке. Не успело взойти солнце, как он снова мчался по дороге, и так ехал целый день, не останавливаясь и утоляя голод взятой в дорогу буханкой хлеба. От Катаны до руин Наксоса — сицилийского города, разрушенного Дионисием семь лет назад, — а потом слева показался массивный силуэт угрожающе дымящейся Этны.

К полудню следующего дня он добрался до Мессаны. По дороге шли беженцы с усталыми испуганными лицами и узлами за спиной. Несколько раз он останавливался и спрашивал о карфагенском войске, но ответы получал самые разные.

— Ох, я уверен, что они взяли город...

— Нет, когда я уезжал, их не было видно...

— Мы решили уехать, не дожидаясь приближения врага, однако некоторые, веря в предсказание оракула, остались в городе...

— Они прямо за нами...

Зопирион поехал по дороге вдоль берега, огибающей подножия холмов Посейдона. Все больше беженцев встречалось ему на дороге. Погоняя лошадей, он пытался ехать галопом, в надежде не упустить время. Несмотря на грубые крики Зопириона, беженцы не спешили сойти с середины дороги, глядя вперед безжизненным взглядом, и освобождали путь только в самый последний момент.

Наступил полдень. Беженцы, которых встречал на пути Зопирион, в страхе бежали по дороге. Другие карабкались по склонам холмов. Никто не останавливался и не отвечал на расспросы. Но тарентиец неумолимо ехал по направлению к городу. Если ему удалось избежать рабства на «Судеке», думал он, то почему это не может повториться? Шанс все-таки оставался.

За очередным поворотом дороги показался отряд кавалеристов, они приближались на полном скаку — худые, темнокожие воины в юбках, окрашенных киноварью плащах из козлиных шкур и тюрбанах из меха диких кошек. У каждого за спиной висел большой колчан, из которого торчало несколько дротиков.

Завидев Зопириона, они ринулись в его сторону, низко пригнувшись к холкам лошадей.

Зопирион потянул поводья в тщетной попытке развернуть повозку. Но дорога была слишком узкой, на этом участке она пролежала между склоном холма и берегом моря. Лошади, подав назад, чуть не опрокинули повозку. Тем не менее, Зопириону почти удалось развернуться, когда его настигли темнокожие всадники.

С воинственными криками они окружили его, потрясая копьями. Один схватил под уздцы одну лошадь, а второй — другую.

Зопирион выпрыгнул из повозки. Над его головой со свистом разрезало воздух копье. Другое с металлическим звоном отскочило от его шлема. Юноша не захватил в дорогу ни щита, ни копья, он не собирался вступать в схватку и планировал путешествовать налегке. Однако встать против множества всадников с мечом в руках было равносильно самоубийству. Вместо этого он подбежал к ближайшей лошади, схватил воина за ногу и резко толкнул вверх.

Всадник упал в придорожные кусты. Зопирион приготовился запрыгнуть на спину лошади: нумидийцы ездили без седла. Однако, когда юноша положил ей руки на спину, животное резко подпрыгнуло и, как заяц, рванулось вперед. Зопирион покатился по земле. Прежде чем он успел подняться, на него навалилось несколько человек.

Они поставили пленника на ноги при помощи кулаков, тычков и уколов остриями копий. Удары были болезненными, но не наносили увечий. Юноша с удивлением раздумывал, почему они оставили его в живых, когда среди всадников появился карфагенский стратег. Сидя на лошади, он размахивал боевым топором и что-то кричал по-нумидийски. По его жестам Зопирион понял, что тот приказывал взять его живым.

С радостными возгласами нумидийцы отобрали у пленного шлем с гребнем, меч, кинжал, кошелек, полотняную кирасу и сапоги и поделили между собой добычу. Пока двое связывали ему руки, остальные развернули повозку по направлению к городу. Бросив Зопириона в повозку, они повернули к Мессане.

Повозку конвоировали карфагенский стратег и три нумидийца. Двое вели лошадей, а третий ехал рядом с Зопирионом, держа наготове копье на случай, если пленник вздумает дернуться.

Другой нумидиец галопом поскакал на юг.

Стратег нагнулся к Зопириону.

— Кто ты? — спросил он на ломаном греческом.

Зопирион открыл рот и не смог вымолвить ни слова. Его сковал ужас, ярость, смятение и чувство вины. Он ругал самого себя самым бесполезным, неловким, неразумным ослом...

— Кто ты? — повторил командир.

Зопирион слотнул, потом икнул и, наконец, заговорил по-финикийски.

— Я Зопирион из Тарента, о господин.

Гиппарх ответил ему также по-финикийски.

— Из наемников Дионисия?

— Да, господин.

— Тогда скажи мне, именем Ваала Хаммона, почему ты оказался среди бела дня на своей повозке в гуще карфагенского войска? Я могу понять, если бы ты был верхом. Но это безумие...

— Я надеялся спасти жену и сына. Они были в Мессане.

— Тогда понятно.

— Я хотел увезти их на повозке. Вижу, ты спас меня от этих варваров?

— Какой толк от еще одного мертвеца? На рынке за тебя можно выручить приличные деньги, часть из которых по праву принадлежит мне. И тебе повезло: ты не расстался со своей жизнью, учитывая, сколько наших положили вы — лживые греки-мужеложцы.

— Вы взяли Мессану?

— Конечно, грек! Она пала сегодня утром. Некоторые горожане пытались противостоять нам, но проломить их слабую стену было так же легко, как молотком убить комара.

Зопирион огляделся. Перед ним открылась равнина. Поля и виноградники кишели солдатами: они маршировали, тренировались, ставили палатки, валяли дурака и спорили из-за добычи. Здесь были карфагеняне с серьгой в ухе и золоченых чешуйчатых кирасах, иберийцы в пурпурных блузах, черных плащах, узких штанах, маленьких круглых черных шапочках и с висящими на боку парой коротких кривых сабель. Здесь были закованные в бронзу греки, ливийцы в шлемах с плюмажами из страусиных перьев, закутанные в покрывала гараманты¹. Отдельно ютились на подстилках группы черных воинов, вооруженных копьями — жители далеких пустынь, — со щитами из носорожьих шкур и курчавыми шапками волос, подстриженных самым невероятным

---

¹ Гараманты — североафриканская народность.

образом. Мимо легким галопом пронеслись всадники. За ними проехала колонна скифских колесниц.

Вокруг стояли тысячи и тысячи палаток, подобно морским волнам заполонив Мессанскую равнину. Над морем палаток с жалким видом возвышалась щербатая стена города. Над Мессаной поднимался дым. В городе догорали разрушенные здания. Далеко разносился грохот: солдаты Гимилка рушили стены домов.

Офицер, взявший в плен Зопириона, передал его другому офицеру, в обязанности которого входило наблюдение за длинными рядами закованных в цепи пленных. Время от времени приводили очередных пленных. Если новоприбывший, независимо от пола, оказывался слишком стар, командир делал знак стоявшему неподалеку солдату. Тот ударял пожилого пленного боевым топором по голове. Пока пара чернокожих солдат относили мертвые тела на огромный погребальный костер, расположенный на расстоянии полета стрелы, другие солдаты заковывали в цепи оставшихся в живых.

Пленники стояли с опущенными головами. В таком же унынии несколько часов подряд стоял с ними и Зопирион. В поисках знакомых лиц он постоянно вглядывался в длинные ряды пленных и неустанно твердил себе о собственной никчемности, никудышности... И как же теперь ему удастся спасти Коринну? Попасть в рабство и жить рабом? Рабство, как и смерть, было частью обычного хода вещей. Как и от смерти, никто от него не застрахован. Но аристократу, как и герою, просто невозможно оказаться в рабстве: он должен пасть на поле боя или лишиться себя жизни. Однако Зопирион не сумел сделать ни того, ни другого. В голове крутились слова поэта:

Когда настал удел раба, когда ощерилась судьба,
И вещей Зевс тебя покинул —
Он делит мужество твое, и, наколовши на копье,
С собой уносит половину.

И, усугубляя печальный удел, покупатель может поставить на теле клеймо или выколоть татуировку, на манер финикийских рабовладельцев. Подобно большинству эллинов, почитающих культ тела, и несмотря на страстное желание умереть, Зопирион с отвращением думал о нанесении клейма, обрезании и любом другом членовредительстве.

Всего один раз в течение долгого дня пришел слуга с бадьей воды и ковшом. Он поил пленников так беспечно, что большая часть драгоценной влаги, стекая по подбородкам, проливалась

впустую. Пленники томились в ожидании: длинная череда законных в цепи дюйм за дюймом приближалась к невольничьему рынку.

Наконец пришел черед Зопириона. С его запястий сняли цепи, а тунику — единственное оставшееся у него имущество — обернули вокруг головы. На помост его вывели два солдата, внимательно следивших за пленником, чтобы он не сбежал и не смог убить себя. Вокруг помоста также стояли солдаты. Зопирион посмотрел на полукруг торговцев и невольно вздрогнул.

— Ты кто? — спросил ведущий аукциона на ломаном греческом.

— Я Зопирион из Тарента, господин, — по-финикийски ответил юноша. Теперь приходилось внимательно обдумывать каждое слово. Он должен был произвести на покупателей впечатление, показать собственную ценность, чтобы не оказаться проданным на каторгу, например, в рудники. С другой стороны, нельзя было слишком важничать, чтобы не слишком взвинтить цену. В противном случае вряд ли его родным удастся выкупить пленника.

— Что ты умеешь делать? — спросил ведущий. В его голосе послышались нотки заинтересованности. Было очевидно, что речь и манеры Зопириона произвели на него впечатление.

— Я строитель. Могу проектировать и строить стены, оборонительные сооружения, верфи, доки, гидросооружения и военную технику.

— Вы видите! — поворачиваясь к торговцам, вскричал аукционер. — Смотрите, какой прекрасный раб с крупными яйцами! И помимо всего человек умный, образованный. Сколько вы предложите за этот цветок Эллады?

— Один серебряный талант, — сказал торговец.

— Ерунда! — вскричал аукционер. — Посмотрите, он говорит по-финикийски, да еще с прекрасным тирийским акцентом. За одно это можно добавить еще талант.

— Один талант тридцать шекелей, — предложил другой торговец.

— Хорошая шутка! Он тянет на десять талантов. Посмотрите на глаза, в которых светится ум! Скажи еще что-нибудь, парень, чтобы эти скупердяи еще раз убедились в твоём уме.

— Если бы я был настолько умен, как ты говоришь, то не стоял бы перед вами, — ответил Зопирион.

Слова юноши вызвали смех.

— Талант сорок шекелей,— сказал торговец.

— Талант пятьдесят.

— Два таланта.

Несмотря на все усилия ведущего, торг шел медленно. Цену увеличивали, прибавляя по пять шекелей. Зопирион предполагал, что его продадут за два таланта сорок пять шекелей толстяку с широким поясом, когда сквозь толпу протиснулась хрупкая знаковая фигурка.

— Плачу три драхмы!

Торговцы встретили появление капитана Асто хмурыми взглядами — появление чужака, покупающего прямо в армии и тем самым лишаящего их законной прибыли. Тем не менее, ведущий аукциона продал Зопириона моряку.

Охваченный нахлынувшими чувствами, освобожденный и полный надежд, юноша сошел с помоста, надел рубашку и, не произнося ни слова, пошел вслед за Асто прочь с невольничьего рынка.

— Я не могу освободить тебя здесь, о благородный господин, потому что тебя могут снова поймать и снова продать. Я заберу тебя в Панорм, где я теперь живу. Там ты поживешь у меня до конца войны, а потом ты снова обретешь свободу,— мягко произнес Асто по-гречески.

— Спасибо, дорогой друг, и спасибо богу, пославшему тебя. Ты случайно не видел мою жену среди пленных? Во время падения Мессаны она была там со своей семьей.

— Нет не видел, но можем пройтись и убедиться собственными глазами.

В течение часа они бродили по лагерю, просматривая каждую партию пленных. Однако ни Коринны с Хероном, ни членов семьи Ксанфа они не нашли.

— Если их взяли в плен, то, скорее всего, уже продали,— в конце концов произнес Асто.— Пора возвращаться на мой корабль, я надеюсь до наступления темноты добраться до хорошей гавани.

— Как тебе удалось появиться так вовремя и спасти меня?

— Я работаю с поставками для армии Гимилка.

— При осаде Мотии взяли в плен кого-нибудь из твоих близких?

— Нет, боги были милостивы. Я молился, и госпожа Танит послала мне сон, в котором советовала перевезти семью в Панорм. Это очередной раз доказывает сказанное мной о богах на

«Муттумалейне», ты помнишь? Они в полной мере управляют миром, до самой мелкой песчинки, и смертным без них никак не обойтись.

— Я запомню свою цену и верну тебе все до последнего шекеля,— ответил Зопирион.

— И не думай об этом! Ты спас мою жизнь в Сиракузах, а я просто заплатил долг.

Последующие месяцы Зопирион провел в доме Асто в Панорме, играя роль привилегированного слуги. Помня о том, что его окончательное освобождение зависит от доброй воли финикийца, Зопирион старался не злоупотреблять хорошим отношением к нему Асто и его близких. Но это оказалось не так-то просто: жена Асто, ревностная домохозяйка, была остра на язык. Зопирион же был неловок и то и дело зацеплял, ронял или разбивал всякие безделушки — лампу, блюдо, цветочный горшок.

Когда друзья Асто и друзья друзей узнали о вычислительных способностях и навыках Зопириона, они стали обращаться к нему за помощью. Юноша был рад немного подзаработать. Во-первых, теперь он мог компенсировать или купить новые вещи взамен испорченных или разбитых старых, а также порадовать новыми безделушками хозяйку дома. Во-вторых, к моменту освобождения скопить средства на дорожные расходы.

Шло время, принося новые сведения о войне. Гимилку пришлось обходить Этну с юга: после извержения вулкана стала непроходимой прибрежная дорога. Карфагенский наварх Магон разгромил флот Сиракуз, которым командовал Лептиний, а войско Карфагена окружило город. Дошли рассказы о неудачном восстании против Дионисия; о том, как Дионисий освободил и вооружил сиракузских рабов, и как чума поразила осаждающих.

Шел метагитнион. Асто вернулся с известием об окончании осады. Карфагенское войско разбито, часть его уничтожена, часть обратилась в бегство.

— Дорогой Геракл! Как это произошло? — воскликнул Зопирион.

— Армия Гимилка была ослаблена чумой. Ваш тиран подготовил вылазку и неожиданно напал на карфагенские силы с берега и с моря. Он скакал впереди войска, будто одержимый демонами.

— Когда разгром войска принял угрожающие размеры, Гимилк откупился от Дионисия тремя тысячами талантов, и тот позволил карфагенянам уйти по морю, оставив наемников на произвол судьбы. Сиракузяне встретили остатки войска. Одних убили, а других продали в рабство, за исключением иберов. Эти варвары так отважно защищались, что Дионисий присоединил оставшихся в живых к своему наемному войску.

— Вижу, ты не слишком огорчился,— заметил Зопирион.

Асто пожал плечами.

— А почему я должен любить Карфаген? Ханаанцы всегда чувствовали на себе его тяжелую руку. Думаю, рука Дионисия в той же мере тяжела для сицилийских греков. Я надеялся, что закончится вражда двух могущественных правителей, и простые люди смогут вернуться к обычной жизни. Однако подвластные Карфагену африканские племена восстали, поэтому в Новом Ханаане вряд ли начнутся военные действия. Говорят, Гимилк, во искупление поражения и оставления на произвол судьбы наемных войск, до смерти заморил себя голодом... Итак, мой друг, когда ты собираешься покинуть нас?

— Ты хочешь сказать, я свободен идти куда вздумается?

— Ты мог уйти в любой момент, мы создавали видимость твоего рабства во имя твоей же безопасности.

— Ты человек с открытой душой, Асто.

Асто пожал плечами и развел руками.

— Не хуже большинства, лучше немногих. Я составлю документ о твоём освобождении.

На следующий день Асто привел шестерых друзей, чтобы они засвидетельствовали факт освобождения Зопириона. Документ был составлен на финикийском и греческом и переписан в двух экземплярах на пергаменте. Асто огласил по-финикийски содержание документа.

«Я, Асто бен-Илрам, проживающий в городе Мачанаф (по-гречески Панорм), купил раба Зопириона бен-Мегабаза из Тарента за три карфагенских таланта и, так как означенный Зопирион выполнил для меня работы, намного превышающие его стоимость, выражаю свое желание в качестве оплаты за его услуги освободить означенного Зопириона от служения мне в качестве раба.

Итак, я, Асто бен-Илрам, в соответствии с вышеупомянутыми услугами, выражаю письменное согласие передать озна-

ченного Зопириона в собственность высшего бога, Ваала Хаммона (по-гречески, Зевса), чтобы он служил ему верой и правдой до конца дней своих.

В подтверждение моих слов, я, Асто бен-Илрам, прикладываю руку и подтверждаю это двадцатого дня месяца аба, в году четыреста восемнадцатом со дня основания Карфагена, а также прикладывают руки означенный Зопирион и шесть свободных ханаанцев из Мачанафа. Копия этого документа будет передана в храм Ваала Хаммона в Карфагене, где будет вечно храниться в подтверждение факта его освобождения».

Документ был подписан. Прозвучали слова поздравления, собравшиеся раскланялись, и Асто передал по кругу чаши с тяжелым сладким вином. Освобожденный Зопирион собрал свой скудный багаж.

— У тебя хватит денег? — спросил Асто.

— Спасибо, хватит. На деньги, которые ты любезно помог мне заработать вычислениями для твоих друзей, я могу добраться в любую точку Эллады.

— Так куда ты отправишься? Будешь снова работать на Дионисия, безжалостного врага ханаанского народа?

— Нет. Даже если бы он пригласил меня, я предпочел бы более тяжелый труд на менее взыскательного хозяина. Думаю, его неприязнь к ханаанцам вполтину меньше: вторая половина не более, чем игра на публику.

— Что привело тебя к такому выводу?

— Я долго думал о взятке, полученной от Гимилка за возможность ускользнуть. Если бы Дионисий на самом деле стремился изгнать с Сицилии всех финикийцев, он никогда бы не позволил карфагенянам так просто уйти. Следовательно, Карфаген ему нужен как пугало, чтобы удерживать в подчинении своих подданных.

— Возможно, ты прав. Да, возможно, ты прав. Большая политика всегда выходила за пределы моего поля зрения. Но если не в Сиракузы, то куда?

— Сначала я попытаюсь найти жену.

— Да помогут тебе в этом боги! Ты можешь обратиться к Инвиту.

— Потом я вернусь в Тарент в дом моего отца и займусь строительной практикой. Прощай, Асто!

— Кто знает, может, боги когда-нибудь снова сведут нас.

Они пожали друг другу руки, обнялись, и Зопирион решительно направился к берегу.

Прошло много лет. Дионисий, как и прежде, крепко держал в руках Сиракузы, а после распространил свое влияние на большую часть Сицилии и южной Италии, организовывал государственные службы, покровительствовал искусству, состарился и умер. В мунихионе-месяце, в первый год сто третьей Олимпиады¹, когда Нausиген был архонтом Афин, Архит, пятый раз избранный архонтом Тарента, склонился над столом в своем кабинете.

На улице запоздалый весенний дождь поливал красные черепичные крыши. Комната была заставлена образцами и моделями различных устройств. Не обращая внимания на окружающих, Архит писал цифры и рисовал линии на вошеной дощечке: он исследовал законы геометрической прогрессии. У его ног возлились четыре малыша, двое из которых были его внуками, а двое других — детьми слуг. Архит и в старости не изменил своей любви к детям. Когда дети подрастали, он давал им образование за свой счет.

Вошел слуга.

— О архонт! Пришел господин Зопирион с другом!

— Пригласи их немедленно! И ни слова о нашем сюрпризе! — Архит показал на малышей. — И отнеси ребятишек к матерям.

Архит тяжело поднялся и вперевалку направился во двор. Избегая выходить на середину двора, где поливал дождь, он через колоннаду прошел в переднюю. На полпути он столкнулся с друзьями.

— Зопирион!

— Архит! Помнишь Платона из Афин?

— Конечно, я встречался с ним во время его первого путешествия на запад... дай подумать... около двадцати лет назад. Тогда люди обращались к Платону по имени, полученному от рождения. Аристокл, не так ли?

Платон снял промокшую дорожную шляпу и стряхнул с полей воду. Ему было около шестидесяти лет. Среднего роста, коренастый и мускулистый, он был крепкий, но не такой тучный, как Архит. Густая, почти полностью седая борода покрывала грудь. Он легко улыбался, но редко смеялся. Говорил на чистом аттиче-

ском диалекте высоким резким голосом, сопровождая речь жеста-ми, полными изысканного очарования.

— Старина Архит! Ты стал еще толще, хотя не мне говорить об этом,— сказал он.

— Входите, да снимите плащи. Мои слуги покажут тебе комнату. Как раз время обедать.

— Если мы не вовремя... — начал было Платон.

— Никоим образом, мой дорогой, никоим образом. В это время к нам всегда заходят люди. Но что привело тебя к нам?

Архит привел гостей в кабинет. Слуга принес вино со специями.

— Ты не поверишь, смерть Дионисия.

Архит рассмеялся.

— Бедный старик Дионисий! Всю свою жизнь он провел в борьбе. Я не имею в виду власть, но его литературное творчество. И когда он-таки получил в Афинах приз за трагедию, то заболел и умер. Ну и как тебе его пьеса?

— «Выкуп Гектора»? Неплохо. Однако в тот год была не столь сильная конкуренция. В Афинах поговаривают, что он ускорил свой конец, буйно отпраздновав получение награды.

— Мне что-то не верится. Он всегда отличался умеренностью, и одной оргии недостаточно, чтобы убить человека с его телосложением. Наверное, им овладел тяжелый недуг, и плюс ко всему возраст:

И черный жребий бросил в темноту
Удачливое лживое созданье...

Но я тебя перебил.

— Да. Я получил письмо от Диона, зятя Дионисия-старшего, с просьбой приехать в Сиракузы и сделать философа из Дионисия-младшего.

— О, человек! Твои труды будут напрасны! У него ветер в голове. Я буду сильно удивлен, если ему удастся не развалить лет за пять отцовскую державу.

— Зопирион сказал мне то же самое. Но я не могу так сразу отказать Диону после того, как сам же проповедовал о том, что правитель должен быть и философом.

— Желаю удачи, хотя не могу не заметить: ты взваливаешь на себя сизифов труд,— произнес Архит.— Мне казалось, что опыт общения с Дионисием-старшим должен был лишить тебя подобных иллюзий.

— Старый разбойник имел твердые убеждения, тогда как юноша,— я надеюсь,— может оказаться более гибким. А что касается всего остального, то ты прекрасно справляешься с обязанностями философа-правителя. В Таренте лишний раз убеждаешься в возможности честной, просвещенной, конституционной республики.

— Спасибо, о Платон, но ты не знаешь всей правды,— рассмехался Архит.

— Что ты имеешь в виду? Ты хочешь признаться в крючкотворстве?

— Нет. Я имел в виду совсем другое: я могу встать и произнести перед тарентийцами хорошую веселую речь. Я пересыпаю ее шутками. Выразительно привожу убедительные примеры. И тем самым убеждаю их в том, что я — честный, мудрый и бескорыстный лидер. Однако им просто повезло, что я на самом деле обладаю этими качествами. Другой человек — к примеру, Дионисий,— тоже может произнести прекрасную речь и собрать народ, однако он преследует эгоистические цели. Когда я покину свой пост, каким образом тарентийцы смогут отличить нового Архита от нового Дионисия?

— Думаю, вам следует ограничить число участвующих в выборах узким кругом лучших людей, исключив ремесленников.

— Вроде меня? — кисло спросил Зопирион.

— Ох, нет, нет. Я отношу тебя к мыслителям, а следовательно, к элите общества, невзирая на твои грубые материалистические интересы,— ответил Платон.

— Благодарю тебя.

— Передав власть ограниченному кругу богатых людей — так называемых «лучших людей»,— вы не решите проблемы,— заметил Архит.— Эти господа, дорвавшись до власти, примутся подавлять и эксплуатировать простолудинов, пока те не взбунтуются. Мне не надо объяснять тебе, насколько страшной может оказаться гражданская война.

— Как было в Афинах. Там я получил непосредственный опыт разрушения демократии. Но меня удивляет, что ты, признанный во всем мире демократический лидер, так беспощадно препарировешь демократическую форму правления. Тогда какую форму правления, на твой взгляд, можно признать удовлетворительной?

— Да нет, я не теряю надежд относительно демократии. Но для всего мира она в новинку. Только эллины, финикийцы и

римляне пробовали ставить над ней эксперименты. Все очень похоже на машины Зопириона. Он может рассказать тебе о трудностях, которые ему пришлось преодолеть, прежде чем заработала первая катапульта. То же самое можно отнести и к новой форме управления. Она никогда не будет работать так, как она должна работать, по твоему мнению. Придется многое подправить, подпилить и обрубить, прежде чем система заработает.

— А как ты собираешься подпиливать и подравнивать демократическую машину?

— Во-первых, я думаю, что большинство — «базовая схема» — должно быть образованным. Люди часто спрашивают меня, зачем я так беспокоюсь и обучаю детей своих рабов. Понимаешь, у нас в Таренте либеральные законы о даче вольных и гражданстве. Когда-нибудь многие из этих детей станут полноправными гражданами.

Аристокл-Платон пренебрежительно хмыкнул.

— Неужели ты на самом деле думаешь, что простолюдины окажутся достаточно умными и порядочными для участия в самоуправлении?

Архит пожал плечами.

— Я не знаю, но пытаюсь найти ответ. Твоя проблема, друг мой, заключается в том, что на подобные вопросы ищешь ответы исключительно в области чистой логики. Но, поработав строителем, ты бы убедился: один эксперимент стоит двадцати теоретических выкладок.

Архит повернулся к Зопириону с заговорщицкой улыбкой.

— Скажи, старик, как обстоят в Старой Элладе дела с военным строительством?

— Ох, едва свожу концы с концами, — сказал Зопирион. Он был все так же высок и худощав, только шевелюра на макушке слегка поредела, да бороду тронуло сединой. — На востоке я добрался до Родоса, а на севере до Пеллы. Самый большой заказ я получил от афинян: на строительство пары стреляющих камнями катапульт. Так что «Сыновья Мегабаза» все еще скрипят.

— Когда Зопирион говорит, что его предприятие пока держится на плаву, надо понимать, что он купается в деньгах, — вздохнул Архит. — Иногда я начинаю сожалеть, что не стал их компаньоном много лет назад, когда Зопирион и его брат предлагали мне это. Если бы я занялся строительством, а не такой ерундой, как политика, то, наверное, был бы богат.

Платон расхохотался.

— Да вы двое по сути своей закоренелые ремесленники-механики!

— Мне кое-что рассказали, и думаю, тебя это заинтересует,— обратился Зопирион к Архиту.— Помнишь беднягу Алексита, строившего чetyрех и пятивесельные галеры для старика Дионисия?

— Разве можно забыть о нем? — ответил Архит.— В других странах внутреннего моря пытались построить подобные корабли, однако, учитывая их высокую стоимость, успеха так и не добились.

— Зато финикийский кораблестроитель с Кипра сделал одно открытие, компенсирующее увеличение размера корабля. Он использует один ряд весел. По размерам его весла значительно превышают обычные, но корабельщик посадил на скамьи по чetyре-пять гребцов на каждое весло. Они вместе гребут одним веслом. Работает чудесно.

— О горе! Ну почему мы не додумались до этого, когда были в деле? — вскричал Архит.— Но скажи мне, что за странную штуковину, завернутую в тряпку, ты привез в своем багаже? Это новая машина?

— Моя новая портативная катапульта. Демонстрационная модель, которую я беру в путешествия. Хочешь взглянуть, как она работает?

— Обязательно!

Архит сделал знак слугам, и они на выложенный мозаикой пол положили перед Зопирионом странный сверток. Зопирион помог им развернуть его. Там оказалась катапульта длиной около шести футов. Ее конструкция позволяла сделать выстрел, держа ее в руках. В свертке лежали и несколько железных дротиков длиной в фут для маленькой катапульты и один шестифутовый деревянный дротик для стандартной катапульты.

— Вы видите перед собой стрелу Геракла! Я пытался продать несколько катапулт спартанцам, но царь Архидам только разок взглянул и в ужасе отпрянул. «О, Геракл! Такое оружие способно лишить мужества кого угодно!» — закричал он.

— Возможно, так оно и есть,— заключил Платон.— На корабле ты рассказывал мне о пророчестве Сивиллы из Кум, которое было сделано много лет назад. Она видела, как ты стреляешь из лука Геракла, и рушится мир. Старик Дионисий замышлял нечто подобное, когда нанимал людей для целенаправленного

изобретения оружия. Одни боги знают, когда все это кончится. Когда-нибудь один из ваших коллег-строителей изобретет машину, которая на самом деле разрушит мир.

— К счастью, мир слишком велик для простых смертных,— заметил Зопирион.— Однако стоит призадуматься. Что касается моей работы, ее вряд ли бы одобрил богоподобный Пифагор. Проблема в следующем: у меня сложилась устойчивая репутация ведущего военного строителя во всем Внутреннем море. Поэтому мне приходится заключать большей частью военные контракты: катапульты, тараны, оборонительные сооружения и так далее. Я должен что-то кушать. Помните, об этом Протагор как-то раз напомнил своему хозяину Сократу, когда тот решил расплатиться с ним не деньгами, а лекциями.

— Расскажи ему о нашей вертушке,— предложил Архит.

— Да, Архит и я придумали одно изящное изобретение. Мы назвали его вертушкой. Вырезаешь винтообразный желобок в круглой палочке. Его можно использовать где угодно, к тому же в мирных целях. Однако никого не удастся заинтересовать им.

— Покажи мне, как работает твоя катапульта,— попросил Архит.

— Мне не хочется портить твою штукатурку.

— Не волнуйся. Стреляй в африканский щит из шкуры слона.

Зопирион встал и направил на щит желоб катапульты на висящий на стене щит. Закругленный конец желоба он приставил к груди и слегка наклонился вперед. Салазки поехали назад, выдвигаясь в желоб и одновременно натягивая лук. Защелкали собачки на внутренней части желоба. Когда Зопирион выпрямился, машина была заряжена. Он положил в желоб железный дротик длиной один фут.

— А вот так стреляет,— сказал он.

Держа левой рукой катапульту и приложив к груди закругленный конец желоба, он дернул за рычажок на салазках. Зазвенела тетива, а стрела вонзилась в щит.

Архит присвистнул. Платон заглянул за щит.

— По крайней мере,— сказал Платон,— не стоит беспокоиться о щите: он уже не свалится на пол. Крепко же его пригвоздили!

— Я придумал эту штуку для демонстраций,— продолжал Зопирион.— Однако в этот раз я ездил в Македонию. Македоняне смотрели на меня тупо, как стадо быков. Все, за исключением царевича Филиппа. Он еще совсем мальчик, однако проявил огромный интерес к моим устройствам. Он поклялся, что однажды

вооружит моими портативными катапультами целую армию, и назвал их назвал арбалетами. А ты над чем работаешь, Архит?

— Большой частью занимаюсь математикой. Однако придумал один приборчик. — Архит показал на вертикальную трубочку, закрепленную на основании. В нижней части трубочка при помощи дыхательного горла журавля соединялась с кузнечными мехами, а в верхней — с горизонтальной трубкой длиной около двух футов. На ее конце сидела деревянная птичка.

Архит наклонился, взялся за рукояти мехов, раздвинул их, а потом резким движением качнул. С шипением пошел воздух. Птичка пошевелилась. Трубка вместе с птичкой начала крутиться, как спица колеса, а у птички затрепетали крылышки. Когда воздух перестал поступать, птичка начала останавливаться и, наконец, замерла.

— Зевс Олимпийский! Как умно, Архит! — вскричал Зопирион. — Ну-ка, посмотрим, воздух идет по горлышку, потом по трубке, а потом выходит через дырочки в птичке... Нужно найти этому практическое применение. Интересно, а что если на галеру вместо гребцов поставить такие устройства, а снизу качать воздух...

— О боги, что это? — испуганно воскликнул Платон. Из угла каюты, где стояло странное нагромождение кувшинов и трубок, раздался заунывный вой.

— Значит, наступило время обеда, — сказал Архит и объяснил действие автоматического сигнала, придуманного для Дионисия-старшего.

— Подобное устройство могло бы подавать сигнал о начале занятий, — сказал Платон. — Вы должны снабдить меня чертежом и описанием, и я смогу поторапливать медлительных учеников.

За обедом Платон продолжил разговор.

— Если разговор зашел о студентах, было бы здорово, если бы сейчас с нами оказался паренек из Стагейры — Аристотель. У него страстная тяга к познанию. Он все классифицирует, даже машины.

— Ты говоришь о тощем всезнайке? Такой шепелявый? — переспросил Зопирион.

— Именно о нем. Я позволил ему брать уроки у некоторых моих коллег. Он поклялся, что однажды станет философом, однако я сомневаюсь в наличии у него внутреннего озарения, — Платон поудобнее улегся на ложе и поставил локоть на подушку. Слуги забежали с подносами.

— Ох, вижу, у тебя по прежнему все прекрасно, Архит! — сказал Платон.

— У человека должен быть по крайней мере один порок, а чревоугодие — самый безобидный.

Платон не отрывался от еды, поставленной на отдельный столик специально для него.

— Можно тебя спросить, Архит,— немного утолив голод, спросил он.— По дороге сюда Зопирион рассказывал мне о приключениях своей юности, когда вы работали на Дионисия-старшего. Можно попросить его продолжить? Зопирион, ты остановился на моменте, когда финикийский капитан освободил тебя из рабства.

Зопирион вздохнул.

— После того, как я покинул гостеприимный дом Асто, три года искал Коринну, останавливая поиск лишь для того, чтобы подзаработать денег строительным делом. Однако мне не удалось ее найти. По моей просьбе Инвит тоже искал ее и также безуспешно. Кстати, Архит, ты виделся с ним с тех пор?

— Да, несколько дней назад он приехал в Тарент.

— И как он?

— Как обычно. Брюзжит, что это его последнее путешествие. Но даже не представляет, чем будет заниматься, если оставит свой бизнес. К примеру, мы с тобой, о Платон, можем заняться написанием философских трактатов об улучшении нашего жестокого и безнравственного мира. Однако Инвит реализует это на практике.

— Мне бы хотелось дослушать рассказ Зопириона, если ты позволишь,— попросил Платон.

— Итак, с мальчиком — моим пасынком — все в порядке.

— А где он? — спросил Платон.

— В Карфагене, в доме отца. После падения Мессаны его продали в рабство, и работорговец спросил мальчугана, кто он и откуда. Ребенок — а он был очень сообразительным — сказал, что он — сын Илазара, строительного подрядчика из Карфагена. Работорговец, предвкушая выгодную сделку, связался с Илазаром и получил за него выкуп.

— А что было дальше?

— Парнишка вырос, женился, служил в армии Карфагена, а после смерти Илазара унаследовал его дело. Если бы он остался

в Элладе, то стал бы известным атлетом: у него отличное тело. Однако в Финикии гимнастику и гимнастические состязания считают ребячеством.

— Варвары,— пробурчал Платон.

— Однако они, со своей стороны, могут сказать про нас то же самое. Как бы то ни было, бывая в Карфагене по делам, я пару раз встречался с Ахиромом. Он с радостью встретился со своим отчимом, однако совершенно не помнит наших приключений: в пещере у ведьмы и того, как мы едва избежали рабства. И почти не помнит свою мать.

— Значит, похищение мальчика ни к чему не привело?

— Я бы так не сказал. Если бы во время гражданской войны в Карфагене, которая началась после осады Сиракуз, он остался со своим отцом, то мог бы закончить свою жизнь в чреве Ваала Хаммона. Но он переждал это смутное время у работорговца. А когда снова наступили тяжелые времена и потребовались детские жертвы, он был уже слишком взрослым. Судя по всему, у богов есть план для каждой человеческой жизни.

— А что случилось с членами семьи твоей жены? — спросил Платон.

— Ее отец, Ксанф, умер от перенапряжения во время запоздалой попытки спастись бегством из Мессаны. Главк погиб, сражаясь с карфагенянами. Во время суматохи Коринна и ее мать потерялись. Ирена спряталась у родственников, но вскоре умерла. Говорят, сердце не выдержало. Ошибка Ксанфа заключалась в том, что он верил оракулу больше, чем собственному разуму. Почти всем жителям Мессаны, накануне осады покинувшим город, удалось спастись. Я тоже совершил ошибку, не послушавшись совета Архита, и не покинув службу у Дионисия после первой кампании.

— А Коринна совершила ошибку, вернувшись в Мессану,— продолжил Архит.— Дионисий был неправ, начиная военные действия, Гимилк совершил ошибку, взяв Мессану, и так далее. Пытаться искать виновных в каждом событии жизни отдельного человека — не что иное, как бесконечные и бесполезные упражнения в философии.

— Зопирион, ты так и не женился вторично? — поинтересовался Платон.

— Нет. Меня никогда не покидала надежда, что я найду ее, хотя логика здесь отсутствует.

Платон захихикал.

— Ты действительно совершенно не эллин! Высший человек не позволит себе из-за подобных сантиментов отказаться от выполнения гражданского долга — родить законных детей...

— Неужели? — неожиданно вспыхнув, прервал его Зопирион.— А как насчет Архинассы? Ты в течение долгих лет проповедовал о чистой духовной любви, а сам потерял голову из-за средних лет гетеры...

Заметив, что Платон приходит в ярость, Зопирион замолчал. Архит, как ни в чем ни бывало, перевел разговор на его математические изыскания.

Когда слуги вымыли и вытерли руки участникам обеда, Зопирион испытующе взглянул на Архита.

— Послушай, старик, ты от меня что-то скрываешь.

— Не понимаю, о чем ты!

— Да нет же, я тебя знаю! И прекрасно вижу, что ты пытаешься скрыть улыбку. Как будто за сорок лет я не узнал тебя как облупленного! Выкладывай!

Архит вздохнул.

— Мне никогда не удавалось хоть что-то скрыть от тебя. Но ты прав, у меня для тебя есть сюрприз.— И он шепнул на ухо слуге.

Спустя некоторое время открылась дверь, ведущая на женскую половину дома. Вошла Коринна, а за ней Клея, жена Архита. Несмотря на седину, Коринна держалась прямо, сохранилась и ее прежняя красота. Архиту и Клее не пришлось прикладывать усилий, чтобы подготовить ее к встрече. Накидка из тонкого желтого биссуса покрывала платье из прекрасного пурпурного полотна, а волосы венчала лучистая серебряная тиара. Открыв рот, Зопирион начал медленно вставать.

— Инву в конце концов удалось ее найти в ткацкой мастерской на Кипре, в доме зажиточного горожанина, и по пути в Сиракузы он привез ее сюда дожидаться твоего возвращения...— не мог сдержать радости Архит. И замолчал, видя, что никто его не слушает.

Зопирион и Коринна медленно шли навстречу друг другу, и по щекам их текли слезы.

— Коринна...

— Зопирион...

— Сколько лет прошло....

— Почти тридцать лет...

— Но у нас впереди еще есть время!

— Да, дорогой.

— Пойдем домой!

Рука об руку они вышли из комнаты. Клея поклонилась Платону и ушла на женскую половину. Архит смахнул слезы и повернулся к Платону. Тот стоял, задумчиво теребя бороду.

— Так вот, я говорил о пропорциях, лежащих в основе геометрической прогрессии...

Отвергнутая принцесса

1

Роллин Хобарт оторвался от электрических схем, еле видных в сигаретном дыме, чтобы произнести:

— Войдите.

Дверь открылась, и он добавил:

— Привет, Джордж.

В воздухе повисла небольшая пауза.

— Хм... Ты разве не говорил, что придешь с другом?

Джордж Принц (молодой человек, не играющий заметной роли ни в собственном окружении, ни в нашей истории, и посему остающийся без описания) растерянно кивнул:

— Да, но он подойдет попозже. Мой бог, Ролли, ты хоть когда-нибудь проводишь вечер не за работой?

— Иногда... А что это за друг?

— Его зовут Гомон.

— Герман?

— Нет, Гомон. Г-О-М-О-Н.

— Гомон, а дальше? Какой Гомон?

— Просто Гомон. Г-О-...

— Я уже это слышал, — нетерпеливо отмахнулся Хобарт. —

Что он из себя представляет?

— Он называет себя аскетом.

Роллин Хобарт нахмурился — или это только морщинка между бровей вдруг обозначилась резче? Он был вполне обычным молодым человеком: широкий в кости, с гладкими светлыми волосами, прямым носом и тонкими губами.

— Извини, Джордж, но у меня нет ни минуты свободного времени для общения с твоими эксцентричными друзьями. Вопрос стоит об экономии трех четвертей цента на каждую тонну.

— Но он совсем другой! — возразил Принц. — Подожди, ты сам увидишь. Кстати, ты еще не передумал насчет завтрашней вечеринки?

— Нет. Я же сказал — работаю.

— Господи, ты ведь и так совсем никуда не ходишь, — Принц разочарованно вздохнул. — Я и не подозревал, что работа у штрейкбрехера такая напряженная.

— Хиггинс и Хобарт НЕ штрейкбрехеры, я же тебе объяснял! — Хобарт в ярости даже вскочил со стула.

— Тем не менее...

— И не наша вина, что следователь превысил свои полномочия. Это он предложил уволить самых...

— Да, — прервал его Принц. — Но вы с Хиггинсом знали, что Карсен — бессердечный человек, когда нанимали его. Таким образом, вы тоже способствовали бунту.

— Вовсе нет. Ты же помнишь — суд, затеянный Карсеном против нас, решил, что в момент выбивания ему зубов бастующими он уже не действовал в качестве нашего агента.

— О да! Забавнее формулировки нельзя было и придумать, — рассмеялся Принц.

— Тебе, может, и смешно, зато всем остальным — нет! — обиделся Хобарт. — Компания обанкротилась, бастовавшим все равно ничего не заплатили, мы тоже не получили обещанного вознаграждения, а Карсен расстался с зубами. Я считаю, что мы — не штрейкбрехеры, раз нас официально оправдали. QED¹. Мы — инженеры-консультанты, и вправе ожидать, что клиенты заранее предупредят нас о проблемах с рабочими.

— Твоя проблема, Ролли, в том, что ты мыслишь только категориями черного или белого: все или так, или никак, — ответил на это Принц. — А ведь логика времен Аристотеля давно уже дополнена и расширена. Из тебя мог получиться отличный коммунист, если бы только тебе не повезло родиться законченным консерватором.

Хобарт окончательно отказался от попыток сконцентрироваться на своих расчетах и набросился на друга:

— Это ты, приятель, делишь все на белое и черное. Меня случайно обвинили в штрейкбрехерстве — и я уже заклею как ненавистник бедных трудяг! А если я уверен в том, что постоянная несбалансированность бюджета не сулит ничего хорошего

---

¹ Quod erat demonstrandum — что и требовалось доказать (*лат.*).

ни отдельным гражданам, ни правительству в целом — ты считаешь меня ограниченным реакционером! Ты и тебе подобные люди — между прочим, весьма поверхностно знакомые с социальными теориями, — уверены, что стоит принять кучу замечательных законов, и мир сразу же им подчинится...

— Я только хотел сказать... — попытался возразить Принц. Однако остановить Хобарта уже было невозможно.

— И ты совершенно не прав насчет аристотелевой логики, — продолжил тот с раздражением. — Ее не расширили, а признали особым случаем логики более высокого порядка. Так же, как в свое время геометрию на плоскости — частным случаем пространственной геометрии. И это вовсе не свидетельствует о ее бесполезности, а всего лишь ограничивает применение. Мы с трудом можем представить себе мир, живущий только по законам двузначной логики. Там, например, все должно быть окрашено в красный цвет, и ничто не может быть розовым или бордовым...

— Говоря об этом, мой друг...

— Я еще не закончил, Джордж. Между прочим, уже Платон обратил внимание на концепции бесконечности и множественности причин, упущенные в работах Аристотеля. Если бы он не так увлекался туманным идеалистическим мистицизмом... Кстати, так что там твой друг?

Джорджу Принцу, ошеломленному этим необычным переходом, понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

— Ну, в общем, это трудно объяснить, — наконец смог сказать он. — Я еще не слишком хорошо его знаю и иногда даже сомневаюсь в реальности его существования. Но если ты увидишь его, то сразу осознаешь...

— Понятно, — Хобарт еще больше помрачнел. — Однако что значит — «увидишь»? Ты случайно не переборщил с горячим ромом?

— И да, и нет. Понимаешь, сам-то я вижу его — но существует ли то, о чем говорят мне мои глаза, или я принимаю иллюзию за действительность?

— Тут все просто, — не дожидаясь продолжения, сказал Хобарт. — Твой друг либо есть, либо его нет...

— Вот ты и попался! — победно вскричал Принц. — Либо — либо! Я всегда знал, что ты... Э-э-э, кто там? Войдите!

Они с интересом наблюдали, как открывается дверь, пока в комнате не появился изможденный старик с взъерошенными седыми волосами. Его одежду составляло старое пальто — как до-

гадался Хобарт, некогда принадлежавшее Принцу. Полы пальто не до конца скрывали тощие волосатые ноги незнакомца. В руках он держал деревянный прямоугольный предмет, похожий на чемодан с застежками и крючками.

— Это... это и есть твой друг... господин Гомон? — потрясенно произнес Хобарт.

— О да, в настоящий момент меня зовут Гомоном! — провозгласил старик неожиданно громким голосом. — Но, пожалуйста, не употребляй применительно ко мне слово «господин». Мне сказали, что оно произошло от слова «Господь», а это совершенно противоречит принципам скромности и смирения. Я же вовсе не желаю иметь превосходство перед любым из ныне живущих существ.

— Ладно, — с неожиданной легкостью согласился Роллин Хобарт. — А зачем, Джордж...

— Гомон все сам объяснит тебе, Ролли, — прервал его Принц.

— Можно мне прилечь? — мило улыбнувшись, спросил «аскет».

— Да-да, конечно!

Старец отстегнул застежки у принесенного предмета и развернул его, превратив «чемодан» в раскладушку, утыканную то ли гвоздями, то ли шипами. При соприкосновении с полом ложе издало характерный деревянный звук. Затем пришелец снял пальто — под ним обнаружилась полотняная повязка, охватывающая бедра наподобие полотенца — и с довольным вздохом улегся на свое ложе.

Некоторое время он лежал молча, разглядывая комнату Хобарта. Его взгляд последовательно обожегал книжные полки, задержался на арифмометре, затем — на больших металлических гантелях и, наконец, остановился на фотографии Фредерика Уинслоу Тэйлора¹, висящей на стене.

— О Джордж, — обратился он затем к Принцу, — так это и есть тот пронизательный человек, умеющий логически мыслить?

— Самый, что ни на есть, пронизательный логик из известных мне, — ответил Принц. — Один из лучших в МТИ². Правда, при одном условии: если ему действительно интересно. Обо всем,

¹ Фредерик Уинслоу Тэйлор (1856–1915) — выдающийся американский инженер-изобретатель, основоположник научной организации труда. Разработал так называемую систему тэйлоризма — организации и нормирования труда и управления производством, подбора, расстановки и оплаты рабочей силы, направленную на существенное повышение производительности и интенсивности труда.

² Масачусеттский технологический институт.

что лежит за рамками его специальности, он судит несколько ограниченно — например, считает Томаса Дьюи¹ жутким радикалом.

— У него нет физических повреждений? — спросил Гомон, пропустив мимо ушей замечание о радикальных взглядах мистера Дьюи.

— Если ты имеешь в виду его здоровье, то нет. Кажется, аппендикс ему удаляли....

— Слушайте, вы оба,— вклинился в разговор объект дискуссии.— Какого черта тут...

Не обращая никакого внимания на это вмешательство, Гомон снова обратился к Принцу:

— А его отсутствие может причинить непоправимый вред или ужасно расстроить родных и близких ему людей?

— Вряд ли. Возможно, несколько знакомых и пожалеют разок-другой, что нет больше старины Ролли и некому удачно сострить. Но никто точно не сойдет с ума от беспокойства, если он исчезнет. Ты, Ролли,— хороший парень, но не очень-то *gemuetlich*².

Хобарт откашлялся и произнес:

— Мой юный друг несколько косноязычен, мистер Гомон. Вот сейчас он пытался объяснить вам, что я превыше всего ценю собственную независимость.

Гомон не удостоил его даже короткого взгляда, продолжая расспрашивать Принца:

— Значит, жены и детей у него нет?

— О господи, конечно же нет! Тебе обязательно надо рассказать ему...

— Послушай, Джордж! — не выдержал Роллин Хобарт, выразительно протирая очки.— Тебе, конечно, удалось ненадолго заинтриговать меня, однако сейчас я должен работать. Увлечение защитой прав рабочих скоро пройдет, и мы с Хиггинсом сможем опять получать свои деньги. Когда мне понадобится разобраться в себе, я лучше отправлюсь к психоаналу...

— Я вижу также, что у него сильный, решительный характер,— прервал Гомон хозяина лаборатории.— Думаю, нам подойдет. Последний вопрос: он сведущ в парадоксах?

---

¹ Томас Эдмунд Дьюи (1902–1971) — американский юрист и политический деятель, с 1926 по 1942 год был следователем, помощником прокурора, окружным прокурором Нью-Йорка. Активно боролся с рэкетом и наркобизнесом.

² Общительный. (Нем.)

Принц в изумлении уставился на гостя, а Хобарт улыбнулся — впервые с начала разговора:

— Как вы узнали, что я увлекаюсь разного рода загадками? Это мое хобби,— в подтверждение своих слов он вытащил из кипы бумаг на столе небольшой журнал «Энигма» в белой обложке, протянув его старику.— В прошлом году я был президентом Национальной Лиги Любителей Головоломок. Жаль, сейчас времени не хватает. И для чего это я вам подхожу? Надо разобраться с каким-то парадоксом?

— Именно,— ответил Гомон.— Воистину, длань Разума направила меня к единственному человеку вашей трехзначной цивилизации, который сможет помочь нам. Поднимись, о Роллин, и мы отправимся с тобой в Логайю. Нельзя терять ни минуты!

— Что за ерунда! — рассердился Хобарт.— Это глупый розыгрыш!

— Я не разыгрываю тебя,— Гомон сложил свое шипастое ложе, поднял голову, и пронзительный взгляд его голубых глаз сконцентрировался на Хобарте.— Не ищи слов, чтобы уклониться, о Роллин. Жизнь прекраснейших, мудрейших и лучших из лучших зависит от тебя. Андросфинкс уже почти вырвался на свободу. Скоро грядет жертвоприношение!

— Что это еще за Логайя? — продолжал возмущаться Хобарт.— И кто такие лучшие из лучших? Зачем...

— Скоро ты все поймешь,— спокойно прервал его Гомон. Внезапно его свободная рука вытянулась, подобно языку хамелеона, как минимум футов на десять¹ и схватила Хобарта за лацкан пиджака строгого делового костюма коричневого цвета. Затем старик вытащил негодующего Роллина из кресла, перенес через стол и направился к дверям. Болтая в воздухе руками и ногами, инженер тщетно пытался достать странного старика, но тот крепко держал его на безопасном для себя расстоянии.

— Джордж! — кричал Хобарт.— Немедленно останови его! Вызови полицейских! Он же ненормальный!

— Эй, Гомон...— нерешительно сказал Принц.— Если он не хочет никуда идти, то ты не имеешь права...

— Тебе не дано понять, что так нужно, о Джордж,— возразил Гомон.— И не пытайся мешать мне. Эта комната — уже часть Логайи. С помощью духовной силы я временно перенес ее туда.

Принц подошел к окну, и лицо его мгновенно побледнело.

Один фут — 30,5 см.

— Но ведь там *ничего* нет! — не на шутку испугался он.

— Конечно, нет,— ответил аскет, попутно уворачиваясь от особенно меткого удара Хобарта.— О Джордж, открой, пожалуйста, дверь — у меня заняты обе руки.

— Мне что-то не очень...

— Открой дверь! — взревел Гомон.

Принц мгновенно повиновался.

— Слушай, как тебе удаются подобные штуки? — крикнул Принц вслед старику, и это было последнее, что Роллин услышал от своего друга.

— Сила десятерых со мной, потому что сердце и помыслы мои чисты. Прощай, о Джордж! Твоего друга ждет встреча с опасностью — но также и ВОЗМОЖНОСТЬ! Мы идем!

— На помощь! — завопил Хобарт.— Мои очки!

— Они на тебе, о Роллин,— и с этими словами старец перешагнул порог, держа в согнутой левой руке деревянный чемодан, а на вытянутой правой — сопротивляющегося Хобарта.

* * *

...И они немедленно очутились в полной темноте. Дверь любимого кабинета инженера странным образом привела их не в гостиную малогабаритной трехкомнатной квартиры, а в темный туннель, очевидно, вырубленный в скале. Поначалу Хобарт еще различал слабый свет, падающий из двери комнаты, но потом и он пропал; видимо, Джордж захлопнул дверь. Глупо дружить с хилятиками, все достоинство которых заключается лишь в том, что с ними иногда приятно поговорить, подумал инженер.

Роллин продолжал бороться с Гомоном даже тогда, когда осознал всю тщетность своих усилий. Сначала он извивался, пытаясь выскользнуть из пиджака. Однако в железном кулаке «аскета» помимо лацкана была зажата и значительная часть рубашки вместе с жилетом. Тогда Хобарт принялся отгибать пальцы похитителя, но с таким же успехом он мог бы рискнуть выпрямить хвост одного из бронзовых львов нью-йоркской библиотеки. В конце концов усталость вынудила его прекратить царапаться и молотить кулаками. Расслабившись физически, он, от нечего делать, сконцентрировался на туннеле.

— Черт возьми, мы что, в чет-вер-том из-ме-ре-ни-и? — в такт шагам выдыхал он.

— Не разговаривай, о Роллин,— тихо проговорил Гомон позади него.— Ты можешь привлечь внимание жителей пещеры.

— Неужели? Давай, отвечай на мои вопросы, или я тут такой скандал устрою! — и Хобарт набрал полную грудь воздуха, приготовившись закричать.

— Чтобы уберечь тебя от необдуманного поступка, я согласен говорить, — уступил Гомон. — Вряд ли пещерники тронут меня, но вот тебе.....

— Давай, ближе к делу! Зачем ты меня похитил?

— Я опасался, что тебе не понравится тактика, которую я вынужденно применил, — с грустью сказал Гомон.

— Он, видите ли, опасался! А что ты скажешь ФБР? А зачем, собственно...

— К сожалению, мне необходимо было действовать именно так, и теперь, если только ты не пересилишь свою неприязнь, я понесу наказание... о-о-о-ох, самое тяжелое, за принуждение живого существа. Поверь, если бы не величайшая угроза, я никогда бы не стал поступать противно своей природе и принципам. Знай, о Роллин, что древнее заклятие наложено на Королей Логайи.... Прислушайся!

Гомон замолчал, и Хобарт не стал продолжать спор. Темноту разорвал пронзительный плач истязаемой скрипки, от которого по спине сразу забегали мурашки.

— Пещерники! — прошептал старик. — Нам надо торопиться. Если я позволю тебе передвигаться обычным способом, ты пойдешь со мной? Учти, что самостоятельно ты не сможешь вернуться в свой мир.

— Я останусь с тобой, — пробормотал Хобарт. А что еще ему оставалось делать? — Как ты переместил нас? Создал новую реальность?

— Поскольку я не ученый, то не могу вникнуть в суть твоего вопроса. Знаю только, что праведными мыслями и поступками я приобрел доступ к силе. Говорят, только древнейшие мудрецы обладали ею. Она позволяет посещать странные миры, похожие на твой, где ничто не является на самом деле тем, чем выглядит.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве тебе не кажется, будто Земля неподвижна, а Солнце вращается вокруг нее? Однако знающие люди уверили меня в том, что все наоборот. В Логайе, если тебе мнится, что светило вращается вокруг планеты, значит, так оно и есть. Не можем ли мы меньше говорить и быстрее двигаться?

Жуткий звук раздался снова, подстегнув Хобарта сильнее любых увещаний. Впереди появилось пятно света, вскоре они

достигли выхода и взобрались на обломок скалы, прикрывающий туннель снаружи. От яркого света у Хобарта в первый момент заболели глаза, и он долго моргал, привыкая. Высоко, в необыкновенно чистом голубом небе, сияло солнце. Вокруг возвышались остроконечные, какие-то непривычные, горы. Через несколько секунд Хобарт догадался, в чем дело: слишком уж ровно они стояли, походя друг на друга, как капли воды. Как будто множество перевернутых вверх ногами вафельных трубочек (без шляпки из мороженого) расставлено стройными рядами на абсолютно плоском столе.

— Пойдем,— начав спускаться по узкой и крутой горной тропе и поддерживая равновесие с помощью складной кровати, сказал Гомон. Длинные седые волосы развевались позади него, как фата невесты.

Хобарт последовал за ним, попутно изучая похитителя, так сказать, при свете дня. Ни на святошу, ни на жестокого налетчика старик не походил, однако для мужчины его возраста двигался он необыкновенно легко. Возможно, думал Хобарт, благодаря незамысловатой диете, например, из орехов и листьев салата. Больше всего инженера удивило, что полотенце на бедрах Гомона держится только за счет ненадежной, по его мнению (и опыту!), силы трения.

Они быстро добрались до подножия горы. Лучи солнца окрашивали камни и скудную траву в золотисто-желтый цвет. Неизвестный кустарник шелестел ярко-голубыми листьями. Стоп, голубыми? Но, поравнявшись с ним, Хобарт понял, что не ошибся. Ну и ладно. Он презрительно отверг коварную мыслишку о галлюцинациях — применительно к себе помешательство никогда не казалось ему возможным. Если собственные глаза Хобарта видят голубую листву, значит, она и есть голубая, такое время года.

Между основаниями конусообразных гор оставались небольшие ровные участки, по которым Гомон двигался вперед, ловко огибая один склон за другим. Хобарт, наконец, восстановил дыхание после стремительного спуска и несколько раздраженным тоном потребовал продолжения разговора об андрозфинксах, жертвоприношении и прочей чепухе. Аскет остановился и положил любимую кровать рядом с небольшим деревцем странной геометрической формы, будто кто-то пытался сымитировать живое существо конструкцией из труб. Его можно назвать сюрреалистическим деревом или исполняющим обязанности дерева, подумал Хобарт, хотя никому никогда не удалось бы убедить его в том, что если предмет выглядит и ведет себя не как дерево, то

его можно превратить в дерево одним только названием. Гомон обхватил ствол псевдо-дерева обеими руками и сломал его почти у самой поверхности земли. Потом, прижав его коленом, он отломил кусок, из которого получился массивный посох четырех футов длиной.

— Нам надо спешить, о Роллин, отложим подробности на более подходящее время,— сказал он.— Вкратце, история такова: древнее проклятье вынуждает Короля Логайи Гордиуса отдать Андросфинксу старшую дочь, когда она достигнет совершеннолетия. Поскольку Его Величество всегда был добр к нам, аскетам, я принял решение найти героя, который спасет девушку. Мой выбор пал на тебя, о Роллин.— И он снова сорвался с места, помогая себе посохом.

— По правде говоря, это все очень интересно,— начал Хобарт.— Но послушайте, мистер, у меня нет опыта спасения девушек от чего бы то ни было, не считая случая, когда моя секретарша уронила заколку в мусорное ведро.

— Так ты хочешь сказать,— отозвался Гомон безмятежным тоном,— что я обыскал несколько миров, и все...

Его голос внезапно оборвался, и инженер обнаружил, что уперся в склон одной из гор, а Гомон совершенно исчез из виду. Хобарт прислушался, затем стал потихоньку отступать.

— Эгей! — сильный голос аскета донесся откуда-то с противоположной стороны горы, и Хобарт побежал в том направлении. Вдруг из ниоткуда протянулась мускулистая рука, с силой опустилась на его спину, захватила одежду вместе с кожей и взвилась в воздух. Рука, сокращаясь, стремительно тащила Хобарта к своему обладателю, и вот он уже снова смотрит в грустные глаза аскета.

— Ты слишком мало знаешь о Логайе, о Роллин, иначе не старался бы сбежать. Имей в виду, что в горах после захода солнца пещерники выходят на поверхность. Во избежание подобных глупостей с твоей стороны пойдешь теперь первым. Марш! Хобарт, нахмурившись, медленно пошел вперед.

— Может, тебе все это доставляет удовольствие, но лично мне надо вернуться к работе! — снова заныл он. Вместо ответа Гомон подтолкнул его в спину так, что Хобарт еле удержался на ногах.

— Да двигайся же быстрее! — разъярился старец.— С такими, как ты, только и можно действовать силой.

— Ты препятствуешь оборонной программе Соединенных Штатов,— не унимался инженер.— Моя фирма заключила крупные контракты... — снова толчок.— Урон, нанесенный государ-

ству, позволит нашим врагам... Ой! — Горы внезапно закончились — раз и все! Никаких предгорий не существовало и в помине — мужчины обогнули последние несколько пиков и увидели местность, ровную, как футбольное поле, за исключением группы полусферических черных холмов, видневшихся чуть левее.

Холмы нарушали однообразие огромного каменистого пространства, похожего на бесконечный галечный пляж необычного красного цвета. Отсутствие растительности, решил Хобарт, позволяет назвать это место пустыней, хотя бы и не похожей ни на одну из известных мне. Она простиралась, насколько хватало глаз, прямо до четкого, абсолютно ровного горизонта.

Фантастическое зрелище ожидало неподготовленного путника и при взгляде направо — примерно на расстоянии тридцати футов начинались... джунгли! Без какого-либо перехода, вдоль некой демаркационной линии красные камни уступали место голубому мху, из которого росли высокие, симметрично посаженные деревья с неправдоподобно ровными, заостренными, цилиндрическими стволами, явно покрытыми темной кожей вместо коры. Листья были окрашены все в тот же яркий голубой цвет, но различались по форме: круглые, овальные и другие неизменно правильные геометрические фигуры, как будто вырезанные из картона для украшения витрины магазина канцелярских товаров. Весь этот кричащий пейзаж походил на рисунок одаренного ребенка или дизайнера, помещанного на функциональном расположении предметов.

Едва Хобарт снова приобрел способность что-либо анализировать, как его внимание привлекло нечто, совершенно не голубого цвета. Это нечто оказалось девушкой, привязанной к обломку дерева, закрепленного между камнями в нескольких шагах от леса. Когда Хобарт приблизился к девушке по шуршащей гальке, он внезапно осознал, что никогда не видел существа прекраснее.

— Это и есть принцесса Аргумента, — произнес голос позади него.

2

Сначала Роллин Хобарт не видел ничего, кроме волос принцессы Аргументы — длинных кудрей алого цвета. И уж поверьте мне, ни один человек родом с планеты Земля Солнечной системы, живущей по рациональным законам Ньютона-Эйнштейна, не смог бы пройти мимо подобного чуда, поскольку были они не медно-рыжими или красновато-коричневыми, а божественно красными,

как сигнал светофора или почтовая марка стоимостью два цента. Еле оторвав взгляд от волос, он обратил внимание на необыкновенную бледность ее кожи и полыхающие ярким пламенем щеки. Контраст между красным и белым поначалу заставил его думать, что девушка зачем-то сильно накрашена — но, подойдя совсем близко, он понял, что ошибся. Принцесса была высокой, изящной и одета в просторное белое одеяние из очень тонкого и прозрачного материала, доходящее до колен. Ее привязали к дереву несколькими витками веревки, напоминающей обыкновенный упаковочный шпагат.

Хобарт нисколько не удивился, обнаружив, что красавица имеет еще и небольшую свиту. Несколько поодаль на стуле сидел юноша с мольбертом, одетый во что-то вроде облегающего красного белья, прекрасно гармонирующего с такими же красными волосами.

Наконец принцесса тоже заметила Хобарта.

— Это и есть твой герой, Гомон? — усталым голосом спросила она.

— Айе, о принцесса, — приветственно пророкотал аскет. — Что у нас плохого?

— Зрители перебрались на холм, — принцесса кивком головы указала на черные полусферы в пустыне. Прищурив глаза, Хобарт смог разглядеть несколько маленьких фигурок на ближайшей из них. Одна из них как будто держала знамя.

— Мой дорогой брат принес свой альбом для набросков, — продолжила Аргуменда, — так что все готово. Я отправила Феакса в лес, следить за чудовищем, он все еще не вернулся. Надеюсь, он не стал жертвой Андросфинкса.

— Думаю, тот сохраняет аппетит для тебя, моя дорогая! — произнес высокий мужской голос. Разумеется, это сказал юноша в облегающем одеянии, сшитом, как теперь убедился Хобарт, из красного шелка. Наряд дополняли инкрустированный драгоценными камнями пояс и маленькая округлая шапочка с пером. Юноша нервно перебрасывал из одной руки в другую восьмигранный камушек. Внешнее сходство между молодым человеком и девушкой было очевидным.

— Это и есть чемпион, да? — поинтересовался он. — Только не говори мне, что я потерял столько времени ради ерунды.

— Я думаю, Вашему Высочеству следовало бы больше беспокоиться о судьбе невинной сестры! — возмутился Гомон.

— Ты же знаешь, ей ничем нельзя помочь. Разве что красиво запечатлеть события, — пожал плечами юноша.

— О, принц Аксиус, позволь представить тебе Роллина Хо...— забормотал Гомон.

— Не утомляй меня именами, старый хрыч,— прервал аскета художник.— Особенно, если учесть, что его, возможно, скоро сожрут. Мои поздравления, чемпион. Не обращай на меня внимания, эстетические прибабасы, сам понимаешь. Кстати, какого цвета штука, которая на тебе надета? Я тут как раз подбираю палитру для будущей картины, чтобы не размышлять, когда все начнется. И я бы чертовски гордился собой, если бы знал, как называется, твой... э-э-э наряд.

Хобарт оглядел консервативный деловой костюм.

— Коричневый,— ответил он.— Но послушайте, что тут все-таки происходит? Что за...

— Коричневый? — удивленно повторил принц Аксиус.— Я никогда не слышал. Этот наряд, он, во-первых, совершенно тебе не идет, и, во-вторых, он похож на желтый. Но не-е-ет — говорю же, он какого-то *невозможного* цвета! Вещь либо желтая, либо нет! Я буду вынужден изъять тебя из картины, у меня нет...

— К черту картину! — повысил голос Хобарт.— Я хочу знать, что здесь происходит, почему девушке нужен спаситель, если достаточно просто разорвать ненадежную веревку и уйти.

— Потому что,— спокойно ответил Аксиус,— тогда не будет никакого жертвоприношения, и Андросфинкс уничтожит все королевство. Гомон, где ты откопал этого тупицу? Да еще определил его в чемпионы!

— Заткнись! — рявкнул Хобарт.— Что же никто из вас, парни, не рвется ее спасти?

— У нас нет средств, о Роллин,— ответил Гомон.

— Каких еще средств? Я тоже безоружен, ни пистолета, ни чего еще.

— С Андросфинксом нужно сражаться не огнем и мечом, а остроумным и пронизательным суждением,— объяснил Гомон.

— Да? Я бы, может, и согласился вызволить вашу юную леди, если бы затем ты пообещал отпустить меня домой. Однако...

Хобарт остановился, заметив, как что-то появилось из леса. Он подпрыгнул и с трудом подавил в себе желание сбежать, когда обнаружил, что остальные ничуть не испуганы. Вновь прибывший оказался огромным ярко-желтым львом.

— Это... это... и есть ваш Андросфинкс? — мгновенно вспотев, спросил Хобарт.

— Нет,— ответил старик.— Светский Лев¹ — один из наших друзей. О Феакс, позволь представить тебе Роллина Хо...

— Он приближается,— голосом, похожим на протяжный стон, сообщил лев. Хобарт снова непроизвольно вздрогнул.

— О дорогая, я должен приступить к работе! — забеспокоился принц Аксиус.— Желая тебе, сестра, скорейшего конца.

— Какого именно? — уточнил лев.

— Хорошего или плохого, мне все равно.— И Аксиус опять начал сосредоточенно что-то рисовать.

— Однажды,— заворчал зверь,— твой мерзкий брат узнает, каково это, быть съеденным...

— Ты обещал, Феакс! — резко одернула его принцесса.

— А что мне-то делать? — с волнением спросил Хобарт.

— Андросфинкс задаст тебе вопрос, ты должен ответить. Все просто,— объяснил Гомон.

— Неужели? А если я не смогу?

— Тогда, к сожалению, он съест и тебя, и принцессу. Другого не дано.

— Такое часто случалось?

— До настоящего момента всегда именно так и было. О, наш враг приближается!

Из леса, со стороны гор, вышло и двинулось в их направлении форменное чудовище. Оно отдаленно напоминало огромного, практически слоноподобного льва с человеческим лицом вместо морды. Физиономия раза в четыре превышала нормальные человеческие размеры и чертами сильно напоминала неандертальца с желтой козлиной бородкой, не скрывающей, впрочем, отсутствия подбородка. Существо, вдобавок ко всему, было косолапо и как бы кривилось на одну сторону, а его морщинистую желтую кожу покрывали какие-то струпья.

Принцесса молчаливо наблюдала за приближением монстра, сжав губы так, что они превратились в тонкую красную ниточку. Говорящий лев, дрожа, притаился неподалеку, спрятав хвост между лапами.

Принц Аксиус принялся рисовать еще сосредоточеннее, чем раньше, а Гомон спокойно стоял, скрестив руки на худощавой груди. Ни один из двух мужчин не выказывал никаких признаков страха перед Андросфинксом, в самом деле, не они же ему предназначались для съедения!

¹ Игра слов — «светский» одновременно также означает «ручной».

Существо двигалось в полной тишине, нарушаемой только скрежетом гальки под его массивными лапами. Оно приблизилось настолько, что от зловония Хобарту пришлось зажать нос, и с трудом улеглось.

— Вы подготовили чемпиона? — хриплым свистящим шепотом поинтересовалось оно.

Роллину Хобарту захотелось немедленно провалиться сквозь землю.

— Вот он, о Андросфинкс! — указывая на него большим пальцем, быстро сказал Гомон.

— Ага,— монстр повернулся к побледневшему инженеру.— Ты готов ответить на вопрос, чемпион?

Хобарт попытался сказать «нет», но язык не слушался его.

— Что ж, тогда, слушай. Правда ли, что нет кота с девятью хвостами?

— Э-э-э, о-о-о, что? — промямлил Хобарт, теряя остатки самообладания. Его мозг был настолько загружен противоположными устремлениями и хаотичными схемами, что он все прослушал.

Андросфинкс повторил вопрос.

— И не будешь ли ты возражать, если я скажу, что и с восьмью хвостами котов не бывает? — продолжил он.

— Полагаю, что так,— пробормотал Хобарт, больше всего на свете сейчас желая знать, как далеко и насколько быстро Андросфинкс бегаёт.

— Но также...

— Эй! — перебил Хобарт.— Я уже на два вопроса ответил, а мне сказали, что должен быть всего один.

— Те вопросы были риторическими, как бы в никуда. Ты мог и не отвечать... пока. Вопрос для тебя еще впереди. Правда заключается в том, что у каждого кота на один хвост больше, чем у не-кота. Значит, если есть некто с восьмью хвостами, то все коты должны быть с девятью! Объясни мне это, чемпион.

— Я — ух — ой — ты — если...

— Считаю до трех! — зашипел Андросфинкс.— Один!

Этот самый «один» навел порядок в смятенном мозгу Хобарта. Тут где-то противоречие...

— Два! — монстр вскочил на все четыре лапы.

— Стой! Понял! — Хобарт поднял руку.— Ты используешь два разных «нет».

— О чем ты? Нет, значит, нет! Тр-р...

— Черта с два! — закричал Хобарт. — Когда ты говорил про котов с восьмью хвостами, ты имел в виду, что таких котов не бывает. А когда сказал про кота с одним хвостом, то подразумевал вовсе не...

— Но!

— Помолчи! В первом предложении ты сделал утверждение о классе котов, а во втором — говорил уже о вещах другого класса, несовместимого с первым — о не-котах. На месте отсутствующего кота может быть кто угодно, с каким угодно числом хвостов, например, собака, у которой тоже один хвост. Таким образом, второе утверждение в принципе не верно.

— Но,— запротестовал Андросфинкс,— я имел в виду не вообще кого-то, а несуществующего кота.

— Тем хуже для тебя! «Не» из фразы «не бывает» также отличается от «не» в слове «несуществующий», как реальные коты от воображаемых. У настоящих котов — настоящие хвосты, в отличие от придуманных, следовательно, у придуманного кота может быть ЛЮБОЕ количество хвостов, от нуля до бесконечности! Таким образом, утверждение о том, что у реального кота на один хвост больше, чем у нереального, вообще теряет смысл.

В этот момент Андросфинкс отрыгнул облако дыма, Хобарт попытался отшатнуться, но не успел и закашлялся. Последовал еще выброс, и еще. Принцесса тоже кашляла, Хобарт попытался выйти за пределы зловонного облака. Гомон стоял со сцепленными руками и мученическим выражением лица, держась из последних сил, но потом все же решил отступить.

— Смотри, о Роллин! — воскликнул он. — Благословен Разум!

Андросфинкс шатался, голова болталась из стороны в сторону, глаза полускрыты, один залп дыма следовал за другим. Хобарт вытащил складной нож и перерезал номинальные путы принцессы. Когда он снова взглянул на чудовище, оно уже усохло до габаритов носорога и с каждым залпом дыма продолжало стремительно уменьшаться.

Когда принцесса без предупреждения обхватила шею Роллина обеими руками и прижалась к нему губами, он настолько сильно увлекся процессом превращения животного, что практически не заметил этого. Он вяло поддерживал ее, не препятствуя поцелуям, покрывающим шею и подбородок, и поверх алых волос наблюдал за Андросфинксом. Существо уже не превышало по размеру обыкновенного медведя-гризли. Справа от себя Хобарт заметил ярко-желтую вспышку — это бросился в атаку Светский Лев. Андро-

сфинкс еле успел вздыбиться перед нападением, два крупных тела сцепились и начали кататься по земле, поднимая фонтаны геометрически правильной гальки. Хобарт услышал звук рвущейся плоти, когда лапа Феакса разодрала брюхо Андросфинкса. И вот монстр в последний раз содрогнулся и обмяк, лев стоял над ним, вцепившись зубами в горло и победно морща нос.

Принцесса, не ожидавшая столь холодной реакции от своего чемпиона, начала потихоньку разжимать объятия, но остановилась, привлеченная криком брата: «Не отпускай его, пожалуйста!» Повсюду вокруг принца Аксиуса валялись листы бумаги из альбома для зарисовок, а сам он лихорадочно работал над заключительной сценой — несомненно: герой, обнимающий спасенную жертву.

Большая сильная ладонь опустилась на плечо Хобарта.

— О Роллин,— провозгласил Гомон,— ты победил там, где терпели поражение все предыдущие чемпионы. Иди же и требуй награды: руки принцессы и половины королевства Логайи.

— Что? — удивился Хобарт.— Но я *не хочу* жениться на принцессе — уверяю Вас, леди, тут ничего личного — и мне не нужна половина королевства!

3

Гомон с удивленным видом убрал руку с плеча Хобарта.

— Как так, не хочешь? Разве тебе мало величайшей из наград, предлагаемой королем Гордиусом?

— Вовсе нет,— ответил Хобарт.— Жизнь в вашем измерении, несомненно, очень интересна, но у меня нет времени, чтобы оценить ее по достоинству. Мне необходимо вернуться к работе.

— Странно,— пробормотал Гомон.— Но, боюсь, ничем не могу тебе помочь. Мне нужно вернуться к Коническим Горам — забрать свое ложе. А потом я должен понести наказание за вмешательство в единство Жизни, в результате которого ты оказался здесь и погубил Андросфинкса.

— Ты даже не можешь объяснить мне, как вернуться?

— Вот как раз этого-то я и не могу сделать. Лишь мне, единственному аскету Логайи, удалось достичь духовного совершенства, достаточного для путешествия между мирами.

— Послушай, я ведь не просился сюда, кроме того, я заслужил право вернуться. Если ты откажешь мне, то нанесешь еще больший вред единству Жизни, это же очевидно!

— Теперь, когда ты сам заговорил об этом... — нахмурился Гомон.

— Что случилось? — простонал лев, прекратив, наконец, тормошить тело Андросфинкса. — Кто посмел расстроить хозяйку?

Хобарт оглянулся и увидел принцессу, стоящую с прижатыми к лицу руками.

— Моя... любовь... хочет... оставить... меня... — Ее плечи подрагивали в такт рыданиям.

— Э-э-э, мисс, — Хобарт попытался вразумить принцессу. — Простите, но я — не ваша любовь! У меня степень бакалавра и я...

Рычание Феакса заставило его остановиться.

— Не говори глупостей, чемпион. Спаситель *всегда* влюбляется в принцессу и наоборот. Ты лучше следуй правилам, а не то...

— Что?

— Угадай с трех раз! — обнажил клыки лев.

— Вот все и решилось, о Роллин! — Гомон дружески похлопал Хобарта по спине. — Ибо, если я позволю Феаксу съесть тебя, то урон будет гораздо больше, чем если ты просто останешься здесь. Теперь же прощай!

Он потуже запахнул на бедрах полотенце и отбыл прочь, энергично размахивая посохом. Хобарт тоскливо глядел ему вслед, пока в поле зрения не появился лев, усевшийся со склоненной набок головой.

— Эй, в чем дело? — заворчал он. — Обычно мужчины не расстраиваются так сильно, если им предстоит жениться на умной, доброй и красивой девушке! Хочешь фокус?

С этими словами зверь улегся, а затем неожиданно кувыркнулся через голову. Хобарт не смог удержаться от улыбки.

— Вот так уже лучше, — отметил лев. — Кстати, сюда направляется Его Величество!

И Феакс занялся вылизыванием царапин, оставленных поверженным чудовищем. Заслышав слабый звук рожка и глухую барабанную дробь, Хобарт обернулся. По направлению к ним по красной гальке двигалась процессия. Без всякого сомнения, она состояла из людей, ранее оккупировавших вершину черной полусферы. Впереди шествовал тучный мужчина с седой бородой, в длинном одеянии и при короне. Помимо него группа состояла из знаменосца в сверкающих медью латах, нескольких мужчин в облегающих костюмах, похожих на наряд принца Аксиуса, и небольшого количества солдат — в килтах и кольчугах, вооружен-

ных копьями и круглыми щитами или же антикварного вида мушкетерами. Знамя представляло собой шест с черным прямоугольным полотнищем ткани, на котором большими белыми буквами было вышито слово «ПРИВЕТ!»

Принцесса Аргумента бросилась навстречу отцу. Принц Аксиус аккуратно сложил принадлежности для рисования и наброски и двинулся следом за сестрой. В арьергарде, беззвучно перебирая лапами, выступил Светский Лев. Оставшись в одиночестве, Хобарт почувствовал себя совсем плохо и решил последовать за остальными. Обняв короля, принцесса обернулась и, указывая на приближающегося Хобарта, громко произнесла:

— Отец, вот мой несравненный спаситель и будущий муж! Его имя, э-э-э, ну...

— Какой-то там Роллин,— подсказал принц Аксиус.

— Так, так, так,— проговорил король.— А где же наш эксцентричный Гомон? Кто-то должен достойно представить молодого человека.

— Он ушел,— сообщила принцесса.

— Очень плохо.

Король взмахом правой руки подозвал к себе плотно закутанного лысого мужчину с резкими зловещими чертами лица и огромными с надменно загнутыми кончиками черными усами.

— Измерон, тебе придется заменить Гомона.

— Это нарушение устава, Ваше Величество. Однако же, позвольте представить могущественного принца Роллина Какого-То. Роллин Какой-То, подойди к великому и сиятельному автократу, Гордиусу Приветливому, королю Логайи.

— Р-р-р,— заворчал поблизости Феакс.— На колени.

— Это ты мне? — удивился Хобарт.

— Тебе, тебе,— настаивал лев.— Придворные штучки.

Сильно развитое чувство независимости Роллина Хобарта с возмущением отнеслось к идее коленопреклонения перед кем попало. Но он все же опустил на одно колено и нагнул вниз голову, скрывая свое недовольство.

— Поднимись, принц Роллин,— сказал король.— Добро пожаловать в семью Ксирофи.

И он развел полные руки, явно намереваясь обнять Хобарта.

— Теперь что мне делать? — чуть повернувшись в сторону льва, зашептал Хобарт.

— Ответить на объятия Его Величества! — тоже шепотом ответил ему тот.

Подобного кошмара с Хобартом никогда в жизни не случилось, однако он смиренно позволил королю обхватить себя два раза на манер латиноамериканцев.

— Ваше Величество,— выпутавшись из одеяния Гордиуса, тут же начал протестовать Хобарт,— произошло досадное недоразумение. Я — вовсе не принц, а обыкновенный инженер-практик...

Король жестом приказал ему умолкнуть.

— Тебе не нужно особо ни в чем признаваться, мой мальчик. Принц — это будущий король. Ты и есть будущий король, таким образом, ты — принц, хе-хе.

— Вы имеете в виду половину своего королевства?

— Конечно, можешь выбирать одну из двух.

— Но, Ваше Величество, я не умею управлять королевствами...

— Ты быстро научишься. В любом случае принцесса не может выйти замуж за человека рангом ниже принца, значит, ты должен стать им.

— О, тут еще одна проблема! — с жаром заговорил Хобарт.— Я не знаю, откуда у юной леди возникла идея о том, что я...

— Р-р-р,— мгновенноотреагировал Феакс. Хобарт запнулся.

— *Приди, о Революция, отвдай кровавой клубники, ведь ты так ее любишь...* — проговорил он, выражая какие-то свои мысли вслух.

Измерон, стараясь привлечь внимание короля, ощутимо дернул его за рукав.

— Сир, не пора ли все это прекратить?

— Что? А, да-да, полагаю, нам пора вернуться. Надо все рассказать королеве и познакомить ее с будущим зятем. Тебе, Измерон, поручается забота о принце Роллине Каком-То. Законс!

Он обратился к худощавому пожилому мужчине в темно-голубой одежде и остроконечной шляпе. Хобарту сначала послышалось, что король вроде сказал: «Дать в нос!», поэтому он не удивился, увидев на лице старика обиду. Только потом его осенило, что странное сочетание звуков составляет имя мужчины.

— Достань наши крылья ветра! — продолжил между тем король.

Старик снял со спины мешок, ослабил веревку, стягивающую горловину, и начал вытаскивать маленькие зонтики и аккуратно раскладывать их вокруг себя. Все присутствующие, кроме Светского Льва, взяли по зонтику. Хобарт тоже взял себе один и в изумлении уставился на него. В небе не было видно ни облачка.

Он заметил, что стоящий рядом с королем принц Аксиус что-то говорит отцу, старательно понижая голос.

— ...совершенно невозможный парень, поверь мне! — удалось уловить Роллину. — Ты только посмотри на его костюм, он же невозможного цвета. И он все время спорит...

— Потом поговорим,— прервал его король.— Если бы он не спорил, то не смог бы победить Андросфинкса.

Тем временем принцесса гладила по спине льва, возобновившего терапию своих ран.

— Дорогой Феакс, ты сможешь добраться до Оролойи пешком? — заметив это, спросила она.

— Конечно! — рывкнул лев.— Царапины — пустыки.

— Почему ты не подождал, пока Андросфинкс станет совсем маленьким?

— Так было бы неинтересно.

— Глупые мужчины,— ласково похлопывая зверя, только и сказала принцесса.

Поскольку именно Измерону было поручено о нем заботиться, Роллин Хобарт старался держаться поближе к неприятному на вид придворному. Он вытянул вперед зонтик и поинтересовался:

— Что это за штука?

— Крылья ветра,— ответил Измерон.

— Я знаю, но что она *делает*?

— Мы путешествуем с помощью ветра, Ваше Высочество. Как же, по-вашему, можно это делать, если не на крыльях?

— Господи, но как же они *работают*?

— А-а-а, ну вы крепко держитесь за ручку, и когда король откроет свои крылья — вы тоже откроете свои, и они понесут вас. Мы раньше перемещались на вороньих крыльях, но это было небезопасно, и Законс в прошлом году предложил новую модель.

— А кто такой Законс?

— Кто-кто! — уже начал терять терпение Измерон.— Волшебник с Уолл-стрит, разумеется.

— Э-э-э, я что-то не понял.

Эта нехитрая фраза окончательно вывела Измерона из себя.

— Законс — королевский маг,— закричал он.— Уолл-стрит¹ — это улица, проходящая по городской стене, на ней построена официальная резиденция волшебника. Теперь понятно?

---

¹ Здесь обыгрывается название известной улицы в Нью-Йорке, на которой расположены банки и прочие учреждения (wall — стена).

— Все готовы? — раздался голос короля Гордиуса. Все одновременно подняли зонтики.— Отбываем! — и он резко открыл свой зонт.

Хобарт послушно повторил движение. Мгновенно возникший из ниоткуда ветер сильно ударил в спину и почти вырвал зонтик из рук. Ноги оторвались от земли, и он почувствовал, как его тело стремительно рассекает воздух. Ощутимо болтало из стороны в сторону. Бросив взгляд на своих спутников, успевших удалиться на некоторое расстояние, он обнаружил, что все они перемещаются в определенной позе. Фокус заключался в том, чтобы удерживать ручку зонтика перед солнечным сплетением. Сделав это, Хобарт вскоре убедился, что может легко управляться с изобретением волшебника.

Он поравнялся с конвоем, волосы и одежда развевались на ветру, как паруса корабля в сильный шторм.

— Вам, похоже, не мешало бы попрактиковаться немного, юноша! — крикнул ему один из солдат, судя по плюмажу на шлеме и позолоченной кольчуге, командир.— В смысле, Ваше Высочество.

Принцесса послала ему нежную улыбку, заставившую Хобарта вздрогнуть. Он было подумал о том, чтобы сбежать, но вид солдат, легко удерживавших зонтики в левой руке, а оружие в правой, отрицательно сказался на принятии подобного решения.

Они пересекли, опять-таки ровную, как струна, границу красной пустыни и голубых джунглей и полетели над засеянными чем-то желтыми полями. Вдалеке показался город: сначала яркое пятно, распавшееся потом на отдельные призмы, сферы и шпили черного, белого, красного, желтого либо голубого цвета. Совершенно необычным образом из четырех городских стен, формирующих квадрат, в небо устремлялся то ли огромный экран, то ли мелкаячешистая решетка. Улицы внутри города располагались в соответствии с четким планом, а в центре квадрата стояла группа громадных зданий, принятых Хобартом за местный замок.

Ветер стих, как только они добрались до города, и люди начали снижаться. Спутники опустили на широкую полосу ткани, натянутую снаружи по периметру стен. Хобарт чуть не упал носом вперед, но какой-то офицер удержал его за руку.

— Спасибо. Как вас зовут? — поинтересовался он.

— Генерал Воланос,— улыбнулся военный.— Канцлер Измерон должен был познакомить нас, но, разумеется, не сделал этого. Вон он озирается в поисках своего подопечного.

Мужчина с усами Вильгельма II подошел к ним, на ходу закрывая зонтик.

— Я вижу, вы прибыли,— сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Чуть поодаль Законс собирал зонтики и складывал их в свой рюкзак.

— Почему мы не приземлились внутри города? — спросил Хобарт.

— Это все Законс,— ответил Измерон.— Он не пускает ветра в город, боится, что они принесут армию варваров. Вот эта часть решетки,— и он указал на ближайшую к ним стену,— препятствует западному, другие — восточному, южному и северному ветрам.

— А больше у вас нет ветров?

— Разумеется! Ветер может быть либо одним из четырех, либо его не может быть!

Горнист трубил в рожок, барабанщик бил в барабан, и король со свитой быстро продвигались к огромным воротам. Изнутри им ответило приветствием множество рожков, и ворота со скрипом открылись. От звука взрыва Хобарт чуть не рванулся вперед, но усмотрел клубы белого дыма, вырывающиеся из башни над воротами, потом раздался еще взрыв и еще. К моменту окончания салюта, они уже проходили под аркой.

Чья-то рука нежно обхватила его локоть — конечно же, она принадлежала аловолосой принцессе. Аргуменда с надеждой посмотрела в его глаза.

— Дорогой Роллин,— промурлыкала она,— давай не будем омрачать начало совместной жизни разногласиями по формальному поводу!

Хобарт в ответ проямлил нечто бессвязное. Далась ей совместная жизнь, подумал он. Раньше надо было стоять на своем и все объяснить — или попытаться сбежать во время полета на крыльях ветра. И что теперь ему делать в переполненном людьми городе?

Несмотря на свои заявления, Роллин Хобарт на самом деле положительно относился к институту семьи и брака. Он давно решил дожидаться сорока и потом жениться на какой-нибудь сви-стухе в два раза моложе себя, чтобы преимуществом накопленного опыта и прожитых лет направить ее развитие в такое русло, какое ему покажется нужным. Романтические отношения его не устраивали, а скороспелый союз со странной девушкой из ненормального мира, в который он до конца не верил, и вовсе не подлежал обсуждению.

Однако он не решился объяснить все это принцессе, поскольку всегда старался умышленно не ранить чувства других людей. К

тому же, с практической точки зрения, Гордиус, прозванный Приветливым, может и рассердиться, если постоянно противоречить его любимой дочке. И, пожалуй, пройтись по главной улице под руку с очаровательнейшей из женщин было даже приятно.

Люди стояли вдоль стен домов, кланялись и махали им самым радостным образом. В городе тоже было на что посмотреть. Он напоминал Хобарту одно из чудес света, заполненное толпой разношерстных туристов. Яркие краски геометрически правильных зданий соперничали с цветами рубашек, накидок, шалей, платьев, сари, тюрбанов, бурнусов и прочих странных одеяний, вроде облачения принца Аксиуса или канцлера Измерона. Вот темнокожий мужчина (не шоколадно-коричневый, как житель Африки, а черный, как смоль!) в остроконечном шлеме и белой мантии ведет на поводу оседланное животное, одновременно похожее на верблюда и леопарда: на солнечной желтизне его шкуры повсюду разбросаны черные кольца.

— Мой бог, а это кто такие? — показал рукой Хобарт.

— Вот эти? — переспросила принцесса. — Просто дикари иктепели, прибыли в Оролойю, чтобы продать рыбу.

Дикари, высокие плосколицые масляно-желтые люди с прическами в форме супниц, приехали всей семьей. Папа-иктепели шествовал впереди, его невероятный нос пронзали кость и копье, затем двигалась мама с привязанным к спине ребенком, а следом в порядке убывания возраста бежали еще пятеро ребятшек. Все были практически полностью обнажены.

— Кто такой Бог? — поинтересовалась Аргумента.

— Как считает большинство жителей моего мира — создатель и правитель Вселенной. Ну, или что-то вроде. Лично я допускаю его существование, но сомневаюсь в том, что он обращает внимание на мелочи вроде человеческой жизни.

— Похоже на Разум. Однако Разум относится к населению нашего мира вовсе не безразлично, а, скорее, наоборот — каждый может его увидеть, если он того хочет — сказала Аргумента.

— Он — это бог или человек?

— И то, и другое. А вот и наш поворот.

Процессия свернула в узкую улочку и неожиданно остановилась.

— Эй, что там случилось? — закричал генерал Воланос и начал пробираться вперед.

Хобарт потащил принцессу по расчищенному широкой спиной военного проходу, стараясь рассмотреть между головами впереди стоящих причину задержки. Затор, как оказалось, вызвала

громадная черепаха — очевидно, родственная рептилиям с Галапагосских островов, только в три или четыре раза крупнее их. К ее панцирю был привязан стул, в котором сидел отталкивающего вида карлик с томатно-красной кожей. Черепаха перегородила всю улицу, неторопливо продвигаясь вперед. Карлик перегнулся через спинку стула и покаянно размахивал руками, извиняясь.

— Я же говорил тебе, давно надо было все тут расширить, — выговаривал принц Аксиус королю.

— Убирайтесь с дороги! — кричал Измерон. — Законс, сделай же что-нибудь!

— Ахм! Хорошо, хорошо, не торопи меня, — бормотал волшебник с Уолл-стрит. — Где моя палочка? Моя волшебная палочка?

— У тебя в руке, старый башмак! — прорычал канцлер.

— В руке? Надо же, и правда! — Законс взмахнул палочкой и произнес:

Щедролор небосинь
Громоком во стину
Заколдай животинь
Из большой в малышню!

Черепаха открыла рот, зашипела, дернулась и начала стремительно уменьшаться. Карлик вскочил со стула как раз вовремя — тающее на глазах животное уже успело достичь размера человеческой ступни. На этом действие заклинания закончилось.

— О моя маленькая! Что же они с тобой сделали? — схватив черепашку на руки, заплакал карлик.

Король со спутниками быстро преодолели «черепаховый» участок дороги. Хобарт заметил, что волшебник остался с карликом и что-то говорит ему. По радостному воплю человечка можно было заключить, что рептилия приобрела прежние размеры, однако как ни оборачивался Хобарт, увидеть этого он не сумел. Из улочки они вышли на широкую площадь, посередине которой возвышались здания, обнесенные собственной стеной. Ворота в королевскую резиденцию отворились, и навстречу им вышла другая процессия, состоящая исключительно из женщин в черных одеждах. Некоторые из них держали в руках лиры, издававшие траурные звуки.

— Посмотри, моя любовь. Это твоя будущая теща, королева Вессалина! — произнесла принцесса.

Роллин Хобарт с застывшей улыбкой на слегка побледневшем лице пережил радостное объединение семьи и собственное пред-

ставление во второй раз. Он только и успел отметить, что королевой Вессалиной зовут миловидную женщину средних лет, как Измерон потянул его в сторону за рукав.

— Я покажу Вашему Высочеству апартаменты,— сообщил канцлер.

И они прошли внутрь между двумя черными цилиндрическими пилонами размером с приличную секвойю, ограждающими вход, через который вполне мог пройти военный линкор. После трех поворотов в разные стороны Хобарт перестал следить за направлением и сосредоточился на архитектуре. Он вспомнил, что уже видел структуры такого типа: сделанные из пластика строительные блоки элементарной формы в большой деревянной коробке ему подарили на восьмой день рождения. Они даже цветами совпадали, были красными, желтыми или голубыми.

Слово «апартаменты» определено было преувеличением; канцлер Измерон отворил дверь в небольшую комнатку и пригласил Хобарта войти. В этот момент раздался свистящий звук, и что-то пребольно ударило инженера в голень.

— Йоу! — завопил Хобарт, прыгая на одной ноге. Снаряд, отскочив от жертвы, покатился дальше по полу. Это был металлический мячик, похожий на шарик для гольфа. В комнате обнаружился малиновокудрый мальчишка, притаившийся за игрушечной пушкой.

— Ваше Высочество! — удивленно заговорил канцлер, и Хобарт понял, что эти слова относятся не к нему, а к ребенку.— Я думал, вы уже освободили свою комнату!

— Не хочу переезжать,— закапризничал мальчик, вставая.

От его вида у Хобарта непроизвольно встали дыбом волосы. Рост мальчишки соответствовал тринадцатилетнему возрасту, но сложен он был, как шестилетний: крупная голова и гладкие мягкие черты лица.

— Это моя комната! — топнув ногой, продолжал возражать странный ребенок.

— Ну, как же так,— заговорил Измерон ненатурально сладким голосом,— ведь вы же не позволите вашему новому брату спать в коридоре за дверью, правда?

Глаза мальчика расширились, и он принялся сосредоточенно сосать большой палец.

— Моему новому брату? Что ты имеешь в виду? У меня уже есть Аксиус,— невнятно бормотал он, не вынимая пальца изо рта.

— Я знаю, но принц Роллин Какой-То скоро женится на вашей сестре и станет вашим новым братом.

— Не желаю иметь такого уродского брата. Пусть спит за дверью, мне все равно,— злобно сказал мальчик.

— Так вы покинете комнату, или позвать сюда вашего отца? — спокойно спросил канцлер.

Мальчик медленно поплелся к выходу, не сводя глаз с Хобарта. Измерон закрыл за ним дверь.

— Кто это? — спросил Хобарт.

— Я разве не представил вам принца Эйта?

— А он нормальный?

— Нормальный? Почему... о чем вы?

— Э-э-э... сколько ему лет?

— Будет тринадцать послезавтра.

— Ну... он... некоторым образом выглядит, как маленький ребенок.

— А чего же вы хотите? Он и есть ребенок, абсолютно нормальный, а станет юношей, когда ему исполнится тринадцать, и ни минутой раньше.

— Там, откуда я родом, переход от мальчика к юноше происходит постепенно,— объяснил Хобарт.

— Я не понимаю: можно либо быть ребенком, либо нет. У вас, варваров, странные обычаи.

— При чем тут варвары? — обиделся Хобарт.

— У вас ведь желтые волосы, не так ли? — сменил тему Измерон, открывая сундук, наполненный одеждой.— Мне необходимо перед вами извиниться за то, что комнату не подготовили заранее. Теоретически у нас всегда должны быть апартаменты для чемпиона, на случай если он победит Андросфинкса, но поскольку этого все никак не случалось, то и комнату перестали готовить. Какой цвет вы предпочитаете?

Канцлер вынул из сундука красное облегающее одеяние, похожее на наряд принца Аксисуса; в ассортименте имелись также желтые, голубые, черные и белые наряды.

— Что? Если вы не возражаете, я бы остался в собственной одежде.

— Прямо в этой? Дорогой мой, она же невозможна: ни облегающая, ни свободная, и окрашена в цвет, который нельзя определить! Может, вам понравится накидка?

Хобарт оглядел манжеты своей рубашки, на внутренних швах проступили темные разводы всего лишь после нескольких часов пребывания на жаре. Однако между грязной рубашкой и логайскими тряпками...

— Я останусь в том, что на мне,— сказал он твердо.

В ответ Измерон пожал плечами. Пока Хобарт мылся, канцлер занимался какими-то своими делами. Инженера приятно удивило практически современное оборудование ванной. По возвращении он обнаружил Измерона сидящим на единственном стуле с сигаретой в руках. Хобарт изумленно разглядывал курильщика и тот, очевидно, решил, что это намек, поскольку тут же спросил:

— Хотите одну?

Честно говоря, у Хобарта еще оставались в нагрудном кармане две сигары, которые он любил больше, чем сигареты. Однако лучше припасти их до момента, когда можно будет насладиться ими сполна. Поэтому он ответил:

— Спасибо, не откажусь.

Качество сигареты оставляло желать лучшего.

— Что мы будем делать? — закашлявшись, спросил Хобарт.

— Вы разве не знаете? Сначала грандиозный банкет в честь вашего спасения, помолвки и приближающейся свадьбы. Завтра планируется королевская охота, а послезавтра — празднование дня рождения принца Эйта.

— Хм.

Хобарту хотелось узнать, как избежать всего этого, но он пока не доверял канцлеру.

— А в каком состоянии находится королевство, половину которого я получу? — поинтересовался он.

У Измерона наполовину открылся рот.

— Ситуация улучшается в соответствии с моей новой политикой,— судорожно сглотнув через несколько секунд, неуверенно сообщил он.

— В чем заключается ваша политика?

— В урезании расходов.

— Хорошо,— собственное слово ободрило Хобарта, и он продолжил расспросы.— Но мне нужно больше информации. Площадь, население, бюджет и т. д.?

Измерон холодно посмотрел на него, пробормотал что-то о проверке готовности к банкету и удалился.

Странный субъект, но не интриган, подумал Хобарт, глядя ему вслед и докуривая сигарету. Возможно, Логайя станет первым дареным конем, чьи зубы подвергнутся серьезнейшей проверке. Это заключение вовсе не свидетельствовало об изменении планов Роллина Хобарта по возвращению домой. Конечно, странный мир являлся чудесным местом... для отпуска, если бы Хобарт хотел

уйти в отпуск. И если бы его фирма не была завалена работой, и если бы Гомон обратился к нему с четким, разумным бизнес-планом — например, наблюдения за общественными работами. И еще много всяких «если»... А вот если кто-то уверен, что его можно безнаказанно похитить и насильно втянуть в глупую историю с королевской дочерью и половиной царства в придачу,— что ж, значит, он не знает Роллина Хобарта.

Инженер в сотый раз обдумывал план побега, когда по дворцу разнесся звук гонга. Практически сразу после сигнала Измерон без стука вошел в комнату.

— Обед, Ваше Высочество,— сказал канцлер.

Он успел сменить облегающий черный костюм на свободную голубую накидку, показавшуюся Хобарту довольно глупым нарядом для взрослого мужчины.

4

Банкетный зал не уступал по размеру крупному железнодорожному вокзалу. Люди пропускали канцлера с Хобартом вперед с самыми вежливыми минами. Пока они добирались до «королевской» части стола, или точнее, бесконечного ряда столов, приставленных друг к другу, Роллин обратил внимание на прямоугольную посудину, стоящую на одном из них. Она была слишком большой для того, чтобы называться тарелкой, и имела слишком низкий бортик, чтобы использоваться в качестве ванны. Хобарт спросил, для чего ее сюда поставили.

— Это,— криво усмехнувшись, ответил Измерон,— обеденная миска Валтуса, оружейника. У него манеры, как у свиньи.

На пути им встретился принц Аксиус под руку с молодым человеком щеголеватого вида.

— Взгляни, Радас! — воскликнул Аксиус.— Что я тебе говорил?

Радас, разглядывая Хобарта, изумленно качал головой, затем подошел поближе и указал на темно-зеленый галстук гостя.

— В стародавние времена некоторые мыслители говорили, что, по крайней мере, теоретически могут существовать цвета, отличные от наших,— произнес он,— Но поскольку они не могли подобрать примеров, то все это посчитали заумным бредом.

— Ну, ты убедился? — сказал Аксиус.— Ой, пока я не забыл, это мой будущий шурин, как мне было сказано, могущественный принц Роллин. На самом деле Андросфинкса-то прикончил Свет-

ский Лев. М-да. Роллин, а это — мой друг Радас. Не придавай особого значения его словам, он — тоже эстет.

Чтобы избавиться от раздражавших его юнцов, Хобарт принялся изучать именные карточки, разложенные на столах. Среди них он обнаружил одну с необычной надписью:

ПРИНС РАЛИН КАКЖ-ТО

По-видимому, она означала «Принц Роллин Какой-То». Хобарт подумал, что помимо привычной жизни, потерял еще и фамилию. Приглядевшись повнимательнее, он отметил, что логайский алфавит представляет собой смесь букв из греческого, латинского и кириллицы. А на каком же языке они говорят? На английском? Или ему только кажется, что это английский? И если это английский, то как он попал в Логайю?..

— Привет, любовь моя, — раздался звонкий голосок принцессы.

Кажется, она собирается сесть рядом, подумал он. Мысль о подобном соседстве на секунду показалась приятной, но потом он почувствовал растущую внутри себя панику, и... и решил не отвечать на приветствие. Звук трубы возвестил о появлении королевской четы, вошедшей в зал из специальных дверей с противоположной стороны. Король с королевой сели за стол, расселись и гости. Хобарт машинально отмечал привычки логайцев. Так, например, поговорка «когда я ем — я глух и нем» в полной мере описывала их поведение за столом. Но вместо фантастических блюд в византийском стиле под странными соусами, к которым Хобарт себя готовил, подали всего-навсего ростбиф с горохом и печеной картошкой, а на десерт — огромный кусок яблочного пирога.

Предупрежденный Измероном, он с интересом наблюдал за оружейником Валтусом, сидящим поблизости. Этот полный улыбающийся человек подождал, пока его миску доверху наполнят едой, затем влез в нее и принялся барахтаться.

— Я думал, что Измерон преувеличивает, называя манеры Валтуса свинскими, — тихонько сказал Хобарт принцессе.

— Не в этот раз, — улыбнулась принцесса. — Но его ответам на серьезные вопросы не стоит доверять. А что касается Валтуса, то он ведет себя довольно непосредственно для человека, стоящего на пороге разорения.

— Кто хочет его уничтожить?

— Мы. То есть правительство, — едва заметным жестом она указала на короля с королевой, выделяющихся ярким красным

пятном на темном фоне приглашенных, и министров, сидящих в ряд за дальней от короля стороной стола.

— За что?

— Не подумай, что специально. Просто его бизнес не выдерживает роспуска армии.

— А зачем ее распускать?

— Идея Измерона. Он считает, что мы таким способом покажем пример остальным жителям страны в деле снижения расходов.

— А что ситуация настолько спокойна, что можно ликвидировать армию?

— Напротив, варвары...

В этот самый момент королева Вессалина, сидящая по другую руку принцессы, дотронулась до локтя девушки и тихонько (но так, что Хобарт услышал) спросила:

— Аргумента, дорогая, Гордиус интересуется, готова ли речь твоего избранника?

Речь! Он даже и не думал об этом. Что же они хотят от него услышать? Скорее всего, какую-нибудь приветственную чушь. С большим удовольствием он пожелал бы всем немедленно отправиться к чертовой бабушке... но они вряд ли правильно поймут его состояние.

Тем временем король Гордиус допил последний глоток вина и встал. О боже, придумай что-нибудь, взмолился про себя Хобарт.

— ...итак, леди и джентльмены Логайи, великий чемпион и удачливый претендент сам расскажет вам, каким образом ему, неизвестному варвару, без рода и племени и специальной подготовки, удалось спасти нашу любимую дочь. И добиться чести быть поставленным в один ряд с величайшими героями семьи Ксерофи, скромными представителями которой, мы, ахм, являемся. Для того, леди и джентльмены, мы и пригласили сюда с надеждой на ваше внимание ПРИНЦА РОЛЛИНА!!!!

Раздались оглушительные аплодисменты, король раскланялся и сел. Хобарт с трудом заставил себя встать.

— Я... — начал он, но новый взрыв аплодисментов прервал его.

— Я... — снова шумные рукоплескания.

— Я... — он сделал паузу, но никто не начал хлопать в ладоши. Бросив быстрый взгляд в сторону короля, Хобарт догадался почему: Гордиус прижал указательный палец к губам, призывая подданных к спокойствию. Затем король ободряюще подмигнул ему, инженер вздохнул и начал говорить.

— Благодарю вас, уважаемые жители Логайи. Хочу сразу предупредить, что сегодня уже устал рассказывать об Андросфинксе. И мне привычнее высказываться с помощью ручки и слайд-проектора, чем языка, так что э-э-э, надеюсь, вы не обидитесь, если я... В общем, переходя прямо к тому, откуда я получил необходимые знания для ответа на вопрос чудовища, отсылаю вас к работам Огдена, Ричардса, Бруэра, Тарски и других основоположников современной логики. Я могу попробовать кратко изложить перед вами их доктрину, но боюсь, что, во-первых, это займет всю ночь, а, во-вторых, я сам в подлинниках их работы не читал. Но если вы пожелаете, то конечно... В заключение краткого вступления хочу спросить вас, как же это случилось? Как? Вот в чем вопрос, леди и джентльмены. Каков же ответ? Вот он. Я допускаю, даже более того, утверждаю, искренне и без сомнений, что, не будучи в состоянии с нужной достоверностью и боясь нарушить прямоту и правдоподобие, которыми всегда не без основания гордился, я испытываю, до некоторой степени, естественное колебание в вербальном изложении моего мнения по данному поводу, корректность которого может быть понята ошибочно! Еще раз спасибо за внимание.

Роллин Хобарт сел. Некоторое время не было слышно ни звука, затем раздалась единичные хлопки, перешедшие в овации. Хобарт усмехнулся: либо им понравилась краткость речи, либо каждый подумал, что если молодой человек объясняется такими бесконечно непонятными формулировками, то он, несомненно, в высшей степени умен и достоен.

Больше речей не было, вместо них разрешили выступить парочке артистов. Девушка, совершенно очевидно, нагая под дымчатым полупрозрачным одеянием, играла на лире, в то время как ее партнер в шлеме с пышными перьями исполнял медленную мелодичную песню, одновременно танцуя с копьём.

Хобарт необыкновенно обрадовался окончанию банкета. Однако радость тут же сменилась дурными предчувствиями, когда принцесса взяла его за руку и повела за родителями. Они прошли множество залов и коридоров и, наконец, очутились в скромной комнате с приглушенным светом и огромной кроватью, где их ожидали король с королевой.

— Я был уверен, мой мальчик, что тебе понравится, если мы не будем устраивать в твою честь парадных приемов по всем правилам этикета,— сказал Гордиус, доверительно кладя пухлую руку на плечо Хобарта.— Так поступают в некоторых королевствах и изматывают бедных чемпионов до полусмерти. После

того как человек весь день сражался с чудовищем, трудно ожидать, что он готов пировать всю последующую ночь.

— Спасибо,— ответил Хобарт.

— Я надеюсь, ты сможешь завтра встать пораньше и поучаствовать в охоте на бегемота?

— Полагаю, что смогу.

— Чудесно! Если тебе что-нибудь нужно, информация, например...

— Гордиус! — прервала мужа королева.— Ты заговоришь бедного мальчика до смерти. Разве не видишь, что им нужно остаться одним?

— Хе-хе, полагаю, дорогая, ты права. Ну, спокойной ночи, Роллин. Ты ведь знаешь, что надо делать.

Король захихикал и исподтишка ткнул в ребра инженера большим пальцем. Хобарт в отчаянии наблюдал за уходом королевской четы, они еще раз оглянулись на него перед самой дверью, и душа его совсем ушла в пятки.

Принцесса Аргумента прилегла на ложе, прислонившись к спинке и закинув одну руку за голову. Она потрясающе красива, думал Хобарт, но я все равно не предложу ей выйти за меня замуж, ни за что не предложу...

— Роллин,— сказала она, в конце концов,— не хочешь ли присесть?

Предложение показалось Хобарту вполне невинным. Он подчинился, затем вспомнил, что некоторые девушки терпеть не могут сигары, и вытащил одну.

— Не возражаешь?

— Нет, дорогой.

Хобарт откусил кончик и поджег его.

— Куда подевался твой друг-лев? — раскуривая сигару, спросил он.

— О, Феакс какое-то время будет отсутствовать, я не знаю, когда он вернется. У него нет чувства времени.

Помолчали.

— Ты сегодня произнес необыкновенную речь, Роллин,— сказала принцесса.

— Спасибо, хотя мне самому она не показалась хорошей.

— Этого, милый, я не говорила.

— Так ты подразумевала, что речь была необыкновенно плохой?

— Нет. Просто необыкновенной — я в ней ничего не поняла.

Понимаешь ли,— поспешила пояснить она, когда Хобарт при-

стально посмотрел на нее, — фея, моя крестная, преподнесла мне в качестве самого первого подарка ум. И, насколько я могу судить, все, что ты пытался сказать в последнем параграфе, укладывается в простую фразу «Не знаю».

— Так и есть, — улыбнулся Хобарт. — А фея-крестная — это метафора?

— Что? Твой язык все-таки не чистый логайский, в нем нет такого слова.

— Уверена?

— Абсолютно. Я ведь редактировала «Словарь современной Логайи», — спокойно ответила принцесса.

— Ну, я хотел спросить, феи действительно существуют?

— Конечно! Поскольку есть слово, значит должен существовать и предмет, который оно обозначает. По крайней мере, в моем случае. Крестную зовут Козикея, и она посещает нас ежегодно в мой день рождения — интересуется, как я поживаю.

— И что, фея дала тебе ум сразу и на всю жизнь?

— Почему нет? Вот Аксиус получил в придачу к достоинствам такие недостатки, как эгоизм и поверхностность суждений, поэтому просто обязан вести себя как законченный недалекий эгоист. Больше всех не повезло Измерону — ему достались нервозность, раздражительность и лживость.

— Поэтому ты предостерегала меня от излишнего доверия к нему?

— Да. Конечно, он не обманывает постоянно, отдать слишком много лживости одной душе было бы непрактично — но в важных вопросах он почти наверняка говорит неправду.

— Зачем же королю нужен такой работник?

— Потому что отец награжден приветливостью и добротой. И неважно, что говорят об Измероне, он всегда может рассчитывать на королевское милосердие.

— Да, когда я пытался вытянуть из него... — мыслил вслух Хобарт.

— Что сделать?

— Получить информацию о королевстве. Он стал нем, как рыба.

— У него есть какой-то план, я точно не знаю, но как-то связанный с проектом разоружения, — ненадолго задумавшись, сказала Аргумента. — Думаю, он боится тебя и хочет отпугнуть. Самый логичный способ — сказать, что королевство обанкротилось, и со всех сторон ему угрожают варвары. К сожалению, это

и на самом деле так, но канцлер физически не смог бы сказать всей правды. Поэтому его единственным выходом стало молчание.

Приз, однако, некондиционный, подумал Хобарт.

— Роллин, когда мы обсудим дату свадьбы и прочее? — тихий голос Аргуменды еле пробивался сквозь выпущенные им облака сигарного дыма.

— А мы вообще не будем это обсуждать, — ответил Хобарт. — Не хочу показаться жестоким, но пойми, что я не собираюсь предлагать тебе руку и сердце. — Он посмотрел в ее огромные голубые глаза и быстро отвел взгляд. — Извини, если обидел, но у меня есть собственные планы на ближайшее время, и в них нет места жене.

Голубые глаза наполнились слезами, однако принцесса не превала его ни звуком, ни жестом. Слезы начали медленно стекать по щекам, одна за одной, кап-кап, через вполне определенные интервалы.

— Успокойся, пожалуйста, все совсем не так плохо. Пойми, что я не принадлежу твоему миру и очень хочу вернуться обратно в свой.

— Уверена, что могу составить твоё счастье в любом мире, — нежно сказала она.

— О господи, как объяснить тебе: мы знакомы всего несколько часов, этого мало для любви!

— Я же люблю тебя, — прошептала принцесса.

— Но почему? Каким образом ты смогла полюбить меня?

— Принцессы *всегда* влюбляются в своих рыцарей. Когда я поняла, что ты — это он, мне больше ничего другого не оставалось, — она несколько картинно вздохнула. — Однако странный ты человек, но если и впрямь не хочешь меня, то и не надо. Любящий не может принудить любимого совершить то, что ему неприятно. Скажи только, чего ты хочешь?

— Объясню тебе хотя бы одну из причин, по которой я не могу на тебе жениться, Аргуменда, — немного поколебавшись, сказал Хобарт. — Ты красивая, умная, добрая и все такое, почти идеал. В этом вся проблема — ты слишком совершенна. У меня разовьется комплекс неполноценности в милую длину.

— Не надо больше объяснений, любовь моя. Чего ты сама желаешь?

— В основном, вернуться назад. Для этого надо найти Гомона и устроить мне побег из Оролойи, желательно до возвращения Феакса.

— Причем тут Феакс?

— Он пригрозил мне съедением, если я попытаюсь оставить тебя.

— Хорошо, мой принц. Я попробую что-нибудь сделать.

— Огромное спасибо. И, пожалуйста, не говори ничего королю. Просто сообщи ему, что мы не торопимся, ладно?

— Ладно.

— Спокойной ночи. Я пойду.

— Прощай.

Интервал между слезами сократился. Хобарт постарался ускользнуть из комнаты как можно быстрее и практически бегом направился в свои «апартаменты».

5

Ровно в 6:00 по часам Хобарта, дверь спальни тихонечко приоткрылась, в щель просунулся раструб рожка, и из него полилось оглушительное *та-та-ти-та-та-ти-та-та-ти*. От звуков музыки Хобарт подскочил в кровати. Сердце бешено колотилось, и вокруг было не видно ни зги. Через несколько секунд первый приступ паники прошел.

— Прекратите шуметь! — крикнул он.

Музыка смолкла, вместо рожка в дверном проеме возникло красное от напряжения лицо горниста:

— Ваше Высочество...

— Убирайся! — заорал Хобарт, пытаясь достать из-под кровати ботинок, чтобы подкрепить слова делом.

— Охота, Ваше Высочество!

— А-а-а,— зевнул инженер.— Извини.

Слуги проворно внесли завтрак. Его быстро покормили, побрили и одели, ни о чем не спрашивая, и не обращая внимания на оказываемое сопротивление. Охотники собирались перед главным входом во дворец. Настроение у Хобарта несколько улучшилось, когда он обнаружил, что в разношерстной толпе логайцев нет канцлера, но есть крупный чернобородый генерал Воланос. Подошел король, приветственно хлопнул инженера по плечу, схватил за руку и, не давая опомниться, потащил знакомиться с графами, сэрами и эсквайрами, чьи имена влетали в одно ухо Хобарта и тут же вылетали из другого. Откуда-то сбоку рысью выехал всадник на лошади.

— Псамбидес, главный конюх,— объяснил король.

За ним следовали грумы, ведущие остальных скакунов.

— Специально для тебя, сынок, я заказал на сегодня Ксенопуса,— широко улыбнулся король, обращаясь к потенциальному зятю.

— Кого, Ваше Величество?

— Называй меня папой. Ксенопус — мой самый свирепый жеребец. Только настоящий герой может управиться с ним, хе-хе.

Хобарт открыл было рот в попытке протестовать, объяснить, что даже в лучшие годы он считался весьма посредственным наездником, но в этот момент обнаружил, что все логайцы уже находятся в седлах. Только один конь остался без седока — огромное черное животное с яростно сверкающими глазами. Похоже, что-то менять сейчас уже поздно, подумал Хобарт. И будь он проклят, если позволит обыкновенной лошади...

Когда Хобарт приблизился к Ксенопусу, конь обнажил острые белые зубы и попытался ухватить его. Инженер уклонился, но рукой ощутимо щелкнул зверюгу по носу, приговаривая: «Следи за собой!» Глаза коня расширились от негодования, он отдернул голову вверх и начал рыть копытом землю. Хобарт без промедления взобрался в седло и изо всех сил натянул поводья. Ксенопус занервничал, но брыкаться перестал. Роллин понял, что конь будет подчиняться ему до первой ошибки. При малейшем же проявлении неуверенности или слабости он без сомнения попытается сбросить его и наверняка даже забьет копытами.

Наконец, вывели королевского скакуна: пятнистое верблюдоподобное существо, уже виденное Хобартом днем раньше на улицах Оролойи. На вопрос о названии животного Сэр Кто-то-там ответил: «Королевский верблеопард». А Хобарт всегда думал, что помесью верблюда с леопардом следует считать жирафа... Он никак не мог привыкнуть, что абсолютно все в этом мире следовало воспринимать буквально.

Из дворца вынесли пики и мушкеты, и слуги начали раздавать их охотникам. Хобарт выбрал для себя комплект: ружье, охотничий рог и мешочек с пулями. Процессия уже начала выдвигаться из замка, когда раздался громкий скрип, заставивший Хобарта развернуться в седле, чтобы посмотреть назад. В хвосте колонны в окружении плотного кольца солдат генерала Воланоса ехала запряженная лошадьми повозка с установленной на ней пушкой. Определенно, бегемот и в Логайе не похож на бурундука.

Хобарту очень хотелось порасспросить находящихся рядом людей, но болтовня плохо совместима с верховой ездой. Кроме того, отвлекаться было нельзя, неожиданно мог представиться

шанс сбежать, да и злобная тварь под ним требовала неусыпного физического и психологического контроля.

Примерно через час они достигли знакомой резкой границы между сельхозугодьями и дикой саванной. Еще через час Псамбидес остановил охотников поднятой вверх рукой и стал подробно разъяснять каждому его функции, как будто вместо охоты они попали на хорошо спланированную военную операцию. Хобарта объединили с четырьмя логайцами, входящими в группу разведки. Лошади обрадованно начали пощипывать длинную свежую траву, когда поступил приказ разделиться. Напарник Хобарта, тощий молодой логаетц по имени Сфиндекс, объяснил их задачу следующим образом:

— Мы должны разведать район Кейо и вернуться сюда через час.

— Кейо — это река? — невинно спросил Хобарт.

— Разумеется.

— А как выглядит бегемот?

— Хочешь сказать, что никогда его не видел? — удивился

Сфиндекс.

— Именно.

— На кого же ты охотился?

— Ни на кого, кроме нескольких мишеней.

— Но, дорогой принц, как же ты *существуешь*?

— Когда как.

Охота в качестве предмета разговора не выглядела многообещающе.

— Ты не знаешь случайно аскета по имени Гомон?

Брови Сфиндекса поползли вверх.

— Не знаю ли я аскета? Великий Разум, нет! Они же не охотники.

— А о пещерниках слышал? — настаивал Хобарт.

— Это жители Конических Гор, вот и все, что мне известно. Никогда не видел ни одного. Гордиус все равно бы не позволил на них охотиться, хотя я не понимаю, почему, ведь пещерники — не совсем люди. Посмотри, вон и Кейо!

Он пикой указал на темную полосу между холмами. Преодолев холмы, они выехали на поросший деревьями и кустарниками берег почти пересохшей маленькой речки. Сфиндекс начал проявлять признаки нетерпения. Чтобы поближе взглянуть на едва влажные ил и грязь, он направил лошадь к реке, не разбирая дороги, прямо сквозь голубую растительность. Хобарт осторожно

двинулся за ним, но энтузиаст охоты уже мчался обратно с воплем: «Скорее, назад!» Ксенопус развернулся без сигнала со стороны всадника и понесся вслед за лошадью Сфиндекса.

— Нашел бегемота? — крикнул вдогонку Хобарт.

— Нет, — не оборачиваясь, ответил Сфиндекс. — Но чуть выше по течению точно есть один, и он в данный момент пьет воду.

— Откуда ты знаешь?

— Не говори глупостей, кто же еще способен осушить реку?

Как только разведчики соединились с основными силами, все охотники поскакали галопом в направлении реки, уклоняясь от маршрута Хобарта и Сфиндекса на небольшой угол. В арьергарде, скрипя и раскачиваясь, ехала пушка, а за ней еще одна повозка — со снарядами.

— Ваше Высочество! — догнал Хобарта главный конюх. — Вы должны присоединиться к артиллеристам.

— Хорошо, но что я там буду *делать*?

— Оставайтесь рядом с королем и делайте то же, что и он.

И Псамбидес ускакал, отдавая на ходу последние распоряжения. Армия охотников растянулась по саванне широким фронтом с пушкой посередине. На последнем холме перед рекой, видимо немного выше по течению, как рассудил Хобарт, орудие и снаряды сняли с повозок и начали готовить к бою. У Хобарта появилась возможность рассмотреть пушку повнимательнее. У нее был цилиндрический ствол, не сужающийся к концу — похоже, в Логайе еще не родился собственный адмирал Дальгрэн¹. Вместо винтового подъемного механизма ствол перемещался с помощью грубого устройства с рычагом и подвижной перекладной, как у моррисовского кресла. Солдаты подготовили порох и ядра, и Воланос собственноручно зарядил пушку.

Сквозь деревья, растущие на берегу речки, рассмотреть что-либо было невозможно, к тому же Хобарту мешало солнце. яркими зайчиками вспыхивающее на оружии всадников, сновавших взад и вперед по берегу.

— Сынок! — не слезая со спины верблеопарда, крикнул король Гордиус. — Перебирайся ко мне! Ты находишься на линии огня!

Хобарт неспешной рысью направился к группе логайцев, окружавших короля, когда его ухо вдруг уловило чавкающие звуки,

---

¹ В середине XIX века американский моряк Дальгрэн (тогда еще капитан) предложил новую систему бомбических дульнозарядных орудий крупного калибра.

доносящиеся со стороны реки, как будто что-то громадное медленно выбиралось из грязи. Охотники, ближе всех находящиеся к источнику звука, начали отступать, послышался треск падающих деревьев, и на равнину вышел грифельно-черный бегемот.

Единственной мыслью Хобарта было: «И это *все?*» В логайском бегемоте объединились слоноподобное туловище, правда, оканчивающееся длинным, толстым хвостом, и голова огромного гиппопотама, с парой острых бивней, торчащих по бокам от носа. Размеры животного впечатляли, но оно выглядело слишком привычно, чтобы заинтересовать Хобарта *per se*¹. Первой привлекла к себе внимание бегемота группа всадников, пробирающихся сквозь кусты. Он развернулся к ним, послышалось прерывистое *поп-поп-поп* мушкетов, всадники вихрем пронеслись мимо него и ускакали направо, вверх по течению, оставив после себя облачка белого дыма в прозрачном воздухе — так отступающий осьминог скрывает свой путь за пятном чернил. Бегемот направился вдогонку, очевидно, мушкеты не причинили ему никакого вреда. Правый бок зверя представлял собой прекрасную мишень для выстрела из пушки. Неожиданно один из всадников упал с лошади, вскочил и исчез среди деревьев. Крик Воланоса заставил Хобарта повернуть голову почти на сто восемьдесят градусов.

— Эгей! — кричал генерал. — Ты, Какой-То, уйди оттуда!

Хобарт прищпорил лошадь и мигом добрался до короля. Пока орудийный расчет разворачивал пушку в направлении движения жертвы, король со свитой располагались полукругом позади орудия, чтобы их, не дай бог, не задело выстрелом.

— Он идет, — сказал кто-то.

Хобарт огляделся и увидел бегемота, постепенно подбиравшегося к подножию холма, на котором стояла пушка. Животное как будто не двигалось, но вместе с тем выросло в поле зрения с пугающей быстротой; казалось, что его рост превышает пятьдесят футов, хотя на самом деле вряд ли оно было больше половины этого.

Слева от Хобарта грохнула пушка, и все вокруг заволочло дымом. Он слышал свист рассекающего воздух ядра, а когда дым рассеялся, увидел удаляющееся в небо черное пятнышко: снаряд отскочил от спины чудовища. Бегемот взял чуточку правее.

Затем в бой вступили мушкеты, сначала один или два, а потом все разом. Хобарт не успел даже толком разглядеть свое оружие и теперь со страхом обнаружил, что оно приводится в действие

Само по себе (лат.).

запалом, а маленький просмоленный фитиль, закрепленный с левой стороны ствола на вращающемся зажиме, заменяющем курок, даже не зажжена. Затем черный едкий дым вынудил его зажмуриться, и он почувствовал, как Ксенопус под ним начинает двигаться, сначала нервными маленькими шажками, потом все быстрее и быстрее.

Он услышал глухие удары шагов бегемота одновременно с возвращением способности видеть. Первыми на глаза попались пешие артиллеристы и охотники на лошадях, бегущие в разные стороны, потом он увидел короля Логайи Гордиуса, кувыркающегося вниз по желтому склону холма, как будто он на полной скорости выпал из поезда. Оставшийся без наездника верблеопард сумасшедшими прыжками двигался в сторону деревьев и вскоре скрылся за ними. Поискав бегемота, Хобарт обнаружил, что тот пристально наблюдает за королем и уже начал перемещаться в его направлении.

Если я смогу управлять движениями Ксенопуса, подумал Хобарт, то скорее всего, доберусь до Его Величества первым. Конечно, если старому дураку нравится сердить пятидесятитонное животное, которому ничего не стоит размазать его как клубничину, то это собственно не его, Хобарта, дело... но он уже направил коня к королю, прекратившему головокружительное падение и пытающемуся подняться. Когда инженер приблизился, король протянул ему руку, и, напрягая все силы, Хобарт попытался втащить его на лошадь. Однако ничего не вышло, Гордиус мертвой хваткой вцепился в запястье всадника, потянул... и Хобарт вылетел из седла и упал прямо на него. Король взвизгнул, когда мушкет заехал ему по уху, но с учетом приближающегося бегемота у них не было времени на мысли о переломанных костях. Они вскочили и понеслись к зарослям, как перепуганные кролики. Монстр погнался за ними, но потерял из виду среди деревьев и развернулся обратно к осиротевшей пушке. Роллин Хобарт и король Гордиус одновременно с облегчением вздохнули.

— Сынок, ты не мог бы посмотреть, что он делает? — спросил король.

Хобарт поднял голову и огляделся.

— Топчет пушку.

Треск ломающегося дерева подтвердил его слова — это бегемот в щепки разнес лафет.

— Боже мой, он грызет ствол пушки!

— Странно, — сказал король. — Я всегда думал, что они едят только траву. А что сейчас?

— Похоже, ему трудно проглотить куски, и он решил оставить ее в покое.

Зверь, недовольно сопя, одолел вершину холма и скрылся из виду. Вдалеке послышалось несколько мушкетных выстрелов, затем — тоненьких вскриков, и все стихло.

— Нам надо найти лошадей,— сказал король, тяжело вздыхая. Он начал подниматься, и тут что-то *уи-и-ить* просвистело поблизости.

— Что...— успел сказать король. *Бэ-э-эм-м-м!* В ствол дерева в шести дюймах¹ от его носа вонзилась стрела. Гордиус посмотрел на Хобарта округлившимися от ужаса глазами.

— Кто-то,— дрожащим голосом проговорил он,— стреляет в меня!

— Нагнитесь! — посоветовал Хобарт. Король рухнул обратно в траву, и третья стрела пробила листья в том месте, где он только что стоял.

— Как эта штука работает? — зашептал Хобарт, указывая на мушкет.— Она заряжена?

— Да, если ты еще не стрелял,— ответил король.— Дай-ка посмотреть: так, ты должен зажечь запал, вот эту штуку...

Хобарт немедленно поджег фитиль зажигалкой.

— А порох весь высыпался, когда ты упал с Ксенопуса,— продолжил король.— Подсыпь побольше, вот так, и разровняй большим пальцем. Теперь время от времени постукивай по фитилю, чтобы он не потух. Нет, не так сильно, а то искры попадут на порох.

Хобарт предусмотрительно отвернул от себя дуло и направил его туда, откуда прилетели стрелы, одновременно он интенсивно вращал головой и плечами, приминая зелень (точнее, синь) вокруг себя. Мушкет весил гораздо больше двадцати фунтов, но, лежа ничком, Хобарт вполне мог управиться с ним.

— Есть меч или дротик? Я спугну его выстрелом и затем попробую догнать,— прошептал он.

— Я все потерял, пока падал. Зато ты можешь использовать приклад мушкета,— ответил Гордиус.

Прицел в виде малюсенького бугорка был вынесен на самый кончик мушкетного ствола. Хобарт устроился поудобнее и приготовился ждать, но тут же засек какое-то движение, и, не раздумывая, надавил на спусковой рычажок. Оружие взревело, выпустило облако

---

¹ дюйм равен 2,54 см.

дыма и сильно двинуло прикладом в нос Хобарта. В глазах инженера потемнело, потом между деревьями почему-то засверкали звезды, но он вскочил и ринулся сквозь кусты в направлении выстрела, не забыв прихватить оружие. Однако затаившегося убийцы поблизости не оказалось, вместо него Хобарту удалось найти только парик с короткими черными волосами, спокойно лежавший на голубом мхе. Король Гордиус нахмурился, увидев трофей инженера.

— Понятия не имею, кто бы мог носить такой парик,— сказал он.— Великий Разум, а что у тебя с носом? Он какого-то странного размера и... кажется, это кровь?

Хобарт осторожно потрогал нос рукой.

— Почему бы в следующий раз,— раздраженно спросил он,— когда Вашему Величеству захочется поохотиться на бегемота, не взять с собой магические зонтики Законаса, локализовать зверя с воздуха, а потом приказать волшебнику уменьшить его до карманного размера? Зачем нужны все эти мушкеты, лошади и прочая ерунда?

— Охотиться с помощью магии запрещено законом,— спокойно объяснил король.— Я — правитель страны, и не могу нарушать собственные указы. Кроме того, такой способ охоты все равно не работает. Животные чувствительны к волшебству и убегают еще до того, как маг увидит их.

Они вышли из леса и начали взбираться на холм, оглядываясь в поисках своих некогда многочисленных спутников.

— Ты спас мне жизнь, Роллин, и я должен как-нибудь отблагодарить тебя. Поскольку дочь и половина королевства уже твои, может, сойдемся на драгоценной диадеме?

— Отлично,— изобразил радость Хобарт.

«По крайней мере, ее я смогу продать в Нью-Йорке»,— добавил он про себя.

6

Примерно через час их подобрал Псамбидес, и поздним вечером они, наконец, воссоединились с остальными охотниками. Генерал Воланос сильно расстроился, узнав о судьбе пушки.

— Наша последняя модель,— прокомментировал он свое состояние, но потом добавил, улыбнувшись.— Хотя, какая разница, ее бы все равно расплавили в ходе разоружения.

Хобарт понял, что оружейник Валтус не единственный, кто пользуется показной веселостью, чтобы скрыть свое отношение к политике правительства.

— Мне кажется, что такому генералу, как вы, хотелось бы сохранить свою армию,— заметил он.

— Конечно, хотелось бы. Однако канцлер убедил меня, что с помощью войны ничего нельзя добиться, так зачем же готовиться к ней? Кроме того, новые достижения в области производства пороха все равно скоро положат конец войнам. Действие его станет таким страшным, что никто не захочет сражаться. А что с твоим носом, приятель?

Хобарт объяснил.

— Он сломан? — отхохотавшись, догадался спросить генерал.

— Не думаю,— ответил Хобарт, снова проверяя пострадавшую часть тела. Он удовлетворенно обнаружил, что кровь, по крайней мере, остановилась.

— Хорошо,— радостно вскричал Валтус.— Тогда мы встретимся на турнире. Я умираю от желания сразиться с тобой на копьях.

— На каком турнире? — слабеющим голосом спросил Хобарт. Он неожиданно почувствовал себя, как человек, попавший в зыбучие пески и с каждым движением погружающийся все глубже и глубже...

— Ну, как же, на завтрашнем, в честь принца Эйта!

— Только не с моим носом,— запротестовал Хобарт.

— Почему? Ты сам только что сказал, что он не сломан. Мы сражаемся в закрытых шлемах, так что ушибленный нос не может служить причиной отказа.

— В любом случае, я не собираюсь участвовать ни в каком турнире.

— Ты что струсил, мой дорогой принц?

— Вовсе нет. Просто мне это не интересно.

— Кто тут посмел называть моего будущего зятя трусом? — встрял король.— После того, как он спас мою жизнь...

— Ваше Величество, вы согласны, что человек либо трус, либо храбрец? — спросил Воланос.

— Я сказал, что не хочу сражаться ни на каком дурацком турнире, вот и все. Думайте теперь, что хотите,— громко и отчетливо произнес Хобарт.

Король выглядел совершенно несчастным. Генерал Воланос, презрительно хмыкнув, отправился поболтать с кем-то еще, а Хобарт попытался найти кого-нибудь, кто знает Гомона. Но опрошенные охотники ничем не смогли ему помочь, поскольку их совершенно не интересовало, чем занимаются члены странного братства аскетов.

Им нужно было торопиться, чтобы успеть вернуться в Орлойю до наступления ночи. Как уже догадался Хобарт, сумерек в Логайе не существовало: с заходом солнца мгновенно становилось темно.

— Встретимся на коктейле в Ониксовой Комнате, через полчаса, мой мальчик. Спокойно поедим в приватной обстановке. О Разум, как же я устал! — сказал король Хобарту перед тем, как расстаться с ним во дворце.

Половину отведенного времени прикомандированный к Хобарту паж Зоркон тщетно пытался скрыть с помощью пудры два чудесных фонаря, появившихся под глазами новоиспеченного принца. В Ониксовой Комнате Хобарт обнаружил принцессу Аргуменду и Светского Льва, потягивающего чай из огромного ведра.

— Что-у-тебя-с-носом? — первым же делом хором спросили они.

Принцесса хотела было броситься к нему, но инженер сделал строгое лицо, и она осталась с Феаксом. Хобарт рассказал про охоту, и поинтересовался у льва, где тот пропадал. На морде зверя появилось застенчивое выражение, если только вы можете себе такое представить. Вместо него ответила Аргуменда.

— В Пирамидальных Горах живет одна львица, моя лю... то есть принц Роллин.

— Когда-нибудь пойдем охотиться вместе, гарантирую чудесное мясо. Я убиваю множество животных, но не ем их, — пробубнил Феакс.

— А почему? Разве ты убиваешь только ради удовольствия? — спросил Хобарт.

— Конечно. Я — спортсмен, то есть тот, кто убивает из интереса, как объяснил мне один человек. Кто убивает из практических соображений — подлый браконьер. Пойдешь со мной, я докажу тебе это. Когда у вас с Аргумендой появятся детеныши, прихватим и их с собой.

Принцесса грустно вздохнула, а Хобарт по-настоящему обрадовался приходу королевской четы, не позволившему беседе двигаться в опасном для инженера направлении. Вместе с родителями зашел принц Аксиус, за ним несколько мужчин внесли два небольших ящика, предназначенные, как оказалось, для комнатных растений.

— Поставьте их, скажем, сюда и туда, — командовал король.

Мужчины послушно опустили ящики, цветы и все остальное на пол.

— По крайней мере, со всем этим можно легко управиться,— сказал Гордиус.— Ты даже себе не представляешь, Роллин, как трудно перековать мечи на орала. Вот с превращением копий в приспособления для обрезки деревьев все в порядке, но мы уже накопили таких приспособлений достаточно, чтобы обеспечить десять королевств нашего размера. Ах, напитки!

Дворецкий разлил вино и раздал бокалы.

— За долгую, счастливую и плодотворную жизнь моих детей! — громко провозгласил тост король и выпил до дна.

Хобарт отпил немного, чтобы не привлекать внимания, и сел одновременно с королем. *Бу-у-ум!* Что-то взорвалось справа от Хобарта, от неожиданности подскочившего почти на фут в высоту. Брызги вина из его бокала разлетелись во все стороны. Король и все присутствующие вздрогнули.

— Разум пусть покарает мальчишку! — вскричал Гордиус.— Подожди, пока я доберусь до тебя!

— Папа,— попыталась успокоить его принцесса,— он изменится уже завтра!

— Я так понимаю, вы говорите о моем будущем брате, принце Эйте? — холодно спросил Хобарт.

— Да, да,— устало ответил король.— Он любит взрывать фейерверки, пугая всех до полусмерти. Но скоро все изменится, хе-хе, поскольку мы собираемся провести тайную операцию по продаже пороха из королевского арсенала по сходной цене. Нам надо каким-то образом избавиться от него в ходе разоружения. Дорогой мой, возьми себе другой бокал!

— А почему Аргумента не пьет? — спросил Хобарт.

— Ну, ей и так *хорошо*. Я думал, тебе известна причина. Ты голоден?

— Могу съесть лошадь и еще погнаться за всадником.

Король удивленно взглянул на него, отвел дворецкого в сторону и начал с ним шептаться. Тем временем, принц Аксиус допил второй бокал и подошел к Хобарту, смешно вскидывая длинные ноги.

— Роллин, я потратил целый день, смешивая различные краски, чтобы изобразить то барахло, которое на тебе надето. Однако смеси все равно оказывались привычного красного, желтого или синего цвета. И что теперь — хе-хе-хе-хе-хе-хе!

В конце этой бессмысленной тирады колени принца подогнулись, и он рухнул на пол все с той же глупой улыбкой на лице. Хобарт вскочил, наклонился к Аксиусу и попытался поставить его на ноги.

— Глупый мальчишка снова напился. Положи его на что-нибудь, Роллин, он скоро придет в себя,— сказал король.

— Минуту назад он выглядел абсолютно трезвым,— пробормотал Хобарт.

— Неудивительно, ведь тогда он еще не напился. Человек может быть либо пьяным, либо трезвым.

Аксиус зашевелился, неожиданно протрезвев.

— Что, опять вел себя, как дурак? — скорчив гримасу и проведя рукой по лицу, простонал он.— Прости, отец, я ошибся в расчетах.

— Мы можем поговорить чуть позже? — по-прежнему склонившись над принцем, тихо спросил Хобарт.

Аксиус утвердительно кивнул в ответ.

— А что там за тайная операция купли-продажи? — повернулся Хобарт к королю.— Я должен быть в курсе всех финансовых дел королевства.

— Что ж, давай объясню. Предположим, Измерон решит, что нам нужно больше денег. Он отдает сокровища короны под залог и приносит документы мне на подпись...

— Простите,— прервал Гордиуса Хобарт,— а парламента или совета министров у вас нет?

— Чего, чего? Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Хобарт начал объяснять смысл разделения законодательной и исполнительной власти. Король казался сильно заинтересованным, задавал много вопросов и требовал ответов со всеми подробностями, принцесса тоже зачарованно слушала его рассказ, а Аксиус сидел со скучающим видом. Голова льва потихоньку наклонилась к лапам, и он начал мерно храпеть. Наконец, слуги накрыли стол к ужину. Но и во время еды приветливый монарх все не мог успокоиться.

— Какая замечательная идея! Я обязательно должен обсудить ее с Измероном!

— Роллин, дорогой,— обеспокоено спросила королева Вессалина.— тебе не нравится мясо?

— А чье оно? — спросил Хобарт, пытаясь подавить тошноту: мясо было не только жестким, но еще и пахло не слишком приятно.

— Лошадиное,— ответил король.— Ты же сам сказал, что съел бы лошадь. А если хочешь наездника, то я приказал одному дожидаться нас во дворе замка. Конечно, когда ты его догонишь, то можешь и не есть...

* * *

— Ну, ладно, приятель — сказал принц Аксиус, растянувшись во весь рост на кровати Хобарта, — о чем ты там хотел поговорить?

Хобарт сообщил всем после ужина, что ужасно устал, и, извинившись, попросил короля, королеву и, особенно, принцессу не тревожить его. Теперь он расслабленно сидел в кресле и раскуривал последнюю из оставшихся сигар.

— Аксиус, мне нужен твой совет.

— Насчет чего?

— Как ты относишься к событиям последних двух дней?

— Если ты ожидаешь услышать, что мне все нравится, то, боюсь, придется тебя разочаровать, — зевнул Аксиус.

— Что ж, попробуй. Я не тот человек, которого ты бы хотел видеть в качестве мужа сестры?

— Не совсем так, Роллин. Хотя я не понимаю, что Аргумента нашла в тебе, но мне, по правде говоря, наплевать, за кого она выйдет замуж. Дело в половине королевства.

— Ага, мы почти у цели, — сказал Хобарт. — Значит, если бы я не спас ее, ты бы владел всем?

— Угу.

— А что же тогда случилось бы с Аргументой?

— Ее бы съел Андросфинкс, ты что забыл?

— И тебе было бы не жалко?

— Ничуть. Искусство у меня на первом месте.

— Вряд ли твою точку зрения можно назвать альтруистической.

— Ну да, я — эгоист! Ты не знал? — удивленно поднял брови принц. — Это заметила еще моя крестная. Фея, между прочим.

— Да, похоже, она наградила тебя правдивостью в дополнении ко всем... э-э-э прочим достоинствам.

— Искренностью. Я не могу удержать себя от высказывания всего, что думаю, хотя и попадаю из-за этого в разные неприятные истории. Слушай, может быть, вместо обсуждения всей этой чепухи, пойдем ко мне в студию и ты попозируешь...

— Подожди, Аксиус, — отмахнулся Хобарт. — Что бы ты сказал, если бы я исчез?

— Тут все непросто. Если ты исчезнешь до женитьбы на сестре, я снова стану полновластным наследником. А вот если она останется вдовой, наследство все равно перейдет к ней, а затем к любому из ее детей мужского пола...

— Хорошо, хорошо, я понял. Меня интересует немедленное исчезновение.

— Я не понимаю, чего ты хочешь,— на лице Аксиуса появилось озадаченное выражение.— Лично я не собираюсь тебя убивать, у меня нет способностей. Беспрецедентный случай — чемпион хочет исчезнуть добровольно!

— Нынешний чемпион собирается создать новый прецедент,— мрачно сказал Роллин Хобарт.

Рот Аксиуса открылся, и он даже сел на кровати. Когда смысл слов Хобарта дошел до его сознания целиком, глаза юного принца округлились, и он упал обратно на подушку в глубоком обмороке.

7

Утром следующего дня Хобарта опять разбудил горнист своей какофонией. Пока инженер искал под кроватью ботинок, чтобы раз и навсегда прекратить издевательства над своей нервной системой, парень объявил:

— Его Величество король Логайи Гордиус; Ее Величество королева Вессалина; Его Высочество принц Аксиус; Ее Чистейшее принцесса Аргумента...

Семейство Ксирофи в полном составе вошло в комнату. Хобарт натянул одеяло до подбородка, думая только о том, что вряд ли он эстетично выглядит в несвежем нижнем белье. Вспомнив об эстетике и эстетах, он быстрым взглядом окинул Аксиуса, гадая, проболтался тот или нет. Несмотря на то, что выдача Хобарта противоречила собственным интересам принца, Роллин не мог забыть об излишней искренности последнего. Однако лицо Аксиуса не выражало ничего, кроме обычного высокомерия.

Вместе со всеми в комнату вошел незнакомый Хобарту красноволосый юноша.

— Разве вы не встречались с Эйтом, дорогой Роллин? — ответила на его вопросительный взгляд королева.

— Эйт? Когда мы виделись в последний раз — он выглядел иначе!

— Ах, да, теперь он стал подростком! Думала, ты знаешь. Как твой бедный нос?

— Гораздо лучше, спасибо,— честно ответил Хобарт. Опухоль и правда спала — в отличие от шишки размером с гусиное яйцо, красующейся на голове короля. В результате корона Логайи была залихватски сдвинута набок.

— Кхм,— прочистил горло король.— Мой дорогой Роллин, в знак моей признательности за... э-э-э твое вчерашнее геройское поведение, позволь подарить тебе небольшой... э-э-э памятный сувенир.— И он развернул принесенный сверток.

— О, я тронут,— серьезно сказал Хобарт, не желая ранить чувства старого чудака. Внутри лежала обещанная диадема. Она была похожа на королевскую корону, только с небольшими фестоначиками сверху вместо длинных шипообразных выступов с шариками на концах. По размеру украшение Хобарту подошло, и все Ксирофи еще долго охали и ахали, как оно ему идет. Роллин искренне поблагодарил всех, и они ушли.

После завтрака он разыскал короля. Тот с трубкой во рту полулежал в кресле, водрузив ноги на маленькую табуретку, и читал «Логайские Эфемериды». Заметив Хобарта, Гордиус передал ему первую часть издания, которую он уже закончил. «Эфемериды» были набраны крупным шрифтом на бумаге, определенно сделанной вручную. Буквы складывались в слова, похожие при произношении на его родной английский. Хобарт поинтересовался у короля, откуда в Логайе такой интересный язык.

— В той стране, откуда ты родом, сынок, живут цивилизованные люди? И используют они язык цивилизованных людей, не правда ли? Ну, и мы — цивилизованный народ, поэтому поступаем так же. Что касается произношения, то тут я не вижу проблемы; каждая буква соответствует определенному звуку, или не соответствует никакому,— просто ответил король.

Долговязый подросток, в которого превратился Эйт, вошел в комнату и принес кучу коробок разного размера.

— Отец, куда мне теперь девать все игрушки и одежду?

— Оставь все здесь, Эйт. Я велю Измерону раздать их бедным детям.

— Чистишь помещение? — спросил Хобарт.

— Избавляюсь от детских вещей,— сказал мальчик.— И простите меня за ту хлопушку, сэр. Больше это никогда не повторится,— добавил он.

— Ладно,— ответил Хобарт.

Мальчик хотел еще что-то добавить, он неуверенно мялся, затем достал небольшую дощечку.

— Сэр, вы не возражаете... — смущенно попросил он.— Я решил начать собирать автографы разных героев...

Хобарт красиво расписался, Эйт потрясенно воскликнул: «Здорово!» Остаток того дня он повсюду попадался Хобарту на пути,

вежливо задавал вопросы, не забывая называть его «сэр», в общем, проявлял все признаки поклонения герою.

Состязание проходило в огромном вестибюле замка. Хобарту оно показалось длинным и скучным. В начале два полка, мушкетеров и копейщиков, которым предстояло расформирование, прошли хорошо подготовленным парадом. Копьеносцы перестраивались различными способами, мушкетеры стреляли холостыми патронами. Каждая шеренга салютовала отдельным залпом. Затем они торжественно сложили полковые знамена к ногам генерала Воланоса, он произнес речь, во время которой некоторые плакали. В конце концов, они сдали оружие и влились в толпу зрителей, чтобы посмотреть шоу.

Вдоль центральной оси арены быстро возвели забор. Мужчины с огромными круглыми щитами и в шлемах в форме ведер, закрывающих голову целиком, съезжались на лошадях с противоположных сторон забора, пытаясь выбить противника из седла шестами, похожими на весла от каноэ, а затем разъезжались в разные стороны. Благодаря забору, доспехам и голубому мху, покрывающему арену, риск серьезного увечья сводился к минимуму.

Роллин Хобарт мирно раскуривал трубку и ждал окончания представления. Выражение его лица не изменилось, даже когда генерал Воланос, победивший в нескольких схватках, проехал мимо и бросил на него презрительный взгляд. Он мог себе позволить подождать, пока пчела, которую он запустил в карман принца Аксиуса, начнет давать мед. Если принц — эгоист, он непременно поможет Хобарту. Все люди этого повернутого мира обладали простыми монохромными характерами, как герои старой мелодрамы, что было дополнительной причиной нежелания Хобарта оставаться в нем. Представить себе женитьбу на девице, красивой, как обложка модного журнала, и совершенной до такой степени, что ни один человек... Все же ее привязанностью нельзя злоупотреблять. Хорошо бы Аксиус не подвел его!

Расчет оправдался. Когда Хобарт, извинившись, попросил разрешения удалиться и вернулся к себе в комнату, он обнаружил там принца, две монашеского вида накидки с капюшонами, меч, мушкет и карту Логайи. Все, как он просил!

— Пойдешь по Великой Западной Дороге до развилки: одна ветка уводит к варварам, а другая — к Коническим Горам, к тому месту, где мы впервые встретились. Ты уверен, что хочешь попасть именно туда? С пещерниками лучше не шутить, — напутствовал принц.

— Мне все равно, будь они хоть каннибалами десяти футов ростом. Я найду Гомона, даже если придется потратить на это остаток жизни,— сказал Хобарт.

— Ну, я тебя предупредил. Провожая только до развилки!

— Спасибо тебе.

— Не за что. Я просто хочу убедиться, что ты и впрямь ушел.

Поправляя капюшон, чтобы плотнее закрыть лицо, Хобарт вспомнил о диадеме. Он замер в нерешительности. Если она сделана из золота, то стоит ее забрать... Но потом он достал украшение и положил его на кровать. Незачем расстраивать старого Гордиуса, отнимая у него золото под фальшивым предлогом.

В плохо освещенном зале они наткнулись на принцессу Аргументу. Хобарт остановился в испуге. Он ждал от принцессы криков, истерики, требования объяснений, но она просто спросила:

— Уже уходишь, принц?

Он кивнул.

— Могу ли я... хотя бы раз...

От этого не должно быть вреда, подумал Хобарт. Она бросилась к нему на шею, страстно поцеловала, прошептала: «Прощай, любовь моя», и бесшумно удалилась. Хобарт был благодарен ей за то, что не подняла шума и не попыталась отговорить. Вот если бы не ее *избыточное* совершенство... А может быть, он расчувствовался потому, что наконец-то уходит. Нет, лучше всего сразу забыть о ничего не значащей мимолетной близости...

Рядом безмолвно прошел часовой, снаружи в неясном свете прикрепленных к стене факелов незнакомый конюх передал им лошадей и огромную продуктовую сумку. Они, не торопясь, проехали по пустым улицам Оролойи — все логайцы должны спать в такой ранний час. За пределами города они пришпорили лошадей. Как ориентировался Аксиус на черной, как внутренности коровы, местности, осталось для Хобарта загадкой: или принц был ясновидящим, или умел читать по звездам. Чувство нерешительности от скачки в полной темноте на невидимой лошади угнетало Хобарта, привыкшего к однозначности Логайи. Интересно, что яркие звезды совсем не давали света. Совершенно одинаковые пятнышки складывались в четкие фигуры — круги, квадраты и более сложные конфигурации, напоминающие молекулярную структуру органических веществ. Да, в таком космосе придумывать названия для созвездий не составляет труда: вот та группа справа может именоваться Рулевым Колесом, по крайней мере, она на него похожа, тогда как «земной» Козерог в рацио-

нальном мозгу Хобарта никак не совпадал с реально существующими быками.

Он с нетерпением ждал, когда над горизонтом появятся новые созвездия, но и через час на небе ничего не изменилось. Постепенно Хобарту стало скучно. Может, Гомон прав, и здесь Земля становится центром Солнечной системы в соответствии с моделью Птолемея? В размышлениях о черно-белой логике, руководящей поведением людей, и геоцентрическом космосе, Хобарт вдруг осознал, что порядки этого мира подозрительно похожи на представления древнегреческих философов о природе вещей. Вряд ли такое полное сходство можно объяснить простым совпадением. Возможное открытие стоило того, чтобы заняться им поподробнее, если только кто-нибудь позаботится о заключении с ним, Роллином Хобартом, приемлемого контракта.

— Вот и развилка,— объявил Аксиус.— Ты поворачиваешь направо, я возвращаюсь в Оролою. Решай сам: ждать тебе до рассвета, а потом мчаться во весь опор — поскольку, я уверен, отец пошлет за тобой погоню,— или продолжить медленное движение сейчас.

— Пожалуй, подожду,— сказал Хобарт.— Мне не следует... Ну здравствуйте, а это еще что такое?

Они прислушались: со стороны Великой Западной Дороги раздавался хорошо различимый в тишине стук копыт, которому сопровождал скрип колес.

— Сейчас неподходящее время для честных путешественников,— прошептал Аксиус.— Может, отец уже преследует нас?

— Вряд ли он отправил бы повозку. Но, на всякий случай, надо спрятаться,— ответил Хобарт.

Они тихонечко, но отнюдь не бесшумно, спешили и увели лошадей с дороги. Шорохи, по-видимому, достигли слуха неизвестного возницы, поскольку скрип телеги прекратился. На несколько секунд все замерло, слушая только собственное дыхание. Затем у незнакомца что-то заискрило, треснуло, желтый огонек сверкнул и погас, оставив в воздухе маленькую красную искорку. Она беспорядочно задвигалась в темноте, направилась в их сторону, остановилась, как будто прислушиваясь, снова чуть-чуть сдвинулась. Хобарт предположил, что это запал мушкета. Он задержал дыхание, когда искорка добралась до развилки, не доходя всего тридцати футов до места, где он стоял, прикрывая рукой морду лошади. Затем она исчезла. Снова раздался щелчок, вспыхнуло желтое пламя, и погасло, породив искорку, отличную от

предыдущей. Огонь высветил тонкую восковую свечку в руке бородатого мужчины с лицом обыкновенного логайца, рассматривающего дорожный указатель. В свободной руке он держал прадедушку обреза, позади него виднелись очертания лошади. Незнакомец помахал свечкой вперед-назад перед указателем, задул ее, и красная искорка двинулась уже обратно по направлению к предполагаемой повозке, когда Аксиус вдруг чихнул — ап-чххи!

Темноту разорвала ослепительная вспышка выстрела. Хобарт услышал, как мужчина вскарабкался на сидение, прикрикнул на лошадь, и повозка загромыкала по дороге в Барбаррию.

— Ты не ранен? — спросил Хобарт.

— Ничуть, — ответил голос Аксиуса. — Однако интересный способ обращения с мирными путешественниками. Я не желаю, чтобы в мою сторону стреляли, пускай даже из пугача. Хочу вернуться назад в красивый, безопасный дворец.

Они вывели лошадей обратно на дорогу. Хобарт обо что-то ушиб мизинец ноги.

— И что бы это могло быть? — пробормотал он, нагнулся и принялся шарить по земле.

Взяв в руки найденный предмет, Хобарт обнаружил, что это мушкет — такой же, какой выдали ему перед охотой.

— Ты брал с собой мушкет, Аксиус? — спросил он.

— Нет. Я их ненавижу.

— Значит, кто-то другой обронил. Надо бы огня.

Аксиус, проклиная задержку, зажег собственную свечу. В двадцати футах от них на дороге, которую выбрал агрессивный незнакомец, в пыли лежал другой мушкет, за ним на границе света и тьмы они разглядели еще один.

— Кому могло понадобиться ехать ночью по этой дороге в повозке, доверху наполненной оружием? — спросил Хобарт.

— Думаю, Валтусу и варварам. Он, конечно, не был замечен ни в чем таком, но других предположений у меня нет, — сказал принц.

— Вот чему он так радовался на банкете! Значит ли это, что Логайе грозят неприятности?

— Видимо, да. Варвары с оружием и мы с пустыми руками — конец можешь придумать сам.

— Я полагаю, когда ты вернешься, то предупредишь отца?

— Чем больше я размышляю, тем меньше мне хочется говорить ему. Если Логайе придется вступить в войну, я предпочту куда-нибудь смыться. Например, в Пситорию, где правит кузен...

— Но тогда тот....

— Не хочу ничего знать, меня это не касается. Если так волнуешься, то иди и предупреждай сам!

— И пойду,— закричал Хобарт.— И ты вместе со мной!

— Но почему...— заблеял Аксиус.

— Для поддержки. Думаешь, мне хочется, чтобы твой старик подумал, будто я тебя где-то убил и сочинил байку в качестве алиби? Черта с два!

Аксиуса трясло от страха, он дико взглянул на Хобарта и неожиданно задул свечу. Он еще только разворачивался, чтобы удрать, когда Роллин прыгнул на него и схватил за накидку. Завязалась потасовка; Аксиус брыкнул Хобарта в голень, тот в ответ съездил ему по физиономии. Принц тут же заплакал и сдался.

— Не бей меня! Только не бей меня! — хныкал он.

— Замолчи,— прикрикнул на него Хобарт. Он зацепил дрожащие руки эстета себе за шею и водрузил его на лошадь. Прихватив найденный мушкет, он сел на своего жеребца и предусмотрительно поджег запал зажигалкой.

— Так, шаг вправо, шаг влево — буду стрелять. Марш домой! — напоследок сказал он.

— Тебе-то какое дело до судьбы Логайи,— продолжая причитывать, Аксиус тронулся с места.— Ты вообще собирався сбежать отсюда.

— В общем, никакого,— согласился инженер.— Я просто не такой законченный эгоист, как ты. Хм-м-м, давай лучше придумаем историю о том, как мы узнали про похищение крупной партии оружия и последовали за вором.

— С чего мне подтверждать твою ложь? Может, лучше рассказать отцу, чего ты хотел на самом деле?

— Хорошо, тогда я поведаю ему, как ты помог мне.

Больше Аксиус не возражал.

8

Принц Аксиус предупредил Хобарта, что для отказа короля Гордиуса от ежедневной утренней трубки и газеты нужна причина посерьезнее угрозы вторжения варваров. Пока молодые люди ждали подходящего момента, Хобарт в нетерпении бродил по комнате, а Аксиус покорно сидел на стуле. Затем они спустились в кабинет короля. Краткий рассказ Хобарта о ночном приключении сильно взволновал монарха.

— Ох, помилуйте, дорогие мои! Вы, конечно, правы — несомненно, существует заговор. Но объясните, кому нужно устраивать заговор против меня? Добрейшего из королей?

— Похоже, ваш оружейник Валтус замешан во всем этом, — сказал Хобарт.

— Да-да, согласен. Кто же еще? Надо позвать Измерона...

— Я бы пока не стал, — резко ответил Хобарт.

— Ну, почему же?

— Откуда вы знаете, что он не на стороне заговорщиков?

— Мой канцлер? Абсурд, мой мальчик, полнейший абсурд!

— Не для меня. Насколько изменилась финансовая ситуация в королевстве за время его правления?

— Не вижу связи... Он занял свой пост пять лет назад, у страны тогда был излишек в 43 000 талантов. Измерон убедил меня, что королевству нужна большая социальная программа, чтобы занять людей и повысить наш престиж в других странах. Его аргументы соответствовали всем законам логики, уверяю тебя. После того, как мы потратили все запасы, королевство получило огромный заем — на вполне приличных условиях, как объяснил мне Измерон. Он сказал, что нам следует урезать затраты до того, как занимать деньги станет слишком трудно. Из его слов следовало, что если мы разоружимся, то соседи, покоренные нашим благородным примером, немедленно сделают то же самое, и угроза войны навсегда исчезнет.

— И как далеко зашло уничтожение армии?

— Те два полка, которые сложили знамена вчера, были последними; остались только дворцовая стража и часовые на городской стене. Я... я надеюсь, мы не поспешили...

— Если бы я хотел заполучить Логайю и знал, что смогу убедить вас распустить армию, то поступил бы в точности так же. Еще бы я собрал предварительно команду крепких парней и велел им ждать в районе границы, — грустно сказал Хобарт.

Гордиус покачал головой.

— Я ужасно расстроен, Роллин. Аргументы Измерона по-прежнему кажутся мне верными, но если все, как ты говоришь... Послушай, Измерону нет смысла приводить варваров в Логайю, ведь у него нет лидерских качеств, варвары просто не подчинятся ему.

— Я и не утверждал, что он уже это сделал. Только хочу, чтобы вы проявили осторожность.

— Да, да, конечно. Попрошу Воланоса поискать доказательства и начать реформирование войск....

— А насколько вы уверены в Воланосе?

— Он же солдат, мой мальчик, мы можем положиться на его слово.

— А вот мне показалось, что он был излишне весел вчера, прямо как Валтус.

— О мой Разум! Ты — самый недоверчивый молодой человек, Роллин. Что ж, вместо Воланоса я могу попросить Закона...

— Да? А вы уверены...

— Роллин! — вскричал король. — Ты невыносим! Должен же я доверять хоть кому-нибудь. Что ты имеешь против Закона?

— Никаких логично объяснимых причин. Я просто полагаю, что вам не следует никому доверять до тех пор, пока сами не разберетесь в ситуации. — Хобарт встал. — В любом случае, это ваше детище, король, и вы можете распорядиться им так, как посчитаете нужным. Я отбываю.

— Отбываешь? Я не понимаю!

— Поймете.

Хобарт направился к двери. Он решил попробовать простейший вариант побега: вернуться в свою комнату, собрать багаж и выйти из дворца при свете дня. Пусть делают, что хотят.

— Роллин, я требую объяснения! Ты не можешь оставить меня в такой момент без видимой причины!

— О'кей, — решил Хобарт. — Я уйду, потому что...

Он остановился в середине предложения, поскольку в комнате появился Феакс. Желание честно рассказать королю, почему он не может позволить себе превратиться в принца и зятя, тут же улетучилось, Хобарт никогда не понимал самоубийц, а угрозу Светского Льва помнил очень хорошо.

— Ладно, проехали, — сказал он. — Я остаюсь. Но если вы ждете от меня помощи, то следуйте МОИМ указаниям. Прежде всего, членам королевской семьи следует объединить усилия, чтобы сохранить власть, и вы должны быть твердо уверены в каждом. Затем надо отыскать преданных вам стражников и слуг...

— Его Превосходительство канцлер Логайи к Вашему Величеству! — важно сообщило переговорное устройство.

— Скажите, что не можете сейчас принять его! — зашептал Хобарт.

— Сейчас... — начал король. Но дверь распахнулась, и на пороге возник Измерон в длинном черном плаще поверх синего облегающего костюма. Как водится, канцлер вошел без стука.

— Я... э-э-э н-н-не могу сейчас принять тебя, Измерон... — забормотал король.

— Вы больны, Ваше Величество? — нахмурился канцлер.

— Нет, но...

— Тогда в соответствии с моим положением у меня должно быть преимущество перед принцем Роллином.

— Но...

— Либо я — канцлер и обладаю преимуществом, либо нет. Что вы предпочтете?

— Пожалуйста, дорогой Измерон, чуточку попозже... — умолял король.

Измерон с ненавистью посмотрел на Хобарта, развернулся и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

— Далее надо выяснить, какое еще оружие осталось во дворце, — продолжил, как ни в чем не бывало, Хобарт. — Тогда мы пойдем, с чего лучше начать...

Тридцатью минутами позже в кабинете короля собрались все члены семьи Ксирофи. Туда же было доставлено оружие, которое удалось разыскать — декоративные мечи, годные к применению не только в качестве знаков государственной власти, а также арбалет Его Величества, из которого ему однажды повезло попасть в необычно свирепое дикое животное. В связи с этим счастливым событием арбалет долгие годы хранился под стеклом. В холле перед кабинетом дежурило несколько верных слуг с приказанием никого не впускать.

— Роллин, мне кажется, скоро наступит время обеда, — сказал король.

— К дьяволу обед. Если Измерон хотя бы в половину так умен, как я думаю, он уже сейчас организывает дворцовый переворот. Ему понадобится некоторое время, очевидно, мое появление несколько нарушило планы, и как свидетель попытки убить вас во время охоты... Что такое?

В коридоре раздались шаги, затем голоса, ближе и ближе. *Бу-ум!* В кабинет, задыхаясь, вбежал один из слуг, Аверовес.

— Они застрелили Севуса, когда тот попытался их остановить! — вскричал он.

Королева Вессалина зарыдала. *Трам-трам* — и в проеме двери показалась группа мужчин под предводительством генерала Воланоса с дымящимся мушкетом в руке. За ним маячил Измерон, волшебник с Уолл-стрит и три бандитского вида парня с мечами в руках.

— Сдавайтесь добровольно! — закричал генерал. — Или войдем и возьмем вас силой!

Позади Хобарта послышался какой-то шум, слуга Аверовес выскочил вперед и ударил Воланоса по голове пикой. Удар пришелся по гребню шлема, в котором был закреплен плюмаж, и сбил его с головы генерала.

— А вот и наш убийца, — сказал Хобарт. Голова Воланоса оказалась гладко выбритой.

— Черный парик! Он надел его, чтобы скрыть происхождение от блондинов-варваров! — догадался король.

Его крик утонул в громовом реве Феакса. Лев подскочил к двери с плотно прижатыми к голове ушами и присел, готовясь к прыжку. Законс извлек из кармана мантии волшебную палочку, нацелил ее на льва и начал бормотать:

Щедролор небосинь
Молнией во стину...

— Где, черт возьми... — рассердился Хобарт, затем заметил в трясущихся руках Аксиуса арбалет, выхватил его и разрядил в колдуна.

При звуке спущенной тетивы Законс завизжал и рухнул назад, хотя Хобарт не мог точно сказать, попала стрела или нет. Инженер обогнул Феакса, захлопнул тяжелую дверь, запер на засов и с помощью Аверовеса придвинул к ней диван. Глухой звук ударов возвестил начало штурма кабинета.

— Аксиус! — скомандовал Хобарт. — Возьми меч!

— Н-н-не могу, м-м-мне ст-т-т-трашно...

— О господи, по крайней мере, забаррикадируй другую дверь, пока они не начали ломиться в нее. Пистолет, пистолет, полцарства за пистолет. А тут что у нас?

Он указал на один из ящиков, превращенных в цветочный горшок. Не дожидаясь ответа, он выдернул растение, бросил его на пол и принялся рыться в земле. С победным воплем он достал из ящика игрушечную пушку и, перевернув ее вверх ногами, принялся стучать стволом об пол, чтобы вытрясти землю, целиком и полностью игнорируя вопли королевы по поводу судьбы любимого ковра.

— Я могу чем-нибудь помочь, сэр? — с надеждой спросил принц Эйт.

— Возможно... Погоди-ка, в той куче твоего старого барахла были фейерверки?

— Да, сэр...

— Какая удача! Немедленно достань их, взломай и сыпь порох в нашу малышку!

— У меня там еще был запас железной дробы.

— Чудеса продолжаются!

Они работали, как сумасшедшие, наполнив пушку порохом и как минимум двумя пригоршнями дробы. Тем временем дверь начала трещать и вздвухаться, в комнате стали слышны голоса атакующих.

— На что бы нам ее поставить? — размышлял Хобарт. — Есть тут поблизости веревка?

Король достал из стола клубок бечевки, и инженер привязал пушку к стулу.

— Но долго ли бечевка продержится? — с сомнением спросил Аверовес.

— Все равно, лишь бы хватило до первого выстрела. Значит так. Эйт, возьми арбалет. Аргумента, ты и королева быстро отодвинете диван от двери — не сейчас, после моего сигнала! Я выстрелю из пушки и, одновременно, ты, Эйт, — из арбалета. Потом король, Аверовес и я встретим их с мечами в руках. Ты с нами, Феакс. Все понятно?

Удостоверившись, что бойцы согласно кивнули, Хобарт высыпал остатки пороха в жерло пушки, скрутил жгут из утренней газеты и поджег один конец зажигалкой.

— Всем отойти от пушки!

Дверь распахнулась, когда бунтовщики готовили импровизированный таран к очередному удару. От неожиданности они застыли... *Тик-так, тик-так...* Опомившись, Воланос потянулся за пистолетом. Хобарт поднес зажженную газету к пушке.

Уа-а-ам! Дворец дрогнул, где-то послышался звон разбитого стекла, пушка опрокинулась вместе со стулом и с силой врезалась в дальнюю стену комнаты. Осажденные под прикрытием дыма кинулись к выходу. Хобарт ожесточенно размахивал мечом и один раз даже попал по латунной поверхности чьего-то нагрудника. Они прорвались в зал и погнались за убегающими врагами к центральному выходу. У них на глазах Воланос и еще двое мужчин вскочили в седла и помчались вон из дворца, низко пригнувшись к шеям своих скакунов.

— Пусть уезжают, надо очистить дворец от заговорщиков, — сказал Хобарт.

Они повернули обратно и прошли мимо слуги, убитого Воланосом. На подступах к двери в кабинет, на полу, лежали еще три

понимал, что, согласившись однажды спасти Аргументу, он и теперь не может отступить. Впрочем, ему ведь удавалось избегать кошмарной свадьбы до этого дня, значит, не все потеряно и, возможно, снова найдется способ удрать. С другой стороны, если он даст слово и опять пойдет на поводу у короля, то попадет в настоящую ловушку: дурацкие угрызения совести не позволят ему бросить невесту даже по уважительной причине. А вдруг ему... *понравится* запутываться все больше и больше...

Феакс сидел перед ним, тревожно втягивая носом воздух.

— Мы уходим прямо сейчас? — прорычал он. — Я иду с тобой. Ты спас меня от превращения в домашнюю кошку, и я сделаю все, что ты скажешь.

Когда Хобарт задержался с ответом, хвост Феакса неслышно задвигался вправо-влево-вправо. А по кошачьим традициям размахивание хвостом означает совсем не то, что по собачьим.

— Хорошо, — вздохнув, проговорил Хобарт.

* * *

С каждым шагом тщетность предприятия становилась все более очевидной для Хобарта. Ему надо было одновременно: а) спасти Аргументу и б) либо искать наемников для защиты Логайи среди тех же варваров, либо — в случае неудачи — сеять смуту среди варварских племен а'ля Лоуренс Аравийский¹, чтобы задержать вторжение и дать возможность королевству снова собрать армию. Но, дав слово, черт бы их всех побрал, держи; и ему придется справиться со всем этим.

---

¹ Сэр Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский) — одна из самых романтических фигур в истории британской разведки. С 1910 года он жил на принадлежащем Турции арабском Востоке, изучал обычаи арабов, их религию, прекрасно знал арабский язык и наречия многих бедуинских племен. С началом Первой мировой войны он занялся организацией повстанческого движения в этих местах, что дало британцам возможность воевать с турками чужими руками, сохраняя свои основные силы на других фронтах. Созданные Лоуренсом из бедуинов-кочевников небольшие подвижные группы своими диверсионными операциями парализовали тыл турецкой армии. После войны Лоуренс опубликовал свои мемуары, став признанным теоретиком партизанских действий. В итоге Первой мировой войны Великобритания утвердилась на Ближнем Востоке, получив контроль практически над всей Палестиной и Аравийским полуостровом.

Перво-наперво он сделал то, о чем никогда бы не догадался ни один логаетц, хотя все они жутко гордятся логическим мышлением: выяснил, куда полетел Законс со своей добычей. Опросив огромное количество жителей Оролойи, наблюдавших за полетом колдуна, он наложил маршрут на карту города, продлил его за пределы Оролойи и понял, что похититель направился напрямиком в страну Паратай. Там обитало одно из варварских племен, постоянно конфликтующее с королем Гордиусом. «Разумеется,— размышлял Хобарт, уныло опираясь на здоровенный меч в ожидании лошади и прочей походной амуниции.— Нельзя отрицать возможности того, что Законс где-то развернулся или полетел зигзагообразно, сбивая с толку возможных преследователей».

Но надо же было с чего-нибудь начать. А с учетом обычно не слишком ловкого поведения логайцев вероятность прямого полета колдуна в убежище (если, конечно, у него есть убежище) была не так уж мала.

Он вяло махнул мечом. Что за рухлядь, вот сейчас бы автомат! Хобарт ничегошеньки не знал о методах боя на мечах и совсем не горел желанием узнать. Но поскольку единственным огнестрельным оружием здесь служили мушкеты, на перезарядку которых уходили драгоценные минуты, ему надо было припасти что-то на всякий случай.

В конце концов, после долгих слезливых объятий старших Ксирофи, Хобарт взобрался на лошадь и направился к варварам. «Возможно — печально думал он,— я самый несчастный и неподготовленный странствующий рыцарь этой страны великих героев и подлых негодяев».

9

На второй день путешествия по стране варваров Роллин Хобарт и Феакс двигались между цилиндрическими дюнами, возвышающимися по обе стороны дороги. Неожиданно лев зарычал, и Хобарт остановился. Феакс стоял, широко раздвинув лапы, морщил нос и бил себя хвостом.

— Чувствую приближение людей,— объяснил он.

Ну что ж, пока рано волноваться. Он поднимет флаг Логайи — точную копию штандарта короля Гордиуса вплоть до слова «ПРИВЕТ!» — и станет ясно, что он посол, то есть персона неприкосновенная.

По песку мягко застучали копыта, и из-за ближней дюны вернула группа вооруженных всадников. При виде Хобарта и его спутника они издали воинственный клич и перешли на галоп. Хобарт поднял знамя: всадники поскакали еще быстрее. Пождите-ка минутку, а вдруг, эти парни *не знают* про дипломатическую неприкосновенность? Над головой инженера просвистела стрела, за ней другая.

— Мы отступаем или сражаемся, принц? — вопросительно рыкнул лев.

Быстро соображающая часть мозга Хобарта в этот момент была занята тем, как бы убедить остальные части в том, что стремительно приближавшиеся люди опасны — они скачут с мыслью об убийстве, и они действительно могут убить *его* прямо сейчас! Трясущиеся пальцы потянулись за зажигалкой. Он бросил флаг, зажег запал и подготовил мушкет к выстрелу, пусть только подъедут поближе. Феакс издал грозное рычание и замер в ожидании нападения. В последнее мгновение картина изменилась: люди соскочили с лошадей, и выставив их живым щитом между собой и мушкетом, продолжили наступление.

— Подними штандарт, Феакс! — успел крикнуть Хобарт.

Атакующие, поднимая тучу пыли, начали обход. Когда она рассеялась, Хобарт обнаружил, что окружен мужчинами, каждый из которых либо целится в него из лука, либо грозит копьем — или, на худой конец, мечом. Определенно, палить сразу во всех направлениях он не мог. Если кто-нибудь попытается стащить его с лошади, придется стрелять, и тогда остальные порежут его на кусочки за одну пятидесятую времени, необходимого на перезарядку. В качестве незначительного утешения промелькнула мысль, что полет, возможно, тоже не помог бы.

— Я — посланник! — закричал Хобарт. — Вы что не понимаете англ... логайского?

На всех мужчинах были шапки из черной овечьей шерсти, из-под них на плечи падали длинные медно-желтые волосы. Длинные свободные штаны и башмаки из мягкой кожи дополняли одеяние. Вместо ответа они принялись оглушительно хохотать, показывая пальцами на Феакса. Светский Лев сидел на задних лапах, а передними поддерживал древко штандарта.

— Это шутка? — спросил он и посмотрел на Хобарта с отворачиванием. — Сейчас не время для шуток, а ты специально делаешь из меня посмешище.

Хобарт наклонился и забрал флаг.

— Ну так что? — спросил он, обращаясь нападающим.

Мужчины обменялись комментариями на непонятном Хобарту языке. Феакс издал несколько низких рыков. Роллин отвернулся ото льва, медленно поводя мушкетом и прижимая к себе приклад правым локтем. Он успел незаметно щелкнуть по ниточке запала, и искорка загорелась ярче.

Один из мужчин что-то проговорил все на том же языке, явно обращаясь к Хобарту. Тон его нельзя было назвать вежливым. Инженер снова повторил свое заявление (посланник короля Гордиуса и так далее, ведите меня к главарю), потом еще раз. По-видимому, наличие штандарта, на который все время указывал чужестранец, убедило варваров в том, что его не стоит убивать сразу. Они уселись в седла и, не размыкая кольца, поскакали в том направлении, откуда появились.

* * *

Хурав, хан страны Паратай, оказался симпатичным мужчиной средних лет; его широченную грудь пересекала украшенная драгоценными камнями перевязь, поддерживавшая огромный меч. В настоящий момент он на варварском наречии допрашивал эскорт Хобарта. Инженер ничего не понимал, но представлял себе что-то вроде: «О, хан, мы обнаружили незнакомца со львом недалеко от границы с Логайей. Мы собрались было убить их, но мужчина поклялся, что он — посланец Гордиуса...» Возможно, в рассказе отсутствовали некоторые подробности, как то: рычание льва и нацеленный мушкет, значительно повлиявшие на решение отряда не убивать путников немедленно.

Наконец, Хурав обратился напрямик к Хобарту, медленно, но четко выговаривая логайско-английские слова:

— Ты искал встречи со мной?

— Да. Ты ведь хан страны Паратай? — ответил вопросом на вопрос Роллин.

— Ты сомневаешься в этом? — нахмурился Хурав.

— Все нет, просто уточняю на всякий случай, — попытался исправить свою оплошность Хобарт, но Хурав нахмурился еще больше.

— Мои люди сказали, что, когда они нашли вас, штандарт держал лев. Чем докажешь, что посланник — именно ты, а не он? — заметил варвар.

На морде Феакса появилось изумленное выражение, затем он открыл пасть и выдал своеобразный рык, каскадом переходящий

в визг. Он прорычал так несколько раз, затем перекатился на спину и замахал в воздухе лапами.

— Мне смешно! — объяснил он. — Я — посланник! Ужасно смешно! Посмеюсь еще!

И он снова зарычал.

— Он имеет в виду, что посланник — я, — уточнил Хобарт.

— Я слышал. Но мне не нравится, когда надо мной смеются. Мне нанесли оскорбление? — спросил Хурав.

— Нет, совсем нет! — всполошился Хобарт. Парень начал ему надоедать. Инженер вспомнил последнее напутствие короля Гордиуса: «Держи с Хуравом ухо востро, сынок, говорят, он очень гордый варвар».

Видимо хан решил, что еще недостаточно продемонстрировал свою гордость.

— Ты держишь в руках заряженное оружие, принц Роллин, — бросая злобный взгляд на мушкет, сказал он. — Ты желаешь вызвать меня на дуэль?

Хобарт безропотно затушил пальцами тлеющий конец запала. Он извинился за оружие, за поведение Феакса и за то, что вообще появился на свет. Извинения остудили пыл Хурава до такой степени, что он милостиво пригласил их в свой огромный войлочный шатер. Хурав задержался на пороге и экспансивно обвел рукой внутренность жилища.

— Ты — мой гость, принц Роллин. Здесь все твое. Все мое — твое.

— О, вы слишком добры, — ответил Хобарт, полагая, что вышесказанное — простой шаблон.

— Вовсе нет. Мы, паратаи, очень гостеприимны. Поэтому и я гостеприимен. Разумеется, — продолжал он, — верно и то, что все твое — мое. Мне, например, очень нравится золотая цепь на твоей странного цвета одежде.

Хобарт, тщательно скрывая негодование, отцепил часовую цепочку и подал ее Хураву. Он ухитрился при этом не вытащить сами часы из опасения, что Хураву понравятся и они тоже.

— Сядь, — показывая пример, сказал хан. — И расскажи, зачем приехал сюда.

— По нескольким причинам, — начал, не спеша, Хобарт. — Во-первых, мне бы хотелось попросить выдачи беглеца от правосудия Логайи, некоего Законса, бывшего придворного колдуна.

— Не тот ли это парень, который пролетел над нашей территорией три дня назад?

— Наверно, тот. Выдашь?

— Он не у нас. Пересек границу и, возможно, приземлился дальше, в стране Маратай.

— Маратаи — ваши соседи? — пытаюсь рассортировать в голове все племена варваров по порядку, уточнил Хобарт.

— Наши извечные враги,— поправил Хурав.— Так что я не понимаю, как ты поймаешь своего колдуна.

— Я могу навестить главу маратаев,— предположил Хобарт.

— Нет! — жестко отрезал Хурав.

— Почему, нет?

— Они — наши враги. Ты — наш друг. Значит, они и твои враги. Это же очевидно. Если бы ты был их другом и, следовательно, нашим врагом,— я без вопросов убил бы тебя.

Хобарт вздохнул. Как ни старайся быть любезным с ханом, беседа все равно покатится в опасном направлении. Стоп, кажется, есть лазейка...

— А в настоящее время вы воюете с маратаями?

— Да, но не сражаемся.

— Как так?

— У них есть ружья. Мы давно предупреждали, что если они прибегнут к такому нечестному оружию, то мы откажемся вступать в бой. Они не обратили внимания на наш ультиматум.

— А у вас нет ружей?

— Одно или два. Взяли из любопытства. Моя гордость не позволяет использовать их.

Хобарт чувствовал, как внутри нарастает странное, почти радостное возбуждение.

— Знаешь, откуда у маратаев ружья? — подавшись вперед, спросил он.

— Говорят, их послали из Логайи, хотя я не понимаю, зачем королю Гордиусу совершать ужасную глупость и вооружать собственных врагов.

Хобарт чуть не ляпнул, что глупость короля Гордиуса заключается вовсе не в этом, но вовремя вспомнил, что дипломат выдает информацию только тогда, когда уверен в получении гораздо более ценных сведений взамен.

— Логайя — сильное королевство,— осторожно продолжил он,— но без сомнения обрадуется помощи со стороны таких прославленных воителей, как паратаи. А если вам нужна наша поддержка в войне с маратаями, то мы могли бы заключить взаимовыгодную сделку...

Хан тоже наклонился вперед, глаза его злобно сверкали.

— Принц Роллин, ты хочешь оскорбить меня? Разве не понятно, что меня унизит служба в качестве обычного наемника?

— Н-нет, ч-что ты, н-никаких оскорблений...

— Конечно,— добавил Хурав уже более расслабленным тоном,— если король Гордиус захочет послать мне подарок, то я буду должен отплатить за него, в том числе, услугами. Как пожелает король. Хотя... А как мы возобновим военные действия с таким лживым противником?

— Отлично, просто прекрасно,— быстро прервал его Хобарт,— считай, что все улажено. Я обсужу твоё предложение с Гордиусом. Кстати, не знаешь ли ты чего-нибудь о сбежавшем генерале, Воланосе?

— Ты говоришь о сыне хана маратаев? Он внезапно вернулся в родительский дом.

— Возможно, это он.

— Весьма вероятно; он, разумеется, логайнизировал собственное имя, пока жил у вас. Однако пойдем, наступило время ужина.

Хурав резко встал и прошел в другое отделение шатра. На первое подали баранину, в виде жаркого. Стол обслуживала парочка симпатичных пышнотелых молодых блондинок. Их основными украшениями были многочисленные бусы и еще какие-то штучки, мелодично позванивающие при каждом движении. Хурав указал рукой на девушек.

— Мои жены,— сообщил он с набитым ртом и сделал огромный глоток вина.— Какую ты выбираешь?

— *Что?*

— Какую ты выбираешь себе? Ты же не подумал, что я солгал, сказав, все мое — твое? Это ужасно обидело бы меня как хозяина.

— Я, э-э-э... Могу я решить чуть попозже, если ты не против?

— Как хочешь. При большом желании можешь взять обеих. Но хотелось бы, чтобы ты все-таки одну оставил, они мне очень нравятся.

На второе была баранина... отварная. Еще не так давно Хобарт думал, что попал в затруднительное положение с матримониальными планами семьи Ксирофи. Ха, он еще не знал, какие бывают *затруднительные положения!* Жизнь с прекрасной до жути Аргументдой казалась ему невыносимой, но со спутницей-дикаркой, которая в соответствии с правилами этого мира будет дикой на все сто процентов... Так, посмотрим, упоминание о том, что он женат или почти женат, его не спасет, так как Хурав совсем не

против полигамии. Если он совсем откажется от «дара», хан обидится и покарает его. Если он потребует...

Тем временем принесли третье — баранье фрикасе. Хурав во всех подробностях описывал стада своего племени, проблемы с волками и овцами, львами и верблюдами. Хобарт уже видеть не мог мясо, настолько объелся. Он поднимал бокал с лучшим вином Хурава одновременно с ханом, но старался лишь слегка пригубить его, тогда как хан потреблял выпивку огромными порциями.

Хурав обеими руками затолкал в рот последний кусок мяса и влил в себя целый бокал вина. Затем он наклонился к инженеру — они сидели по-турецки на ковриках напротив друг друга — и громко рыгнул. Хобарт хоть и не считал себя брезгливым, все же непроизвольно уклонился... от последствий. Хурав выглядел счастливым впервые с того момента, как Хобарт познакомился с ним.

— О-о-о, харашо вишла,— протяжно произнес он, неожиданно переходя на говор с немислимым акцентом.— Тфойа очерет, прынц.

Хобарт испуганно сообразил, что хан вдрызг напился. Он, в свою очередь, пошире открыл рот, напряг пищевод, но отрыжка не получилась.

— Учисс у мена,— выдал хан, затем снова приблизил грубое лицо к Хобарту и повторил... упражнение.

Хобарт снова попробовал, опять безрезультатно. Хурав нахмурился.

— Эта нэпрыстойно, нэ рыгат. Ты рыгай, быстро!

Хобарт безуспешно пытался следовать варварскому этикету.

— Не могу! — в конце концов чуть не заплакал он.

Злость Хурава уступила место ярости. Губы скривились в недоброй усмешке.

— Так ты отфечаш на гостэпрымсфо! Хочиш драца, да? Дафай!

Варвар вскочил на ноги — определенно он был из тех, чьи рефлексы не зависели от степени алкогольной интоксикации. У-у-уб! Он стремительно выхватил меч. Заметив нерешительность Хобарта, Хурав нагнулся и рывком поставил того на ноги.

— Фе-е-еа-а-акс! — кричал Хобарт, пока хан тащил его к выходу. Хурав развернул инженера лицом к себе и притянул поближе.

— Тот леф, да? Хо-хо! — и он перешел на крик.— *Адшар! Фруз! Йездек!*

— Фу, хан! Фу, хан! — ответила темнота, и в свете факелов материализовалось несколько мужчин. Он что-то грозно спросил у них, они ответили. Кто-то куда-то побежал. Послышался звон цепей и недовольный рык разбуженного Феакса. Рычание пере-

шло в бешеный рев, цепи звенели, но, по-видимому, предусмотрительные паратаи заковали льва надежно. Хурав победно взглянул на Хобарта, по-прежнему пытавшегося изобразить неправильно понятую невинность.

— У тебя нэт шшита? Я нэ буду брат сфой тожэ. Зачичайса! — крикнул хан. Он выставил назад левую руку, как немецкий фехтовальщик, и нетерпеливо топнул ногой. В его глазах отражалось желтое пламя факелов.

— Но... — умоляюще сказал Хобарт.

Уи-и-ить! Огромный клинок срезал клочок волос с головы незадачливого дипломата.

— Зачичайса или я фсе рафно упйю теба! — озверел Хурав.

Роллин Хобарт обнажил меч. Наверняка я погибну через несколько минут, подумал он, но клянусь богом этого орущего варвара, без боя не сдамся!

Оказалось, что умения не хватает обоим противникам. Хобарт прыгнул вперед, держа меч обеими руками. Клинки зазвенели друг о друга, Хобарт отскочил назад и отбил мощный выпад хана справа. От удара оружие чуть не вылетело из рук Хобарта. Оправившись, он обратил внимание на островок обнаженной кожи: рука Хурава, держащая меч, была защищена только перекладной рукоятки. Хобарт поднял клинок вверх и с силой рубанул им противника, послышался шлепок. Меч выпал из пальцев Хурава, и мужчина в изумлении уставился на свою правую руку. Ее задняя сторона быстро наливалась синевой, и только-то! Тут Хобарт осознал, что ударил плашмя. Однако нельзя было терять время. Дуэлянт поневоле, он двинул плоскостью лезвия Хурава по скуле. *Бам!* Хан покачнулся от удара и сел на песок. Он оглядывался вокруг, ничего не соображая, часто моргал и пытался что-то сказать. Затем медленно, с очевидным трудом поднялся, воздел перед собой руки в умоляющем жесте и прямо посмотрел в лицо победителя.

— Убей меня! — приказал он.

— С чего бы это? Я не хочу!

— Убей меня, говорю. Я слишком горд, чтобы жить после поражения в схватке.

— А-а-а, не глупи, Хурав! Это просто несчастный случай. На самом деле и битвы не должно было быть!

— Ты отказываешься? Хорошо.

Хурав пожал плечами и повернулся к одному из зрителей, они обменялись несколькими словами, и мужчина вытащил свой меч из ножен. Хурав опустился перед ним на колени, нагнул голову

и убрал волосы с мощной шеи. Хобарт в ужасе наблюдал за действиями хана. Паратай поплевал на руки, примерился, выбрал удобную позицию, и взмахнул мечом вверх... и вниз. Хобарт успел закрыть глаза до того, как лезвие встретилось с шеей, но вот заткнуть уши к несчастью он не смог. *Чак, фамп!*

Странный звук постепенно нарастал среди зрителей: звук хлюпающих носом мужчин. Слезы потоками лились в бороды варваров, пока они почтительно уносили тело, некогда бывшее Хуравом.

А теперь, думал Хобарт, что они сделают с ним теперь? Возможно, убьют, хотя вот уже несколько минут они позволяют ему спокойно стоять с оружием в руках. Внимание всех было приковано к группе, занятой убитым. Может, ему стоит попробовать раствориться в темноте? Стоп, кто-то должен освободить Феакса. Конечно, лев сам вызвался участвовать в путешествии, но нельзя же просто так бросить его... Он начал пробираться к тому месту, откуда ранее доносилось рычание Светского Льва. Его по-прежнему было слышно, правда, рык превратился в непрерывное ворчание. Однако не успел инженер пройти и десяти шагов, как грубые руки обхватили его сзади и поволокли обратно на площадку, освещенную факелами.

Казалось, все жители страны Паратай собрались поблизости, они кричали и размахивали опасными на вид предметами. Один из толпы повернулся и оказался нос к носу с перепуганным Хобартом.

— *Фез паретхи иш лок хан! Уш хан Паратен!* — прокричал он, и все подхватили.— *Уш хан Паратен!*

Несомненно, за убийство хана страны Паратай они требуют его немедленной смерти. Старикан с крючковатым носом в высокой войлочной шляпе с ушами пытался прорваться сквозь толпу к Хобарту. Когда ему это удалось, он обратился к инженеру на очень ломаном логайском:

— Они говорить ты новый хан.

— Я — кто?

— Ты новый хан, хан Паратай.

— Но... но, я *не хочу* быть вашим ханом! Все, что мне нужно...

— Плохо, ты не хочешь,— перебил старик безмятежным тоном.— Но слишком поздно. Ты бить Хурав, значит стать ханом все равно. Теперь мы *явзи*, приветствовать тебя!

И они осуществили это с бурным энтузиазмом. Хобарта усадили на щит и около часа таскали по всему лагерю, причем мужчины пели, женщины визжали и размахивали факелами, а дети громко орали. На все протесты инженера и просьбы позволить ему осво-

бодить льва никто не обращал внимания. Старик, оказавшийся единственным варваром, с которым можно было общаться, помимо безвременно ушедшего Хурава,— и тот пропал в суматохе.

По счастью пожилой варвар снова объявился, как только носильщики опустили щит с Хобартом перед палаткой хана, и сказал: «Ты нельзя сейчас уходить пока, паратай должны дать клятва верность!» И он возглавил длинную быстро растущую очередь. Каждый подходивший брал руку Хобарта и активно тряс, произнося при этом какие-то слова на паратайском. И так один за другим, один за другим. При рукопожатии с сотым паратайцем инженер ощутил нестерпимую боль в руке. К двухсотому — она распухла и покраснела, ноги уже почти не держали его. К трехсотому глаза остекленели, и он начал качаться от усталости. На пятисотом...

Он так и не понял, как же смог продержаться до конца. Наконец, чудо из чудес, стал заметен конец очереди. Хобарт кратко коснулся руки последнего мужчины, быстро отнял ладонь, опасаясь пожатия, и поблагодарил бога за то, что женщинам не надо приносить присягу наравне с мужчинами. Полумертвый, он повернулся к старику.

— Я... могу... уже... идти?

Мужчина кивнул.

— Как тебя зовут? — поинтересовался Хобарт.

— Саньеш, глава сотен семей.

— О'кей, Саньеш, я хочу видеть тебя завтра утром.

Затем инженер буквально ввалился в шатер... и кто-то вдруг подхватил его под руки с двух сторон. Хобарт попытался сопротивляться — неужели это убийцы? — но услышал женский смех и позвякивание украшений.

— Твои жены, хан,— раздался позади пронзительный голос Саньеша.— Теперь тебе нравится, да?

— Но я *не* хочу...

— Очень плохо, но ты бить Хурав, и они — твои. Ничего не изменить. Они — хорошая девочка, ты стараться не разочаровать их, ладно? Спокойной ночи.

Роллину Хобарту пришлось засунуть в рот собственный носовой платок, чтобы удержаться от крика.

10

Когда Хобарт проснулся, вдовы Хурава приготовили ему завтрак. Они безмолвно ждали, пока он закончит есть, однако их взгляды были красноречивее любых слов: «Чем ты недоволен,

милорд?» Что ж, пусть справляются со своим разочарованием самостоятельно. Даже если в душе он совсем не прочь...

Завтрак представлял собой рагу из различных внутренних органов и желез то ли овцы, то ли барана — может, того самого, чье мясо они съели вчера на ужин. Без сомнения, варварский рацион чертовски экономичен и одновременно содержит весь набор необходимых витаминов — но будь он проклят, если кто-нибудь заставит его полюбить такую диету.

Ну почему он все время попадает в одну и ту же ловушку? Его слишком легко заставить взвалить на себя ответственность, они копят, влекут за собой еще десятки обязанностей, и вот он уже замурован в этом безумном мире, и чем сильнее пытается вернуться обратно, в собственный дом и работу, тем дальше оказывается от намеченной цели. Но мог ли он хоть в какой-то момент поступить по-другому? Каждый раз, при попытке занять твердую позицию ему угрожали... то зубастый Феакс, то вооруженные до зубов варвары... И вот оно — новое обязательство!

Может, ему следовало бросить на произвол судьбы Феакса прошлой ночью? Но нет, он не смог бы, даже если бы захотел. Среди его недостатков никогда не числилось вероломство, а, кроме того, Светский Лев был приятным и забавным компаньоном.

Он вынужден смириться или уклониться от своего ханства. Поразмыслив, он решил, что в его теперешнем положении все не так уж плохо, возможно, появится даже шанс отыскать аскета Гомона с помощью собственной власти.

Он выгнал «жен» из шатра на время одевания, что сильно их озадачило, и отправился на поиски Феакса. Лев был обнаружен и освобожден от цепей, но по понятным причинам остался на сто процентов в мрачном настроении.

— Со мной плохо обращались,— после всех объяснений и извинений Хобарта продолжал ворчать Феакс, не поднимая глаз от земли.— Меня унижали. Я считал тебя своим другом, а ты позволил невежественным варварам связать меня, как свинью. Я потерял собственное достоинство!

— Феакс, перестань. Я чуть не умер вчера. Зато теперь все должно быть прекрасно. Послушай, если я покажу тебе фокус, ты перестанешь дуться? Например, встану на голову?

Пасть Феакса растянулась и принялась издавать те самые своеобразные звуки, которые заменяли льву смех.

— Принц, ты ужасно смешной! Все в порядке, я больше не сержусь.

И он понесся впереди Хобарта к палаткам, резвясь и играя, как щенок. Вскоре после возвращения Хобарта в ханский шатер, одна из блондинок объявила: «Жизда Саньеш Вез!» — без сомнения, имея в виду пожилого предводителя сотен семей. Сначала Хобарт принялся методично расспрашивать старика о правах и обязанностях хана. Информация о том, насколько больше последних по сравнению с первыми, привела его в состояние легкого шока. Может быть, если он останется с паратаями надолго, то научит их чему-нибудь вроде конституционного правительства? Нет, нет, нет! Роллин, опомнись! Ты должен быть начеку! К тому же, еще неизвестно, как отнесутся к этому неграмотные варвары...

Выяснилось, что первым делом новому хану надо набрать себе телохранителей из числа знатных семей племени, и они повсюду начнут следовать за ним. Зачем это нужно? О, с трудом объяснил Саньеш, хан всегда окружен телохранителями, таким образом всегда можно вычислить, кто тут хан. Однако советник Хобарта согласился с тем, что пока не стоит торопиться с выбором предложенных слуг.

— Что ты скажешь, если я предложу вторгнуться на территорию маратаев? — спросил Хобарт.

Не то чтобы Роллину Хобарту нравились вторжения в целом или как способ достижения личной цели в частности, но ему, похоже, не оставили другого выбора.

— А ружья? — вопросительно поднял седые брови Саньеш.

Хм, тут есть над чем подумать. К маратаям отвезли практически весь запас огнестрельного оружия Логайи, и благодаря расстоянию и неразвитости средств сообщения, для покупки достойного вооружения в других цивилизованных странах, например, в Пситорисе, потребуется вечность. Паратаи владели только холодным оружием, тогда как их противники обладали тем же самым *плюс* ружья. *Плюс*, весьма вероятно, магия Законса.

Хотя паратаи на вид казались очень воинственными, Хобарту приходилось слышать в Оролойе, как их и прочие племена варваров называли «непостоянными». Принимая во внимание местное соответствие описания и описываемой действительности, эта характеристика могла означать, что варваров можно заставить пойти один раз с устрашающими воплями в безрассудную атаку, но они дрогнут и побегут при первом же проявлении серьезного сопротивления. Если, конечно, их лидером не является Чингизхан Второй вместо Роллина Хобарта Первого.

Значит, перевес в оружии недостижим, а как насчет магии?

— В племени есть хоть один колдун или волшебник? — спросил Хобарт Саньеша.

— Были, — пожал плечами старик.

— Что значит «были»?

— Ну, был шаман и два помощника.

— И куда делись?

— Мертвы. Они осмелиться сказать: «Хурав, бейся с маратаями или заключи мир». Хурав оскорбился.

— Что в стране Паратай и по соседству нет ни одного хорошего мага?

— У иктепели есть лекарь, — немного подумав, сказал Саньеш. — Не очень хороший. Иктепели — грязные дикари, что они могут уметь.

Иктепели обитали довольно далеко от стоянки паратаев, поэтому Хобарт решил отложить делегацию к ним на завтра. Остаток дня он провел в попытках с помощью Саньеша выучить основы паратайского языка. Попытки явили собой практический пример того, что хороший инженер редко может быть хорошим лингвистом и наоборот. К вечеру он с трудом запомнил десяток слов, но ни на йоту не продвинулся в понимании тяжелой паратайской грамматики, в которой было почти столько же разных падежей, сколько самих существительных, а количество спряжений равнялось числу глаголов.

Вдовы, стремясь угодить новому хозяину и господину, приготовили ему экстраординарный ужин: барбекю из баранины. Хобарт быстро перекусил и вежливо избавился от Саньеша, которому очень хотелось посидеть, выпить и поболтать подольше. Затем он направился в спальное отделение шатра с надеждой лечь пораньше, чтобы выспаться к восходу солнца, — но с ужасом обнаружил там вдовушек, от призывных улыбок которых у него кровь застыла в жилах.

Он погрозил им пальцем.

— Девочки, идите своей дорогой!

Вдовы тупо уставились на него, потом та, что повыше ростом, Хваризуд, жалобно спросила: «*Виш ер унзен матх шалив гвирша?*»

— Все равно ничего не понимаю, так что нет нужды распинаться. Я собираюсь спать, окончательно и бесповоротно. Подвиньтесь хотя бы, пожалуйста.

— *А, бузд унзен Хан Шамзи уала?*

Хобарт уловил в вопросе намек на то, что с ним, может, не все в порядке... Он покраснел и грубо закричал: «Убирайтесь

отсюда!» Женщины поняли интонацию и поспешно удалились в полном испуге.

* * *

Саньеш, прищутив глаза, взглянул на яркое солнце, только что выскочившее из-за горизонта.

— Жав посылает нам сегодня жаркий день,— заметил он Хобарту.

Новость не обрадовала инженера, «жаркий день» означает пылающее небо, зной, расплавленный песок, духоту и прочие прелести. Хорошо еще он не напялил на себя шерстяной пиджак и жилет. Губы Хобарта сжались в тончайшую линию: проклятый мир. А, может, что-то не в порядке с ним самим? Неумение адаптироваться? Он не чувствовал себя здесь счастливым и пяти минут подряд, несмотря на все самые фантастические почести, к которым его принуждают местные жители. Ерунда! Он точно знает, чего хочет, и все тут!

— А кто такой Жав? — спросил Хобарт, чтобы отвлечься от печальных мыслей. Из-за акцента старика разговор с ним превращался в пытку, однако другие два паратая, Йездег и Фруз, временно исполняющие обязанности преданных телохранителей, вообще не говорили по-логайски. Хобарт взял их по рекомендации Саньеша, но старик потом как бы между делом добавил, что эта парочка дружила с Хуравом. Хотя они пока не предприняли ни единой попытки отомстить за прежнего хана, их присутствие нервировало Хобарта и он, на всякий случай, держал наготове мушкет.

— Господин всего,— ответил Саньеш.

— Реально существующий человек или некто, живущий на небесах?

— Он настоящий. Не жить в небо. Но хозяин всего: ты, я, лев, погода, вещи.

— Похоже на Разум, про который говорят в Логайе.

— Он и есть. Имя другое. Логайцы — невежды, не использовать правильное имя.

— Это вы, варвары, неве.. — тут же зарычал Феакс.

Хобарт быстро обернулся и знаком велел Светскому Льву замолчать. Он еще спрашивал про Разум-Жава. Похоже, тот занимал здесь положение, промежуточное между японским императором и иудейским Иеговой. Да, он жил в определенном месте — в пятидесяти пяти милях от границы страны Маратай. Да,

кто угодно мог встретиться с ним лично по поводу засухи или мора, хотя немногие осмеливались. На вопрос о том, почему бог-император соглашается обсуждать так мало проблем, Саньеш неопределенно пожал плечами и предположил, что Жав требует платы за свои услуги.

Они покинули песчаную страну паратаев и поехали по саванне, похожей на ту, где Хобарт охотился на бегемота, только гладкой, как столешница. Решили сделать часовой привал и отпустили лошадей пощипать травку. Феакс, свернувшись клубком, заснул.

Когда обжигающее солнце начало клониться к закату, они пересекли еще одну границу и оказались в некоем подобии пустыни. Ее устилала смесь красного песка и черных сферической формы камней. Присутствовала и растительность в виде кактусоподобных цилиндров, торчащих из песка аккуратными рядами через пятидесятифутовые интервалы. Из-за риска споткнуться о коварные круглые камни им пришлось спешиться и вести лошадей на поводу. Хобарт воспрял духом, когда Саньеш сообщил о близости водоема и указал на сверкание неподалеку. Роллин уже начал изнывать от жажды (поскольку запасы воды подходили к концу) и... от скуки.

— Ты уверен, что это не мираж? — уточнил инженер.

— Что такое «мираж»?

— Ну, как же, ты видишь воду, хотя на самом деле ее там нет. Худые плечи Саньеша приподнялись чуть не до ушей, настолько сильно он удивился.

— Нет, нет такой вещь в Паратай.

Наверно, он прав, размышлял Хобарт, ведь здесь все является именно тем, чем кажется. Саньеш сказал, что вода впереди относится к озеру Нитрит. Подъехав поближе, Хобарт убедился в том, что озеро существует и довольно большое — он не смог разглядеть противоположного берега.

— Могу видеть, — ответил Саньеш, когда Хобарт спросил его об этом. Очевидно, варвар обладал острым зрением.

— Если не видеть, значит, мы у моря, а не озеро, — глубоко-мысленно добавил он.

Кавалькада въехала на вершину незначительного холма, склон которого вел напрямик к озеру. Неожиданно Хобарт увидел множество человеческих фигурок цвета высококачественного сливочного масла. Люди тоже их заметили, и когда лошади начали спускаться к воде, быстро-быстро забегали, как растревоженные муравьи. До ушей Хобарта доносились тонкие короткие вскрики.

Варвар по имени Фруз указал на человечков и что-то произнес.

— Он сказать: надо торопиться, иктепели убежать,— перевел Саньеш.

Они пришпорили лошадей, но еще задолго до того, как спутники добрались до кромки воды, желтокожие дикари расселись по каноэ и стремительно понеслись по спокойной глади озера. Фруз и Йездег выкрикнули какие-то проклятья, когда лодки исчезли на золотой дорожке, прочерченной по воде заходящим солнцем.

— Не очень-то они нам доверяют,— прокомментировал ситуацию Хобарт.

Саньеш презрительно плюнул в сторону сбежавших.

— Беспольный создания, годится только для спортивных охот.

Если варвары и вправду убивали бедных иктепели ради забавы, то ожидать радушного приема было, по меньшей мере, странно. Но тут же Хобарт вспомнил о данном самому себе обещании не влезать в мораль и нравственность местных жителей.

— Что нам делать теперь? — устало спросил он.

— Найти место для спать. Солнце скоро садиться. Рыбюеды вернутся,— ответил крючконосый советник.

— Когда?

— Может, завтра, может, нет. Никто не знает.— Старик опять пожал плечами: для него время не имело значения.

В основании песчаного откоса виднелось несколько черных дыр, очевидно, они вели в пещеры, в которых обитали дикари. Хан Роллин без особого энтузиазма исследовал некоторые из них. В пещерах стоял сильный запах недавних жильцов, повсюду валялись примитивные орудия труда и охоты: деревянные копыя, гребни из рыбных костей и прочее. Полуденное солнце нагрело их, как в раскаленной духовке.

— Взгляни, хан,— позвал Саньеш. Он указал на кусок кожи, по-видимому, закрывавший вход в особенную пещеру. Отодвинув кожаную занавеску, спутники почувствовали на лицах дуновение прохладного ветерка и одновременно исторгли возглас радости по этому поводу. Вдоль пещеры в полу была пробита то ли канавка, то ли желобок, она исчезала снаружи в песке. По канавке текла тоненькая струйка воды.

— Здесь хорошо спать,— сказал Саньеш. Пока он говорил, свет солнца начал гаснуть и пропал, как будто его выключили. Мгновенно стало слишком темно для продолжения поисков, поэтому все согласилось с предложением Саньеша.

Феакс вызвался постоять на часах, и Фруз с Йездегом впервые одарили зверя дружелюбными взглядами. Люди расположились

на полу прохладной пещеры с максимально возможным комфортом и заснули, как убитые.

11

Свет и шум разбудили Роллина Хобарта; солнце проникло в пещеру вместе с головой Феакса, сдвинувшей занавеску, она же (ушастая морда) и «шумела» низким голосом:

— Желтые люди вернулись, принц! Вставай!

Разбуженные паратаи, позевывая, выбрались из страны снов.

— Чем они занимаются? — спросил льва Хобарт. Ощущения в полости рта настоятельно требовали вмешательства зубной щетки. Лев оглянулся.

— Пришло много маленьких лодок. Один желтый человек спрыгнул в воду и выбрался на берег. Хочешь, я убью его?

— Нет, нет! Я хочу поговорить с ним.

Хобарт поднялся и полностью откинул кожаную занавеску от входа в прохладное убежище. Многочисленные каноэ иктепели выстроились в ряд в нескольких ярдах¹ от берега. Они были набиты дикарями, не проявлявшими никаких признаков враждебности. По пляжу спокойно шел приземистый, среднего возраста мужчина с лицом, похожим на морщинистый овальный бутерброд с маслом, и длинными сальными волосами. На его шее болтался череп какого-то мелкого животного, в носу красовалась кость, одежды он и вовсе не имел. Заметив группу у пещеры, он провыл что-то высоким голосом и встал на четвереньки. В такой необычной позе он продолжил движение по направлению к ним, всем своим видом демонстрируя полное смирение.

Йездег плюнул себе под ноги и ткнул пальцем в Хобарта.

— *Миавам хан Паратен ирз заматх варалив Логайаг ворара маф а гвари!* — сказал он.

Ползущий мужчина поднял голову, из его глаз потихоньку начала уходить безнадежность.

— Вы хотите поговорить со мной на логайском? — бегло спросил он.

— Оп-па,— удивился Хобарт.— Встань, человек, я не причиню тебе вреда!

— Я умоляю не обижать моих людей, мы никогда не вредили паратаям... — начал мужчина, поднимаясь.

---

¹ Ярд равен 91,5 см.

— Хорошо, хорошо, скажи им, пусть высаживаются на берег. Если они не тронут нас — мы не тронем их.

Дикарь отвернулся и отдал команду людям в лодках. Каноэ осторожно пристали к берегу, и пассажиры всех возрастов и размеров робко выбрались на песок. Каждый пытался спрятаться за спиной соседа. Их общей чертой была ужасающая худоба. Поскольку сведущий в логайском мужчина выглядел гораздо более упитанным, Хобарт предположил, что он и есть главарь.

— Мы приехали к лекарю иктепели.

— Зачем он вам?

— Есть дело; я думаю, он сможет помочь нам.

— Это я, меня зовут Кай.

— Чудненько! Как...

— *Мизам Жав!* — закричал Фруз. Он указывал внутрь пещеры. Поток солнечных лучей беспрепятственно проник вглубь, и открыл взгляду картину, от которой у Хобарта все похолодело внутри: у дальней стены стояли ледяные глыбы, внутри которых явственно виднелись тела людей с ярко-красной кожей.

— Что это такое? Похоронное бюро? — спросил Хобарт.

— Нет, продовольственный склад, — индифферентно ответил Кай.

— Э-э-э...

— Они — румаци, убитые во время сражения в этом году.

— То есть вы...

— Ты не знал? Ежегодно зимой мы запасаем лед из озера, а весной вызываем румаци на битву. Они живут на другом берегу. Все по чести: одинаковое количество людей, одно и то же оружие. Мы забираем их убитых себе, а они наших. Правда, отличная идея?

— Я так не думаю, — с трудом выдавил из себя Хобарт.

— А что нам еще делать? Много людей — мало рыбы, мы голодаем, румаци голодают. Если все равно надо убивать, то почему не получить удовольствие от этого?

— Может, у меня и предвзятое мнение, но ваш способ решения проблемы кажется мне жутким.

Кай развел руками.

— Тебе нравятся битвы кочевников, после которых тела валяются на земле? Мы считаем это отвратительным, грязным делом — убивать людей без хорошей на то причины!

— Что ж, ешь хоть свою бабушку, мне все равно. А теперь...

От ужаса Кай выпучил глаза и открыл рот.

— Ты велишь мне съесть одного из нашего рода? Это же *каннибализм!* Поедание *людей!* Мы едим только румацы, а они — нас. И всегда аккуратно следим, чтобы трупы не путались. У вас, варваров, всегда в головах какие-то большие идеи!

— Ладно, ладно, забудь! Нам нужна помощь сведущего мага для борьбы с врагами, маратаями...

— Только не я! — прервал его Кай. — Это не моя война! Наш бедный народ и так имеет постоянные проблемы с паратаями, еще не хватало натравить на нас маратаев. К тому же я — не слишком опытный колдун. Я — простой голодный иктепели, знающий несколько фокусов для защиты себя и своего несчастного народа!

— Какие у тебя проблемы с моими людьми?

— Ты не покараешь нас, если скажу? — с опаской глядя на спутников Хобарта, спросил Кай.

— Конечно, нет!

— Ты обещал! Все равно ты не сможешь поймать меня, я исчезну — фюить и нет. Но мои люди этого не умеют. Хочешь знать, в чем дело? Что ты называешь проблемами? По-твоему, можно считать проблемой ситуацию, когда твои люди верхом на лошадях неожиданно появляются и забирают наши каноэ на дрова для костра?

— Да, вполне, — честно ответил Хобарт.

— А когда они забирают нашу единственную сеть, которую надо плести целый год, и нам приходится ловить рыбу копьями?

— Несомненно.

Кай выпрямился во весь рост, в гневе он перестал походить на побитую собаку.

— Как насчет насилия над нашими женщинами, прямо здесь на берегу, на глазах у всего племени? Это ли не «проблема» — убийство мужей, пытающихся защитить своих жен и дочерей? Трое мужчин, дай-ка вспомнить, были уничтожены дней пятнадцать тому назад. Остальные спаслись потому, что быстро убежали. Одного мы нашли четыре дня назад с паратайской стрелой в груди. Кто-то из твоих людей, видимо, здорово повеселился. Ну, что ты скажешь теперь, хан?

К этому моменту Хобарт достиг примерно той же степени возмущения, что и лекарь иктепели.

— Я положу издевательствам над вами конец, скоро. А... ты согласишься помочь? — с надеждой спросил он.

Кай открыто посмотрел Хобарту прямо в глаза.

— Если ты сумеешь остановить охоту паратаев на нас, обещаю помочь. Только вот как у тебя это получится? Их гордыня непомерна.

— Сделаю, что смогу. За оскорбление, нанесенное членам твоего племени, я буду карать так же строго, как если бы вы были частью моего народа. А твои магические способности и, правда, плохи, или ты это просто так сказал, чтобы отвязаться?

— Я, действительно, не самый лучший колдун в округе, но постараюсь так же, как и ты. Возможно, я знаю чуточку больше, чем просто несколько фокусов.

— Например?

— Не скажу. Вроде секрета фирмы, да, ха-ха?

— Ха-ха два раза,— улыбнулся Хобарт.— Ты бы лучше продемонстрировал хоть что-нибудь.

— Хорошо.

Кай обратил лицо к ясному голубому небу, раскинул в стороны руки ладонями вверх и начал завывать:

Марекула эроманга,
Саваайи уполу!
Маалаеа топанга
Нукунана кандаву,
Паг паго оамару!

На расстоянии около ста футов сформировалось маленькое облако; сначала оно походило на обыкновенный сгусток пара, потом стремительно разбухло и налилось цветом, как миниатюрная гроздовая тучка. Завывания Кая слились в неразборчивый вопль, и он громко хлопнул в ладоши. Из тучки немедленно полились тоненькие струи дождя, между струйками была заметна темная субстанция, серпантинном устремившаяся в озеро. Через две или три минуты она достигла гладкой поверхности воды, и в этом месте образовалась воронка пятидесяти футов в диаметре. Кай дважды хлопнул в ладоши, и дождь мгновенно прекратился. К тому моменту, как последние капли упали в воду, незаметно рассеялась и сама тучка. Довольный собой иктепели повернулся к Хобарту с хитрой улыбкой.

— Как тебе мой маленький фокус?

— Впечатляет. Сколько времени тебе нужно, чтобы собрать свои вещи и отправиться с нами?

— Мне пойти с тобой? Нет, только не это. Я боюсь паратаев, и я нужен своему народу. Лучше так! — он снял ожерелье с чере-

пом мелкого грызуна и повесил его на шею инженера.— Когда я тебе понадобится — возьми в руки череп и потри его. Только не сильно, а то сломается. Я сразу приду — уить и готово! Учти, можешь звать меня только три раза, потом ожерелье перестает работать.

— Что ж... — с сомнением начал Хобарт.

— Не беспокойся — приду, как только позовешь! Я не могу оставить свой народ совсем без защиты.

Внезапно Кай напрягся, в глазах появилось отсутствующее выражение, он вытащил несколько костяных осколков из пучка собранных на макушке волос, подбросил в воздух и внимательно проследил, как они падали на землю.

— Ха! — вскричал он с вызовом.— Теперь, хан, твоя очередь показывать, на что ты способен. Мой волшебный фокус в обмен на твое правосудие. Один из паратаев только что убил бедную маленькую иктепели!

— *Что?* — Хобарт в ярости огляделся и не обнаружил поблизости Йездега.

— Да. Он забрал жену Аао. Мы считаем насилие над чужой женой самым мерзким преступлением. В последний раз, когда это случилось, еще во времена моего отца, мы отдали провинившегося румаци на съедение. Более того, жена Аао сопротивлялась твоему человеку, он разозлился и убил ее. Как ты покараешь его?

— *Фью!* — разочарованно присвистнул Хобарт. Как всегда, только он собирался расслабиться, думая, что дело в шляпе, госпожа удача немедленно отвернулась от него. В этот раз судьба подготовила ему особенно заковыристую ловушку — казнь собственного подданного в начале карьеры. Он повернулся к Саньешу: «Не мог бы ты...», однако, увидев ледяное выражение глаз старика, остановился. Только самому себе он мог доверить поиск Йездега, беспристрастное расследование обстоятельств преступления и вынесение приговора.

Хобарт подобрал мушкет. «Пошли!» — сказал он своим спутникам и к их огромному неудовольствию двинулся в сторону лошадей, находящихся под присмотром Феакса. Слабая надежда на то, что Кай ошибся, и Йездег отошел ненадолго по своим делам, пропала, как только была обнаружена пропажа одной из лошадей. Иктепели бросились к своим каноэ, стараясь как можно дальше держаться от компании Хобарта, один только Кай неторопливо шел сзади, засовывая кости обратно в волосы.

— Может, поедешь с нами и проследишь за происходящим? — предложил Хобарт.

Кай упрямо покачал головой, и Хобарт, уловивший взгляды Саньеша и Фруза, сконцентрированные на лекаре, не мог винить его за это.

— Кости все расскажут мне, хан! — пояснил Кай.

Хобарт сел на свою кобылу и поехал вверх по склону озера. Окинув взглядом плоскую, утыканную кактусами пустыню, он немедленно обнаружил всадника, неторопливо едущего в их сторону на желтой лошади. Без сомнения, это был Йездег.

Позади него Фруз и Саньеш негромко обменялись несколькими фразами. От их разговора, в котором Хобарт не понял ни слова, у него почему-то мурашки побежали по спине. Довольно трудно убить человека, не рискуя навлечь на себя недовольство его друзей. Оба паратая, похоже, думали в том же направлении, поскольку Саньеш резко сказал:

— Хан! Я слышать твой разговор с дикарем. Нельзя стрелять Йездега из-за такой ерунды! Фруз думать так же.

— Почему вы так уверены в его виновности? — спросил Хобарт.

— О, дикарь знать. А если, правда? Это не преступление — убивать бесполезный рыбоед, все так делать. Они же не такие, как мы — настоящий люди.

Подобного высказывания как раз не хватало Хобарту, чтобы взорваться.

— С этого дня они приравниваются к нам. Я заключил соглашение. Ты слышал? — заорал он.

— Но, хан! — настаивал Саньеш. — Если она нормальный, почему не вести себя как все? Настоящая паратайский жена *никогда* не ходит голая, если не хотеть мужчина. Раз дикари, как мы, значит, она искать мужчину, и сама виновата! Сказать паратаю: «Возьми!», а затем внезапно ударить — оскорбление. Если же они не настоящий — тогда не за что и карать.

— Значит так, новый закон паратаев гласит, что иктелели, в одежде или без нее, считаются обычными людьми и вести себя с ними надо соответственно Я, ваш хан, так решил! — с нажимом произнес Хобарт.

Однако варвары не собирались так быстро сдаваться.

— Не быть такого закона, когда Йездег взял ее. Нельзя карать человека за нарушение закон, который никто никогда не слышать! — аргументированно ответил Саньеш.

Тут он был абсолютно прав. В конституции США существует даже специальный пункт о недопустимости применения законов

*ex post facto*¹. Кроме того, Саньеш и Фруз уже успели положить руки на рукоятки мечей: старик как бы вынужденно, а юный «верный телохранитель» — дерзко и вызывающе. Если он и успеет пристрелить одного, выжившие — уж будьте покойны! — не дадут ему шанса перезарядить мушкет.

Йездег подъехал уже достаточно близко для окрика, солнце сияло в его желтых волосах. Он мурлыкал себе под нос милую песенку и выглядел как самый беззаботный на свете человек, аккуратно протирая окровавленный нож маленьким кусочком кожи. Другие два паратая напряженно следили за Хобартом. Но он только заметил: «Пора домой, мальчики!» и продолжил путь. Некоторое время все ехали молча, затем Хобарт перестроился поближе к Саньешу.

— Я хочу знать кое-что о законах паратаев. У вас есть право на самозащиту?

— Так и есть, — недружелюбно ответил советник.

— Как насчет дуэлей?

— Иногда случаться. Если честный бой: оружие и все такое одинаковый, преступления нет. Если есть большой преимущество, как ружье, считается убийством. Семья убитый может на собрании племени требовать разрешения убить тебя.

— Какова ответственность за заказное убийство?

— Что это значит?

— Представь, один человек скажет другому убить третьего. Кто тогда виноват?

— Каждый убийца наполовину. Мы тогда наполовину убивать оба.

— Как такое может быть? — спросил Хобарт, заинтригованный помимо собственной воли.

— Легко; отрубать головы не до конца.

Хобарт немедленно отказался от идеи натравить Феакса на Йездега. Насколько ему было известно, последствия полного и половинчатого отрубания головы для любого живого существа одинаковы — смерть. Надо бы найти другой, менее прямой метод устранения провинившегося паратая.

Конечно, Хобарту вовсе не хотелось убивать ни Йездега, ни кого еще, хотя поведение юного варвара было ему отвратительно. Но ведь он же обещал Гордиусу и Каю тоже...

— К черту все обещания! — вырвалось у него.

---

¹ К нарушениям этих законов, совершенным до их вступления в силу.

Некоторое время после этих слов он ехал, глубоко погруженный в размышления. Потом подозвал Саньеша.

— Скажи Йездегу, что для убийства женщины не надо много смелости.

Саньеш подозрительно взглянул на хана, но фразу перевел. Йездег сильно удивился, а потом разразился длинной тирадой.

— Он сказать, он очень храбрый — убивать много маратай, — интерпретировал Саньеш.

— Не видел пока ни одного убитого им маратай, зато насчет женщины точно уверен.

Снова последовал обмен репликами на паратайском

— Говорить, настоящих женщин не убивал, только грязный рыбоед, — сообщил Саньеш.

— Значит, он способен исключительно на убийство бедной женщины-дикарки, — миролюбиво согласился Хобарт.

В этот раз Йездег сильно помрачнел.

— Говорить, смелости достаточно и для рыбоед, и для женщин, и для мужчин, и вообще для всех, — объявил старик.

— Может, и так. Но что-то я не вижу тут убитых мужчин или женщин, один труп дикаря есть, к тому же женщины.

Когда до Йездега дошли слова хана, он вспыхнул от ярости. Выпрямившись во весь рост, он заорал на старика. Тот растерялся, долго подбирал слова, а затем сказал Хобарту:

— Ты оскорбить его.

— Вовсе нет, — запротестовал Хобарт. — Я просто перечислил некоторые факты. Разве ты не согласен с тем, что я, во-первых, не видел ни одного убитого им маратай, а, во-вторых, поскольку он убил женщину племени иктепели, значит, на это у него и хватает смелости?

— Согласен, — неохотно ответил старик.

На этот раз Йездег совершенно вышел из себя. Он кричал, топал ногами, брызгал слюной и хватался за меч. Хобарт достал зажигалку и неторопливо поджег запал мушкета.

— Ты согласен, Саньеш, с тем, что я сам не атаковал Йездега, и если он бросится на меня, я имею право пристрелить его в качестве самообороны? — как можно более спокойнее спросил он.

— Согласен, — пробормотал сбитый с толку советник.

— Спроси и Фруза.

Фруз немедленно согласился — суть ссоры он уже давно упустил. Йездег продолжал выкрикивать угрозы.

— Говорить, хотеть драка с тобой. Но ружье против меча нечестно,— перевел Саньеш.

— Гм-м-м,— заколебался Хобарт. Драка с Йездегом на мечах была последним, чего бы он хотел в своей жизни — взбешенный варвар, наверняка, превратит его в фарш.— Скажи ему, что если он настолько храбр, чтобы убить женщину-дикарку...

Его прервал очередной словесный поток Йездега, который, видимо, стал особенно чувствителен к словосочетанию «женщина-дикарка».

— Говорить, на мечах тоже нечестно. Ты победил Хурав, а тот лучший фехтовальщик быть. Значит, ты еще лучше — слишком сильный для Йездега,— сказал Старик.

Ура! Опасения Йездега давали Хобарту передышку. Что бы такое предложить? Борьбу голыми руками? Взгляд на массивные плечи варвара мгновенно уничтожил эту идею. Бокс? Вряд ли несколько раундов приведут к фатальному исходу... На самом деле, как и большинство специалистов умственного труда, Хобарт не пускал в ход кулаки с момента своего совершеннолетия, но как все среднестатистические американцы был уверен, что является прирожденным боксером.

В размышлениях о боксе он рассеянно смотрел на поверхность красно-черной пустыни. А что, если...

— Скажи ему,— обратился Хобарт к Саньешу,— чтобы борьба была честной, раз уж он так настаивает, мы сразимся камнями.

Йездегу, похоже, было все равно. Он дошел до такого состояния, что согласился бы и на драку хлопущками в телефонной будке. Они оба спешили.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, принц,— недовольно прорычал Феакс.— Хочешь, я...

— Нет. Саньеш и ты, Фруз, вы согласны, что оскорбление есть, по сути, ложное высказывание, а раз я говорил только правду, то не оскорбил Йездега?

— Ну, он говорил... я не знать...

— Слова могут быть либо оскорбительными, либо нет, разве не так? — радостно заключил Хобарт. Всадники мрачно кивнули.

— И что Йездег вынудил меня, чуть ли не силой, принять этот бой? — продолжил Хобарт.— И что я сделал все возможное, чтобы уравнивать наши шансы? И что бы ни случилось, я не нарушил ни один из законов или обычаев паратаев?

Саньешу пришлось согласиться со всеми высказываниями Хобарта вместе и с каждым в отдельности. Соперники собрали по

кучке черных округлых камней и встали на расстоянии тридцати футов друг от друга. В качестве разминки Хобарт поразмахивал в разные стороны рукой, не державшей бейсбольного мяча со времен колледжа. Йездег неуклюже пытался симитировать эти движения. Наконец, они замерли с зажатými в кулаках камнями.

— *Йихи!* — дал команду Саньеш, исполняющий обязанности судьи.

Первый камень Йездег бросил снизу вверх и, похоже, наобум. Хобарт проигнорировал бросок, взмахнул обеими руками вперед и вверх, затем правая пошла вниз, назад и снова вперед, имитируя бросок змеи. Камень просвистел рядом с правым ухом Йездега. Второй бросок варвара был еще хуже первого, и он спешно наклонился к кучке, чтобы пополнить запасы. Хобарт подождал, пока Йездег начнет выпрямляться, прикинул, где будет его голова, и выпустил снаряд. Лоб и камень сошлись в одной точке. *Кранч!*

Они похоронили Йездега в пустыне, очень быстро, пока труп не начал разлагаться на жаре. Кости Кая, если ему вздумается проконсультироваться с ними, теперь дадут желанный ответ.

Хобарт снова взобрался в седло, скрывая по возможности, что потянул руку во время одного из бросков. Саньеш и Фруз последовали за ним, выражение опасливого благоговения не сходило с их лиц. Отрядик медленно тронулся в путь.

— Эй, принц, в чем дело? — спросил лев, заметив поникшую голову приятеля. — У тебя все получается, но выглядишь ты все грустнее! Хочешь фокус? Смотри!

И лев выполнил подряд три сальто вперед. Хобарт заставил себя улыбнуться.

— Спасибо, старина, но если бы мне хотелось повеселиться, то от своего теперешнего положения я бы точно пришел в восторг. Если хочешь поднять мне настроение, придумай, как я могу поэффектнее, на все сто процентов провалиться!

12

Проводив Хобарта до входа в ханский шатер, его спутники засобирались по домам.

— Стой, Саньеш, еще есть дела! — окрикнул старика инженер.

— Какие? — обернулся тот. Хобарт жестом позвал его внутрь шатра.

— Саньеш, я хочу прямо сейчас затеять небольшую заварушку с маратаями.

— Война! — вскричал Саньеш, подпрыгнул и схватился за меч. Хобарт сначала встревожился, но затем символический смысл необычных действий старца дошел до него.

— Война! Ха! Руби! Бей! Стреляй! Убивай много маратай! Гр-р-р.

Воодушевление так же внезапно покинуло морщинистое лицо, как и появилось, Саньеш теперь выглядел опустошенным.

— Но хан, ты не можешь начать война сейчас! Надо собрать люди, вызвать командующих, планировать битва!

— И сколько времени уйдет на все это?

— Пять-шесть дней.

— Ну, пустяки какие.

— Ух, если ты не иметь в виду «прямо сейчас», зачем сказать «прямо сейчас»? — заворчал Саньеш, усаживаясь обратно на пол. — Я тут разволноваться зря. Хочешь честная война?

Вопрос озадачил Хобарта.

— Да, полагаю так, — неопределенно ответил он.

— Хорошо.

Саньеш подошел к выходу и крикнул в темноту. Немедленно появился щеголеватый молодой варвар; Хобарт решил, что он был подобием адъютанта. Саньеш поговорил с ним на паратайском.

— Сколько человек ты хотеть взять? — повернувшись к инженеру, спросил он.

— А сколько можно собрать?

— Двенадцать тысяч четыреста девять, — четко отрапортовал старик.

— О'кей, берем всех.

Саньеш присвистнул.

— Зачем сказать «небольшой война», когда планируешь большой, а? Ты ужасно трудный хан для понимать. Я думал о маленький битва, по сотне с каждой стороны.

— Нет, я ставлю на кон все. Но что ты имел в виду, говоря о маленькой битве на двести человек? Неужели у вас каждый имеет номер, как в игре?

— Конечно, все это знают!

Хобарт восхищенно покачал головой.

— Преимущества такого способа мне понятны: вы все устраиваете, чтобы избежать лишней крови.

— Нет, не в том дело, — с видимым удовольствием принялся объяснять Саньеш. — Храбрый паратай не бояться смерти и даже

при большой война немногие гибнут. Просто не... неудобно так много уводить, когда ягнята рождаются и все такое.

— Рад слышать, что войны здесь не ведут к многочисленным жертвам, но как вам удается этого добиться при всей вашей храбрости?

— Хан, смотри сюда,— с выражением учителя, объясняющего, что дважды два равняется четырем умственно отсталому ребенку, сказал Саньеш.— Вот здесь стоит группа мужчин, например, мы, да? Хорошо. Группа должен сражаться в строю, да? Не может сражаться, если все, ну, перепутанный, что ли. Хорошо. Битва начаться. Люди падать, прятаться. Один или два убит. Группа не в строю, сражаться не может, потому — убежать. Ведь не трусость бежать, когда не можешь биться, нет?

Хобарт пожалел о том, что для облегчения мук совести все армии в истории, бежавшие с поля боя при первом натиске врага, не руководствовались логикой Саньеша.

Затем они перешли к практической стороне организации кампании. Старик углем нарисовал на куске кожи весьма грубую карту местности и указал несколько возможных направлений для атаки.

— Если честно, я не знаю. А тебе какое кажется лучшим? — спросил Хобарт.

Саньеш немедленно ткнул в кратчайший путь в страну мара-таев. Хобарт пожал плечами.

— Ладно, как скажешь,— внешне согласился он. На самом деле ему более предпочтительным казался кружной маршрут, но поскольку руководить затеей в полную силу он не мог, то решил пока не препираться с Саньешем.

Следующий шок постиг Хобарта на другой день, когда он мирно сидел на лошади и наблюдал за сбором войск.

— Скажи, Саньеш, а кем был тот молодой человек, который присутствовал на нашем вчерашнем совете? Что-то я его не вижу,— просто так спросил он.

— Он — герольд. Уехать предупредить мара-тай,— будничным тоном ответил старик.

— *Что?*

— Я сказать, он уехать к мара-тай объяснить, когда и где мы нападать, и как.

— О боже! Так он предатель или шпион?

— Нет, нет, что ты, хан! Ты сам говорить о честной война. Хорошо. Когда все по честный, надо послать герольда к враг, договориться о месте битвы. Просто, да?

— Чертовски просто,— простонал Хобарт.— Слушай, а мы не можем изменить планы и перейти к нечестной войне?

— Нет, нельзя,— спокойно ответил Саньеш.

— Почему, черт возьми, нельзя?

— Приказы уже отданы — готовиться к честной война, через пять дней в долине Ужгенд. А ты хочешь изменить. Надо отменять приказы. Понадобиться дни, чтобы все вернуть, как было, затем еще шесть дней для подготовка к нечестной война. И мы опоздать в долину Ужгенд. Если мы не придти, маратай оскорбиться, скажут, мы предать их. Тогда они напасть на нас без предупреждения. Видишь, хан, нельзя.

Хобарт спорил, но старик был непреклонен. Из его объяснения выходило, что сразу подготовиться можно либо к честной, либо к нечестной войне. Способы подготовки различаются в каждом случае, поэтому невозможно сначала выбрать одно, а потом неожиданно перейти к другому. Для этого надо вернуться в исходное состояние и все переподготовить.

Хобарт временно сдался, но всю ночь думал, как переубедить Саньеша. Кое-какие идеи появились. Утром оказалось, что свыше двух тысяч человек мобилизовано и вооружено. Хобарт вызвал советника.

— Скажи им, пусть возьмут одеяла и еды на двадцать четыре часа, будет тренировочный переход на целые сутки.

— Хорошо,— ответил Саньеш и перевел приказ.

Войско выступило в полдень. Оно состояло из пехоты (крепкие парни в количестве восемьсот сорока одного человека с копьями двадцати футов длиной) и всадников (все остальные). Для Хобарта день прошел довольно скучно, и он неустанно благодарил звезды за то, что не выбрал карьеру профессионального военного и ему не надо переживать такую скуку слишком часто. За час до заката они достигли места, где привычный желтый песок резко уступал место белому. Вдоль демаркационной линии стоял длинный ряд небольших обелисков, уходящий вдаль. Войско, нарушив ряды, столпилось вдоль линии.

— В чем дело, Саньеш? — рассердился Хобарт.

— Граница страны маратаев,— ответил старик.

— Я понял, но почему армия остановилась?

— Ты сказать — это тренировочный поход, не вторжение, хан.

— Ну, ладно, допустим, сказал. Но я подумал, если продолжить путь, то поздно ночью мы доберемся до столицы маратаев и удивим их...

— Невозможно, хан. Нельзя начать честный война, а в середине перейти к нечестный.

— Наплевать! — заорал Хобарт.— Просто скажи им двигаться вперед. Это приказ!

Саньеш сильно расстроился, но приказ командирам перевел. Они расстроились еще больше, но довели его до сведения своих людей. Однако армия осталась стоять на месте, кипя негодованием и выкрикивая сердитые слова. Потом небольшая группка мужчин отделилась от войска и направилась в сторону дома.

— Эй! Что это такое? Мятеж? — крикнул Хобарт.

— Они дезертировать. Говорить, ты обмануть их. Не нравиться лживый хан. Я тоже скоро уходить, так и знай.

— Скажи им, что я передумал.

— Никакой разницы. Переменчивый хан тоже не нравиться. Хобарт побагровел от гнева, но капитулировал.

— О'кей. Скажи им, я просто пошутил, ладно? Я юморист, разве не похоже? — скрепя сердце, сказал он.

Саньеш удивленно уставился на Хобарта.

— Ты веселый человек? Хорошо! Прекрасно! Паратаи любить шутки.

Он приподнялся в седле и крикнул: «*Гии!*» Дезертиры медленно повернули обратно, возникла небольшая суета, а затем солдаты начали улыбаться и даже смеяться. Несколько человек подошли к Хобарту, смеясь вовсю, одобрительно хлопнули его по спине и произнесли что-то на паратайском. Затем неожиданно схватили его за руки, скрестили их за спиной и связали запястья. Кто-то достал веревку с петлей на конце, ее одели Хобарту на шею, а другой конец перекинули через ветку вполне подходящего для процедуры повешения дерева с колючками.

— Эй! — взвизгнул Роллин Хобарт.— Что вы задумали?

Ответа не последовало. Солдаты, все еще смеясь, затянули петлю, несколько особо мощных пехотинцев ухватились за свободный конец веревки. Хобарт с ужасающей ясностью понял, что вот сейчас они подстегнут лошадь, та тронется с места, а он останется висеть! На его протестующие вопли никто не обращал никакого внимания.

Цмак! Чья-то подлая рука опустилась на круп лошади. Она рванулась вперед. Хобарт собрался с духом, ожидая конца. Веревка натянулась, дернулась... перелетела через ветку и потащилась по земле за связанным седоком. Сбоку подскакал кавалерист и схватил поводья лошади Хобарта, другой развязал ему руки. Ког-

да инженер, наконец, заставил себя обернуться, то увидел, что вся армия заходится от смеха, обессиленные всадники падали с лошадей и катались по земле.

— Саньеш! Что это было? — с трудом проговорил Хобарт.

— Э-хе-хе-хе-хе! — ревел старик, его папаха сползла на сторону от безудержного веселья. — Любить шутки, да? Ха-ха-ха-хо-хо-ох-хо-о-о!

Хобарт решил промолчать, пока с ним не случилось чего похуже. Зря старался. Как только он слез с лошади, сильные руки подхватили его и бросили на растянутое одеяло. Ткань спружинила не без помощи державших, и инженер устремился в небо. И снова — все выше и выше. Он молотил в воздухе конечностями, стараясь не упасть вниз головой и вспоминая, что многие именно так сломали себе шею. Вверх-вниз-вверх-вниз — к тому моменту, как они выкинули его на желтый песок, он был на грани потери сознания. Подошел Саньеш, и Хобарту пришлось опереться на его руку, чтобы аккуратно подняться.

— Хе-хе-хе, — хохотал Саньеш, — очень смешно. Нравятся наши шутки? Хотеть еще, да?

— Ха-ха, действительно смешно, — прохрипел Хобарт. — Но скажи всем, что для одного дня юмора достаточно. Мы отойдем от границы назад на несколько миль и развернем лагерь, потом я последую твоим советам относительно кампании.

Больше всего Хобарта угнетала мысль о том, что не вмешайся он тогда в пустыне в дела логайцев, был бы сейчас избавлен от этой банды логичных придурков. Чертовы обязательства!

Он так до конца и не понял чувства юмора паратаев. Однако после скудного солдатского ужина натянутые нервы несколько расслабились от мысли, что другие сооружают ему место для ночлега. Как хану, ему полагалась настоящая кровать — или, по меньшей мере, матрац. Он вошел в палатку в надежде заснуть и отложить воспоминания о сегодняшних мучительных испытаниях хотя бы до завтра. Увы, некий шутник сложил посреди его постели аккуратненькую кучку лошадиного дерьма...

* * *

Несколько дней спустя, после полудня разведчики доложили Хобарту как номинальному главнокомандующему армии паратаев, что маратаи в боевом порядке приближаются к долине битвы. Новости запоздали, поскольку Роллин Хобарт заметил отблески

солнца на оружии противника гораздо раньше. Саньеш начал перестраивать их собственное войско.

Хобарт не слишком доверял старику, но единственная альтернатива заключалась в том, чтобы вести войну самому по совершенно непрактичной схеме. Даже если бы он и понимал хоть что-нибудь в стратегии и тактике, то все равно не смог бы за несколько дней отучить варваров от традиционных методов ведения боевых действий. К тому же в условиях местного ландшафта старинные методы могли оказаться не менее эффективными, чем и любые другие. Долина представляла собой расщелину между черными вертикальными скалами футов сорока в высоту, в ней вполне свободно смогли разместиться оба войска, но при этом они оказались слишком близко друг к другу, чтобы позволить себе фланговые атаки в стиле Субэдея или Шермана.

Все приказы отдавал Саньеш, который честно старался информировать Хобарта о том, что он делает до, а не после того, как это уже сделано. Постоянные контакты старика с инженером вполне убедили паратаев, что их хан контролирует ситуацию на должном уровне. Поскольку они все равно не понимали, как человек может быть командиром, но при этом не командовать, то и удовлетворились тем, что есть. Хорошо хоть, что они не воспринимали Хобарта как чужака. И то только потому, уныло говорил он себе, что слишком возбуждены происходящим вторжением. О том, как они поведут себя в случае поражения, ему думать не хотелось — все, что он мог предположить, было ужасным.

Таким образом, ему не оставалось ничего другого, как наблюдать за разворачиванием кровавой драмы издалека. Действия всех этих людей были настолько последовательными, а их мотивы — по-детски простыми, что они казались ненастоящими. И если его попытка спасти принцессу с помощью паратаев провалится, то он отрастит усы и попытается проникнуть к маратаям в одиночку, прикинувшись старьевщиком или еще кем. Конечно, можно было с этого начать, однако способ поведения в стиле романтического рыцаря всегда оставался для Хобарта скорее исключением, чем правилом.

К тому же ни одна живая душа среди паратаев не могла помочь ему отыскать Гомона. Еще в начале своего правления экс-хан Хурав оповестил всех, что если какой-нибудь аскет захочет быть зачислен в ряды мучеников, то милости просим в гости. Некоторые воспользовались приглашением, но после того, как все желающие помучиться исчезли, контакты между братством аскетов и паратаями прекратились.

— Установи-ка мне лучше стремянку,— повернулся Хобарт к Саньешу.

— Пусть будет так,— согласился Саньеш и отдал приказ. Стремянка оказалась единственным вкладом Хобарта в военные действия и использовалась абсолютно по назначению, разве что по размеру она превосходила все существующие складные лестницы. С верхней площадки он мог легко различить все происходящее поверх голов всадников и пехотинцев и, следовательно, получить более полное представление о ходе битвы.

Он взобрался по ступенькам.

— Феакс,— позвал Хобарт, но лев скрылся из виду, рыская между солдатами, которые, однажды осознав его пользу, чрезвычайно гордились наличием столь грозного союзника.

Прямо перед ним стояла фаланга пехотинцев. Шесть сотен сильных мужчин, выставивших вертикально вверх двадцатифутовые пики, напоминали гигантскую зубную щетку. По обе стороны от них собирались небольшие группы легкой пехоты, за которыми следовала тяжелая кавалерия. Легкая кавалерия — конные лучники — тонкой линией выстроилась вдоль всего фронта. Если в задачу Саньеша входило одурачить противника, то Хобарт сильно сомневался в ее выполнимости, поскольку дислокация войск паратаев никогда не менялась.

Враг уже приблизился настолько, что можно было различить, но не отличить, отдельных воинов. Их построение несколько отличалось от паратайского. Оба крыла составляла тяжелая кавалерия, а между ними растянулись пехотинцы, причем прямоугольные отряды солдат с пиками чередовались с округлыми звеньями мушкетеров.

Пестрые человечки выскочили вперед от каждой армии и принялись кричать друг на друга. Хобарт наклонился к Саньешу, восседавшему на спокойной черной кобыле, чтобы узнать, что все это значит.

— Бросают вызов, смотри,— ответил Саньеш.

Человечки напоследок дунули в трубы и вернулись в строй. От армии маратаев отделился всадник и фигурно прогарцевал между двумя войсками, вздымая фонтаны желтого песка. Маратаи одобрительно зашумели. Теперь выступал всадник паратаев; маратаи вежливо молчали, пока шумели их противники. Всадники разъехались в разные стороны на узком участке между армиями, воины которых расселись на песке или устроились в седлах в позах расслабленных зрителей.

Солдаты угомонились, в наступившей тишине явственно слышался стук копыт, когда вызывающий и вызываемый на дуэль помчались навстречу друг другу. Они встретились и разъехались слишком быстро для того, чтобы Хобарт смог оценить происходящее, однако один из всадников остался в седле, тогда как другой упал на песок, пронзенный пикой противника.

По крикам Хобарт определил, что победили маратаи. Выигравший подъехал поближе к рядам паратаев, бросая теперь свой вызов. Конечно, кто-то вышел сразиться с ним. На этот раз они встретились с треском — в воздух взлетели куски сломанных пик. Дуэлянты выхватили мечи. Произошло короткое столкновение: путаница машущих рук, блеск наточенной стали, непродолжительное металлическое клацанье, и один из наездников повалился на песок. Судя по всему — опять боец из армии паратаев.

Саньеш озабоченно посмотрел на своего господина.

— Плохо. Если мы проиграть все дуэли — мы проиграть битва, — сказал он.

— Почему?

— Так всегда бывает. А, смотри!

Феакс, хвост трубой, желтой молнией несся по песку к удачливому дуэлянту. Маратаи криками предупредили своего чемпиона об опасности, он беспорядочно задвигался, стараясь достойно встретить неожиданного соперника, но лев оторвался от земли в великолепном прыжке и взмахом лапы выбил всадника из седла. Напуганная лошадь встала на дыбы, заржала и помчалась по периметру прямоугольника, ограниченного двумя армиями и стенами долины, в напрасной попытке сбежать. Между тем лев склонился над маратаем и начал трясти его, как куклу, руки и ноги бедняги беспорядочно болтались в разные стороны. Вскоре развлечение Феаксу наскучило, и он потрусил к своей армии. На поле опять оказались пестрые герольды.

— В чем дело? — спросил Хобарт, когда паратайский герольд пробрался к Саньешу и что-то сообщил ему.

— Протест. Генерал Барамияш сказать, его человек не вызывать льва, не честно, и если мы... — начал объяснять Саньеш.

— Ну и что? — прервал его Хобарт.

— Если мы не пройти сквозь дуэли, мы не иметь прав затевать битва! — вскричал старик.

— Полный бред. Меня приводят в бешенство все эти проволочки и ожидание неизвестно чего.

Хобарт вытащил заветную черепушку, потерял ее и позвал: «Кай!» Никакого результата! Тогда Хобарт крикнул погромче: «КАЙ!»

— И нечего так орать,— сообщил голос позади него, и вот он, лекарь, стоит себе и улыбается, как самодовольный желтый божок.

— Что тебе нужно, хан?

— Можешь убрать их? — спросил с надеждой Хобарт, указывая на армию противников.

— Не знаю. Может быть. Чего ты конкретно хочешь, сильный дождь?

— Нет! Что-нибудь этакое, желательнее пострашнее, например, чудовище.

— Аккуратно, хан, враг идти! — встрял Саньеш.

Начальник армии маратаев, сын хана Ховинда Барамияш, он же Воланос, определенно потерял терпение, короткие резкие команды разлетелись во все стороны по войску. Маратаи одобрительно вскрикнули и сдвинулись с места. Кай сосредоточился.

— Я могу вызвать змею. Смотри.

Он совершил несколько пассивных движений руками и забормотал:

Борабора тахаа,
Тотойа мануа;
Горонтало мореа,
Ниихау кореа,
Кеалакекуа!

У основания стремянки появилась пятнистая змея около ярда длиной. Заклинание весьма эффективно напугало ближайшую лошадь, она в ужасе сбросила всадника и умчалась прочь.

— Убери ее отсюда! — взмолился Хобарт.— Здесь ничего не надо, не мог бы ты напустить несколько тысяч на маратаев?

Кай развел руками.

— За один раз могу создать только одну штуку. Ты что думаешь, я великий маг? Я просто бедный голодный рыбоед...

— Перестань! — заорал Хобарт в сильном раздражении.

Саньеш отбыл выравнивать свое войско. Из знакомых близости остались только Кай, лошадь Хобарта и грум, ее держащий. Хобарт запретил себе думать о том, что случится, если паратаи побегут, а он не успеет спуститься с лестницы и сесть в седло.

— Что-нибудь еще ты можешь? Раздвинуть землю?

— Чуть-чуть,— проскулил Кай.— Вот так:

Айя айя алала
Вала вала потала
Нууану нукухива
Токелау капала:
Рота, халеакала!

Земля дрогнула и раздался стон, стремянку сильно качнуло, мгновение она балансировала на одной опоре, затем опустилась обратно. Рядом с основанием в песке возникла трещина шести дюймов в ширину. Солдаты уставились на нее со страхом и неприязнью. Хобарт сидел неподвижно, не в силах разжать вцепившиеся за стремянку пальцы. Наконец, он снова смог говорить и накинулся на Кая:

— Ты, идиот, еще раз в том же духе, и в панике будет вся моя армия! Разве не понятно — нужно пугать *ту* сторону!

— Я никогда не говорил, что я — великий волшебник! Простой голодный...

Слова иктепели заглушил нарастающий грохот конницы маратаев, направляющейся строго в места расположения паратайской кавалерии.

Со своего возвышения Хобарт ясно видел, что его конница количественно значительно уступает противнику. По-видимому, кавалеристы тоже обратили на это внимание, поскольку под градом копий пехотинцев Барамияша их четкий строй немедленно нарушился, лошади понесли в разные стороны, и фланги паратайской армии превратились в аморфную толпу всадников, отчаянно пытавшихся прорваться в тыл. Маратаи завизжали от восторга и принялись ловить их. Друзья и недруги подняли в долине огромное облако пыли. Хобарт припомнил объяснение Саньеша о том, что у варваров малейшая неорганизованность является уважительной причиной для отступления, в полном соответствии с логикой великого Аристотеля.

Беглецы и преследователи исчезли так быстро, что пехота с обеих сторон не успела сделать ни единого движения. Хобарт послал за Саньешем.

— Думаешь, мы сможем разбить маратайских парней до того, как вернется кавалерия?

— Как твой волшебник? — парировал Саньеш.

— Паршиво.

— Я знаю, дикари такие, но знать ли он хоть что-то?

— Да, но мало. Кай, вспомни еще что-нибудь, — сказал Хобарт и для усиления воздействия активно потряс лекаря за плечи.

— Я могу заставить цветы расти. В прошлом году я смог остановить мор среди моих бедных людей. Я могу призвать рыбу в сети...

— Все это слишком мирно. Вы, дикари, чересчур цивилизованные себе во вред. Саньеш, прикажи им наступать.

Он понял, что совершил огромную ошибку, не обсудив предварительно все детали с Каем пусть даже и ценой использования черепашки грызуна. Хотел сохранить все вызовы в целостности и сохранности — вот и сэкономил!

Фаланги пехоты готовились к наступлению. Первый ряд выставил пики вперед и с барабанным боем сделал шаг; остальные последовали за ними с пиками, по-прежнему направленными вертикально вверх. Они постепенно будут наращивать скорость, пока враг не обратится в бегство — если вообще доберутся до врага. Что-то должно произойти...

Бу-бух! Передняя линия маратаев выплюнула огонь и дым. Крики ужаса и боли... Кай в полусогнутом состоянии юркнул за лестницу, когда мимо просвистело несколько мушкетных пуль. Роллин Хобарт последовал за ним исполненным достоинства шагом. *Бу-бух!* Теперь стреляла вторая линия, несколько пехотинцев опрокинулось навзничь. Лошадь начала нервничать, и Хобарту пришлось сесть в седло. *Бу-бух!* Наступление пехоты замедлилось до полной остановки. *Бу-бух!* Они начали отступать. Саньеш носился между ними и кричал, но они продолжали пятиться, пока не оказались в недосягаемости от основной массы выстрелов.

Первая линия мушкетеров еще не закончила перезаряжать ружья, и возникла пауза.

— Придумай что-нибудь чудесный, хан, только быстро, маратай перезарядиться скоро! — крикнул Саньеш Хобарту.

Мысль сформировалась в мозгу инженера со скоростью света.

— Кай! Дождь на врага, быстро!

Ему пришлось повторить несколько раз, пока перепуганный лекарь понял, что от него хотят. Потом иктепели затянул:

Марекула эроманга...

Маленькое грозное облачко сформировалось над армией противника, и зашелестел дождик. Саньеш вместе с командирами кое-как перестроили пехоту во что-то, подобное первоначальному каре. Маратаи злобно поглядывали в небо, вращая головами вправо-влево, потом, подчиняясь приказу, начали наступление, впер-

ди пики, мушкеты в промежутках. Фаланга паратаев ответила несколькими неуверенными шажками.

Сквозь щетину пик Хобарт мог видеть суетливые движения мушкетеров, пытающихся абсолютно безуспешно выстрелить из ружей с намокшим от дождя запалом. Два мушкета все-таки сработали — *non! non!* — однако этот жидкий залп никак не повлиял на паратаев, быстро разобравшихся, что к чему. С радостными воплями пехотинцы возобновили движение широкими шагами, гремя щитами и пиками. Враг откровенно был не готов к атаке. Выбывшие из игры сырые мушкеты привели к значительному перевесу паратаев по части пик, и поэтому маратаи пошли по пути, ранее продемонстрированному паратайской кавалерией. В течение тридцати секунд вся армия обратилась в бегство, бросая на ходу пики и мушкеты. Некоторые срывали с себя шлемы, кирасы и наголенники, чтобы бежать быстрее.

Маратайская кавалерия вернулась на поле боя как раз перед закатом в прекрасном настроении. Им удалось выгнать врага за пределы долины практически без потерь, и они распевали песни, размахивали вещами, отобранными у паратайского обоза, и всячески веселились. Добравшись до места битвы, они с удивлением обнаружили несколько убитых и раненых, а также огромное количество военного снаряжения, включая несколько тысяч мушкетов, разбросанных по всей долине. Обсудив между собой ситуацию, маратаи сделали правильное заключение о ходе сражения и тихонечко удалились. Если твоя армия проиграла — значит, так выпали карты, и ничего уж тут не поделать.

На следующий день Роллин Хобарт, со всеми удобствами расположившийся в самом большом шатре маратаев, велел своим воинам вернуться на поле брани, чтобы собрать трофеи и раненых, которые пережили ночь. Кай отправился вместе с ним, нарядившись в забавный тюрбан. От группы паратайских солдат после веселой ночки, проведенной с женщинами племени маратаев, к Саньешу была направлена делегация протеста. Культурные паратаи призывали остановить непристойного дикаря, разгуливающего голым по лагерю. Саньеш нашел старые штаны и велел Каю надеть их. Лекарь пришел в восторг от подарка и использовал его так, как посчитал нужным, то есть обмотал вокруг своей желтой головы.

Он с грустью наблюдал за погребением изрешеченных пулями воинов.

— Это ж надо, выкинуть таких чудесных мертвецов,— заметил колдун.— Все вы, кроме моего народа, испорченные и нехо-

рошие люди! Я покидаю тебя, хан; зови опять, если понадобится. До свидания!

Крутанувшись вокруг своей оси и свистнув разок, иктепели исчез.

13

Все свои действия Роллин Хобарт подчинил здравой теории, недавно придуманной им самим. Теория гласила, что если он будет постоянно загружать старого Саньеша разными заданиями, то у последнего просто не останется времени для подготовки мятежа. В том, что рано или поздно старик попытается его надуть, Хобарт нисколько не сомневался, поскольку Саньеш, никогда не проявлявший особого дружелюбия, был и оставался единственным связующим звеном между ним и его подопечными паратаями. Если старику вздумается самому стать ханом, Роллин никак не сможет этому помешать. Если же Хобарт ликвидирует советника, то окажется в худшем положении, чем сейчас.

Единственный способ не оказаться в дураках подразумевал быстроту действий: спасти Аргументу, отослать ее к отцу и мгновенно исчезнуть — вот и весь план. Для предотвращения восстания на любом уровне неплохо было бы еще и отречься от власти в пользу какого-нибудь паратая. В противном случае — страшно подумать — если события и дальше будут развиваться в том же направлении, то потом и маратаи захотят сделать его своим ханом! Они вполне способны даже повоевать за него друг с другом. Или того хуже: найдется местный Соломон и посоветует разрубить Хобарта надвое и отдать каждому племени по половинке.

Однако к тому времени Роллин надеялся уже быть достаточно далеко, замаскироваться и заняться, наконец, поисками Гомона и возвращением домой. Дом! Добрый старый Нью-Йорк, любимая почетная и выгодная работа инженера, добрые интересные друзья — даже если некоторые из них иногда считают его самоуверенным старым занудой. Он не был упрямым — ерунда! Он просто точно знал, чего хочет...

Так рассуждал Роллин Хобарт из компании «Хиггинс & Хобарт», направляясь обратно на главную стоянку маратаев в сопровождении скрипучих повозок с пиками и мушкетами. Когда они почти достигли пересохшего рва и крепостного вала, навстречу на лошади выехал Саньеш в сопровождении телохранителей и знаменосца. Никакой нужды в перемещении верхом не было, но,

как любимый ханский советник, он почитал ниже своего достоинства ходить пешком, если можно проехать. Старик и на самом деле выглядел ужасно усталым.

— Я послать людей в Логайя, рассказать Гордиус о битве, как ты велел. Половина нашей кавалерии вернуться и некоторый маратай. Сказать, они присоединятся к нам, если мы вернуть их семьи. Один хорошо знать Законс и логайский. Хочешь говорить?

— Да, прямо сейчас,— ответил Хобарт.— И передай маратаям, что мы с удовольствием вернем их семьи без всякого выкупа и будем очень рады, если они присоединятся к нам.

Такое великодушное предложение могло быть и, с такой же степенью вероятности, могло не быть удачным высказыванием государственного деятеля; в худшем случае пусть преемники Хобарта разбираются с последствиями.

Грамотный молодой маратай по имени Хорват оказался начальником ста семей, за возможность свободно разговаривать на родном языке Хобарт был готов броситься ему на шею.

— Если ты будешь вести себя разумно, хан, то все маратаи сдадутся тебе через месяц,— утверждал Хорват.— У Ховинда и Барамияша есть верные люди, но остальная часть армии разбежалась по всей стране. Я не думаю, что хану Ховинду удастся собрать много людей, ибо прошел слух, что благословение Жава на тебе.

— Хм-м-м. Меня не очень-то интересует судьба ваших бывших начальников,— сказал Хобарт.

Хорват пожал плечами, веселые морщинки побежали по его избитому непогодой лицу.

— Я тоже думаю, что Жав или Разум, называй, как хочешь, благоволит к тебе.

— Что ты имеешь в виду, говоря это?

— Я имею в виду, что наш главный господин, похоже, избрал тебя для решения основных мировых проблем — надолго ли, никто пока не знает.

— В буквальном смысле?

— Не понимаю,— нахмурился Хорват.— Я не лгу, если тебя это волнует. Таким образом, естественно, как человек разумный, я хочу связать свою судьбу с твоей, и как можно быстрее. Я не удивлюсь, если хан Ховинд и его сын решат поступить также.

«О, неужели? — подумал про себя Хобарт.— Пусть сначала его поймают». А вслух произнес:

— Что ты можешь сказать мне о колдуне, Законсе?

Хорват усмехнулся.

— Негодяи всегда ссорятся, иначе они не были бы негодяями. Законс прилетел сюда на прошлой неделе на жутковатых крыльях, превратившихся потом в плащ, с дочерью короля Гордиуса под мышкой. Вскоре после него явился Барамияш, четыре года при-творявшийся верным подданным Гордиуса. Из разговоров стало ясно, что небольшой заговор с канцлером Логайи, нацеленный на уничтожение королевской семьи, захват и разграбление королевства, провалился из-за прибытия принца Роллина, который в настоящий момент является еще и ханом Роллином.

Что потом произошло, мне в точности не известно; похоже, Барамияш и хан Ховинд подумали, что колдун, предавший одного хозяина, может предать и другого, и решили уничтожить его, а дочку Гордиуса сделать своей заложницей. Они надеялись, что с помощью принцессы, с одной стороны, и всех логайских мушкетов, с другой, они легко переиграют Гордиуса и без помощи Законса. Магические штучки Законса, наверняка, предупредили его об угрозе, и он быстренько нацепил крылья, схватил принцессу и был таков.

— А куда он полетел?

— Неизвестно, но куда-то дальше на юг.

Хобарт задумался. Разгромленная пехота хана Ховинда бежала на север и восток, его кавалерия рассеялась во всех направлениях. Возможно, большая ее часть ушла как раз на юг, подальше от Логайи и паратайской армии. И если двинуться в южном направлении с небольшим отрядом, то можно напороться на остатки войска маратаев... Однако если он останется на месте дожидаться полного контроля над территорией маратаев, то события зажмут его в тиски — неизвестно каким образом, но это точно случится...

Он вскочил и крикнул: «*Фруз, Саньеш гвакх!*» Фраза «Позвать Саньеша!» автоматически стала первой реакцией Хобарта на любую ситуацию, связанную с варварами.

— Если хочешь присоединиться ко мне, можешь сделать это прямо сейчас,— чуть погода добавил он, обращаясь к Хорвату.— Мы отправляемся за Законсом!

Во время сборов Хобарт перебирал в уме все возможные варианты и альтернативы. Так, с ним пойдет сотня на самых быстрых лошадях — это раз. Надо бы вызвать Кая — это два. Нет, пожалуй, лучше подождать, пока не обнаружится похититель; вряд ли дикарь умеет ездить на лошади и захочет этому учиться. При столкновении с маратаями они просто удирают. За время похода Хобарт стал если и не прекрасным наездником, то уж

точно не самым распоследним. Как им найти колдуна? Просто: воспользоваться нелюбовью животных к магии.

Выслушав указания, Саньеш вышел из шатра, как всегда, удивленный поведением нового хана. Однако уже через два часа, незадолго до заката, сотня легких кавалеристов и двести лошадей были готовы к выступлению. Хобарт оставил старика старшим в лагере и назначил Хорвата проводником и переводчиком. Феакс от нетерпения ни минуты не мог усидеть на одном месте. Пускай маратаи готовят им ловушку, или они потеряются в дороге, или Законс полетел вовсе не на юг... Хобарта ничего не пугало. Он согласен рисковать ради устранения следующего, наверняка, последнего препятствия на пути домой. Судя по прошлому опыту, он вполне может себе это позволить.

Отряд неторопливо выступил в путь под присмотром звезд. По подсчетам инженера к восходу солнца они преодолели около тридцати миль. Перед первой посадкой с момента вылета из лагеря Законс, теоретически, мог пролететь чуть дальше. Хобарт приказал своим людям рассеяться на несколько миль в округе и немедленно сообщать ему лично обо всех странностях в поведении лошадей. После ночного перехода лошади выглядели так, как будто потребуется что-нибудь экстраординарное, чтобы разбудить их.

Они покинули саванну и въехали на холмистую территорию. Все холмы были низкими и округлыми и походили друг на друга вплоть до таких мелочей, как обломки сухого кустарника на верхушке. Изредка среди холмов встречались птицы или ящерицы, следы маратайских солдат отсутствовали.

Хобарт зевнул от усталости и скуки. Каждый сегмент этого мира состоял из ограниченного набора комбинирующихся между собой элементов: несколько топографических типов, конические горы, куполообразные холмы, равнины и прочее; определенное число вариантов растительности, джунгли, трава или ничего. Он, разумеется, еще не видел всех комбинаций, но мог легко их себе представить, так что пользы от путешествия не намечалось никакой. Все, о чем он просил — это спасти Аргументу одним быстрым броском, удостовериться, что она на пути к отцу, и... А кто станет ханом того или иного племени, и что будет с логайскими мушкетерами, его вовсе не интересовало.

Так он рассуждал, пока один за другим медленно тянулись часы бесплодных поисков. Ближе к полудню быстрым галопом примчался всадник и прокричал ему что-то странное. Подъехавший следом Хорват перевел:

— Он говорит, что лошади правого крыла заартачились. Это то, что ты хотел?

— Угу, пусть развернутся,— ответил Хобарт. Пусть Законс испепелит его, все лучше, чем вечно слоняться по этому отвратительному миру!

Паратаи быстро прикинули, в чем причина нервозности лошадей, и не выказывали воодушевления от предстоящей встречи с колдуном. Возможно, Хобарт мог бы ободрить их какой-нибудь воодушевляющей речью, однако он ни разу в своей жизни не произносил подобных речей и не планировал делать этого в будущем. Так что отряду было просто приказано окружить область магического воздействия. Потом инженер спешил и привязал лошадь к кустам. Ни лошади, ни варвары теперь не помогут ему. Он достал череп грызуна и позвал: «Кай!» В воздухе как будто взметнулось облачко пыли, и со знакомым свистом перед ним появился лекарь иктепели. По мере объяснений Хобарта широкое шафрановое лицо Кая вытягивалось все больше и больше.

— Я — не великий волшебник,— завопил он под конец.— У меня в запасе всего несколько заговоров для защиты моих людей!

— Кое-что все же лучше, чем ничего,— тоном, не терпящим возражений, сказал Хобарт.— Что ты можешь сделать для того, чтобы отразить волшебство Законса и нейтрализовать его?

— Ну... дай подумать... я бы мог... у-у-уф! Х-хан, вели своему льву прекратить обнюхивать мою ногу, я от этого н-нервничаю!

Единственное, что Кай, по его словам, мог сделать заключалось в создании некоего подобия щита, отражающего все заклинания, кроме самых сильных. Для этого нужны были ветки и рыбаья кожа. Для веток годились любые кусты, загвоздка заключалась только в рыбе.

— Призови ее сюда,— выдвинул идею Хобарт.

— Воды нет,— ответил Кай, разводя руками.

— О господи, так наколдуй дождь! — рявкнул инженер. Знание самой настоящей магии, как оказалось, вовсе не сделало из дикаря... гения. С помощью Феакса они вырыли небольшое углубление двух футов в диаметре, и с началом заклинания Кая «*Марекула эроманга*» оно постепенно начало заполняться водой. После воды лекарь наколдовал и рыбу. На этом мыслительные способности дикаря опять дали сбой; и Хобарту пришлось доказывать нервничающему лекарю, что для завершения процедуры достаточно использовать разделочный нож из все равно какой кости.

Щит вполне обычного вида и размера больше всего походил на самодельного воздушного змея, у которого бумагу заменили на рыбью кожу.

— Держи его перед собой как настоящий щит. Осторожно, он очень хрупкий,— объяснил Кай.

Хобарт спросил, какие еще заклинания известны Каю. Тот с серьезным видом пересчитал их на пальцах; многообещающе звучал только вызов роя шершней.

— Ладно, пошли,— вздохнул Хобарт.

— Что? Нет, только не я! Мне не выстоять против великого Законаса. Я и в школу волшебства никогда не ходил. Просто бедный рыбоед...

— Я сказал, пошли! — разозлился Хобарт.— Если не хочешь навлечь на своих людей серьезные напасти!

Они плелись между низкими холмами, пока Феакс неожиданно не застыл с одной поднятой лапой, прижатыми к голове ушами и тихим рыком. Приглядевшись, Хобарт различил на самом дальнем холме на границе поля зрения небольшой выступ. Инженер поджег запал мушкета и рассказал свой план.

— Я попробую подкрасться поближе и выстрелить. Если не попаду, так хоть напугаю. Буду держать впереди себя щит и подбираться к Законсу с мечом в руке, вы оба держитесь сзади, тогда щит прикроет и вас.

— А вдруг он улетит? — предположил Феакс.

— Вполне вероятно.— Хобарт поскреб подбородок.— Что за крылья вырастают из его одежды?

— Думаю, как у стервятника,— ответил лев.

— Прекрасно! Кай, если он взлетит, обрушь на него дождь, по сильнее! Намокшие перья заставят его приземлиться.

Когда между ними и убежищем Законаса остался только один холм, спасатели медленно заползли на его вершину и принялись всматриваться через заросли. Хобарт услышал, как у Феакса прервалось дыхание — на вершине башни виднелись очертания человеческой фигуры в легком одеянии. Это Аргумента!

— Где же Законс? — зашептал он.

— Я чувствую его присутствие,— пробурчал лев.— Ага, вон там, у подножия башни!

Башня представляла собой полуразрушенное строение, простой цилиндр с единственным отверстием — дверью. Вход частично блокировали головы и шеи двух громадных змей, лежащих одна поверх другой. Их единое тело окружало основание башни.

— Амфисбена,— пробубнил лев.

— Что это?

— Змея с двумя головами — по одной на каждом конце. Аксиус говорил, что Законс может превращаться в такую, но я сам никогда не видел.

— Все готовы? — тихо спросил Хобарт. Он выставил вперед щит и просунул мушкет сквозь кусты. Змеиная голова является вполне подходящей целью, только вот какая лучше? Разум Законаса сосредоточен в одной из них или в обеих? И если верно первое, то как различить?

А черт с ним, решил Хобарт, сердце громко колотилось. Он резко выдохнул и выстрелил. *Бу-у-ум!* Приклад ударил в плечо, наученный горьким опытом, Хобарт быстро отвернулся, чтобы дым не попал в глаза. Он успел заметить фонтанчик пыли в двадцати футах от голов рептилий и чуть правее. Вот незадача, ему бы следовало помнить, что затвор этой рухляди вовсе не сравним с автоматикой винчестера.

— Дождь! — рывкнул он через плечо Каю. Кай нехотя начал. Змеиные головы приподнялись от выстрела. Одна из них медленно поворачивалась, как сканирующая камера слежения, другая — бесцельно вертелась во все стороны. Затем «медлительная» голова скрылась в дверном проеме, за ней потянулось все тело чудовища. Вторая голова ненадолго исчезла за башней, затем появилась с другой стороны, символизируя собой зад.

Дождевая туча клубилась и потихоньку выпускала свое содержимое. Когда, несколькими секундами позже, Законс в своей обычной черной накидке и конической шляпе появился на верхушке башни, над ней разразился миниатюрный ливень. Две маленьких фигурки никак не могли сблизиться, темная гонялась за светлой.

Хобарт сунул горячий ствол мушкета в руки Каю.

— Используй в качестве дубинки! — велел он.— Пошли!

Они выскочили из кустов и помчались вниз по склону холма, на котором до этого сидели. Хобарт обнажил меч и старался держать «рыбного змея» прямо перед собой.

— Смотри! — прорывал Феакс с мукой в голосе.

Законс поймал принцессу. Колдун взлетел с башни на блестящих черных крыльях, держа по-прежнему сопротивляющуюся девушку над головой. Слово «взлетел» не совсем точно отражало ход событий, поскольку, несмотря на отчаянные взмахи, пара опускалась все ниже и ниже, с трудом преодолела промежуток между холмом с башней и соседним холмом и приземлилась на

его каменистой вершине. Хобарт моментально свернул в их направлении. Законс одной рукой удерживал под мышкой Аргументу, не оставляющую в покое его бороду, а второй пытался нащупать в недрах одежды волшебную палочку.

— Феакс! Вернись! — закричал инженер.

Но лев выпрыгнул из-за щита и помчался напрямик к колдуну, оглушительно рыча. Хобарт успел только заметить движение лица Законса и услышать обрывок заклинания. Феакс в середине прыжка скукожился до размеров котенка, ударился о землю и остался лежать.

Хобарт продолжал бежать. Он слышал шаги Кая позади себя, они постепенно удалялись, низкорослый дикарь либо не мог, либо не хотел двигаться быстрее. Законс теперь сконцентрировался на Хобарте.

Завейтесь ветры сильны
Камыль, песеня, фырр!
Сотрите злоунытника
В грязевой кефир!
СРЧВЗАШЕТАКРАСТАУИИ!

Ничего не произошло, только левую руку инженера, державшую щит, кольнуло, как при ударе слабым разрядом тока. Законс начал снова:

Во имя хозязума-за
Явитесь счас передо...

На середине прервался, увидев, что Хобарт доберется до него раньше окончания заклинания. Выпустив принцессу, он немедленно с блеском превратился из почтенного старца обратно в амфисбену. Хобарт услышал вопль ужаса Кая где-то сзади, когда чудовище ринулось по направлению к ним с неудержимостью потока горячей лавы. «Передняя» голова несомненно была ведущей, ее взгляд горел злобой разумного существа и даже немножко напоминал Законса. Вторая голова, бессильно болтающаяся сзади, была просто головой большой змеи.

Хобарт инстинктивно закрылся щитом во время удара мечом по разъяренной морде. Меч, звякнув, отскочил, и челюсти змеи вонзились в щит. Хобарт вовремя успел отдернуть руку. Голова вмиг сгрызла щит и проглотила остатки, затем снова рванулась к Хобарту. Инженер отпрыгнул, взмахнул мечом, промахнулся и быстро огляделся вокруг. На расстоянии тридцати футов от схватки трясся от страха Кай. «Сделай что-нибудь!» — крикнул Хобарт,

уклоняясь от очередного броска. Он осознал, что не годится на роль Рикки-Тикки-Тави, когда меч в очередной раз опустился на голову амфисбены, не причинив ей никакого вреда. Надо попробовать в глаз...

— Осторожно! — завопил Кай. — Он превратится обратно в колдуна, а у тебя нет щита!

«Я готов молиться каким угодно богам, лишь бы он вернул себе человеческий облик», — подумал Хобарт. И хотя Законс определенно не мог в своем нынешнем облике декламировать заклятья и размахивать палочкой, инженер был уверен, что как только тот решит стать человеком, он, Хобарт, порубит его на кусочки, не успеет колдун и рта раскрыть.

Между тем в бой вступил игрушечного размера Феакс. Зверь храбро прыгнул на середину спины чудовища и принялся драть ее крошечными коготками и зубками. Набравшись храбрости, поближе подошел Кай и треснул змею по спине прикладом мушкета, но только один раз, поскольку к нему немедленно направилась вторая голова амфисбены с распахнутой пастью. Лекарь тут же постарался самоустраниться из поля зрения рептилии.

— Я скажу заклинание! — сообщил он.

Хобарт слушал заклинание и одновременно размахивал мечом, зажатым в слабеющих потных ладонях. Воздух вокруг него наполнился злым жужжанием и сотнями желто-черных полосатых насекомых: шершни!

За мгновение они покрыли змею целиком. Но долго на ней не задержались, обнаружив, что протыкать жесткую шкуру бесполезно. Они поднялись, объединились в грозную тучу и... Хобарт пронзительно вскрикнул, когда не меньше дюжины жгучих жал пронзили его кожу. Он отбежал назад, подальше от чудовища, пытаясь стряхнуть или прихлопнуть новых мучителей. Проблемы того парня, Зигфрида, просто пустяк по сравнению со всем этим. Сзади послышался крик настоящей агонии: все шершни как один направились к наиболее привлекательной мишени на маратайской земле — ничем не защищенной коже Кая. Дикарь бросил мушкет и помчался с такой скоростью, с какой, по мнению Хобарта, человек бежать не может. Он снова переключил все внимание на амфисбену.

Хобарт расставил ноги пошире и ждал. Только бы добраться до глаза... Монстр тоже замер на несколько секунд, собираясь с вялым змеиным дыханием. Доминирующая голова приподнялась и грозно раскачивалась. Хобарт содрогнулся при виде ядовитых зубов, хищ-

но сверкавших в полуоткрытой пасти. Боковым зрением он углядел движение второй половины туловища, и вот уже вторая голова готова к атаке. Как две боксерские перчатки... Главная голова метнулась вперед, остановилась, когда Хобарт взмахнул мечом — *кланк!* Перед глазами Хобарта мелькнули нежные руки Аргуменды, и приклад мушкета опустился прямоком между глаз Законаса.

— Обернись! — вскрикнула принцесса.

Хобарт посмотрел в противоположную сторону, как раз когда вторая голова начала движение. Он упал на бок, перекатился и вскочил на ноги, пока змея пронзала пространство, где он только что стоял. По инерции задняя голова пролетела вперед и разинутой пастью врезалась в неподвижную переднюю!

Прилегающая к главной голове часть туловища протестующе забилась, но вот уже вся передняя голова исчезла целиком в пасти задней. Начавшись, процесс никак не мог остановиться. Нижняя челюсть задней головы двигалась рывками: сначала вперед перемещалась правая часть, потом левая. Потрясенный Хобарт наблюдал, как постепенно огромная петля змеи сокращалась и утолщалась сначала до размеров шины, затем пышки. Казалось, змея уже не может дальше заглатывать себя, но тут пышка схлопнулась в комковатую массу размером с теннисный мячик, стремительно съежилась — и исчезла.

Тонкая влажная ткань липла к телу Аргуменды, к ее груди прижимался маленький Феакс. Хобарт непонимающе взглянул на принцессу.

— Куда он делся? — в конце концов выдал инженер.

— Заглотил себя, — ответила девушка.

— Как?

— Когда я ударила мыслящую голову, она на мгновение отключилась и перестала контролировать другую. А та, вторая, обыкновенная голова змеи не смогла противиться собственным инстинктам — раз что-то попало в пасть, надо глотать.

— Я все это видел, но куда оно *ушло?*

— По-твоему, какой длины была амфисбена? — спокойно спросила Аргуменда.

— Около пятидесяти футов.

— И как быстро глотала голова?

Хобарт задумался.

— Примерно пять футов в минуту.

— Хорошо, теперь подумай, что должно было случиться по прошествии десять минут?

Он взял ее за руку и галантно помог пройти остаток склона холма.

— Юная леди,— сообщил он под конец,— можешь возблагодарить ваш Разум за то, что Андросфинкс не задал подобного вопроса!

14

Они долго искали и звали Кая, но его нигде не было видно.

— Видимо, вспомнил, что можно исчезнуть,— периодически почесываясь, заключил Хобарт.— Эти дьявольские укусы... Шершни добрались до тебя?

— Нет, меня они не тронули. Могу ли я помочь тебе, дорогой принц? — спросила Аргумента.

— Спасибо, я потерплю до возвращения в лагерь.

— Лагерь? Ты говоришь об одном из городов маратаев?

— Ох-хо-хо,— Хобарту пришлось кратко описать принцессе минувшие события.— Сейчас мы направляемся туда, но я обещаю отправить тебя к отцу как можно быстрее,— закончил он.

Принцесса грустно вздохнула.

— Ты спас мне жизнь во второй раз, Роллин. Нет ничего, в чем бы я отказала тебе. А... ты не передумал?

— Нет. Извини,— пробормотал Хобарт, неожиданно сильно заинтересовавшись состоянием мушкета.

Однако продолжать обсуждение их отношений она не стала. Аргумента, Мисс Любезность, ни разу не дала ему повода рассердиться. От этого ему было еще труднее общаться с ней.

Она отпустила Феакса, и микролев грустно рысил между ними, неверно оценивая расстояния и врежаясь во встречные предметы. Естественно, он протестовал... пронзительным писком.

— Я ужасно расстроен! Меня унизили! Принц, ты можешь вернуть мой обычный размер?

— Нет, старина, не мой случай.

— Тебе не следовало убивать Закона! Он мог восстановить меня!

— Я не убивал, честное слово. Это было самоубийство. Кстати,— теперь Хобарт обращался уже к Аргументе.— Помни, пожалуйста, в данном конкретном случае я не совершил ничего такого великого, что ты и другие люди твоего дурацкого мира так любите мне приписывать. Обыкновенное везение плюс недостойные и эгоистичные устремления спасти собственную шею.

— Крестная, должно быть, одарила тебя помимо героизма еще и честностью,— улыбнулась Аргумента.

— Да не герой я! — в отчаянии вскричал Хобарт.— Я обычный практикующий инженер, к тому же не слишком успешный! И еще эгоцентричный и не прислушиваюсь к мнению других; друзья считают меня унылым педантом...

— Герой-ученый! — восторженно воскликнула принцесса.— Я и не предполагала, что такая комбинация возможна! Если бы ты только позволил служить тебе, смиренно...

— Пожалуйста, не возвращайся к этой теме!

— Хорошо, мой принц,— влага блеснула в глазах принцессы, но она постаралась скрыть ее грустной улыбкой.— Провести несколько часов рядом с тобой и так счастье для меня.

Хобарт заскрежетал зубами и сжал кулаки, разрываясь между желаниями заорать: «Замолчи!», убежать от этой влюбленной идиотки, или молить ее о прощении. В конце концов он просто ускорил шаг: мушкет на плече и негодование в каждой черточке лица. Такой темп ничуть не затруднил Аргументу и ее длинные стройные ножки, и они добрались до эскорта гораздо быстрее, чем Хобарт и Кай искали логово колдуна.

С вершины одного из холмов раздалось: «Привет!», и кто-то направился к ним навстречу. Это был Хорват.

— Я не ожидал увидеть вас так скоро да и вообще когда-нибудь увидеть, если уж на то пошло! О, с вами леди? — Варвар снял шапку и поклонился Аргументе.— Я потрясен ее красотой!

Хорват немного потряс головой, чтобы показать, что он действительно «потрясен».

— Она будет великолепной ханшей! — прошептал он на ухо Хобарту.

— Без сомнения,— сухо ответил Хобарт.— Но мы торопимся, собирай ребят.

Хорват двинулся обратно, но неожиданно заметил Феакса, пытающегося спрятаться за кустом. Маратай в недоумении остановился, а затем принялся хохотать.

— Ха-ха-ха-ха-ха, великий зверь дал усадку! Вы что, вымыли его в слишком горячей воде, или как?

Пошатаваясь от смеха и держась за живот, Хорват все-таки отбыл выполнять приказ инженера.

— Вот вырасту обратно, доберусь до этого мерзавца,— мяукнул Феакс.

Первой на лошадь села Аргуменда, затем Хобарт взобрался на свою кобылку и окликнул льва: «Сможешь путешествовать верхом, не поцарапав меня или лошадь? Хорошо, прыгай!»

— Это правда, что ты не собираешься жениться на принцессе? — глядя маленькими желтыми глазами на Хобарта, спросил Феакс, как только очутился в седле.

— Да,— и Хобарт автоматически привычными от частого употребления словами изложил все свои мысли касательно привычек чужого мира и своего к ним отношения.

— Когда вырасту обратно, не позволю тебе так подло поступить с моей принцессой! — с негодованием прошипел лев.

— Я знаю,— сказал Хобарт, посмеиваясь.— Но, послушай, старина, ты ведь не станешь принуждать Аргуменду к вступлению в брак без любви, не так ли?

— Почему без любви. Она любит *тебя*.

— Хорошо, назовем его несчастливым.

— Раз она любит тебя, значит, будет счастлива только с тобой. Ты обязан сделать все для ее счастья, как я делал для своей львицы... в прошлом,— скорбно закончил он, придиричиво оглядывая свои незначительные размеры.

— Черт, как насчет неадекватного брака?

— Неадекватный... не-адек... ох, чайный куст! Это слишком умно для меня. Куда же ты отправишься после того, как покинешь мою принцессу?

— Надеюсь вернуться в свой мир.

— А там есть львы?

— Да, но не в том месте, где я живу. Им вообще не разрешается находиться в домах и разгуливать по улицам.

Феакс тихонечко засопел, что, очевидно, сигнализировало о мыслительном процессе.

— Я люблю Аргуменду, как и собственное достоинство,— выдал он.— Мне нельзя возвращаться в Оролою; каждая собака там только и ждет случая, как бы унижить и оскорбить меня. Можно мне остаться с тобой?

— Надо подумать об этом. Но, пойми, что придется регистрировать тебя как необычную разновидность кошки,— ответил Хобарт.

— Я понимаю.

Светский Лев сменил тему разговора и остаток пути предавался воспоминаниям о любовных приключениях с прекрасными дикими львицами. Хобарт удивился небольшому количеству та-

ких историй, хотя ему раньше казалось, что у котов нет сдерживающих факторов насчет *этого*. Однако инженер удержался от смеха, не желая оскорбить маленького друга. Размышляя над предложением льва, он пришел к выводу, что квалифицированный бакалавр, как правило, имеет домашнего питомца, а его собственная собака умерла несколько лет назад. Надо будет только научить Феакса пользоваться туалетом...

— Хан! Кто-то проехал в лагерь перед нами. Смотри! — крикнул Хорват и указал на примятую траву.

Даже Хобарту стало ясно, что тут недавно прошел крупный отряд всадников.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спросил инженер.

— Не знаю, но подозреваю хана Ховинда вместе с сыном.

— Могли они атаковать лагерь?

— Вполне, но вряд ли застали наших врасплох среди бела дня.

И Хорват широким жестом махнул в сторону невыразительной равнины, в траве которой спрятаться мог разве что Феакс.

— Полагаю, мы должны сами все увидеть, — объявил Хобарт. Еще час езды и на горизонте показались шатры маратаев в форме маленьких темных точек между голубым небом и желтым морем травы.

— Выслать разведчиков? — спросил Хорват.

В глубине души Хобарт пожелал, чтобы варвары не спрашивали его мнения по вопросам военной стратегии и тактики, но вслух ответил:

— Если постараемся подойти поближе — нас точно заметят. С другой стороны, мне бы не хотелось ползти на животе миль десять по траве. Предлагаю послать Феакса. Его размер позволяет... О-о-ой! Ты, маленький дьявол...

Светский Лев впился когтями прямоком в бедро инженера, а затем спрыгнул на землю.

— Ты смеешься надо мной! Я никогда не позволяю людишкам смеяться надо мной! Хоть и маленький, я все-таки лев! — промяукал он.

— Ладно, ладно, и вовсе я не насмеялся. А, наоборот, сказал, что твой рост идеально подходит для лазутчика; никто, ни один зверь или человек, не сможет пробраться в лагерь лучше тебя!

— А, это совсем другое дело. Извини, что цапнул.

Успокоенный Феакс широкими шажками двинулся сквозь траву и моментально скрылся в ней. Остальные постарались устроиться поудобнее, чтобы дожидаться возвращения льва; некоторые

спешились, некоторые остались в седлах, ели, курили или болтали. Лошади мирно пощипывали траву. Хобарт старательно избегал разговора с Аргументой и Хорватом, опасаясь быть неосмотрительно вовлеченным в очередное деяние или дерзость. Он попытался заснуть, но по прошествии нескольких часов занервничал. Солнце давно село, когда, наконец, шатаясь от усталости, появился Феакс с языком на плече.

— Лошади! Лошади, лошади, вокруг всего лагеря! Паратайские, маратайские и даже из Логайи! Я узнал сбрую,— еле выговорил он.

— Так, и что же тут делают логайские лошади? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Хобарт.— Признаки битвы есть, Феакс?

— Нет, все спокойно. В лагере люди поют.

Озадаченный Хобарт вздохнул.

— Похоже, нам все-таки придется решать по обстановке на месте. Эй, все по коням! Когда подъедем ближе, будьте готовы скакать во весь опор, если на нас попытаются напасть.

Они обошли несколько обозов с запасами, везде их встречали приветливыми взмахами рук. Никаких следов крови или беспорядка видно не было. Как и говорил Феакс, повсюду виднелись лошади, стоящие стройными рядами. Пробираясь между ними, Хобарт вдруг заметил человека и узнал одного из королевских грумов Логайи.

— Эй, что ты здесь делаешь, Глауком? — крикнул он.

— Не знаю, господин. Я пришел с королем Гордиусом, потому что так было велено,— ответил юноша.

Во главе отряда Хобарт продолжил путь к главным воротам. Его заметили, не успел он и порога переступить, грянули трубы, пение и прочие звуки веселья смолкли, и наружу высыпала толпа людей.

Хобарт натянул поводья и приготовился развернуть лошадь, если потребуется, но встречающие не проявляли никаких признаков вражды. Впереди в окружении телохранителей и знаменосцев стояли четверо: Саньеш, король Гордиус, экс-генерал Воланос в костюме варвара, с короткими блондинистыми кудрями, торчащими во все стороны, и очень старый варвар, передвигающийся с палкой. Затем случилось то, чего Хобарт боялся больше, чем битвы: все четверо высокопоставленных лиц воскликнули, как один: «Хайль, Роллин, Король Королей!»

У Хобарта было секунд пять на то, чтобы удрать, но он потерял их, собираясь с мыслями. Потом их окружили, Аргумента

упала в объятия отца, а его активно стащили с лошади. Когда приветственная суматоха улеглась, король Гордиус крепко сжал его руку и произнес:

— Я знал, что ты спасешь ее, мой мальчик! А поскольку ты теперь король всей Логайи и хан паратаев, хан Ховинд — вот он,— король указал на старичка с палкой,— так вот, хан Ховинд вместе с сыном согласились, что единственным разумным решением является провозглашение тебя Королем Королей, Ханом Ханов трех наших стран!

— Но я не хочу быть Королем Королей...— вяло начал Хобарт.

— Глупости, сынок! Только ты можешь им стать.

Не выпуская руки инженера, король повел его через ворота внутрь лагеря.

— Понимаешь, раньше нам все никак не удавалось проверить это, поскольку маратаи не принимали паратайского или логайского вождя; жители Логайи — паратайского или маратайского, и так далее, хе-хе. Ты же не относишься ни к одним, ни к другим: странник с волосами, как у варваров, и цивилизованными манерами, как грубо обозвал тебя мой сын Аксиус,— невозможный человек в одежде несуществующего цвета, и в придачу отважный герой. Ты — единственный способен позаботиться о наших народах, остановить дурацкие междоусобные войны и действительно превратить нас в единую процветающую страну!

— Мы можем сделать ее еще боольше, великий хан,— добавил скрипучим голосом хан Ховинд,— завоевать дикую Теоорию...

— Я уверен,— встрял Гордиус,— что Пситорис не откажется, если пригласить...

— Даже если и откажется, все равно заставим...

— И обязательно надо захватить золотой город Плах, там центр торговых путей в Гань Жень...

— Еще нам нужны Поогребальнювые Гооры для, как вы гоовоорите — стратегическоого укрепления...

Хобарт слушал, не перебивая. Когда они дошли до ханского шатра, он с показным равнодушием спросил: «Пока вы тут планируете, как мне захватить всю планету, я вам не нужен? Могу я побыть один некоторое время?» Конечно, разумеется, он может, сколько угодно, ведь слово Короля Королей — закон. Хобарт скрылся от них в одном из самых маленьких отделений шатра, в котором провел ночь после битвы. Там он достал черепушку и вызвал Кая.

Желтокожий лекарь немедленно явился и принялся нервно озирается, напуганный звуками праздника, пробивающимися сквозь стенки шатра. Он весь был усыпан крупными красными волдырями.

— Шершни? — участливо спросил Хобарт. — Да, неприятно, старик, а ты не можешь вылечить их с помощью магии?

— Я купил заговор у бродячего торговца, не помогло, — беспомощно развел руками Кай. — Торговцы часто обманывают нас, бедных рыбоедов. Ты можешь запретить им это, Хан Ханов?

— Может быть. Вижу, новости распространяются быстро. Послушай, во время исчезновения ты можешь прихватить кого-нибудь с собой?

— Легко. Возьми меня за руку, и исчезнем вместе, фюить.

— О'кей. Знаешь, где обитает Разум?

— В смысле Бааа, хозяин всего?

— Разум или Жав или Бааа, называй, как хочешь.

— Знаю, — сказал Кай с растущим опасением на лунообразном лице.

— Перенеси меня туда прямо сейчас!

Кай затрясся всем телом и рухнул на колени.

— О, Величайший Хан из Ханов! Я боюсь! Бааа ведь повелитель всего! Очень сильный! Зачем тебе видеть его? — рыдал он.

— Этот ваш хозяин кое-чего натворил, что мне совсем не нравится. Надо поговорить. Давай сюда руку!

Поскольку Кай продолжал ныть по поводу своих опасений, Хобарту самому пришлось схватить грязную ладонь и хорошенько тряхнуть дикаря.

— Начинай колдовать! — прорычал инженер.

— Т-ты позаботишься о м-моем народе, если меня не станет?

— Да! Черт побери, клянусь, только...

В этот самый момент Кай растворился в воздухе; Хобарт почувствовал, как сильно натянулась рука, держащая ладонь. Он сжал пальцы еще крепче и почувствовал, как его тянут сквозь что-то неизвестное. Все слилось в яркую мешанину.

— Мы прибыли, — пискнул Кай. В глазах прояснилось, и Хобарт облегченно вздохнул.

Они стояли в огромной чаше в окружении высоченных блестящих черных скал. На стенах чаши не было видно ступенек или других каких неровностей. По-видимому, попав внутрь, без помощи крыльев или магии выбраться наружу невозможно, подумал Хобарт.

Дно чаши было округлым и плоским; они стояли как раз на границе, где обсидианоподобная скала начинала загибаться. В центре, примерно в полумиле от них, высилась большая белая пирамида, неестественно яркая из-за того, что лучи вечернего солнца освещали ее верхушку.

15

— Тебе туда,— сказал Кай, непонятно зачем указывая на пирамиду.— Я быстро уйду. Отдашь череп? Все равно больше работать не будет.

Хобарт снял ожерелье и отдал Каю.

— Прощай, Самый Ханский из всех Ханов Хан. Ты — очень сильный человек и совсем не нуждаешься во мне, помни только, что ты обещал защищать мой народ. Если все-таки понадоблюсь, найдешь меня на озере Нитрит вместе с другими ик-тепели.

И с этими словами лекарь исчез. Хобарт повернулся к пирамиде, ругая себя за забывчивость — надо было прихватить мушкет. Ничто не сравнится с уверенностью в себе человека с заряженным оружием в руке, даже если в качестве оружия всего лишь древний мушкет.

Солнце скрылось за стенами чаши, и немедленно в небе зажглись звезды. Хобарт стоял в полной темноте, чуть смягченной звездным светом, лицом к пирамиде, которая начала отчетливо светиться ровным холодным белым сиянием. Поколебавшись мгновение, он уверенно зашагал в том направлении.

Пирамида все росла и росла, пока не закрыла ему весь обзор. Хобарт остановился и крикнул:

— Эгей!.. Разум проживает здесь? — добавил он после секундной паузы.

Неслышно в ровной белой стене вдруг возник дверной проем, в котором стоял высокий пожилой мужчина величественного вида.

— Что тебе угодно, Роллин Хобарт? — спокойно спросил он.

— Я ищу большого босса, если вы хотите знать. Вы — он?

— Нет, я — слуга нашего господина, именуемый Псиллеус. Ты подавал прошение на высочайшее имя с указанием цели визита?

— Нет, но все равно хочу видеть Разум. Мне сказали, что любой может это сделать.

— Хорошо, если ты опрометчиво решил...

— Давай, ближе к теме,— раздраженно произнес Хобарт.— До этой штуки не так просто было добраться, и к тому же здесь холодно. Ваш Разум и правда существует?

Брови Псиллеуса поползли вверх.

— Разумеется! Самое прекрасное создание обязательно существует, Разум и есть — самое прекрасное создание, следовательно, он существует. Что и требовалось доказать.

— Ладно. Веди меня, Аристотель,— устало махнул рукой Хобарт.

Жрец кивнул и пропустил инженера внутрь. Из-за вездесущего мертвенно-бледного свечения рассмотреть очертания внутренних покоев было затруднительно. Они шли по какому-то проходу — Хобарт чуть не врезался в стену на повороте — и потом оказались в комнате с высоким потолком. Как только глаза Хобарта привыкли к освещению, он разглядел в центре комнаты другую пирамиду, меньшего размера и ступенчатого типа. Вместо обыкновенной острой верхушки пирамида заканчивалась блестящим белым стулом с абсолютно прямыми формами. На стуле сидела смутно различимая фигура в белом.

— Он пришел,— сообщил Псиллеус.

— Ага,— ответил голос с вершины пирамиды. Голос был сильный, но очень старый и несколько скрипучий.

— Подойди сюда, Роллин Хобарт. Зачем ты искал меня?

— Мне сообщили, что ты отвечаешь за некоторые события, случившиеся со мной за последние несколько дней,— нахально сказал Хобарт.

— Ага. Вполне может быть. Но сначала вопрос, а потом — аудиенция.

— Какой еще вопрос?

— Тебе неведомо? Все, кому я нужен, должны ответить на три вопроса, или оставить здесь душу, необходимую для существования их Разума.

— Гм, я думал, что любой может увидеть тебя...

— Истинно так, но о том, чтобы выйти отсюда, ничего сказано не было, ха-ха.

— И что же случается с теми, кто не отвечает на вопросы?

— Их помещают под трон, на котором я сижу.

— В смысле, внутрь пирамиды?

— Правильно, Роллин Хобарт.

— И что потом?

— Потом? Что ж, они прекращают существовать как отдельные сущности.

Это прозвучало хоть и неопределенно, но зловеще. Хобарт сразу вспотел, но тем не менее, нетерпеливо продолжил:

— Послушайте, мистер Разум...

— Вопросы, Роллин Хобарт! Даже и не думай о побеге или о своем мушкете; обе мысли бесполезны, а тебе потребуется мозг целиком для более конструктивных решений. Готов?

— Готов! — выкрикнул Хобарт. Пусть только попробуют засушить его в электрическую печь или что там у Разума под тронем!

— Вопрос первый. Если все расположено в космосе, как обычно говорят, тогда сам космос тоже должен быть в космосе, космос внутри космоса тоже должен быть в космосе и так далее до бесконечности. Однако это абсурд, так как по определению существует только один космос. Как ты объяснишь данный парадокс?

Хобарт нахмурил брови, затем улыбнулся.

— Легко, Ваше Величество или как там тебя называют. Нет никакого парадокса, только путаница между двумя значениями маленького предлога «в». Говоря «все находится в космосе», мы подразумеваем, окружены космосом, а вот «космос в космосе» находится в том смысле, что они совпадают или идентичны друг другу. Уловил?

На некоторое время воцарилась тишина, затем голос с пирамиды низким тоном произнес:

— О Роллин, ты разрешил проблему пространства, которая веками не давалась мудрейшим из жителей мира. Однако проблема времени вряд ли покажется тебе такой простой... Вопрос второй. Чтобыдвигающееся тело могло достичь определенной точки, оно сначала должно пройти половину расстояния до нее, а перед этим — четверть расстояния и так до бесконечности. Значит, чтобы передвинуться из одного пункта в другой, тело должно пройти бесконечное число расстояний. Понятно, что такой путь невозможно преодолеть за конечное время. Таким образом, движение невозможно или ни на минуту не может остановиться. Как объяснишь ты этот парадокс?

Хобарт в недоумении поднял плечи.

— Скажи мне, кто продал тебе такую загадку под именем трудной? Кто сказал, что расстояние с бесконечным числом составляющих есть то же самое, что бесконечное расстояние? Если взять конечное расстояние, с которого ты начал, и разделить на

бесконечное число частей, каждый кусочек будет настолько мал, что потребуются *бесконечно малое* время для его преодоления. Таким образом, одна бесконечность уничтожает другую.

— Я не совсем понимаю, Роллин Хобарт...

— Потому что ты никогда не изучал методы исчисления в Масачуссетском Технологическом... Короче, бесконечность — исключительно математическая концепция, поскольку никто никогда не шел на бесконечное расстояние и не делил дюйм на бесконечное число кусочков. Кстати, твои вопросы мне очень знакомы. Кажется, их придумал греческий философ Зенон?

Тусклые белые одежды беспокойно зашевелились.

— Совсем не удивительно, что я знаю твое имя, Роллин Хобарт. Но откуда тебе известно мое?

— Ты хочешь сказать, что *ты* — Зенон из Элеи?

— Был им, до того как стать Разумом. Я даже посетил твой мир, троичный мир, с целью найти ответы на эти вопросы. Мне это не удалось — но вижу, что прогресс не стоял на месте.

— Что значит «троичный мир»?

— То и значит, что должно существовать бесконечное число миров, соответствующих тем законам логики, на которых они основаны. Вот этот мир — двоичный, ибо все является либо не является чем-то. Твой мир — троичный, все в нем является чем-то целым или его частью, либо ни тем, ни другим.

— Звучит так, как будто здесь господствует аристотелева логика, — сказал Хобарт.

— Ха-ха, ты уморишь меня до смерти, Роллин Хобарт! Знай, что вскоре после того, как я вернулся сюда и стал Разумом, у нас появился ученый по имени Аристотелес, который поклялся отправиться в твой мир, чтобы обучить жителей истинной логике — то есть нашей. Я не знаю, что с ним случилось — но, видимо, он преуспел...

— А как должен выглядеть мир однозначной логики? — спросил Хобарт.

— Однообразно, тебе не рекомендую. Погоди-ка, проблема времени решена — но, возможно, с движением тебе повезет меньше. Вопрос третий. Два тела,двигающиеся с одинаковой скоростью, проходят равное расстояние за одно и то же время. Но когда эти тела движутся в противоположных направлениях, одно из них должно проскочить второе за половину времени, требуемого второму, чтобы проскочить первое в той же точке. Что предложишь теперь, Роллин Хобарт?

Хобарт громко рассмеялся.

— Ты разве никогда не слышал об относительности движения? Разве тебе не известно, что говорить можно только о движении относительно чего-нибудь в пределах того, что мы называем лабораторной системой отсчета.

И Хобарт на десять минут погрузился в объяснения. Когда он, наконец, закончил, фигура медленно произнесла:

— Ты ответил на мои вопросы, Роллин Хобарт, в чем я был совершенно уверен. Мой срок вышел.

И фигура с трудом встала с трона и начала медленно спускаться по ступеням пирамиды. Хобарт обнаружил, что Разумом тут служил древний старик со скудными остатками белоснежной бороды.

— Эй, что ты собираешься делать? — спросил он.

— Делать? — переспросил старец. — Конечно, умереть, и как раз вовремя. Я больше тут не нужен, поскольку ты стал новым Разумом.

— Что?

— Конечно, Роллин Хобарт, ты ведь ответил на три вопроса. Разве это не просто? Я так долго ждал тебя и совершенно утомился от собственного высокого положения. Когда мои останки уберут, надень мою одежду и садись на мое место. Пища тебе не нужна, души посетителей, неспособных ответить на вопросы, накормят тебя. Жрецы разъяснят твои обязанности и права. А теперь прощай. Ох, Псиллеус, подойди сюда!

Хобарт взорвался.

— Господи, но я не хочу этого делать! Не хочу быть ни принцем, ни королем, ни императором, ни тем более богом! В гробу я вас всех видел...

— Да, хозяин? — отозвался жрец со стороны двери, полностью игнорируя яростно жестикулирующего Хобарта.

— Я умираю, добрый Псиллеус. Роллин Хобарт принес с собой смерть, как я и сказал вначале. Хорошенько заботься о нем. Прощай!

И маленькая сморщенная фигурка повалилась на мерцающий пол. Белое одеяние накрыло ее сверху, ниже, ниже, пока между ним и полом не осталось ничего.

Псиллеус поднял белую тряпку и вытряс из нее немного серебристой пыли, а затем протянул Хобарту.

— Твоя одежда, Разум, — произнес он, когда стало ясно, что Хобарт игнорирует протянутую вещь.

— Иди к черту,— заорал Хобарт.— Никакой я тебе не Разум! Выпусти меня отсюда, мне нужен Гомон.

— Ты есть следующий Разум, повелитель всего,— настаивал Псиллеус.— Разве ты не наденешь одежду и не сядешь на трон, чтобы твой слуга мог с обожанием пасть ниц?

— НЕТ! Если ты падешь ниц, я двину тебя ботинком под зад. Где же чертов выход — а, вот он! Пока, старикан, я пошел!

— О, мой господин, постой! Ты не можешь оставить пирамиду! — вскрикнул жрец.

— С чего ты взял?

— Без Разума, зрелого или начинающего, наш мир рассыплется на части!

— Ну и пусть.

Хобарт снова двинулся к двери, но Псиллеус издал вопль такого ужаса и отчаяния, что ему пришлось остановиться.

— Что ж, не хочешь, чтобы я ушел, *сам* найди и приведи сюда Гомона! Если ты такой весь из себя верховный жрец, то тебе ничего не стоит обнаружить одного тощего аскета!

— Хорошо,— забормотал жрец.— Все будет сделано так, как пожелает господин. Хиделас!

— Иду,— отозвался сонный голос, принадлежащий низкорослому толстому жрецу, помоложе Псиллеуса.

— Я только заснул... святые небеса, это наш новый избранник-Разум?

— Он и есть.

— Чего он не сел на свой трон?

— Мне сие неизвестно,— ответил Псиллеус,— это против всяких правил. Иди, Хиделас, и разыщи аскета Гомона, ибо наш господин желает его присутствия.

— Да, и как можно быстрее,— крикнул Хобарт.

— Если мой господин сядет на свое высочайшее место, он сможет вызвать Гомона самостоятельно! — запротестовал Хиделас.

— Да? А я смогу покинуть трон после того, как сяду на него?

— Ну, э-э-э,— забеспокоился Псиллеус.— Ты не должен хотеть покинуть...

— Ха! Ловушка, так и думал! Пойдем сложным путем: один из вас отправится на поиски Гомона, прямо сейчас!

Толстый жрец ушел, качая головой. Хобарт устало сел на пол.

— Принеси-ка мне поесть, Псиллеус,— сказал он.

— Ты имеешь в виду личинок или насекомых?

— Я имею в виду еду!

— Если бы господин взошел...

— ЙЕ-Е-О-У! Я не взойду на ваш дурацкий трон и все тут! Проще сесть на электрический стул с лунатиком поблизости от рубильника! И когда я прошу еду, то имею в виду нормальную простую человеческую пищу!

Псиллеус выбежал вон и вскоре вернулся с ломтем хлеба, куском сыра, банкой варенья и бутылкой вина. Хобарт немного расслабился.

— Ничего нет такого интересного в этой пище? Я наложу на тебя ужасное заклятье, если есть. Иди сюда, сядь, устраивайся поудобнее.

— Но... мой господин... это против правил...

— К дьяволу ваши правила! Садись и помоги мне съесть все это. М-м-м, отлично. Думаю, вы, жрецы, тут неплохо устроились, а?

Псиллеус ел очень экономно, с выражением человека, полагающего, что либо он сам, либо его компаньон сошел с ума. После еды Хобарту не оставалось ничего другого, кроме ожидания. Было бы легче, если бы он присел на нижнюю ступеньку пирамидального трона — но нет, лучше не приближаться к адскому сооружению. Через некоторое время ему захотелось спать. Не обращая внимания на свет, он растянулся на полу и отключился.

Проснувшись от ломоты во всем теле, он с облегчением обнаружил, что благочестивый Псиллеус не затащил его во время сна на вершину пирамиды. День то ли возростал, то ли убывал, как там лучше описать его поведение с точки зрения местной логики. Стены большой пирамиды просвечивали, и Хобарт мог легко наблюдать за перемещением светила. Ему показалось, что солнце движется с необычной скоростью, или это всего лишь оптическая иллюзия?

Псиллеус принес завтрак, и солнце немедленно остановилось на пути к зениту. Хобарт поел и немного расслабился, светило опять помчалось вверх.

— Псиллеус! — крикнул он. Солнце остановилось.

— Да, господин? — жрец выглянул из прохода с тарелкой и полотенцем в руках.

— Мне мерещится, или я в самом деле могу остановить солнце одними словами, как тот парень, Иешуа?

— Солнце следует заданным курсом, господин.

Хобарт почесал в затылке и объяснил наблюдаемый феномен более подробно.

— Ох, мой господин изволил забыть, что пока он думает свои великие думы, время бежит быстрее, чем для нас, простых смертных. Тысяча дней как один.

Наконец стало понятно, каким образом экс-Разум, Зенон, так хорошо сохранился со времен V века до рождения Христа. Значит, и с точки зрения продолжительности жизни выполнение роли Разума невыгодно — времени ему отпущено все равно столько же, сколько и обычным людям. Зато такое положение вещей прекрасно спасало от скуки, поскольку день пролетел до того, как Хобарт успел заскучать... сильно. Однако инженеру все это совсем не нравилось, поведение солнца доказывало, что он уже обладает кое-какой божественной мощью, которая ему вовсе ни к чему.

Так же быстро пронесся и следующий день, и опять Хобарт не сдвинулся со своего места на полу башни. Малейшая забота Псиллеуса об удобстве господина, если только тот сочтет.. приводила Хобарта в бешенство. Ему везде виделись подвохи и ловушки.

На третий день вернулся толстый Хиделас, за ним, к вящей радости Хобарта, плелась худая полуобнаженная фигура.

— Гомон! — закричал он и прыгнул вперед, чтобы пожать жилистую руку аскета. Тот поднял голову с возмущенным видом.

— Господин! Вновь избранный Разум не должен компрометировать себя близкими отношениями со скромным аскетом!

— К черту все это и Разум в том числе! Ты предполагал, во что я впутаюсь, когда похищал меня из доброго старого Нью-Йорка? Ты вообще знаешь о том, что случилось со мной?

— Слухи доходили до меня, о Разум-в-будущем,— подтвердил Гомон, и слабый огонек зажегся в ледяных голубых глазах.— Твоему верному поклоннику кажется, что жители этого мира разглядели и оценили по достоинству то, что отверг твой собственный мир.

— Да, так они думают. Но Я хочу вернуться. Мне здесь не нравится, я не гожусь и не останусь ни за что. *Ты должен* отвести меня в тот туннель!

Аскет порывисто вздохнул.

— Ты и впрямь не годишься, о Избранник. Надо же, сам лишил себя плотских утех со вдовами Хурава...

— Что, ты и об этом слышал?

— Я много о чем слышал. Итак, ты отказался от них, в результате одна подумала, что ты — аскет, тогда как мне доподлинно известно, что это не так.

— Ага, мне только не хватает парочки маленьких Роллинов с воплями: «Не покидай нас, папочка!»

— Как я уже сказал, твое поведение не совсем похоже на аскета. Ты рискнул взвалить на себя ответственность, тобой же и спровоцированную, в результате люди подумали, что ты — благородный человек. Однако ты нарушал обещания по мелочам, что, строго говоря, не совпадает с достойным поведением. Короче, ты ни плох, ни хорош, не абсолютно невинный, но и не развращенный, не бесчестный, но и не благородный до конца. В нашем мире такое просто невозможно.

— Да знаю я! И это одна из тех вещей, которые я не могу понять и принять.

Гомон улыбнулся.

— Ты последователен только в одном направлении и упрям. Но боюсь, не могу способствовать твоему стремлению вернуться в трехзначный мир.

— Почему? — от негодования голос Хобарта перешел в клеткот.— Туннель, что ли, заблокирован?

— Вовсе нет, о господин. Но тебе известно или нет, что без Разума наш мир пропадет? Я не могу допустить, чтобы такой кошмар приключился с его ни в чем не повинными жителями.

— Даже если лорд Высокий Стул прикажет тебе?

— Даже и тогда. Уничтожь меня на месте или кинь в душегубную печь, я не отступлю.

— Да я... я просто могу уйти отсюда, и пусть все рухнет или провалится в тартарары, или взорвется, или все равно что. Я так и сделаю, имей в виду!

— Главное, что я тут буду ни при чем.

И Гомон скрестил на груди руки, очевидно, готовясь к худшему. Хобарт задумался ненадолго, выражение отчаяния пропало из его глаз.

— Расскажи-ка мне о моей новой работенке. Могу я взойти на трон и творить чудеса? — спросил он явно с намеком.

— Возможности твои безграничны, по крайней мере, в этом мире, о господин.

— Могу я пожелать чего-нибудь, и желание сбудется?

— Да, до тех пор, пока ты не ограничиваешь силу Разума.

— В каком смысле?

— Ну, ты не можешь изменить что-либо навсегда, потому что тогда следующий Разум не сможет это изменить. То есть ты ограничишь его силу, которая по определению не может быть ограничена.

— Послушай, Гомон, либо я полноценный Разум, либо нет, следуя твоей же причудливой логике; значит, если Разум всемогущ, то и я должен быть таким...

— Да простит меня мой господин,— прервал его аскет,— но я не понимаю столь тонких философских материй. Я только еще достигаю духовного совершенства, в основном, за счет своей скромности.

— Хм. А что ты ценишь превыше всего?

— Мое духовное совершенство,— немедленно ответил Гомон.— Ни смерть, ни мучения не коснутся его!

— Не хочу показаться тебе грубым, старик,— усмехнулся Хобарт,— но после всего того, что ты натворил, притащив меня сюда, скажу тебе следующее. Либо ты возвращаешь меня домой, а жрецы тем временем подыскивают нового претендента на трон, либо я поднимусь туда и превращу тебя в развратного распутника, какого твой аристотелев свет еще и не видывал! Ты жить не сможешь без спиртного, от одного только взгляда на женщину будешь сгорать от вожделения и желания сорвать с нее одежду немедленно...

Ужас искажил черты лица аскета, его самообладание разбилось вдребезги.

— Только не это! Слушаюсь и повинуюсь, о Избранник! Мне не справиться с тобой! — зарыдал он.

— Так-то лучше. Теперь, думаю, нам надо поторопиться.

— Я провожу тебя,— поникшим голосом ответил Гомон.— Но пока еще ты здесь, я должен предупредить людей, чтобы они закончили все свои дела. Уже иду!

И аскет, придерживая набедренную повязку, торопливо удалился.

16

Прошло много дней, милосердно стремительных, а Хобарт все ждал аскета. Сто раз на дню он радовался тому, что все устроилось, и еще сто раз убеждал себя, что где-то спрятана ловушка. Когда Хиделас объявил о возвращении Гомона, Хобарт наспех попрощался со жрецами, не обращая внимания на их последние мольбы, и с криком: «Скорее!» схватил аскета за локоть и потащил к выходу.

Как только они вышли из пирамиды, яркое солнце заволочло невесть откуда взявшимся серым туманом. Все вокруг приобрело цвет сырой промокашки, очертания предметов расплывались на расстоянии двадцати футов.

— Вот оно, безвластье. Законы природы перестали действовать, и все то ли живет, то ли уже умерло,— тоскливо объяснил Гомон.

— Меня это не волнует. Я беспокоюсь только о том, чтобы ты не заблудился в тумане,— одернул его Хобарт.

Они быстро добрались до краев чаши и начали подниматься по изогнутой стене. Сначала путь был легким, а потом склон стал слишком крутым для размеренной беседы. Ботинки Хобарта соскальзывали с «обсидиана», тогда как босоногий Гомон спокойно двигался наверх. Затем добавилось еще кое-что: под ногами Хобарта скалы начали крошиться и сминаться. После нескольких обвалов поверхность скал стала неровной и вполне пригодной для подъема.

— Видишь, о Роллин. Началось,— стонал Гомон.

— Разрушение?

Аскет всхлипнул, кивнул и подал Хобарту руку, помогая преодолеть последние несколько футов. На краю чаши стояли два навьюченных животных — лошадь и ослик. Хобарту, разумеется, предназначалась лошадь.

— Более подходит моему смиренному положению,— пояснил аскет, садясь на осла.

К седлу Хобарта были приторочены два мушкета.

— Поехали,— двинул пятками Гомон в бок своего скакуна.

Ослик послушно рванулся вперед, похоже, Гомон умел находить взаимопонимание с меньшими братьями. Они двигались по краешкам чаш, абсолютно идентичных той, в которой стояла пирамида. По мере продвижения блестящая черная поверхность скал покрывалась все большими трещинами и ямами. Когда здесь говорят о крушении мира, то именно физическое крушение и имеют в виду!

Всадники выбрались на равнину и пришпорили скакунов, в дороге Гомон, видимо, руководствовался инстинктом. Они проехали груды мусора, еле различимую в тумане, которая недавно еще была хижиной крестьянина. Хозяин вместе с семьей стояли перед руинами дома и сыпали проклятьями.

— А дома в больших городах не разрушатся? — поинтересовался Хобарт.

— Айе,— резко ответил Гомон.— Что, по-твоему, я делал, пока ты сидел рядом с тронem? Я послал весточки всем городам, чтобы люди попытались выжить на случай, если каким-то чудесным образом отыщется новый Разум! Расслабься, мы уже в Конических Горах.

— Так быстро?

— Они были недалеко.

Хобарт видел, что некогда острые однообразные конусы начали обваливаться и оплывать, что придало им сходство с настоящими горами. Когда они въехали в проход, копыта животных погрузились в мягкий сыпучий грунт.

— Быстрее! Туннель может исчезнуть! — крикнул Гомон.

Мучительное путешествие все продолжалось и продолжалось, Хобарт до крови закусил губы и молился Разуму, чтобы Гомон не сбился с пути.

— Стоп! — взревел аскет, мгновенно претворив слово в дело. — Заряди мушкеты, если они не заржавели.

Хобарт вытащил оружие, оно все было покрыто красноватым налетом, но выглядело еще вполне прилично.

— А зачем оно нам? — крикнул инженер вслед Гомону, взбирающемуся по камням, закрывающим вход в туннель.

— Пещерники, — обернулся аскет. — Обвалы могут довести их до такого состояния, что они нападут даже на меня, хотя я столько лет прожил с ними! И самое ужасное, что мне придется защищаться, применять силу по отношению к живым существам!

Хобарт штурмовал холм до тех пор, пока сердце не начало стучать, как пулемет, а каждый вздох — приводить к режущей боли в груди. Он буквально дополз до входа в пещеру, и чувствовал, что вот-вот ляжет и не сможет подняться, и пусть хоть весь мир обрушится сверху — он дальше не пойдет. Однако Гомон беспощадно сказал:

— Твое огнедышащее устройство, о Роллин! Быстрее!

Хобарт отдал ему зажигалку. Аскет зажег факел, заранее оставленный у входа в пещеру, и запалы мушкетов.

— Пошли! — рявкнул он. Хобарт потащился за ним, с трудом втягивая воздух открытым ртом. В темноте что-то тихонечко гудело; маленькие кусочки свода туннеля плавно падали сверху и застревали в волосах. Несмотря на свой рост, ему практически приходилось бежать, чтобы поспевать за гигантскими шагами аскета. Скрежет и гул за их спинами свидетельствовали о серьезных горных обвалах.

Гомон неожиданно остановился, факел отбрасывал на стены дрожащие тени. Он поднял палец в предупредительном жесте. Хобарт снова услышал тот жуткий нечеловеческий вой и понял, что каждый волосок на его теле встал дыбом. Звук приближался, и впереди в коридоре что-то задвигалось.

Оно было настолько хуже всех самых кошмарных ожиданий Хобарта, что тот был на грани потери сознания. Человекообраз-

ное существо, мертвенно-бледное, безглазое и все покрытое длинными редкими волосками, похожими на кошачьи усы. Обнажив зубы, с пронзительным воплем оно бежало к ним по коридору, вытянув вперед длинные руки.

Хобарт пристроил один мушкет позади Гомона и отпустил запал. Ослепительная вспышка и грохот давно прошли, а дождь кусочков все сыпался и сыпался сверху. Когда дым рассеялся, инженер с радостью обнаружил, что существо лежит на спине совершенно неподвижно.

Гомон перепрыгнул тело пещерника одним огромным скачком. За ним с трудом перелез Хобарт. Им пришлось немедленно остановиться, поскольку белые образины заполнили собой весь туннель. Хобарт разрядил второй мушкет, без слов отдал его Гомону и с обнаженным мечом бросился вперед.

Он уничтожил одного, другого, затем его окружили, и чьи-то зубы впились ему в ногу... Он бешено рубил и толкал, и колол, и слышал позади себя тяжелое дыхание Гомона и *бамп! бамп!* ударов приклада по черепам. Гомон простер вперед замечательную удлиняющуюся руку и раскидал несколько пещерников перед инженером, в то время как в голове последнего родился маленький бредовый силлогизм: «Все обитатели пещер — улитки, саламандры etc — белые и слепые. Пещерники живут в пещерах. Поэтому они белые и слепые».

Что-то пролетело рядом с головой Хобарта с громким свистом: тело пещерника врезалось в толпу его сородичей, отбросив их назад, как пушечное ядро. Гомон пробежал мимо, размахивая мушкетом и с горящим факелом в руке, затем он замер и сделал шаг назад, практически наступив на Хобарта. Он успел крикнуть через плечо: «Назад! Туннель руш...» Конец слова потонул в глухом нарастающем реве: в неясном свете факела Хобарт увидел, как впереди по ходу туннеля огромные камни вываливаются из стен и катятся по коридору, а за ними вырывается плотное облако пыли. Пол под ногами качнулся, и два человека пустились наутек.

Позади них раздалась вопли пещерников, проникших в тоннель из боковых проходов.

Хобарт слышал звук погони и принялся вслепую размахивать мечом за спиной, не прекращая бега. Усилия не пропали даром: он кого-то задел и услышал стон. Маленькое серое пятнышко внешнего мира сначала, казалось, стояло на месте, а затем внезапно распахнулось перед ними. Мужчины помчались вниз длин-

ными извивающимися скачками. Гомон, в конце концов, потерял свою повязку, и почти все его тело кровоточило от мелких царапин и порезов.

— А они последуют... — начал вопрос Хобарт.

— Нет солнца, чтобы остановить их, — ответил Гомон, прыгая на ослика.

Хобарт сунул меч в ножны и быстро оседлал лошадь. Они сорвались с места, когда бледнолицее полчище высыпало из туннеля и «покатилось» вниз, как кусочки поп-корна.

Животные без принуждения со стороны всадников неслись вперед и быстро скрылись «из вида» отвратительных дикарей. Однако тонкие пронзительные вопли сзади никуда не девались и не становились тише.

— Нас преследуют? — спросил Хобарт.

— Да, по запаху. Когда выберемся на равнину, сможем оторваться.

— Эй, Гомон, если туннель разрушен, как же я смогу попасть домой?

— Никак, мой друг.

— Разве нет какого-нибудь другого места...

— Известного мне — нет. Конец туннеля — единственная точка, где барьер между мирами достаточно тонок для проникновения моей духовной силы. Мы должны вернуться в башню Разума.

— Что? Да, никогда...

— У тебя нет выбора, о Роллин. Уверен, что только ты можешь остановить безвластье и вернуть назад солнце. Пока этого не произойдет, пещерники будут гоняться за нами по всему свету, если потребуется. Хотя вряд ли, поскольку со временем они нагонят любую, даже самую быструю, лошадь. А теперь задержи дыхание, мы выходим на равнину.

Они обогнули последние конусы и перешли на галоп. Крики преследователей значительно отдалились, но не смолкли окончательно. Вскоре они снова проскочили мимо разрушенной крестьянской хижины. Хобарту пришла в голову мысль, что, пожалуй, пещерникам все равно, кем удовлетворять свой аппетит. Он наклонился к людям и крикнул:

— Спасайте свои жизни! Пещерники приближаются!

Крестьянин тупо посмотрел на него.

— Пешком им никак не спастись, о Роллин, — заметил Гомон. — Пещерники все равно обнаружат их по запаху и убьют, как и многих других, если не будут остановлены.

— Далеко еще до пирамиды?

— Может, мили две.

— Хорошо, мы оставим им своих животных. Слезай!

Хобарт спешился и повторил предупреждение. Тонкие крики настигли их сквозь туман, крестьяне скомканно поблагодарили своих спасителей и уехали.

Хобарт проверил карманы пиджака своего коричневого делового костюма — сильно помятого, грязного и выцветшего — и сбросил его вместе с галстуком. Затем он побежал вперед длинными легкими шагами, держа ножны меча в левой руке. Гомон трусил позади него.

Улюлюканье пещерников еще довольно долго было еле слышным. Но потихонечку оно начало нарастать. Спутники обменялись взглядами, но промолчали, экономя силы. Хобарт сильно устал от дороги к туннелю, но вполне мог пробежать еще чуть-чуть, только не очень быстро.

Вопли заметно приблизились, когда инженер и аскет добежали до черных скал. Гомон указывал путь, огибая одну чашу за другой. Оглянувшись, Хобарт заметил очертания маленьких фигурок, пробиравшихся сзади них сквозь туман.

— Быстрее, — выдохнул Гомон, ускоряя и без того мощные скачки. Хобарт старался не отставать, понимая, что преследователи постепенно наращивают темп.

Только он задумался о том, стоит или нет выбрасывать меч, как они добежали до чаши с мерцающей белой пирамидой, единственным четким силуэтом среди наступившего полумрака. Гомон начал спуск, не снижая скорости движения. Хобарт после четырех прыжков подвернул ногу и покатился вниз, больно ударяясь о камни, вдобавок ножны стучали его по голениям и тыкались в ребра. Кувыркание закончилось на дне чаши, при попытке встать выяснилось, что поврежденная нога больше не может поддерживать его. Вопли пещерников заставили Хобарта поднять голову — чудовища сгрудились возле краев чаши.

Гомон поднял Роллина Хобарта, пристроил его под мышкой и устало побежал к пирамиде. Хобарт оказался внутри в окружении Хиделаса и Псиллеуса быстрее, чем смог об этом подумать.

— Быстрее, господин, займите трон! Иначе пещерники предадут нас мучительной смерти! — закричали одновременно оба жреца и Гомон.

— Но ведь сюда они не могут войти... — слабо протестовал Хобарт.

— Айе, на самом деле, могут! Пока место Разума вакантно, пирамида является просто грудой святающихся камней и не более того! Торопись! — убеждал Гомон.

— О господи, почему никто из вас не может этого сделать? Все Разум был бы лучше, чем...

Его прервали нестройные крики протеста: «Моя скромность запрещает...», «Мы избраны жрецами как раз потому, что у нас нет подобных амбиций...», «О господин, исполни же свой долг!»

Они не перестанут протестовать даже тогда, когда пещерники начнут их есть, но на трон не сядут, думал Хобарт. Вопли приближались — дикари достигли дна чаши.

Молчаливо кляня их, на чем свет стоит, Хобарт натянул белое одеяние, протянутое Псиллеусом, и начал взбираться по ступеням трона. С каждым шагом подъем становился легче, последние две ступени он преодолел одним прыжком и запрыгнул на квадратный, неудобный на вид стул, как будто всю жизнь только этим и занимался.

Мгновенно за окном исчезли серость и полумрак. Туман улетел (Хобарт не знал, как это возможно, но он точно видел серые завихрения), и на небе снова засверкало солнце, яркое и прекрасное. Пещерники снаружи сбились в кучу, непрерывно завывая в смятении.

— Пусть пещерники замрут в своих теперешних позициях, пока я не придумаю, что с ними делать! — прокричал Хобарт.

Вой тут же прекратился. Вокруг пирамиды застыли белые, безглазые, оскаленные статуи.

Хм, быть Разумом не так уж плохо! Хобарт откинулся назад, с удивлением обнаружив, что трон стал абсолютно комфортным. Ощущения пропали, как будто его просто погрузили в соленую ванну с водой температуры тела. Боль в лодыжке, равно как и в натруженных легких утихла.

Далеко внизу три фигуры, две в белом и одна грязная, с должным восхищением распростерлись на полу. Хобарт позволил себе расслабиться на целую минуту, радуясь новизне восприятия. Он снова выпрямился и сказал:

— Пусть в Королевском Зоопарке Оролойи появятся новые клетки подходящего размера и качества! Пусть пещерники вернуться к нормальной жизни, но внутри этих клеток! Эй, вы там, внизу, вставайте! Вы меня смущаете. Поиграли в бога, и хватит. Опа!

Хобарт попытался подняться со стула, но понял, что не может. Он напряг все мускулы и уперся, как ему казалось, в пол. Раздалось могучее «Ух-х-х!», но все без толку.

— Эй! — крикнул он своим почитателям. — В чем дело? Я хочу уйти!

Псиллеус совершенно искренне удивился.

— О Разум, воистину... то, что ты говоришь очень странно, ибо никто не должен желать отказа от славы, подобной твоей!

— Вы просто никогда не пытались заставить Роллина Хобарта стать Разумом. Немедленно заберите меня отсюда!

— О господин, — почтительно пробормотал Псиллеус, — ты не можешь уйти, пока не явится следующий претендент, иначе ты умалишь достоинство своего сана, пребывающего ныне и присно и вовеки веков. Твои слуги не разумеют способа высвободить тебя.

— Неужели? — Хобарт задумался на несколько секунд. Так они думают, что поймали его? Ха-ха.

— Гомон!

— Да, господин?

— Как насчет того, чтобы стать Разумом?

— Оу-у-у! — взвыл Гомон прямо с разрывающей сердце мучкой в голосе. — Пощади своего слугу, о Разум! Что же станется с моей скромностью и самоуничижением? Не говоря уже о духовном совершенстве? Зачем же я в течение стольких лет подавлял все желания, отказывался от стольких удовольствий! Столь возвышенное место для меня будет худшей судьбой из всех возможных! Уничтожь меня, если пожелаешь, или преврати в гнуснейшего из гедонистов, но на такой шаг я пойти не могу. А теперь, если господин не возражает, я бы хотел вернуться к своей уединенной жизни скромного служителя, свободной от радостей во имя духа!

Хобарт усмехнулся.

— Что ж, если тебе так нужны страдания, и быть Разумом — худшее из них, то это кресло прямо под тебя и создано. А ну, *немедленно вернись сюда!* — Гомон съезжился у подножия трона. Инженер продолжил. — Конечно, так поступать отчасти нехорошо, но ты сам заварил эту кашу. — Он набрал в легкие побольше воздуха и вскричал. — На счет «три» должно произойти следующее: первое — все повреждения, случившиеся во время последнего конца света, восстановлены; второе — аскет Гомон не только подойдет для работы Разумом, но и сам возжелает этого; третье — вышеназванный Гомон, упомянутый в предыдущей части, станет Разумом, на троне и все такое. И, наконец, я, нынешний Разум, вернусь в свою квартиру в Нью-Йорке в трехзначном мире в качестве обычного Роллина Хобарта. Раз, два, три!

* * *

Он стоял в своем собственном кабинете.

Жадно вглядываясь в каждую деталь и чуть не расплакался при виде старых учебников и прочих, может и не очаровательных, но крайне индивидуальных принадлежностей. Он повернулся к двери, поморщился — лодыжка снова дала о себе знать, и с опаской выглянул в щелку. Никакого туннеля в скалах, только добрый старый коридор...

Он отстегнул ножны с мечом — неплохой сувенир, между прочим — и опустился в любимое большое кресло. Задрал штанину на левой ноге. Укус пещерника оставил ему на память двойной ряд сине-черных синяков — но зубы, по счастью, не проткнули кожу. С правой ногой дела обстояли хуже. Он снял ботинок и стянул носок, на котором в месте вывиха поползли петли. Он мог чуть-чуть пошевелить стопой почти без боли, значит, все не так страшно, как казалось вначале. Однако какая глупость не залечить все раны, будучи Разумом...

На одной ноге он допрыгал до потрепанного портсигара и достал сигару. О Разум, как прекрасно, наконец, расслабиться!

Половина сигары уже превратилась в дым, когда звук со стороны кухоньки заставил Хобарта наострить уши. Он подумал, что и раньше слышал чьи-то движения, но посчитал их игрой воображения. Теперь звук был вполне отчетливым: *клик, клик* — шейкер для коктейлей. Кому, черт возьми, понадобилось готовить напитки в *его* апартаментах?

— Джордж? — позвал он. — Слушай, Джордж, помнишь, я сказал, что мир на основе аристотелевой логики невозможно себе даже представить? Как я ошибался. Я только что оттуда, и это кошмарнейшее место...

Из дверей появился новоиспеченный «бармен» с подносом в руках. Им оказалась принцесса Аргумента, облаченная вместо обычных полупрозрачных тряпок в последние модели от Сакса.

— Угк,— поперхнулся Хобарт. Когда его разум вернулся из мест не столь отдаленных, он смог, наконец, произнести: — Спасибо... Я вполне мог бы... ты выглядишь на миллион дол... Послушай, Аргумента, что ты делаешь в моей квартире?

Она озорно улыбнулась.

— Я тут уже три дня. Мне так хотелось увидеть твой мир, что я убедила милого Гомона использовать секретный туннель. О небо, что с твоей ногой?

— Вывих. Если ты сможешь притащить что-нибудь достаточно большое с холодной водой, будет здорово. Да, и в ванной где-то были соли Эпсома¹. Просто высыпь их в воду.

Аргумента вышла и вскоре вернулась со сковородой, доверху наполненной раствором.

— Так во-о-от, твоя маленькая деревенская подружка осмотрелась здесь и решила, что ей нравится. Гомон предупредил, что ты появишься через несколько дней,— закончила она.

— Он чуть было не ошибся,— сказал Хобарт.

— Что случилось? Гомон говорил об опасности.

— О-о-ох! — инженер опустил ногу.— В другой раз расскажу, много чего произошло, а я так устал.

— Сошел с ума? — Она наклонилась к нему.

— Н-не совсем...

Она погладила его по коленке.

— Не беспокойтесь обо мне, *мистер* Хобарт. Я покидаю вас прямо сейчас, ухожу в отель, пока работа не начнется.

— Работа?

— Вопрос уже решен. У Фанка и Вагналлса. Буду работать лексикографом¹ — хотя, должна признаться, трудно было убедить их. Без единой рекомендации... ну, ты понимаешь.

Хобарт сделал еще одну затяжку и сказал:

— Ты изменилась, Аргумента.

— В какую сторону?

— Одежда, и речь, и... вообще... ты стала настоящим человеком!

— Спасибо тебе за комплимент. Хотя никем я не становилась, а просто применила на практике первый подарок крестной Козикеи — интеллект.

Хобарт изумленно покачал головой.

— Знаешь, я тут некоторое время буду совсем беспомощным, и некому мне помочь с едой и э-э-э...

— Ты хочешь, чтобы я готовила для тебя? — возмутилась Аргумента.— Извини, Ролли, но у меня другие планы. Если хочешь, я попрошу, чтобы из ближайшего ресторана присылали человечка.— Она допила коктейль и подчеркнуто отставила стакан в сторону.— Все, ухожу.

¹ Соли Эпсома — медицинский препарат на основе сульфата магния, применяемый для очистки кишечника.

² Лексикограф — человек, занимающийся составлением словарей.

Она решительно направилась в спальню и вышла оттуда с небольшим саквояжем. Хобарт забеспокоился.

— Аргуменда, я тут подумал. Может быть, я... слишком, э-э-э... опрометчиво...

— Роллин Хобарт! — угрожающе начала Аргуменда. — Я не хочу ссориться с тобой, поскольку ты все-таки спас мне жизнь. Но если ты вдруг собрался дать мне еще один шанс, позволь сообщить, что от джентльменов, к которым исключительно из вежливости можно причислить и тебя, я подобные предложения не принимаю. И поживаю я совсем неплохо, у меня уже шесть свиданий назначено на следующей неделе.

— Ты на самом деле рассердилась! — еще больше удивился он.

— Да, ты абсолютно, просто чертовски прав, — я сердита! От одного взгляда на тебя моя горячая логайская кровь начинает вскипать. Захочешь позвонить через год — найдешь Аргуменду Ксирофи в телефонной книге. Может, даже я и соглашусь с тобой встретиться, если к тому времени не выйду замуж за президента компании или какого-нибудь генерала. Пока!

— Год! Подожди минуточку, пожалуйста, — взмолился Хобарт. — Считаю меня подкаблучником и тряпкой, но я... люблю тебя. Не знаю, как давно, подозреваю, что с первого взгляда, просто не хотел афишировать. Я готов пасть на колени. Весь следующий год я только и буду следить за календарем, чтобы сразу примчаться и предложить тебе сердце и руку, как бы мало они ни стоили, одного эгоцентричного немолодого бакалавра. И, если потребуется, для твоего президента компании я специально принесу тяжелый гаечный ключ.

Она вздохнула.

— В таком случае, Ролли... наверное, год и в самом деле будет потрачен зря...

Затем они долго обнимались и шептали друг другу всякие обещания.

— Мия-я-яу-у-у! — дверь распахнулась, и в комнату вошел Феакс. Светский Лев мельком глянул на происходящее и принялся лакать чай из чашки на полу.

Через плечо Хобарта Аргуменда поймала взгляд микрольва и подмигнула ему. Феакс спрятал улыбку в гриву и замурлыкал.

— Принц, тебе больше не надо беспокоиться о моем размере. Мое достоинство, оказывается, совсем от него не зависит. Только что я загнал самого огромного пса в Нью-Йорке прямиком в реку Гудзон!

ГЕРОИЧЕСКИЙ БАРВАР

Эссе

Цель приключенческой литературы, как правило, состоит в том, чтобы отыскать образ героя — характер, существующий или воображаемый, с которым обычный несовершенный человек может себя отождествить. Воображая себя на месте героя-победителя, средний человек находит некоторое утешение, позволяющее ему забыть о собственных неудачах, страхах и недостатках.

До некоторой степени роль таких героев играют боги. Но боги слишком могущественны и далеки от нас, чтобы сделаться правдоподобным двойником обычного человека. Тот, кто даже для забавы воображает себя богом, оказывается слишком близко к паранойе. Поэтому большинство предпочитает представлять себя полубогами наподобие Геракла, божественными героями вроде Сигурда или Арагорна или даже обычными смертными, но наделенными незаурядным умом, силой либо удачей — подобно Синдбаду-мореходу, Робинзону Крузо или Конану-варвару.

Таким образом, поклонник героя надеется хотя бы на мгновение насладиться его мощью, властью или всеведением, иными словами — вообразить себя Сверхчеловеком. Среди реальных людей, которых многие при жизни считали героями, можно назвать столь разные личности как Джон Ф. Кеннеди, Че Гевара и Адольф Гитлер. По счастью, вымышленные герои значительно менее опасны и непредсказуемы.

Другой литературный подход — когда автор делает своего ключевого персонажа *антигероем* — вошел в моду в 1950-х и 1960-х годах. Это жалкий субъект, не обладающий ни умом, ни физической мощью, ни сильным характером, чьей участью остается лишь страдание, и на которого читатель может, по крайней мере,

смотреть сверху вниз. Однако многие люди находят скучным читать о таких ничемных персонажах.

В XIX веке немецкий философ Фридрих Вильгельм Ницше (1844—1900) сделал популярным слово «сверхчеловек», обозначив им героя, наделенного выдающимися качествами. Но само это понятие было намного старше Ницше, родилось оно еще в древние, первобытные времена.

Ницше был человеком странным и непоследовательным — и в высказываниях, и в жизни. Он писал: «Ты [т.е. сверхчеловек] идешь к женщинам? Не забудь с собой плетку!» Но при этом сам Ницше был застенчивым и робким человеком небольшого роста, и почти совершенно не имел близких отношений с женщинами. Как и Говард Ф. Лавкрафт позднее, он часто ругал евреев за то, что те дали миру христианство, ненавидимое им до глубины души; но он же в другом месте заявлял, что евреи — это, «вне всякого сомнения, самая сильная, самая нестигаемая и самая чистая раса из всех, ныне живущих в Европе». Ницше восхвалял «господствующих блондинов, а именно, победительную арийскую расу», но также и заявлял: «Сколько же существует кругом лжи и недоразумений, если оказывается возможным в современной европейской мешанине поднимать „расовые“ вопросы!»

Ницше надеялся на появление Сверхчеловека, который сломает колодки иудео-христианской «этики рабов», внушит массам надлежащую дисциплину и объединит Европу. Он не высказывался сколько-нибудь определенно о том, как же должна возникнуть эта правящая каста — если не считать предположения, что союзы немецких офицеров с еврейскими женщинами могли бы порождать «сверхлюдей».

В 1672 году Джон Драйден опубликовал драму в стихах «Завоевание Гранады». В начале ее один из героев провозглашает:

Свободен я — как самый первый человек;
Ведь низость рабства родилась еще тогда,
Когда в лесах на воле благородный
Дикарь блуждал.

Фраза «благородный дикарь», воплощающая мысль о дикаре как герое-сверхчеловеке, была подхвачена критиками Жан-Жака Руссо (1712—1778), когда этот слезливый швейцарский философ превознес примитивную жизнь. Представление о том, что первобытные люди были лучше современных, восходит к греческому мифу о Золотом веке и иудео-христианскому мифу о Рае, но приобрело огромную популярность благодаря сочинениям Руссо.

Насколько я знаю, сам Руссо не использовал выражение «благородный дикарь». К тому же он вообще не знал никаких дикарей — ни благородных, ни неблагородных.

В 1755 году Руссо выпустил «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми». Вторую главу он начал так: «Природа создала человека счастливым и добродетельным, но Общество развращает его и делает несчастным». «Человек», объявил он, «от природы добродетелен», но цивилизация, и особенно институт частной собственности, делает его порочным. Семью годами позже он развивал тот же самый аргумент, но в более консервативном духе, в «Общественном Контракте».

Руссо писал это до зарождения научной антропологии. Философы предавались спекулятивным размышлениям о «естественном состоянии», предшествовавшем цивилизации, исходя из аналогий с книгой Бытия и существовавшими в то время дикарями. Европейские мореплаватели тогда открывали острова юморей и посылали домой идиллические, сказочные, далекие от реальности описания жизни полинезийцев. Эти описания были восприняты как соответствующее действительности изображение «благородных дикарей». Авторы-беллетристы создали «сверхлюдей» из американских индейцев и других варваров.

В 1791 году один из этих авторов, Франсуа Рене де Шатобриан, прибыл юнцом в Америку, чтобы увидеть благородного дикаря в его естественной среде обитания. В Долине могавков на севере штата Нью-Йорк его очаровал девственный лес; но тут он услышал музыку, доносившуюся из хижины. В ней он обнаружил десятка два ирокезов, с серьезным видом танцевавших модный французский танец под аккомпанемент скрипки, на которой играл невысокий француз в напудренном парике. Этот мсье Виоле прибыл в Америку с армией Рошамбо¹, не уехал на родину после окончания службы и сделался учителем танцев среди индейцев. Он всячески восхвалял за танцевальные способности *Messieurs les Sauvages* и *Mesdames les Sauvages*².

Разочарование Шатобриана не помешало ему позднее написать роман из индейской жизни «Атала», который сделался классикой романтического воспевания примитивной жизни.

---

¹ Жан-Батист-Донатьен де Вимёр, граф де Рошамбо (1725–1807), генерал. В 1780–1781 командовал французскими частями, воевавшими на стороне колонистов в войне за независимость США

² Господ дикарей и госпожей дикарок (*фр.*).

Руссо не был таким уж полным глупцом, каким он может показаться по отрывочным цитатам из его сочинений. Иногда он даже говорил вполне осмысленные вещи. Подобно многим, он с возрастом стал более консервативным, поскольку опыт общения с окружающими разрушил его юный идеализм. Однако, противоречивость собственных взглядов беспокоила его не больше, чем Ницше. Так, он написал революционный трактат о том, как воспитывать детей, но своих четверых детей отправил в дома для подкидышей сразу после их рождения. Эмоции в нем явно преобладали над разумом.

Руссо объяснил, что его «естественное состояние... возможно, никогда не существовало, и вероятно никогда не осуществится»; оно было идеалом, к которому следовало стремиться. Он сказал, что не имел в виду гипотетическое состояние животной дикости, когда преобладает «война всех против всех» и, как заметил Гоббс, «жизнь человека [была] одинокой, бедной, грязной, жестокой и короткой».

То, что имел в виду Руссо, было «патриархальной» культурой, при которой люди организовались в семейства и кланы и, возможно, начали наслаждаться плодами земледелия — но до возникновения частной собственности. Однако, похоже, такого времени в действительности не существовало. Семейства и маленькие сотрудничавшие друг с другом группы, вероятно, берут начало у наших предков-австралопитеков. Даже наиболее примитивные из живущих ныне людей имеют представление о собственности, хотя бы в форме прав на охоту и рыболовство в определенных местах. Но не надо забывать о том, что мы, в отличие от Руссо, живем после Дарвина, Менделя, Фрейда, Льюиса Г. Моргана и их последователей.

Поиск несуществующего «естественного состояния», когда все люди были мирны, счастливы и добродетельны, продолжался в течение всей эры романтизма, отцом которой был Руссо, — эры длившейся приблизительно с 1790 по 1840. Это движение продолжалось и впоследствии; его влияние заметно в некоторых из утопических колоний, сформировавшихся в XIX веке в Соединенных Штатах.

Романтическая иллюзия примитивного Золотого века, как оказалось, процветала вплоть до нашего времени. Джек Лондон, который сильно повлиял на Роберта Говарда и нелепым образом сочетал в своих взглядах марксизм, расизм и романтизм, был полон ею. Иллюзия эта еще не умерла, о чем свидетельствует движение так называемой контркультуры 1960-х за построение

коммун. (Единственные такие живучие секты или колонии имеют сходство с хаттеритами, которые, происходя из бесстрастного немецкого крестьянства, сочетают глубокую религиозность, пуританскую суровость и страсть к тяжелой работе. Потенциальные основатели современных коммун могут взять это на заметку.)

В 1890-х годах это стремление «назад к природе» проявилось в книгах Редьярда Киплинга, чьи «Книги Джунглей» (1894–1895) явили один из самых чистых примеров такого романтизма до появления книг о Тарзане. Маугли, которого с младенчества воспитывали волки в Индии:

«...было около семнадцати лет. Он выглядел старше, потому что физические упражнения, хорошая еда и купание всякий раз, когда он чувствовал себя хоть чуть-чуть разгоряченным или грязным, придали ему силу и рост. Он мог полчаса провисеть, держась за ветку дерева, когда ему надо было найти дорогу в вершинах деревьев. Он мог остановить на бегу молодого оленя и, схватив за шею, бросить его наземь... Те из Народа Джунглей, кто имели обыкновение бояться его из-за ума, теперь стали бояться его только из-за силы, и когда он спокойно шел по своим делам, шепот о том, что идет Маугли, очищал ему дорогу».

Животные-персонажи Киплинга делают уничижительные замечания о «цивилизованных» людях: «Люди — всего лишь люди, Маленький Брат, и их разговоры все равно что разговоры лягушек в пруду». «Люди, должно быть, всегда расставляют ловушки друг другу, иначе они не удовлетворены». «Люди — кровные братья бандерлогов [обезьян]». «Кто такой Человек, что мы должны бояться его — голый коричневый червяк, безволосый и беззубый, пожиратель земли?» («Люди» для Киплинга означали индусов, которых он всегда недолюбливал. К своим английским собратьям он проявлял больше уважения.)

Через семнадцать лет после выхода первой «Книги Джунглей» Эдгар Райс Берроуз написал книгу «Тарзан из обезьяньего племени», которая слишком известна, чтобы ее цитировать. Берроуз говорил, что вдохновение он черпал не из книг Киплинга, которых он никогда не читал. Идею Тарзана ему дала легенда о Ромуле и Реме. Однако Берроуз также никогда не признавал, что свои представления о Барсуме позаимствовал из теософских Атлантиды и Лемурии мадам Блаватской, хотя сходство тут слишком явное для простого совпадения.

Роберт Говард основательно заразился романтической иллюзией у Берроуза, Лондона и Киплинга — не считая других авторов. Естественным результатом этой инфекции была идеализация им примитивной жизни. Подобно другим авторам героической *fantasy*, он нередко позволял себе огульные утверждения о варварах и основывал свои произведения на этих предположениях. Например, о Конане (в «Конане-Завоевателе») он сказал:

«Теперь мнение варваров о царе сделалось более определенным — как будто в крайних условиях внешние признаки цивилизации слетели с него, обнажив изначальную сущность. Конан возвращался к своему изначальному поведению. Он действовал не так, как цивилизованный человек в тех же условиях, да и мысли его имели другой ход. Он был непредсказуем».

Другие авторы также подчеркивают предполагаемую нетрадиционность варвара, его непредсказуемость и свободу от табу и запретов цивилизации. Однако, насколько мне известно, варвары в целом более обычны, предсказуемы и скованны, чем цивилизованные люди. Они могут не соблюдать табу и запреты нашей цивилизации, но у них есть множество собственных.

Причина здесь в том, что среди варваров сила традиции должна быть большей — чтобы иметь возможность уживаться друг с другом. У них нет нашей сложной структуры законов, полиции и судов, чтобы держать под контролем людей непокорных. То, чего не хватает варварам — это табу, касающихся какой-то одной стороны жизни; скажем, секса у полинезийцев или насилия у команчей — а их с избытком восполняют жесткие правила поведения во всем остальном. Этикет — как, например, у арабов-бедуинов — может быть очень замысловатым.

В долгой, пространной, а иногда и язвительной переписке с Г.Ф. Лавкрафтом Говард выражал желание родиться варваром или жителем приграничья. Однако я подозреваю, что если бы он когда-либо и в самом деле оказался в такой обстановке, то, поскольку был книголюбом, отсутствие какого-либо материала для чтения быстро бы привело его, разочарованного, назад к «цивилизации». Возможно, провинциальный Техас не являл собой вершину городской утонченности, но бесконечно далеко отстоял от по-настоящему примитивного окружения. Говард признавал, что в своем нынешнем воплощении не подходил для такой жизни, но считал, что стал бы неплохим варваром или жителем приграничья, будь рожден и воспитан в подходящей среде.

Лавкрафт обвинил тогда Говарда в романтизме, сентиментальности, наивности и «враждебности к роду человеческому». Говард возразил, что идеализация самим Лавкрафтом XVIII века настолько же романтична и наивна. Так оно и было — потому что Лавкрафт в своем энтузиазме по отношению к сельской жизни XVIII века тешил себя собственной версией романтической иллюзии. Он любил говорить, что по натуре он «самый настоящий сельский сквайр». Не он первый думал, что, не имея поместья, обладает инстинктами помещика. Если бы Лавкрафт когда-либо поработал на ферме мальчиком-поденщиком, в нем бы осталось меньше романтической ностальгии относительно жизни на ферме. Дюран в книге «Век Вольтера» сказал: «Торговцы словами имеют склонность идеализировать деревенскую жизнь, если они свободны от ее забот, скуки, насекомых и тяжелого труда».

Более того, и сам Лавкрафт в юности был таким же барбарофилом, когда писал (в письме к Ф.Б. Лонгу, 1929): «Единственная нормальная власть в мире — это власть волосатой мускулистой правой руки!» и «Я по натуре человек нордический — белокожий, крупный тевтонский убийца скандинавских или северогерманских лесов — викинг, убийца-берсерк, кровожадный пират Хенгиста и Хорсы¹ — покоритель кельтов и полукровок и основатель империй... пьющий кровь врага из только что добытого черепа...» Едва ли нужно здесь добавлять, что в действительности Лавкрафт настолько отличался от дюжего викинга-мародера, насколько только можно вообразить. Он был настолько брезглив, что не вынимал из мышеловки мертвую мышь, а выбрасывал ее вместе с ловушкой.

Поискам «сверхчеловека» в прошлом окончательно положили конец достижения антропологии и археологии. Оказалось, что современные дикари и варвары, стоит их изучить, оказываются во многом похожими на других людей, с обычным набором достоинств и недостатков и обычными индивидуальными различиями. Как выяснилось, сегодняшние цивилизованные люди — это потомки подобных примитивных народов, которые жили в таком состоянии сотни тысяч лет. Никакого Золотого века нет и никогда не было — ни в современной Полинезии, ни в доисторической Европе.

Ну, а каковы же тогда подлинные варвары? На самом ли деле из них бы получились хорошие персонажи героической *fantasy*?

---

¹ Хенгист и Хорса — братья, легендарные вожди первых англо-саксонских поселенцев в Британии (сер. V в. н.э.).

Мое знакомство с такими людьми ничтожно мало по сравнению с опытом любого работавшего в поле антрополога. Однако я в своих путешествиях имел кое-какие краткие контакты с ныне живущими варварами.

Некогда «варвар» означало «не говорящий по-гречески». Затем так стали называть любого человека со стороны — не принадлежащего к культуре, которую говорящий считает своей. Так как большинство людей расценивает собственную культуру как наивысшую, это слово стало означать (по определению словаря Вебстера): «человек в невежественном, неразвитом состоянии». Еще позже, в XIX веке, американский антрополог Льюис Генри Морган дал этому слову такое значение: «состояние между дикостью и цивилизацией».

Время жестоко обошлось с нехитрой моргановской схемой человеческого культурного развития, но в его классификации до сих пор имеется зерно истины. Самые примитивные народы живут сейчас так, как все люди жили за 10000 лет до н.э.— охотой, рыболовством и собиранием съедобных растений. Мы можем называть такое состояние «дикарской» или (если позволите употребить такой термин) «собирательской» стадией культуры.

Затем пришла неолитическая революция, а с ней — умение выращивать съедобные растения и разводить домашних животных («земледельческая» стадия). В промежутке примерно от 6000 лет до 4000 лет до н.э. деревни превратились в города, люди научились обрабатывать металлы и изобрели письменность и арифметику. Со всем этим они стали, по определению, цивилизованными — не обязательно более честными, воспитанными, и добрыми, чем люди нецивилизованные, но обладающими могуществом, которые эти блага дают. Мы можем называть это «строительской» стадией.

Земледельческая стадия, приходящаяся между собирательской и строительской, соответствует «варварской» в классификации Моргана. Людей в этой стадии можно, соответственно, называть «варварами». Это не означает, что как личности они были лучше или хуже людей в любой другой стадии культуры. Примерами варваров в этом формальном смысле являются галлы, германцы и бритты времен античности до покорения их римлянами; кочевники Центральной Азии, которые под именами гуннов, турок и монголов были бедой цивилизованного мира от 400 года н.э. до 1400 года н.э.; в позднейшие времена — большинство жителей островов Тихого океана, американские индейцы и африканские негры.

Когда варвары попадают под влияние цивилизации, такая классификация вскоре теряет смысл. С одной стороны, варвары претерпевают катастрофическую потерю своих умений. Племя может успешно ткать собственную ткань, лепить собственные горшки и выковывать собственные мотыги и наконечники копий. А затем цивилизованный торговец открывает свою лавку. Он может настолько занизить цены на товары промышленного производства — английские и японские ткани, алюминиевые сковороды и кастрюли, винтовки и дробовики — по сравнению с туземными изделиями, что присущие тем навыки скоро забудутся. Из независимого, самостоятельного, обладающего чувством собственного достоинства, хорошо организованного небольшого народа племени превращается в толпу неграмотных чернорабочих.

Однако позвольте мне рассказать о нескольких варварах, которых я знал — недолго и не слишком близко, но лучше, чем случайных знакомых. Я не назвал бы ни одного из них близким другом, но знал достаточно хорошо, чтобы иметь представление об их человеческих качествах. Ни один из них не был варваром в строгом смысле слова, так как все они подверглись влиянию цивилизации. Впрочем, чтобы в наши дни найти «неиспорченного» варвара, нужно оправиться в Новую Гвинею или какое-нибудь другое столь же отдаленное место.

Первым оказался Джо, ирокез, с которым я в молодости работал в изыскательской партии. Я входил в эту партию, а он был одним из лесорубов. Джо был средних лет, толстый и веселый, с грубым чувством юмора. Бригада постоянно смеялась над его грязными шутками. Он говорил: «Ну да, я не умею читать и писать, но зато умею делать много такого, чего не умеют делать те, кто могут!» Он хвастался количеством своих детей. Как только его работа здесь закончится, говорил Джо, он поспежит домой сделать еще одного: «У меня уже и штука для этого наготове».

Следующим был Джума из племени мганда, который в 1960 году возил меня на машине вокруг Кампалы, в Уганде. Он понравился мне сразу: благочестивый, добросовестный и неглупый. Будучи набожным мусульманином, он однажды попросил меня определить с помощью карманного компаса точное направление на Мекку, чтобы он мог обратиться в ее сторону для полуденной молитвы.

Среди достопримечательностей, которые Джума показал мне, была усыпальница — большая крытая соломой деревянная хижина, выкрашенная в красный цвет — Мутесы I, который правил в

кровавом великолепии сто лет назад, когда сюда проникли Спик и Грант¹. Мать Джума являлась наследственной хранительницей этой святыни. Несмотря на мусульманство, Джума с почтением молился духу Мутесы. Он также показал мне водоем, в котором Мутеса скармливал досаждавших ему людей царским крокодилам. Мутеса, несомненно, гордился бы тем, как нынешний властитель Уганды, президент Иди Амин, управляет страной².

Джума рассказал, что у него была жена, от которой он имел несколько детей. Жена умерла. Поскольку Джума был достаточно стар, чтобы испытывать неодолимые призывы плоти, он бы предпочел не жениться снова, но его мать считала иначе. Она вынуждала его жениться и устроила так, что его двоюродный брат и лучший друг также стали побуждать его к женитьбе. В Африке семья играет большую роль, и от пожеланий родственников отмахнуться нелегко.

В конце концов Джума сдался. Он сказал матери, что если та найдет хорошую девушку, он женится. Она нашла, и Джума женился. Теперь у него появилось еще больше детей, которых надо было кормить. Он спросил меня серьезно: «Мистер де Камп, как вы думаете, я правильно сделал?»

Для человека, лишь на поколение отстоявшего от племенного варварства, вопрос был нелегкий. Меня выручило хорошее знание классики. Я вспомнил, что ответил один древний римлянин, когда друзья спросили у него, почему тот развелся с привлекательной женой. Я сказал: «Видишь этот башмак, Джума? Внешне он хорош, не так ли? Но только я, который носит его, могу сказать тебе, удобен ли он и не жмет ли. Так вот — ты, живущий с этой женщиной — единственный человек, кто может знать, правильно ли поступил».

Он подумал и сказал: «Ну, она не доставляет мне неприятностей. Пожалуй, я поступил правильно».

Моим третьим варваром стал суданец Теджани, молодой хартумец, который привез меня на машине из Хартума по дороге вдоль Нила к месту, где в древности находился Мероэ с его пирамидами. Теджани было чуть больше двадцати, он был хорошо сложен и любил поболтать, хотя мои ограниченные познания в арабском сдерживали эту его склонность.

Увидев на обочине дороги нескольких дохлых верблюдов, которых живописно раздирали стервятники, я подумал, что к хламу

---

¹ Британские исследователи, открывшие в 1862 году истоки Нила.

² Написано в конце 1972 года.

в моем кабинете надо добавить хорошо выбеленный солнцем череп суданского верблюда. Я попробовал объяснить это Теджани, но, не зная, как по-арабски «череп», сказал, что хочу голову верблюда. О, сказал он, это легко. Мы остановимся в Шенди, где я могу купить верблюда, отрубить ему голову и взять с собой. Моя жена была рада, что я не последовал его предложению.

А потом отказал стартер, так что нам, чтобы снова запустить мотор, пришлось толкать джип по мягкому песку, и мы добрались до Мероз в два часа дня, в страшную жару. Теджани стал надоедливо требовать деньги. Это обычная форма вымогательства в странах, находящихся в пустыне. Смысл здесь в том, что турист настолько испугается застрять в пустынной местности, что раскошелится.

Поскольку я проходил через все это прежде, то просто сказал: «Ва 'даун [Позже]». Теджани умолк. На пути домой оказалось, что через пару часов после заката мы все еще находились далеко от Хартума. Теджани свернул в сторону, чтобы избежать столкновения с ослом, появившимся в свете наших фар, и потерял дорогу, оказавшись на поросшей травой равнине. Он нашел колею и, запутавшись, начал поворачивать не в ту сторону, назад к Мероз. Я сказал по-арабски: «Дорога налево».

Он повернул, куда следовало, и нашел ее. Но, когда он снизил ход на участке с глубоким слоем песка, я добавил: «Вi sur'a! [Быстрее]».

Тут Теджани потерял самообладание и разразился потоком арабских оскорблений, размахивая руками у меня перед носом. Хотя он говорил слишком быстро, из немногих слов, которые удалось уловить, я заключил, что, по его мнению, мне следует заниматься своим чертовым делом; что шофер — он, а я знаю о дороге не больше слепца. Так что после этого отношения между нами сделались прохладными.

Вот таковы они: веселый жизнелюбивый лесоруб; набожный, добросовестный, патриархальный моралист; и неглупый, но алчный, вспыльчивый и довольно неприятный юнец. У всех них имелись и хорошие и плохие стороны, как и у других людей, но ни один не имел ни малейшего сходства с Конаном.

Так что если вас интересуют подлинные авантюристы, люди неординарные, свободные, разносторонние и легко приспосабливающиеся, которые скитаются по земле и постоянно оказываются втянутыми в устрашающие переделки, потасовки и затруднитель-

ные положения, вам лучше поискать их среди людей цивилизованных. Тех, кто действительно вели такую же жизнь, как и Конан — таких, как Евдокс Кизикийский (которого я сделал героем исторического романа), ибн-Батута, Марко Поло, Мигель Сервантес, Эрнан Кортес, Самюэль де Шамплен, сэр Фрэнсис Дрейк, капитан Джон Смит, сэр Уильям Дампьер, Казанова и сэр Ричард Фрэнсис Бёртон. Все они люди цивилизованные, и несколько из них были также выдающимися литераторами. Даже наиболее схожий с Конаном исторический персонаж, король Норвегии Харальд Сигурдсон¹ (иначе Harald Hardraade — или «Харальд Беспощадный»), исполин ростом в семь футов, чьи реальные приключения выглядят более вымышленными, чем большая часть беллетристики, был более или менее цивилизованным. Неизвестно, умел он читать и писать или нет, но в его окружении имелись люди, которые умели это делать.

Иногда бывает так, что варвары (во всяком случае, некоторые из них) отбрасывают свои племенные запреты и ведут себя в большей степени по-конановски. Это случается, когда варварское общество живет рядом с цивилизованным, и когда эта цивилизация ослаблена войной или другими катаклизмами, а давление избыточного населения и плохой климат побуждают варваров искать удачи в других местах; а их воинское умение — обычно в результате контакта с соседней цивилизацией — достигает того же уровня, что и у солдат последней. Тогда варвары покоряют своих цивилизованных соседей и сами становятся новым правящим классом.

Так произошло при завоевании в V веке н.э. Западной Римской империи тевтонами из Германии и Швеции, аланами из

---

¹ Ибн-Батута — арабский путешественник XIV века; Самюэль де Шамплен (1567–1635) — французский исследователь, основатель Квебека, объединивший французские колонии в Новом Свете; капитан Джон Смит (1580–1631) — английский исследователь, основатель первого английского постоянного поселения в Северной Америке; сэр Уильям Дампир (1651–1715) — пират, который впоследствии исследовал участки побережья Австралии, Новой Гвинеи и Новой Британии по заданию британского Адмиралтейства; сэр Ричард Фрэнсис Бёртон (1821–1890) — английский ученый-ориенталист и путешественник, открывший озеро Танганьика, а также выполнивший полный перевод «Тысячи и одной ночи»; Харальд III Сигурдсон (1015–1066) — норвежский король (1045–1066), в 1030–1034 состоял на службе Ярослава Мудрого и женился на его дочери Елизавете, затем прославился на службе византийского императора Михаила IV, погиб при попытке завоевать Британию.

России и гуннами из Монголии. Западная Европа перенесла настолько резкий упадок культуры, что времена средневековья называют «темными». Примерно в XIV веке до н.э. древние эллины покорили миносскую цивилизацию, которой уже нанесло урон извержение вулкана Теры; а арийцы завоевали Иран и северную Индию. Гунны захватили значительную часть раздробленных государств Китая (в IV веке н.э) и Индии (в V веке н.э). Турки овладели почти всем багдадским халифатом в X веке н.э. А монголы разорили Россию, Иран и Китай в XIII веке н.э. Положение Центральной Азии сделало ее постоянным источником таких нашествий.

К тому времени, когда африканские негры, американские индейцы и островитяне южных морей столкнулись с цивилизацией, европейцы настолько далеко ушли от них в численности, организации и вооружении, что эти варвары, хотя столь же храбрые и воинственные, как и другие народы, совершенно не могли им противостоять. Еще в 1870-е годы варвары, имея большой численный перевес над вооруженными силами цивилизованных стран, все еще могли иногда побеждать — как сиу и шайены в сражении при Литтл-Биг-Хорн, а зулусы у холма Изанзлвана. К концу столетия даже это стало практически невозможным. Уже при Омдурмане пулеметы Максима и магазинные винтовки просто скашивали атаковавших суданцев до тех пор, пока атаковать стало некому¹.

Из «горестных поражений» цивилизаций мы лучше всего знаем о падении Западной Римской империи, поскольку оно подробно описано в литературе — и в хрониках, и в легендах. Одни эпические поэмы прославляют вождей варваров, таких как вестгот Теодорих (прототип легендарного «Дитриха Бернского»); другие — вождей народов романизованных, вроде Артура. Иногда, как с Сигурдом (или Сивритом, или Зигфридом) и Кухулином², трудно сказать, имелся ли у героя реальный прототип или он совершенно мифический.

Знаменитое сражение при Литтл-Биг-Хорне (где индейцами Сидящего Быка был полностью уничтожен отряд генерала Кастера) произошло в 1877 году, бой англичан с зулусами у холма Изанзлвана (Южная Африка) — в 1879 году, битва при Омдурмане (во время англо-мадхистских войн) — в 1898 году.

¹ Королем вестготов был Теодорих I (сер. V века н.э.), а прототипом Дитриха Бернского — Теодорих Великий, остготский король Италии (правил в 493–526 н.э.); Кухулин — легендарный король, герой гэльского эпоса.

Реальные варварские герои отличались от персонажей эпосов. Вымышленные герои романтизированы почти до неузнаваемости. Они ведут себя невероятно благородно, отправляются в долгие одинокие странствия и общаются со сверхъестественными существами, чего в реальной жизни не делал ни один из их прототипов. Однако, подобно реальным варварским вождям, вымышленных героев постигает ранний и трагический конец. Беллерофон сброшен в полете Пегасом, Зигфриду наносят удар в спину, а Артура убивает его незаконнорожденный сын. Большинство их прототипов погибло подобным образом, обычно от рук сотоварищей-авантюристов.

Одоакр мог бы, подобно Конану, возвыситься до положения имперского генерала. Он мог бы даже, подобно Конану, убить своего наемателя (регента Ореста¹, отца мальчика-императора Ромула Августула) и захватить трон. Но остгот Теодорих вскоре осадил Одоакра, убедил сдаться, пообещав неприкосновенность, и хладнокровно убил его. Наиболее удачливый варварский завоеватель, король франков Хлодвиг, вообще не попал в эпические сказания. Возможно, именно этот успех сделал его малопригодным для роли эпического героя; или же барды нашли Хлодвига слишком жестоким для героя².

Использование варварских завоеваний литературой смутно проглядывается и в других цивилизациях. В Ригведе и других индийских эпических сказаниях можно обнаружить следы арийских завоеваний. Илиада, возможно, отражает смуты, следовавшие за уничтожением миносской цивилизации. Поэт VIII века до н.э. Гесиод в поэме «Труды и дни» сказал, что боги сначала создавали людей из золота, затем из серебра, а затем из меди; последние и были типичными варварскими завоевателями:

Третье родителъ Кронид поколенье людей говорящих,
Медное создал, ни в чем с поколеньем несхожее прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался; великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомошных.
Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали: никто о железе не ведал.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.³

Ср. с персонажем Орестом в «Конане-Завоевателе».

² Одоакр (433–493) — первый варварский король Италии, убит остготом Теодорихом.

³ Перевод В.В. Вересаева.

Из истории мы узнаем, что победителю не обязательно надо быть варваром, чтобы совершать зверства по отношению к побежденным. Цивилизованные люди могут вести себя так же гнусно.

Когда Роберт Говард высказывал желание быть уроженцем приграничья, он имел в виду анархическую атмосферу, возникающую после переселения народов. Он ошибочно полагал, что она характерна для варварства. А она возникает лишь изредка, от случая к случаю, и через длинные промежутки времени. Подобное происходит при завоеваниях или в переходные периоды, когда общества варваров разрушают другие общества — или разрушаются теми, — и нормальные правила отношений между людьми перестают действовать.

Завоевание варварами цивилизованной страны, сопровождающееся распадом ее цивилизации, предлагает прекрасную возможность для создания эпоса. Трагедия дает великолепный материал для героических песнопений, а эпические герои обеспечивают позднейших сочинителей моделями таких персонажей как Эней, Ланселот и Конан.

Откуда нестареющая привлекательность подобных характеров? Отличительная черта варвара, покоряющего народ с совершенно другой культурой — утрата им традиционных запретов. Он покинул утомительный, скучный и нудный круговорот нормальной варварской жизни. Он вырвался из привычной среды с ее табу и этикетом, но не принял обычаи побежденных, которых презирает — потому что он их победил. Следовательно, он считает, что ему все сойдет с рук. Он подчиняется любым своим прихотям и вожделениям и действует подобно самоуверенному юнцу, освободившемуся от родительского контроля, но личность которого еще не обрела форму, необходимую для цивилизованной жизни взрослых.

Результат — катастрофическое падение культуры и жизненного уровня цивилизованных подданных победившего авантюриста, так как он больше заинтересован в том, чтобы отбирать чужую собственность, ввязываться в раздоры и потакать своим вожделениям, чем в поддержании дорог, гаваней и акведуков. Он счастлив возможностью расточать богатства, которые другие накапливали в течение столетий и совершенно не думает о будущем. Наступивший в результате жалкий хаос, возможно, будет приятен человеку со складом ума, типичным для гангстера, но мало кому еще.

Отсюда сходство многих героев древних эпосов и современной беллетристики в жанре «схватки и колдовства» с малолетни-

ми преступниками-переростками. В реальном мире столь раскрепощенное поведение делает человека неважным субъектом для страхования жизни. Всегда рядом найдутся другие конкистадоры, готовые сыграть роль Теодориха по отношению к авантюристу Одоакру. Так что ожидаемая продолжительность жизни у них невелика — как и у сегодняшних юных гангстеров. Британский историк Чедвик в книге «Героические времена» формулирует это так:

«Качества, демонстрируемые обществами героического периода развития — как достоинства, так и недостатки, — явно являются подростковыми...»

Характерная особенность... освобождение — социальное, политическое, и религиозное — от уз племенного закона... В поисках полной аналогии нам следует обратиться к примеру юноши, который перерос и образ мыслей, и контроль своих родителей...»

Анри Бергсон в книге «Два источника морали и религии» также писал:

«Человек был предназначен для жизни в очень маленьких сообществах. Все признают, что примитивные общества были таковыми, но следует добавить, что примитивная человеческая душа продолжает существовать — скрытая под одеждами, без которых невозможно создание цивилизации...»

Будучи самым приспособляющимся биологическим видом, человек находит свое место в цивилизованной жизни, очень отличной от той, которую вел в течение пары миллионов лет. Но эта адаптация требует усилий и влечет за собой нервное напряжение. Всегда есть скрытая тенденция возврата к более примитивной модели поведения — подобно тому, как кусок резины, стоит изменить его первоначальную форму, медленно возвращается к ней, как только давление снято.

Так что неудивительно, что множество людей наслаждается — хотя бы лишь в воображении — свободной жизнью завоевателя, особенно варвара-завоевателя наподобие Сигурда. Вероятно, поэтому Конан и его вымышленные собратья еще долго будут популярны.

О ФЭНТЕЗИ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ, А ТАКЖЕ О СПРЭГЕ ДЕ КАМПЕ

Полемические заметки

Л. Спрэг де Камп является едва ли не самым эрудированным и интеллигентным среди американских фантастов...

В. Фсдоров

Нескончаемый поиск человека — это поиск героя, персонажа реального или вымышленного, с которым обыкновенный человек может отождествить себя. Воображая себя одерживающим победы героем, средний обыватель получает некоторое утешение, помогающее ему мириться с собственными провалами, страхами и недостатками.

Л. Спрэг де Камп

1

Хочется начать разговор о Спрэге де Кампе издалека. Слишком уж это необычный автор...

Итак, начнем.

Многие любители фантастики, особенно в то время, когда в нашей стране только начали зарождаться первые КЛФ, с пеной у рта спорили о разграничении таких жанров, как фэнтези (кстати, это словечко перекочевало к нам из-за океана и означает что-то вроде «фантазии, сказки для взрослых») и научная фантастика, но так и не пришли к единому мнению. Боюсь, что какой-нибудь фэн (так во всем мире называют любителей фантастики), прочитав эти строки, скажет: «Да чего тут спорить! И так все ясно! Если

красивая девушка идет по мегаполису на далекой планете, на поясе у нее висит бластер, а на поводке она ведет ручного тиранозавра — это научная фантастика. Если же девушка идет по средневековому городу, на поясе у нее волшебный меч, а на поводке она ведет ручного дракона — это фэнтези». Но...

Склонен не согласиться. Дело не в том, существует ли в придуманном автором мире колдовство или нет. Все дело в том, как автор его преподносит. В произведениях жанра фэнтези многие вещи происходят исключительно потому, что автору хочется так, а не иначе. Вот захотелось ему, и все! И объяснение существует — колдовство, да и только. Попал герой в безвыходную ситуацию, не сам, конечно, попал, а при помощи крайне нерадивого автора, и тут же появился волшебник. Крибле-крабле-бумс! Читателю «бумс» стопудовой гирей по голове, а герой спасся. В научной фантастике все должно подчиняться неким физическим законам, и автор согласен их придерживаться. Но порой встречается та же самая ситуация: у героя внутренних резервов не осталось, и тут появляется какой-то научно-фантастический аналог волшебника: инопланетяне, всеми забытый, но очень добрый робот, разумная компьютерная программа (нужное подчеркнуть). Бумс! И герой спасен, точно так же, как в произведениях фэнтези. Многие из мэтров советской (язык не поворачивается назвать ее русской) научной фантастики станут утверждать, что рассмотренные мной примеры относятся исключительно к дешевой литературе, которую и литературой-то назвать нельзя. И опять-таки хоть я с ними в чем-то и согласен, хочется поставить «но» и многоточие...

Чтобы разобраться в этом хитросплетении жанров, введем некое понятие, аналога которого я в русском языке пока не нашел. В китайском языке есть такое слово — «ци», означает оно внутреннюю энергию чего-либо. Так вот, каждая книга — конечно, я говорю о хороших книгах, а не о многочисленной макулатуре, ныне наводнившей прилавки книготорговцев, — каждая Книга обладает собственной «ци». Во время чтения у вас создается особое настроение; следя за сюжетом книги, вы попадаете в некий мир, где все подчиняется специфическим законам, и «ци» книги, то «ци», что вложил в нее автор, воздействует на вас определенным образом.

Но вернемся к фэнтези и научной фантастике. Если «ци» фантастического романа, хотя он и называется научно-фантастическим, создает у читателя ощущение нереальности, сказочности, то зачем же считать его «научным»? Заменяем говорящую голову на сверхразумный компьютер, а ракетоплан на колдовские ворота

между мирами. Какая разница? Если читая произведение, вы попадаете в сказку, то книга обладает «ци» сказки, то есть — фэнтези, пусть даже герои говорят на хакерском жаргоне, а все действие книги происходит в киберпространстве (вот еще один термин, который можно перевести примерно как «тридевятое царство, тридешатое государство»).

Теперь попробуем совершить подобное преобразование на конкретном примере. Берем знаменитых «Звездных королей» Эдмонда Гамильтона. Взмах волшебной палочкой — далекое будущее изменилось на иной, естественно колдовской, мир. Вместо ракетопланов летающие корабли в лучших традициях русских народных сказок. Чудненько! Сверхоружие Империи превратилось в Гром-камень, испускающий луч Хаоса. Звездные пейзажи сменили панорамы морских просторов. Вот вам и роман-фэнтези! А теперь попробуйте ту же трансформацию провести с «Космической одиссеей» Артура Кларка. Не получится! Или, если вы все же станете упорствовать и введете для магии множество ограничений, необходимых для того, чтобы сохранить сюжет, ваша книга все равно останется научной фантастикой. Слишком много «условий игры» придется учесть, слишком детально придется прорисовать мир. Вы создадите Вселенную с иными физическими законами, и колдовство станет одним из них. А все потому, что роман изначально обладал «ци» научной фантастики.

Приведу еще один пример. Все фэны читали знаменитые «Хроники Эмбера» Роджера Желязны. К какому жанру отнести эти десять книг? Нет, увы, не к фэнтези, как подумали многие из вас. Желязны создает слишком рациональный мир, где все подчиняется заранее оговоренным правилам. Тут нет места «чуду» как таковому. Сугубо рациональное «ци» книги превращает вроде бы фэнтезийную серию в произведение научной фантастики.

Вот так-то!

2

Продолжая разговор, вернемся к творчеству Спрэга де Кампа. Сначала биографическая справка.

Лион Спрэг де Камп — американский писатель, родился в 1907 году и женился в 1939 году на Катерине Аделаиде Крук, тоже 1907 года рождения. Де Камп закончил Калифорнийский Технологический институт и Технический институт Стивенса, получил диплом авиаинженера и устроился работать в патентное

бюро. В 1933 году, встретившись с тогда уже известным писателем П. Шуйлер-Миллером, де Камп вместе с ним написал повесть «Гениус Хомо», которая увидела свет только в 1950 году. Первым опубликованным произведением де Кампа был рассказ «Изолированные», вышедший в одном из популярных журналов научной фантастики в 1937 году.

А утвердиться и стать популярным писателем-фантастом «золотого века» фантастики де Кампу помогла серия рассказов — всего их было четыре: «Команда» (1938), «Неисправимый» (1939), «Освобожденный» (1940), «Человек возвеличенный» (1940) — о разумном медведе, Джонни Блэке. Первоначально де Камп опубликовал ее под псевдонимом Лиман Р. Лион. В 1939 году¹ увидел свет его роман «Да не опустится тьма!» (другой вариант — «Да сгинет мгла!») — история путешественника во времени, который попал в Рим шестого века нашей эры и благополучно там устроился. Роман стал очень популярным, и сам знаменитый Джон Кэмпбелл отметил де Кампа как лучшего молодого автора.

Так чем же столь сильно привлекла читателей первая книга де Кампа? Ведь о путешественниках во времени, с легкостью обосновавшихся в прошлом, писали многие, а такой мастерский роман, как «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, считался недостижимым пиком. Все дело исключительно в «ци» произведения де Кампа. Том самом «ци», с которого я начал разговор. Именно атмосфера достоверности, предельной реалистичности описываемых автором событий сделала эту книгу столь популярной. Тут нет сногшибательных подвигов, как в романе Марка Твена. Герой не становится хозяином жизни, с легкостью применяя технологию грядущих эпох. Чтобы занять свое место в суровом мире прошлого, ему приходится пройти долгий путь. Однако в финале, разобравшись в жизни древнего мира, герой довольно неплохо устраивает свою жизнь. В романе нет откровенного юмора, лишь тонкие ироничные замечания. А дело в том, что у де Кампа, в отличие от большинства авторов того времени, герои не плоско-стереотипные: каждый из них обладает строгой индивидуальностью.

Кроме того, де Камп с легкостью жонглирует различными мифологиями, ловко вплетая их в картину реалистичного мира. Но уж таково восприятие людей шестого века: для них реальность прочно сплеталась с вымыслом.

---

¹ Здесь и далее указаны даты журнальных первопубликаций.

«Услуг медика шестого века Пэдуэй боялся гораздо больше, чем гриппа, но не видел способа вежливо отказаться. Невитта и Фритарик быстро уложили Мартина в постель.

— Типичный случай эльфа протрела,— изрек Фритарик.

— Чего? — прохрипел Пэдуэй.

— Тебя протрелили эльфы. Это я точно знаю, в Африке на собственной шкуре испытал. Меня вылечил знахарь из вандалов — он извлек невидимые стрелы...»

Роман «Да не опустится тьма!» почти сразу был причислен к классике научной фантастики. В 1947 году по результатам опроса читателей он был включен в список десяти наиболее популярных и часто упоминаемых произведений.

В том же 1939 году вышла первая повесть С. де Кампа, написанная в соавторстве с Флетчером Праттом, — «Рев труб» (позднее в русском переводе она была названа «Ревущая труба»). В этой повести, рассказывающей о путешествии молодого врача Гарольда Ши в мир скандинавской мифологии, впервые проявился недюжинный талант де Кампа в использовании «ци» научной фантастики в произведениях фэнтези. Проводя классификацию, я бы назвал все повести о Гарольде Ши не фэнтези, а научной фантастикой по мифологическим мотивам. Де Кампу и Пратту удалось столь тщательно воспроизвести атмосферу мифа, что само понятие «чуда» теряется. Повесть о Гарольде Ши больше напоминает пьесы камерного театра, где каждый мифологический персонаж играет четко отведенную по легенде роль. Да, здесь действуют сказочные законы, но автор столь четко придерживается поставленных ими рамок, что развитие сюжета оказывается жестко предопределено. Никаких «чудес»! Никаких кривле-крабле-бумс! Если говорить откровенно, то де Камп сам поставил себе такие условия, что повесть должна была бы оказаться скучным повествованием, которое оценили, быть может, лишь знатоки скандинавской мифологии. Однако автор с легкостью вышел из сошедшего положения, наделив своего героя изрядной долей юмора и циничности. Особенно ярко это проявляется в общении главного героя с различными напыщенными от важности мифологическими персонажами:

«Садись,— Хеймдалль ткнул пальцем в скамью.— Э-э... как бишь тебя зовут? Харальд?»

— Да. А тебя зовут Хеймдалль, как мне сказали?»

— Истинно так. А еще известен я как Страж, и как Сын Десяти Матерей, и как Дитя Гнева, и как Златорогий. Предпочитаю именно эти титулы.

— Слушай, Хеймдалль, а что это все...

— Когда ко мне обращаются отпрыски человечьи, они сии титулы употребляют. Или, по крайней мере, говорят „сэр“, — строго объявил Хеймдалль, слегка надувшись от важности.

— Простите, сэр.

Хеймдалль опустил свой длинный нос и соизволил улыбнуться, сверкнув золотыми зубами.

— Ладно, не против я некоторой фамильярности. Есть у меня еще одно имя — Друг Людей. Правда, владыка Асгарда не одобряет этого...

— Это вы про Одина говорите?

— Про него и никого другого.

— Это тот старикан... Пардон, то есть пожилой джентльмен с одним глазом?

— Ты просто кладезь мудрости!

— Вчера я столкнулся с ним на болоте, и он привел меня сюда.

— Сие не сокрыто от меня. Я видел тебя.

— Вот как? Где же вы были?

— Далеко на востоке. Слышал я, что ты ему лепетал... Ты знаешь хоть, как повезло тебе? Вот упал бы замертво...

Ши едва не ляпнул: „Ну да, заливай больше!“»

Именно из-за этих «сэров», «заливай больше», «стариканов» текст де Кампа оживает. Герой его, становясь свидетелем узловых событий тех или иных мифов, видит в происходящем некий ироничный оттенок, ничуть не влияющий на научно-фантастическое «ци», но придающий тексту игривую легкость.

Если первая повесть этого цикла все же немного тяжеловесна, то во второй повести, «Математика волшебства» (1942), где Гарольда Ши ожидает мир фей, и в третьей, «Железный замок» (1950), описывающей мир сарацинов из «Неистового Роланда», де Камп развернулся не на шутку. Бесшабашный, острый на язык Гарольд Ши то и дело попадает то в смешные, то в опасные ситуации. Однако с присущим ему нахальством истинного янки герой де Кампа с легкостью избегает всех опасностей.

На английском же языке вся тетралогия была переиздана в 1980 году под общим названием «Дипломированный чародей».

Под этим же названием первые три книги в 1992 году были опубликованы на русском языке. А совсем недавно, в 1991 году, де Камп дописал серию, прибавив к ней пятую книгу — «Гарольд Ши и Король гномов».

На рубеже сороковых годов С. де Камп пишет три романа — «Но не Люцифер» (1939 год, совместно с Горацием Голдом); «Камень Соломона» (1942 год; издание отдельной книгой в 1956 году) и «Земля безрассудства» (1941 год, совместно с Ф. Праттом). В 1939 году выходит его знаменитая повесть «Разделяй и властвуй».

К сожалению, эти книги остались незамеченными. Скорее всего, виной тому стала начавшаяся Вторая мировая война. Да разве до фантастики тогда было! Кстати сказать, в 1942 году де Камп был призван на военную службу и провел всю войну, работая на Филадельфийской военно-морской верфи — там же, где служили Айзек Азимов и Роберт Хайнлайн.

Позже, после войны, уже в 1948 году вышел сборник де Кампа, где повесть «Разделяй и властвуй» стала заглавным произведением. А в 1949 году увидел свет еще один его сборник — «Если колеса Ифа...»¹. В эту книгу американский автор собрал все свои рассказы, посвященные альтернативным мирам. Что было бы, если бы Колумб не открыл Америку, Наполеон выиграл битву при Ватерлоо, и так далее...

В том же 1948 году выходит еще один роман де Кампа «Куб Корнелиуса», написанный еще до войны. А в 1950 году увидел свет первый из рассказов о баре Гаванга, которые де Камп писал совместно с Ф. Праттом. Сюжеты рассказов этой серии просты. Где-то в волшебной стране есть таверна. Туда приходят различные сказочные герои и за чашечкой пива, а то и чего покрепче рассказывают друг другу о своих похождениях, порой немного преувеличивая свои подвиги... Позже все рассказы были собраны в одной книге — «Истории из бара Гаванга» (1953). Надо отметить, что, по словам Роберта Асприна, именно эти рассказы толкнули его на идею создания «Историй таверны „Распутный Единорог“», вошедших в серию «Воровской мир».

В 1949 году были опубликованы первые рассказы де Кампа об одной странной организации «Виаженс межпланетный». Каж-

---

Здесь Спрэг де Камп использует игру слов: с одной стороны, Иф — один из придуманных им городов, с другой стороны — английский предлог «If» переводится как «если».

дая новелла этой серии повествует о космических путешествиях и приключениях в далеком будущем, когда, после очередной мировой войны, Бразилия делается ведущей космической державой. Ареной действия становятся три планеты, вращающиеся вокруг Тау Кита и названные в честь богов индусской мифологии — Вишну, Ганеша и Кришна. В некоторых рассказах события переносятся на другие три планеты, чьи названия взяты из египетской мифологии — Осирис, Изиды и Тот. В дальнейшем автором было написано несколько романов, примыкающих к этой серии. Потом рассказы были объединены в сборник «Создатели материка и другие истории...» (1953), а остальные вышли в сборнике «Новая антология научной фантастики Спрэга де Кампа» (1953). Но особое внимание де Камп уделил планете Кришна, создав на ее просторах удивительный варварский мир.

Несмотря на явное родство с фэнтези, все эти произведения обладают всё тем же могучим рациональным «ци» научной фантастики, по своему духу перекликаясь со знаменитой «Планетой приключений» Джека Вэнса, написанной почти через двадцать лет. Именно на планете Кришна развиваются события первых трех наиболее известных романов этой серии: «Планета, названная Кришной» («Космические охотники») (1949)¹, «Поиски Зеи» (1950) и «Рука Зеи» (1950).

По совету жены де Камп объединил последние две книжки, и уже в конце 1950 года они вышли вместе под общим названием «Рука Зеи». На русский язык эта книга тоже была переведена — но увы, перевод А. Лисочкина, переводчика, блестяще справившегося с «Дипломированным чародеем», в этот раз не выдерживает никакой критики. Позволю себе отказаться от цитирования, потому что в этот раз легкая ирония автора превращается в некий псевдосказочный язык, совершенно неуместный в данном произведении. Да и такое количество стилистических ошибок редко встретишь даже в «самиздатовском» переводе. Что уж говорить о каком-то «ци» автора и духе произведения. К тому же постоянная неоправданная инверсия в речи героев делает роман просто нечитаемым.

Но вновь вернемся к творчеству де Кампа. До сих пор, правда с большими перерывами, выходят в свет произведения, посвя-

---

¹ Приводится одно из наиболее распространенных названий. Дело в том, что все романы этой серии издавались в США и Великобритании под различными заглавиями.

щенные планете Кришна: «Башня Занида» (1958), «Заложник Зира» (1977), и уже написанные в соавторстве с женой «Кости Зора» (1983), «Мечи Зинджабана» (1991).

Отдельно бы хотелось бы поговорить о единственной серии де Кампа, которую я без сомнений назвал бы фэнтезийной. Я имею в виду произведения про многострадального варвара Конана.

В тридцатые годы Роберт Ирвин Говард придумал некую Хайборийскую эпоху, где смешались современные и старинные названия. Он даже написал историю этой эпохи. А также двадцать одно произведение о приключениях варвара Конана в этом древнем вымышленном мире. Несмотря на нелепость мира Роберта Говарда и очевидную тупость его героя, который решает все при помощи огромного меча и стальных мускулов, одним махом разрубая всевозможные гордые узлы, в тридцатые годы произведения о Конане пользовались популярностью, хотя ни одно из них при жизни Говарда не было опубликовано отдельной книгой. Все повести и рассказы Роберта Говарда выходили в различных дешевых журналах — главным образом, в журнале «Сверхъестественные истории». А в начале пятидесятых наследник Говарда, некий Глен Лорд, начал активную кампанию по перепродаже историй о приключении киммерийца.

По сути дела, основным достоинством произведений Говарда было могучее «ци» его творений. Только за счет внутренней энергии этих произведений их вообще можно читать. Текст Говарда буквально гипнотизирует читателя. Пожалуй, это «ци» и привлекло Спрэга де Кампа к созданию повестей и рассказов о похождениях простодушного и недалекого киммерийца. Поэтому Глен Лорд, «сгрузив» все написанные и ненаписанные произведения о Конане де Кампу и начинающему тогда писателю Лину Картеру, попросил их создать цельную сагу о похождениях могучего воина в неведомом Хайборийском мире. Первая книжка (кстати, первого популярного сериала фантастики, написанного разными авторами) этой серии вышла в 1950 году в издательстве «Гном Пресс». Первый вариант саги, вышедший в издательстве «Лансер», насчитывал всего шесть книг: «Появление Конана» (1953)¹, «Конан-варвар» (1955), «Меч Конана» (1952), «Король Конан» (1953), «Конан-завоеватель» (на русском языке эта повесть известна как «Час дракона») (1950), «Возвращение Конана» (1957). В послед-

---

¹ Здесь и далее произведения перечислены не в порядке выхода книг в свет, а в порядке внутренней хронологии цикла.

ней книге соавтором де Кампа стал Б. Ниберг. Серилал имел коммерческий успех. В те времена подобных многотомных саг практически не существовало, к тому же могучее «ци» заставляло забыть о нелепости выдуманного Говардом мира и откровенной глупости многих рассказов, чей сюжет можно пересказать тремя словами: пришел — увидел — нарубил.

Творчество Роберта Ирвина Говарда нашло глубокий отклик в душе С. де Кампа. Уже много позже лансеровской серии он написал совершенно отдельный роман о Конане — «Конан и бог-паук» (1972). Кроме того, де Камп составил несколько антологий, посвященных как Хайборийской эпохе, так и варварам как таковым: «Читатели Конана» (1968), «Книги о мечах и волшебниках» (1976), «Светловолосые варвары и благородные дикари» (1975), «Книга меча Конана» (1969) и «Гримоир Конана» (1972).

Вот как объясняет свою приверженность к подобной литературе сам де Камп:

«До некоторой степени роль таких героев играют боги. Но боги слишком могущественны и далеки от нас, чтобы сделаться правдоподобным двойником обычного человека. Тот, кто даже для забавы воображает себя богом, оказывается слишком близко к паранойе. Поэтому большинство предпочитает представлять себя полубогами наподобие Геракла, божественными героями вроде Сигурда или Арагорна или даже обычными смертными, но наделяемыми незаурядным умом, силой либо удачей — подобно Синдбаду-мореходу, Робинзону Крузо или Конану-варвару.

Таким образом, поклонник героя надеется хотя бы на мгновение насладиться его мощью, властью или всеведением, иными словами — вообразить себя Сверхчеловеком. Среди реальных людей, которых многие при жизни считали героями, можно назвать столь разные личности как Джон Ф. Кеннеди, Че Гевара и Адольф Гитлер...»

Кроме того, де Камп составил более десятка сборников рассказов для различных издательств. В его сборниках выходили рассказы и повести Лина Картера, Роджера Желязны, Майкла Муркока, Эндрю Нортонa, Джона Джейкса, Генри Каттера и других мастеров этого жанра: «Мечи и колдовство» (1963), «Чары семи» (1965), «Фантастические войны» (1967), «Колдуны и воины» (1970).

Изучая героическую фэнтези как самостоятельный литературный жанр, де Камп написал и отредактировал несколько книг о

фантастике и антологий научной фантастики совместно со своей женой: «Карманное руководство научной фантастики» (1953), «3000 лет научной фантастики» (1972), «Истории из-за другой стороны времени» (1973).

Вместе с женой он написал книгу, посвященную колдовству: «Духи, звезды и чары» (1953) и биографию знаменитого американского писателя-фантаста Г.Ф. Лавкрафта «Лавкрафт: Биография» (1974), которая по сей день признается лучшей критической работой по литературному наследию «великого безумца». А в 1983 году совместно с женой и Виттинпоном Гриффином он написал книгу «Долина безумца: Жизнь Роберта Говарда».

Отдельно хотелось бы поговорить о произведениях, которые возвели Спрэга де Кампа на вершину литературного Олимпа как писателя фэнтези. Во-первых, это роман «Кольцо Тритона» (1953). Именно он лег в основу «Пусадиянского» цикла автора. Надеюсь, вы сами с удовольствием познакомились с ним.

Также в «Пусадиянский» цикл де Кампа вошли повести и рассказы: «Самое сильное заклятье» (1953), «Сова и обезьяна» (1953), «Глаз Тандила» (1953), «Голодный герциниан» (1953), «Ка пугающий» (1958), «Ковер и бык» (1974).

Совершенно отдельно от других произведений стоит цикл повестей де Кампа о волшебной стране Новарии: «Башня гоблина» (1968), «Часы Ираза» (1968), «Небылица злодея» («Корона Ксилара») (1973) и рассказ «Веер императора» (1972). Первые две повести этого цикла были опубликованы на русском языке в книге «Башня гоблина». Все эти повести, хотя события их и происходят в сказочных странах, пронизаны «ци» рационализма и научной фантастики. Они больше всего напоминают сатирические повести Роберта Шекли. С мастерством де Камп рисует множество королевств, каждое из которых — своеобразная сатирическая иллюстрация. И вот по этим странам мыкается несчастный герой-варвар, который непременно хочет захватить трон какой-нибудь из стран, но не ценой собственной головы.

«— А голову что, в ту сторону бросать и будут? — поинтересовался принц Вилимир.

— Угу, кто первый поймает, тот и будет нашим новым королем...

Верховный судья швырнет голову прямо в толпу. По правилам, король должен отрастить волосы, чтобы судье было за что ухватиться. Один король перед церемонией обрил голову, и

палачу пришлось ему сквозь уши продернуть бечевку. Совершенный скандал».

К сатирической фантастике С. де Кампа относится сборник фантастики «Слава...» (1968), куда вошли неоднократно выходившая на русском языке повесть «Ружье для Аристотеля» («Аристотель и ружье») и рассказ «Ружье для динозавра», а также любимая россиянами повесть «Демон, который ошибался» (1969).

Вот как герой этой повести говорит об обитателях нашего мира:

«Средний обитатель Первого измерения (то есть человек) покажется тебе мягким, слабым существом. Невооруженный, он не представляет собой особой опасности. Тем не менее народ этого измерения знаком с несколькими видами смертоносного оружия и использовал его в варварских войнах. Тебе совершенно не нужно испытывать на себе действие подобного оружия. Хотя мы, демоны, сильнее, выносливее и живем дольше, чем люди Первого измерения, еще неизвестно наверняка, есть ли у нас души, которые переселяются после смерти в другие измерения, как души Первого уровня».

Именно за эти книги С. де Камп был удостоен премии «Гэндальфа» («Грандмастер») в 1976 году, а также премии Небьюла как грандмастер фэнтези в 1978 году.

Последние годы Спрэг де Камп продолжал знаменитую серию «Новария», но писал он уже в соавторстве со своей женой: «Безголовый король» (1983) и «Гордый варвар» (1989).

Особой Интернациональной Международной премией «Фэнтези» де Камп был награжден за книгу критических произведений, созданных совместно с Вилли Ли. Вышла эта книга в 1952 году и называлась «Земли по ту сторону». Критики также отмечают его научно-популярную книгу об Атлантиде — «Последний континент» (1954), а также многочисленные сборники стихов: «Демоны и динозавры» (1970), «Призраки и фантазии» (1972).

Вот, пожалуй, и все...

*А. Лидин
Санкт-Петербург, 1996 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛЬЦО ТРИТОНОВ <i>(Перевод Г. Корчагина)</i>	5
СТРЕЛЫ ГЕРКУЛЕСА <i>(Перевод Е. Выгодской)</i>	191
ОТВЕРГНУТАЯ ПРИНЦЕССА <i>(Перевод З. Павловой)</i>	487
Героический варвар. Эссе <i>(Перевод В. Федорова)</i>	626
О фэнтези, научной фантастике, а также о Спрэге де Кампе. <i>Пolemические заметки. А. Лидин</i>	642

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Спрэг де Камп Л.
Кольцо тритонов
Стрелы Геркулеса
Отвергнутая принцесса
Сборник

Ответственные за выпуск И. Петрушкин, А. Тишинин
Ведущий редактор В. Гончаров
Редакторы В. Иванов, Ю. Кузнецова, В. Леонидов
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Компьютерная верстка: А. Яблонская
Корректоры Ю. Жукова, Л. Быстрова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

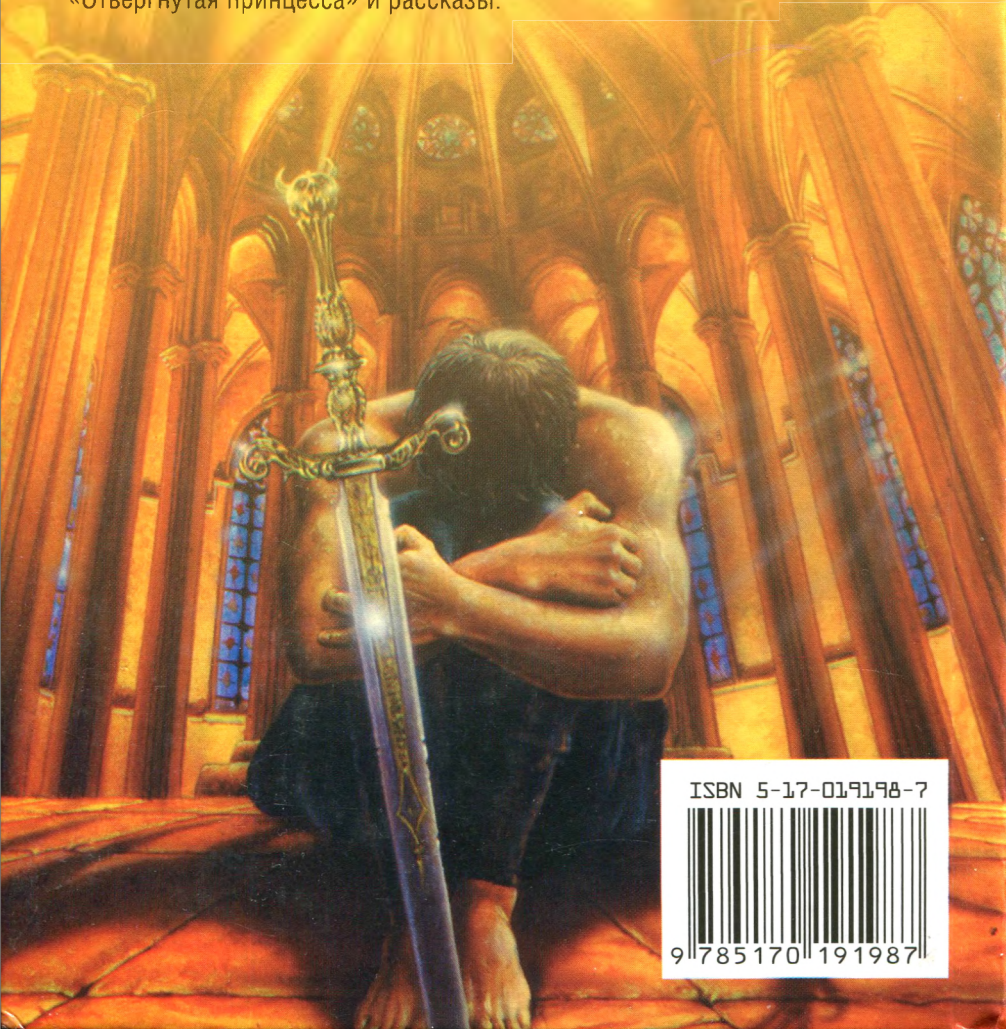
Роджер Желязны, Роберт Силверберг, Клиффорд Саймак... мастера классической англоязычной фантастики вообще отличались умением «играть» жанрами и создавать из них поистине «гремучие» смеси.

Однако многогранность таланта Л. Спрэга де Кампа, «выпущенного» в большую литературу Д. Кэмпбеллом и ставшего популярным уже в конце 1940-х, потрясает даже в контексте подобных сопоставлений. Традиционная научная фантастика и альтернативная история, путешествия во времени и продолжения «конан-варварского» цикла, фэнтези, иронические фэнтези и произведения, в которых традиции научной фантастики и фэнтези переплетены причудливо и тесно, — литературному дару Спрэга де Кампа, в 1978 году удостоенного звания Великого мастера, подвластно было ВСЕ...

В эту книгу вошли: «Кольцо тритонов», «Стрелы Геркулеса», «Отвергнутая принцесса» и рассказы.

Л. СПРЭГ
DE
КАМПА

ISBN 5-17-019198-7

9 785170 191987

Кольцо тритонов
Стрелы Геркулеса
Отвергнутая принцесса